

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

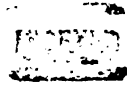
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929361 7

Cellar
14A7

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, ПОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀσχερὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἑμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
ᾧ ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγνημένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπεμένῃ τῶν
τε ἀδικούντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

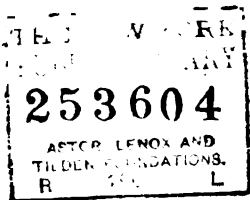
Socrat. apud Xenophon.

ТОМЪ СОРОКЪ-СЕДЬМЫЙ.

47
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА КРАЦА.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы во отвѣщеніи предостережено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
членомъ цензуры. Санктпетербургъ, 1840 года, іюня 30 дня.

Ценсоръ А. Фрейгаузъ.

Ценсоръ А. Очкинъ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОЕДИНОКЪ.

Изъ второй пѣсни Осіанова «Фингала».

Уныло выль ввтерь въ бору ;
Струились ручьи вокругъ кургановъ ;
То съ шумомъ въ долину лиль дождь ;
То звезды мерцали сквозь тучи.
Печальный, на брегъ ручья,
Сидѣль повелитель Эрива ;

И Кольгара сынъ былъ при немъ,
И Король, пѣвецъ сладкогласный.

— Увы! Кухуллину нѣтъ счастья,

~~Онъ-то и былъ тотъ, кто и дѣлалъ Король...~~

О, Арина сынъ благородный,

Какъ крѣпко тебя я любилъ!

— Зачтѣ же, о Шемова отрасль,

Убить ~~суду~~ ~~дѣлать~~ ~~дѣлать~~ ~~дѣлать~~!

Фердъ храбрый мнѣ памятенъ тоже:

Какъ радуга былъ онъ красивъ,

И строенъ и статенъ какъ тополь.

(Такъ витязь Кональ возразилъ.)

— Пришелъ ко мнѣ Фердъ съ Альбіона.

Онъ сотней долинъ обладалъ,

И копьѣ метать былъ искусей.

Мы тѣсно сдружилися съ нимъ.

Джедьяла женою Карбара,

Владыки Уллина, была;

Ей цвѣтъ красоты былъ удѣломъ,

Но въ сердца надменность жила.

Она благороднаго Ферда,

Блескъ юношей нашихъ, взлюбила.

И мужу сказала она:

— «Отдай ты мнѣ стадъ половину:

Ты слабъ; я оставлю тебя.

Отдай мнѣ въ горахъ половину!»

А онъ ей: — «Пускай Кухуллинъ

Тебѣ половину отдавать:

Душа его — честности домъ.

Прости, мой безцѣнный лучъ солнца!

Я больше не свидусь съ тобой.»

Пошелъ я имъ стадо дѣлать.

Быкъ, бѣлый что оныгъ, былъ въ долина;

Карбару я отдалъ быка.

Красавица гнѣвомъ всащяла.

— «Сынъ Амшаръ, смѣжй она,
 Дай видѣть мнѣ смерть Кухуллины!
 Онъ сердце мое сокрушилъ.
 Мечомъ разнесъ ему черепъ,
 А нѣтъ, такъ я въ горы уйду,
 Иль брошуся въ долины Лубара,
 И всюду во-слѣдъ за тобой
 Разгнѣванный духъ мой помчится!»
 А юноша ей отвѣчалъ:

— «О шала, снѣжныя ручки!
 Ну, мнѣ ль Кухулина убить?
 Онъ мысли моею наслажденъ.
 Мнѣ ль мечъ обнажить, мой цвѣтокъ?»

Три дня передъ нимъ она плачетъ;
 Въ четвертый онъ мечъ обнажилъ.
 — «Ну, быть такъ! Я съ другомъ сражаюсь.
 Пусть я буду первый убитъ:
 Какъ мнѣ, одинокому, видѣть
 Могильный курганъ Кухулина?»

На мурской полянѣ былъ бой.
 Нашъ долго мечи не язвили:
 По шлемамъ звенѣли они,
 Скользили съ щитовъ вороненыхъ.
 Приходитъ Джедьяла, и быстро
 Рѣчь къ Ферду смѣясь обращаетъ:
 — «Въ рукъ твоей слабо конье,
 Слабъ мечъ твой, слаба твоя юность!
 Не впору лѣтамъ твоимъ сталь!
 Отдай сыну Шема побѣду:
 Онъ твердъ какъ Мальмора утесъ!»

У храброго брызнули слезы,
 И тихо онъ мнѣ говоритъ:
 — «Мой другъ, Кухулинъ, защищайся!
 Свой щитъ подними, берегись!»

Отъ горести духъ мой мятется,
 Что долженъ я лить твою кровь!»
 Вдохнулъ я какъ вѣтеръ въ ущелья;
 Высоко мечъ острый сверкнулъ.....
 И палъ лучезарный сынъ брани.
 Онъ тамъ схороненъ подъ горей.
 И нѣтъ ужъ ни въ чемъ мнѣ удачи,
 Съ-тѣхъ-поръ какъ мой мечъ поразилъ
 Прекраснаго юношу-друга!

В. ДЕРЖКВЪ.

ЭЛЕГИЯ.

Пусть жажда имени другаго здѣсь волнуеть
 И славы призракомъ мечты его чаруетъ
 И разливаеть адъ медлительный въ крови:
 Нѣтъ, нѣтъ! я жить хочу для чувства, для любви,
 Для мирныхъ радостей и чистыхъ наслажденій.
 Для блага дальнаго любимыхъ мной твореній,
 Которыхъ тѣсно нить, мнѣ драгоценныхъ дней
 Судьбою связана здѣсь съ жизнію моею.
 Для нихъ я жить хочу. Нѣтъ, призракъ громкой славы
 Мнѣ въ душу не вливалъ томительной отравы;
 Желаньемъ не смущалъ покоя дней моихъ:
 Чтобъ не блестящій мой, но полный чувства стихъ
 Могъ пережить меня; чтобъ звукъ его унылой
 Меня напоминалъ за темною могилою
 И свѣту бы гремѣлъ здѣсь именемъ моимъ.
 Нѣтъ, нѣтъ, онъ не затѣмъ такъ страстно мной любимъ,

Нѣтъ, не затымъ порой томимая здѣсь мукой
Душа моя въ немъ ждетъ страднаго ей звука :
Онъ нуженъ для нея, какъ міру свѣтъ дневной ;
Онъ вѣстникъ чувствъ ея, онъ часть ея самой .
И радость ли живить, томить ли грудь страданье :
Ей звуки надобны, ей нужно изліянье .
Но вѣрить я хочу, что есть для нихъ отзывъ,
Что жгучихъ слезъ порой въ нихъ пламенный приливъ
Съ слезой безвѣстной мнѣ, но искренной сольется,
И чья нибудь душа имъ въ мірѣ отзовется .

И. ГРЕКОВЪ.

СТАНСЫ.

Какъ я любилъ ! какъ много въ пѣсняхъ звучныхъ
Я пѣлъ тебя ! какъ много здѣсь ночей
Съ бессонницей, съ тоскою неразлучныхъ
Тебѣ принесъ за жгучій взглядъ очей !

Ты помнишь ночь, душистый кустъ сирени,
За облакомъ туманный блескъ луны,
И лицъ густыхъ растянутыя тѣни,
И тихой плескъ полуночный волны ?

Ты помнишь часъ, послѣдній часъ разлуки !
И слезъ ручьи, въ безмолвіи, въ тиши,
И соловья восторженные звуки,
И бунтъ моей взволнованной души ?

Ты помнишь, какъ, рыдая и тоскуя,
 И чувствуя пожаръ въ моей крови,
 Какъ милости умоляя я поцѣлуй
 Въ залогъ души, въ прощальный даръ любви?

Ты плакала.... изъ устъ летѣли клятвы,
 Языкъ твердилъ : «О, милая! не тоскуй!»
 А я мечталъ : вотъ часъ сердечной жатвы!
 А я молилъ : «Одинъ лишь поцѣлуй!»

Блеснулъ разсвѣтъ.... и вотъ ужъ я далеко.
 Промчались дни, недѣли и года,
 И я не могъ тоски моей глубокой,
 Стереть въ душъ глубокаго следа.

Но вотъ, насталъ онъ, часъ сердечной жатвы
 Другой.... О! нѣтъ, не вѣрь мнѣ! я молю!....
 Я брежу : я давно забылъ всѣ клятвы
 И для тебя давно душою сплю.

Н. ГРЕКОВЪ.

ПРОЗА.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬЕРОЛЬ.

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

V.

ПРИЗЫМЫ.

Vinta sarà natura, e da tuoi inganni
Rosa eloquente dirà, te laudando,
Che tu solo il pitor sei de' pittori.

FRANCIA.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМАЯ.

Отъездъ.

Часть нижняго жилья вандомскихъ палатъ, гдѣ проживали нѣкогда многочисленные слуги герцога, пажи и комнатныя дамы герцогини, ревностью и усердіемъ къ искусству ординарнаго живописца его королевскаго величества, Филиппа Депорта, была обращена въ довольно обширную залу. Въ разныхъ мѣстахъ этой залы Альредъ Дені и еще трое молодыхъ людей занимались живописью. Порядокъ въ школѣ Депорта былъ

удивительный : ученики работали каждый у своего окна ; всѣ мольберты , стулья , палитры и прочія принадлежности были одинаковыя ; въ каждомъ углу стояла гипсовая статуя ; у стѣнъ на полкахъ разложены ноги , руки и головы людей и животныхъ ; внизу восковыя раскрашенныя фигурки въ двѣ трети противъ природы и въ различныхъ костюмахъ . Вся зала была вымыта и выложена ; у оконъ , подъ рабочими мѣстами , разослано было сукно , которое всякій разъ поспѣшно убирали , какъ-скоро ожидали важнаго посѣтителя . Депортъ ходилъ взадъ и впередъ , читая длинныя наставленія : ученики ихъ не слушали . Альфредъ Дені работалъ для извѣстной намъ цѣли , а прочіе трое были изъ жидовъ , и счастье Депорта считали гениемъ перваго разряда . Одинъ изъ нихъ подавалъ недурныя надежды , и въ этотъ разъ писалъ съ эскиза видъ монастыря визитокъ , а Дені писалъ картину , сочиненія самого Депорта , сочиненія (nota bene) не карандашемъ на бумагѣ , а на словахъ : « Ангелъ , въ видѣ монахини , благословляетъ Людовика Святаго во время болѣзни . » Изъ-подъ монашеской рясы торчали крылышки . Депортъ сердился на Дені , зачѣмъ крылышекъ почти не видно .

— Поправьте , слѣжайте одолженіе , право не знаю , сказалъ Дені .

— Хорошъ будетъ школа , когда я самъ буду за всѣхъ работать ! отвѣчалъ Депортъ .

Карета съ шумомъ подкатилась къ крыльцу .

— Мазарини ! Мазарини ! закричалъ Депортъ . Сукно долой !

Онъ спокойно сѣлъ за круглый столъ , гдѣ лежало множество рисунковъ . Ученики со смѣхомъ исполнили приказаніе , и , бросивъ сукно въ другую комнату , чинно усѣлись на свои мѣста .

Мазарини вошелъ и остановился съ видомъ изумленія . Депортъ , съ карандашомъ въ рукахъ , погруженъ былъ въ глубокія размышленія и не замѣчалъ гостя .

Молодежь не выдержала; но, желая заглушить смѣхъ, Депортъ рѣшился прервать молчаніе : какъ-будто случайно увидалъ Мазарини, и подымаясь съ важностью съ кресель, сказалъ :

— Благодарю за честь, monsieur! Наконецъ и вы посетили мою школу!

— Истинно на диво! отвѣчалъ Мазарини, притворно удивляясь. Это образецъ порядка, чистоты, точности... (и безъ талантности! прибавилъ онъ въ мысляхъ).

— Да, да, сказалъ Депортъ смиренно. Богъ милостивъ! по-крайней-мѣрѣ труды, усердіе и деньги не пропадаютъ даромъ.

— Жаль, что я не могу войти во всѣ подробности вашего превосходнаго заведенія. Я спѣшу сообщить вамъ весьма пріятныя приказанія.

— Какія, монсеньоре?

— Тайна, тайна! Но предупреждаю, пріятная и достойная такого выбора.... Пойдемъ на верхъ.

— Нѣтъ, монсеньоре, мой кабинетъ теперь внизу. Пожалуйте. — Господа! прошу не лѣниться. Къ пріѣзду его величества картины должны быть готовы!

Черезъ парадныя сѣни Депортъ повелъ Мазарини въ небольшой кабинетъ, убранный, по времени съ изяществомъ и вкусомъ, но вмѣстѣ похожій болѣе на книжную лавку въ галереяхъ Палаты Юстиціи. Огромный прилавокъ стоялъ по-серединѣ; кругомъ кресла, полки съ книгами и богатыя занавѣски, наслѣдство Вандомовъ. За этимъ прилавкомъ Депортъ ежедневно принималъ заказы, продавалъ краски и другія художническія принадлежности, получаемыя будто-бы изъ Италіи; снабжалъ совѣтами придворныхъ слугъ, обѣщалъ протекцію, и такъ далѣе. Рядомъ съ этой лабораторіей, гдѣ выдѣлывалось тончайшее плутовство, была другая небольшая комната, въ одно окно съ желѣзною рѣщоткою изнутри. Это была токарная мастерская. Подражая великимъ людямъ, любившимъ это пріятное искус-

ство; Депортъ ежедневно записался въ свое токарнѹю; гдѣ у него были и хозяйство и архивъ. Произведеній удивительной работы было немного : шахматы, по заведенному обычаю, палочки для кисточекъ, дамскія палляры, и тому подобное; но оттуда больше всего выходило ящичковъ съ красками, которыя онъ сбывалъ за римскія, флорентинскія, венеціанскія, болоньскія, севильскія, съ безчисленными вторыми названіями. Въ эти времена врачъ была вмѣстѣ и аптекарями, художники продавцами матеріаловъ для своего дѣла, и подобная торговля нимаго не считалась предосудительною. Но, по особенному соображенію, нельзя было Депорта находить въ кабинетъ-лавочкѣ во всякое время : для того назначены были извѣстные часы самаго ранняго утра, когда еще высшія касты Парижа пребывали за богатыми занавѣсками своихъ дубовыхъ кроватей съ золоченой рѣзьбою. Депортъ ввелъ Мазарини въ кабинетъ, и, заперая двери, спросилъ съ любезнѣствомъ : — Какія приказанія, monsignore?

— Поѣзжайте въ Фонтенблѣ, для принятія Пуссена.

— Какъ! неужели?

— Люди Шантлу уже пріѣхали. Пуссенъ будетъ завтра въ Фонтенблѣ. Вотъ инструкция для его пріему. Она написана на имя Горда, но я выпросилъ у кардинала дать это порученіе вамъ. Первые дни составляютъ весъ; потомъ трудно измѣнить публичное мнѣніе.

— Глубокій расчетъ! Я черезъ часъ поѣду въ Фонтенблѣ.—Что, монсеньоре? спросилъ Депортъ, съ коварной улыбкой : каково идутъ ваши дѣла съ Джудитой?

— Неужели вы не знаете? отвѣчалъ Мазарини, съ пріятной досадой. Она согласилась допустить меня къ свиданію, по вашему убѣжденію, въ гостиной, одного, и безъ свидѣтелей. Обѣты возвратить всю прежнюю пѣвность она приняла съ холоднымъ равнодушіемъ и отвѣчала фразами : «Нельзя возвратить не возвратнаго..... Невѣрность стихія мужчинъ....», и тому подоб-

вас. «Послушайте, скажите: она послѣ иттиовеннаго молчанія : я согласна, но не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ : вы должны объявить меня титулованной любовницею вездѣ, отъ покоевъ королевы до рюальскаго кабинета!» Это безуміе!

«Это разсчитать!» подумалъ Депортъ.

Мазарини продолжалъ : Дальнѣйшихъ условій я и слушать не хотѣлъ, но она продолжала настойчиво : «Вы должны исходатайствовать прощеніе капитану Вальеролю.»

«Это безуміе!» подумалъ Депортъ.

Мазарини продолжалъ : Это разсчитать, подумалъ и : и разсчитать весьма умный! Она сдѣлаетъ Эвелину надеступною. Храбрый капитанъ не такъ стоворчивъ. Однимъ словомъ, всѣ условія были только рядъ невозможностей. Я предлагалъ деньги и требовалъ дѣтей. «Какія дѣти?» спросила она, съ видомъ изумленія. Утѣштесь! ихъ давно убралъ Господь; а эти — плодъ другой любви.»

— Не можетъ быть! не правда! конечно, мужъ знаетъ лучше! сказалъ Депортъ. Такъ вы ничѣмъ не кончили?

— Ничѣмъ! Я хотѣлъ испугать ее жестью и тѣмъ принудить къ молчанію : она отвѣчала, что случай открылъ и ей дѣйствительныя средства къ той же цѣли. Однимъ словомъ, вся надежда на васъ. Мнѣ нужно молчаніе, тайна, на нѣсколько недѣль. Съ другой стороны, я хотѣлъ вамъ сказать, что, съ такимъ поведеніемъ Джудиты, вамъ опасно держать Эвелину въ своемъ домѣ, и я полагаю, пора ее выдать замужъ.

— Рано, монсиньоре! Ужасъ какъ молода! И по разсудку можно замѣтить, что она еще не развилась вполне.

— Пустое, пустое! Замужемъ разовьется, и я для нея прискалъ жениха.

— Ктѣ же это?

— Добрый малой, скромный, покорный. Я сделаю его своимъ секретаремъ, поведу и дальше.

— Я не знаю какъ благодарить васъ, менснъюре, за доброе расположеніе къ нашему дому. Конечно, челевкъ ужъ не молодой?....

— Онъ, нельзя сказать, молодъ, но еще свѣжъ, крепокъ, дѣятеленъ.

— Ей надо именно такого мужа, и я при первомъ случаѣ испрошу позволеніе у кардинала....

— Боже васъ сохрани, Депортъ!

— А что?....

— Нѣтъ! Вѣдь это только предположеніе. Надо еще поговорить съ женихомъ. Пока, отложимъ... Прощайте, любезный Депортъ. Побѣжайте поскорѣе въ Фонтенблô; а я вду, въ новомъ званіи государственнаго совѣтника и секретаря, показаться въ парламентъ, и потомъ на ратушъ: прескучныя формы!.... Прощайте.

«Надо придумать другое средство, говорилъ про себя Мазарини, уходя. Черезъ людей?.... Надо ихъ задобрить. Денегъ тутъ нечего жалѣть: стóитъ!»

И конелекъ, туго набитый золотомъ, остался въ рукахъ Гаръ-Піона, который помогалъ Мазарини усьсться въ карету.

Измученный Гаръ-Піонъ стоялъ у крыльца въ раздумь; потомъ, какъ-будто опомнясь, закричалъ:—Гойко, Гойко! Богъ послалъ!

Но Гейки не было.

— Пойду я самъ къ головѣ: авось умилостивлю! сказалъ Домней, и отправился на островъ.

Голова и старшины, — такъ мы будемъ называть *shopieur le prévost et les échevins*, — были въ полномъ замѣшательствѣ, когда Гаръ-Піонъ вошелъ въ главную залу ратуши. Множество сановитыхъ горожанъ, купцовъ и мелкихъ торговцевъ изъ лавокъ, разставленныхъ въ нижней галереѣ Палаты Юстиціи, тѣснились въ залѣ съ своими тяжбами. Какъ Гаръ-Піонъ былъ выше всего на-

римскаго народонаселенія цѣлою головою, то ему очень удобно было видѣть, въ какомъ смущеніи находилось собраніе старшинъ. Гарь-Піонъ неустрашимо протѣснулся къ перегородкѣ, перевѣсилъ и сказалъ на ухо самому головѣ : — Денежное дѣло , господинъ голова !

Голова повернулся и пришелъ еще въ большее смущеніе , увидѣвъ одинъ усъ и огромный ростъ Гарь-Піона.

— Чтѣ тебѣ угодно, почтеннѣйшій ?

— На два слова, господинъ голова !... жалеть не будете.

— Но мы ждемъ важной особы, съ предложеніемъ отъ его эминенціи, кардинала-герцога.

— Будьте спокойны : воротитесь успѣете.

→ Странная настойчивость !... вѣрно, дѣло важное, сказалъ голова, шепнулъ нѣсколько словъ ближайшему старшинѣ и вышелъ съ Гарь-Піономъ въ смежную комнату.

— Я Помпей, по прозвищу Гарь-Піонъ, фамиліи не помню, драгунъ его величества, нынче въ услугахъ у господина кавалера Депорта, ординарнаго королевскаго живописца, пользующагося особенною милостью короля, королевы, дофина и всѣхъ министровъ. Это — мой титулъ ; а просьба — отпустить Сару, или.... какъ ее иначе зовутъ, по книгамъ ?... на которую имѣется подозрѣніе, якобы она жидовка. Эта женщина нужна господину Депорту для модели, и мужъ ея согласился на то съ условіемъ, чтобы господинъ Депортъ доплатилъ сколько будетъ слѣдовать.

Голова покраснѣлъ и не безъ затрудненія отвѣчалъ : — Это была шутка, любезный Гаспаръ : женщина замѣшана въ вандомское дѣло.

— Не извольте продолжать шутки, господинъ голова. Я самъ замѣшанъ въ вандомскомъ дѣлѣ, то есть, служилъ у друга герцога Вандомскаго, знаю всѣхъ друзей герцогскихъ, которыхъ вы, изъ угожденія кому-то,

изволили выслатъ изъ Франціи.... и зачѣмъ?... курамъ насмѣхъ : зачѣмъ они друзья герцога ! зачѣмъ по четвергамъ у него обѣдали, да разъ въ годъ ѣздили въ его помѣстья охотиться!.... Такъ ужъ не извольте говорить. Теперь и королю извѣстно, что заговору ни какого не было ; а эта женщина — несчастная жертва дурнаго порядку въ городѣ. Молодежь, что хочетъ, то и дѣлаютъ : только на дуэль не выходи, а такъ рѣжь, бей, крадь, ратуша ничего не скажетъ. Каждую ночь, слышно, или женщину, или дѣвушку, украли, и ужъ на какомъ предмѣстьѣ будетъ исторія, тамъ, вѣрно, ни одного городского стрѣлка не встрѣтишь. Мало того, что украли эту женщину : вамъ бы слѣдовало освободить несчастную, а виновныхъ послать въ бастильскій или венсенскій замокъ ; а вы ихъ безъ наказанія, по другому дѣлу, за границу выслали, а женщину въ тюрьму, да изъ бѣдности послѣдній сокъ давите. Такъ извольте мнѣ отдать ее ; а вотъ и деньги.

— Какія деньги, любезный Помпей ? Говорятъ тебѣ, шутка. А брали съ мужа за лучшее содержаніе жены, и самого кормили. Истинный подвигъ милосердія ! Но скажи, помилуй, какъ это все дошло до москѣ Депорта ?....

— Да еще не дошло со всею подробностью. Мнѣ просто приказано было модель отыскать, во что бы то ни стало, потому что картину надо написать къ королевскому пріѣзду. Такъ я только о цѣнѣ объявилъ ; а исторію приказано ввечеру разсказать, на свободѣ и досугъ....

— Ты конечно меня оправдаешь передъ москѣ Депортомъ ?

— Только помогите мнѣ быть исправнымъ и доставить ему модель черезъ часъ, пока свѣтло, такъ ужъ я и за мужемъ и за женою смотрѣть буду ; научу что говорить ; и вы скажете про Гаръ-Піона : « Умница ! » А я вамъ на досугъ послужу.

— Сейчасъ, любезный другъ; вотъ я напишу записочку.

— Такъ ужъ и расписочку въ полученіи денегъ.

— Нѣтъ, любезный! Ты человекъ бѣдный : пригодятся.

— А обѣдни, господинъ голова?

— Да я ужъ на свой счетъ отслужу.... Но у меня есть и къ тебѣ просьба.

— Приказывайте, господинъ голова.

— Нѣтъ ли у твоего господина портрета аббата Мазарини?

— Не знаю. Можетъ, и есть. Они друзья.

— Мы въ большомъ затрудненіи. Онъ будетъ у насъ сегодня, а въ залъ нѣтъ его портрета, когда всѣхъ другихъ совѣтниковъ по два, одинъ въ залъ, другой въ галерею.

— Да скоро ли онъ будетъ?

— Черезъ часъ, не позже.

— Портретъ будетъ, только займы, господинъ голова; а черезъ двѣ недѣли получите уже свой. У меня есть молодой живописецъ : чортъ его побери, какъ пишетъ! У него есть на дому портретъ моего капитана : какъ прійду, да, знаете, съ-разу отворю двери, не могу удержаться, такъ и гаркну : Добрый день, капитанъ!

— Хорошо, мой другъ. Пусть напишетъ. А что будетъ стоить?

— Квитъ, господинъ голова : услуга за услугу. Прощайте!

—

— Что баринъ? спросилъ Гаръ-Шюнь, подходя къ крыльцу своего дому.

— Уѣхалъ въ Фонтенблò, отвѣчалъ Гойко, лежа на своемъ лѣвѣ. Спрашивалъ тебя. Я сказалъ : вѣрно, въ

кабачкѣ. «Бѣдный Гарь-Піонъ! вскричалъ онъ: у него, я думаю, и денегъ нѣтъ на что выпить!» Да, отвѣчалъ я: когда развѣ знакомые поподчиваютъ. — «Подчивай его почаще, сказалъ баринъ и далъ денегъ. Лучше, когда онъ почаще и подальше отъ дому бываетъ.»

— Ахъ, онъ старая морковь съ хрѣномъ! Посѣдѣлъ въ плутовствѣ, а краска стыда съ рожи не сходитъ: такъ пристыдился! Сегодня же найму квартиру и увезу Эвелину.

— Не дурачься, Гарь-Піонъ! не дурачься! Видишь, какіе сильные люди за нею волочатся. Тутъ только хитростью возьмешь. Ты ужъ теперь ничего не бойся. Видишь?... и къ жемъ не хожу, день и ночь лежу, да примѣчаю.

— Да я, знаешь, скажу Альфреду: такъ онъ его гдѣ-нибудь, въ переулкѣ....

— Боже тебя сохрани! Только Альфреда погубишь, госпожу убьешь, а самого скрутятъ.

— Да что же мнѣ дѣлать?

— Сидѣть на мраморномъ лѣвѣ; а придетъ время, всѣхъ нерессоримъ: подерутся; вотъ тогда, во время войны, наше дѣло — дамъ припрятать.

— На, поди же, найми гдѣ-нибудь подальше квартиру.

— Сколько у тебя денегъ, Гарь-Піонъ?

— Ступай, ступай! Ничего не дамъ, если не исполнишь, о чемъ прошу! Найми квартиру, прійди сказать гдѣ, и ступай, сторожи ее; а я ввечеру приведу туда.....

— Эвелину?

— Нѣтъ.

— Кого же?

— Увидишь.

Эвелина и Джудита сидѣли за завтракомъ. Альфредъ стоялъ за стуломъ Эвелины.

— Не повѣрите, какъ у меня бьется сердце! сказалъ Альфредъ. Сегодня прѣзжаетъ въ Фонтенблô знаменитый Пуссенъ.

— А вамъ отъ него какая прибыль? спросила Джудита.

— Откроются работы въ Луврѣ. Пуссенъ—великій человекъ, не только великій живописецъ! Онъ дастъ и мнѣ работу, и, можетъ-быть, войдетъ въ мое положеніе.

— Неужели вамъ не хорошо у насъ? спросила Джудита.

— Рай съ адомъ по-поламъ! Знать, что я любимъ, и видѣть мою властительницу въ такой опасности!

— Какой ревнивый вздоръ! сказала Джудита. Опасность женщины только въ ея собственной волѣ. Посмотрите на меня : я пала единожды, и послѣ этого, казалось бы, скромность и добродѣтель излишни, особенно съ такимъ мужемъ: а я дозволила себѣ только забаву, забаву достойную уваженія, потому что она отвлекаетъ искателей отъ Эвелины! И мы каждый день смѣемся надъ побѣжденными : это не мѣшаетъ намъ любить пламенно, искренно....

— Кого же?

— Про Эвелину вы знаете; про себя не скажу.

— Наконецъ и ваше сердце побѣждено?

— Воспоминаніями.

— Неужели этотъ извергъ?....

— Не спрашивайте.

Вошелъ Гаръ-Піонъ.

— Позвольте мнѣ, милостивая госпожа, украсть на два часа портретъ господина Мазарини изъ столовой.

— Нельзя ли украсть его совсѣмъ?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, и отправился за добычей.

— Другъ мой, сказала Джудита, взявъ за руку Эвелину: Депортъ долго пробудеть въ Фонтенблô; мы можемъ избавиться отъ комедіи, которую безпрестанно разыгрываемъ; можемъ отдохнуть, подышать свѣжимъ воздухомъ, подкрѣпиться для дальнѣйшихъ подвиговъ....

— Куда же? спросила Эвелина.

— Въ замокъ Орбиньи! Онъ недалеко отъ Парижа: три четыре часа ѣзды.

— Ахъ, Джудита! тамъ много молодыхъ дворянъ, сказалъ грустно Альфредъ.

— Перестаньте, ревнивецъ! Вы, право, надоѣли. Вы хотите, чтобы она, какъ бездушное зеркало, отражала только васъ! Молодая дѣвушка.... ей нужно разсѣянье, а ваша любовь, право, похожа на темницу.

— Да и прилично ли однѣмъ дамамъ къ холостому челоуѣку? замѣтилъ Альфредъ.

— Опять! закричала Джудита. Да это въ модѣ! И какой онъ холостой челоуѣкъ? У него есть мать, двѣ сестры. Мы познакомились съ ними недавно въ театрѣ. Моя Марія.... помните?... дочь моей Катарины, у которой я выросла..... любила д'Орбиньи прежде Пальфи, и какъ я ни смѣялась надъ первою любовью, а надо согласиться, что эта любовь не умираетъ. Пальфи скоро отойдетъ къ предкамъ: жаль! онъ добрый челоуѣкъ; но Небо милосердо: д'Орбиньи больше любилъ Марію, всю жизнь остался ей вѣрнымъ, и, теряя друга, получить любимую жену. Вотъ и все тутъ. Поняли?... Такъ ѣдемъ!

— Но я не могу, у меня срочныя работы, опять заговорилъ Альфредъ.

— Да васъ кто проситъ беспокоиться? съ неудовольствіемъ сказала Джудита и, замѣтивъ, что Эвелинѣ были не весьма пріятны подобныя разговоры, шепнула ей на ухо: — Надо, любезная Эвелина! Такъ надо, если не хотите нажать несноснаго тирана. —

И потомъ, снова обращаясь къ Альфреду, весело продолжала:—Моя школа труднѣе Депортовской: тамъ вы учитель, а у меня лѣнивый и непонятливый ученикъ. Пойдемъ, Эвелина, одѣваться! Каждую минуту я жду кареты. Прощайте!

Объ присѣли, улыбаясь, и оставили Альфреда, одного въ обществѣ самыхъ грустныхъ думъ, темныхъ сомнѣній и разнообразныхъ намѣреній.

— Нѣтъ! громко говорилъ Альфредъ, почти бѣгая изъ угла въ уголъ : я догадываюсь.... Мои опасенія были справедливы.... Тутъ что-то кроется!... Меня обманываютъ....

Стукъ кареты остановилъ на-время потокъ мыслей и словъ.

— Хорошо! прекрасно! я дождусь ихъ здѣсь.... я потребую объясненій.... я.... я....

Снова раздался стукъ кареты. Альфредъ подбѣжалъ къ окну : задергивая занавѣски кареты, Джудита, съ насмѣшливой улыбкой, поклонилась Альфреду.

— Онъ уѣхали! кричалъ Дени.

— Укатили отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, входя въ комнату...

— Въ замокъ Орбиньи!

— Въ замокъ Орбиньи?

— На свиданіе съ Сень-Марсомъ!

— На свиданіе съ Сень-Марсомъ?

— Нѣтъ! этого не будетъ!....

Альфредъ убѣжалъ.

— Чего не будетъ? спросилъ изумленный Гаръ-Піонъ, повторявшій восклицанія Альфреда. Но на этотъ вопросъ Помпей не получилъ ни какого отвѣта.

—

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ОСЬМАЯ.

Инструкция.

Вечеръло. Парижскій декабрь не то, что съверные богатырскіе декабри: дрянъ, карриатура, кислая погода!... а безъ предосторожностей гораздо опаснѣе сирокко сорока-градуснаго морозу! Впрочемъ, въ этотъ вечеръ, воздухъ освѣжился морозомъ, правда, миниатюрнымъ: но и то благо! Солнце ложилось весело; во всемъ отдѣленіи Фонтенблѣскаго дворца, назначенномъ для временнаго жительства Пуссепа, пылали каминны, и дымъ, кудрявыми столбами, восходилъ въ чистое небо. Депортъ, въ зеленомъ, шитомъ шелками, камзолъ, съ зелеными узкими исподнями, въ короткой мантии съ золотымъ бордюромъ, висѣвшей на двухъ золотыхъ шнурахъ съ кутасами, и въ сапогахъ съ фрезами, какія обнимали его шею, безпрестанно подходилъ къ зеркалу и смотрѣлъ, не сдвинулась ли съ мѣста новоприобрѣтенная шпага. О лицѣ онъ мало заботился; но историческая строгость запрещаетъ намъ пропустить одно обстоятельство, о которомъ мы не имѣли случая упомянуть прежде. Несмотря на зрѣлыя лѣта и съдой вслосъ, о чемъ такъ аллегорически въ предшествующей главѣ изъяснился Гаръ-Пюшъ, Депортъ, чтобы поддержать честь *совершеннаго* придворнаго, выучилъ наизусть всѣ романы Скюдери, трагедіи Ришліё, комедіи Корнеля, и отпуская тирады изъ нихъ, по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго посторонняго порученія, передъ мадмоазель Дюмишель, по спискамъ десятой комнатной дѣвицей королевы. Страсть эта имѣла одно послѣдствіе. Мадмоазель Дюмишель не могла видѣть полнаго и краснаго лица, съ сѣдыми волосами. Депортъ обрлся, и руководствуясь врожденнымъ вкусомъ, надѣлъ рыжій парикъ, съ длинными локонами à la Chlodowig, или,

какъ тогда говорили, à la Clovis. Такимъ-образомъ, въ паркъ и при шпигвѣ, Депортъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, безпрестанно поглядывая въ зеркало, суетился, разстановливалъ стулья, развѣшивалъ картины, отвѣдывалъ вино и переприказывалъ кушанья къ ужину. Исполнивъ всѣ приказанія, Депортъ усѣлся у камина и началъ снова перечитывать свою инструкцію.

§ 1. Обыкновенный живописецъ Пуссенъ проведетъ три дня въ Фонтенблѣ, для отдыха, а господинъ Шантлу отправится прямо въ Рюэль, со всеми людьми, въ его службу состоящими.

§ 2. Втеченіи трехъ дней пребыванія въ Фонтенблѣ, дворянинъ его величества Гордъ (*Гордъ* всздъ перечеркнуто и надписано «Депортъ») неусыпно будетъ наблюдать, дабы, какъ столъ, такъ и другія удобства, были самаго лучшаго качества, въ обиліи, какъ прилично королевскому дому.

§ 3. Не обременять своимъ присутствіемъ господина Пуссена (*sieur Poussin*) и приходить къ нему только по зову, наказавъ слугамъ увѣдомлять себя о томъ каждую четверть часа во время дня; а ночью осмотрѣть два раза, находятся ли всѣ слуги на мѣстахъ, нѣтъ ли гдѣ шуму, и тому подобное.

§ 4. На другой день, показавъ всѣ драгоценности дворца, въ придворномъ экипажѣ сопутствовать господину Пуссену въ прогулкахъ, не упуская отмѣчать въ особой тетради его отзывы, какъ, о существующихъ уже достопримѣчательностяхъ, такъ и насчетъ украшеній, какія и гдѣ могутъ быть прибавлены, и таковыя отмѣтки, предъ истеченіемъ третьяго дня, отослать съ нарочными, одинъ экземпляръ въ Рюэль, къ его эмпненціи, кардиналу-герцогу, а другой ко мнѣ, въ Парижъ.

§ 5. По истеченіи трехъ дней, сопутствовать господину Пуссену въ Парижъ, въ моей каретѣ, и прямо въ мой домъ, гдѣ обязанности господина Горда будутъ поручены другому дворянину.

де-Нойе.

— Чудеса! сказалъ Депортъ: можно подумать, что принимаютъ какого-нибудь турецкаго султана! Мягко по-

стлано: каково-то будетъ спать?... И чортъ его знаетъ, какимъ слогомъ съ нимъ разговаривать!

— Ъдутъ! кто-то крикнулъ на дворъ, и по всѣмъ комнатамъ, отъ лакея къ лакею, пробѣжалъ крикъ: «Ъдутъ!» — Депортъ стоялъ уже на крыльцѣ.

Пуссенъ, Шантлу, Гаспаръ и де-Вальероль сидѣли въ большой придворной каретѣ, которая была выслана на встрѣчу за нѣсколько лиё. Первый вышелъ изъ кареты Шантлу. Увидѣвъ Депорта, который почтительно ему раскланялся, Шантлу отворотился съ неудовольствіемъ и сказалъ сквозь зубы: «Все дѣло испортятъ!» За Шантлу вышли прочіе путешественники.

— Депортъ, снявъ шляпу и положивъ лѣвую руку на шпагу, подошелъ къ Пуссену, котораго легко можно было узнать по лицу, осанкѣ и обращенію съ нимъ спутниковъ, и торжественно возгласилъ: — Его королевское величество удостоилъ меня завиднаго счастья принять величайшаго живописца нашего времени и подарилъ мнѣ на три дня честь быть неотлучнымъ его слугою!

— Какъ на три дня? спросилъ Шантлу. Короля здѣсь нѣтъ? Мы поѣдемъ дальше!

— Васъ ожидаетъ въ Рюэзъ его эминенція, со всѣми людьми, и немедленно, о чемъ мнѣ приказано васъ уведомить; а мосё Пуссенъ отдохнетъ въ Фонтенблô, для того что не все еще готово для его принятія въ Парижъ.

— Чтô за вздоръ! сказалъ Пуссенъ. Да развѣ мнѣ не позволятъ отдохнуть денька два послѣ такой утомительной дороги?

— Три дня, но въ Фонтенблô, на всемъ готовомъ, далеко отъ докучливаго любопытства.

— Хорошъ отдыхъ. Быть по-вашему!

— Не угодно ли пожаловать въ покои? сказалъ Депортъ.

Пуссенъ поклонился. Депортъ пошелъ впередъ;

занимъ всѣ путешественники, кромѣ де-Вальероля, который вынималъ изъ кареты разныя бездѣлушки.

— Да я здѣсь и не засну, сказалъ Пуссенъ : меня ночью задавятъ это великолѣпіе.

— А вотъ здѣсь уборная, говорилъ Депортъ.

— Еще !

— А здѣсь для слуги. Тамъ особенный выходъ....

— Слуга спитъ со мною въ одной комнатѣ, какъ ѣздить въ одной каретѣ и ходить объ-руку. Да гдѣ Жоржъ?

— Позовите Жоржа ! кричалъ Депортъ, и де-Вальероль вошелъ съ узелками.

— Какова наша квартира ? спросилъ Пуссенъ.

— На три дня, не дурно ; а на три недѣли.... можно умереть.

— Я долженъ съ вами проститься, сказалъ Шантлу.

— Вы поѣдете уведомить кардинала, что арестантъ въ безопасной темницѣ ?

— Неужели вы не перестали на меня сердиться?....

— Не на васъ. Я знаю, какъ больно повиноваться такимъ приказаніямъ.

— Мы постараемся изгладить непріятныя воспоминанія.

— Едва ли вамъ это удастся, добрый Шантлу.

— Богъ милостивъ ! До свиданія.... въ Парижъ !

— Шантлу уѣхалъ. Де-Вальероль хотѣлъ приготовить постель, но Пуссенъ, оборотясь къ Депорту, сказалъ : — Нельзя ли облегчить моего слуги и приказать кому-нибудь изъ вашего множества смѣнить Жоржа на эти три дня ?

— Не извольте беспокоиться ! На этотъ счетъ уже сдѣланы распоряженія. Вашъ Жоржъ можетъ дѣлать и что, куда ему угодно.

— Я хотѣлъ его послать въ Парижъ, съ уведомленіемъ о моемъ пріѣздѣ къ темнымъ знакомымъ.

— На этотъ счетъ я не могу отвѣчать вамъ : въ ин-

струкціи моей ничего не сказано. Можетъ-быть, это будетъ неприятно кардиналу.... Впрочемъ весь Парижъ уже знаетъ о вашемъ прїѣздѣ.

Пуссенъ взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ, потирая руки. Гаспаръ потягивался послѣ дурной дороги и заснулъ крѣпкимъ сномъ на софѣ, противъ востели, приготовленной Пуссену. Де-Вальероль ушелъ въ другую комнату, сѣлъ у окна, и глядѣлъ на заходящее солнце. Тысячи мыслей волновали душу печальнаго отца, но онъ самъ не могъ понять, радуется ли онъ своему прїѣзду, или боится невидимыхъ послѣдствій дерзкаго и опаснаго поступка.

— Я долженъ удалиться, сказалъ Депортъ. Вы хотите отдохнуть. Но если что-нибудь понадобится, одинъ звукъ этого колокольчика....

— Сдѣлайте мнѣ милость, не беспокойтесь. Мнѣ, право, ничего не надо.

Депортъ ушелъ. Пуссенъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Не прошло пяти минутъ, Депортъ возвратился и спросилъ : — Не угодно закусить послѣ дороги?

— Нѣтъ, еще рано, отвѣчалъ Пуссенъ, разсѣянно.

Прошло десять минутъ. Опять пришелъ Депортъ : — Не прикажете ли чего-нибудь?

— Ничего, ничего ! также отвѣчалъ Пуссенъ.

Спустя около четверти часа, Депортъ появился въ дверяхъ съ вопросомъ : — Не пора ли ужинать?

— Покорнѣйше благодарю. Мнѣ ѣсть не хочется.

И такъ каждую четверть часа, и чаще, Депортъ мучилъ Пуссена докучливою учтивостью. Наконецъ, на послѣдній вопросъ его, « Не угодно ли чего? », несчастный гость съ досадой отвѣчалъ : — Покою!... быть одному!... и ужъ если непременно я долженъ чего-нибудь потребовать, то прикажите подать мнѣ воды.

— Вина?...

— Воды!

— Съ виномъ ?

— Чистой.

— А потомъ ужинать ?

— Хорошо, хорошо! потомъ ужинать.... вотъ имъ! сказалъ Пуссенъ, указывая на Гаспара, который проснулся отъ разговорѣ и снова заснулъ.

Депортъ возвратился съ четырьмя лакеями : одинъ несть воду въ хрустальномъ сосудѣ, другой вино, третій ликеры, четвертый закуску.

Пуссенъ налилъ въ кубокъ воды. Депортъ подбѣжалъ съ бутылкой вина, но Пуссенъ уже выпилъ, поставилъ стаканъ на мѣсто, махнулъ рукой и сталъ ходить по-прежнему. Депортъ и всѣ лакеи ожидали дальнѣйшихъ приказаній; но Пуссенъ не замѣчалъ ихъ. Депортъ закашлялъ, и Пуссенъ сталъ будить Гаспара: — Вставай! ступай ужинать; а тоэтотъ господинъ справедливо будетъ сердиться на нашу неучтивость. Мнѣ, право, не до ѣды!

Всѣ вышли. Пуссенъ бросился на кровать, волнуемый безчисленными мыслями, и уснулъ въ платьѣ.

Какъ ни утомительно было путешествіе, Пуссенъ однако жъ проснулся въ обычное время и былъ неожиданно удивленъ забавною картиной : два огромные кандебра или, лучше сказать, два пучка свѣчъ, освѣщали комнату, отражая сіяніе въ огромныхъ зеркалахъ; у самой постели дремалъ въ креслахъ Депортъ, и нѣсколько человекъ лакеевъ, у дверей, шептались между собою, умножаясь *ad infinitum* въ зеркалахъ спальни и слѣдующаго покоя. Пуссенъ не могъ понять, во снѣ, или на яву, онъ все это видитъ. Но, вскочивъ съ постели, онъ убѣдился въ забавной дѣйствительности, потому что лакеи разбѣжались по мѣстамъ и Депортъ проснулся.

— Что это значитъ ? спросилъ Пуссенъ.

— Вы были не раздѣты, отвѣчалъ Депортъ : люди

ожидали вашего пробужденія; я хотѣлъ принять ваши приказанія на слѣдующій день и вздремнулъ.

— Послушайте! сказалъ Пуссенъ : вы замучите меня своимъ этикетомъ и не довезете до Парижа !

— О, какъ бы охотно я исполнилъ ваше желаніе и послалъ къ чорту всю эту челядь, если бы не инструкція мосьё де-Нойё!

— Такъ вамъ дана инструкція меня мучить ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Думали угодить, но я самъ вижу, что нашему брату, художнику, сладость этой блистательной заботливости горька какъ порошокъ отца Ро-муальда, которыми теперь въ Парижъ лечатъ отъ спазмовъ. Пошли спать! сказалъ Депортъ, обращаясь къ лакеямъ. Я беру на себя отвѣтственность за нарушение моей инструкціи, лишь бы доставить вамъ нѣсколько часовъ покою и показать, какъ много я уважаю такого великаго живописца.

— Такъ вы художникъ !

— Ординарный живописецъ его величества, Филиппъ Депортъ, дворянинъ.

— Какая пріятная нечаянность ! Слѣдственно мы можемъ провести время не совсѣмъ скучно.

— Пока не помѣшаютъ.

— Кто ?

— Придворные. Ихъ не мало въ Фонтенблô, потому что не извѣстно, куда пожалуетъ король, сюда или въ Сень-Жермень. Но я постараюсь оградить васъ отъ ихъ посѣщеній.

— Заранѣ благодарю васъ за все. Спасите, спасите меня. Я не знаю, какъ вамъ сказать : камень лежитъ на душѣ моей ! Ужасъ беретъ, когда подумаю, сколько пустыхъ, ничтожныхъ посѣщеній, фразъ безъ значенія, похвалъ безъ похвальныхъ причинъ, лести безъ сердечнаго участія, свиданій съ людьми, отъ которыхъ желалъ бы бѣжать, не только за Альпы, а за Карпаты : сколько этого всего лежитъ передо

мвою! И зачѣмъ? Я этого ничего не искалъ. Художникъ, вы понимаете меня....

— Успокойтесь. Плънь вашъ не продолжителенъ!

— Неужели? сказалъ обрадованный Пуссенъ.

— Быть откровеннымъ.... Нѣтъ, этого не сказано въ инструкціи....

Пуссенъ улыбнулся. Депортъ смѣялся, и, оборотясь къ Пуссену, сказалъ дружескимъ тономъ: — Спице спокойно, любезный Пуссенъ. Вамъ нуженъ отдыхъ. А завтра познакоимся поближе, поговоримъ.

— Какъ завтра? Да который часъ?

— Ахъ, правда! ужъ пять часовъ утра.... Неужели вы не заснете?

— Я обыкновенно встаю въ это время.

— Представьте! я никакъ не могъ понять, отчего я такъ свѣжъ; а я между-тѣмъ порядочно выспался въ креслахъ, и всталъ, какъ обыкновенно встаю дома. Чтò жъ вы будете теперь дѣлать?

— Самъ не знаю.

— Пойдемъ подышать свѣжимъ воздухомъ на балконъ. Богъ далъ прекрасное время, какъ-будто нарочно для вашего прїѣзду: до вчерашняго дня самая суровая зима мучила насъ. Вы привезли съ собой италіанское небо: такъ стало хорошо!.... Пойдемъ!

Пуссенъ и Депортъ вышли на большой балконъ. Заря чуть занималась; было свѣжо, но не холодно. Депортъ усѣлся въ углу на деревянной скамьѣ, съ которой были сняты штофныя подушки, и, стуча шпагой по высокимъ наблукамъ, сказалъ съ улыбкой: — Я думаю, и въ Парижъ многіе не спать по вашей милости.

— Ктò же это?

— Разумется кто: Вуэ и Лемерсіѣ.

— Судите, какъ неприятно мое положеніе!.... я долженъ быть невиннымъ поводомъ чувствительныхъ неудовольствій людямъ, которыхъ уважаю!

— Которыхъ хотѣли бы уважать : это большая раяница. Но они сами освободятъ васъ отъ излишней снисходительности.

— Какимъ образомъ ?

— Интригами и клеветами.

— Неужели ?

— Вотъ виновники вашего прїѣзду въ Парижъ. Если бы они сидѣли смирно и занимались каждый своимъ дѣломъ, перестройка Лувра продолжалась бы безостановочно, кое-какъ, плохо, но покойно; а то у насъ, главное, заумничали, перессорились, надоѣли, обратили вниманіе на свою безталантность и принудили добраго короля къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. И увидите, что они не дадутъ вамъ спокойно работать : тысячи интригъ, сплетней, клеветъ падутъ на имя, до-сихъ-поръ знаменитое и безъ упреку. Увидите!

— Вы меня приводите въ ужасъ !

— Лучше сказать вамъ все это заранее : хуже, когда вы не будете приготовлены и впадете въ разставленные сѣти. А они связали ихъ ! связали!... и можетъ-быть, даже, съ помощью тѣхъ, которые....

Депортъ остановился.

— Окончите, ради Бога !

— Нѣтъ ! до такой степени не должна простираться откровенность, сколько бы я васъ ни уважалъ, дорогой гость нашъ. Я полагаю только, что въ Парижъ не спитъ теперь ни одинъ художникъ : соображаютъ, что вы будете говорить, какъ будете дѣйствовать, и куда надо бросить препятствіе, гдѣ вырыть яму. Симонъ Вуэ — человекъ не безъ таланта, но такого вялаго живописца, я думаю, на свѣтѣ не бывало : жаръ, который бы долженъ одушевлять его въ искусствѣ, обнаруживается только въ громогласныхъ рѣчахъ, которыя онъ читаетъ своимъ ученикамъ. Онъ имѣетъ своихъ почитателей, которымъ написалъ по картинѣ въ подарокъ и тѣмъ купилъ себѣ ихъ фанатическій восторгъ. Есть еще

особенная каста знатоковъ не-художниковъ. Вузъ имъ достигъ, увѣряетъ, что они умнѣ Леонарда и Дюрера, и лучше понимаютъ художество, нежели какъ его понимали первые гении. Обласканное самолюбіе — тотъ же фанатизмъ. Каждый, кто не хочетъ, по знанію дѣла, согласиться съ защитниками Вуэ, объявляется невѣждой, а иногда, по обстоятельствамъ, и лазутчикомъ, доносчикомъ, и другими красивыми именами. Это первый вашъ врагъ, съ многочисленнымъ войскомъ: его отряды разсыпаны во всѣхъ классахъ публики и при дворѣ; вы ихъ и не замѣтите: дѣйствія вы увидите, но причину никогда! Второй вашъ врагъ — архитекторъ Лемерсиѣ, котораго тѣ же фанатики и знатоки ставятъ на-равнѣ съ Микель-Анджело. Вы увидите, какъ произведенія этого чловѣка далеки даже отъ посредственности; но всё же это не мѣшаетъ ему быть парижскимъ Буонароти. Эти люди тѣмъ опаснѣе, что они корчатъ простодушныхъ, невинныхъ дѣтей; говорятъ мистическія глупости, которыя затверживаются компаніей и передаются отъ одного къ другому какъ изреченія мудрецовъ. Невѣжество подразумеваетъ въ этихъ афоризмахъ высокій смыслъ, глубокую ученость. Эти искры вѣтеръ обстоятельствъ заноситъ иногда въ газеты, даже ко двору. Самъ кардиналъ, при всемъ своемъ умѣ, иногда вѣритъ этимъ глупостямъ; какъ вѣритъ колдовству и чародѣйству.

— Какъ! Ришліѣ?....

— Я самъ недавно узналъ объ этомъ. Что бы ни сдѣлалъ иностранецъ въ Парижѣ, хоть бы вещь первокласснаго достоинства, старики бросятъ ее въ грязь, компанія притопчетъ; но какъ шарлатанство и педантизмъ не долговѣчны, не могутъ быть тайною, а между-тѣмъ масса публики, не подкупная масса, остается холодною зрительницею всѣхъ этихъ обмановъ, не восхищается произведеніями знаменитыхъ, даже не знаетъ о существованіи домашнихъ гениевъ, то все

это навело сомнѣніе. Призвали васъ, не для того чтобы воспользоваться вашимъ талантомъ, нѣтъ!... это не главное : причина вашего вызову — надежда, что вы разрешите сомнѣнія; а тогда поужайте поскорѣе, куда угодно, потому что люди, которые привыкли жить сомнѣніемъ, станутъ сомнѣваться и въ вашихъ способностяхъ.

— Каждое ваше слово уничтожаетъ болѣе и болѣе туманъ, закрывающій глубину пропасти, куда меня тащатъ насильно. Кажется, спастись нельзя : какъ вы думаете?

— Нельзя! торжественно отвѣчалъ Депортъ. Падайте! нечего дѣлать! Но въ глубинѣ пропасти мы найдемъ какой-нибудь выходъ. По-крайней-мѣрѣ я не теряю надежды. Есть еще и другое средство. Вамъ дадутъ въ руки возжи всего французскаго художества : схватите ихъ такъ сильно, чтобы никто уже не могъ ихъ у васъ вырвать; какъ Аполлонъ неситесь побѣдно въ блистательной колесницѣ, попирая невѣжество, злобу, коварство, и мѣшая все съ прахомъ. Чѣмъ болѣе неуклонной гордости, чѣмъ болѣе самовластной жестокости, тѣмъ труднѣе будетъ дѣйствовать вашимъ врагамъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пуссенъ, сомнительно поглядывая на Депорта : я не хамелеонъ, и никогда, ни въ чемъ, не измѣняюсь. Пойдемъ будить Гаспара.

Не ожидая отвѣта, Пуссенъ ушелъ въ покои.

— Чортъ его знаетъ, сказалъ Депортъ, что онъ думаетъ! Но во всякомъ случаѣ зернышки знаменитаго яблока раздора брошены; скоро увидимъ, хороша ли почва, стоитъ ли благоприятная погода.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТАЯ.

Подвиги двух друзей.

Въ итальянскомъ предместьѣ, въ удивленномъ переулкѣ, въ небольшомъ домикѣ, опрятно убранномъ простою мебелью въ главной комнатѣ, ходилъ новый постолецъ. Въ мелкихъ стеклахъ двухъ оконъ дробился свѣтъ отъ нагорѣвшей и единственной свѣчи. Было поздно. Хозяинъ съ улицы заперъ ставни. «Вотъ дуракъ! подумалъ Гойко: да какъ же найдетъ меня Гарь-Пюнъ въ такомъ захолустѣ безъ этого сигнала?» И Гойко, съ небольшого крылечка, выползъ на улицу и сталъ отворять ставни. Мимо его промелькнулъ кто-то; на-встрѣчу незнакомцу шелъ другой незнакомецъ. Оба засвистали. Гойко отвѣчалъ имъ также свистомъ, и оба примѣтно испугались.

— Ты ли, Самуилъ? тревожно спросили незнакомцы, подбѣгая къ нему съ ножами.

— Ну, я! отвѣчалъ Гойко, отпирая ставень.

— Мы тебя искали цѣлый день сегодня. Куда ты запропастился? сказалъ старшій, одѣтый городскимъ купцомъ, весь въ черномъ.

— Да зачѣмъ я вамъ нуженъ?

— Такъ ты ничего не знаешь? Нашего Абраамку сегодня въ городъ взяли, на ратушу, къ отвѣту!

— За что?

— То-то и есть, дуракъ такой!.... днемъ сталъ печатать блины!

— Какіе? на кого?

— Какъ на кого? Теперь только на одного кардинала и расходъ, а на прочихъ хоть не пиши. Плохо стали покупать: не то время. Бывало, письмо пустишь отъ королевны-матери къ королю, или отъ Гастона Орлеанскаго въ парламентъ, или отъ короля ратушѣ.....

вотъ былъ расходъ! А пынче только про одного кардинала и читають. Да и что твой маркизь де-Кокъ ничего не пишеть? Право, нечѣмъ торговать. Ты, вѣрно, къ нему и не заходишь?

— Право некогда, ребята: такъ много дѣла.... и како-го дѣла! На чистоту!... ни какого страху: только много баготни. А съ маркизомъ связался, — баць! ратуша и объявила всѣмъ полковникамъ и капитанамъ: «Таково-то маркиза де-Кока ловить, да на висѣлицу безъ суда отправить.» Да что отъ васъ таяться! Былъ я и у маркиза, но нашелъ въ его квартирѣ только бумажки отъ табаку, да прорванное кресло. Я бѣжать! Душаю: «Чего добраго? гдѣ-нибудь стрѣлки, притаившись, сидятъ.» Какъ-то, было, и слухъ пронесли, будто это.... знаете?..... за шею подняли. А?..... ничего не слышали?

— Нѣтъ, ничего. А жаль: доходно было! Бывало, въ день штукъ триста продашь; подъ плащомъ и носишь себѣ сложенные блины. Сколько разъ случалось, самимъ парламентскимъ президентамъ продавалъ! Еще хвалятъ: только кардинальскими страшатъ. Такъ что жъ, Абраамку?.... а?.... выручишь?

— Да что, вы съ ума сошли, что ли? Если я къ Абраамкѣ признаюсь, такъ голова и попроситъ меня на замокъ. Добро бы съ женой; а то, можетъ-быть, въ венсенскій лѣсъ или къ Святому Антонію.

— Не, бойся, Самуилъ. Завтра и голова другой будетъ. Этому и срокъ вышелъ, и, знаешь, не совсѣмъ-то онъ чистъ....

— Вѣрно, я лучше вашего знаю, какъ онъ на мой счетъ обѣдни служить. Ну, завтра подумаемъ! Да скажите, ребята, неужели вы меня въ этой сторонѣ искали?

— Нѣтъ, Самуилъ. Кстати ты здѣсь: если нѣтъ дѣла, иди съ нами.

— Пожалуй! Да зачѣмъ?

— Знаешь ты гостинницу Льва?

— Вотъ она торчитъ, словно Гаръ-Шюнь, въ десять ливровъ.

— Ну, да. Такъ въ этой гостинницѣ — дворяне сегодня.

— Какіе ?

— Орлеанскіе. А можетъ-быть, и самъ Гастонъ. Верно всѣхъ переписать и все переслушать.

— Верно, это Эвоз такъ глупо распорядился? Скажите старику, что Фонтрайя онъ никогда не поймаетъ. Намѣдни одного изъ нашихъ людей эти господа въ Сену бросили и камешекъ къ шеѣ подвязали. Пока усядутся, и гостинницу и огороды объищутъ.

— Неужели ?

— Да, да, сказалъ утвердительно Гойко. И, кажется, идутъ! Убирайтесь, пока живы!

Гойко вскочилъ въ свою новую квартиру. Товарищи исчезли въ ближайшихъ огородахъ.

— Молодецъ Эвоз, даромъ что старикъ! сказалъ тихо Гойко, запирая двери: чужими руками камтаны изъ печи вынимать! Нѣтъ, подика самъ!... а мы, пока, и сами уздаемъ. Пригодится... Ты же, Эвоз, мнѣ заплатишь. Только чтобы не опоздать! Гаръ-Шюнь нейдетъ. И когдато приведетъ мой добрый Помпей? Ужасная скука! И Сарыто я сегодня не увижу : городская тюрьма уже заперта. Бѣдняжка! что она передумаетъ въ эту ужасную ночь! Но, Гаръ-Шюнь, для тебя не тяжела и эта жертва.

— Десять ливровъ въ недѣлю? сказалъ Гойко, послѣ краткаго молчанія, остановясь по-серединѣ комнаты и осматриваясь. Не большія деньги! Пять ливровъ за свѣтъ и топливо : тоже не много. И у самага кабачка, такъ что можно иногда и съ дворянами пировать, и шалунамъ въ наймы отдавать, когда имъ понадобится опрятная квартира, для любовнаго злодѣйства. Право, не дорого! Да все, вмѣстѣ, право жаль....

Гойко улыбнулся, и сказалъ: — А можетъ-быть, намъ за каждый ливръ сто заплатятъ : какъ знать ?

Гойко задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Въ окно кто-то постучался; и раздался громкій разговоръ.

«Ага! господа Орлеанскіе! подумалъ онъ. А запереть ставни, такъ Гаръ-Шювъ и до завтра меня не отъищеть!»

Нѣсколько головъ тѣснилось у окна и глядѣло въ мелкія стеклышки :

— Точно такъ! и стулья стоятъ, и картинки тѣ же, и походная часовня. Помните, какъ мы сюда затаскали булочницу Жаннету ?

— Славный вечеръ ! Никогда не забуду. А Меріо потомъ пріѣхалъ съ тремя данаидами и съ амуромъ.

— Да, да!... Ахъ! знаете ли? маркизь д'Обріо откупилъ у Меріо двухъ данаидъ и послалъ путешествовать къ себѣ въ замокъ. Осталась одна. Ни за что не отдаетъ!

— Пойдемъ! Что смотрѣть? Теперь тутъ живетъ какой-то холостякъ, и даже ставней не запираетъ. Это все одно что вывѣска; значитъ : «Милостивые государи, у меня въ домъ нѣтъ ни одной женщины, и прошу меня оставить въ покоѣ.» Пойдемъ! Право пора.

— А далеко ли ?

— Да вотъ видно. Пройдемъ этотъ разломанный чашекопъ : тамъ домъ Катарины съ красными глазами (aux yeux rouges), а тамъ знаменитая гостинница Льва, чудовище, уродъ, въ четырнадцать этажей и въ два окна, надъ самой Сеной.

— Въ которомъ же мы ?

— Во второмъ, потому что въ этомъ этажѣ нѣтъ оконъ.

— Да какъ же безъ оконъ ?

— Все же лучше : въ случаѣ осоры, некуда людей бросать. А третьяго дня маркизь д'Эрль какого-то лапочника съ пятого этажа выбросилъ.

— Что жъ, расшибся ?

— Да; немного; намъ еще умереть.

Голоса сгустились въ отдаленный гулъ. Гойко, прислушиваясь, съ лукавой улыбкой сказалъ: — Тебѣ и Депортъ можетъ выбросить изъ окна и Самуила и Помпея. Ратуша слова не скажетъ.

Вдругъ раздался женскій крикъ: — Помогите!

Неизвѣстное чувство обняло Гойку: онъ самъ не помнилъ, какимъ образомъ отворилъ окно, выскочилъ на улицу и, съ ножомъ въ рукахъ, очутился вонъ своей Сары. Гаръ-Пюнь, вырвавъ изъ разрушеннаго забора огромный колъ, стоялъ, какъ Полифемъ, посреди улицы. Нѣсколько обнаженныхъ шпагъ сверкали въ темноту; но никто не рѣшался начинать приступу.

— Молодежь! я старый солдатъ, и на мосту, дай Богъ памяти.... не вспомню!.... одинъ стоялъ противъ шести Испанцевъ. Такъ ступайте съ Богомъ, пока ребра цѣлы!

— Весьма здравая логика! замѣтилъ кто-то изъ толпы. Мы сегодня, господа, нарушаемъ порядокъ: начинаемъ тѣмъ, чѣмъ надо кончить.

— И возьмемъ солдатку! сказалъ еще кто-то. Что прѣку?.... и куда вести? Не ко Льву же съ бабами таскаться.

— Возьмете?.... Нѣтъ, мѣлоды! Вотъ я только отведу свою солдатку куда слѣдуетъ, а тамъ вриду одинъ Льва осаждать!

Всѣ захохотали.

— Приходи, служивый! кричали ему толпой: мы всегда уважали храбрость. Но коломъ не много слѣлаешь. А мы тебя съ виномъ обождемъ.... Кромъ шутокъ, приходи!

— Да противъ вашихъ шпаженокъ, колъ все одно что пушка!

— Хорошо, хорошо! приходи только, молодецъ! отбѣжали въ толпу, и потянулись къ гостиницѣ.

Гойко не могъ опомниться отъ радости, и, когда Са-

ра и Гарь-Пионъ вошли въ комнату, онъ ваялся у ногъ Помпея и плакалъ горячими слезами, искаивалъ и хваталъ руки своего благодѣтеля, прикладывая ихъ ко лбу, къ сердцу, и цѣловалъ.

— Полно, полно, Гойко! Теперь у тебя есть жена, деньги и ремесло. Живи съ Богомъ, да молись, чтобы изъ жидовъ выйти, коли ты жидъ. А я къ этимъ господчикамъ пойду. Пусть не вызываютъ! На вино, такъ на вино! Право, у нихъ денегъ, а у хозяйки вина, не хватить! Я васъ, пшеничники!

— О какомъ ремеслѣ говоришь ты, Помпей? спросилъ Гойко, выходя изъ задумчивости.

— Да вѣдь есть же у тебя какое-нибудь ремесло?

— Тысяча, отвѣчалъ веселый Гойко: и всѣ къ твоимъ услугамъ! Но расскажи, какимъ образомъ тебѣ удалось....

— Я люблю дѣлать, а не говорить. Вотъ тебѣ деньги, отъ которыхъ голова отказался: они твои. Прощай! Я самъ въ свѣтѣ жывалъ: знаю учтивость. Не хорошо, что они меня такъ долго дожидаются: подумаютъ, струсилъ. Я ихъ съ коньковъ спѣшу!

— Послушай, Гарь-Пионъ: осторожнѣе! Говорятъ, тамъ есть и важныя особы.

— Не вызывай, коли важная особа! Лягу безъ памяти, только ужъ и они со мною!

— А домой развѣ не нужно?

— Не нужно. Господа на три дня уѣхали въ какой-то замокъ.

— Въ какой замокъ, Гарь-Пионъ?

— Да еслибы я могъ фамиліи помнить, такъ и, свою бы зналъ! А вотъ этотъ, что съ капитаномъ, послѣ театра, отъ насъ ушелъ пѣшкомъ.

— Д'Орбиньи?

— Именно.

— Плохо, Гарь-Пионъ! Это другъ Сень-Марса, и я

думаю, нарочно наших дамъ изъ Парижа выманили... Но постой! завтра все узнаю.

— Просто, братъ Гойко, мы въ омутъ!

— Не бойся, мы не утонемъ.

— Лишь бы не Эвелина: а тамъ хоть весь Парижъ!

— Завтра, завтра, Гаръ-Піонъ!

— Ну, прощай! сказалъ Гаръ-Піонъ, уходя. А теперь вы, господчики, держитесь! Просимъ не отставать!

— Сара, сказалъ Гойко: Богу молиться!

Послѣ краткой молитвы и трапезы, Гойко придумалъ множество укрѣпленій и, обезпечивъ безопасность Сары, заперъ двери на замокъ, спряталъ ключъ въ карманъ, и исчезъ въ грязныхъ закоулкахъ предместья.

ГЛАВА Сороковая.

Еще ложная тревога.

Небольшой замокъ д'Орбиньи носилъ еще всѣ признаки древнихъ замковъ феодальнаго времени. Кругомъ шли цвѣтники, убранные небольшими бесѣдками: они прикрывали глубокіе рвы, хотъ и совершенно засохшіе; за ними довольно высокая стѣна, и десятокъ зданій, разнаго объема и архитектуры: нѣкоторыя изъ нихъ еще сохраняли ежевыя балюстрады, составленныя изъ желѣзныхъ иголъ; другія были въ новѣйшемъ вкусѣ, съ овальными вверху окнами и бѣлыми стеклами. Одно изъ этихъ оконъ отличалось красивымъ чугуннымъ балкономъ и крышей въ два этажа, весьма схожей съ изображеніемъ крокодила на гравюрахъ въ ученыхъ книгахъ того времени. Высокая и прѣстранная терраса, при старомъ жиломъ домѣ, соединенномъ съ новою кры-

того галереей въ три окна, была и удобна и красива; но, — таково вліяніе моды! — и старушка д'Орбиньи и дочери любили новый балконъ, который всегда назывался по имени, «балкономъ Демерсиде», хотя во всемъ замкѣ не было другаго. Новое это зданіе и терраса были нѣсколько выше обводной стѣны, и изъ всѣхъ оконъ представляли грустные сельскіе виды. Въ этомъ небольшомъ домикѣ, въ тѣсной комнатѣ, сидѣло много гостей, болѣе сорока человекъ дворянъ, художниковъ, парламентскихъ совѣтниковъ, даже президентовъ, и разныхъ выборныхъ людей изъ счетной и другихъ палатъ. Де-Ту, совѣтникъ безъ мѣста, писатель безъ сочиненій, сынъ историка и любитель просвѣщенія, видимо былъ председателемъ общества. Всѣ занимались общимъ разговоромъ или, лучше сказать, разговоромъ молодаго человека, который былъ вчера на проводахъ Фонтрая, въ гостиницѣ Льва. Больше всѣхъ хохотали Джудита и Эвелина, слушая, какъ Гаръ-Піонъ участвовалъ въ заговоръ противъ Ришліе и пробылъ съ шалунами до тѣхъ поръ, пока память и разумокъ не измѣнили ему: онъ заснулъ, и тогда только началась бесѣда въ комнатѣ безъ оконъ.

— Господа! перервалъ де-Ту: вы разбудите стараго кота! К чему эта тма сообщниковъ?... Кто они? Недевольные кардиналомъ? Но даже безъ умыслу, по другому дѣлу, Ришліе можетъ съ ними помириться, и всѣ ваши шалости надѣлаютъ намъ много хлопотъ. Марьяшка казнили за сѣно!

— Гости! сказалъ кто-то.

«Еще гости!» подумалъ де-Ту, и со вздохомъ погрузился въ кресла, которыя совершенно скрыли его отъ взоровъ собесѣдниковъ.

Симонъ Вуэ вошелъ въ залу, и все общество привстало. Д'Орбиньи вошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ приветливо: — Великій учитель! мы не ожидали такого пріятнаго гостя въ нашемъ уединеніи.

— Капитанъ, я присланъ къ вамъ гонцомъ, отвѣчалъ Вуэ и окнулъ взоромъ собраніе.

— Всѣ свои, замѣтилъ капитанъ : будьте спокойны.

— Но эти дамы ?,...

— Свои, свои. Садитесь и расскажите, какому счастливому случаю мы обязаны вашимъ посѣщеніемъ.

— Маршалъ Шатильонъ разбитъ, артиллерія и казна арміи въ рукахъ Бульіона, болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ; но и мы лишились храбраго графа Саксонскаго.

Все собраніе поднялось съ мѣстъ.

— Я не знаю, сказала съ трепетомъ старушка, радоваться ли побѣдѣ? Она огорчила короля.

— И весьма! Онъ возвратился въ Сень-Жерменъ и, кромѣ Сень-Марса, ни кого не хочетъ видѣть. Нельзя имѣть ни какихъ извѣстій.

— Пошлите моего мужа, прервала Джудита : онъ все узнаетъ.

— Конечно, сказалъ капитанъ. Но это можете сдѣлать только вы, Джудита. Депортъ для насъ не поведетъ : я Боже сохрани, если наша тайна попадетъ ему въ руки !

— Депортъ! закричалъ Вуэ, въ бѣшенствѣ : этотъ несчастный маляръ, который наущничествомъ получилъ дворянство, ординарный живописецъ на-равнѣ со мной и съ Пуссенемъ? Этотъ титулованный шпіонъ?... гадъ?... Капитанъ! и вы меня не предупредили?

— Въ чемъ?

— Какъ же! тутъ жена этого хамалеона.

— Успокойтесь : Джудита самая ревностная роялиста.

— Простите моему изумленію....

— Ея причины стоютъ нашихъ, стоютъ обидъ всей Франціи; и, можетъ-быть, намъ не удастся задуманное дѣло, а она достигнетъ своей цѣли, она отомститъ и за себя и за васъ, почтенный Симонъ. Такъ, Джудита,

показайте въ Парижъ : нечего дѣлать! посылайте Де-порта! А мы, пока минуетъ буря, не тронемся съ мѣста

— Депорта нѣтъ въ Парижъ, онъ въ Фонтенблѣ, принимаетъ Пуссена, сказалъ Симонъ.

— Какъ? развѣ Пуссенъ пріѣхалъ? воскликнуло почти все общество.

— Вчера онъ пріѣхалъ въ Фонтенблѣ, послѣ-завтра пріѣдетъ въ Парижъ, и вотъ почему я не могу остаться у васъ позже вечера.

— Да вамъ какое дѣло до Пуссена?

— Я полагаю, кавалеръ, что мы, художники, должны принять художника, который заслужилъ славу въ Римѣ и во Франціи. О достоинствахъ его не разсуждаемъ онъ ихъ покажетъ на-дѣлъ; мы должны сдѣлать свое. Приготовляемъ обѣдъ, съ иллюминаціей и куплетами, чтобы зажать рты Депорту, Ришліе, де-Нойе и Мазарини, чтобы доказать наше равнодушіе къ ихъ проискамъ. Пусть его пообѣдаетъ! А послѣ обѣда мы разстанемся навсегда: онъ отправится портить Лувръ, мы займемся каждый своимъ дѣломъ.

— Неужели васъ не оскорбляетъ эта немилость?

— Нимало. Я старъ: а гдѣ и когда уважали старость? Я предвидѣлъ это, и сколотилъ деньгу. Страшна немилость Фортуны, страшно нищенство, потеря независимости; а въ мои лѣта, похвалъ и уваженія уже не требовать грѣшно: и хвалить устала Франція! Жалѣю Пуссена. Лучшее время жизни у него отнять за безцѣнокъ; награждать славой, но прійдетъ старость: славу отнять, одѣнуть въ лохмотье, и будутъ удивляться себѣ, какъ могли когда-нибудь удивляться Пуссену! Люди... о! съ нихъ надо брать впередъ огромную пошлину за всѣ ихъ будущія глупости! Немилость! Да едва ли добрый король и знаетъ, что надѣлали Депортъ и кардиналисты. Нѣтъ! меня оскорбили тѣ, которые окружаютъ короля, и этимъ господамъ мстить не предосудительно; и я мстить не перестану.

— А Пуссену? покраснѣвъ, спросила Эвелина.

Она вспомнила намѣреніе Альфреда перейти подъ начальство великаго живописца.

— Посмотримъ, какъ будетъ вестисебя..... Но, однако жъ, господа, надо думать о нашемъ дѣлѣ, что-нибудь предпринимать....

— Не спѣшите, Вуз! я удивляюсь вашей горячности, сказалъ де-Ту. Ради Бога, не спѣшите! Сенъ-Марсъ, вѣрно, заѣдетъ ко мнѣ сегодня ночью, и тогда....

— И тогда, де-Ту, сказала мадамъ д'Орбиньи съ сердцемъ: вы сдѣлаете какую-нибудь ученую выходку, которая дѣлу ни сколько не поможетъ, а поставитъ всѣхъ насъ въ новую опасность.

— Я, кажется, не заслужилъ этого упреку. Если мы съ Сенъ-Марсомъ иногда и дѣйствовали безъ согласія друзей, то должно винить не насъ, а обстоятельства, которыя требовали быстроты.

— Оставимъ, де-Ту, этотъ разговоръ, сказала старушка: Марильяки, Монморанси, д'Орбиньи, д'Обижу и другіе, — не говорю уже о принцахъ и князьяхъ, — кажется, стоютъ быть равными участниками въ дѣлѣ, которое должно утѣшить короля Францію... а мы иногда узнаемъ о важныхъ дѣйствіяхъ господина великаго отъ враговъ! Конечно, сынъ мой не ищетъ министерства, ни сана конетабля или адмирала; мы заботимся не о себѣ, а о Франціи, о нашемъ добромъ королѣ, и убѣждены, что Богъ благословитъ наши желанія. Они просты, безъ ученой запутанности и хитрости: мы хотимъ изгнанія кардинала съ аббатикомъ и кардиналистами изъ Франціи; мы хотимъ, чтобы непомѣрные богатства, которыми осыпали герцогиню д'Эгильонъ за двойное родство съ кардиналомъ, возвратились въ руки законныхъ владѣльцевъ; а ея хоть и въ монастырь не отдавайте: такая женщина не минетъ наказанія и на этомъ свѣтѣ; мы хотимъ, чтобы король царствовалъ одинъ; мы хотимъ....

— Вы хотите, прервалъ де-Ту, чтобы надмонахъ Лафайеттъ, ваша племянница, уступила свое мѣсто въ монастырь визитокъ герцогинѣ д'Эгильонъ.

— Мы будемъ объ этомъ стараться; но не забудьте, что вы сами, съ молодыхъ лѣтъ, поселили въ ней охоту къ монастырской жизни и теперь возлагаете на насъ трудную, а можетъ-быть и невозможную, обязанность возвратить ее свѣту.

— Сенъ-Марсъ! Сенъ-Марсъ! раздалось въ залѣ, и почти всѣ бросились къ окнамъ или выбѣжали на площадку башни.

Сенъ-Марсъ былъ уже у подъемнаго мосту, въ цвѣтникахъ, окружающихъ замокъ. Прошло нѣсколько мгновений: красивый маркизъ появился въ залѣ, и все общество поспѣшило къ нему на встрѣчу.

— Поздравляю съ побѣдой! сказалъ Сенъ-Марсъ весело: съ двойной побѣдой! Король простилъ Бульиона и всѣхъ его друзей.

Общій крикъ огласилъ залу. Почти никто не вѣрилъ: одна Джудита, обнявъ Эвелину, радовалась безъ вѣсомъ.

— Джудита! Эвелина! воскликнулъ маркизъ, примѣтивъ этихъ дамъ. А я хотѣлъ прямо отсюда летѣть въ Парижъ, если бы не желаніе короля, чтобы объ этомъ важномъ событіи какъ-можно скорѣе узнали наши роялисты....

— Какъ? спросила Джудита: такъ и самъ король.....

— Отпуская меня, прервалъ Сенъ-Марсъ, король сказалъ: «Маркизъ, передайте вашимъ двѣмъ неприятели для кардинала новости, усмиреніе Бульиона и призваніе Пуссена». Ваше участіе, прелестныя дамы, въ общемъ дѣлѣ, насъ сближаетъ, и я не могу не поблагодарить кардинала, что какою-нибудь несправедливостью онъ подарилъ намъ такихъ милыхъ сообщницъ.

Старушка между-тѣмъ усадила гостей. Сенъ-Марсъ

известился волею Джудиты, а де-Ту, стоя, держалъ длинную рѣчь о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ кардинала.

Сень-Марсъ въ короткое время, съ тѣхъ поръ какъ ны съ нимъ не встрѣчались, значительно перемѣнился. Угрозы короля, жалобы Маріи Неверской, измѣны любовницъ, путешествіе въ Ренсъ и невольное тамъ уединеніе, совѣты и наставленія де-Ту, все это сильно подѣйствовало на нылкого и добраго юношу. Онъ сталъ угрюмъ, задумчивъ, разсудителенъ, послѣдователенъ, и король не могъ нарадоваться счастливой перемѣнѣ. Онъ видѣлъ въ своемъ «великомъ» прежняго любимца, констабля де-Люина, и, казалось, пора его приближалась: Ринліё былъ въ дѣйствительной опасности. Неохотно подписывалъ онъ испанскій трактатъ: онъ видѣлъ въ немъ государственную измѣну. Но друзья увлекли его и заглушили справедливыя сомнѣнія. Онъ не соглашался на немедленное отправленіе трактата въ Испанію, оставляя это средство для крайняго случая, но Орлеанскіе отправили Фонтрайя безъ его вѣдома, и шумными проходами возмутили гостиницу Льва и окрестныя улицы и огороды. Такимъ образомъ составился противъ Ринліё два заговора: одинъ обширный и шумный, — главою его почитался Гастонъ Орлеанскій; второй былъ въ лицѣ двухъ человекъ, — Сень-Марса и де-Ту: заговоръ съ несомнѣнными послѣдствіями, основанный на угожденіи королю и личномъ возвышеніи обоихъ друзей. Въ этомъ послѣднемъ, конечно, мнѣ ны видѣли, участвовалъ и самъ король, невѣдавшій, что орлеанскій заговоръ соединенъ съ государственною измѣною. Несмотря однако жъ на аримбуру и существенную перемѣну, Сень-Марсъ, въ обществѣ женщинъ, становился по-прежнему веселымъ, беззаботнымъ, шумнымъ, и, послѣ продолжительнаго отсутствія; увидѣвъ Эвелину, невольно увлекся ея очаровательною красотою. Онъ не слушалъ де-Ту, или слу-

наль всколыхъ, зная, что другъ его говоритъ также для того чтобы занять умы своихъ слушателей и оковать ихъ опасную дѣятельность; онъ не спустилъ глазъ съ Эвелины и тихо шепнулъ Джудитъ: — Какъ мой леопардъ безный де-Ту заранѣе министерствуетъ!

— Да. Но я ему не поручу моего дѣла: онъ плохой прокуроръ.

— Поручите его мнѣ, сказалъ Сенъ-Марсъ.

— Съ удовольствіемъ, маркизъ. Только я еще не испыталъ вашихъ способностей по части судебной.

— Вы должны быть спокойны, потому что я состою прокуроромъ при верховномъ апелляціонномъ судѣ, и въ парламентъ: тамъ теперь ихъ болѣе шести сотъ, по милости кардинала. Каково-то Франціи отъ продажъ этихъ мѣстъ въ такомъ ужасномъ числѣ!... Но въ чемъ же ваше дѣло?

— Въ трехъ пунктахъ.

— Пунктъ первый? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Заключение Мазарини на-мѣсто маршала Бассомпьеры.

— Въ Бастилію? Очень охотно! Маршалъ мнѣ съ родни, и я по его милости пошелъ по этой скучной дорогѣ: онъ уговорилъ матушку отпустить меня ко двору. Пунктъ второй?

— Заставитъ Мазарини исполнить одинъ пунктъ, который перестанетъ быть тайной съ его заключеніемъ.

— Повинуюсь. Но тайна любопытна.

— Пунктъ третій, перебила Джудита: дозволеніе драгунскому капитану де-Вальеролю возвратиться въ Парижъ.

— Извините! третій пунктъ будетъ первымъ по необходимости. Завтра же! Но....

Сенъ-Марсъ остановился, и, глядя на Эвелину, которая съ выраженіемъ ужаса и негодованія, слушала, рыцарь де-Ту, сказалъ про себя: — Едва ли это нужно!

— Маркизь, отвѣчала Джудита: теперь я вполне вѣрю, что вы самый великодушный человекъ, и что ваше министерство будетъ непрерывнымъ праздникомъ для Франціи.

— Но, Джудита, «завтра» я сказалъ не подумавъ: какъ тамъ де-Вальероль изъ партіи вандомской, и выхлопотать ему прощеніе, можетъ-быть, труднѣе чѣмъ помиловать короля съ Бульиономъ.

— Вы полагаете?

— Я увѣренъ.... Но будьте спокойны. Подъ добрый часъ можно сдѣлать все: надо только дожидаться такого времени. Теперь вы будьте прокуроромъ по моему гласу. Вамъ легче.

— Едва ли! отвѣчала сухо Джудита.

— Не будьте жестоки! Подарите хотя надежду!

— На что?

— На вашу дружбу.

— И вы могли сомнѣваться?

— Но можетъ-быть ваша дружба не согласится быть проводникомъ моихъ чувствъ.

— Къ чему, маркизь?

— Къ сердцу женщины.

— Я угадываю; но только въ комедіяхъ отвѣчаютъ вдругъ на такіе вопросы.

— Подумайте, Джудита, но не передумайте!

— Давайте думать вмѣстѣ, маркизь: я объ вашемъ дѣлѣ, вы объ моемъ.

— Но я не знаю вашей тайны.

— Маркизь! я Италіянка, мстительная Италіянка! Вы не выдадите меня, не правдали? Да если мы, чего Боже сохрани, и поспоримся....

— Повѣрьте моему слову....

— Его-то мнѣ и нужно. Все скоро будетъ готово. Я начну войну публично, блистательно! Я на все рѣшилась. Меня принуждаютъ молчать, страшатъ темницами, казнями. Вы защитите меня?

— Клянусь! Но скажите....

— Теперь довольно. Успѣемъ, успѣемъ.

Де-Ту окончилъ свою пространную рѣчь. Слушатели были утомлены, какъ-будто условившись, встали; многіе прощались съ хозяевами; другіе разбрелись по комнатамъ. Сенъ-Марсъ съ Джудитой и Эвелиной вышли на террасу. Зимнее солнышко было въ полномъ блескѣ; окрестность, пустынная, грустная, оживлялась только Сеной, и вдоль ея берега, по широкой, но дурной, парижской дорогѣ, разнородные продукты тянулись на высокихъ фурахъ въ столицу. Вдругъ показался всадникъ изъ Парижа. Онъ ѣхалъ поспѣшно, и, проѣзжая мимо замка, остановился, подумалъ, и повернулъ лошадь въ цвѣтники, окружающіе замокъ. Мосту не подымали, но всадникъ и не требовалъ: онъ черезъ ровъ спросилъ слугу, нѣтъ ли въ замкѣ мосьё де-Нойё.

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга: такого мы и не слышали. А вачто тебѣ?

— Да кардиналъ, надо быть, черезъ часъ или два, умретъ; мосьё де-Нойё спрашиваетъ. Нигдѣ отыскать не можемъ!.... Такъ нѣтъ его здѣсь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга, и Гойко ускакалъ дальше.

— Какъ молнія пробѣжало по комнатамъ замка радостное извѣстіе. Всѣ суетились, бѣгали съ веселыми лицами и острыми словами. Мужчины, не прошло десяти минутъ, были уже на коняхъ и на пути, кто въ Сенъ-Жерменъ, кто въ Парижъ: остались только дамы, и тѣ вскорѣ разошлись. Джудита и Эвелина къ вечеру возвратились въ Парижъ.

ГЛАВА СОРОКЪ-ПЕРВАЯ.

Домикъ Мену.

Въ садахъ тюильрійскихъ, которые теперь составляють одинъ пространный садъ, находился небольшой трех-этажный домикъ. Особенный садъ, принадлежавшій къ домику, наполненъ былъ разнаго роду дорогими растеніями, цвѣтами, овощами и фруктовыми деревьями. Дворъ домика былъ украшенъ тремя небольшими фонтанами; по-серединѣ колодець, въ купѣ фруктовыхъ деревъ. Девять опрятныхъ, веселыхъ, комната, кухня, конюшня, конурка для привратника (*loge du portier*), погребъ и пѣсколько чуланчиковъ, составляли его помѣщеніе. Изъ всѣхъ околѣ—преlestные виды, несмотря на зимнее время. Ленобрь, передѣлывая, при Людовикѣ XIV, тюильрійскій садъ, уничтожилъ этотъ домикъ, со всѣми его принадлежностями; но во время, нами описываемое, этотъ небольшой рай былъ въ полной своей цѣлости и красотѣ. Мену, неизвѣстно за что, пользовался лучшею квартирою въ Парижѣ. Онъ умеръ, и король назначилъ домикъ пожизненнымъ жилищемъ Пуссену: замѣйте, уже *пожизненнымъ*! У главнаго, единственнаго, подъезда стояла огромная, почти овальная, карета. Де-Вальероль съ Гаспаромъ вынимали вещи; множество людей наполняло садъ и какъ-будто ожидало появленія Пуссена. Но его не было: онъ съ Депортомъ поднимался въ это время на высокую лѣстницу обширнаго, украшеннаго множествомъ картинъ и статуй, дому де-Нойё. Въ гостиной было нѣсколько человекъ гостей; между ними и Шаптулу. Швейцарь ударилъ въ колоколь, когда Пуссенъ сталъ на первую ступеньку. Нарядные лакеи одинъ за другимъ закричали: — Мосьё Пуссенъ, первый живописецъ его королевскаго величества!

— Лакеи всегда пожалуютъ въ старшее званіе, сказалъ Пуссенъ.

Депортъ улыбнулся. Они вошли въ первую комнату, или парадную прихожую. Все общество де-Нойё находилось уже тамъ. Государственный секретарь, въ полномъ, богатѣйшемъ, придворномъ костюмъ, въ огромномъ парикъ и огромныхъ сапогахъ съ фрезами, обвѣшанный орденами разныхъ государствъ, первый встрѣтилъ Пуссена. Протянувъ руку, онъ сказалъ торжественно: — Французскій Рафаэль возвратился въ свое отечество! Прославьте государство, обогатите его бессмертными произведеніями, а насъ, искреннихъ поклонниковъ и друзей вашихъ, полюбите и удостойте позволенія отъ души обнять васъ.

Пуссенъ кланялся. Де-Нойё крѣпко сжалъ его въ объятіяхъ и поцѣловалъ три раза.

— Счастіе мое совершенно, и я, ежегоднымъ торжествомъ въ этомъ день, буду праздновать ваше возвращеніе. Удостойте пожаловать въ покои, сказалъ де-Нойё, съ особенною почтительностью, рукою приглашая Пуссена идти впередъ.

Пуссенъ чинился, но де-Нойё легонько взялъ его подъ-руку и повелъ въ гостинную, гдѣ секретарь де-Нойё, съ портфейлемъ, ожидалъ Пуссена. Лишь-только онъ вошелъ въ комнату, секретарь подалъ де-Нойё огромный листъ, украшенный королевскою печатью: это была граммата короля къ sieur Пуссену, исполненная самыхъ лестныхъ выраженій. Де-Нойё прочелъ ее громко, и не удержался отъ слезъ; все общество и самъ Пуссенъ были умилены королевскою милостію.

— Рюжь, сказалъ де-Нойё: отвезите эту граммату къ мосьё Пуссену и дождитесь тамъ его возвращенія.

Секретарь уѣхалъ. Послѣ сотни комплиментовъ, которые по-очередно сыпались на Пуссена изъ устъ де-Нойё и собесѣдниковъ, пошли обѣдать. Пуссенъ не

могъ надивиться великолѣпію столоваго убранства, пышеству и разнообразію кушаньевъ, богатому костюму, прислуги, отличному искусству рюэльскихъ музыкантовъ, которые на этотъ день присланы были къ де-Нойё изъ замку. Пуссенъ, противъ правилъ этикета, сѣлъ на первомъ мѣстѣ. Еще бѣльшаго удивленія заслуживала честь, оказанная первымъ министромъ первому живописцу : послѣ тоста за здоровье короля обыкновенно возглашалось здоровье кардинала-герцога; на этотъ разъ великій кардиналъ былъ третьимъ.

Пуссенъ всталъ, и, поблагодаривъ за всѣ оказанныя почести, пожелалъ мосьё де-Нойё и его обществу всѣхъ благъ и долголѣтія, а себѣ, съ успѣхомъ, къ удовольствію короля и всѣхъ знаменитыхъ своихъ покровителей, окончить предполагаемыя работы и возвратиться въ Италію. Этотъ отвѣтъ сдѣлалъ такое непріятное впечатлѣніе, что весь праздникъ сталъ не въ праздникъ. Де-Нойё былъ примѣтно огорченъ, Шантлу также; но Депортъ улыбался. Послѣ обѣда веселость нѣсколько возстановилась. Простодушныя замѣчанія Пуссена о Франціи, Парижѣ, о людяхъ въ случаѣ, возбуждали перьдко смѣхъ, иногда досаду; наконецъ разговоръ, казалось, истощился : устали и говорить и слушать. Пуссенъ всталъ и началъ откланиваться.

— Но вы не знаете своей квартиры, сказалъ де-Нойё.

— Я бывалъ въ Парижѣ, и очень помню тюильрійскій домикъ. Тамъ я кого-нибудь найду; проводятъ, и укажутъ.

— Какъ это можно! сказалъ де-Нойё. Мосьё Депортъ! потрудитесь.

Депортъ уже былъ со шляпой и кланялся. Де-Нойё и все общество проводили Пуссена на лѣстницу. Карета и четыре человекъ, съ фонарями на высокихъ палкахъ, ожидали ихъ у подъезда. Въ небольшомъ своемъ дворцѣ, Пуссенъ нашелъ болѣе двадцати друзей : тотъ

когда-то видѣлъ его разъ или два; тотъ заказывалъ ему портретъ свой, ради дешевины; у того онъ жилъ на квартирѣ и платилъ за все изъ послѣднихъ крохъ. Всѣ эти друзья сбѣжались въ тюильрійскій домикъ. Гаспаръ былъ въ восторгѣ, что у Пуссена такъ много друзей въ Парижѣ, и усталъ отъ благодарности за безчисленныя похвалы, которыми усердно осыпали его зятя. Пуссенъ даже не узнавалъ многихъ изъ своихъ друзей, но душевно радовался ихъ посѣщенію. Его утѣшала мысль, что Франція въ короткое время сдѣлала такіе успѣхи въ должномъ къ художеству уваженіи: онъ даже любовался ихъ безсовѣстною лестью, считая ее искреннимъ изліяніемъ недостаточно образованнаго чувства. Депортъ, лишь-только замѣтилъ гостей, тотчасъ распорядился объ угощеніи, и всѣ девять комнатъ пуссеновскаго дворца наполнились драгоценными несвоевременными фруктами и добрымъ виномъ: цѣлая толпа лакеевъ суетилась на маленькомъ дворикѣ и въ тѣсныхъ покояхъ, услуживая друзьямъ. Пуссенъ не могъ налюбоваться на свое жилище, и ходилъ изъ комнаты въ комнату, осматривая всѣ закоулки, подъ руководствомъ Депорта.

— А это чтó? спросилъ онъ, сходя по опрятной лѣстницѣ въ подвалы.

— Погреба, отвѣчалъ Депортъ, свѣтя на лѣстницу. Сойдите, сойдите! Я вамъ долженъ все показать.

— Да эти погреба лучше иныхъ жилыхъ комнатъ.

— Это прихожая, а погреба по-сторонамъ. Здѣсь, направо, бочка добраго двулѣтняго вина; а здѣсь, направо, дрова: на всю зиму станеть!

— Кому я одолженъ этою обязательною предупредительностію?

— Всякой сдѣлалъ бы то же для такого великаго челоука.

— Пожалуйте сюда, Николо! кричалъ Гаспаръ сверху. Ктó-то важный васъ спрашиваетъ.

Пуссенъ, изъ рукъ Рюза, принявъ грамату, и, по совѣту Депорта, положилъ ее подъ стеклянный колпакъ, который, какъ нарочно, былъ для того приготовленъ. Тогда все усѣлись и началась бесѣда. Пуссенъ скоро замѣтилъ, что въ Парижѣ мало для него собесѣдниковъ: только и говорили о кардиналѣ, герцогѣ Бульионскомъ, о томъ, что король простаго солдата сдѣлалъ градоначальникомъ за то, что онъ изъ пистолета убилъ графа Саксонскаго; рассказывали, что король, кромѣ Сенъ-Марса, не видитъ ни кого, что маркизъ никогда еще не бывалъ въ такихъ милостяхъ, и что на дняхъ будетъ непременно или адмираломъ или даже конетаблемъ.... Пуссену было скучно; но зато Депорту весело: онъ забылъ свою должность и, не слушалъ, а впивалъ, городскія новости. Наконецъ друзья сжалились надъ Пуссеномъ и разошлись. Остался Депортъ для принятія приказаній.

— Въ Фонтенблѣ я могъ вамъ дѣлать льготы, сказалъ онъ: но здѣсь, простите меня, не сердитесь, я долженъ васъ мучить. Завтра я представлю вамъ всѣхъ художниковъ, послѣ-завтра дворянъ, гражданъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ васъ видѣть и, не будучи съ вами знакомы, могли бы вамъ надобѣсть своими отдѣльными представленіями: приказано допустить ихъ всѣхъ разомъ. Потомъ мы отправимся къ кардиналу; потомъ опять три дня отдыха; а тамъ къ королю: и за работу!

— Всего семь дней! Кажется, у меня не достанетъ ни силъ, ни умѣнья.

— Будьте спокойны и надѣйтесь на человѣка, который столько къ вамъ привязанъ. Простите!

— Подозрительный человѣкъ! сказалъ Пуссенъ, когда Депортъ скрылся.

— Отчего вы такъ думаете? спросилъ Гаспаръ.

— Болѣе двадцати лѣтъ я изучаю человѣческую физиономію. Онъ собираетъ мои слова; онъ пристав-

ленъ руководить моею простодушіею, при слухахъ имѣть законныя доказательства моею неосторожности, если по разсчету погибель моя окажется нужною для пользы этихъ придворныхъ. Ты не слыхалъ, ты не замѣтилъ, сколько здѣсь, въ Парижѣ, самобытныхъ тщеславій? Я воображаю, каково на мѣстѣ ихъ общаго столкновенія! Я думаю, небу жарко отъ страшной битвы происковъ и козней! Только и хорошаго, что не слышишь стоновъ.... Гаспаръ, что-то теперь въ Римѣ? А сестрѣ твоей крѣпко хотѣлось въ Парижъ!

— Что вамъ за охота, Николо, говорить всегда про жену? Какъ-будто меня хотите попрекать! Ужъ, вѣрно, я не виновата въ ея характерѣ и привычкахъ.

— Да кто объ этомъ думаетъ? Но вотъ, любезный другъ, я сколько лѣтъ отучаю себя отъ ревности, а не могу отвыкнуть. Горько! Утрату жены вознаградили мнѣ ты, Гаспаръ, своею прекрасною дружбою; а она....

— Да и она, Николо, право, не заслужила такихъ положительныхъ обвиненій. Молодая женщина — всегда кокетка, а вы — древній Римлянинъ: вотъ и все тутъ! Да между вами и ссоры никогда не было, и я право не понимаю, на какихъ доказательствахъ вы основали свое мнѣніе.

— На какихъ доказательствахъ?.... Цѣлый Римъ говоритъ....

— Да въ Римѣ нѣтъ Ришліё, такъ говорятъ о Пуссенѣ: нѣтъ племянницы кардинала, Мазарини, Комболё, герцогини Эгильионской, такъ и клеветуютъ на жену Пуссена. Вотъ и все тутъ!

Вошелъ де-Вальероль. Глубокая грусть осѣняла прекрасное лице капитана. Онъ былъ одѣтъ въ платье простаго Швейцарца; шляпа и маска были въ рукахъ у него.

— Ахъ, Жоржъ! что же это я васъ цѣлый день не видалъ сегодня?

— Двѣмъ я прятался отъ людей, которые осаждали мнѣ домъ. Любопытство ихъ стало опасно: хотя и многого, а всё-таки и у меня есть знакомые. Ночью, въ платьѣ Швейцарца, я отправился въ предмѣстье Сент-Дени, въ Райскій Переулокъ. Въ моемъ домѣ живетъ булочникъ, а сосѣдей я, безъ маски, не смѣлъ разспрашивать: они всё знаютъ меня въ лицо. Два или три дня спустя послѣ моего несчастія, Эвелина перѣехала, съ итальянскимъ живописцемъ, съ предмѣстья въ эти мѣста; но какъ зовутъ живописца, куда они перѣехали, никто не помнитъ. Вся надежда на Гарь-Пиона: онъ, по привычкѣ, приходитъ къ своей знакомой табачницѣ, табакъ покупать; но очень рѣдко: иной разъ, мѣсяць его не видно. Самъ не знаю, что дѣлать.

— А вотъ что: итти спать. Отдохнемъ! Ждали больше. Когда отдѣляюсь отъ церемоніала, который кончится ровно черезъ недѣлю, даю вамъ слово, я отъищу Эвелину.

— Какимъ образомъ?

— У меня есть сильное подозрѣніе на этого москѣ Деворта. Онъ долженъ быть однимъ изъ сокровеннѣйшихъ клеветовъ кардинала; онъ мнѣ отыщетъ Эвелину. Для васъ я рѣшусь на хитрость.

— Но если онъ узнаетъ, что я....

— Говорю вамъ, я рѣшусь на хитрость. А теперь спать!

Рано по-утру, еще было темно, Пуссенъ разбудилъ де-Вальероля, и отослалъ на верхъ, подъ видомъ заготовленія холстовъ и красокъ. — Прійдутъ гости, говорятъ онъ: могутъ васъ увидѣть; а въ верхней залѣ моя спальня: такъ я назначилъ; поэтому никто не осмѣлится зайти туда безъ моего позволенія, а ваше постоянное отсутствіе можно оправдать лакейскими работами. Гаспаръ будетъ вашимъ товарищемъ, и семь дней во вѣчность: поскучайте; мнѣ хуже.

Почти съ разсвѣтомъ пріѣхалъ Депортъ, примѣтно встревоженный. Пуссенъ замѣтилъ странное состояніе духа своего надзирателя и промолчалъ объ Эвелинѣ. Вскорѣ собралась толпа титулованныхъ художниковъ. Глядя на нихъ въ окно, Депортъ улыбнулся и подумалъ : « Это мой дворъ, помѣстье. Нѣтъ, Пуссенъ ! ты меня ихъ не отнимешь. »

— Прикажете впустить почтенныхъ моихъ сотрудниковъ, сказалъ Пуссенъ.

— Нельзя, рѣшительно отвѣчалъ Депортъ, барабана по стеклу пальцами.

— Такъ я выйду самъ къ нимъ навстрѣчу.

— И этого нельзя. Не сердитесь на меня. Они привыкли къ беспорядку, и первый вашъ шагъ долженъ обнаружитъ строгость и любовь къ порядку. Вы не можете знать, какъ снисходительность не кстаети съ этой челядью ! Художниковъ нѣтъ въ этой толпѣ : не вижу ни одного. Всѣ эти господа — жрецы расчѣту.

« Говоритъ, честный человекъ, а лицо изверга », подумалъ Пуссенъ.

— Наружность обманчива, сказалъ Депортъ, какъ будто отвѣчая на тайную мысль Пуссена : посмотришь, смирное стадо овечекъ ; а въ существѣ, нѣтъ звѣрей съ такою злобою, съ такимъ пронырствомъ.

« Можетъ-быть, опъ и правъ, подумалъ Пуссенъ. Философія его очень согласна со всѣмъ, что я вижу въ Парижѣ. Для опыта, послѣдуемъ его примѣру. »

— Вотъ теперь можно впустить, сказалъ Депортъ, примѣтивъ кого-то въ носилкахъ.

То былъ знаменитый старикъ Калло. Художники вошли. Впереди, при шпагѣ, шелъ Калло. Фукиерръ, также при шпагѣ, старался перебить ему дорогу. Симона Вузъ и Лемерсиде не было. Не стоить исчислять именъ остальныхъ, хотя всѣ эти господа были титулованные художники и по различнымъ причинамъ сохранились въ историческихъ извѣстіяхъ, разбросав-

ныхъ въ безчисленныхъ книгахъ. Почти весь заговорилъ вдругъ; но Фукиерръ, гордо окинувъ взоромъ своихъ спутниковъ и возвысивъ голосъ, сказалъ: — Мнѣ и всѣмъ здѣшнимъ художникамъ очень пріятно васъ видѣть въ Парижѣ. Я слышалъ очень много хорошаго объ вашихъ римскихъ работахъ и очень радъ съ вами познакомиться.

Фукиерръ протянулъ руку. Пуссенъ не охотно подалъ свою и отвѣчалъ: — Вы должны простить, если я не могу привѣтствовать достойно cadaго: я давно изъ Парижа, а въ Римъ, господа, вы совсѣмъ не присылаете своихъ работъ, кромѣ немногихъ художниковъ, которые почти всѣ и живутъ тамъ. Прошу вѣрить моему доброму ко всѣмъ вамъ расположенію и желанію на-дѣлѣ сколько-нибудь доказать мою благодарность его величеству и достойнымъ моимъ покровителямъ. Я очень чувствителенъ къ чести, которую вы мнѣ сдѣлали своимъ посѣщеніемъ, и всегда и каждому готовъ служить совѣтомъ и всякою возможною помощью. Прошу садиться.

Калло глядѣлъ съ улыбкой, то на Пуссена, то на Фукиерра, который, отступивъ на три шага, съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на римскаго владыку. Депортъ едва скрывалъ свою радость. Многіе изъ молодыхъ художниковъ покраснѣли. Калло обратился къ Лабелю и сказалъ: — По-дѣломъ нашему барону! пусть не припимаетъ на себя роли павлина: орелъ побьетъ самую огромную птицу.

— Нѣтъ, Калло, отвѣчалъ Лабель: не ладно! Что Фукиерръ? иностранецъ!.... а пришли французскіе художники.

Услышавъ имя Калло, Пуссенъ оглянулся.

— Если я не ослышался, сказалъ онъ: я имѣю счастье видѣть знаменитаго Калло?

— Калло, только не знаменитаго, потому что въ ва-

ншемъ присутствіи есть гораздо искусственнѣе, и вотъ начну съ Лабеля....

— Какое неожиданное удовольствіе! Въ Парижѣ соперники умѣютъ быть друзьями и отдавать справедливость.

— Да кто же въ этомъ могъ и сомнѣваться?... и вотъ вамъ лучшее доказательство, сказалъ Лабель : Калло, ддятого только чтобы посмотреть на великаго Пуссена, нарочно пріѣхалъ изъ Нанси!

— Милости просимъ, господа! Садитесь, садитесь!

Но всѣмъ усѣсться не было возможности.

Пуссенъ по-очереди принималъ поздравленія и рекомендацію отъ каждаго : около сорока именъ безъ славы вскочили въ одно ухо, въ другое вылетѣли. Когда поименное представленіе кончилось, Пуссенъ съ грустью подошелъ къ граверамъ и спросилъ : — Скажите, что же вы гравируете во Франціи ?

— Съ римскихъ и флорентинскихъ запасовъ, отвѣчалъ Калло : а вотъ теперь ждемъ Лувра. Я старъ; но Лабель, вѣрно, будетъ такъ счастливъ, что передастъ потомству подвиги нашего Геркулеса.

— Вы развѣ оставили рѣзецъ ?

— Сами руки оставили его.

— Но я не видалъ многихъ вашихъ работъ. Вы удостоите меня позволенія посѣтить вашу мастерскую.

— Она вся въ одномъ портфѣйлѣ, отвѣчалъ Калло : и прошу у васъ жертвы, посвятите свободную минуту....

— Сегодня, дорогій Калло ! сегодня !

— А вотъ и Симонъ Вуэ, и Лемерсиэ, сказалъ Лабель, глядя въ окошко.

Пуссенъ встрѣтилъ ихъ на порогъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Симонъ Вуэ всталъ и всѣ за нимъ.

— У насъ есть просьба, сказалъ онъ.

— Приказывайте.

— Удостоите посѣтить общество французскихъ художниковъ и откушать вмѣстѣ съ нами.

- После семи дней, отвѣчалъ Пуссенъ, я вамъ.
- Такъ ровно черезъ недѣлю, въ будущую среду?
- Въ среду, непременно!

Представленіе кончилось.

- Простите, сказалъ Пуссенъ Депорту: бѣгу работать!

И бросился навверхъ къ де-Вальеролю.

- Спасибо за все! сказалъ Депортъ про себя. Теперь уже не зернышко, а цѣлое яблоко, брошено. Мнѣ тоже нуженъ досугъ. Гдѣ найду ихъ? Въ какую сторону броситься? Мазарини, или Сенъ-Марсъ? И за нихъ я отомщу Пуссену!

—

ГЛАВА СОРОКЪ-ВТОРАЯ.

Святъ.

Тѣ же львы, тѣ же собесѣдники.

- Что ты это, Гаръ-Шюанъ, всё дремлешь? Кажется, теперь не жарко.

- Да вчера было жарко. Это черти, не люди, право!

- Не хвастай. А еще какъ усадили тебя вчера возгъ юзайки, такъ ты и давай съ нею свѣяться надъ Орлеанскими! А она, вѣрно, тебѣ земля какого и подбросила.

- Вотъ умная голова! Сейчасъ видно. Такъ, чистыи виномъ, меня не возьмешь.

- А ужъ какую говорилъ ты гиль, когда тебя увели въ общую, въ буфетную!

- Да какъ ты знаешь?

- Эге! мало ли чего! Вѣдь я съ ними былъ, съ ними и Фонтрайя провожалъ.

— Да какъ же я тебя не видалъ?

— Да и они меня не видали.

— Что же ты невидимка, что ли?

— По нуждѣ, братъ, и невидимка. Нужда — старая колдунья. Да что объ этомъ толковать! Вотъ хуже, господа не ѣдутъ, а кажется, изъ замку я всѣхъ разогналъ. Любо было смотрѣть на тревогу: словно охота высыпала въ поле, словно военная вылазка!

— Мастеръ, мастеръ, нечего сказать! Да мнѣ ужасно надоѣла вся эта путаница. Какъ хочешь, а я выдамъ замужъ Эвелину.

— За кого?

— За Альфреда.

— А чѣмъ она будетъ жить? Нѣтъ, Гаръ-Пионъ! по моему, такъ выдать ее замужъ за Сень-Марса.

— Ты съ ума сошелъ! Первая особа въ Парижѣ: мало ли у него невѣсть?

— А Эвелина самая первая во всемъ Парижѣ, потому что Сень-Марсъ порядкомъ влюбленъ въ нее. Только не много искусства, и дѣло сладится!

— Куда бы хорошо! сказалъ Гаръ-Пионъ, потирая руки; потомъ какъ-будто опомнился, плюнулъ и продолжалъ: — Да ты съ ума сошелъ, Гойко! Альфреда она крѣпко любитъ, только не говоритъ.

— Да это развѣ дѣлу помѣха? Вздоръ! И Альфреда сдѣлаютъ маркизомъ, герцогомъ. Знатная дама: какъ же ей безъ угодниковъ жить?

— Гойко! сказалъ Гаръ-Пионъ, грозя кулакомъ и приподнимаясь.

— Да это мы съ тобою, Помпей, такъ разсуждаемъ; но хотъ убей меня, у Эвелины на умъ знатность и знатные нравы. Ну, посмотри, какъ она съ Альфредомъ обращается: за милю держитъ его отъ себя; оба говорятъ всегда съ-высока, полчаса кланяются.... Нѣтъ, Гаръ-Пионъ, ты, можетъ-быть, честнѣе, да не умнѣе меня... ѣдутъ! ѣдутъ!

Карета д'Орбиньи, окруженная дюжиной вооруженных слугъ, подъехала ко львамъ. Проходя мимо Гарь-Пиона, Эвелина спросила, не былъ ли Сень-Марсъ, и пошла на лѣстницу, почти не ожидая отвѣта.

— Стыдно, сударыня! отвѣчалъ Гарь-Пионъ: вѣдь не вы, а я буду отвѣчать капитану. Но Эвелина была уже далеко.

— А что? видишь? сказалъ Гойко. Да и что тутъ дурнаго? Ужъ вѣрно, маркизъ получше замарашки, живописца, отъ котораго всегда или масломъ или скипидаромъ пахнетъ. Твое дѣло не за тѣмъ смотрѣть.

— А за чѣмъ?

— Чтобы все кончилось свадьбой.

— Давай стряпать, чортъ возьми! Только послушай: что скажетъ капитанъ, какъ узнаетъ?

— Ну! скажетъ капитанъ: славнаго мнѣ слугу далъ Богъ! И въ бѣдѣ выручилъ! А Сень-Марсъ, ты знаешь, что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Скажетъ слово королю: капитана привезутъ, маршаломъ сдѣлаютъ, помѣстьями и титулами осыплютъ. Вѣдь все братъ закрыто, а я тебѣ на ушко скажу: кажется, кардиналу послѣдній часъ приходитъ; сегодня на рынкѣ такую штуку читали, что право и маркизу де-Коку не придумать.

— Все это славно; да, право, мнѣ этого Альфреда жалъ.

Гойко не успѣлъ отвѣчать Гарь-Пиону.....

Карета уѣхала; но ее смѣнили носилки. Вошелъ Де-вортъ.

— Кто прѣехалъ? спросилъ онъ со злобой.

— Наши, отвѣчалъ Гойко, не поднимаясь со льва.

— Гдѣ онъ были?

— Плохо платите, господинъ ординарный живописецъ! Спросите у нихъ. Онъ вамъ скажутъ: — «Изъ замку Орбиньи», — вы и успокоитесь.

— Да откуда же они прѣехали?

— Да намъ-то какое дѣло?

Депортъ имѣлъ время и случай убѣдиться, что Гойко безъ денегъ не говоритъ ни слова, и сунулъ ему какую-то монету. Тотъ поглядѣлъ на руку и отвѣчалъ

— За это, право, немного можно сказать. Развѣ только то, что не изъ замку Орбиньи.

— Да откуда же?

Гойко продолжалъ смотрѣть на руку и отвѣчалъ: — Пока ничего больше не знаю.

Еще деньги, и еще отвѣтъ: — Альфредъ Дені разбогатѣлъ: прогулки!.... а по дорогѣ, пожалуй, и въ церковь заѣдутъ.

— Дяволу! въ бѣшенствѣ завопилъ Депортъ. Не пускайте его въ домъ!

И побѣжалъ на верхъ.

Почти вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ Дені. Платье его было въ безпорядкѣ, глаза красные; онъ говорилъ громко, размахивая руками.

— Пріѣхали! черезъ три дня пріѣхали! Я знаю, гдѣ вы были. Я былъ тамъ же; я видѣлъ, какъ пріѣхалъ Сень-Марсъ.... я видѣлъ все.... О! мы объяснимся, мы кончимъ это дѣло!

И Дені вскочилъ уже на лѣстницу. Гарь-Пионъ сталъ у дверей, а Гойко со льва сказалъ Альфреду: — Позвольте, позвольте! не горячитесь. Не приказано принимать.

— Меня? съ изумленіемъ спросилъ Альфредъ. Помпей, что это значитъ?

— Кажется, вамъ ясно сказано, отвѣчалъ Гарь-Пионъ, ушелъ и заперъ двери изнутри.

— Послушай, Филиппъ, сказалъ блѣдный, смущенный Дені, вынимая кошелекъ: послѣднія деньги....

— Не надо. За васъ ужъ заплачено, и я скажу вамъ радостное извѣстіе. Эвелина васъ любитъ страстно и для того выходитъ за мужъ, только не за васъ, потому что она васъ любитъ страстно. Она васъ сдѣлаетъ богатымъ и знатнымъ человѣкомъ и, главное, домашнимъ

другомъ. Только, пожалуйста, не горячитесь и не выйдите насъ; а то, и себя и ее залубите какою жидишскою любовью, если узнаютъ, что вы любите, какъ любить въ комедіи: тогда Эвелина никуда глазъ не показывай! Стыдъ, просто стыдъ, для такой знатной невесты имѣть любовника до свадьбы!

Альфредъ заплакалъ и едва могъ произнести: — Я зналъ, что этимъ кончится! Какъ могла молодая девушка устоять противъ такихъ блистательныхъ искушеній! Но позволь мнѣ сказать ей послѣднее про- сти....

— Далеко же вамъ надобно за этимъ ѣхать!

— Какъ? Да я видѣлъ изъ окна моего друга, Кор- нея, какъ онъ пріѣхали въ каретъ д'Орбиньи!.... Я самъ былъ въ деревнѣ, что при замкѣ!

— Такъ вы видѣли въ каретѣ Эвелину? спросилъ Гойко, улыбаясь.

— Нѣтъ, Филиппъ, я ея не видалъ: занавѣски были задернуты. Но кто же пріѣхалъ?

— Пріѣхала карета за Жаннетой. Посмотрите, еще вилы не улеглась.

— Филиппъ! досказывай, рассказывай, не мучь меня!

— Нѣтъ, сударь, вы горячитесь, и я вамъ не доверяю жизни своей, не доверяю тайнъ страшныхъ.

— Клянусь Богомъ!.... честью!.... искусствомъ!... Говори, говори! Ты видишь, я спокоенъ.

— Здѣсь? на улицѣ?.... Это видно, что вы совершенно ко всему равнодушны и съумѣете сохранить страшную тайну.

— Пойдемъ ко мнѣ, Филиппъ! Куда хочешь, только войдемъ!

— Лучше всего въ тюльрійскій садъ: два шага!

— Ну, говори, Филиппъ! сказалъ Альфредъ, останавливая Гойку въ темной и глухой аллѣ.

— Вы были въ деревнѣ, вы видѣли суматоху въ замкѣ, вы знаете куда бросилась толпа дворянъ: а?....

Вы ничего не знаете! Можеть-быть, теперь бьете на свиданій часъ кардинала.

Альфредъ вздрогнулъ.

— Можеть-быть, говорю я; потому что въ случаѣ неудачи, всѣ эти господа бросятся въ Седанъ, къ герцогу Бульионскому. А?... поняли?

— Но гдѣ Эвелина, Филиппъ?... гдѣ Эвелина?

— Теперь, право, не знаю, отвѣчалъ спокойно Гейко: полагаю, уже близко границы.

— Такъ и она уѣхала?

— Въ Седанъ.

— Я ѣду въ Седанъ!

— Мнѣ для этого оставлены и деньги. Извольте. Но, ради Бога, будьте благоразумны; слѣдите видѣ, будто вы и незнакомы съ Эвелиной, а познакомьтесь ницте случая на охотѣ, на балѣ, чѣ-нибудь въ этотъ родъ.

— Благодарю за совѣтъ! Не нужно мнѣ звонка денегъ. Возьми ихъ за дьявольскую услугу. Ранѣе стали помогать несчастному любовнику! Но я отомщу за себя!

— Видите? вы горячитесь, и вмѣсто благодарности, хотите погубить насъ! Подождите до вечера. Я тоже ѣду сегодня въ Седанъ. Не прикажете ли сказати?...

— Ни слова! ради Бога, ни слова! Они успѣютъ приготовиться.... Женщины! и я повѣрилъ вамъ!.... О! какъ злобно, какъ коварно, избавились вы отъ несчастнаго бедняка!.... Въ замокъ Орбиньи!.... И тогда же сомнѣвался, и какъ ужасно сбылись мои сомнѣнія!

— Да какія сомнѣнія? Говорятъ вамъ, что васъ любить страстно.

— И я съумѣю отблагодарить за эту честь!

Альфредъ исчезъ, какъ молнія.

— Я зналъ, что онъ не возьметъ денегъ, сказалъ Гейко. Какой благородный характеръ! Пстой, дружокъ!

та въ Парижъ не воротились, только бы успеть до вѣселя сегодня!

Гайко бросился за Альфредомъ въ пороги.

Депортъ дрожалъ отъ бѣшенства. Дамы дохотали, когда онъ имъ рассказывалъ небывалую прогулку съ Альфредомъ; но когда дѣло дошло до угрозъ, Джулита приняла важный видъ и сказала съ нѣкоторою торжественностию: — Перестаньте, Депортъ! Я съѣздила васъ дворяниномъ; хлопочу о маркизатъ, не для васъ, а для себя. Хотите идти въ долину? хорошо, мнѣ все равно; не хотите? я тотчасъ беру дѣтей и Эвелину, Жаннету, Гаръ-Пиона, и переѣзжаю въ замокъ Орбини, а вы безъ насъ не далеко пойдете. Вѣдь, право, скучно! Какія вы имѣете на меня права? Сами подумайте! Какіе предлоги къ подозрѣніямъ? Изъ благодарности, вы бы должны молчать, или говорить съ нами, какъ соучастники общаго заговора.

Депортъ смягчился.

— Джулита, сказалъ онъ съ нѣжностью: кардиналъ принимаетъ участіе въ судьбѣ бѣдной сироты; я долженъ отдавать ему ежедневный отчетъ во всемъ, что до нея касается; кругомъ толпа лазутчиковъ; войдите въ мое положеніе!

— Вы лжете.

— О! чѣмъ увѣрить тебя въ этой горькой истинѣ?

— Почему же горькой?

— Потому-что за ваши прогулки достанется мнѣ.

— Кардиналу теперь не до васъ: онъ умираетъ,

— Вы шутите: онъ почти совсѣмъ выздоровѣлъ! Вчера я былъ у него ночью. Онъ не диктовалъ, какъ обыкновенно, а писалъ самъ.

Джулита поблѣднѣла и отворотилась. Стукъ кареты прервалъ объясненіе. Вошелъ Гаръ-Пионъ и доложилъ:

— Марія Пальфи, изъ Милана.

Джудита была уже на крыльцах, Марія въ слѣ объятіяхъ.

— Моя сестра, сказала Джудита отрывисто, обращаясь къ Депорту. Вотъ мосьё Депортъ, Марія! Пойдемъ, пойдёмъ въ мои комнаты.

Депортъ остался одинъ въ залѣ.

— Что за дьявольщина? сказалъ онъ мрачно. Еще новое лицо!.... еще красавица! Но, или я несчастливъ по этой части, или слишкомъ широко раскинулъ тенета. Попалось много птицъ, а ни одной не могу подрезать крыльцевъ. Положеніе мое опасно. Господи! когда же выдадутъ замужъ эту Марію Неверскую? Тогда онъ мой! совсѣмъ мой!.... тогда счастье мое упрочено надолго, навсегда! Милость короля къ Сень-Марсу за это ручается. Съ дня на день откладываютъ это замужество. Плохъ кардиналъ, плохъ сталъ! Значитъ, близко къ новому министерству. Но кто будетъ министромъ? Сень-Марсъ, или аббатъ Мазарини?

— Аббатъ Мазарини! сказалъ громко Гаръ-Шювъ, и маленькій аббатъ вошелъ въ залу.

Депортъ невольно взглянулъ на стѣну и остолбенѣлъ: на ней не было портрета Мазарини.

— Здравствуйте, сказалъ аббатику. Что вы это такъ задумались?

— Объ васъ, monsieur l'abbé.

— Называйте меня по-прежнему эминенціей.

— Какъ!

— Въ Римъ стали платить впередъ. Завтра все будетъ известно: но ради самаго Бога, Пуссена скорѣе вонъ изъ Парижа!.... Да! кстати! исторія Джудиты перестаетъ быть тайной: въ новомъ платьѣ, я самъ расскажу нашу повѣсть со слезами на глазахъ. Печальная необходимость произведетъ эффектъ на придворныхъ дамъ: не правда ли?

— Что вы хотите дѣлать, emminenza? Ради самаго Неба, что вы хотите дѣлать?

Мазарини не отвѣчалъ, сѣлъ и осматривалъ комнату.

— Мнѣ помнится, въ этой залѣ, сказалъ онъ : висѣлъ мой портретъ.

— Онъ теперь въ мастерской : заказано пропастъ коній.

— Не забудьте переѣхать костюмъ.

— И вы это говорите мнѣ ! Не я ли предрекъ вашей эминенціи скорое возвышеніе ? Не я ли усердствовалъ для пользы вашихъ ?

— Полно, полно, Депортъ ! Ты служилъ усердно другому кардиналу, моему благодѣтелю, и противъ меня. Бѣ счастью, твоя злоба не могла насытиться во дворцѣ Мазарини. Обстоятельства, которыми связаны были мои дѣйствія, ничтожныя, пустыя любовныя интриги молодыхъ лѣтъ, могли помѣшать мнѣ при дворахъ Людовика и Урбана. Цѣль достигнута, и я самъ болѣе не хочу хранить тайны : хуже, если эту тайну расскажутъ другіе. Понимаешь ли, Депортъ ? это — расчетъ по твоей наукѣ. Благодарю за уроки !

— Но вы погубите меня, отчаянно сказалъ Депортъ : моего друга, слугу, приверженца ! Тайна нужна мнѣ ; Парижъ долженъ почитать мою жену ангеломъ чистоты и простоты.

— А зачѣмъ, смѣю спросить ?

— Это мой расчетъ. Но, впрочемъ, Богъ съ вами ! рассказывайте что вамъ угодно. Я придумалъ нѣкоторыя оборонительныя средства.

— А какія, смѣю спросить ?

— Ваша эминенція, насмѣшливо отвѣчалъ Депортъ, изволите считать меня пошлымъ дуракомъ. Какой полководецъ показываетъ врагамъ свои планы ?

— Ага ! такъ я уже врагъ ?

— Вы хотите быть врагомъ моимъ, но я заставлю васъ быть моимъ другомъ, если вы не согласны добровольно....

— Напротивъ ! Пожалуй, я могу и молчать. Но, за

сохраненіе тайны; позвольте мнѣ, въ свою очередь, предложить условія:

— Какія, осмѣлюсь спросить?

— Первое : Пуссенъ ; второе : Эвелина.

— Это только имена, ваша эминенція : я не вижу условій.

— Первое : выдумайте, сочините, создайте, изобрѣтите; украдете какія-нибудь причины немедленнаго удаленія Пуссена изъ Парижа; второе не требуетъ объясненія.

— На первое я по душѣ согласенъ и, съ вашею помощью, конечно, достигну цѣли; на второе.... охъ! вы не знаете, кто Эвелина, вамъ никогда и не снилось, какая ужасная тайна скрывается подъ вымышленнымъ именемъ! Мы взяли имя изгнанника, и, кажется, ничего искуснѣе не могли выдумать. Но кардиналъ-герцога никогда не прочь отъ хорошей партіи, отъ партіи, которая бы согласовалась и съ происхожденіемъ Эвелины и съ политическими видами.

— Кого же вы хотите женить на ней?

— Вы должны были давно угадать жениха. Догадывайтесь. Но клянусь вамъ, я не скажу ни слова, хотя бы васъ съѣлаи папой римскимъ.

— Теперь я понимаю требованія кардинала! Послушайте, Депортъ. Условіе перемѣняетъ видъ свой : «до смерти кардинала-герцога, Эвелина не выйдетъ замужъ». Это въ вашей власти.

— Я простой дворянинъ : мнѣ трудно противиться приказаніямъ кардинала-герцога : велитъ, и сегодня же повезу Эвелину въ церковь. Если бы я былъ маркизомъ, напиримѣръ, имѣлъ свой замокъ, помветье... можетъ-быть, въ надеждѣ будущихъ благъ, при другомъ министерствѣ, я сыгралъ бы роль влюбленнаго, увезъ бы Эвелину въ укрьпленный замокъ; можетъ-быть, исчезъ бы на время изъ Франціи съ Эвелиной: но не иначе, какъ маркизомъ!

Мазарини привелъ думался.

Деспортъ продолжалъ: — И вообще мнѣ какъ-то не-
любо при выискивать дворянъ. Новоисколованный дворян-
никъ, я слышу почти повсюду за столами нашихъ
салоникъ; кругъ моей дѣятельности на пользу вашей
эминенціи тѣсенъ: мнѣ нужны другой чинъ, другое
званіе. Что такое живописецъ? Ремесленникъ, наем-
никъ!.... Дайте какое-нибудь начальство, власть, во-
вѣстную должность. Не понимаю, какъ я до сихъ поръ
хлопочу Богъ знаетъ для кого и безъ малѣйшихъ вы-
годъ! Что ваше дворянство? Вы раздаете его сотнями:
споро шлагъ не станетъ. И вотъ награда за такія опас-
ныя заслуги!

— Но, милый мой, маркизатъ не жалуется. Длинная
исторія: надо отыскать или купить свободный мар-
кизатъ.

— Тѣмъ легче для вашей эминенціи.

— Я подумаю, отвѣчалъ Мазарини, понизивъ голосъ:
но нельзя ли видѣть Эвелины?

— Не знаю, будетъ ли вамъ пріятно видѣть ее вмѣстѣ
съ Джудитой.

— Одну, одну, ради Бога! Надо же намъ обознако-
ниться.

— Когда кончится пріемъ Пуссена, я вамъ назначаю
сиданіе въ тюльрійскомъ саду. Но....

— Довольно, довольно, Деспортъ! За услуги я умѣю
быть благодарнымъ: и такъ свѣжи еще доказатель-
ства!.... Прощайте.

ГЛАВА СОРОКЪ-ТРЕТЬЯ.

Недоразумѣніа.

Въ уединенномъ покоѣ, который справедливо назы-
вался кабинетомъ Джудиты, сидѣли три престелныя

собесѣдницы. Съ двумя мы уже знакоми, а третья была тремя-четырьмя годами постарше Джудиты. Итальянскій узкій костюмъ придавалъ Маріи много прелесть, съ большою точностью означая прекрасный ростъ и изысканность формы. Лицо, чуднаго очертанія, сохранило всю пріятность, доброту и свѣжесть юности; глаза не-малымъ по-прежнему: однѣ губы нѣсколько были сухи. Ни время года, ни усталость дальняго и невыгоднаго пути, не имѣли ни какого вліянія на эту веселую вдову въ глубокомъ траурѣ. Она говорила почти одна, хохотала; руки и глаза ея были въ постоянномъ движеніи. Нѣсколько разъ она вскакивала съ мѣста и разыгрывала цѣлыя сцены изъ любопытной и драматической жизни своей. Но мы не смѣемъ обратить ея рассказовъ въ третій эпизодъ нашей исторіи, потому что случаи жизни Маріи не имѣютъ ни какой связи съ ея содержаніемъ.

— Какъ жаль, сказала Джудита: что ты опоздала тремя днями, Марія! Теперь въ замкъ д'Орбиньи остались только дамы, не совсѣмъ довольныя постоянствомъ капитана. Онъ просваталъ за него, я думаю, полтъ-прижа; но Генрихъ остался вѣрнымъ данному слову.

— Да мнѣ какое дѣло до вашихъ дамъ? Лишь бы Генрихъ любилъ меня по-прежнему! Правда, я опоздала нѣсколько пріездомъ. Но ты виновата, Джудита, виновата твоя милая Эвелина, и Генрихъ, вѣрно, за это на меня не разсердится. Мужъ мой умеръ въ пятницу, ине умеръ, а сгорѣлъ, угасть.... такъ тихо, такъ спокойно! Онъ зналъ нашу тайну и благословилъ меня на замужество. Одно его мучило: что я должна ѣхать во Францію, туда, гдѣ царствуетъ ужасный Ришліѣ. Въ Италіи такъ же ненавидятъ кардинала, какъ и въ Парижѣ. Я обѣщала выманить д'Орбиньи въ Флоренцію, въ нашъ небольшой палаццо, въ наши роскошныя виллы. Умеръ: пошли хлопоты съ похоронами; я едва-едва умѣла распорядиться. Чувства мои были совер-

нико не переувѣнаны : мнѣ было жаль покойнаго : я такъ его уважала !.... но будущность мнѣ улыбалась. Долгъ дружбы отсрочивалъ мое счастье : я поехала въ Римъ, искать де-Вальероля.

— Сама ? воскликнули слушательницы.

— Да что за чудо ? Но вотъ бѣда : около трехъ дней не малѣйшаго слѣда не могла я открыть ; на четвертый съѣздила я гостинницу, гдѣ, по всемъ примѣткамъ, капитанъ прожилъ около трехъ недѣль, расплатился и ушелъ. — Такъ онъ не уѣхалъ ? невольно спросила я. — « Конечно не уѣхалъ ! » отвѣчала мнѣ дѣвочка лѣтъ десяти, дочь хозяина : « я частенько встрѣчала его съ Пуссино на Испанской Площади. » — Я къ Пуссино : уѣхалъ во Францію, и весь домъ запертъ и заколоченъ. Мнѣ совѣтовали обратиться къ москѣ Дюгè, тестю художника. Пріѣзжаю : все семейство Дюгè съ женою Пуссино уѣхало въ Неаполь. Что за бѣда ! подумала я : съѣздимъ и въ Неаполь ; я же никогда его не видала, а можетъ-быть, придется умереть во Франціи. Но и тутъ неудача : семейство Дюгè уѣхало, недѣлю тому назадъ, въ дальнѣйшее путешествіе. Куда ? Никто не могъ сказать мнѣ. Тогда, нечего дѣлать, я цѣлую ночь убѣждала себя, что долгъ дружбы исполненъ ; наконецъ убѣдилась и отправилась во Францію. Вы видите....

Но Эвелина прервала рѣчь Маріи жаркимъ подѣлуемъ благодарности.

— Намъ остается, сказала Джудита, узнать объ отцѣ твоємъ отъ самого Пуссена.

— Но какъ это сдѣлать ?

— Пошлемъ Альфреда.

Позвали Гаръ-Піона.

— Что, Альфредъ въ мастерской ? спросила Эвелина.

— По-дѣломъ вамъ, сударыня : вы его болѣе не увидите !

Общее изумленіе.
— Да! господинъ Денортъ прогналъ его со двора! не приказалъ въ домъ входить!

Общій ужасъ.

— А онъ, бѣдняжка, съ горы повхалъ въ Седанъ бунтовать.

Всѣ расхохотались.

— Не нивольте смѣяться. Гойко лошадей наминалъ, вещи укладывалъ и господину Денорту доложить: такъ ужъ нечего сомнѣваться.

Эвелинъ стало дурно. Гаръ-Піонъ, глядя на нее, началъ головой; женщины около нея суетились. На улитъ раздался стукъ, и Гаръ-Піонъ поспѣшилъ на свое мѣсто.

Эвелина ожила.

— Не Адфредъ ли? вскрикнула она, и дамы бросились въ гостиную, но тамъ нашли Сень-Марса и д'Орбиньи.

Сень-Марсъ остолбенѣлъ, когда д'Орбиньи бросился въ объятія Маріи; но удивленіе его еще болѣе возрасло, когда Эвелина, увидавъ ихъ, упала въ обморокъ.

— Что съ нею? спросилъ Сень-Марсъ.

— Акъ! не спрашивайте. Какая-то невидимая сила ходитъ между нами и преслѣдуетъ всѣхъ насъ неутомимо: то обманула насъ ложною смертію кардинала, то испугала ложнымъ бѣгствомъ Адфреда Дені въ Седанъ.

— Ложнымъ? сказалъ Сень-Марсъ. Нѣтъ, дѣло уже въ парламентъ. Король простилъ Бульмона и всѣхъ его приверженцовъ; но кардиналъ сдѣлалъ свое, и парламентъ объявилъ, что кто осмѣлится, безъ особеннаго позволенія властей, вздуть или ходить въ Седанъ и нѣкоторыя другія провинціи, будетъ почитаться мятежникомъ и, подлѣ смертнаго казненія, возвратиться во Францію не можетъ. И эта мѣра принята вслѣдствіе

Отецъ какого-то Альбрехта. Дядя съ друзьями отъ
длинныхъ друзей Бульона.

— Какое-то, пора женить этого накарала, сказала
Джудита, съ трудомъ скрывая бышенство. Мести, мар-
ши!.... и требую-мести!

— Кому, Джудита?

— Депорту! Онъ сбывалъ Альбрехта изгнанникомъ.
Но пока молчите: надо обмануть Эвелину.

— Какъ? развѣ этого Альбрехтъ?...

— Ея женихъ.

Сенъ-Марсъ нѣмѣлся въ лицу. Оскорбленіе было
малко. Онъ не зналъ что отвѣчать; но Джудита не об-
ращала вниманія на его замѣшательство и продолжала
хлопотать около Эвелины. Д'Орбизини съ Маріей не
видѣли, не слышали ничего у окна: они на-скоро что-то
рассказывали другъ другу. Сенъ-Марсъ не зналъ къ
кому обратиться. Вошелъ Депортъ въ то самое время,
когда Эвелина очнулась.

— Гдѣ Альбрехтъ? спросила Джудита торжественно.

Депортъ глядѣлъ на всѣхъ изумленными глазами.

— Гдѣ Альбрехтъ? повторила Джудита, такимъ го-
лосомъ, что всѣ вздрогнули.

Оправясь нѣсколько, Депортъ отвѣчалъ:—Альбрехтъ
въ мастерской или дома.

— Съищите его! закричала Джудита: гдѣ хотите,
найдите моего Альбрехта! Безъ него, наша комедія кон-
чена; понимаете ли, моё-де Депортъ?

— Что съ тобою, Джудита? спросилъ Депортъ, умо-
ляющимъ голосомъ.

— Довольно, довольно! Безъ моего согласія, ни ша-
гу изъ Франціи бѣднаго Альбрехта. Но это не удаст-
ся! Я сама пойду къ кардиналу и расскажу, какъ вы
употребляете во зло довѣренность Ришліё: мнѣ еще
поверить: мои доказательства слишкомъ ясны. При-
знавайтесь: какую клевету напустили вы на Альбрехта?

— Вы дворянство, вы насъ правили: имену, джентль, если бы вы ихъ нмѣли!

— Депортъ не зналъ, куда дѣваться.... Восталъ Корнель.

— Кто изъ васъ, господа, Филиппъ Депортъ, изъ Ліона? спросилъ онъ, твердымъ, но краткимъ голосомъ.

— Что вамъ угодно? сказалъ Депортъ, заинтересовавшись.

— Скажите, какое преступленіе сдѣлалъ молодой человекъ Альфредъ Дені, изъ Руана, въ которомъ я принимаю живое участіе?

— Чтѣ за дьявольщина! со злобой закричалъ Депортъ. Да я никому не обязанъ отчетомъ въ поступкахъ моихъ учениковъ внѣ школьной залы! Говорю вамъ, всѣмъ и каждому, что я ничего не понимаю въ вашихъ вопросахъ!

— Бѣдная мать Альфреда, сказалъ Корнель, умереть съ горя, если повелѣніе парламента достигнетъ до Руана, прежде нежели я успѣю ее приготовить къ этому неожиданному несчастію. Объясните мнѣ преступленіе Альфреда: я еще не теряю надежды умолять кардинала.

— Карету! сказалъ Депортъ: карету! Черезъ часъ я все узнаю.

— Стой! закричалъ Сенъ-Марсъ: ты не поѣдешь, пока не объяснишь мнѣ, Депортъ!.... понимаешь ли? мнѣ!.... всѣхъ своихъ клеветъ и обмановъ.

— Объясню все королю и никому болѣе!

— Къ королю? сказалъ Сенъ-Марсъ. Мы вдемъ вмѣстѣ!

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! отвѣчалъ Депортъ. — А вы, милостивый государь, сказалъ онъ Корнелю: потрудитесь обратиться съ вашими вопросами къ сообщникамъ заговора, а не ко мнѣ: я не участникъ.

Всѣ побѣдились, кромѣ Корнеля.

— Но кто они? спросилъ Корнель.

— Не все дело, отъ меня Депортъ лучше чѣмъ изъ насъ. Я раздумала, написать. Теперь поздно: пора спать. Не кардиналъ, а дуракъ, преснулся. Не угадалъ къ кардиналу?

Замѣчательство заговорщиковъ еще болѣе возрасло, когда Депортъ какъ-будто что-то вспомнилъ и пошелъ въ кабинетъ, приговаривая: — Хорошо, если ихъ задержали!

— Нѣтъ ли у него какихъ-нибудь записокъ, писемъ? спросилъ д'Орбиньи тревожно.

— Я ничего не понимаю, отвѣчала испуганная Джудита. Кажется, я погорячилась. Но, ради Бога, уважайте възъ! Я его не выпущу сегодня и все узнаю.

Всѣ уехали. Остались только дамы. Депортъ вошелъ съ пучкомъ бумагъ.

— А гдѣ же они? спросилъ онъ, съ изумленіемъ.

— На своихъ мѣстахъ, отвѣчала Джудита: Сенъ-Марсъ поехалъ къ королю, д'Орбиньи къ Мазарини, Корвалъ къ кардиналу.

— Любопытно, что они наговорятъ тамъ. Завтра будетъ комедія, какой при дворѣ не бывало. Но, милость Джудита, взглянуть тебѣ, что въ судьбѣ Альберета я не приняла ни какого участія.

— Такъ, вѣрно, какой-нибудь особенный проговоръ въ заговорѣ! сказала Джудита съ притворнымъ изумленіемъ.

— Вѣсмы быть можетъ.

— Да какой же заговоръ? Нѣтъ ли у васъ по-крайней-мѣрѣ слѣдокъ? Вы напрасно отъ меня скрываетесь. Незаурядное между нами опасно: одна минута, съ своимъ характеромъ, и все наше зданіе разрушилось безъ основанія. Ради Бога, каковъ бы онъ ни былъ, уйдите отъ заговора! Не знаете ли вы хотя одного сообщника?

— Ты напрасно перепугалась, Джудита. У меня это такъ сорвалось съ языка, а я право не знаю ни какого

заговора, и в моих распоряжении. Не надо развешивать желтых газет, а употребить интригу по истинному, неподкупному, и мало по образу, что у шкляки какой-то заговоръ.

— И презабавный! отвѣчала со смехомъ Андрута. Не отъ васъ это тайна, потому что вы ненавидѣте Симона Буэ.

— Ради Неба, какой же это заговоръ? Клянусь, я знать не буду. Я ненавижу Буэ, пока онъ у меня лежалъ на дорогѣ: нерешающую, и совершенно сталъ къ нему равнодушенъ. Теперь у меня другой врагъ.

— Вотъ ужъ не могу придумать, кто можетъ быть врагомъ вашимъ!.... развѣ Альфредъ?....

— Боже сохрани! Я крайне огорченъ, что обстоятельства отняли у меня правую руку, и завтра же Альфредъ получитъ прощенье.

— Вы не шутите? воскликнули дамы.

— Ахъ, Господи, Боже мой! когда вы перестанете сомнѣваться? Ну, сами подумайте: я не выхожу изъ дома заниматься работами, а заказываю провѣсть. Кто же теперь будетъ исполнять съ такимъ усердіемъ и искусствомъ? Конечно, я, въ досадъ на вашу провѣсть, отъ казаль ему отъ дому, но съ умысломъ, чтобы онъ оцѣнилъ. Какой онъ теперь женихъ? Надо денегъ накопить для свадьбы, а онъ нищій. Сколько работъ я заказываю ему! Вы видите, что я самъ думаю составить ему сестраше и берегъ Эвелину.... для кого? для него же! Ноужели вы меня считали такимъ глупымъ дуракомъ, что я уже не могъ и забыть взаимной склонности? Неожиданный отвѣздъ Альфреда только мнѣ одному понятенъ. Это услуга Симона Буэ: онъ сманилъ въ Седанъ Альфреда, куда уже давно герцогъ Бульионскій приглашаетъ хорошаго живописца; сманилъ для того, чтобы лишить меня такого превосходнаго товарища, не ученика. И, конечно, я не

время этого. Симону, если наварное узнаю! Но ради Бога, въ чемъ же этотъ заговоръ?

— Не противъ васъ, не противъ вашего друга, скажемъ Джулита.

— У меня пять друзей.

— А этотъ Пуссенъ?

Депортъ улыбнулся и отвѣчалъ: — Не понимаю, за чѣмъ такая нежелательность къ Пуссену!

— Какъ за что? Вспомните, какъ его принимали въ Фонтенблô и Парижъ! Король и кардиналъ назначили особенный церемоніалъ для свиданія съ художникомъ. Каково это видѣть старымъ дворянамъ, которые по гясаду ожидаютъ позволенія явиться въ Рюэль? Такъ не принимали многихъ пословъ и принцевъ! Съ другой стороны, Симонъ Вузъ любимъ и уважаемъ всеми. Немилость къ нему чувствительна всему Парижу.

— Такъ на чѣмъ же рзышился дворана?

— Вы увидите.

— Если вы предполагаете, что я другъ Пуссену, смѣните ошибку! Пуссенъ именно тотъ врагъ, о которомъ я упоминалъ уже.

— Какимъ образомъ?

— Старинная римская исторія.... Но я не хочу участвовать въ заговоръ.

— По крайней-мѣрѣ не будете пренятствовать?

— Въ этомъ вы можете ихъ увѣрить. Вы не знаете, Джулита: въ этомъ заговоръ есть и политическая цель. Сила Пуссена огромна: боится, чтобы онъ не сдѣлалъ любимцемъ короля. Забавное безпокойство!.... я думаю, никто менѣе Пуссена не способенъ быть пренятымъ! Чему вы свѣтесъ, Джулита?

— Не могу безъ смѣху вспомнить, какая поднялась буря и разрышилась пустынями! И вотъ вамъ урокъ, мосьё Депортъ, какъ вредна для насъ взаимная секретность! Не пора. Прощайте, мосьё Депортъ. Не забудьте Альфреда.

Депортъ почтительно раскланялся дамамъ. Долгое полночь дамы шептались и дохотали надъ легководствомъ Депорта, а Филиппъ, до самаго утра, соображаясь всѣ слова, всѣ взгляды этой занимательной сцены; перечитывалъ пукъ писемъ къ Альберту отъ разныхъ лицъ, доставленный Депорту услужливыми Гойффридъсколькими золотыхъ монетахъ; перечитывалъ и дробился въ каждомъ словѣ какаго-нибудь особеннаго, таишаго смысла.

ГЛАВА СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Столичная обитель поэта.

Во дворцѣ герцогини Эгильонской, племянницы маршала, въ отдаленномъ флигелѣ, на дворѣ, слуга убирала кое-какъ небольшую комнатку. Простая кровать съ старыми занавѣсками, стояла въ углу; камины — съ признаками дурнаго состоянія трубъ; окна — въ видѣ географическихъ картъ, которыя чертитъ ученики въ классахъ, заклеенныя бумажками. У средняго окна, которое всему флигелю съ фасада сообщало видъ колона, потому что было вдвое претивъ прочимъ, а форма походило на греческую π , стоялъ рабочий столъ времени Франциска Втораго. Каждый ящикъ былъ облепленъ рѣзбою, во многихъ мѣстахъ обваливавшаяся; на дверцахъ — стекла съ неразгаданными картинками; три ножки были рѣзныя каріатиды съ египетскими головками, а четвертую замѣняло отесанное, даже не окрашенное, полѣно. Выдвижной столъ, подерживаемый двумя амурами въ красивыхъ шапочкахъ, покрытъ былъ бумагами и книгами. Убира-

комнату, лакей вытеръ не засохшее еще перо о лоскутки старыхъ разорванныхъ обоевъ, закрылъ чернильницу огромной шапкой, въ видѣ корабля, потому что стеклянная чернильница по огромности и формѣ представляла скульптурное изображеніе Чернаго Моря, и сталъ укладывать книги, большія внизъ, маленькія наверхъ, gradatim. Двери въ сѣни были растворены, потому что пыль, встревоженная слугою, несмотря на всю его лѣнность, съ избыткомъ наполняла комнату и столбомъ выходила въ сѣни и садъ.

— Дома ли мосьё Корнель? спросила какая-то женщина.

Слуга посмотрѣлъ на гостью и отвѣчалъ съ улыбкою, какъ-будто самъ про себя:—Рано пташечка прилетѣла! Видишь какой!.... и за нимъ водится.

— Дома ли мосьё Корнель? покраснѣвъ, спросила женщина.

— Въ саду грѣется.... (Кстати пришла : и камина топить не надо.)

Лакей, вѣроятно, еще бы любезничалъ по-своему, но въ сѣняхъ появился Корнель, съ карандашомъ и книжечкою въ рукахъ.

— Мадамъ Депортъ! воскликнулъ Корнель : кого вы ищите?

— Великаго Корнеля!

— Корнель я, безъ прилагательныхъ, къ услугамъ вашимъ.... Милости просимъ! милости просимъ!....

Вошли. Лакей, улыбаясь, удалился и заперъ дверь.

— Чему обязанъ я такимъ пріятнымъ и неожиданнымъ посѣщеніемъ? спросилъ Корнель.

— Необходимости, отвѣчала Джудита. Депортъ обвиняетъ насъ. Ссылка, или удаление Альфреда, это его хитрость. Вы въ милостяхъ у кардинала, и можете быть, вамъ удастся....

— Все кончено, отвѣчалъ Корнель. Жалѣю, что я не могу объ Альфредѣ.

— Когда же успѣли вы?

— Сегодня ночью. Ни какой надежды! Тутъ что-нибудь кроется. Кардиналъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я занимался стихами и не вмѣшивался въ дѣла политическія. Онъ прибавилъ къ этому сотню шутокъ. О! глотать эти пилюли не весело.... Въ милостяхъ! Какъ бы я дорого заплатилъ, если бы кто-нибудь купилъ у меня домъ, языкъ, націю : я переехалъ бы изъ Руана въ Италію, и тамъ, на сладостномъ языкъ Петрарки и Аріоста..... Нѣтъ! и тамъ мысли въ оковахъ; и тамъ слава зависитъ отъ монсиньоровъ : всѣ деньги въ рукахъ крѣпкихъ владыкъ, вкусъ въ ихъ гостинныхъ. Пиши, учись, думай.... объ чемъ?... какъ приличнѣе испортить созданіе души, которая творитъ въ отсутствіе Ришліё. Повѣрьте, рука мерзнетъ, когда воображу, что стихъ, такъ звучно изливавшійся изъ воспламененной души, долженъ прежде коснуться чугунаго слуху кардинала-герцога, слуху, который, кромѣ лести, не понимаетъ другихъ человѣческихъ чувствъ и страстей!

Корнель остановился и со слезами глядѣлъ на Джудиту; глаза его блистали, безпокойство сіяло во всѣхъ чертахъ.

— Не смотрите на меня съ сомнѣніемъ : я не продамъ великаго человѣка, сказала Джудита.

— Да! тяжело! грустно! больно! Работаетъ для Франціи; какъ пчела, несешь добро на вѣрныя страницы; знаешь условія и обвертываешь завѣтныя мысли въ хлопчатую бумагу лести : страшная рука, звѣрскія когти сотрутъ, сдерутъ добро, и оставятъ только лезть и ничтожныя фразы.... И эта поэзія Французовъ?

Корнель такъ сильно стукнулъ ногой, что рабочий столъ или, какъ Французы называютъ, секретарь, во многихъ мѣстахъ потерялъ рѣзбу и струи пыли поднимались въ комнаѣ.

Но этотъ порывъ угнетеннаго генія былъ слишкомъ силенъ, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, холодъ,

лихорадочная дрожь смѣнила горячку : Корнель прихвѣтно измѣнился въ лицѣ ; опустивъ голову на грудь, онъ долго молчалъ. Джудита не смѣла прервать молчанія. Корнель вздохнулъ и сказалъ съ горечью: — Вамъ свѣшно, я думаю?

— Досадно, отвѣчала Джудита. Пусть мы, простые люди, проходимъ жизнь какъ оврагъ, исполненный всѣхъ возможныхъ колючихъ растений, съ отравленнымъ воздухомъ, съ гниющими болотами : но зачѣмъ вы страждете вдвойнѣ ? Не понимаю !

— И вы несчастны ? А мнѣ казалось,....

— Я привыкла глядѣть на злодѣйства и улыбаться. Но чувствительность женщины имѣетъ свои предѣлы, и судьба Эвелины не даетъ мнѣ покою. Она невѣста Альфреда.

— Знаю.

— Мазарини ищетъ ея любви.

— Мерзавецъ !

— Сенъ-Марсъ тоже.

— Шалунъ.

— А мужъ мой, Депортъ, только оттого не рѣшается на злодѣйство, что не знаетъ, кому прійдется заступитъ мѣсто кардинала !

— Ну, ужъ вашего мужа я и назвать не умѣю!.... что же вы намѣрены дѣлать ? спросилъ Корнель.

— Я пришла съ вами посоветоваться.

— Когда я полюбилъ нынѣшнюю мою жену, я пришелъ къ кардиналу. Примѣтивъ грусть мою, онъ спросилъ : «Что, пятый?», то есть, пятый сочинитель комедій по плану кардинала. — Я полюбилъ дѣвушку, хочу жениться ; но отецъ не соглашается. — «А кто отецъ?» — Я назвалъ. Кардиналъ написалъ записку и послалъ въ Руанъ : несчастнаго тестя моего притащили изъ Руана съ дочерью и велѣли согласиться на мое желаніе.

— Такъ что же ? спросила Джудита.

— Ты, отвечалъ Корнель, что нашъ советъ бесполезенъ. Я исполню мой долгъ. Напишу къ женѣ, чтобы сейчасъ ѣхала въ Парижъ : пусть возьметъ Эвелину и отправляется въ Руанъ. Матушка Альфреда — единственный другъ моей жены и самая достойнѣйшая въ мірѣ женщина. — Но, продолжалъ онъ, подумавъ: паложитъ ли это узду на дерзость любово-страстныхъ злодѣевъ?

— Несомнѣнно, отвечала Джудита : въ Руанъ за ней не погонятся. Я хотѣла перевести Эвелину въ замокъ д'Орбиньи, но тамъ она не укроется отъ преслѣдованій.

— Васъ зоветъ герцогиня, сказалъ слуга, отворивъ двери.

— Вы слышите, замѣтилъ Корнель : даже не просить, а зовутъ... и я долженъ повиноваться! Подумайте, безопасенъ ли руанскій мой домъ для невесты Альфреда. Я сомнѣваюсь!

Новые друзья разстались.

ГЛАВА СОРОКЪ-ПЯТАЯ.

Советы.

Въ кардинальскомъ дворцѣ примѣтно было особенное движеніе. Слуги суетились, епископы, каноники, монахи и свѣтскіе люди тѣснились въ обширной залѣ. Отъ шороху гостей слышенъ былъ странный шелестъ; ни одинъ голосъ не возвышался; все непрерывно поглядывали на дверь, откуда долженъ былъ выйти кардиналъ. Ришліё, въ это время, умножалъ соръ кабинета, обрзывая своимъ ножомъ линейку. Передъ

нимъ стоялъ Шавиньи и докладывалъ по испанскимъ дѣламъ.

— Хорошо, Шавиньи, очень хорошо. Не всегда мы пишемъ такъ умно и замысловато.

Шавиньи продолжалъ чтеніе. Кардиналъ прервалъ:

— Безподобно! Такъ хорошо, что, сдѣлай милость, не читай дальше. Я начинаю сомнѣваться, въ самомъ ли дѣлѣ наши бумаги такъ превосходно изготовлены? не кажется ли мнѣ? А это со мной случается, когда я въ хорошемъ расположеніи духа. Перестань, перестань! Отложимъ до перваго неудовольствія; а этого ждать не долго.

Помолчавъ вѣсколько, кардиналъ спросилъ: — Что парламентъ? Состоялось повелѣніе, или господа заспорили?

— Оно уже объявлено и разослано по городамъ.

— Очень умная поспѣшность! Но кто у насъ въ Седанѣ?

— Жюль Лафрель.

— Этому ничего не поручайте, потому что ему и такъ довольно дѣла смотрѣть за Бульиономъ и Гвизами.

— Такъ есть еще три монаха, по спискамъ, но, для какихъ назначеній...

— А! знаю, знаю. .. Тамъ есть отецъ Юнаванъ: пошлите къ нему отъ моего имени предписаніе принять въ свое покровительство Альфреда Денъ, изъ Руана, хорошаго живописца. Къ чему казнить безъ нужды? А онъ, узнавъ, что въ Седанѣ нѣтъ Эвелины, какъ влюбленный, надѣлаетъ глупостей, вздумаетъ возвратиться въ Парижъ, и важныя намѣренія Депорта не принесутъ ни какой пользы.

Шавиньи глядѣлъ на кардинала съ изумленіемъ: онъ не понималъ ни одного слова. Риплиѣ улыбнулся.

— Не подумайте, мой добрый Шавиньи, сказалъ кардиналъ, что я хлопочу о себѣ. Нѣтъ, мнѣ ужъ пора думать о другой невѣсть. Нѣтъ! Для моего Сень-Мар-

са, котораго я возвысилъ, для него берегу я эту красавицу съ предвѣстья; хочу поблагодарить его за примирение короля съ Бульиономъ. Мальчишка рано начинаетъ заступать мое мѣсто. Шавиньи! я не скрою отъ васъ : мы сдѣлали большую ошибку. Надо было позволить обмануть себя и, при первой жалобѣ короля, сдѣлать Сенъ-Марса губернаторомъ какой-нибудь крѣпостцы въ Лотарингiи. Мы дали промахъ! Милость къ Сенъ-Марсу возрасла до опасной степени. Не думаю, чтобы онъ сумѣлъ ею воспользоваться: но, пока онъ падеть, мы уже шатаемся. Вижу теперь, вижу! Де-Ту — человекъ не безъ способностей; де-Ту — разумъ и воля Сенъ-Марса.

— Неужели такъ велика опасность?

— А вы полагали, что я безъ причины веселъ?... Нѣтъ! они разбудили усыпленную дѣятельность: и заплатятся! Разкажите все это на-покоѣ де-Нойѣ. Вы двое замѣнили мнѣ сѣрую эминенцію, и только съ вами я дѣлюсь моими тайнами. Конечно, вашъ расчетъ, Шавиньи, справедливъ : намъ нужно бы еще нѣсколько мѣсяцевъ для приготовленій къ испанской войнѣ, особенно послѣ седанскихъ потерь ; но король скупается, а Сенъ-Марсъ или, лучше сказать, де-Ту, и Лафайеттъ, усердно работаютъ. Пріѣздъ Пуссена займетъ ихъ дѣятельность на нѣсколько недѣль. И вы, и де-Нойѣ, прошу васъ, придумывайте для Пуссена новыя почести : это нужно!.... для народу, не для хужествъ. А между-тѣмъ не забудьте объ отцѣ Юананѣ.

Вошелъ Мазарини изъ внутреннихъ покоевъ.

— Здравствуйте, любезный кардиналъ, сказалъ Ришлѣ. Садитесь и рассказывайте. Я усталъ говорить.

— Чтѣ же вамъ рассказать, монсиньоре? Развѣ о новыхъ подвигахъ нашего Депорта?

— А чтѣ? Опять онъ огорчилъ васъ похищеніемъ сожженныхъ писемъ?

— Напротивъ. Онъ согласилъ Пуссена на-всегда остаться во Франціи.

— Это истинный подвигъ и требуетъ примѣрной награды.

— Я вчера восхищался его нѣжною заботливостію объ Эвелинѣ; шутя, я хотѣлъ ее видѣть : онъ не согласился.

— Перестаньте шутить, ваша эминенція.... право, вы прошутите свою судьбу! отвѣчалъ Ришліё, съ неудовольствіемъ.

Мазарини еще болѣе убѣдился въ своихъ догадкахъ, и продолжалъ :— Не спѣшите ея замужествомъ. Право, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, нѣтъ ни вѣрной фортуны, ни вѣрнаго титула. Дайте поукрѣпиться порядку, дайте упасть временщикамъ. Они сами выроютъ себѣ яму.

Кардиналъ расхохотался и закашлялся.

— Какимъ замужествомъ? спросилъ онъ, продолжая и кашлять и смѣяться.

— День загадокъ! сказалъ Шавиньи.

— Депортъ стоить двойной награды и двойнаго наказанія, замѣтилъ кардиналъ, значительно поглядывая на Мазарини. Видно, Джуліо, вы далеко зашли въ своихъ требованіяхъ, если принудили Депорта къ изворотамъ.

Мазарини покраснѣлъ.

— Признайтесь : дѣло прошлое! сказалъ Ришліё, съ язвительною улыбкою. Не всегда меня можно обмануть; но я вижу, что вы еще не можете управлять....

Ришліё остановился. Мазарини сидѣлъ какъ на иглокахъ. Наконецъ злобный кардиналъ дополнилъ смыслъ своей рѣчи :— Управлять своими страстями. Годъ сроку, Мазарини! Годъ сроку!

— Ахъ, ваша эминенція! воскликнулъ Мазарини : вы всегда мучительную пытку своихъ распросовъ оканчиваете благодѣяніями. Не годъ, двѣ три недѣли....

— О, нѣтъ! сказалъ кардиналъ. Только не съ Эвелиной. Видите? я догадался. Дайте мнѣ слово, другъ мой!

— Блудъ! сказалъ слуга, одѣтый въ парадное красное платье, обшитое золотыми галунами и съ золотыми петлицами на груди.

— Кардиналъ всталъ и поморщился.

— Шавиньи, сказалъ онъ: вы встрѣтите на крыльцѣ. Мазарини, вы въ галереѣ. Потрудитесь оказать мнѣ эту дружбу.

Двери растворились. Шавиньи и Мазарини пробѣжали на свои мѣста; кардиналъ тихо, опираясь на костыль, вошелъ въ залу. Ришліё кивалъ на обѣ стороны, но ни кого не удостоилъ пріятливаго слова: тихо и молча, подвигался онъ къ главнымъ дверямъ залы.

Карета де-Нойё подъѣхала къ крыльцу кардинальскаго дворца; изъ нея вышли Депортъ, Шантлу, де-Нойё и, наконецъ, Пуссенъ.

Толпа Швейцарцевъ и Каталонцевъ, въ національныхъ костюмахъ, украшенныхъ однако жъ золотомъ и кардинальскими гербами, наполняла крыльцо, по которому, вдоль до самой кареты, разостланы были богатые ковры. Шавиньи стоялъ на послѣдней ступенькѣ, и когда Пуссенъ вошелъ, онъ, наклонясь, медленно произнесъ:—*Soyez le bien-venu!* Добро пожаловать, давно-желанный гость! Кардиналъ-герцогъ почувствовалъ облегченіе отъ недуга при одной мысли, что онъ увидитъ великаго Пуссена.

Пуссенъ, безотвѣтный, только кланялся.

— Извольте идти впередъ и одни, сказалъ де-Нойё тихо: нечего дѣлать, повинуйтесь церемоніалу.

Пуссенъ пошелъ; за нимъ, по лѣвую руку де-Нойё, по правую Шавиньи; за ними Шантлу и Депортъ.

Въ галереѣ остановилъ Пуссена Мазарини.

— Кардиналъ-герцогъ поручилъ мнѣ засвидѣтель-

ствовать, достойный художникъ, сколько онъ, съ всею Франціею и со всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ, уважаетъ вашъ геній, и удостоилъ меня чести быть вашимъ спутникомъ и свидѣтелемъ искренней радости, которая наполняетъ сердце моего благодѣтеля.

Пуссенъ опять кланялся и не отвѣчалъ ни слова. Обѣ половинки дверей въ галерею отворились. Кардиналъ-герцогъ стоялъ на порогѣ; за нимъ зала чернѣла множествомъ гостей. Мазарини взялъ за руку Пуссена и подвелъ къ Ришліё.

— Обнимите меня, дорогой сынъ мой! Обнимите!

И обнявъ Пуссена, кардиналъ трижды поцѣловалъ его губами, которыя уже давно не освѣжались поцѣлуемъ и, казалось, самой природой были уже сдавлены, замкнуты для лобзаній любви и дружбы.

Взявъ за руку Пуссена, кардиналъ повелъ его въ залу, и остановясь по-серединѣ, торжественно сказалъ: — Великій человекъ! передъ вами лучшіе цвѣты Франціи. Недоставало драгоценнѣйшаго, украденнаго заветливими Италіянцами. Мы побѣждали ихъ не разъ, но ни одна италіянская побѣда не была для меня слаще послѣдней. Каково ваше здоровіе, дорогой мой другъ?

— Благодареніе Богу!... несмотря на здѣшній климатъ, отвѣчалъ Пуссенъ.

— Да, сказалъ кардиналъ: климатомъ мы не можемъ похвалиться; особенно въ послѣдніе годы я замѣчаю какой-то безпорядокъ въ природѣ. Небесныя явленія не общаются хорошаго.

Кардиналъ, говоря это, примѣтно измѣнился въ лицѣ и угрюмо посмотрѣлъ на собраніе, но, не прошло мгновенія, онъ сталъ веселъ по прежнему.

— Какъ вы нашли Парижъ? спросилъ онъ.

— Я не нашелъ Парижа. Благодаря щедрости и просвѣщенному вкусу вашей эминенціи, это ужъ другой городъ и получаетъ видъ столицы.

— Помогите же его величеству, отвѣчалъ кардиналъ, довершить начатое. Мы, какъ всѣ вѣрные Французы, будемъ содѣйствовать вамъ чѣмъ сможемъ и чѣмъ съумѣемъ. Не правда ли, господа?

Одобрительный шопотъ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Представьте, любезный другъ! сказалъ кардиналъ, глядя на васъ, я считаю себя человѣкомъ не безъ воображенія. Никогда не выдавъ ни васъ, ни вашего портрета, я составилъ себѣ портретъ въ вашъ головѣ и не могу нарадоваться сходству его съ натурой. После этого, мнѣ кажется, и я былъ бы не дурнымъ живописцемъ.

— Ваша эминенція, сказалъ маркизъ Дезюмидъ, согнувшись въ три погибели : поэзія и живопись — сестры.

— Конечно, сказалъ кардиналъ, улыбаясь и отворачиваясь. (Несносный проныра! подумалъ онъ : тебѣ хочется, чтобы я представилъ тебя Пусену, какъ знаменитаго художника, и ты вѣрно впередъ уже, по этому случаю, нацарапалъ перомъ на насъ невольную карикатуру.) — Видѣли вы, спросилъ кардиналъ обращаясь къ Пуссену : видѣли вы главный предметъ вашихъ занятій?

— Ваша эминенція изволите говорить о Луврѣ? Пока еще не успѣлъ. Но я его помню.

— Мнѣ кажется, любезный другъ, что при перестройкѣ галереи, можно подумать и о цѣломъ. Лувръ помнитъ Дагобера; при Филиппѣ-Августѣ онъ былъ огромнымъ замкомъ съ башнями; изъ нихъ одна называлась «Башней гордости»: прекрасное названіе для слабоумныхъ вассаловъ! — Ришліе улынулся и продолжалъ:—Я любопытствовалъ и пересматривалъ всѣ виды и планы Лувра; но, до временъ Франциска Перваго вы мало найдете свѣдѣній. Карлъ Пятый сдѣлалъ весьма много передѣлокъ и украшеній, но еще ни онъ самъ, ни его преемники, не любили жить въ Луврѣ. Онъ у насъ

былъ для гостей : въ немъ проживали Мануилъ, императоръ греческій, Сигизмундъ, императоръ германскій, а во время Франциска Перваго знаменитый врагъ его, Карлъ Пятый. Не забудьте, дорогой другъ : въ Лувръ образовалась первая публичная библіотека, которая по-тогдашнему называлась «la librairie». Старый Лувръ уничтожился при Францискѣ I. По рисункамъ знаменитаго клюнійскаго аббата, Петра Лекó, воздвигся главный фасадъ : не знаю, какъ вамъ, а мнѣ, онъ чрезвычайно нравится, особенно съ этими каріатидами доброго Гужона. Вотъ, если бы возможно было, достойный учитель, согласить и то, что есть, и то, что будетъ, въ одно цѣлое, но такъ, чтобы и Лувръ Лекó, и павильонъ нашего Лемерсиё, могли уцѣлѣть въ настоящемъ видѣ.... Шести башень, или шести темницъ, не жалѣйте. Въ нихъ нѣтъ болѣе нужды : прошли времена феодальнаго своеволія, и, благодаря Богу, для Франціи наступилъ вѣкъ кротости и мира.

Кардиналъ говорилъ съ такою увѣренностью, какъ будто послѣднія седанскія событія принадлежали ко временамъ давно-прошедшимъ. Многіе, закусивъ губы, дрожали отъ злости; многіе восхищались спокойнымъ правительственнымъ героизмомъ кардинала; нѣкоторые, въ томъ числѣ и Пуссенъ, ничего не понимали въ многочисленныхъ намѣкахъ Ришліё. Пуссенъ былъ изумленъ словами кардинала въ художественномъ только отношеніи, потому что архитектурные труды вовсе къ нему не относились по званію ординарнаго королевскаго живописца, и онъ позволилъ себѣ сдѣлать на этотъ счетъ замѣчаніе.

— Ваша эминенція, сказалъ онъ, слишкомъ милостивы; но я не знаю, какимъ образомъ могу исполнить ваши великія желанія.

— Неужели вы думали, сказалъ кардиналъ, что его величество рѣшился бы нарушить тишину и счастье вашей римской жизни ддятого только чтобы получить

отъ васъ десятка два картинъ для украшенія галереи?—За этимъ не стоило, любезный Пуссенъ, сказалъ кардиналъ, улыбаясь и взявъ за руку художника : посылать маршала и армію, и вести новую войну съ апостольскимъ престоломъ. Всѣ эти картины и картинки вы бы могли написать въ Римъ. Нѣтъ! король, вѣроятно, передастъ вамъ все свое художественное хозяйство. Что до меня, то я только и сплю и вижу, когда поставятъ въ рюэльскую галерею хоть эскизъ карандашомъ, набросанный рукою Пуссена.

—Внезапность моего отъѣзду, отвѣчалъ Пуссенъ, помѣшала исполнить долгъ, по ящики мои уже въ дорогъ, и я буду имѣть счастье представить нѣкоторыя попытки картинъ. Если онъ не удостоится одобренія вашей эминенціи, то я постараюсь немедленно сдѣлать что-нибудь болѣе достойное.

— Я впередъ не доволенъ вашими римскими работами. Я имѣю право быть недоволенъ. Онъ мой, не такъ ли? Отдохните, любезный Пуссенъ, и принимайтесь за новыя. Дворецъ мой обширенъ и пусть: мѣста довольно. А если для вашихъ картинъ онъ дурно освѣщается, прикажите : я построю новый. Вы будете архитекторомъ, я вашимъ каменнымъ мастеромъ.

— Ваша эминенція! сказалъ растроганный Пуссенъ : столько милостей....

— Мы платимъ часть долгу, потому что заплатить вамъ всего Франція не въ состояніи. — Простите господа! сказалъ кардиналъ, обращаясь къ толпѣ : если я васъ лишу занимательной бесѣды нашего Рафаэля. Имѣйте состраданіе къ моимъ недугамъ. Пойдемъ ко мнѣ!

При словѣ «недугамъ» кардиналъ улыбнулся и кивнувъ головой всему собранію, взялъ за руку Пуссена и повелъ во внутренніе покои. Де-Нойё, Шавиньи и Шантлу исчезли въ боковыхъ комнатахъ ; гости стали разъѣзжаться, въ молчаніи и грустно. Мазарини и Де-

перть глядѣли другъ на друга съ какимъ-то торжественнымъ восторгомъ. Маркизь Дезюмидъ подошелъ къ нимъ, когда уже никого болѣе не оставалось въ залѣ.

— Какой умнѣйшій человекъ этотъ Пуссенъ! сказалъ маркизь.

Мазарини и Депортъ расхохотались: рыжій толстякъ смутился и еще болѣе развеселилъ новаго кардинала.

— Удивительно умный человекъ! со смѣхомъ сказалъ Мазарини. Я полагаю, что многіе дураки считаются умными людьми потому только, что умѣютъ молчать, и что многіе дураки приобрѣли невыгодную знаменитость потому только, что вездѣ суются съ своею глупостью. Не правда ли, маркизь? Какъ вы думаете?

— Представьте! отвѣчалъ маркизь, запинаясь: а мнѣ показалось, что это молчаливое поведение мосье Пуссена—глубокій расчетъ глубокаго ума! Какъ иногда можно ошибиться!

И маркизь смѣялся вмѣстѣ съ Мазарини и Депортомъ. Впрочемъ смѣхъ его трудно было отличить отъ гнѣва, скорби, возвышеннаго восторга и негодованія. Полное лицо маркиза, осыненное рыжими бакенбардами и красноватыми волосами, носило на себѣ какую-то печать ничтожества и никогда не могло быть зеркаломъ внутреннихъ движеній, потому что ихъ не бывало въ душѣ рыжаго толстяка—отъ рожденія. Рисуя нерожь дрянные ландшафты и непохожіе портреты, маркизь, отъ привычки къ ремеслу, началъ догадываться, что онъ съ талантомъ. Двѣ дамы, остроумной шуткой, обратили догадку въ убѣжденіе; молодые люди, въ присутствіи маркиза, какъ-то разсердились на кардинала за назначеніе де-Нойе начальникомъ всей художественной части во Франціи, и, можетъ-быть, шутя, а можетъ-быть, и по невѣжеству, одинъ изъ нихъ сказалъ: «И зачѣмъ брать кардиналиста, который всю жизнь занимался только интригами, когда при дворѣ, на глазахъ, есть маркизь Дезюмидъ, и художникъ и

знатокъ!» Съ тѣхъ поръ маркизъ только-что не подписывался — «Художникъ и знатокъ.» Червь честолюбія заползъ въ маленькое сердце рыжаго толстяка, и онъ почти открыто искалъ мѣста де-Нойё. Мазарини зналъ объ этомъ и отвѣчалъ :

— Особенно вамъ непростительны подобныя шутки, маркизъ.

— Почему, ваша эминенція, изволите такъ думать? спросилъ маркизъ.

— Помилуйте! приготовляясь управлять художествами во Франціи, вы не должны соблазняться, ни славою именъ, ни наружнымъ поведеніемъ художниковъ.

— Это въ первый и послѣдній разъ меня обманули, отвѣчалъ маркизъ. Я не такъ простъ и не позволю себя дурачить.

— Маркизъ ушелъ. Депортъ качалъ головою.

— Что, Депортъ? что ты думаешь?

— Думаю, не рано ли вы бросили обвиненіе : маркиза осмѣютъ и разувѣрять.

— Ты ошибаешься. Тѣ общества, гдѣ маркизъ бываетъ ежедневно, не умнѣе его. Ты видѣлъ, какъ искусно кардиналъ-герцогъ не одинъ разъ бросилъ обиду въ толпу дворянъ, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ малеваныхъ свидѣтелей блистательнаго приема простому художнику : эта обида не останется безъ мести. Кардиналу мстить нельзя : отомстятъ Пуссену. А когда же въ Тюильри?

— Потерпите еще денька два три, пока меня развяжутъ, и тогда.... А вы меня и не благодарите за Альфреда?

— Да! я и забылъ спросить! Что это за исторія?

— Представьте, эминенца! этотъ мальчишка вздумалъ влюбиться въ мою Эвелину, а та, какъ ребенокъ....

— Неужели?

— Ничего, ничего! будьте спокойны! Я уничтожилъ любовь, разлучивъ любовниковъ.

— Да какъ же ты это сдѣлалъ?

— Папа помогъ, отвѣчалъ Депортъ, указывая на двери, куда ушелъ кардиналъ. За одну мысль объ Эвелинѣ, мы послали его въ Седанъ, и тотчасъ за нимъ заперли двери, и ключъ — въ воду. Но разоидемся, эми-венца: папа не одобряетъ нашей дружбы.

Мазарини, закусивъ губы и не отвѣчая ни слова, пошелъ къ Ришліё. «Старый котъ! думалъ онъ: ты опытишь меня и чуть не обманушь своею притворною искренностью. Но я теперь понимаю, кто Эвелина!»

Въ знаменитомъ кабинетѣ Ришліё, гдѣ творилось столько политическихъ чудесъ, въ низкихъ креслахъ съ особенно высокими спинками, сидѣли кардиналъ-герцогъ и Пуссенъ.

— Не сердитесь на меня, любезный Пуссенъ, за мѣры; простите моему нетерпѣнію. Я спѣшу: мнѣ не дологъ срокъ! Но, умоляю васъ, откиньте философскую вашу гордость, пожертвуйте личнымъ тщеславіемъ пользѣ общей. Ваша спокойная, невозмутимая честность не понравится; ваша твердость родитъ тамъ упрямство, гдѣ его ни когда не бывало. Будьте уступчивы и умѣйте во-время притворяться. Больно!.... но, вѣче, вы для Франціи бесполезны и долго у насъ не проживете. Вы поставите на своемъ, стараясь иногда свое дать въ займы нищему.

Кардиналъ закашлялся, отеръ бѣлымъ платкомъ губы и поблѣднѣлъ.

— Кровь!.... Это слѣдствіе моего сегодняшняго притворства. Недавно меня уморили. Я хотѣлъ показать своимъ недругамъ, что я совершенно выздоровѣлъ. Сраданія мои въ залѣ были ужасны; но, вы видѣли, я скрылъ ихъ, и плачѣ за то.... кровью. Но не жалѣю: Франція видѣла, какое я къ вамъ питаю уваженіе и

въ какомъ состояніи мое здоровье. Вдругъ два подвига.

— Мнѣ остается сожалѣть, что ваша эминенція сдѣлала такую жертву для недостойнаго, сказалъ Пуссенъ.

— Наше дѣло, любезный другъ! наше дѣло! Только не погнушайтесь моими совѣтами. — Кажется, идетъ мой котенокъ, сказалъ кардиналъ и сталъ охать.

Пуссенъ всталъ и спросилъ торопливо : — Не прикажете ли, ваша эминенція, позвать кого ?

— Ужъ идутъ, отвѣчалъ кардиналъ, — и дѣйствительно вошелъ Мазарини.

Мученія Ришліё возрасли. Мазарини и Пуссенъ были въ отчаяніи : показались слуги ; прибѣжали врачи, наконецъ Шавиньи, де-Нойё.

— Дайте мнѣ покой, стоналъ кардиналъ. Припадокъ продолжится. Мазарини! не медлите церемоніей; а вы, де-Нойё, поѣзжайте съ Пуссеномъ къ королю. Вы видите, болѣзнь лишаетъ меня этого счастья.

Слуги уже раздѣвали кардинала ; врачи хлопотали по своей части ; прочіе тихо выходили изъ кабинета.

— Прощайте, Пуссенъ! сказалъ кардиналъ, изменившимся голосомъ : прощайте! Пріѣзжайте изъ Сенъ-Жермена ко мнѣ.... въ Рюэль.... Потолкуемъ.

=

Она была слаба, но словесна-свершилось. Съ мудростью божества, она соединяла чудное обхожденіе. Вечера, за красоту, желала зла Нимфѣ, и, полагая, что она не чувствуетъ ея такъ какъ другихъ богинь, носягнула на жизнь Нимфы. Но Фебъ спасъ ее, превративъ въ цвѣтокъ, который до сей поры остался, подобно ей, самымъ прелестнымъ и самымъ вѣжнѣйшимъ предметомъ всего созданія. Небо и земля на него не налюбуются. Онъ — солнце между цвѣтами, какъ она вѣкогда была солнцемъ между красавицами. Она носитъ одежду стыдливости и целомудрія, и по-нынѣ сохранила свойство, то, кого бы она ни сопровождала, обливаетъ благоуханіемъ. Какъ и прежде, она не хочетъ, чтобы къ ней приближались: вооружается щинами противъ нападающихъ, и, весьма легко видѣть, она не любитъ, чтобы къ ней прикасались. Три поры года она сидитъ въ-заперти. Сильный жаръ и сильный холодъ для нея смертельны: она появляется только весной!

Воатюръ кончилъ, но не опускалъ глазъ и скромно улыбался.

— Чудно! прелестно! очаровательно! восклицали дамы; но неутомимый Ролѣ прервалъ восторгъ ихъ, объявивъ о прѣздѣ маркиза Дезюмидъ. Очарованіе разрушилось. Герцогиня обратясь къ маркизу сказала съ злобной улыбкой:

— Вы читали Корнелева «Агуна»?

— Читала.

— Отнимите у Доранта умъ, любезность и красоту, и маркизъ Дезюмидъ передъ вами.

И действительно, маркизъ уже былъ передъ дамами, сохраняя невыгодное сходство съ героемъ превосходной комедіи Корнеля.

— Добрый день, маркизъ! сказала герцогиня, не поднимаясь съ-мѣста. Откуда?

— Отъ вашего дядюшки. Я пораженъ его умомъ и съдѣніями..... Представьте! онъ разсказалъ этому

Целому моему историо-Дюра, въ ученостию Сорбонны.... Жаль, что онъ безнадежно разошелся столько летъ передъ человекомъ, который въ дѣхъ состояннхъ воспользоваться ни однимъ его словомъ.

— Какъ, маркизъ? вы говорите о римскомъ Пуссене? спросилъ Воатюръ съ вѣчной улыбкой.

— Другаго, по счастью, нѣтъ. Мнѣ очень жаль Дюра : чего можно ожидать отъ распоряженнй де-Ноё и отъ посредственности главнаго художника?

— Но его картины превосходны, прервала герцогиня.

— Предвзсудокъ, герцогиня! повѣрьте мнѣ, предвзсудокъ! Кажется, въ этомъ дѣлѣ я кое-что разумѣю. Меня убѣждали, что если картины Пуссена и глупы и сухи, то это потому, что ужъ онъ слишкомъ дорожитъ своею ученостью и хочетъ ее выказать въ каждой картинѣ всю. Я всегда утверждалъ, что умъ его долженъ быть весьма ограниченъ. Вышло по-моему : онъ очень простъ; все время молчалъ, не умѣлъ кончить ни одной фразы, и каждую начиналъ грубостью или дерзостью.

— Ахъ, Боже мой! тревожно сказала Рамбулдѣ. А я хотѣла пригласить его въ среду!

— Въ нашемъ обществѣ онъ будетъ совершенно лишнимъ. Мышцанскіе приемы, дурной тонъ, площадныя шутки. Онъ заимствовалъ въ Римѣ только дурное : нравы транстеверинцевъ.

— А вы были въ Римѣ? спросилъ Воатюръ.

— Нѣсколько лѣтъ. Копія моя съ Рафаэля до-сихъ-поръ въ Сенъ-Жерменъ, пока нѣтъ лучшей.

— И, конечно, не будетъ, замѣтила герцогиня.

— Не смѣю хвалить себя; но, по-крайней-мѣрѣ, могу сказать : «я поправилъ Рафаэля».

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Вотъ тоже художественный предвзсудокъ! Рафаэль не во всемъ хорошъ : замрихъ, лошади егъ хуже античныхъ лошадиныхъ статуй, и, копируя Рафаэля, я писалъ лошадей съ натуры.

— Въ такомъ случаѣ вы пошлоровади, маркизь; пошлоровади, а лешиде, скажади Воатюръ; улыбаде.

— Конечно, конечно, со съмѣломъ отвѣчади маркизь.

Маркиза де-Рамбулье встала, прѣстидася и ушла. Маркизь и Воатюръ послѣдовали ея примѣру. По пути, проходя вместе длинный рядъ комнатъ, маркизь скажади съ улыбкой: — Я не могу себѣ вообразить, какъ любезнѣйшій и пріятнѣйшій человекъ парижскаго общества, мосье Воатюръ, будетъ представляди этого дикаго человека брата короля.

— Да рашеъ онъ посланникъ? спросиди Воатюръ, по чему чо этотъ литераторъ имѣди должность *свободителя* посланнишесди при дворѣ Гастона.

— Нѣтъ, онъ просто плохой художникъ; но Ришлѣе прицади его гораздо лучше нежели какъ примадади шведскаго посланника!

— Ба! отвѣчади Воатюръ, садяди въ карету: Ришлѣе!.... шведскій посланникъ!.... Прошайте, маркиза! до свиданія!

Намая быде пенять, чо думаетъ осторожнѣйшій Воатюръ; но маркизь быди доволенъ, чо успѣди бросить въ общество еше одну сплетню, сваяди въ свою карету, и покатиася за Воатюромъ въ Тюильри, къ туалету королевы.

ГЛАВА СОРОКЪ-СЕДЬМАЯ.

Охотничій домикъ.

Король одѣваде. Сенъ-Марсъ сняди съ воушки, которуе держали два нака, орденъ Святаго Духа и подалъ Людовику. Любоа расправляди фрезы у королевскихъ сапоговъ, и докладяди, какъ быд по-краснѣе

улыбнись идиоту. На особомъ столе лежала любезная кардинальская шапочка и вѣшь герцогининъ сверкнула съ большою печатью. Король несколько разъ на нихъ поглядывалъ съ явными неудовольствиемъ. Наконецъ, какъ-будто что-нибудь насильно удержало его къ этому столу: король схватилъ шапку, и сталъ разсматривать ее съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и злобной улыбкой:

— Сент-Марсь! сказалъ Людовикъ: не правда ли, эти шапки похожи на крепости? Подъ ними такъ же безопасно какъ за бастіонами Периньяна. Мазарини, я думаю, не можетъ дожидаться этого подарка.... Ну, хорошо! получить. Какая надежда свинить эту?

Послѣдовало краткое молчаніе. Король продолжалъ:
— Министерство, опека моего сына, угнетеніе королевства.... Да, если мы позволимъ! прибавилъ король, значительно взглянувъ на Сент-Марса. Что? собрались наши?

— Въ залъ, отвѣчалъ Сент-Марсь.

— Какъ всъ? Вѣрно, ты пригласилъ герцоговъ и придворныхъ?

— Нѣтъ, государь. Вы знаете, что у насъ значить всъ: отецъ Сирмондъ, Клодъ, Дерюе, Годэ, Кусто, Модюи, я, Шантлу.

Король перебилъ и окончилъ исчисленіе: — Депортъ, Гордъ, Дюбоа, и я! Однако жъ, Сент-Марсь, ты ступай на свое мѣсто. Если Ришліе пріѣдетъ съ своимъ сыномъ и внуками, я боленъ, я нездоровъ, я не могу сегодня ни кого видѣть.... Но, я надѣюсь, кардиналъ будетъ столько уменъ и останется дома: наше свиданіе не можетъ быть пріятно и подъ защитой Пуссена.... А если пріѣдетъ де-Нойе, не пускать! Я нездоровъ. Оми, душою и тѣломъ, преданъ кардиналу; плохой слуга; дурной свидѣтель: и живыя несчастія убѣдятся.

Сент-Марсь ушелъ и воротился.

— Блудъ, ваше величество!

— Съ камъ?

— Съ де-Нойе и Деворта.

— Деворта впустить! Онъ обманетъ самого кардинала.

Людовикъ dospьшилъ въ залу.

— Господа! сказалъ онъ придворнымъ, которые Сень-Марсъ называлъ *всѣми*: Гордъ! стань на мое мѣсто.... Годд! ты сюда!.... Я стану за вами, отецъ Сирмондъ. Посмотришь, узнаетъ ли онъ своего короля.

Вошелъ Сень-Марсъ, и торжественно возгласилъ: — Ординарный живописецъ его королевскаго величества, Николай Пуссенъ!

Пуссенъ окинулъ глазами бѣдное собраніе и, примѣтивъ короля за отцомъ Сирмондомъ, прямо пошелъ къ Людовику, и, въ трехъ шагахъ отъ него, преклонилъ коленно. Король былъ въ восхищеніи и, протянувъ руки къ Пуссену, сказалъ весело:

— Поздравляю васъ, дорогой нашъ художникъ, съ прїездомъ! поздравляю отъ души!.... Чтѣ, каково здоровье ваше?

— Я блаженъ, видя ваше величество въ полномъ здоровьѣ. Насъ испугалъ господинъ великій.

— Пожалуйста ни кому не сказывайте, что я здоровъ. Я хотѣлъ принять васъ по-домашнему. Довольны ли вы прїемомъ? Уибли ли мои подданные засвидѣтельствовать все то уваженіе, которое къ вамъ питаетъ король?

— Государь! я утѣшенъ незаслуженными почестями.

— Пустое, пустое, заслуженнымъ! И еще не забудь всѣмъ знакамъ особеннаго нашего къ вамъ расположенія! — Господа! рекомендую вамъ нашего перваго живописца!

Всѣ поклонились Пуссену, а король, обратясь къ

Депорту, сказалъ : — *Bien attararé!* Доволенъ ли ты, Филиппъ?

— Справедливость всегда приводитъ меня въ восторгъ, отвѣчалъ Депорть.

— Ничего не пожалю, сказалъ Людокикъ : ничего! Вы должны составить художественную славу моего царствованія. Кажется, и просить объ этомъ не надѣ... Но успокойте меня, дорогой гость, успокойте! На первый случай, по картинъ въ церкви Фонтенблѣ и Сентъ-Жермена. Будуть?

— Это будутъ лучшія мои картины, государь! отвѣчалъ съ жаромъ Пуссенъ. Желаніе быть достойнымъ милостей вашего величества укрѣпить слабыя мои силы!

— Bravo! bravo! сказалъ король. Вы — и министръ и художникъ! Господа! — учитесь объясняться съ достоинствомъ у господина Пуссена... Онъ говоритъ какъ честный вассалъ, а пишетъ какъ король живописи! — Но теперь помогите мнѣ въ Сентъ-Жерменъ. Хочу построить въ охотничьей роцѣ небольшой навильюнъ. Пропастъ лицъ завелось : можно иногда провести съ пріятностію нѣсколько часовъ въ удобной комнатѣ. — Филиппъ! покажи рисунокъ.

— Государь! кажется, рисунокъ у меня въ Парижѣ, отвѣчалъ Депорть, запинаясь, потому что рисунокъ былъ надерченъ Депортомъ въ Сентъ-Жерменъ на глазахъ самого короля.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Людовикъ : онъ у меня на стѣнѣ! Любопытно съ какою изумленіемъ и предостереженіемъ, чтобы просить совѣта нашего знаменитаго Пуссена! — Депорть въ свою необходимость, съ изумленіемъ... — Онъ въ вѣсть долженъ предупредить, сказалъ король : ни рисунку этому, ни слову изъ каждаго предубиженія. Посмотрите : годится, хорошо! не годится, ни... — Онъ въ вѣсть долженъ предупредить, сказалъ король : ни рисунку этому, ни слову изъ каждаго предубиженія.

— О! это уродливая! сказала Пуссенъ съ худосюжной досадою, разогнавъ глаза и сасадъ домика. Король съ неудовольствиемъ посмотрѣлъ на Демерна, и сказалъ : — Не посоветуете ли вы мнѣ чего-нибудь по-лучше?... Только по-скорѣе! Лисицу пронести.

— Кстати и карандаши! отвѣчалъ Пуссенъ.

— И бумага и краски! сказалъ, король, подвигая кресла свои къ Пуссену.

— Изъ чего ваше величество изволите стрѣлять по лисицамъ? спросилъ Пуссенъ.

— Изъ аркебуза. — Горды! принеси Левіана.... Нвтъ! этотъ аркебузъ хорошъ и для руки : принеси моего Птолемея!.... Славный замкъ!

Пуссенъ между-тѣмъ чертилъ планъ.

— Это что-то очень мило, сказалъ король, глядя на работу изъ-за кресель.

— Вотъ большая зала, говорилъ Пуссенъ, чертя карандашомъ планъ: съ лестницей въ мезонинъ, гдѣ можетъ быть устроенъ небольшой арсеналь. Изъ залы четыре окна на четыре крытые балкона : одинъ будетъ служить и подъездомъ. Въ залѣ тепло, потому что здѣсь я полагаю поставить два каміна. Въ другихъ же двухъ углахъ кушетку и рабочій столъ. Черезъ окна, ваше величество можете съ четырехъ сторонъ видѣть приближеніе звѣря, и выйти съ аркебузомъ на тотъ балконъ, къ которому лисица подходитъ будетъ. На балконахъ сърости быть не можетъ; а полы можно покрыть коврами. Въ подвальномъ этажѣ комнаты для слугъ и караульня : это будетъ обогревать полъ залы, который также должно покрыть коврами, а также и лестницу, чтобы звѣрь не слышалъ шаговъ.

— Превосходно! удивительно!.... А фасады? спросилъ король.

— Фасадъ одинъ на всѣ четыре стороны, хоть въ этотъ родъ.

— Необходимое мило!.... Депортъ! скажите де-

Найдѣ, чтобы онъ прѣдложилъ грамматикѣ господину Пуссену : мы жалуетъ модѣ Пуссену званіемъ нашимъ обыкновеннымъ живописцемъ, и поручаетъ ему главное начальство надъ всеми живописными и орнаментными работами въ королевскихъ домахъ нашихъ.

Депортъ кончалъ шти.

— Постоите, постройте ! сказалъ король. Пусть прибавитъ въ грамматику, что мы желаемъ, чтобы все другіе живописцы наши не делали для насъ ни какихъ работъ, не показавъ прежде ованкъ рисунковъ моему Пуссену и не получивъ на нихъ его мнѣній и совѣтовъ.

Депортъ исчезъ, боясь новыхъ приказаній. Гордъ принесъ Птолемея.

— Вы любите охоту? спросилъ король.

— Пріятное занятіе, отвѣчалъ Пуссенъ : но я такъ мало имѣю времени.

— А пейзажи?... Какъ же вы пишете свои превосходные пейзажи?... Мнѣ показывалъ Шантлу : просто чудеса ! Неужели вы не совѣтуетесь съ природою, не ходите въ поле, въ лѣсъ ?

— Всякой день, государь.

— Такъ ходите же съ моимъ Птолемеемъ : онъ вамъ напомнитъ, что и Людовикъ хотѣлъ бы имѣть пейзажъ Пуссена.

— Государь!....

— Пойдемте, пойдемте ! Я хочу васъ нарядить охотникомъ : и кстати ! вы, ловець людей со вкусомъ.... Пойдемъ!

Король ушелъ : за нимъ и Пуссенъ. Прочіе остались въ залѣ.

Въ огромной комнатѣ, въ восточнѣйшемъ коридорѣ, лежало множество оружія и разныхъ принадлежностей охоты. Король надѣлъ на Пуссена сумку изъ барсовой кожи съ королевскими гербами, потомъ пошелъ съ двѣнадцатью всадниками карманами, лодкою задували ему

и воясь ножъ, употребившись только на кабаньей
слоть, и навъсилъ рогъ.

— Саногн и прочее явашъ пришлю, сказалъ король. —
Говорятъ, что вы, продолжалъ Людовикъ: удивитель-
ный портретный живописецъ?

— Не могу похвалиться, ваше величество, потому
что портретовъ я писалъ очень немного:

— Не можетъ быть! не можетъ быть! Для меня вы
запишите одинъ, только одинъ?

— Государь! извольте приказывать: усердію моему
не будетъ мѣры!

— Я въ этомъ увѣренъ! Вы понимаете свой долгъ;
но, кажется, и я исполнить свой: будемъ книтаться,
будемъ соперничествовать! Мнѣ нуженъ портретъ ви-
зитки Лафайетъ. Я написалъ мою намвренія: вотъ
заниска и письмо къ сестрѣ старшей.

Король вынулъ изъ кармана двѣ бумаги, подаль
Пуссену, схватилъ рогъ, и затрубилъ. Все общество,
оставленное въ залѣ, прибѣжало въ арсеналъ.

— Простите, любезный Пуссенъ! сказалъ король:
простите! вы у меня домашній человѣкъ, и не рассер-
дитесь за дружеское обращеніе. — Сенъ-Марсъ, вдемъ!

— Король ушелъ очень скорыми шагами; Сенъ-Марсъ
за нимъ. Пуссенъ съ Депортомъ вошли въ комнаты
де-Нойё.

— Поздравляю васъ! сказалъ де-Нойё со слезами:
поздравляю! Не знаю, кто подсказываетъ государю
желанія кардинала. Теперь вы совершенно свободны.
Не я лишенъ удовольствія провожать васъ въ Парижъ.
Видите? я заготовилъ грамоту, и, вѣроятно, еще се-
годня король подпишетъ. — Депортъ! вы не отка-
жетесь проводить герцога Пуссена?

Депортъ поклонился.

ГЛАВА СОРОКЪ-ОСЬМАЯ.

Монастырь.

Почти всю дорогу Шуссель дремалъ въ каретѣ, болѣе занимаясь въ непродолжительный разговоръ съ Депортомъ. Не довзжая до Парижа, онъ сказалъ своему спутнику : — Вы живописецъ : вамъ должны быть извѣстны парижскія натурщицы. Мнѣ бы хотѣлось написать картину въ деревнѣ Фонтенблѣ немедленно по двумъ причинамъ : во-первыхъ, чтобы угодить моему доброму королю ; во-вторыхъ, ознаменовать всѣ мѣста, гдѣ государь изливалъ на меня высконія свои милости ; а эта цѣпь незаслуженныхъ наградъ началась съ Фонтенблѣ. Безъ натурщицы я не могу написать того, что мнѣ нужно.

— У насъ этотъ классъ женщинъ, отвѣчалъ Депортъ : еще не существуетъ. Мы обыкновенно делаемъ такъ : знакомимся съ бѣднымъ семействомъ, гдѣ есть хорошающія женщины, беремъ даромъ писать къ портреты ; потомъ, мало-по-малу, свыкаемся : деньги и тайна разоблачаютъ самыя прелестныя формы, какихъ вы и въ Римѣ не найдете. Труда много, но для художника этотъ трудъ благодаренъ. У меня есть еще примѣтъ одно бѣдное семейство. Для васъ, я рѣшусь сдѣлать предложеніе : сначала, только для натурныя лица ; потомъ вы познакомитесь : не пожалѣйте тонкую девята, и сохраните тайну. Бѣдныя что у насъ? вторичныя?... Я думаю, сегодня же я съѣзжу къ нимъ. Онѣ живутъ на предмѣстїи, и завтра послѣднее утро рано, или съ натурой или безъ натурой, я приѣду къ вамъ. Но, умоляю васъ : отошлите куда-нибудь вашего зятя, слугъ ; будьте въ цѣломъ домъ один. Иначе, вы меня погубите.»

— Вся будетъ по плану, отвѣчалъ Пуссенъ, и каре-
ны выйдутъ въ садъ тѣмъ же путемъ.

— Господа! сказалъ Пуссенъ Гаспару и де-Валлеролю:
Завтра у меня будетъ натура, но здѣшныя обычаи.
Укритесь: васъ обидѣть не должно быть въ домѣ.

— Я могу уйти куда-нибудь днемъ; но Валлероль?
сказалъ Гаспаръ.

— Поди, купи ему парижъ! Я завтра такъ его расни-
шу и размалюю, что самъ Денервъ не узнаетъ! А те-
перь, прощайте!

— Куда же вы?

— Въ Парижъ все тайна! отвѣчалъ Пуссенъ, и у-
шелъ.

Еще было свѣтло, когда Пуссенъ постучался въ ка-
литку монастыря Визитокъ. Сестра-привратница и
нѣкоторые монахини были на монастырскомъ дворѣ.
Черезъ форточку Пуссенъ подалъ письмо къ сестрѣ
старшей. Не прошло пяти минутъ, сестры открылись,
калитку отперли, и привратница проводила Пуссена
въ приемную залу. За рѣшеткой стояла сестра старшая
еще какая-то монахиня подъ густымъ покрываломъ.

— Привѣтствую великаго человѣка, сказала сестра
старшая: посвятившаго труды свои на славу Господа
и святыхъ Его!

— Да исполнятся святые слова ваши! сказалъ Пус-
сенъ.

— Король пишетъ ко мнѣ о портретѣ сестры Авре-
ли. Я разрѣшаю; но она не соглашается.

Пуссенъ молчалъ.

— Простите, зашепталъ тихій, ангельскій, голосъ изъ-
подъ покрывала: если я лишаю васъ возможности сдѣ-
лать удобное личному моему другу на этомъ свѣтъ...
Сидитъ добрый человѣкъ! Слухъ о вашихъ добродѣ-

тогдахъ проидать и дѣла мои обидѣли, Удостоите насъ бесѣдой, и помогите мнѣ разрастить самизліе души моей. Къ чему королю портретъ мой?... Двери житейскихъ отношеній закрылись! Молитвы мои всегда съ нимъ, молитвы его всегда со мной: я въ этомъ увѣрена и счастлива; но портретъ живой женщины — призывъ ея себялюбія и житейскихъ притязаній. Не совмѣстны чувства эти съ христіанскимъ смиреніемъ: какъ вы думаете?

— Я разделяю ваши мнѣнія и плачу о моемъ королѣ? отвѣчалъ Пуссенъ, отирая слезу.

— Почему же? спросила Лафайетъ.

Голосъ обнаруживалъ смущеніе.

— Ваши слова, вашъ голосъ, все увѣряетъ меня, что вы могли быть истиннымъ, полезнымъ другомъ и совѣтникомъ короля. Вамъ показалось это бремя тяжело: вы предпочли монастырскую праздность хлопотливой заботливости о лучшемъ чловѣкѣ во Франціи.

— Это долгъ жены, сказала Лафайетъ съ достоинствомъ.

— Долгъ избранницы! Сохранить чистоту отношеній: для этого нужна только твердость воли и познаніе законовъ добродѣтели. И на то и на другое, кажется, вы не можете пожаловаться.

— Если бы король слышалъ своего адвоката! сказала Лафайетъ, вставъ и подходя къ сестрѣ старшей.

— Я не зналъ, что король моего мнѣнія, замѣтилъ Пуссенъ. Теперь вдвое сожалею объ немъ, потому что онъ понесъ потерю, и видитъ всю ничтожность ея причинъ!

— Не возмущайте мира души моей! сказала Лафайетъ умоляющимъ голосомъ.

— Совершилось! отвѣчалъ Пуссенъ. Въ англійской одеждѣ, воображайте, будто вы слышите голосъ съ оставленнаго вами свѣта, голосъ гражданской ничтож-

исти.... Такъ! мы не будемъ писать портрета! Отнявъ
всё, не должно утѣнять несчастныя игрушки!

— Не понимаю словъ вашихъ, сказала сестра стар-
шая.

— Сестра Аврелія, отвѣчалъ Пуссенъ : просила раз-
решить сомнѣніе души ея : я сказалъ что думалъ.

— Но вы можете повредить самому себѣ:

— Вотъ объ этомъ я никогда не думалъ, и какъ ни
горько не выполнить первой просьбы добрейшаго изъ
живыхъ властителей, я радъ, что сестра Аврелія не
согласилась на портретъ. Не смѣю долже обременять
васъ сухою бесѣдой.

— Вы ошибаетесь. Нѣсколько словъ вашихъ пита-
тельнѣе многихъ такъ-называемыхъ назидательныхъ
книгъ.

— Король!.... король!.... закричала сестра старшая.
Вы должны уйти, мосьё Пуссенъ!

— Оставайтесь! сказала Лафайетъ, и всѣ, молча, ожида-
ли Людовика.

Между-тѣмъ, съ обвѣхъ сторонъ, за рѣшотку тѣсни-
лись сестры. Вошелъ король въ охотничьи платъ;,
увидѣвъ Пуссена, потренилъ его по плечу, и примол-
вилъ : — Я не ожидалъ такой поспѣшности, и остался
въ долгу передъ вами. Я хотѣлъ предупредить васъ
милостью.

— За неприятность откажу....

— Какъ? Вы не хотите писать портрета?....

— Не я одинъ, государь.

— Неужели? спросилъ король, подходя къ сестрѣ
Аврелія.

— Умоляю, государь, оставьте ваше намѣреніе! ска-
зала Лафайетъ.

— Я никогда уже не вижу вашего лица : по-край-
ней-мѣръ, въ живописи Пуссена, желать этого было
невозможно.

Лафайетъ отступила покрывало. Волъзненное, но

прекрасное лицо его озарено было жемчужными румянцами и лучами солнца, пылающего на востоке. Пуссенъ устремилъ на нее неподвижный взглядъ, а король совершенно забылся и смотрѣлъ, въ восторгъ, на томные глаза истинно ангельской красоты, покрытые легкой слезою. Сестра старшая и все монахины, потупившись, безмолвствовали.

— Другъ мой! сказала Лафайетъ едва слышно и опускающая покрывало : солнце низко....

— Благодарю васъ! отвѣчалъ король еще тише : я счастливъ надолго!

Молча, поклонился онъ монахинямъ и пошелъ съ Пуссенемъ. Въ коридоръ ходилъ Сень-Марсъ въ охотничьемъ платьѣ.

— Неудача! сказалъ король, увидѣвъ великаго.

— Напротивъ! замѣтилъ Пуссенъ : по милости вашего величества, я бѣгу домой съ портретомъ сестры Аврелии.

— Гдѣ онъ? спросилъ король съ изумленіемъ.

— Въ головѣ, отвѣчалъ Пуссенъ : и сегодня же перенесу на бумагу.

— Научите, какъ благодарить васъ, сказалъ король : воображеніе мое детанилось.

— Вы подарили мнѣ, государь, впередъ величайшую награду : ваше доброе расположеніе и довѣренность.

Король снялъ простое гладкое золотое кольцо, надѣлъ на руку Пуссена, сѣлъ на лошадь, и ускорилъ съ Сень-Марсомъ.

ГЛАВА СОРОКЪ-ДЕВЯТАЯ.

Римляне.

Пуссенъ возвратился домой съ сердцемъ, исполненнымъ грусти и сожалѣнiя.

— Гаспаръ! сказалъ онъ: вели подать лампу, бумагу и карандаши.

Пуссенъ усѣлся, началъ сочинять портретъ сестры Аврелии на множество, какъ онъ называлъ, модульцiй, и остановился именно на томъ положенiи, въ какомъ ее увидѣлъ съ отброшеннымъ покрываломъ. Гаспаръ перетерчивалъ возлѣ эскизъ большого пейзажа. Де-Вальероль, облокотивъ голову на руки, погруженъ былъ въ тяжкiя думы. Всѣ молчали. Пуссенъ нарядно направилъ лампу, и продолжалъ работать.

— Что вы, капитанъ, такъ задумались? спросилъ Гаспаръ.

Де-Вальероль вздохнулъ и, поднявъ мокрые слезы глаза, воскликнулъ: — Господи! кому нужны наши печали, наши страданiя? Я женился на больной дѣвушкѣ, жилъ съ нею годъ, не больше. Война оторвала меня отъ любимой сунруги. Разлуда охладила мою привязанность. Я полюбилъ другую дѣвушку, но умѣлъ побѣдить беззаконную страсть.... Прошли годы: я почти каждый день вспоминалъ о женѣ и о прелестной дѣвушкѣ, вмѣстѣ. Прошли годы: я нашелъ въ Парижѣ яму на краю гроба. Любовь ко мнѣ была ея болѣзненною радостью о моемъ возвращенiи причиною ея смерти. Два мѣсяца она каждый день умирала. Три раза, во все это время, я успѣлъ побывать у герцога Вандемскаго какъ ассаль, по дѣламъ моего семейства: за это меня выплади въ день смерти моей жены! Два мѣсяца я страдалъ болѣзненною женою, восхищался красотою и нравомъ.

моей дочери.... И за что, за что последняя казнь мучительной неизвестности?

— До завтра, дорогой капитанъ, до завтра! Вы помните мнѣ данное слово.

Вошелъ Корнель съ молодымъ человѣкомъ. Пуссенъ поглядѣлъ на нихъ не безъ изумленія, и, положивъ карандашъ, всталъ и сказалъ съ обычною въжливостью: — Что вамъ угодно, господа?

— Петръ Корнель и Михаилъ Корнель изъ Руана, отвѣчалъ Корнель.

— Боже мой! какое счастье!... Садитесь! Вы украсите нашу искреннюю бесѣду.

Уволись. Де-Вальероль ушелъ наверхъ, и заперся въ мастерской.

— Не сынъ ли вашъ? спросилъ Пуссенъ, глядя на молодого человѣка.

— Какимъ же вы меня считаете старикомъ! отвѣчалъ Петръ Корнель. Это мой однофамилецъ: живетъ въ Руанѣ. Онъ живописецъ и, вслѣдствіе послѣдней воли короля, теперь подъ вашимъ начальствомъ. Позвольте спросить: въ которомъ часу вы изволили прѣхать въ Парижъ изъ Фонтенблô?

— Ровно въ полдень.

— Мой Михаилъ недавно женился: Богъ послалъ ему сына въ день и часъ вашего прѣзду! Михаилъ живописецъ: вы, по всей справедливости, должны быть воспріимникомъ отъ купели.

— Съ величайшей охотой, съ величайшей охотой отвѣчалъ Пуссенъ, пожимая руку Корнеля. Когда назначите? Я вѣнъ.

Новорожденный былъ Михаилъ Корнель, живописецъ, пріобрѣтшій въ царствованіе Людовика Четырнадцатаго почетную извѣстность.

— Вы не можете повѣрить, дорогой гость, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду представленія Цинны или Гора

щель. Говорятъ, въ этихъ пьесахъ я употребляю истинный языкъ, истинныя чувства. Думаютъ.

— Но-правильней-мнѣ-же стремилась къ этой цели, оставилъ Корнель. Наше искусство не свободно. Мадоннъ Римлянъ не понравятся Французамъ: я долженъ былъ говорить языкомъ французскаго героизма, а гдѣ хотѣлъ сохранить Римъ, тамъ всегда принужденъ былъ предлагать на одинъ стихъ по десяти стиховъ толкований. Вамъ легче: каждый вѣкъ будетъ переводить и объяснять ваши чувства по-своему, и каждый вѣкъ останется доволенъ и собой и вами. Меня осудятъ...

— За что?

— У насъ есть правила... и не ширки, а образцовыя ширки, какъ у портныхъ,... и не ширки, а образцовыя ширки, какъ въ платьѣ! Посредственность, около ста лѣтъ, зашита свою знаменитость соблюденіемъ старыхъ и изобретеніемъ новыхъ правилъ. Что, если бы я заставилъ васъ писать всѣ руки въ такомъ положеніи, головы въ такомъ поворотѣ; не позволялъ бы мнѣ въ картинѣ болѣе двухъ плановъ, и опредѣлялъ бы толщину въ пять лентей длины и ширины; ни болѣе ни меньше? Въ поэзіи изобрѣли подобныя законы, и, какъ я сказалъ, посредственность употребила его для утвержденія своего варварскаго кодекса.... Преступленія противъ этихъ законовъ не простятъ! Надо употреблять хитрости, и я безпрестанно долженъ извиняться въ умышленныхъ ошибкахъ, извиняться поспешностью, поспѣ Пуссенъ,... своимъ незнаниемъ!

— Но развѣ сильными, убѣдительными доказательствами, изложенными вашимъ перомъ, нельзя разгромить нелѣпыхъ бредней неразумныхъ животныхъ?

— Животныя завели неприступное гнѣздо, французскую академію, и мадамъ Сюдери подавала въ этотъ ареопагъ формальную жалобу на моего Сида.

— Вы шутите!.... И они смѣли судить?

— И осудили.

— Къ чему же принудили ваше Слѣд?

— Остался отъ нынѣ и до вѣка посредственныя, неудачныя произведеніемъ!

— А публика?

— Что публика! Она не имѣетъ голоса.... Гдѣ ей судить! Ей позволено только чувствовать.

— Слава Богу, что и это право не отдамо на откупъ!... Такъ вы ничего не пишете?

Корнель горько улыбнулся и спросилъ: — Скажите: неужели васъ не утомила дорога и непрерывные перезады? Вы уже за работой!

— Отъ васъ у меня не будетъ тайны, дорогій гость.

— Взаимно! отвѣчалъ Корнель.

И оба другъ другу пожали руку.

— Это портретъ монахини Лафайетъ!

— Камень свалился съ души моей! прошепталъ Корнель, вздохнувъ глубоко. Я также лѣстилъ по необходимости, безпрестанно обвинялъ себя; но вы меня извинили. Особенно для этого добраго, кроткаго короля, искренно расположеннаго къ добру,... нѣтъ! я не знаю, можетъ ли быть на свѣтъ жертва, которой бы я не принесъ для Людовика! Вы слышите: не правда ли?

— Да, хотѣлось бы завтра послать эскизъ въ карандашъ.

— Идемъ, Михаилъ, идемъ!

— Оставайтесь, посидите: вы мнѣ не мѣшаете.

— Ни за что! Завтра.... нѣтъ, послѣ-завтра мы увидимся!

Корнель схватилъ за руку Михаила и, не протѣясь, ушелъ. Пуссенъ покачалъ головою и тихо сказалъ: — Я думаю, его Римляне лучше монхъ.

—

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Пасквиль.

Старушка д'Орбиньи, повѣстивъ всему Парижу о по-
лькѣ сына своего, капитана королевской гвардіи Ген-
риха д'Орбиньи, съ вдовою Марією Пальфи, поздно ве-
черомъ пріѣхала въ вандомскія палаты за невѣстой.

— И ты съ нами, Джудита, сказала Марія, собираясь
въ дорогу.

— А Эвелина? а Пуссенъ? Нѣтъ, поѣзжайте одни,
Богъ съ вами; а мы къ вамъ пріѣдемъ какъ отдѣ-
ляемся.

Прощанье было непродолжительно. Друзья расста-
лись. Джудита ушла въ свой кабинетъ, и стала писать
на-чисто стихи. Эвелина стояла на-стражѣ. Услышавъ
голосъ Депорта, который что-то приказывалъ Гойку,
Эвелина бросилась въ кабинетъ, говоря шопотомъ: —
Пріѣхалъ! пріѣхалъ!

Бумага исчезла, чернильница закрыта, перья сложе-
ны, и объ усѣлись другъ противъ друга, какъ-будто
продолжая давно начатую бесѣду.

— Что? кончили? спросила тихо Эвелина.

— Почти: остается десять, двѣнадцать стиховъ, не
болѣе.

— Ахъ, Джудита! какъ я боюсь!....

— Не бойся, Эвелина. Случай насъ избавилъ отъ
Сень-Марса. Онъ не захочетъ быть соперникомъ Аль-
фреда. Маркизь еще и самъ не знаетъ, влюбленъ ли
онъ въ тебя или въ другую. Я узнала: онъ влюбчивъ,
но честенъ; а этого Мазарини теперь ни чѣмъ нельзя
унять. Шапка избавила его отъ ненужной скромности.
Цѣль достигнута: онъ теперь самъ въ состояніи раз-
сказать о своемъ преступленіи, въ превратномъ видѣ.

Я рѣшилась предупредить его, и путь, мною избранный, — самый надежный, самый дѣйствительный.

— Богъ знаетъ, Джудита! Онъ не оставитъ и съ своей стороны безъ мести.

— Лучше испытать всѣ роды пытки нежели жить въ такомъ презрѣннѣи.

— Но несчастныя дѣти?....

— Теперь ихъ состояніе въ надежныхъ рукахъ моей Маріи и д'Орбиньи. Я передамъ ей завѣщаніе и всѣ бумаги д'Арголы; я передамъ моимъ дѣтямъ свои несчастія, подарю имъ другаго, вымышленнаго, отца и мечь къ родному, но преступному; однимъ словомъ.... Но перестанемъ говорить объ этомъ! Теперь намъ должно думать о твоёмъ отцѣ.

— Ахъ, Джудита! какъ бы намъ увидѣться съ Пуссенемъ? Де-Вальероль не даромъ такъ часто гулялъ съ нимъ по Испанской Площади. Не послать ли Гаръ-Піона?

— Боюсь, Эвелина! боюсь его искренности. Я сама увѣрена, что Пуссенъ привезъ письма; но сношенія съ изгнанникомъ опасны, и мы должны непременно сами или ты или я....

— Но какимъ образомъ, Джудита? помилуйте!

За дверьми раздались шаги. Собесѣдницы замолчали. Послышался голосъ: — Можно?

— Войдите! сказала Джудита.

Вошелъ Депортъ, и сѣлъ за столъ противъ дамъ.

— Слава Богу, тяжкая моя обязанность кончилась! сказалъ онъ: теперь я могу предаться снова моей школѣ, моимъ домашнимъ занятіямъ. Послушайте, Джудита! не пора ли намъ оставить дворъ, Парижъ, весь этотъ скользскій путь ложныхъ честей и суетной гордости? Какъ вы думаете?

— Какъ хотите, отвѣчала Джудита съ примѣтною сухостью. Вы совершенно независимы и можете располагать собой какъ угодно.

— Не выйдѣ...

— Я также совершенно независима. Я привела все концы въ порядок, и теперь еще ни на что не рѣшилась.

Джудита закрыла платкомъ правую руку: на пальчикахъ были пятнышки отъ чернилъ.

— Вся моя забота — Эвелина, продолжала она: я хочу отвести ее въ монастырь Византокъ. Тамъ сестра старшая съ характеромъ, какого я и не читывала: она защититъ Эвелину отъ недостойныхъ преслѣдованій.

— Что вы мнѣ напомнили, Джудита! сказалъ Деспертъ особенно ласковымъ голосомъ.

— А что такое?

— Эвелина двѣ капли воды похожа на дѣвицу Лафайетъ. Что, если бы ее увидѣлъ Пуссенъ?

Дамы значительно взглянули другъ на друга, и спросили: — А что такое?

— Король заказалъ ему портретъ сестры Аврелии. Оригиналъ видѣть нельзя: Лафайетъ не согласилась. Но онъ бы могъ удивить короля портретомъ Эвелины.

— Что за вздоръ! сказала Джудита: будто ужъ такое сходство?

— До обмана, Джудита, до обмана! Какъ жаль, что нѣтъ Альфреда!.... Кстати! я просилъ кардинала. Обещалъ, но не сейчасъ. Пока повелѣнїе такъ свѣжо, прощать неловко; но черезъ мѣсяцъ я обниму моего Альфреда,.... мое школу!

Дамы опять недоувѣрчиво взглянули другъ на друга.

— Отчего же вы не хотите помочь Пуссену? сказала робко Эвелина. Я съ удовольствіемъ готова служить моделью для портрета достойной женщины, написаннаго рукою такого художника. Пусть прїѣдетъ Пуссенъ. Москва-быкъ, такого рода услуга доставитъ вамъ дружбу Пуссена. Мы слышали, онъ не благоволяетъ къ вамъ.

— Прїѣдетъ!.... О! вы же знаете гордость этого го-

ловька : онъ не согласится писать портретъ даже самого кардинала не у себя въ мастерской!

— Тамъ пойдешь къ нему.

— Нельзя. Онъ завтра долженъ послать свой эскизъ, а до завтра это уладить трудно.

— Отчего же, мосьё Девортъ? Два слова вашей руки....

Девортъ не соглашался. Но дамы настаивали такъ сильно, такъ убедительно, что наконецъ Девортъ рѣшился написать къ Пуссену записку, и ушелъ въ кабинетъ. Написавъ два письма, онъ позвалъ Гойно и, отдавая ихъ, сказалъ : — Это къ Пуссену, это къ Мазарини; а потомъ сбѣгай въ королевскія конюшни, и скажи, чтобы чуть свѣтъ у крыльца моего была карета.

Около полуночи Джудита разбудила Гаръ-Пюна.

— Поди сюда! сказала она, и, заперевъ двери своей спальни, спросила ласково : — Скажи, мой другъ : любишь ли ты Эвелину?

— Какъ самого маршала Шомберга! отвѣчалъ Гаръ-Пюнъ.

— А что читаютъ теперь на рынкахъ?

— Вчера читали сатиру на господина великаго, какъ онъ воевалъ противъ Бульона и какъ король въ газетахъ хвалилъ маркиза, за то что онъ берегъ свою жизнь и здоровье.

— И что жь? хороша сатира?

— Нѣтъ. Кардиналъ стихи плохо пишетъ : не смѣшно!

— Какъ? развѣ это самъ кардиналъ писалъ?

— Э, милостивая госпожа! И у насъ на рынкахъ есть ученые: съ-разу узнаютъ кто писалъ. Вотъ у насъ, напримеръ, есть свой.... мы прозвали его маркизъ де-

Коль, ... такъ посмотрѣвъ на насъ : отъ насъ разоны про-
чуть, всѣ и пришлига : «Коль! Коль!» А кардиналъ не
истеръ : и поддѣлаться не умѣетъ ! все съ-забота!

— Какія же наши разноязыки «отирры»? печатныя?..

— Печатныя.

— А гдѣ же ихъ печатаютъ ?

— Разно. Кардиналъ у себя печатаетъ: такъ и по-ру-
къ узнаютъ; а прочіе на фабрикѣ.

— А гдѣ же эта фабрика ?

— А чортъ ее знаетъ. Говорятъ, будто на Михайлов-
скомъ Мосту, да не думаю : давно бы всѣхъ перехва-
тали! Скорѣе, гдѣ-нибудь подъ землемо.

— А вѣдь вы не узнаете ?

— Можно, можно, отъицалъ Гаръ-Шюнь, простодуш-
но полагаясь на разнообразныя таланты своего друга.

— Да когда же ты мнѣ узнаешь ? спросила Джу-
дита.

— А вотъ, извольте только завереть за мной двери,
и воследите, куда вернусь.

— Не такъ, Гаръ-Шюнь ! Нѣ румонисъ ! Тутъ описа-
ны всѣ плутни Мазарини. Надо напечатать еще сего-
дня, а завтра чтобы все это было на рынкѣ : иначе,
Звельнѣ бѣда !

— Право ?.... Такъ пожалуйста, и будьте спокойны....
Мы его завтра на рынкѣ !

— Но тайна !

— Самъ чортъ не узнаетъ !.... Спокойной ночи ! За-
рите за мной двери.

— Отвери ! кричалъ Гаръ-Шюнь.

— Чѣмъ такъ поздно ? спросилъ Гейне.

— Какъ поздно ? да вы еще ужинаете !

— Будто у насъ есть день или ночь ! Все перемѣнѣ.

Вотъ и сегодня въ 12 Нарядъ въ паркъ обнесалъ, а стоишь же прощаль зады, зови виднись, и шепчи привороженцу.

— А замышлять тебѣ сара?

— Тебя будешь, да сонный весьма. Завтра, въ семь часовъ утра, назначено Мазарини свиданіе въ Эвонской.

— Ктѣ назначилъ?

— Деспотъ.

— Гдѣ?

— Въ Тюильрійскомъ Саду, у новаго мостика, аъ на-
матка.

— А протыка эго! Что тутъ написано?

Гойко пробѣжалъ рукопись:

— Коротко, да хорошо! Это весь рыцарскъ кодексъ. Поспей, я еще два стишка прибавлю: такъ вой Нарядъ завтра къ новому мостикъ сблизнись!

— Да развѣ ты увидишь писать стихи?

— Э! мы, братъ, иногда за Кока нишемъ!... Поспей, я вотъ койчасъ по-вашему отиваваю!

Гойко схвативъ перо, внимательно пересмотрѣвъ бумагу, и сталъ приписывать шпильку, громко похрюкивая каждый стихъ с. — *Post scriptum*:

Мазарини кардиналъ
Въ Тюильрійскій Сады попалъ:
У палатки, на мосту,
Ждетъ съ предмыстья красоту,
На часахъ, съ семи часовъ,
Семь часовъ онъ ждатель готовъ.
Проситъ онъ честной народъ
Приходить на мостикъ тотъ,
Посмотрѣть, какъ кардиналъ
Въ семь часовъ въ пресакъ попалъ.

— Что же изъ этого будетъ? спросилъ Дартъ-Монтъ.

— Авотъ увидишь! Да еще, для скорости и вѣрности, въ риндльвской газетѣ да еще скажу... Сара! назавтра динеръ.

- Сколько?
- Сто добрыхъ пистолей!..... Прощай! дай Богъ успѣть.... Приходи на рынокъ!
- На какой?
- Извѣстно : на Островъ Святаго Людовика!.... Вся грязь подыместъ!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Нашурница.

«Чужие утро!» говоритъ про-себя Мазарини, сядя въ нависшемъ Тюиларійскаго Саду и глядя на пробуждающуюся природу. Фонтаны шумѣли; птицы завели свои разнообразныя пѣсни : съ солнцемъ, весь міръ поторашель. «Презосладный это уголокъ! продолжалъ мечтать Мазарини : никогда живой души! Далеко и на гуляньяхъ тутъ встрѣтишь только ревнивыхъ любовниковъ. Много въ этомъ пескѣ крови,.... тайной, жаркой крови! живо въ этой палаткѣ замерло чудныхъ речей! Если бы они ожили, что тогда сонеты Петрарки, наши письма? что тогда сама Скюдери?.... Кареть здѣсь цѣтъ прозвуду : они пойдутъ ввнкомъ, на задней калиткѣ домика Мену. Я — будто гуляю. Слажу, слажу! или я отсталъ отъ науки, забылъ Овидія и Маккиавелли, и не шель въ Парижъ.... Вотъ, вотъ они!....

Мазарини вышелъ и ошибся : то были два булочника. Они шли и кокотали. Одинъ, путемъ-дорогой, читалъ стихи во складамъ, нѣкоторыя прощитывалъ съ рату.

«Не они!» Мазарини хотѣлъ воротиться въ палатку, но не успѣлъ прибывали. Многіе, увидѣвъ его, причали позади идущимъ : — Такъ и есть! такъ и есть!

«Что за дьяволышня! почти крикнуть Мазарини. Нѣтъ ли гдѣ по-близости праздника? Вѣрно, путь на этотъ проклятый мостикъ.» Но, къ особенному удивленію Мазарини, толпа не шла дальше, тѣснилась у мостика. Многіе въ толпѣ что-то читали громко, до голоса ихъ мѣшались: не возможно было разслушать. Между-тѣмъ мальчишки, съ разныхъ сторонъ, забѣгали посмѣтрѣть на кардинала въ черной епанчѣ и испанской шляпѣ. Одинъ изъ нихъ, бѣгая кругомъ Мазарини, читалъ на-распѣвъ стихи Гойко.

— Ай да Кокъ! кричали въ толпѣ. Вотъ стихи!

Мазарини пришелъ въ бѣшенство, и у перваго лавочника, который стоялъ по-ближе, вырвалъ изъ рукъ огромный синій печатный листъ. Общій хохотъ и крикъ искугала кардинала: онъ бросился на мостикъ; толпа за нимъ; онъ въ камлетку и былъ счастливѣе: толпа остановилась, и не осмѣлилась войти на дворъ дома, гдѣ жилъ Пуссонъ.

— Наваль! закричала усатая табачница. Господи пріѣзжій вѣрно спитъ еще. Наваль! на мѣстѣ! въ люди! Довольно потѣшились!

И толпа медленно разбрелась, читая и валящая стихи. Гарь-Шюанъ не могъ надивиться удачѣ: глаза его были полны слезъ отъ смѣху. Гойко танцалъ его за руку.

— Наши пріѣхали: слышите? наши пріѣхали! моткалъ Гойко.

— Дай, расскажу Эвелинѣ.

— Ты съ ума сошелъ! Тебя повѣсятъ и меня съ тобой!

Гойко увлекъ Гарь-Шюана въ боковыя аллеи. Между-тѣмъ Депортъ велъ подъ-руку Эвелину мимо мостика. Мальчишка подбѣжалъ къ нему съ печатнымъ листкомъ.

— Купите, честной господинъ! Тутъ и Кюловы стихи есть.

Депортъ, молча, вынувъ жемчужную монету, бросилъ въ разорванную шапку мальчишки, началъ читать, весь задрожавъ, поблѣднѣвъ, и, почти неслышно, сказалъ въ ужасъ: — Намъ навѣднели!

— Чтò тамъ? спросила испуганная Эвелина.

— Пустяки, пустяки, этихъ стихотвореній нельзя читать дамамъ, отвѣчалъ Депортъ, скомнравъ смѣиъ леть и, положивъ въ карманъ, спокойно продолжалъ: — Риппидъ казнить герцоговъ, и позволяетъ черни смѣяться надъ своими друзьями!... А! вотъ и домикъ Пуссена.

Калитка была заперта. Депортъ постучался.

— Ктò тамъ? спросили два голоса вдругъ, одинъ изъ оконка, другой за калиткой.

— Я, Депортъ! отвѣчалъ Филиппъ.

— Почтеннѣйшій, сказалъ кому-то Пуссенъ изъ окна: вступитесь отворить! Мои люди все ушли, а я ждалъ мосье Депорта въ каретъ и не съ этого подъѣзду.

Калитка отворилась. Эвелина вошла спокойно и, не оглядываясь, продолжала идти по мощеной плитою дорожкѣ. Депортъ оглянулся: глаза Мазарини сверкнули молніей; сжатый кулакъ поднялся и задрожалъ на воздухъ, и, черезъ мгновеніе, калитка захлопнулась за бѣглецомъ.

Депортъ не смѣлъ идти ни назадъ ни впередъ: и у самыхъ тонкихъ злодѣевъ присутствіе духа имѣеть свои предѣлы. Эвелина оглянулась.

— Чтò съ вами, мосье Депортъ?

— Да, да! отвѣчалъ онъ быстро, и, схвативъ Эвелину за руку, бросился бѣгомъ на лѣстницу.

Вошли прямо въ мастерскую. Пуссенъ уже стоялъ съ кистью и палитрой.

— Войдите, войдите! говорилъ Пуссенъ съ особенной ласкою. Бѣдность не шорокъ. Я самъ былъ бѣднѣе.

Эвелина покраснела, как и обыкновенно случалось у неё Депорта.

— Через восемь, или все против меня?.. и подумавъ онъ, и рѣшительно не зналъ, что дѣлать.

— Сдѣлайте одолженіе, примайте, продолжалъ Пуссенъ, подвигъ кресла и усаживая Эвелину. Поверните голову вотъ такъ. Эту руку совсемъ опустите. Не забудьте: вы молитесь; передъ вами образъ Богоматери.... Очень хорошо.... Боже умилиши! Вы будете у меня въ картинѣ на первомъ планѣ: вдали натекомъ бы, а вы въ преддверіи.

Эвелина до того поминивалась, но когда рѣчь зашла про картину, она повернулась, и опять значительно поглядѣла на Депорта. Бѣдный Филиппъ былъ въ отчаяніи.

— Лицо надкозель Эвелины.... началъ Депортъ.

— Эвелины? спросилъ Пуссенъ съ такимъ любопытствомъ, что Филиппъ чуть не сълъ на полъ.

— Да, совершенно такъ, отвѣчалъ онъ, занимаясь: лицо этой дѣвушки видно такъ понравилось вамъ, что вы хотите просить позволенія помѣстить его въ какой-нибудь картинѣ.

Пуссенъ вспомнилъ условія и отвѣчалъ: — Сирѣчь ли надѣяться, что прекрасная Эвелина позволитъ мнѣ эту дерзость?

— О, конечно, конечно! сказалъ Депортъ, успокоиваясь. За портретъ вашей руки можно согласиться, кажется, на эту, не жертву, а честь.

— Могу ли вѣрить? спросилъ Пуссенъ.

Эвелина улыбнулась, и все пошло на-ладъ. Около получасу продолжалась безмолвная работа. Депортъ начиналъ разговаривать о постороннихъ предметахъ; но, не получая отвѣту, замолчалъ и смотрѣвъ пристально на садъ, болѣе стеречь крою, нежели бытъ, вникалъ глазами.

— Гдѣ вы живете? спросилъ Пуссенъ, положивъ на-

они и жалитру. Не правда ли, порветъ почти кон-
чень? Просохнетъ, пройдемъ еще разъ: и готово! Но
мнѣ совѣстно безпокоить васъ и оставлять ваше семей-
ство въ такомъ продолжительномъ безпокойствѣ. Ма-
машка ваша охотнѣе позволитъ окончить портереть у
себя дома.

— Что это значить, мосьё Депортъ? вскочивъ съ кре-
сель, закричала Эвелина.

— Позвольте вамъ объяснить все это дорогой:

— Здѣсь! здѣсь!

— Не просите!

— Я приказываю!

— Не возможно!

Пуссенъ испугался и, не желая быть свидѣтелемъ
непріятнаго объясненія, вышелъ въ другую комнату.

— Послушайте, Эвелина: какъ вамъ не стыдно?

— Какъ вамъ не совѣстно, мосьё Депортъ?

— Пойдемъ!

— Нѣтъ! прикажите подать карету: я поведу домой
одна, безъ васъ.

— Но карета, вы знаете, у воротъ.

Вошелъ Пуссенъ и сказалъ: — Не угодно ли мою?
Она, я думаю, уже на дворъ.—Мосьё Депортъ! потру-
дитесь позвать Жерома.

«Скорѣе вытащить ее отсюда!» подумалъ Депортъ, и
бросился внизъ.

— Жеромъ! Жеромъ! кричалъ онъ на весь садъ: по-
давай карету!

— Не видали ли вы въ Римѣ моего отца, де-Вальеро-
ла? поспѣшно спросила Эвелина.

— Онъ здѣсь, отвѣчалъ Пуссенъ.

— Онъ здѣсь? вскрикнула Эвелина, и упала безъ
чувствъ.

— Карета подана! сказалъ Депортъ.

Эвелина очнулася, поглядѣла умоляющими глазами

на Пуссена, съ ужасомъ на Депорта, бодро встала, и пошла къ дверямъ.

— И не простясь! сказалъ Пуссенъ ласково.

— Если позволите, отвѣчала она голосомъ, въ которомъ замѣтны были и страхъ и радость: я вриѣду автра, и мы окончимъ портретъ.... Простите!

Эвелина схватила за руку Депорта и увлекла насильно.

— Чудеса! ворчалъ Депортъ, спускаясь съ лѣстницы: ничего не понимаю!

— Зато я все понялъ! сказалъ Пуссенъ, заперъ свою мастерскую на замокъ, и спряталъ ключъ въ карманъ.

Не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ цѣлыя толпы гостей, длинной вереницей, втѣснились въ небольшую его гостиную. Просьбамъ и похваламъ не было конца; но, къ общему неудовольствію, Пуссенъ объявлялъ, что не смѣетъ сдѣлать ни одного очерка для частныхъ людей безъ позволенія де-Нойё; что просить о томъ не будетъ, не желая просить кого-либо и о чемъ бы то ни было, и совѣтовалъ обращаться съ требованіями въ государственную канцелярію. Недовольствіе обоюдное возрастало. Приходили съ восторгомъ и удивленіемъ, уходили съ презрительной улыбкой и двусмысленною рѣчью. Пуссенъ тяготился докучными посѣщеніями и, вспомнивъ, что день тотъ былъ среда, воспользовался благовиднымъ предлогомъ и отправился на пиръ. Не станемъ описывать торжества: всѣ праздники этого роду одинъ на другой похожи до скучнаго однообразія: яства, вино, пѣсни, крики, лавровый вѣнецъ, бюстъ, рѣчи, и прочая, и прочая. Пиръ кончился.

Болѣе полутораста человекъ художниковъ провожали Пуссена домой съ факелами. Вино и слава знаменитаго гостя одушевляли провожатыхъ шумнымъ восторгомъ; пѣсни оглашали тѣсныя улицы Парижа: даже Симонъ Вуэ и Лемерсидъ шли съ факелами и называли

льсин. Фукиерръ, врѣшпагъ, предводительствовалъ отрядомъ. За толпою, шагомъ, двигались кареты, послѣднѣи и волны любопытнаго народа. Тихій весенній вечеръ, огни, толпа, хорошенькія головки въ окнахъ, все это представляло прелестную картину : даже самъ Флюссюль любовался, и слава впервые показалась ему не ничтожнымъ гуломъ слѣпой черни, а голосомъ внутреннихъ, искреннихъ чувствъ народа.

— Лебрёнъ, кажется, вамъ измѣняетъ, сказалъ Лемерсидъ : онъ не отстаегъ отъ Пуссена.

— Нѣтъ, не бойтесь, Лемерсидъ! Я его просилъ объ этомъ; а то сказали бы, что я и самъ завидую и вооружаю моихъ учениковъ.

— Зато Лессюеръ идетъ особнякомъ и не поетъ и не веселится.

— Онъ не пристанетъ къ Пуссену какъ не присталъ ко мнѣ.

— Завтра, кажется, онъ назначилъ быть мнѣ въ Лувръ.

— Завтра ?

— Да. Но я не поѣду : онъ еще у меня не былъ, а въ Парижѣ, онъ обязанъ сохранять наши правила общезжитія.

— Конечно, конечно, съ улыбкой отвѣчалъ Вуэ : я по-крайней-мѣрѣ, знаю, что это послѣднее наше свиданіе. Исполнивъ свой долгъ, я ѣду изъ Парижа на-долго.

— Какъ на-долго ?

— Пока Пуссенъ будетъ занимать мое мѣсто.

— Такъ ужъ лучше оставайтесь, потому что я ему не долго позволю смѣяться надъ моими товарищами. Милость короля къ Пуссену слишкомъ велика : тѣмъ неже надежна. Надо нѣсколько ловкости, и дѣло слаится. Но мы отстали.

Приближались къ Тюильрійскому Саду. Очередные десятскіе и стрѣлки со всѣхъ сторонъ стекались уни-

мать художниковъ; но старшины магистраты и сажь годова ихъ запрещали безпоконть термоственное шествіе Пуссена. Художники, не только въ комнатахъ лемика Мену, но даже въ саду и на дворикъ, съ трудомъ могли помѣститься. Пуссенъ былъ въ восторгѣхъ, и всаго его толпились : онъ создалъ въ Парижѣ новый Римъ, въ садахъ тюльрійскихъ свою медіцейскую академію. «Нѣтъ моихъ лимоновъ», подумалъ онъ, и вспомнилъ, что у него, въ подвалѣ стоитъ цѣлый боченокъ добраго двух-лѣтняго вина. Онъ объявилъ о томъ собесѣдникамъ, и боченокъ, съ небольшимъ въ два часа, опустѣлъ съ дрожжами.

Художники разбрелись. Депортъ сѣлъ въ карету, и увхалъ почти послѣдній. Пуссенъ остался вдвоемъ съ Гаспаромъ у меньшого колодца, на дворикъ.

— Славная молодежь! сказалъ Пуссенъ : но знаменитые точно устарѣли. Мнѣнія ихъ полезны какъ живыя висьмена опыта; но сами они пойдуть уже не впередъ, а назадъ, и скоро ученики будутъ стирать работы учителей, и писать тайкомъ за нихъ. Такъ дѣлали ученики съ дряхлымъ Тиціаномъ; но отъ того Тиціанъ всё-таки не меньше : заслуга не отивѣтаетъ.... Плохо!

— Да отчего же плохо? спросилъ Гаспаръ.

— Ни за что не останусь во Франціи! Вузъ умретъ, и меня пересадятъ на его мѣсто.

— Какъ это можно?

— Во Франціи все можно. Но гдѣ Вальероль?

— Сами его раскрасили, и сами не узнали! Онъ подавалъ вино.

— Зачѣмъ же онъ это дѣлалъ?

— Онъ искалъ въ толпѣ художниковъ какаго-то живописца Дени, который долженъ знать, гдѣ его Эвелина.

— Такого живописца я не слыхалъ, а Эвелина... Посмотри, посмотри, какъ онъ усердно лакействуетъ! зажегъ свѣчи.... Пойдемъ!

— Любоньтень я знать похожа ли, говорилъ Пуссенъ уже въ комнатѣ, и ваялъ со стола трехсвѣтильникъ. Пойдемъ въ мастерскую!

— А что, наши натурщицы не хуже римскихъ? спросилъ Вальероль, следуя за Пуссеномъ.

— Удивительной красоты! отвѣчалъ Пуссенъ.

— И такъ же веселы и страстны какъ моя Анджела или какъ Бальбина Стеллы? прибавилъ Гаспаръ.

— Нѣтъ! сегодняшняя грустна какъ сирота, понижающая свое положеніе.

Вошли въ мастерскую. Пуссенъ освѣтилъ еще не заохщій портретъ.

— Эвелина! вскричалъ капитанъ.

— Эвелина де-Вальероль, тихо сказалъ Пуссенъ.

— Моя Эвелина.... натурщицей!.... О! до чего я дожилъ! сказалъ капитанъ съ отчаяньемъ, и плакалъ какъ ребенокъ.

Пуссенъ поставилъ трехсвѣтильникъ на полъ, и, обнимая де-Вальероля съ живымъ участіемъ, сказалъ: — Успокойтесь, любезный другъ, успокойтесь! ваша Эвелина....

— Гдѣ она?

— Мнѣ привозилъ ее Депортъ.

— Довольно, довольно, я боюсь подробностей! отвѣчалъ де-Вальероль, убѣгая.

— Пойдите!.... Вы погубите себя!.... Мы увидимъ Эвелину завтра!

— Сегодня! отвѣчалъ де-Вальероль уже изъ саду, и скоро тѣнь его исчезла въ аллеяхъ тюильрійскихъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-ВТОРАЯ.

Hôtel de Rambouillet.

Корнель окончилъ чтеніе Полювкта. Все общество безмолвствовало. Въ огромной залѣ, гдѣ болѣе шестидесяти человекъ сидѣли на просторѣ въ обширныхъ креслахъ, слышны были только шаги и легкій кашель Корнея. Онъ подошелъ къ окну, и съ улыбкой посмотрѣлъ на вереницу каретъ, наполнявшихъ всю улицу и небольшую площадку передъ рамбульетскими палатами. Отирая платкомъ потъ, крупными каплями катившійся по смуглому его лицу, Корнель подумалъ : « Не понравилось !.... Но виноватъ не я.... Прочту Пуссену : если и онъ.... Нѣтъ ! и тогда я не переменяю ни одного слова.... Вздоръ ! это лучшая моя пѣса ! »

Молчаніе продолжалось. Скюдери нѣсколько разъ порывалась высказать свое мнѣніе, но никто не могъ или не хотѣлъ ее слушать. Бальзакъ, въ притворной задумчивости, каталъ въ рукахъ карандашъ. Мадамъ Рамбульѣ, закрывъ рукою глаза, искренно погрудилась въ разнообразныя размышленія. Герцогиня Эгильюнская, отеревъ слезы, спокойно разсматривала общество, стараясь угадать какое впечатлѣніе произвела пѣса на тогдашнія знаменитости. Воатюръ сидѣлъ съ неподвижной улыбкой. Ротру сохранялъ академическую важность. Котлѣ, сжавъ губы, зажмурился. Д'Этодъ и аббатъ Боа-Роберъ, молча, глядѣли другъ на друга съ выраженіемъ презрительнаго сожалѣнія. Прочіе старались согласоваться, въ подожженіяхъ и въ выраженіи лица, съ любимцами : кто подражалъ Бальзаку и шелкалъ пальцами, кто съ презрѣніемъ смотрѣлъ на соседа, но ни кто не подражалъ Ротру и герцогинѣ Эгильюнской. Молчаніе, мучительное для Корнея, было

приняло приѣздомъ Денорты. Хозяйка отступясь и, вставъ, упрекала зачѣмъ опоздала.

— Я въ отчаяніи! отвѣчалъ Денорты. Но причина моего проступка вы удостоите уважить. Вся художественная торжественность сегодня прибытіе Пуссена : мы отъѣли, съ пѣснями и съ огнями, нашего торжественнѣйшаго дѣла, и тогда только кончилась моя должность.

— Неужели вы до этой поры объѣдали?

— Безъ малаго! отвѣчалъ съ улыбкой Денорты, сѣлъ въ пустыя кресла.

— Расскажите, расскажите, какъ это было! Въ Парижѣ подобнаго праздника не бывало.

Корнель, видя, что имъ никто не занимается, никто не говоритъ своего мнѣнія о дорогомъ Поліевжѣ, тихою свернулъ тетрадь, и еще тише выскользнулъ изъ рамбулетскихъ палатъ.

— Ушелъ!.... ушелъ! пробѣжалъ шопотъ, и громкіе голоса смѣшались. Крикливымъ мнѣніемъ не было конца : больше всѣхъ кричали Скюдери и Котлѣ. Болло отмстилъ за Корнеля злобыми, но справедливыми; выходками противъ Котлѣ, а Скюдери, за несправедливость къ первому литературному гению своего времени, безвинно поплатилась въ потомствѣ. Всѣ прочія знаменитости и знатности составляли хоровой аккомпанементъ дуэту Скюдери и Котлѣ. Защитники были; во что въ нихъ, когда они оправдывали Корнеля въ душѣ и, не говоря ни слова, спѣшили уѣхать? Герцогиня Эгильонская ускорила отъѣздомъ, чтобы утѣшить и ободрить любимаго поэта. Ротру, прослушавъ двѣ три выходки Котлѣ, торжественно и громогласно сказалъ : — Я выскажу свое мнѣніе въ академіи : тамъ есть какой-нибудь порядокъ. — И уѣхалъ. Наконецъ образовалось общее мнѣніе сѣдующаго содержанія. Выводить на сцену христіанскаго мученика нельзя: при чемъ не сказано; сонъ обращающейся язычницы долженъ быть свѣще, и потому сонъ Падрины долженъ:

справдательныя причины пропущены, а именно то, что сонъ Павлины посланъ врагомъ Человѣчества и введенъ провидѣніемъ умно, съ расчетомъ высшаго генія; наконецъ, Поліевктъ на театрѣ произведетъ только смѣхъ: причины якобы уже изложены выше. Последнее испувамо мадамъ Рамбульѣ и всѣхъ не-авторовъ. Рѣшили послать денутанто къ Корнелю, и умолять, именемъ всѣхъ друзей его, не отдавать Поліевкта на театрѣ. Жребій палъ на Воатюра, какъ на челоуька, который во всю жизнь ни кого не обидѣлъ, всегда говорилъ шутя; былъ въ Испаніи чѣмъ-то въ родѣ посланника отъ Гастона Орлеанскаго, и понравился герцогу Оливаресу и дамамъ; былъ членомъ французской академіи, и, наконецъ, не писалъ піесъ для театра.

— Неприятное порученіе, но воля такого почтеннаго собранія должна быть уважена, сказалъ Воатюръ.

— Пользайте, любезный Воатюръ! примолвила мадамъ Рамбульѣ; пользуйте сейчасъ! Корнель говорилъ мнѣ, что чтеніе Поліевкта у меня будетъ послѣднее. Пользайте, и возвращайтесь съ отвѣтомъ.

— Я боюсь, что такого посланника Корнель помѣститъ въ комедію, сказалъ Воатюръ.

— Члена французской академіи! съ ужасомъ воскликнуло нѣсколько голосовъ, и Воатюръ уѣхалъ.

Пока продолжались литературныя пренія, Депортъ съ маркизомъ Дезюмидъ удалились въ боковую комнату.

— Ну что? сказалъ маркизъ.

— О! да это просто пьяница! отвѣчалъ Депортъ: онъ развратитъ только наше юношество; весь столъ, только выдумывалъ новыя заздравья: даже за жену я, въ очередь, за всѣхъ римскихъ своихъ знакомыхъ!

— Транстеверинскіе нравы, транстеверинскіе нравы, ворталъ маркизъ. Но чѣмъ же кончилось?

— Насилу привели пьянаго домой: давай еще вина! Слуги ему говорятъ: «Да ту бочку, что приго-

гошена была вамъ на годъ , вы изволили уже выкупать съ друзьями.... Представьте мой ужасъ !

- Не даромъ онъ такъ любитъ писать вакханаліи !

- Просто любитъ вакханаліи. Но, маркизь, съдѣайте дружбу , ни кому объ этомъ не говорите : само разоидеться , а если мы первые , то могутъ подумать....

- Конечно , конечно ! Я не такъ глупъ.... Не пойдемъ ! Кажется утихло.

- Нѣтъ , я уйду , маркизь ! Я такъ огорченъ тѣмъ , что видѣлъ , что право чувствую себя совершенно разстроеннымъ . Простите . Я и въ залу не пойду .

« Ты и безъ меня все съдѣаешь ! » подумалъ Девертъ , и ушелъ .

Маркизь возвратился въ залу и , почти у дверей , встрѣчаясь съ Складери .

- Куда вы ? спросилъ онъ .

- Хочу захватить къ Пуссену : хочу заказать ему виньетку къ моей рукописи , для представленія королю .

- Только пожалуйста не сегодня .

- А что такое ?

- Такъ ,.... онъ разстроенъ....

- Чѣмъ ?

- Сказать стыдно ! Видь сегодня былъ обѣдъ , и онъ , знаете , по обыкновенію....

- Ахъ , какая жалость ! сказала Складери , возвращаясь къ обществу : по обыкновенію !

- Что такое ? что такое ? спрашивали многіе .

Въ этотъ ужасный вечеръ состоялось еще одно общественное мнѣніе въ рамбулетскихъ палатахъ : Пуссенъ объявленъ человѣкомъ не трезваго поведенія.... Люди , люди ! все это , къ несчастію , не выдумка романистовъ , а историческое зеркало человѣчества !

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯ.

Свиданіе.

Эвелина то радовалась как ребенокъ, то задумывалась, и по-мигуну спрашивала, который часъ. Джу-дита напрасно старалась успокоивать движеніе возмущенной души. Гарь-Піона безпрестанно звали наверхъ: расспрашивали, не видалъ ли капитана, не проходилъ ли кто мимо, не осведомлялся ли объ Эвелинѣ. Гарь-Піонъ былъ одѣтъ въ новый мундиръ, который сшила ему благодарная Сара; волосы его были причесаны; усь жакасленъ и завитъ. Онъ приходилъ и уходилъ съ какою-то праздничною торжественностію. Джу-дита изрѣдка прочитывала синій печатный листъ: улыбка удачной вѣсти окнявляла прекрасное лицо. Эвелина не могла смѣяться, не могла и слушать Джу-диту.

— Боже мой! Боже мой! говорила она: неужели до завтра я не увижу отца моего?.... Гарь-Піонъ! Гарь-Піонъ!

— Чтѣ прикажете? Я здѣсь, на перепутьѣ!

— Какъ ты думаешь, не сходить ли тебѣ къ носѣ Пуссену?

— Почему же и вѣтъ? Только дома ни кого нѣтъ: Гойко сегодня не приходилъ; у меня и двери не заперты.

— Эвелина!....

— Батюшка!....

— Жоржъ!....

— Капитанъ!....

Читатель догадается, что пошелъ въ комнату де-Вальероль, и Эвелина упала въ объятія отца. Всѣ плакали.

— Не сомъ ли? сказалъ де-Вальероль, увидѣвъ Джу-диту: васъ ли я вижу? ВѢГ заступили мѣсто матери этой несчастной сироты?.... Вы, кого я такъ любилъ,

мы отпустили мнѣ за невольный тяжкій отказъ! Выслушай дочь мою натурщицей живописцевъ!

— Что такое? съ гордостью сказалъ Гарь-Пионъ. Ложь, капитанъ, ложь!

— Гарь-Пионъ! другъ мой! товарищъ! утѣшь меня, разгулярь, докажи.....

Объяснились. Де-Вальероль былъ въ восторгъ, цѣловалъ дочь свою, руки Джудиты и добраго, вѣрнаго Гарь-Пиона.

— Я съ тобой не разстанусь! говорилъ онъ, обнимая дочь. Правда, много горя Господу было угодно налить на мою голову; но найти тебя, найти Джудиту, вѣрнаго моего Помпея, обмануться въ ужасныхъ предположеніяхъ.... о! за это я готовъ страдать снова! Скорѣе, дочь моя, скорѣе изъ этого дому! Джудита! пока что Богъ дастъ, скройте передъ Депортомъ бѣгство моей дочери. Завтра мы будемъ ужъ далеко отъ Парижа..... Простите, Джудита! Если возможно, спѣшите соединиться съ нами. Мы васъ будемъ ждать въ Вальтелинской долинь, въ Сондрио, въ домъ Ваоли..... Простите!

И капитанъ и Джудита забылись, и бросились другъ другу въ объятія.

Вошелъ Депортъ.

— Дяволо! лакей Пуссена обнимаетъ жену мою!....

— Извергъ! вскричалъ капитанъ и бросился на Депорта, но женщины его остановили.

Схвативъ за руку Эвелину и обуздывая гнѣвъ свой, де-Вальероль едва могъ сказать, и то задыхаясь:—Хорошо!... хорошо!.... Но все это будетъ извѣстно королю!... Пойдемъ, Эвелина!

— Кто смѣетъ? закричалъ Депортъ въ бѣшенствѣ. Разбой!.... насиліе!.... На помощь! на помощь!

— Замолчишь ли ты, морковь съ хрѣномъ! сказалъ Гарь-Пионъ, засучивая рукава. Вотъ я тебя.... по-своему!

Депортъ поблѣднѣлъ; но лишиться Эвелины значило лишиться всего. Героизмъ отчаяннѣ тотъ же обыкновенный героизмъ трусости. Депортъ схватилъ Эвелину и вырвалъ ее изъ рукъ де-Вальероля.

— Разбойникъ! кричалъ онъ: какое ты имѣешь право на Эвелину? Она моя: я воспитывалъ ее, я устроилъ ея будущность; а ты пьяный слуга пьянаго Пуссена!.....

— Какое право?.... какое право?.... Извергъ! у отца ни самъ твой кардиналъ не отниметъ дочери!

— Такъ ты?....

— Капитанъ де-Вальероль!

Депортъ выпустилъ Эвелину и, дрожа, отступилъ къ дверямъ.

Джудита, до свиданія! сказалъ капитанъ, и пошелъ съ Эвелиной. — Помпей! прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Гаръ-Пионъ идетъ занимать: останься и защищай Джудиту.

— Слушаю-сь!

— Джудита, что все это значить? спросилъ Депортъ.

— Завтра вы подпишете нашу разводную: мы расходимся, отвѣчала Джудита.

— О! не такъ скоро, не такъ скоро! Вашего любовника завтра повѣсятъ!

Депортъ бросился изъ дому.

— Гаръ-Пионъ! нѣтъ ли у тебя какого-нибудь хорошаго знакомаго, куда бы я могла укрыться только на эту ночь?

— Есть.

— Буди дѣтей!

Джудита связала нѣсколько узловъ, гдѣ уложились все ея богатство. Между-тѣмъ пришли и дѣти. Имъ было уже по четырнадцатому году. Красивые мальчики: узнавъ, что Джудита въ опасности, просили у Гаръ-Пиона оружья.

— Я вамъ дамъ его въ свое время, сказала Джудита, вы будете моими мстителями!

— До гроба! закричали дѣти, и бросились въ объятія обожаемой матери.

— Пойдемъ, пойдемъ! кричалъ Гаръ-Пионъ: а то еще, что добраго, этотъ чортъ воротится.... А про Жаннету мы и позабыли!

Наконецъ палаты вандомскія опустѣли. Гаръ-Пионъ заперъ ихъ на замѣкъ, спряталъ ключъ, приговаривая: «Пусть его ночуетъ на улицѣ!» и всѣ отправились на Италіянское Предмѣстье.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Третій.

Въ стекла большой двери на балконъ дому, гдѣ жилъ Мазарини, спокойно глядѣла высокая тѣнь, но ея не могли видѣть собесѣдники. Оборотясь къ окнамъ спиною, Мазарини и Лемерсидѣ сидѣли въ большихъ креслахъ передъ пылающимъ каминомъ.

— Такъ вы на этой недѣлѣ доставите мнѣ рисунки для моего дворца, Лемерсидѣ? Дѣло кончено: не правда ли?

— Ваша эминенція удостоиваетъ меня неожиданной довѣренности, и, признаюсь, въ такое время, когда наименѣе можно было полагать.

— Вы говорите о Пуссенѣ?... Вздоръ! я не увлекаюсь этими подготовленными похвалами. Впрочемъ, вы не видите собственныхъ средствъ. Вы можете на каждомъ шагу ставить препятствія; вы можете разоблачать хвастовство; вы можете избавиться отъ непріятнаго сопер-

личества..... Хотите? Я вамъ буду способствовать, дамъ славнаго помощника; но на одномъ только условіи....

— Ваша эминенція, извольте приказывать.

— Это условіе быстрота, скорость! Не медлите ни минуты!

Вошелъ слуга, снялъ съ полки молитвенникъ и четки, и положилъ на покрытый бархатомъ налож. Мазарини поспѣшно всталъ съ мѣста, и сказалъ Лемерсіе ласково: — Простите! Видите, слуга напомнилъ мнѣ, что наступило время молитвы.

Лемерсіе удалился.

— Гдѣ же онъ? спросилъ вполголоса Мазарини.

— Въ библіотекъ, отвѣчалъ слуга такъ же.

— Зови.

Вошелъ отецъ Сирмондъ, духовникъ короля.

— А! ваша эминенція уже замолитвой! сказалъ поздній гость.

— По обыкновенію, отвѣчалъ кардиналъ. Но бесѣда съ вами не прерываетъ священныхъ занятій. Садитесь, достойный отецъ. Кардиналъ приказалъ мнѣ поговорить съ вами.... Что, скажите, намѣренъ ли король отдать мнѣ шапку?

— Какъ же ваша эминенція могли въ этомъ сомнѣваться?

— Но и вамъ Шантлу привезъ что-то изъ Рима?

— Мнѣ?.... Ваша эминенція изволите ошибаться.

— Конечно, обѣщаніе почти то же что ничего; но апостольскій намѣстникъ такъ твердъ въ своемъ словѣ.

— Полноте! хитрость! сказалъ отецъ Сирмондъ, лукаво улыбаясь. Я, право, не виноватъ въ королевской медленности. Сенъ-Марсъ, одинъ Сенъ-Марсъ управляетъ волей добраго короля. Меня теперь и къ молитвамъ не приглашаютъ. А Сенъ-Марсу надо прежде быть конетаблемъ: тогда кардинальскій санъ онъ будетъ раздавать самъ, по своей воли.

— Меттаблешь? Следственно этотъ слухъ не безъ основанія?

— Теперь одна помѣха : до свѣдѣнія короля дошло, что Сенъ-Марсъ не шутя влюбился въ Эвелину де-Вальеро, бывшую дворянку; а вы знаете, прежде мѣтили на кого.

— Знаю, на Марію Неверскую. Но это небывалое дѣло : принцесса....

— А король любилъ эту мысль, и если Сенъ-Марсъ не успѣшитъ оправдаться, дѣла могутъ перемѣнить видъ.

— Танъ не давайте ему оправдаться.

— Ну; это не въ моей власти: я до-сихъ-поръ не знаю, поѣду ли я съ королемъ въ походъ.

— Послушайте, отецъ Сирмондъ! Я не вхожу въ ваши отношенія съ королемъ. Какъ хотите, а выдайте мнѣ шапку по-скорѣе. Вѣдь и я со-временемъ могу пригодиться : и я въ Римъ не безъ друзей.

— Последний пасквиль повредилъ нѣсколько вашей эвненціи.

— Когда же король успѣлъ прочесть?

— Сегодня въ Сенъ-Жерменъ онъ появился около полудня.

— Откуда?

— Я никакъ не могъ узнать.

«Не самъ ли ты его привезъ? Надо съ тобою кончить!» подумалъ Мазарини, и, вставъ, сказалъ сухо : — Я исполнилъ волю моего благодѣтеля. Простите, достойный отецъ.

— Сохраните ко мнѣ ваше расположеніе.

— Это отъ васъ зависитъ и отъ короля. Впрочемъ, если черезъ три дня, въ наступающее воскресенье, я не получу моей шапки, Богъ съ вами : я ѣду въ Римъ!... Простите!

Именно поклонясь, отецъ Сирмондъ ушелъ.

«Вреть!» подумалъ Мазарини, оставшись одинъ : за-

хочетъ, съѣзжаетъ! Но капуцинь, вѣрно, и его съѣзжалъ Пуссеномъ.... Бѣда, когда папа художникъ!... Великій Пуссенъ! зачѣмъ ты сталъ мнѣ на дорогѣ?... И эта Эвелина, и этотъ Седъ-Марсъ, и сатира, и Джудита, и ванъ-Дейкъ, и Депортъ: я начинаю уставать.... Плохо безъ власти! Все надо дѣлать косвенно, черезъ другихъ, кланяться, притворяться, оглядываться.... Но эта сатира? Напрасныя повски: никто не знаетъ!

Вошелъ слуга, и доложилъ о прѣздѣ маркиза Дежюмидъ.

— Чтò такъ поздно? А всё-таки кстати!... Проси.

Вошелъ маркизь. Опять усѣлись къ камину, и опять къ стекламъ двери подошла высокая тѣнь.

Мазарини сидѣлъ молча и грызъ ногти. Маркизь Дежюмидъ, въ видѣ доклада, и не останавливаясь, рассказывалъ ему рамбульетскія новости. Когда онъ сообщилъ извѣстie о метрезвости Пуссена, Мазарини сказалъ разсѣянно: — Я объ этомъ зналъ еще до прѣзду Пуссена, но не хотѣлъ рассказывать. Все выйдетъ скоро наружу, и всѣ эти почести умножатъ только стыдъ его бѣгства. Не должно потворствовать разврату, не должно молчать: надо кончить! надо стараться довести до свѣдѣнiя королевы, короля, Ришлiè! надо предупредить также и.... нѣтъ! де-Нойè не должно говорить объ этомъ. Я люблю Францію, и вы тотчасъ увидите, какъ я объ этомъ забочусь. Сейчасъ придетъ къ намъ преемникъ Пуссена: Римъ отъ него былъ въ восторгъ! Рубенсъ пишетъ объ немъ какъ о единственномъ генiальномъ своемъ ученикѣ, и совѣтуетъ удержатъ во Францiи. Если не ошибаюсь, это онъ.

Дѣйствительно, вошелъ ванъ-Дейкъ.

— Какая исправность! сказалъ Мазарини, пожмая руку художника. Позвольте васъ, господа, познать: Антонио ванъ-Дейкъ, прозванный въ Итали фламандскимъ Тицианомъ; маркизь Гиацинтъ Дежю-

видъ, любимецъ короля, знатокъ и художникъ! Вашему покровительству, маркизь, передаю дорогаго гостя. Вы не откажете просить Сень-Марса представить ванъ-Дейка королю : я представляю его кардиналу-герцогу.... Что, каковъ Парижъ?

— Я не успѣлъ ничего видѣть, отвѣчалъ ванъ-Дейкъ; былъ только въ пустой луврской галереѣ. Ее можно удивительно расписать портретами королей французскихъ.

— Здѣсь дурной вкусъ, замѣтилъ Мазарини: и не говорите о портретахъ! Хотятъ повторить Римъ на площадкѣ Лувра, хотятъ въ одну галерею вмѣстить колонну Траяна со всеми барельефами, все остатки Пантеона прибить къ потолку, весь форумъ и весь римскій музей разставить на ста шагахъ! Отъ живописца требуютъ историческихъ машинъ только не-огромнѣе, но-сложнѣе.... Вотъ вамъ вкусъ Парижа!

— Пуссенъ, конечно, на это не согласится, отвѣчалъ Фламандецъ съ гордостью.. Историческія картины хороши для плафоновъ, а не для стѣнъ, и я очинилъ девять плафоновъ....

— Пуссенъ сочинилъ девяносто картинъ! : сказалъ Лезювидъ.

— Быть не можетъ! возразилъ ванъ-Дейкъ : Пуссенъ честный человекъ, и я пріѣхалъ отнять у него работы, не интригой, не покровительствомъ.... нѣтъ! назначьте сраженіе : кто лучше, тотъ и иди въ Лувръ! А если нельзя исполнить моего требованія, такъ я ему на дверяхъ напишу историческую картину и уѣду въ Голландію!

— Отчего же нельзя?... Маркизь! вы должны хлопотать объ этомъ.

Толкая слугу, который шелъ съ докладомъ, Депортъ убѣжалъ въ кабинетъ кардинала. Мазарини побѣдилъ и, вынувъ изъ-за пазухи синій печатный листъ, съ угрозой держалъ его передъ Депортомъ.

— Оставьте насъ одинъхъ! закричалъ Филиппъ.

Дезюмидъ, уходя, сказалъ только : — Я обожду въ библиотекъ.... Пойдемъ, великій человекъ, погово-римъ о нашихъ намъреніяхъ! — И увлекъ съ собою ванъ-Дейка.

— Не поздно ли пришелъ ты, предатель? спросилъ Мазарини, дрожа отъ злости.

— Нѣтъ, еще не поздно, кардиналъ : еще можно все поправить.

— Но эта сатира?...

— Не постигаю, кардиналъ, кто ее могъ написать! Я и самъ не зналъ подробностей моей женатбы : откуда же къ узналъ кардиналъ-герцогъ?

— О верхъ влутавства!... Рипшиё зналъ объ этомъ столько же сколько и я : его не было въ Парижѣ; онъ никого не присылалъ въ типографію. Брисенъ уже велелъ подъ стражу всехъ работниковъ : между ними были три жида; но эти жида исчезли съ машинками печаталь-ныхъ буквъ. Кто, кромъ тебя, могъ знать тайну за значеннаго свиданія?

— А! я понимаю все теперь! Это Гойко, это мой фа- тотамъ. Его подкупилъ Сенъ-Марсъ или Пуссенъ... Проклятый жидъ! Прикажите какъ можно скорѣ схватить его, и тайна откроется.

Мазарини позвалъ слугу, и послалъ за городскимъ головою. На балконъ раздался хохотъ. Въ ужасъ, и Ма-зарини и Депортъ подбѣжали къ окну : съ улицы кто-то сдергивалъ веревочную лѣстницу съ балкона сдернулъ, и убѣжалъ.

— Это онъ, это Гойко! кричалъ Депортъ.

— Молчите, говорилъ Мазарини : ради Бога, молчи-те! Онъ не уйдетъ. — Но, прибавилъ онъ угрюмо : важ-ду нами былъ третій!

— Хорошо, съ улыбкой сказалъ Депортъ : что этотъ Гойко не все слышалъ.

— Богъ знаетъ! можетъ-быть, свидѣомъ. А что у васъ еще?

— Мы навсегда потеряли Эвелину.

— Депортъ! клянусь, я не пощажу васъ!

— Послушайте: Пуссенъ влюбился въ нее по уши, съ-пьяна, послалъ пьянаго слугу взять Эвелину изъ моего дому.

— Ну такъ что жь?

— Слуга назвалъ себя отцомъ Эвелины, и уведъ ее изъ моего дому.

— И вы позволили?

— Помилуйте! Это былъ заговоръ: жена и люди напали на меня.... чуть не убили.... заставили вѣрить.... заставили бѣжать....

Слуга воротился и объявилъ, что городской голова съ городскими стражами и стрѣлками вышелъ изъ торговой части города по тайному дѣлу. Депортъ былъ въ восхищеніи. Мазарини бѣсился.

— Гонецъ отъ кардинала! сказалъ другой слуга.

Мазарини развернулъ письмо: въ немъ было написано не много словъ.

«Прѣзжайте сейчасъ въ Рюэль. Возьмите съ собой Депорта.»

«Ришліё.»

Уѣхали.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-ПЯТАЯ.

Соперники.

«Долго же онъ не возвращается,» говорилъ Пуссенъ, ходя взадъ и впередъ по мастерской. Трехсвѣтильникъ всё-еще стоялъ на полу. Гаспаръ дремалъ въ креслахъ. Вошли маркизь Дезюмидъ и ванъ-Дейкъ.

— Мы замѣтили, что вы еще не спите, сказалъ маркизъ : и зашли поговорить о важномъ дѣлѣ.

— Пожалуйте внизъ, отвѣчалъ Пуссенъ, взявъ съ полу трехсвѣтильникъ, и проводилъ неожиданныхъ гостей въ залу. Что вамъ угодно?

— Это москѣ ванъ-Дейкъ и Тиціанъ!

— Простите : я не узналъ васъ! Отъ души привѣтствую и обнимаю. Въ Римѣ неприятности не позволили мнѣ съ вами познакомиться. На-долго ли къ намъ?

Гости смутились. Ванъ-Дейкъ однако жъ собрался съ духомъ, и отвѣчалъ : — Вы меня обидѣли въ Римѣ, и я пріѣхалъ въ Парижъ искать удовольствія.

— Невольно развѣ?... Не помню. Говорите : если я не правъ, буду просить извиненія.

— Вы меня сочли неспособнымъ къ исторической живописи.

— Не правда.

— Вы сказали, что по моей части въ Римѣ мало образцовъ.

— Ложь! Я говорилъ, что Римскіе художники нашего времени не пишутъ портретовъ. Изъ вашихъ произведеній, я только и видѣлъ портреты да портреты, и всегда говорилъ, что васъ напрасно называютъ Тиціаномъ, потому что вы вовсе не занимаетесь историческими предметами.

— Не правда.

— Я васъ считалъ и считаю способнѣйшимъ человекомъ къ какому бы то ни было роду. Кто любитъ и разумѣетъ природу, тому всѣ роды живописи — свои. А теперь, я только вижу, что вы человекъ завистливый, гордый, честолюбивый, и, судя по вашимъ поступкамъ, вздорный, мелочной....

— Ложь! Прошу извиненія : я васъ не понялъ; но прошу и позволенія у васъ на дверяхъ написать исторію....

— Нельзя ли на холстъ или на деревянной досчечкѣ?
Я вамъ отплачу тѣмъ же.

— Слово?

— Честное слово!....

— Мой адрессъ : Антонию ванъ-Дейку, въ Антверпенѣ, въ магистратъ.

— Мой адрессъ: въ Римъ, на Испанскую Площадь, въ гостинницу Чернаго Орла.

Дезюмидъ пришелъ въ ужасъ.

— Какъ, мосѣ ванъ-Дейкъ? сказалъ онъ : а сраженіе? а Лувръ?

— Убирайтесь вы, льстецы и притворщики! Вы хотите насъ, добрыхъ и простодушныхъ художниковъ, обратить въ орудіе вашей злобы, личныхъ отношеній и тайныхъ злодѣйствъ. Вы мнѣ рассказали объ вашемъ знаменитомъ Депортѣ. Довольно! я понялъ, кого вамъ нужно : не Пуссена, даже не меня : льстецовъ, потворщиковъ, маленькихъ злодѣевъ, которые бы служили носильщиками для большихъ!.... Прощайте навсегда! Извините, что я васъ обезпокоилъ ночью. Вотъ этотъ господинъ увѣрилъ меня, будто вы пьяны. Простите оскорбленному чувству: я хотѣлъ насладиться вашимъ нравственнымъ уничиженіемъ.... Вонъ, вонъ изъ Парижа!

Ванъ-Дейкъ горячо обнялъ Пуссена, надѣлъ въ комнату шляпу, и спокойно ушелъ.

— Маркизь, я не имѣю чести васъ знать, сказалъ Пуссенъ съ важностью и спокойствіемъ : но клевета.....

— Она чиста, она чиста какъ ангелъ! кричалъ де-Вальероль, вводя Эвелину. Поцѣлуйте ее! благословите! она достойна вашего благословенія : она сохранила чистоту въ новой Гоморрь!

— Не стану мѣшать вамъ, сказалъ маркизь, язвительно улыбаясь, и ушелъ.

Т. XLVII. — Отд. I.

11

— Погодите, погодите, маркизъ! кричалъ Пуссенъ.

— Нѣтъ, я знаю, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ непріятны свидѣтели, отвѣчалъ маркизъ съ лѣстницы, и скрылся.

— Что вы надѣлали, капитанъ? спросилъ Пуссенъ съ грустью.

— Что я надѣлалъ?..... О! за этотъ день я не перестану благодарить Бога. Я вырвалъ ее изъ рукъ смерти. Депортъ видѣлъ опасность своего положенія, и въ эту ночь могъ рѣшиться на все.

— Истинная Гоморра! сказалъ Пуссенъ, глубоко огорченный.

Зарево освѣтило окна домика. Съ разныхъ сторонъ послышались голоса: толпа городскихъ стрѣлковъ, съ факелами, наполняла дворъ и садъ. Пуссенъ, съ горькою улыбкой, поглядѣлъ на Вальероля. Капитанъ, прижавъ къ груди Эвелину и заливаясь слезами, сказалъ: — Я готовъ: долгъ мой исполненъ.

— Вошелъ ратушевый швейцаръ и, низко кланяясь предстоящимъ, почтительно произнесъ: — Господинъ голова и старшины города Парижа просятъ позволенія войти въ квартиру господина Пуссена по королевскому дѣлу.

— Проси, отвѣчалъ Пуссенъ.

Голова и старшины вошли медленно и торжественно. Голова, поклонясь Пуссену, котораго легко было узнать по гордой осанкѣ и лицу, отуманенному досадой, тихо сказалъ: — Мы нарушаемъ формы только изъ уваженія къ вашей славѣ!

— Дурно дѣлаете! отвѣчалъ Пуссенъ. Закона вы не должны смягчать по указаніямъ вашихъ чувствъ: эти чувства могутъ быть ошибочны. Что вамъ угодно?

— Мосьё Пуссенъ! сказалъ голова : примите искреннее сожалѣнiе, что мы рѣшаемся обезпечить васъ покорнѣйшей просьбою сообщить намъ, кто изъ присутствующихъ капитанъ де-Вальероль.

— Я! отвѣчалъ Вальероль.

Въ то же время Пуссенъ указывалъ на него рукою.

— Не правда!.... не правда! кричала Эвелина.

— Успокойтесь, прекрасная Эвелина, опять началъ голова. Мы знаемъ ваши несчастiя : часа два тому назадъ, Гойко разсказалъ мнѣ вашу повѣсть.

— Какъ? даже и Гойко не ушелъ въ этотъ день отъ общаго жребiя?

— Не знаю что вы хотите этимъ сказать. Гойко—мой старый знакомый и способный, необходимый, человекъ. Онъ былъ причиною, что мой предшественникъ долженъ былъ оставить свое мѣсто. Когда меня удостоили лестнаго выбора, Гойко самъ ко мнѣ явился и объявилъ причины своего поведенiя. Я полюбилъ его за искренность и разумъ, и съ тѣхъ поръ онъ у насъ служитъ при ратушѣ : собираетъ свѣдѣнiя. Онъ-то принесъ ко мнѣ пучокъ сатиръ, разбросанныхъ сегодня на рынокъ, и объявилъ мнѣ все, между прочимъ и ваши несчастiя. Тронутой вашими положенiемъ, я послалъ Гойка къ своему кардиналу, съ письмомъ. Ему не нравилось посягательство; но.... что дѣлать! никто, лучше его, не зналъ всехъ подробностей этого запутаннаго дѣла. Пока мы соблюдаемъ формы, капитанъ будетъ жить у меня : я, для виду, и стражу приставлю. А между-тѣмъ, если вы знаете какiе пути.... Да чего лучше, вотъ мосьё Пуссенъ! Кардиналъ его примѣрно уважаетъ.... Если бы еще герцогиня Эгильонская! Я тоже поѣду въ Рюэль : нельзя ли уговорить де-Нойе....

— Можно, прервалъ Пуссенъ.

— Такъ чего лучше! Все кончится благополучно. Мы проедемъ смертнымъ приговоромъ.

— Смертнымъ? закричала Эвелина.

— Да это только форма! Капитанъ изгнанникъ: не слѣдовало возвращаться. Господинъ Пуссенъ привезъ его въ Парижъ, но онъ не зналъ, что слуга капитанъ де-Вальероль.

— Зналъ, возразилъ Пуссенъ спокойно.

— Не знали, не знали! Намъ это лучше извѣстно: мы такъ и въ актахъ записали. Постарайтесь завтра къ вечеру доставить ратушѣ мнѣніе кардинала,.... и все будетъ кончено!

Вошелъ Стелла.

— Стелла! вскрикнулъ Пуссенъ: изъ мирнаго Рима!....

— Къ вамъ! отвѣчалъ Стелла.

— О! лучше бы за мною!

— Я привезъ ваши картины.

— Само Небо помогаетъ!.... Вынимайте кардинальскія... скорѣе, скорѣе!

— Надо людей.

— Возьмите моихъ стрѣлковъ, сказалъ голова.

— Я сейчасъ ѣду въ Рюэль, продолжалъ Пуссенъ.

— Успѣемъ, успѣемъ!—Драншѣ! сбѣгай за моей картой, сказалъ голова, обращаясь къ швейцару.

— А я иду съ вами, сказалъ де-Вальероль.

— Успѣемъ, успѣемъ! Ради Бога, не горячитесь. Мое правило: медленность прежде времени и поспѣшность въ-время. Дайте мнѣ распорядиться. Позвольте, мосье Пуссенъ: ужъ мадмоазель де-Вальероль должна у васъ остаться на-время.

— Гаспаръ! сказалъ Пуссенъ: поручаю тебѣ спокойствіе Эвелины.

— Всю ночь буду стоять на часахъ съ королевскимъ Птоломеемъ, отвѣчалъ Гаспаръ.

— Это недурно, замѣтилъ голова: а я, на всякій случай, сорокъ стрѣлковъ даю вамъ подъ начальство. Врагъ можетъ на все рѣшиться.... Пойдите!... постои-

те!... стойте! Чтобы еще чего-нибудь не позабыть.... Да вот мосьё Леримеръ, старшина! Вы заступите мое мѣсто. Теперь уже за-полночь : кардиналъ скоро проснется и станетъ работать. Ночью онъ бываетъ бо-ге милостивъ. Надо спѣшить : не близко..... Теперь все! Ступайте, капитанъ, и положитесь на общее усер-діе.

Вошелъ Гаръ-Піонъ.

— Гдѣ Джудита? закричалъ капитанъ, измѣняясь въ лицѣ.

— Въ безопасномъ мѣстѣ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. А я пришелъ провѣдать что тутъ дѣлается....

— Все, слава Богу, хорошо, любезный другъ, отвѣ-чалъ голова.

— Ну, не знаю! сказалъ Гаръ-Піонъ. Вы мягко сте-лете, да жестко спать.

— Не всегда, не всегда, любезный другъ : по обстоя-тельствамъ.

— Плохо, плохо, замѣтилъ Гаръ-Піонъ : когда судьи судятъ по обстоятельствамъ!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-ШЕСТАЯ.

Одинокая бѣда.

Два сына Джудиты прилежно слушали повѣсть, ко-торую рассказывала мать ихъ, ту же самую повѣсть, ко-торую мы, вмѣстѣ съ Эвелиной и Альфредомъ, слышали отъ нея въ вандомскихъ палатахъ, въ началѣ романа. Не много было перемѣнъ въ печальномъ рассказѣ. Мстительная Джудита скрыла отъ дѣтей ихъ позорное происхожденіе : они остались законными сыновьями

Депорта; но ненависть къ отцу, месть къ Мазарини, завѣки укоренились въ юныхъ сердцахъ. Бурный Жеромъ посмотрѣлъ на разсудительнаго Жана и, сжимая кулаки, закричалъ : — Мести, Жанъ!... мести!

— Холодной, разсудительной, страшной мести! отвѣчалъ Жанъ.

— Мести, дѣти, мести! Я васъ научу : еще не наступило время. Мазарини будетъ на мѣсть Ришліё. Сент-Марсъ и де-Ту пустые люди : они не сладятъ съ кардиналами. Ножъ — слишкомъ пошлая, слишкомъ скорая месть: есть другая; но, милыя дѣти, надо учиться, работать, надо заслужить любовь народа. Я вамъ куплю мѣста прокуроровъ въ парламентъ, Вы богаты. Ваше достояніе будетъ въ надежныхъ рукахъ д'Орбиньи. Ему известна жизнь моя. Если, какъ я полагаю, мнѣ должно будетъ уѣхать изъ Франціи, останетесь ли въ Парижъ, для мести?

— Мы пойдемъ на край свѣта! отвѣчалъ Жеромъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! сказалъ Жанъ : мы останемся въ Парижъ, будемъ прокурорами въ парламентъ, а тамъ научимся, если ненаучатъ, что намъ дѣлать.

— Пока, учитесь писать стихи : это ужасное оружье! Я цѣлый годъ сочиняла жизнь мою, и вчера весь Парижъ принялъ участіе въ моихъ печаляхъ. Никто не знаетъ, ктѣ несчастная жертва Мазарини : полагаю, и не узнаетъ. Теперь онъ можетъ рассказывать что ему угодно : никто не повѣритъ : увсѣхъ въ рукахъ страшная исповѣдь. Вы — Италіянцы, а Французы ваши враги : не жалѣйте Французовъ. Съ этого возраста приучайтесь къ тайнѣ и къ хитрости. Для насъ нѣтъ, не будетъ, блаженной жизни : одна месть наше счастье!... Но пора вамъ уснуть, успокоиться. Вамъ нужно здорье атлетовъ, бодрость змія, быстрота сокола... Спите, Богъ съ вами!

Дѣти простились, и улеглись въ другой комнатѣ на солому.

— Джулио, Джулио, шептала Джудита, отирая слезы: я ненавижу дѣтей твоихъ!.... Да сбудется ужасная мсть! Другихъ путей я не вижу.

Гарь-Пионъ воротился и рассказалъ, что капитанъ слова задержанъ, что Пуссенъ и голова побѣхали въ Риюль выручать де-Вальероля.

— Помпей! нельзя ли достать носилокъ? спросила Джудита, дрожа и плача.

— Ужъ не въ Риюль ли и вы хотите вѣхать?

— Нѣтъ, въ палаты герцогини Эгильионской.

— Такъ пойдемте пѣшкомъ. Только холодно : развѣ мой солдатскій плащъ,.... потому что вы, ужъ не знаю почему, а объ съ Жаннетой, со страху, ни какой одежды не захватили.

— Давай!

— Клянусь моимъ усомъ, такой чертовщины я не видалъ ни въ одномъ походѣ! По пяти дочей сряду не свѣ.... О! задамъ же я этому Депорту!

Такъ говорилъ Помпей, одѣвая Джудиту.

— Куда вы? спросила изумленная Сара, входя съ большимъ горшкомъ вареной рыбы. Поужинайте прежде; возьмите мою одежду.

— Нѣтъ, нѣтъ, дворяне во всѣхъ кабачкахъ, отвѣчалъ Гарь-Пионъ : такъ безопасно.

— Быть по-твоему, а я за васъ молиться буду, сказала Сара.

— Ну, не великъ прокъ въ твоей молитвѣ! а лучше оставь баррикады, что Гойко выдумалъ, и не впускай никого, не спрашивай, кто тамъ. Если мы или Гойко, такъ и сами окликнемся.

Въ палатахъ эгильионскихъ все спало мертвымъ сномъ : только въ знакомомъ намъ флигелѣ, въ ветхой вышаткѣ, горѣло осемь свѣчей въ разныхъ углахъ и наверху конторки. На выдвигномъ столѣ лежалъ расклатанный Подѣвктъ. Корнель, стоя, декламировалъ трепко превосходные стихи лучшей своей трагедіи :

христіанское умиленіе сіяло въ глазахъ безсмертнаго поэта; черныя кудри живописно разбросились, засученныя рукава обнажали сильныя руки. Корнель воображалъ, что онъ читаетъ свою христіанскую драму цѣлому міру: ночное безмолвіе казалось ему напряженнымъ вниманіемъ слушателей. Онъ кончилъ третій актъ и ждалъ съ гордостью одобренія. Міръ спалъ. Корнель улыбнулся и громко сказалъ: — Врутъ! безсовѣстно врутъ!... Полюевктъ превосходная трагедія. Новость ихъ испугала; христіанство непонятно семнадцатому вѣку: вотъ и всё тутъ! Я поставлю Полюевкта, и въ Парижѣ наберется еще десятокъ другой людей, которые сохранили чувство религіи и познаніе добра.—Актъ четвертый! громогласно произнесъ Корнель, и задумался. Мысль за мыслью, воспоминаніе за воспоминаніемъ, оживленные образы прошедшаго, вся память обширнаго и ученаго ума вдругъ раскинулась въ головѣ Корнеля, подобно многолиственному роскошному цвѣтку, любимцу восточной Флоры. Этотъ безграничный міръ воображенія, смѣсь вѣковъ и народовъ, природъ и вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, освѣщенный какою-то многоцвѣтной радугой, дрожалъ предъ воспаленными глазами поэта; голова его протянулась впередъ, улыбка любопытнаго вниманія очертилась на раскрытыхъ губахъ, глаза высохли: стало больно.... Корнель зажмурился, потеръ кулаками глаза: показались слезы; міръ воображенія разрушился. Онъ самъ не зналъ, что онъ видѣлъ, чего ему жаль; но, изъ разбѣжавшихся грѣзъ, многія еще мелькали въ засыпавшей памяти, какъ передъ смертію огонь иногда вспыхиваетъ яркимъ, но мгновеннымъ, пламенемъ. Стало грустно Корнелю. Онъ началъ гасить свѣчи: остались только двѣ на выдвигномъ столѣ. Корнель сѣлъ, и хотѣлъ про-себя тихо продолжать чтеніе: не читалось. Процессъ поэтическаго восторга, достигнувъ высочайшей степени, совершился, и на душѣ поэта осталось цѣлое кладбище, цѣлая гора пещу-

Корнель, Пуссенъ, Декартъ, Беконъ, а въ недавнія времена Кантъ, старались, напряженнымъ дѣйствіемъ ума, пересилить эту апатію памяти, безчувственность посылъ злаго припадка горячки. Иногда удавалось. Но, на этотъ разъ, Корнель не могъ продолжать чтенія : рамбулетское общество и ужасный Воатюръ заняли воображеніе.

— И зависть они называютъ участіемъ! Не давать на сцену Полюевкта, не печатать Полюевкта.... Кажется, пора мнѣ перестать подличать; кажется, я довольно заменить и славенъ, и могу отвергнуть это позорное покровительство, сломать эти золотые прутья моей клятвы.... Конечно! Завтра же ѣду въ Руанъ. Я, жена, Фона, мать Альфреда, — еще найдемъ охотниковъ, — мы станемъ играть Полюевкта, станемъ играть публично. Пріѣдутъ смотреть на насъ изъ Парижа. Чтò, въ самомъ-дѣлѣ, кланяться этой ливрейной челяди кардинала-поэта?

Корнель потушилъ еще одну свѣчу, а съ другою пошелъ къ кровати, и сталъ стлать себѣ постель. Вдругъ кто-то постучался въ ставни.

— Ктò тамъ? спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Простите, мосье Корнель! Пришла Джудита Депортъ, за такимъ дѣломъ, которое не позволяетъ медлить ни мгновенія.

Корнель накинулъ плащъ и отворилъ окно.

— Чтò случилось, добрая Джудита?

Она все рассказала.

— Благодарю за вашу дружбу и довѣренность ко мнѣ, сказалъ Корнель. Постараюсь оправдать ваши надежды. Бѣгу къ герцогинѣ.

— Какъ? теперь же?... Но герцогиня....

— Она понимаетъ Полюевкта; ей доступно христіанское чувство любви къ ближнему, то есть, чувство безвозмезднаго исполненія человѣческихъ обязанностей. Не хотите ли и вы съ нею видѣться?

— Ньтъ. Несчастіе не любитъ встрѣчаться съ любимицами сдѣшной фортуны.

— Ахъ, Джудита! какъ вы ошибаетесь! Вы еще можете мстить иловетникамъ и злодѣямъ; а у нея и это право отнято свѣтскими отмошеніями. Но пора: уже за-полночь. Я васъ обо всемъ увѣдомлю.

Окно и ставни затворились. Корнель со свѣчей прошелъ узкій дворъ и вошелъ въ сѣни. Два швейцара схватились за ружья, но, узнавъ Корнеля, улыбунулись и пропустили.

Корнель поднимался по высокой лѣстницѣ. Швейцары улеглись на свои мѣста. Одинъ изъ нихъ, зѣвая, съ досадой ворчалъ: — Чортъ знаетъ, до чего дошло въ Парижѣ: со свѣчей и съ парадной лѣстницы!

Корнель между-тѣмъ вошелъ въ комнату Ролѣ. Тотъ вскочилъ съ постели, и сталъ-было кричать, но, узнавъ Корнеля, расхохотался, и отъ смѣху не могъ его слушать.

— Вставайте, Ролѣ! перестаньте смѣяться. Надо разбудить герцогиню.

— Чтѣ вы, съ ума сошли, Корнель! Вы, кажется, досихъ-поръ были тихи и смирны, и вдругъ вамъ пришла такая глупая мысль. Это, вѣрно, огорченія. Мнѣ говорила герцогиня, что рамбульетскимъ господамъ не понравилась ваша трагедія. Напишите имъ другаго Цинну: вотъ и все тутъ! Это для васъ гораздо легче нежели для меня разбудить герцогиню.

Корнель, въ свою очередь, смѣялся, и наконецъ убѣдилъ Ролѣ въ необходимости разбудить герцогиню. Ролѣ надѣлъ длинную гороховую юпку, на верхъ родъ кофты или душегрѣйки; обмоталъ около шеи красную шаль, поправилъ передъ зеркаломъ папильюты, и хотѣлъ идти, но вдругъ ономнился и воротился.

— Чтѣ это я, съ ума сошелъ! сказалъ онъ. Это костюмъ на случай пожара или другой какой тревоги: всѣ люди перепугаются.

— Но время не тернить.

— Позвольте, позвольте! Я надѣну охотничье платье, это очень скоро. Лосиный исподни, черное полукастанье..... Ну, папилюты могутъ остаться..... Пойдемъ!

Корнель остался въ маленькой гостиной, и зажегъ пучъ свѣчей въ канделябръ, а Ролѣ вошелъ въ уборную и разбудилъ мадамъ Дри. Мадамъ Дри перепугалась, раскричалась, и пока собралась идти въ спальню, герцогиня уже вышла въ уборную въ огромномъ чепцѣ, въ шубѣ и въ длинноносыхъ башмакахъ.

— Что случилось? спросила герцогиня.

— Мосѣ Корнель хочетъ васъ видѣть.

— Теперь?

— Онъ въ гостиной.

Герцогиня сняла уродливый чепецъ, и приказала подать какую-нибудь наколку.

Мадамъ Дри, вынимая наколку изъ огромнаго шкафа, ворчала довольно громко: — Охота въ домъ держать этихъ сумасшедшихъ! Бьюсь объ закладъ, онъ сочинилъ тираду; понравилась, некому прочесть: онъ давай будить герцогиню!

— Помилуйте, мадамъ Дри! Да эта наколка хороша для утреннихъ визитовъ: — дома ее надѣть нельзя.

— Еще бы вы, отвѣчала мадамъ Дри: всю французскую академію помѣстили въ палатахъ....: Чего добраго! Пустыхъ квартиръ много.

— Ахъ, мадамъ Дри! Да это не наколка. Видите: съ кружевнымъ воалемъ. Это на свадьбу хорошо.

— А, можетъ-быть, онъ вздумалъ жениться; влюбленъ; не спится: вотъ онъ и пришелъ просить вашего совѣту.

— Да онъ женатъ, мадамъ Дри, женатъ. ;

— Такъ хочетъ развестись.

— Вотъ, давно бы такъ! сказала герцогиня прикалы-

вая простой кружевной чепецъ безъ донышка. Снимите цвѣты, мадамъ Дри : не кстати.

Наконецъ туалетъ кончился , и герцогиня вышла къ Корнелю.

— Какое несчастіе встрѣтило моего друга ? сказала герцогиня, садясь на софу.

Корнель разсказалъ.

— Ролè !.... Ролè !.... Карету !.... Мы ѡдемъ сейчасъ въ Рюэль. Помогите, Корнель, распорядиться отъѣздомъ, а я одѣнусь.

Герцогиня ушла въ уборную , а Корнель еще нѣсколько мгновеній оставался на-мѣстѣ въ пріятномъ раздумьѣ.

«Я полагаю, сказалъ онъ просебя : что отъ сотворенія свѣта всѣ женщины, даже язычницы, не были лишены чувствъ милосердія и заступничества.»

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМАЯ.

Ходатаи.

Передъ разсвѣтомъ блеснула луна , и густыя мрачныя тучи заволокли снова серебряный поднось , которымъ такъ любятъ поэты. Карета Мазарини катилась мѣрно , но тихо , потому что , въ тѣ блаженныя времена , дорѣги были такъ же дурны какъ и государственные законы Франціи. И Мазарини и Депортъ приготовились къ допросу. Они полагали , что найдутъ кардинала одного; но вдругъ факелы освѣтили деревья, верховые съ огнями проскакали впередъ, за ними огромная карета и телѣга, потомъ отрядъ всадниковъ.

— Ктò бы это ? сказалъ Мазарини. Вѣрно, въ Рюэль.

Никто изъ секретарей такъ не ѣздитъ. Мы ужасно глупо сдѣлали : поѣхали безъ огней , даже безъ слуги.... Но, кажется, уже близко.

Луна прорѣзала черную тучу и освѣтила рюэльскія башенки. Оставалось до замка нѣсколько минутъ. Но въ то же время Мазарини замѣтилъ на дорогѣ тѣнь слуги за каретой.

— Вѣрно, мой Луи догадался, сказалъ онъ , и, высунивъ голову, спросилъ : — Луи! это ты ?

Слуга соскочилъ и бросился въ лѣсъ.

— Это Гойко! закричалъ Депортъ, отворилъ дверцы, и бросился за нимъ въ погоню.

Но Гойко исчезъ въ чащѣ лѣса. Луна скрылась , и, промедливъ еще добрую четверть часа, путники, съ тяжелыми предчувствіями, отправились въ Рюэль. Главный мостъ былъ опущенъ ; городскіе стрѣлки спѣшились, воткнули въ землю факелы, и, въ кучкѣ, толковали съ огромными Каталонцами. Новопрѣзжихъ осмотрѣли и пустили черезъ мостъ , а карету отослали дальше въ деревню или посадъ, расположенный въ двухъ стахъ шагахъ отъ замка и закрытый лѣсомъ. Тамъ жили отставные слуги кардинала.

Въ большой гостинной залѣ, украшенной знаменами и ключами городовъ , освѣщенной только пылающимъ каминномъ и краснымъ фонаремъ , стояли три жида въ христіанскомъ костюмѣ , въ цѣпяхъ и въ кандалахъ : даже головы ихъ были перевязаны надежными веревками. Входъ въ залу былъ прямо со двора. Вошелъ Гойко. Проходя мимо, онъ шепнулъ преступникамъ : — Молчать! Я васъ выручу! — и пропалъ въ темномъ углу залы. Почти вслѣдъ за нимъ, вошли Мазарини и Депортъ, а изъ отдѣленія, примыкавшаго къ залѣ допросовъ, Пуссенъ, де-Нойё, Шавиньи, Бриеннъ и городской голова. Общее изумленіе. Пуссенъ обратился къ де-Нойё и значительно сказалъ : — Вы видите ?

— Кардиналъ, отвѣчалъ де-Нойё : конечно, прѣхалъ

за тѣмъ же, и не откажетъ помочь намъ. Мы собираемся просить у кардинала-герцога прощенья капитану де-Вальеролу. Теперь ужъ все открылось. Онъ вовсе участвовалъ въ вандомскомъ заговорѣ : не правда ли, Шавиньи?

— На малѣйше! Онъ теперь преступникъ, а въ изгнаніи былъ невиннымъ страдальцемъ. Я такъ и бумагу заготовилъ : «Вызвать ему изгнаніе въ наказаніе за нарушеніе законовъ.»

— Мы можемъ, кардиналъ, надѣяться на ваше содѣйствіе? спросилъ де-Нойё.

— Увѣрю васъ, господа, я первый разъ слышу объ этомъ де-Вальеролъ. Но.... просить буду.

Вбѣжали слуги и суетливо ставили на столы свѣчи.

— Чтò такое? спросилъ де-Нойё.

— Герцогиня пріѣхала!.... герцогиня пріѣхала!

— Уберегите этихъ жидовъ, сказалъ Шавиньи.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ де-Нойё. Ко мнѣ, ко мнѣ просите герцогиню, ко мнѣ въ покон!... Пойдемте, господа!

Слуги со свѣчами побѣжали въ отдѣленіе де-Нойё; за ними пошло все общество. Герцогиня съ Корнелией вошла въ небольшую гостинную де-Нойё, и не мало удивилась, найдя въ Рюэль такое избранное общество передъ разсвѣтомъ.

— Любезный де-Нойё, сказала она : не сердитесь. Мы пріѣхали съ просьбой.

— Приказывайте, герцогиня! Вы знаете, для насъ все возможно.

— Вы погубили этимъ мое честное имя. Несправедливыйя нимости всегда приписывали моему покровительству, а я, всю жизнь свою, не просила за несправедливое дѣло.

— Объ чемъ же сегодня?

— Прощенья капитану де-Вальеролу!

Данортъ и Мазарини задрожали отъ злости; прече

также вдрогнули, не отъ удовольствія. Голова съ важностью замѣтилъ : — Кажется, это дѣло справедливо, если начальникъ города Парижа пріѣхалъ просить за Валероля.

— Достойный человекъ! сказала герцогиня. Вы начали свое управленіе благодѣяніями. Не останавливайтесь, идите далѣе по трудному пути.

— Кардинала Ришліё, съ возрастающею важностью произнесъ голова : обвиняють въ несправедливости и жестокости. Во все время моего управленія, я этого еще не замѣтилъ; имѣлъ дерзость дважды отвергнуть его предложенія, и счастье получить согласіе на мои извѣнія. Не скрою отъ васъ, господъ секретарей и ученыхъ : если я въ мелочахъ и уступаю его эминенціи, то въ уваженія къ безпримѣрнымъ государственнымъ его заслугамъ.... Ни кому другому, ни кому другому! Парижъ ропщетъ и на эту заслуженную снисходительность. Но чего, Боже сохрани, оставитъ насъ кардиналъ?.... Я уйму, обуздаю честолюбіе многихъ!

«Это та ужасная туча, подумалъ Мазарини : о которой пророчилъ Ришліё. Посмотримъ кто кого уйметъ и обуздаетъ!»

— Какой римскій характеръ! сказалъ Корнель Пуссену.

— А, покуда, подличаетъ.

Какъ тихо не произнесъ Пуссенъ свое обвиненіе, голова однако жъ услышалъ:

— Любезный де-Нойё, проводите жъ насъ къ кардиналу, сказала герцогиня.

— А вотъ сейчасъ. Рюжь! сходи, узнай, проснулся ли кардиналъ.

— Позвольте, герцогиня, сказалъ Корнель, подводи къ ней Пуссена : представитъ вамъ величайшаго живописца нашего вѣка!

Герцогиня смутилась : такъ много дурнаго косну-

лось ея слуху, что она не нашла что сказать, и только поклонилась. Пуссенъ также поклонился и отошелъ.

— Холодно же вы приняли перваго человека во Франціи! сказалъ Корнель съ выраженіемъ шутиваго упрека.

— Еще бы вы вздумали представлять мнѣ всѣхъ грубыхъ и нетрезвыхъ Французовъ, выросшихъ въ Транстеверре!

— Какая клевета! Я васъ насильно познакомлю. Вы увидите, какъ безбожно лгутъ завистники. И, вѣрно, вамъ все это, съ сожалѣніемъ и печалью, рассказалъ какой-нибудь художникъ?

— Маркизь Дезюмидъ.

— Такъ и есть!.... И вотъ кто составляетъ мнѣніе! и вотъ какими путями!

Между-тѣмъ, въ другомъ углу, Мазарини бесѣдовалъ съ де-Нойе.

— Быть не можетъ! почти воскликнулъ де-Нойе: онъ обѣдалъ у меня, велъ себя такъ скромно....

— Еще бы у васъ! отвѣчалъ Мазарини, и повторилъ всѣ сплетни Депорта и Дезюмида. Эвелина также не была забыта.

Де-Нойе вѣрилъ притворно. Мазарини забылъ министерскую хитрость: жаръ страсти распалъ его злобу. Де-Нойе, сомнѣніями и восклицаніями, старался еще болѣе воспламенить мстительнаго Италіянца, и вынуть изъ сердца его сколько можно по-болѣе тайнъ и намѣреній.

— Вы не поняли меня, въ то же время тихо говорилъ голова Пуссену, который пальцемъ на застывшемъ окнѣ рисовалъ око Провидѣнія: я все это говорилъ въ предостереженіе новому кардиналу, котораго непременно, на зло здравому смыслу, хотятъ сдѣлать преемникомъ Ришліе. Что мы прощали Французу, того никогда не простимъ Италіянцу. Онъ понялъ предостереженіе: дай Богъ, чтобы послушался! Но, къ несчастію

Франціи, въ немъ самолюбія и лукавства больше чѣмъ крови.

— Бѣдная Франція! отирая слезу, сказалъ Пуссенъ.

Вошелъ Рюзь и сказалъ : — Кардиналь-герцогъ спитъ!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-ОСЬМАЯ.

Неожиданный гость.

Кардиналь-герцогъ не спитъ : онъ читаетъ письмо отъ городского головы.

— Странно! сказалъ Ришліе, бросивъ письмо въ каминъ : я разрѣшалъ самые сложные узлы политики, зналъ что думаютъ короли и министры, и не могу по-рядочно познакомиться съ этими ничтожными тайнами Депорта!

Кардиналь посмотрѣлъ на списокъ своихъ гостей и продолжалъ : — Мазарини пріѣхалъ, но я отъ него узнаю какую-нибудь искреннюю ложь ; отъ Депорта ложную правду : они въ союзѣ ; а мой глупый Эвоэ или устарѣлъ или позволилъ подкупить себя. Прочіе гости случайные. Но зачѣмъ пріѣхалъ голова? к чему эта забавная рекомендація? и что можетъ знать этотъ мелкій торговецъ, у котораго нѣтъ даже собственной лавки?... Можетъ-быть, колдунъ!

Ришліе измѣнился въ лицѣ.

— Но чего бояться? Если онъ....

Кардиналь зазвонилъ и приказалъ ввести Гойко. Гойко вошелъ въ знакомый намъ рюльскій кабинетъ смѣло и бодро. Ришліе лежалъ въ креслахъ подъ одеждою и теплыми одеждою : видно было только голову и руки. Онъ устремилъ на Гойку зоркіе свѣрые глаза.

за, и долго любовался его одушевленной еврейской физиономіей.

— Ты жидъ? спросилъ онъ тихо.

— Гдѣ теперь жидаы, ваша эминенція! Я Филиппъ изъ Ліона, мелочной торговецъ, служу моимъ благодѣтелямъ городскому головѣ и раненому драгуну Гаспару Гарь-Пиону. Жаль, что ваша эминенція не можетъ быть мнѣ благодѣтелемъ, а то бы я и вамъ служилъ.

— Служа головѣ, ты служишь мнѣ, и наоборотъ: мы оба хлопчемъ о томъ же, только въ разныхъ размѣрахъ. Но впрочемъ.... какъ знать? и я, лично, могу пригодиться: какъ ты думаешь?

— Я теперь боюсь только топора, а онъ въ рукахъ парламента.

— Ты полагаешь?

— Увѣренъ. По-крайней-мѣрѣ, для меня. Конечно, я новый человекъ на этомъ свѣтѣ, но много знаю: на то Богъ науку далъ.

Кардиналъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣлъ. Гойко вперилъ въ него свой огненный взглядъ: кардиналъ отвернулся.

— Чтò жъ, ты вѣрно гадаешь? спросилъ Ришліё почти шопотомъ.

— И гадаю. А то вѣдь какими путями мнѣ знать тайны вашей эминенціи?

Ришліё вскочилъ и запутался въ одѣялахъ. Паденіе было неизбежно; но Гойко поддержалъ, усадилъ кардинала, и покрылъ одѣялами.

— Какія тайны? какія тайны? задыхаясь, спрашивалъ Ришліё.

— Да разныя! Наше дѣло мелочное: такъ я и занимаюсь пустяками; а объ важныхъ гадать дорого стóитъ, да и не всегда удается.

— Пустое, пустое, я тебѣ не вѣрю, говорилъ кардиналъ, принужденно улыбаясь.

— Не вѣрьте : вамъ же спокойнѣе.

— Не вѣрю! А все однако жъ велю пытаться тебя!

— Пустое, пустое, я вамъ не вѣрю! Что вамъ за око-
та лишнихъ часа три страдать коликой?

— Какъ?... что?....

— А ваша эминенція вообразили, что вамъ судьба
колику послала даромъ?... Нѣтъ! она у васъ шестое
чувство. Вспомните, когда она у васъ появилась. Не
помню кого вы это перваго казнили : я тогда былъ
еще ребенкомъ. Съ тѣхъ поръ....

Кардинала покрывала смертная блѣдность. Гойко про-
должалъ : — Съ тѣхъ поръ кого ни казнятъ, кого ни
пытають, а у васъ колика! Заплачетъ въ Седанъ из-
гнанникъ отъ нищеты и болѣзни, а у васъ другая бѣда,
stranguria! Ночью несчастные станутъ говорить про
кардинала-герцога, а у него дурные сны!

Ряшлие мрачно посмотрѣлъ на Гойко.

— Ступай съ Богомъ! сказалъ онъ : ты мнѣ не нуженъ.

Гойко уходилъ.

— Постой! шепнулъ кардиналъ. А что же ты хотѣлъ
мнѣ рассказать?

— Я? спросилъ Гойко.

— Ты.

— И не думалъ!

— Но мнѣ писалъ голова.

— Голова ошибся. Я только сказалъ, что если самъ
кардиналъ спросить, буду отвѣчать, и то такъ, мимо-
ходомъ это сказалъ, въ разговоръ.

— Ну хорошо, я у тебя спрошу. Кто у меня въ
замкѣ?

— Гости.

— Да какіе?

— Ваша племянница, городской голова, Пуссенъ,
Корнель, Мазарини, Депортъ, де-Нойе, Шавиньи, Бри-
сигъ, и три невинные жида въ кандалахъ.

— Какъ невинные?

— Потому что сатиру писалъ Депортъ съ Сень-Марсомъ, печатали въ Михайловскомъ гнѣздѣ вапнии буквами, и буквы украли заблаговременно; а жиловъ нарочно сманили въ кабачокъ, да пьянымъ жьвнки съ буквами и подложили.

— Ну, а про кого писана сатира?

— Про Мазарини.

— Нѣтъ, женщина кто?

— Жена Депорта.

— А зачѣмъ же она мститъ?

— За старое, что написано, да за новое, что приписано.

— А что приписано?

— Про Эвелину.

— А Эвелина что на это?

— Плачетъ, да не объ этомъ.

— Объ чемъ же?

— Объ отцѣ своемъ, Вальероля. Онъ, будто слуга Пуссена, въ Парижъ прїѣхалъ, дочь отнял у Депорта, а тотъ на ратушу, а голова и схватилъ Вальероля.

— Да когда же все это случилось?

— Вчера вечеромъ.

— А не знаешь ли кого любить Эвелина?

— Сень-Марса.

— На-вѣрное?

→ На-вѣрное.

— А Сень-Марсъ?

— Любить,.... про случай.

— Какъ про случай?

— Да, если на Маріи не дадутъ жениться.

— А есть ли на все это доказательства?

— Нѣтъ.

— А могутъ быть?

— Могутъ.

— Какимъ образомъ?

— Простите Вальероля.

— Нанья : тогда ужъ капитанъ не позволитъ Сень-Марсу волочиться за дочерью.

— Правда. Но и казнить капитана вы не будете?

— Хотѣлось бы, да....

Ришлїе замолчалъ.

— Вижу, что твои свѣдѣнія огромны, сказалъ кардиналъ. Ты мнѣ нуженъ, Филиппъ, нуженъ. Говори: я окажу тебѣ благодѣяніе.

— Простите де-Вальероля, и я буду служить вашей эминенціи даромъ.

— Но почему ты хлопчешь объ Вальероля?

— А онъ капитанъ моего раненаго драгуна-благодѣтеля.

«А! подумалъ кардиналъ : вотъ чары, посредствомъ которыхъ онъ знаетъ такъ много!» — Хорошо, Филиппъ! ты будешь доволенъ. Ступай съ Богомъ.

Не будетъ ли какихъ порученій отъ вашей эминенціи?

— Доказательство любви Сень-Марса къ Эвелинѣ, письменное доказательство.

— Не нужно ли чего по-важнѣе?

— Ничего, ничего не нужно! Да и что можетъ быть важнѣе этого?

— Напримѣръ, испанскій трактатъ Гастона Орлеанскаго....

— Что такое? что такое?

Кардиналъ привсталъ. Черты его измѣнились : досада и любопытство четко были написаны на лицѣ, скрытомъ страданіями.

— Какой трактатъ?

— Станемъ говорить искренно, ваша эминенція. Подпишите вотъ этотъ смертный приговоръ тремъ невинымъ жидамъ.

— Ты съ ума сошелъ! Самъ оправдалъ, и самъ ищешь ихъ смерти!

— Боже меня сохрани! Люди достигаютъ невѣроят-

ной степени искусства отъ выгоды и страху. Есть два, для которыхъ надо употреблять оба средства. Наука открыла мнѣ тайну объ испанскомъ трактатѣ; она же научила меня и способамъ какъ получить его. Жизнь этихъ жидовъ должна быть въ рукахъ моихъ. Выгоды я самъ съумѣю изобресть для нихъ. Не пройдетъ мѣсяца, трактатъ будетъ въ вашихъ рукахъ: только не медлите испанской войной.... Къ Перпиньяну! А, пока, подпишите эту бумагу.

— Да я не осуждаю на смерть: я не судъ.

— Тутъ все обдуманно. Это только утверждение судебного приговора.

— Подложнаго!

— Будьте спокойны, ваша эминенція: его услышатъ только три невинные преступника, услышатъ однажды, и потомъ я сожгу его.

— Во всю жизнь ничего подобнаго со мной не случилось.

— Не забудьте, ваша эминенція, что во всю жизнь вашу не было такого умнаго и дѣятельнаго заговора!

— Заговора?

— Вы слышите объ немъ ежедневно: вамъ доносятъ о шуткахъ, словахъ; васъ забавляютъ.... Но только одинъ маркизъ де-Кокъ знаетъ обстоятельно всю нить заговора, сообщниковъ, намѣренія, и, безъ нужды, не хочетъ дѣлиться своими свѣдѣніями съ чернью:

— Маркизъ де-Кокъ! онъ надоѣлъ мнѣ: онъ бросаетъ и на меня клевету и ругательства.

— Случается. Только согласитесь, кардиналъ, вѣдь и вы ужасно всѣмъ надоѣли. Маркизъ говоритъ отъ лица Франціи. И чего онъ проситъ? Окончить трагедію, и начать что-нибудь по-веселѣе, согласное съ національнымъ характеромъ.

— Но кто же этотъ маркизъ де-Кокъ?

— Я.

Наступило продолжительное молчаніе. Кардиналъ

былъ пораженъ неожиданнымъ знакомствомъ съ ужаснымъ народнымъ трибуномъ.

— Маркизь! сказалъ мрачно кардиналъ : вы знаете судьбу вашу?

— Благодарю за языкъ свѣтской учтивости, кардиналъ! Знаю приговоръ ратуши : онъ записанъ въ ратушевыхъ актахъ, объявленъ и прибитъ на всѣхъ угольныхъ домахъ Парижа, и я только могу благодарить господъ членовъ за прилежное стараніе распространить мою славу.

— Дерзкій!.... Я позову Каталонцевъ!....

— Не знаю, будетъ ли вамъ выгодно продать откровеннаго Кока! Не знаю, довольно ли плотны стѣны бастильскаго и венсенскаго замковъ! Ничего этого не знаю : не мое дѣло! Маркизь де-Кокъ передъ вами.

— Чего же ты отъ меня хочешь? съ досадой сказалъ кардиналъ.

— Простите де-Вальероля и подпишите эту бумагу, а я замъ за то доставлю копію, если не подлинникъ, испанскаго трактата.

Ришліё подумалъ и отвѣчалъ : — Подпиши за меня!

— Слушаю, кардиналъ, но только въ вашемъ присутствіи.

Гойко подписалъ бумагу и, показывая ее кардиналу, спросилъ : — Похожа ли?

— До обману! съ изумленіемъ произнесъ кардиналъ. Такъ не ты ли выдалъ рекомендательныя письма Фон-трайлю, который подъ чужимъ именемъ отправился въ Испанію?

— А вы знаете, зачѣмъ онъ отправился въ Испанію?

— Не знаю, но на дняхъ получу донесенія.

— Сомнѣваюсь! Впрочемъ, если я вамъ и скажу, это не повредитъ дѣлу. Онъ поѣхалъ туда съ трактатомъ. Письма ему даны только къ вашимъ приверженцамъ. Вы не выдали писемъ?.... Листы кругомъ, и вашей рукою!

Кардиналъ смѣлся, но сердце щемила досада.

— Но въ чемъ же заключается этотъ орлеанскій трактатъ ?

— Не все вдругъ. Съ вами, кардиналъ, всегда надо оставлять при себѣ небольшой запасъ : иначе, изъ вашего кабинета можно прогуляться прямо на Гревскую Площадь.

— Помилуй, помилуй! сказалъ кардиналъ, лукаво улыбаясь. Ну, ступай съ Богомъ! Довольно на нынѣшній день.

— Только не забудьте обѣщаній, ваша эминенція! сказалъ Гойко и скрылся.

— Прикажете звать гостей? спросилъ слуга, проводившій Гойку.

— погоди! Позови капитана Каталонцевъ!

Вошелъ Тромбора.

— Капитанъ! сказалъ кардиналъ по-испански : день и ночь я хлопочу о благоденствіи вашей страны..... Заплатите мнѣ за эти хлопоты!

— Приказывайте, покровитель и защитникъ бывшей Каталоніи!

— Есть въ Парижѣ маркизъ де-Мокъ, жидъ Гойко, Филиппъ изъ Ліона : это три имени одного и того же человѣка. Онъ сейчасъ выйдеть изъ моего замка съ тремя жидами, которыхъ привели вчера. Дайте ему отойти отъ Рюеля по-дальше и....

Кардиналъ остановился.

— Чтò же прикажете съ ними сдѣлать? спросилъ Тромбора.

— Зарѣзать!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТАЯ.

Приговоръ.

Тромбора оставилъ кардинала въ сильномъ волненіи: онъ разметалъ уже одѣяла и подушки.

«Ты мнѣ не нуженъ, маркизь! говорилъ онъ вполголоса : не нуженъ! Фонтрайля поймаемъ и безъ тебя: поручимъ Бриенну.... поручимъ Фаберу.... Шомбергу.... онъ не проскользнетъ во Францію.... Нѣтъ, маркизь, ты мнѣ не нуженъ! Такіе люди болѣе опасны нежели полезны.... Жаль, если Сенъ-Марсъ не участвуетъ въ трактатъ!.... И какой трактатъ?.... Впрочемъ жаль! можно бы его продержать денька три, четыре, пытать, допросить, а потомъ.... въ воду!.... Нѣтъ! волшебники есть; никто меня не переувѣритъ : есть! есть! Теперь ему и не снится опасность; онъ счастливъ моею милостью. Противъ внезапности не отколдуется. А Вальеролю головку долой : не умничай!.... Дочь! Вотъ выдумалъ!.... Она моя, мое орудіе, удочка, жузда!» — Зовите.... кто тамъ!.... зовите всѣхъ!

Такъ метались мысли Ришліё, и лицо отражало ихъ безпорядочное волненіе. Первая вошла герцогиня; за ней государственные секретари, Мазарини, де-Нойё и Шавиньи, потомъ голова, за нимъ Депортъ, наконецъ Пуссенъ и Корнель.

— Я знаю зачѣмъ вы пріѣхали, пронзительнымъ голосомъ сказалъ кардиналъ : знаю, знаю! Не говорите : не слушаю. Законъ неумолимъ.

Сильный припадокъ колики прервалъ рѣчь кардинала.

— Блиско, блиско! мѣшая слова со стопами, говорилъ Ришліё : Тромбора не далъ и отойти по-дальше.

Изъ горла хлынула кровь, и чувства оставили кардинала.

Гости съ ужасомъ окружили кресла. Прибѣжали врачи. Но обморокъ кардинала продолжался не долго. Открывъ глаза, Ришліе сказалъ шопотомъ : — Они умерли !

— Лучше ли вамъ, дядюшка ? спросила герцогиня.

— Ничего, ничего, все прошло, отвѣчалъ онъ, приподнимаясь, и глазами искалъ чего-то, но предусмотрительные врачи скрыли даже признаки крови.

Ришліе совершенно успокоился, и, не прошло четверти часа, онъ сталъ уже улыбаться.

— Благодареніе Богу ! сказалъ онъ весело : четвергъ у меня всегда тяжелый день, а здоровье очень нужно. Не правда ли, Шавиньи ?

Солнце сквозило въ малиновые занавѣсы. Всѣ лица были прирумянены отраженіемъ свѣта ; все общество старалось казаться веселымъ, чтобы сохранить веселое расположеніе и въ кардиналѣ.

— А ! дорогій преступникъ ! сказалъ Ришліе, обращаясь къ Пуссену : благодарю за посѣщеніе ! Оставайтесь у меня денька два въ Рюэль : я совершенно оправлюсь. Присутствіе чистаго, добродѣтельнаго чловѣка цѣлительно. Чтѣ, не привезли вы съ собой рисунковъ, чего-нибудь такого ? а ?

— Вчера я получилъ изъ Рима мои картины и послѣшилъ лично представить въ Рюэль назначенныя для вашей эминенціи.

— Ради самого Неба, покажите !

— Пуссенъ подличаетъ, сказалъ голова Корнелю.

Пуссенъ улыбнулся и вышелъ.

— Ну, а ты чтѣ ? спросилъ кардиналъ, обращаясь къ Корнелю.

— Онъ пріѣхалъ со мною, прервала герцогиня.

— Неразлучные !.... Но не бойтесь клеветы : я думаю, маркизъ де-Кокъ не напишетъ ужъ ни одной сатиры.... А сатира на васъ, кардиналъ, не дуриа !

Мазарини покраснѣлъ и, запинаясь, отвѣчалъ : —
Клевета, ваша эминенція, клевета.

— Будто я говорю, что я вѣрю ! Стихи не дурны, и я не зналъ за Филиппомъ такого таланта.

— Какъ, ваша эминенція ?

— Послѣ, послѣ !.... Что скажетъ мой добрый блюститель порядку ?

— Я пріѣхалъ, отвѣчалъ голова : просить помилованія капитану де-Вальеролю.

— У васъ есть законы : что тамъ сказано ?

— Иногда, ваша эминенція, *sumptus jus sumptu injuria*.

— Это ужъ дѣло вашей совѣсти. Оправдайте, если можете : ошибся ! если смѣете.

— Ваша эминенція ! и я присоединю мою просьбу ! сказалъ де-Нойдъ.

За нимъ и всѣ присутствующіе, кто съ жаромъ, кто нѣ-хотя, проговорили : — И я ! и я !

— И я ! сказалъ Пуссенъ, держа въ рукахъ превосходную вакханалію.

— Какъ вамъ не стыдно, господа ? сказалъ кардиналъ, улыбаясь. Во-первыхъ, это похоже на заговоръ ; во-вторыхъ, взятки ; въ-третьихъ, мосьё Пуссенъ, вы только тѣмъ и сами можете оправдаться, что не знали кто вашъ слуга.

— Зналъ, ваша эминенція ; но, признаюсь, печаль отца....

— Оставимъ бесполезный разговоръ. Голова на лицо : онъ знаетъ законы, а мы не въ свои дѣла мѣшаться не станемъ.

— Конечно, ваша эминенція, конечно, сурово отвѣчалъ голова : вы знаете мои правила и убѣждены, что я оправдаю капитана де-Вальероля. Сколько силъ будетъ, ваша эминенція, сколько силъ будетъ....

— Господинъ голова ! перерывалъ съ гордостью Пус-

сень : какое наказаніе за мое преступленіе положено законами ?

— Вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ Франціи !

— О ! умоляю васъ, поспѣшите справедливымъ приговоромъ ! Я рѣшительно преступникъ ; я буду требовать себѣ наказанія.

Кардиналъ измѣнился въ лицѣ.

— Друзья мои ! сказалъ онъ , стараясь смягчить голосъ : неужели вы думаете , что одна жажда кров....

Кардиналъ не могъ кончить слова , оглянувшись , и продолжалъ : — Неужели вы думаете , что одна жестокость управляетъ моими поступками ?.... Нѣтъ ! я создалъ законы новой Франціи , я создалъ....

Кардиналъ опять остановился , и опять , помолчавъ , продолжалъ : — Ктѣ же будетъ повиноваться игрушкамъ ? Все , что могу я сдѣлать , это смягчить приговоръ . И объявляю рѣшительное мое мнѣніе : слушайте ! Господинъ голова , возвратясь въ Парижъ , втеченіи получасу , вышлетъ капитана де-Вальероля , съ надежными людьми , изъ столицы , но *одного* , — слышите ? — только *одного* , безъ дочери , а втеченіи четырехъ дней преступникъ не долженъ находиться въ предѣлахъ Франціи , какъ-будто бы онъ и не возвращался изъ чужихъ земель.... Господинъ голова ! остальное на вашей ответственности !

Кардиналъ , къ общему удивленію , всталъ , и довольно бодро ушелъ въ спальню . Всѣ были поражены неожиданной развязкой .

— Что намъ дѣлать ? спросилъ Пуссенъ .

Голова отвѣчалъ угрюмо : — Повиноваться !

=

II.

ПОТРАПЦАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯКЪ.

ИЛИ

COUSIN GOEFFREY.

=

РОМАНЪ ГУКА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

— Марианна! сказалъ Вайндемъ, съ удивленіемъ глядя на прекрасную незнакомку, которая, своимъ появленіемъ, произвела очевидное впечатлѣніе на всѣхъ зрителей, собравшихся къ пристани.

Спутникъ незнакомки заговорилъ-было что-то о некрайности этой сцены, но Монтегю далъ знакъ, чтобы онъ замолчалъ, и, поднявъ красавицу на руки, осторожно понесъ ее въ гостиницу. Сентъ-Обайны, съ вумленіемъ, провожали его глазами. Мать Юліи давно уже подозрѣвала, что между ея дочерью и Монтегю существуетъ взаимная склонность : поэтому происшествіе, которое мы описали, ее очень тронуло. Между-тѣмъ

толпа стала рѣдѣть. Мистрисъ Сентъ-Обайнъ съ Бланкою хотѣли итти домой, и тутъ вдругъ увидѣли Юлію которая чуть стояла, держась за фонарный столбъ, между тремя или четырьмя поассардками, старавшимися подать ей помощь. Несчастную положили въ коляску: она была совершенно безъ памяти. Ни движеніе экипажа, ни шумъ народу на улицахъ, не могли привести ея въ чувства. Полу-мертвую, внесли ее въ комнаты и уложили въ постель: тогда только она наконецъ опомнилась, бросилась на грудь къ матери и залилась горькими слезами.

— Успокойся, мой другъ! говорила мистрисъ Сентъ-Обайнъ, лаская бѣдную дѣвушку: вспомни, что у тебя есть мать, готовая пожертвовать тебѣ жизнью, есть добрый, нѣжный отецъ, и есть Отецъ Небесный, покровитель невинности. Постарайся оправиться, мой ангелъ, и ежели сможешь, ежели это не будетъ очень тяжело для тебя, то повѣжай съ отцомъ и сестрой въ Вилльдѣ. Мистеръ Вайндемъ, вѣроятно, ужъ не будетъ вашимъ товарищемъ. Но не плачь, душенька; не плачь, милая: ежели онъ дурной человекъ, такъ онъ не стоить твоихъ чистыхъ слезъ, а ежели мы о немъ судимъ несправедливо, такъ тебѣ и не о чемъ плакать. Погоди: скоро все объяснится.

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ предвидѣла, что сцена на набережной тотчасъ сдѣлается известна всему Діеппу и что любопытные сплетники не замедлятъ явиться къ нимъ въ домъ, съ разными подробностями и съ утѣшеніями. Поэтому-то ей и хотѣлось выпроводить Юлію, чтобъ избавить несчастную отъ новыхъ мученій. Юлія была разстроена до крайности, однако жъ рѣшилась исполнить материнскую волю, и въ два часа отецъ съ обими дочерьми пустился въ Вилльдѣ.

Между-тѣмъ предчувствіе мистрисъ Сентъ-Обайнъ сбылось въ полной мѣрѣ. Слухъ о патетической встрѣчѣ Вайндема на улицѣ съ какой-то пріѣзжей молодой

даже разнесся по всему городу, и у Годнотовъ собрался комитетъ для рѣшенія великаго вопроса : кто такая эта дама ? Всякій рассказывалъ исторію по-своему, съ приличными дополненіями и украшеніями. Одни говорили, что незнакомка была актриса, которая имѣла съ Вайндемомъ связь и теперь пріѣхала предъявлять права свои; другіе утверждали, что это его невѣста, съ которою онъ былъ разлученъ по волѣ ея родителей, но которая, наконецъ, убѣжала отъ нихъ, чтобы съ нимъ обвѣнчаться ; третьи напротивъ доказывали, что Вайндемъ — человекъ женатый, что онъ скрывался во Франкѣ отъ гнѣва своего тестя, что наконецъ тесть его вздумалъ ѣхать съ дочерью въ Италію, что пріѣхавъ въ Денпъ, онъ случайно встрѣтился съ зятемъ, что они объяснились, помирились, и сегодня же отправляются въ имѣстье въ Парижъ. Двѣ послѣднія теоріи нашли особенно сильное подкрѣпленіе въ дамахъ, которыя ниче не умѣли растолковать того чуда, что ихъ побѣдительные взгляды и прочія прелести не производили на Монтегю ни малѣйшаго впечатлѣнія.

— Я очень радъ, говорилъ сэръ Цезарь Вайтгедъ: что мистръ Вайндемъ не обнаруживалъ особеннаго вниманія къ дочерямъ моимъ. Еслибы онъ вздумалъ за нихъ волочиться, то я.... то я.... я бы сказалъ ему : «Милостивый государь, жена моя, леди Вайтгедъ, мать родственника, его преосвященство....»

— Бѣдная миссъ Юлія Сентъ-Обайнъ ! что-то съ ней будетъ ! замѣтила мистрисъ Фетфуль, съ изъявленіемъ живѣйшаго участія.

— Бѣдная Юлія Сентъ-Обайнъ ! повторили за нею другіе.

И общимъ совѣтомъ было положено отправиться немедленно къ Сентъ-Обайнамъ; но когда нѣжныя души сѣдлали жилище нашихъ друзей, имъ сказали, что дома одна только барыня, а барышни съ баринномъ уѣха-

ли гулять въ Вилльдѣ, и невѣжныя души всё воротились назадъ къ Годнотамъ, не зная что объ этомъ подумать, и дѣлая разные новыя предположенія.

Быль уже вечеръ, когда Юлія, Бланка и отецъ ихъ добрались до Вилльдѣ; зимній мѣсяцъ свѣтилъ на окрестность; порога была холодная и морозная. Отобѣдавши, Сентъ-Обайнъ принялся писать отвѣтъ братцу Лжеффри; Бланка, утомленная дорогой, прилегла на софу и заснула. Одна Юлія сидѣла задумчиво подъ окномъ. Все было тихо; только слышалось дыханіе ея спящей сестры, да скрипъ пера, которымъ Сентъ-Обайнъ работалъ съ возрастающимъ жаромъ. Передъ окномъ стояло нѣсколько сосенъ; ихъ угрюмыя вѣтви были покрыты инеемъ, длинная тѣнь печально лежала на ближайшіе предметы. Юлія оглянулась кругомъ: Бланка всё спитъ, отецъ всё пишетъ. Ей захотѣлось выйти на воздухъ, и черезъ нѣсколько минутъ она, окутавшись шалью, стояла въ тѣни старыхъ деревьевъ. Луна напомнила ей Монтегю, съ которымъ они вмѣстѣ любовались ею, послѣ своего примиренія. Возможно ли, чтобы этотъ человекъ былъ обманщикомъ? Нѣтъ! вопреки наружности, Юлія не могла тому вѣрить и, глядя на свѣтлый дискъ мѣсяца, стала тихонько молиться о счастьи своего любезнаго, какъ вдругъ послышался стукъ колесъ, топотъ лошадей и громкій гомель почталіона, который спрашивалъ, гдѣ тутъ входятъ въ гостиницу. Юлія испугалась, притаилась подъ деревомъ. Бѣлое платье и лунный свѣтъ измѣняли ей, но она не смѣла тронуться съ мѣста и стояла, ни жива ни мертва, выжидая когда все затихнетъ, чтобы тотчасъ войти въ комнаты. Вдругъ передъ нею является высокая фигура: что это? духъ? мертвецъ? Раскрывъ свои большіе глаза, она боязливо устремила ихъ на привидѣніе и дрожала всѣмъ тѣломъ. Привидѣніе начало подходить: ближе, ближе,.... и въ ту самую минуту, какъ Юлія, потерявъ присутствіе духа, была го-

тебя узнаеть, оно поддержало ее съ нѣжностью. Это была Монтегю.

— Юлія! сказалъ онъ : Юлія, выслушайте меня! Я нарочно сюда прѣвхалъ, чтобы поговорить съ вами. Мнѣ нужно, необходимо высказать вамъ хоть соую долю той страстной любви, которою я люблю васъ.

Юлія какъ-будто очнулась : слова любви живѣе припомнили ей сцену на набережной, и она, вырвавшись изъ объятій Вайндема, смотрѣла на него съ негодованіемъ.

— Юлія! повторилъ Монтегю....

— Погодите! перебила дѣвушка. Прежде всего отвѣчайте мнѣ, зачѣмъ вы сдѣлали меня жертвой своего вѣроломства? зачѣмъ обманули сердце, которое такъ охотно вамъ вѣрило? зачѣмъ поселили во мнѣ сомнѣніе.... сомнѣніе, которое тяжеле для меня самой смерти? Говорите, Монтегю : кто эта леди Маріана? кто вы сами? какія между вами отношенія? Но... ради Бога, Монтегю! ради Бога, не обманывайте меня! скажите всю правду! всю!

— Юлія, отвѣчалъ Вайндемъ, дрожащимъ голосомъ : я не могу ничего сказать. Я васъ люблю, обожаю ; одинъ Богъ знаетъ какъ я люблю васъ ! но.... я не могу ничего сказать. Юлія! продолжалъ онъ ; схвативъ ея руку : я прошу, чтобы вы мнѣ вѣрили, несмотря на все, что меня обвиняетъ. Будьте снисходительны къ моему положенію. Нѣтъ сердца, которое было бы такъ къ вамъ привязано; никто не уважаетъ васъ такъ неограниченно, не любитъ васъ такъ свято, такъ нѣжно, какъ я. Наградите же меня за это высокое чувство : не обращайтесь вниманія на наружности, позабудьте все и скажите мнѣ : «Вѣрю!» Я охотно открылъ бы вамъ, кто такая эта леди Маріана, но она въ опасности : я далъ слово молчать; не могу поступить противъ чести. Охотно бы сказалъ вамъ и о себѣ ; но зачѣмъ ? развѣ вамъ не довольно знать во мнѣ честнаго человека, ко-

торый боготворить васъ? Не спрашивайте же о моемъ имени. Я все скажу, только не теперь. Время дорого: прежде разсвѣту я долженъ быть въ Парижъ. Съ чѣмъ вы меня отпустите? утѣшите ли меня на-дорогу ласковымъ словомъ, словомъ любви и довѣренности, которой я ей-Богу, ей-Богу заслуживаю? Говорите.

Юлія, которая слушала его потупившись, приподняла голову и увидѣла, что Вайндемъ стоитъ передъ нею блѣдный, разстроенный, какъ подсудимый, ожидающій приговору о жизни или смерти.

— Монтегю, сказала она: я вамъ вѣрю. Нѣтъ! вы не можете меня обманывать. Пусть наружность противъ васъ, пусть люди говорятъ что имъ угодно! я хочу вамъ вѣрить и буду гордиться своей довѣренностью.... Но о чемъ же вы плачете, Монтегю? что это значитъ? не могу ли я васъ утѣшить?

— Да, Юлія, отвѣчалъ молодой человекъ: вы можете сдѣлать меня счастливымъ. Примите дань моего сердца, не ожидая того, чтобы я открылъ вамъ свое настоящее имя. Общайте мнѣ теперь же, что, какова бы ни была судьба моя, вы согласны ее раздѣлить. Позвольте мнѣ уѣхать отсюда съ той мыслью, что я оставилъ здѣсь невѣсту, будущую подругу всей своей жизни!

Юлія краснѣла и трепетала. Онъ, самъ не зная что дѣлаетъ, обнялъ ее и тихонько приблизилъ къ себѣ. Дѣвушка не сопротивилась....

— Юлія!.... Юлія!.... хочешь ли быть моею? прошепталъ онъ.

— Хочу, отвѣчала Юлія еще тише, позабывъ въ эту минуту и мать и отца и сестру и брата, весь свѣтъ.

— Богъ да благословитъ тебя, мой ангелъ-хранитель! вскричалъ Монтегю, поцѣловавъ ее въ лобъ.

Въ это время раздался крикъ у подъѣзда гостиницы.

— Монтегю! Монтегю! повторялъ женскій голосъ.

— Это леди Маріана? сказала, вздрогнувши, Юлія...
 Въ нужды нѣтъ! прибавила она, съ нѣжностью взглянувъ на Вайндема : я вѣрю.

— Богъ да благословитъ тебя! сказалъ опять Монтегю, прижалъ ее къ сердцу, и примолвивъ : Прощай: я буду писать! — скрылся въ чащу деревьевъ, между-тѣмъ какъ Юлія, оставшись одна, не знала, на яву или во снѣ все это видѣла.

Послѣдуемъ за молодымъ человѣкомъ.

Рано поутру пріѣхалъ онъ съ своими таинственными спутниками въ Парижъ и остановился въ одной изъ лучшихъ гостинницъ. Дѣла, которыя призвали его въ столицу Франціи, по порядку нашего повѣствованія, должны быть объяснены въ другомъ мѣстѣ, и потому мы просимъ у читателя позволенія не говорить теперь, какъ онъ провелъ первые два дня пребыванія своего въ Парижъ, а перейти прямо къ третьему.

Въ полдень Монтегю возвратился домой и сѣлъ писать письма. Обстоятельства позволяли ему быть откровеннымъ, и онъ рѣшился объяснить Юлію тайну своего имени и своего званія, сдѣлавъ въ то же время формальное предложеніе отцу ея. Къ четыремъ часамъ письма были готовы. Онъ положилъ ихъ въ карманъ, съ намѣреніемъ отправить завтра на почту, и пошелъ въ въ общую залу гостинницы, чтобы, по обыкновенію, отобѣдать вмѣстѣ съ другими посѣтителями. Общество въ этотъ день было не многолюдно : только три молодые французскіе офицера, да еще одинъ видный мужчина среднихъ лѣтъ, въ которомъ, по выговору и по костюму, легко было узнать Англичанина. Всѣ сидѣли за однимъ длиннымъ столомъ ; офицеры обѣдали вмѣстѣ, Англичанинъ особю. Монтегю сѣлъ къ тому же столу и велѣлъ подать себѣ кушанье. Узнавъ соотечественника, Англичанинъ учтиво завелъ съ нимъ рѣчь, отрекомендовавшись подъ именемъ мистеръ Мертонъ, человека съ достаточнымъ состояніемъ, который, отъ

нечего дѣлать, путешествуетъ по Европѣ и теперь остановился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Судя по его разговорамъ, приемамъ, осанкѣ, должно было заключить, что онъ принадлежитъ къ хорошему обществу, видѣлъ свѣтъ и много начитанъ. Вайндему было очень пріятно встрѣтить умнаго земляка, и они продолжали дружно бесѣдовать. Между-тѣмъ Французы по-минутно раскупоривали бутылки, осушали бокалы и шумѣли за десять человѣкъ.

— Такъ ты повеселился въ Діеппѣ? сказалъ одинъ, ударивъ по плечу своего товарища, очень красиваго молодого человѣка, съ маленькими черненькими усиками и большими пламенными глазами.

— О! чудо какъ повеселился! отвѣчалъ тотъ. Въ Діеппѣ пропасть пріѣзжихъ: Англичанъ, Англичанокъ—и не сочтешь! Во-первыхъ, есть тамъ нѣкто мосьё Вайтгедъ, человѣкъ, кажется, очень значительный, родственникъ какого-то кардинала или патріарха, не знаю хорошенько. У него семь дочерей: миссъ Антонія, миссъ Пруденція, миссъ Джеральдина, и прочая. Во-вторыхъ, мадамъ Бартонъ, вдова; она немпожко завяла, но женщина съ чертовскимъ состояніемъ; жаль только, что у ней два адъютанта, и потому мистрисъ Бартонъ не обнаруживаетъ большаго желанія выйти замужъ; но ея дочери, Луиза и Тини, особенно Тини.... о!....

— Что о? спросилъ тотъ же офицеръ, который началъ первый говорить о Діеппѣ. Не скажешь ли ты, де-ла-Рю, что мадмоазель Тини влюблена въ тебя до уши?

— Нѣтъ, я этого не скажу, отвѣчалъ де-ла-Рю. Но слушайте далѣе. Я представлю вамъ весь Діеппѣ какъ на блюдѣ. За мадамъ Бартонъ слѣдуютъ еще двѣ двушки, мадамъ Фетфуль и мадамъ Дашвудъ, одна ужасная скромница, другая кокетка, и обѣ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Потомъ миссъ Примрозъ, двушка безъ отца и безъ матери, но преотчаянная, такъ и въшається на

нро, только немножко. .. того.... долгого, коса и пришептываетъ. Зато, если вы хотите знать истинное сокровище, красоту всѣхъ красотъ — это двѣ новыя пріязни, дочери какихъ-то мосё и мадамъ Сентъ-Обайнъ, Бланка и Юлія.... чудо!

При имени Сентъ-Обайнъ, Монтегю не могъ скрыть своего движенія. Мертонъ взглянулъ на него и повернулся къ Французамъ.

— Вы, кажется, хорошо знаете діеппское общество? сказалъ онъ де-ла-Рю.

— О! какъ же! Я прожилъ тамъ два мѣсяца съ половиной и былъ принятъ во всѣхъ лучшихъ домахъ.

— Кто эти Сентъ-Обайнъ, о которыхъ вы сейчасъ упомянули?

— Я не умѣю сказать хорошенько кто они. Для молодого человѣка, который, какъ я, не имѣлъ особенныхъ видовъ, это не интересно. Меня занимали только двѣ прекрасныя миссъ.

— А онѣ хороши въ самомъ дѣлѣ?

— Прелестны! нельзя лучше вообразить! Одна блондинка, другая брюнетка. Это меньшая, Юлія.... мила какъ ангелъ, и, ежели сказать вамъ по совѣсти....

— Ну что? что? чай влюблена въ тебя? подхватилъ его товарищъ?

— Да, любезный! отвѣчалъ де-ла-Рю, съ важнымъ видомъ: на этотъ разъ ты не ошибся: Юлія Сентъ-Обайнъ была отъ меня безъ ума все время какъ я жилъ въ Діеппѣ.

Монтегю измѣнился въ лицѣ. Мертонъ взглянулъ на него еще пристальнѣе, и на губахъ его мелькнуло что-то похожее на улыбку, которая однако жъ исчезла въ то же мгновеніе.

— Какъ вы счастливы! сказалъ онъ, оборотившись къ Французу.

— Гмъ! отвѣчалъ де-ла-Рю, съ гримасой, какъ будто хотѣлъ сказать, что онъ привыкъ къ подобнымъ по-

бьданы и не видятъ въ нихъ большой важности. Все, чѣмъ я могу похвалиться, состоитъ только въ томъ, что Сентъ-Обайны принимали меня удивительно ласково. Я бывалъ у нихъ каждый день и плавалъ какъ сыръ въ маслѣ. Юлинька призналась мнѣ въ любви, позволяла цѣловать свои ручки, даже и болѣе, болѣе, но.... увы! я долженъ былъ ѣхать.

— А если бы не отъѣздъ? спросилъ Мертонъ, косясь на Вайндема.

— Если бы не отъѣздъ? повторилъ де-ла-Рю. Вы очень любопытны, мосьё. Если бы не отъѣздъ, то..... кто поручится? можетъ-быть, зашло бы и далѣе.

Монтегю вскочилъ и подошелъ къ безстыдному хвосту.

— Милостивый государь! сказалъ онъ, едва переводя духъ отъ ярости.

— Чтѣ вамъ угодно, сударь? холодно спросилъ де-ла-Рю.

— Вы осмѣливаетесь поносить имя особы, клеветать.....

— Чтѣ-о? Вы вступаетесь за Юлиньку? А какое вамъ дѣло?

— Я знаю эту дѣвицу, и....

— Поздравляю васъ. Это, однако жъ, нисколько мнѣ не мѣшаетъ повторить, что Юлинька премиленькая дѣвочка и любитъ меня безъ памяти.

— Вы лжете, сударь! Миссъ Сентъ-Обайнъ....

— Миссъ Сентъ-Обайнъ! миссъ Сентъ-Обайнъ! Говорите просто, Юлинька. Я называлъ ее такъ и въ глаза....

— Какъ вы смѣете повторять эти выдуманныя дерзости? вскричалъ Монтегю, кидаясь на Француза. Клеветникъ! лжець! подлый хвостунъ!

— Тише, тише, мой милой! Вы хотите быть рыцаремъ миссъ Сентъ-Обайнъ: это прекрасно. Но вспомните, что у Француза есть шпага.

— Нѣтъ шпаги у подлеца! отвѣчалъ Монтегю, вгромкая пощечина раздалась по залу.

Читатели могутъ отгадать, чѣмъ кончилась такая исторія. Два часа спустя, Монтегю уже ѣхалъ въ фіакръ съ Мертономъ въ Булонскій лѣсъ. Обязательный Англичанинъ самъ вызвался быть его секундантомъ, между-тѣмъ какъ одинъ изъ товарищей де-ла-Рю принялъ на себя должность секунданта со стороны хвастливаго Француза.

— Если я буду убитъ, говорилъ Монтегю дорогою: то уведоьте объ этомъ мистеръ Сентъ-Обайна, опишите ему все приключеніе, и пошлите къ нему письма, которыя найдете у меня въ карманъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Мертонъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ голоса.

Они пріѣхали на-мѣсто. Де-ла-Рю съ своимъ секундантомъ былъ уже тамъ, и, сидя подъ деревомъ, пѣлъ преспокойно: *C'est l'amour, l'amour*, и прочая. Переговоры длились не долго: противниковъ поставили на барріеръ, дали имъ пистолеты; раздался выстрѣлъ.... Монтегю вздрогнулъ и отступилъ шагъ назадъ.

— Чтѣ? хорошо? вскричалъ де-ла-Рю: теперъ не станешь храбрѣться? Ха-ха-ха!

Вайндемъ вышелъ опять на барріеръ.

— Не робѣй же, мой милый рыцарь! продолжалъ между-тѣмъ де-ла-Рю: вѣдь дѣло идетъ о чести Юлиньки....

— На-мѣсто! отвѣчалъ Монтегю, прицѣлился, выстрѣлилъ, и молодой Французъ упалъ съ прострѣленной грудью.

Всѣ столпились вокругъ него. Онъ лежалъ, закинувъ назадъ голову и полу-закрывши глаза; его прекрасные волосы разметались по землѣ, кровь свистѣла изъ раны. Монтегю наклонился, посмотрѣть живъ ли онъ.

— Простите меня, сказалъ де-ла-Рю, узнавъ своего

претивника. Я виноватъ; мадамъзель Юлія столько же добродѣтельна какъ прекрасна.

И выговоривъ эти слова, молодой человекъ, съ болѣзненнымъ стономъ, испустилъ тяжелый, глубокий вздохъ; глаза его закрылись совершенно, лицо поблѣднѣло и вытянулось, дыханіе остановилось.

— Боже мой! вскричалъ Монтегю: онъ умеръ!.... я убійца!....

— Да, дѣло серьезное, замѣтилъ секундантъ Француза который былъ къ-счастію полковой докторъ. Но вы и сами ранены. Позаботьтесь о себѣ, а я ужь управлюсь съ этимъ повѣсой.

Тутъ только Монтегю вспомнилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ также получилъ рану. Мистеръ Мертонъ дружески уговаривалъ его успокоиться. Истечение крови и душевное потрясеніе ослабили Вайндема: его, безъ чувствъ, положили въ фіакръ, и, опомнившись уже поздно вечеромъ, онъ нашелъ себя въ прекрасно убранной комнатѣ, на мягкой постелѣ, возлѣ которой сидѣлъ Мертонъ, съ участіемъ примѣчая всѣ его движенія.

— Чтò де-ла-Рю? былъ первый вопросъ Вайндема.

— Ни.... чего, отвѣчалъ Мертонъ. Пожалуйста лежите, старайтесь быть спокойнѣе.

— Живъ ли онъ?

— Докторъ запретилъ вамъ говорить.

— Живъ ли де-ла-Рю? Скажите мнѣ только это.

— Ну да, живъ.

— И есть надежда?

— Надѣйтесь.

Мертонъ отвѣчалъ съ видимымъ неудовольствіемъ, и Монтегю не могъ отъ него добиться больше ни слова....

Выздоровленіе молодого человека шло очень медленно. Мистеръ Мертонъ, который взялъ его къ себѣ для того чтобы лучше наблюдать за ходомъ болѣзни и оказывать всякую помощь, былъ въ самомъ дѣлѣ чрезвы-

чѣмъ внимателенъ. такъ, что Монтегю не зналъ какъ и благодарить его за эту дружбу, которой онъ не умѣлъ объяснить себѣ ничѣмъ, кромѣ участія къ соотечественнику. Одно тревожило Вайндема : явное стараніе Мертона избѣгать разговоровъ о де-ла-Рю. При первой возможности, молодой человекъ написалъ нѣсколько строкъ къ Сентъ-Обайнамъ и отдалъ это письмо, вмѣстѣ съ прежними, своему покровителю, для отсылки на почту. Потомъ, когда первая, мучительная, боль отъ раны прошла, онъ хотѣлъ переѣхать въ свою гостиницу, но Мертонъ, ни подъ какимъ видомъ, не согласился отпустить его, говоря, что хочетъ напередъ видѣть своего друга внѣ всякой опасности.

— Какая жь опасность? спросилъ Монтегю.

— Ничего, такъ, съ замѣшательствомъ отвѣчалъ степенный Англичанинъ : но, пожалуйста, не говорите объ этомъ. Для вашей собственной пользы, я не могу согласиться, чтобы вы переселились въ трактиръ, гдѣ у васъ не будетъ ни какой помощи, ни покровительства.

Въскую продолжительнаго леченія, Монтегю почти вскій день писалъ къ Сентъ-Обайнамъ, но не получалъ отъ нихъ ни одного отвѣту. Это его крайне тревожило.

— Верно, ихъ нѣтъ въ Діеппъ, сказалъ онъ однажды своему другу.

Тотъ не отвѣчалъ.

— Иначе я не могу растолковать ихъ молчанія, продолжалъ Вайндемъ. Не показать ни какого участія къ человеку, который былъ съ ними такъ коротокъ, не отвѣчать даже изъ учтивости, оставить безъ вниманія мое предложеніе.... все это, ей Богу! очень странно: не правда ли?

Мертонъ опять не отвѣчалъ; но брови его нахмурились, какъ-будто онъ вспомнилъ о чемъ-то весьма неприємномъ. Монтегю замѣтилъ.

— Другъ мой, сказалъ онъ : ежели вы что-нибудь знаете, то, ради самаго Неба ! откройте мнѣ все. Я не могу переносить такой мучительной неизвѣстности. Говорите ! пожалуйста, говорите !

— Мнѣ почти нечего говорить, отвѣчалъ Мертонъ : или, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ нечѣмъ васъ утѣшить, потому что.... все, что я знаю, вовсе не утѣшительно.

— Нужды пѣтъ ! говорите. Прежде всего, въ Діеппѣ ли они ?

— Да, въ Діеппѣ.

— И здоровы ?

— Кажется.

— Слава Богу !.... Но почему жъ они не пишутъ ? Говорите ! Я въ состояніи все слышать.

— Пожалуй. Вчера, въ одномъ обществѣ, я встрѣтилъ пріѣзжаго изъ Діеппа, и онъ въ восторгѣ отъ миссъ Юліи Сентъ-Обайнъ ; говоритъ, что онъ видѣлъ ее на какомъ-то балѣ, танцевалъ съ нею, и что она была чрезвычайно мила, любезна, весела, а танцуетъ словно сильфида.

— Ну, что жъ ? все это хорошо, Дальше ? Что вы еще слышали ?

— Мнѣ жаль васъ, сказалъ Мертонъ, дружески взявъ Монтегю за руку и глядя ему прямо въ глаза.

— Жаль ? вскричалъ молодой человекъ. О, Боже мой ! Но теперь ужъ вы должны, вы обязаны все сказать.

Мертонъ помолся, и съ очевиднымъ неудовольствіемъ, отвѣчалъ :

— Миссъ Юлія вальсировала съ однимъ мужчиной, за котораго она помолвлена.

— Вальсировала ?.... помолвлена ?....

— Да. Это ихъ дальній родственникъ, Джозефъ Сентъ-Обайнъ. Говорятъ, онъ очень пріятный мужчина, не дурень собой, уменъ и ловокъ. Что жъ мудрена-

го, что онъ понравился молодой дѣвушкѣ, которая притомъ много обязана ему за свое семейство?

— Я слыхалъ объ этомъ Джоффри, сказалъ Монтегю, едва переводя духъ : но.... Нѣтъ! это невозможно! Юлія не способна такъ обмануть меня.

— Увы, мой другъ! это сущая правда; возразилъ Мертонъ : и, чтобы убѣдить васъ, я наконецъ скажу, что свадьба ихъ будетъ въ самомъ скоромъ времени.

Монтегю поблѣднѣлъ какъ смерть.

— Послушайте, добрый другъ мой, сказалъ онъ : я теперь совершенно здоровъ. Мнѣ надобно вхатъ. Хочу непременно еще разъ видѣть обманщицу, хочу.....

— Мертонъ взялъ его за руку и не далъ договорить.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ, съ участіемъ : не предавайтесь бесполезной пылкости чувствъ своихъ. Прошедшаго не воротишь. Женское сердце — фейерверкъ, который вспыхиваетъ мгновенно, но скоро угасаетъ, и, однажды погаснувъ, никогда ужъ не воспламенится для того, для кого горѣло. Притомъ, я долженъ наконецъ объяснить вамъ тайную причину, по которой до-сихъ-поръ старался удержать васъ въ своемъ домѣ. Несчастнѣйшаго де-ла-Рю умеръ, и правительство, по жалобѣ его родственниковъ, ищетъ убійцу.

— Умеръ?.... вскричалъ Монтегю, въ испугъ.

— Да, умеръ, повторилъ Мертонъ, со вздохомъ : умеръ несчастнѣйшій молодой человекъ, въ цвѣтъ лѣтъ, полный надеждъ и мечтаній о долгой и свѣтлой будущности. Родственники лишились въ немъ своего лучшаго утѣшенія, и какъ они очень значительные люди, то правительство принимаетъ такія строгія мѣры къ открытію мѣстопробыванія убійцы, что я даже не могу ручаться за безопасность вашу и въ моемъ домѣ.

Монтегю глядѣлъ около себя какъ помѣшанный, и трудно было рѣшить, понимаетъ ли онъ, что ему говоритъ Мертонъ. Между-тѣмъ покровитель его продолжалъ, со всеми знаками искренняго участія :

— Само собой разумеется, мой другъ, что пока я не буду совершенно увѣренъ въ восстановленіи вашихъ силъ, моя нѣжная привязанность не допустить, чтобы вы оставили это убѣжище, которое досихъ-поръ скрывало васъ отъ преслѣдованія законовъ. Когда же вы будете въ состояніи предпринять путешествіе, тогда.... тогда, мой другъ, я совѣтую вамъ ни минуты не оставаться во Франціи. Что для васъ эта земля, гдѣ вамъ угрожаетъ такая опасность и гдѣ вы были такъ жестоко обмануты? Поѣзжайте домой, въ нашу милую Англію. Тамъ родственныя и дружескія связи вылечатъ всѣ болѣзни вашей души; новые цвѣты расцвѣтутъ на пути вашей жизни, и вы будете счастливы съ другой женщиной, болѣе достойной того, чтобы вы ее любили.

Не станемъ описывать окончанія этого разговору и всего, что за нимъ послѣдовало. Два дня спустя, Монтегю, подъ чужимъ именемъ, употребивъ всѣ придуманныя Мертономъ предосторожности, подъ его личнымъ надзоромъ, отправился въ Калѣ и сѣлъ на первый пакетботъ, отходившій въ Англію. Но здѣсь мы должны воротиться въ Діепшъ.

Всѣ върующіе въ прочность женской любви, конечно, давно отгадали, что ежели Юлія не отвѣчала на письма Вайндема, это значитъ, что она не получила ни одного изъ его писемъ. А кто изъ нашихъ читателей не вѣритъ постоянству женщинъ, особливо хорошенькихъ? Развѣ только тѣ несчастные горемыки, съ которыми судьба сыграла какую-нибудь злодѣйскую шутку по любовной части. Но мы твердо увѣрены, что неожиданный переверотъ обстоятельствъ скоро заставитъ и этихъ страдальцевъ судить о женщинахъ со всѣмъ другимъ образомъ; вслѣдствіе чего приглашаемъ ихъ читать далѣе нашу повѣсть.

Положеніе Юліи, съ того времени какъ она рассталась съ Вайндемомъ, было — непрерывная борьба

чувствъ. Иногда, они вся предавалась любви и надеждъ : ревность и недоверіе не смѣли помрачить ея мысли; напротивъ-того, въ другой разъ, сердце ея невольно болѣло, ежели не отъ ревности, такъ отъ боязни за здоровье или безопасность своего любезнаго, потому что она никакъ не могла объяснить себѣ его молчанія, не допустивъ мысли, что онъ либо боленъ, либо попалъ въ какое-нибудь несчастіе, которое мѣшаетъ ему писать къ ней.

Накопецъ пріѣхалъ братецъ Джоффри. Онъ казался незамѣчающимъ переменны, которая произошла въ Юліи, вѣрилъ, что она только физически нездорова, и былъ по-прежнему ласковъ, любезенъ и добръ. Пламенная любовь его не проявлялась ни какими вспышками; проведя въ Діеппѣ болѣе трехъ недѣль, онъ ни разу не говорилъ Юліи о своихъ чувствахъ, хотя имѣлъ случай оставаться съ нею на-единѣ. Это очень трогало дѣвушку: она не могла не быть благодарною за такое великодушіе, утѣшала себя надеждой, что любовь его превратилась наконецъ въ скромную дружбу, и старалась съ своей стороны всячески угождать ему: принимала участіе во всѣхъ забавахъ, которыя онъ устраивалъ, молчала и слушала, когда онъ читалъ, охотно пѣла и играла на фортепіано по его просьбѣ.

Однажды они прогуливались вдвоемъ по морскому берегу. Юлія была молчалива: она видѣла страшный сонъ о своемъ любезномъ, и никакъ не могла позабыть его. Братецъ Джоффри также говорилъ мало. Взойдя, на извилистой тропинкѣ, на одинъ холмъ, который утѣсомъ висѣлъ надъ моремъ, они сѣли между деревьями, и долго смотрѣли на блестящую морскую поверхность и на легкія облака, которыя неслись надъ нею по ясному голубому небу.

— Какъ хорошъ міръ! сказала наконецъ Юлія, говоря болѣе сама съ собою, нежели съ своимъ спутникомъ. Завѣтъ у людей есть печали, которыя помрачаютъ его

красоту и заставляют ихъ желать съ ними разстаться?...

— Кто желаетъ съ ними разстаться? спросилъ братецъ Джофри. Ужъ конечно не вы, Юлія. Вы такъ молоды, прекрасны, любезны!... Полноте, сестрица! Это только отъ дурнаго состоянія здоровья приходятъ вамъ въ голову такія печальныя мысли; но взгляните на себя: вы, съ каждымъ днемъ, видимо поправляетесь, скоро будете совершенно здоровы, и тогда все станетъ казаться вамъ въ другомъ свѣтъ.

— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ!... никогда! возразила Юлія, не имѣя силъ удержать свои слезы.

— Никогда?... Но отчего жъ никогда? сказалъ Джофри. Это слово не должно быть извѣстно осмнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, а вы, Юлія, вы особенно не имѣете права произносить его. Батюшка вашъ, не сегодня, такъ завтра, сдѣлается графомъ Темпльтономъ : леди Юлія вступитъ въ свѣтъ, увидитъ себя въ изобиліи, на высшей ступени общества. Подумайте о счастьи всего семейства, о свѣтломъ вечерѣ жизни своихъ родителей, о блестящей участи Бланки, о торжествѣ Лизеллы, и вспомните о человѣкѣ, который съ радостью жертвуетъ и богатствомъ и почестями, чтобы только ея младая Юлія была счастлива.

Сказавъ это, Джофри судорожно схватилъ ея руку и прижалъ къ своимъ горячимъ губамъ.

— Братецъ! вскричала Юлія, испугавшись : неужели я обманулась? Я думала, что вы пытаете ко мнѣ уже одну дружбу, что вы не можете любить несчастной, которая такъ изнурена своими страданіями. И посмотрите въ самомъ дѣлѣ, братецъ, примолвила она, до-вѣрчиво и печально глядя на Джофри : посмотрите, въ такомъ ли я положеніи, чтобы стать подъ вѣнецъ и соединить свою участь съ участью честнаго и великодушнаго человѣка? Нѣтъ, братецъ! нѣтъ! Меня ожидаетъ другой женихъ : могила.

Джозефи слушалъ ее, нахмурившись.

— Сестрица, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту : вы люди и немножко заражены романтизмомъ. Физическая болѣзнь дѣйствуетъ на ваше воображеніе ; но докторъ увѣряетъ меня, что она скоро пройдетъ, и тогда все переменится. Послушайте, Юлія : я люблю васъ давно, люблю страстно, какъ сумасшедшій ; я пожертвовалъ вамъ и вашему семейству всеми силами своего ума, всеми способностями, всемъ временемъ. Я былъ отцомъ Ліонелю, нѣсколько разъ спасалъ его отъ гибели, платилъ за него долги, разстраивалъ для него собственное свое состояніе, и охотно бы сдѣлался нищимъ для вашего брата. Наконецъ, теперь я отказываюсь отъ знатнаго имени, отъ почестей, отъ богатства, чтобы только составить счастье вашего батюшки. И я приношу эту послѣднюю жертву въ безмолвіи, никогда не выведу изъ заблужденія тѣхъ, кого она ослѣпляетъ ; стану терпѣть и молчать. Но.... я надѣюсь, Юлія, и кажется, имѣю право надѣяться, что поступки мои заслуживаютъ награды.

— Боже мой ! Боже мой ! отвѣчала дѣвушка, обливаясь слезами : я думала, вы давно бросили эту мысль. Когда вы въ первый разъ говорили мнѣ о своей любви, я хотѣла тогда же сказать вамъ, что люблю васъ только какъ добраго, милаго брата. А если я и тогда не имѣла къ вамъ другаго чувства, то какъ это можно теперь ? Ахъ, братецъ, прибавила она вполголоса и покраснѣвъ во всю щеку : сердце, котораго вы домогаетесь, ужъ не принадлежитъ мнѣ : это несчастное сердце любить ; оно любить безъ надежды, растерзано, потоплено, однако жъ.... не можетъ разлюбить !

Братецъ Джозефи нѣсколько времени сидѣлъ не говоря ни слова, и, блѣдный, съ измѣнившимися чертами лица, глядѣлъ на Юлію такими глазами, что никакъ нельзя было понять ихъ выраженія.

— Да, сказалъ онъ наконецъ: да, я знаю, что вы любили, но... ваша любовь была осмыслена и отвергнута.

— Нѣтъ! возразила Юлія, вадрогнувъ и жадобно сжавъ руки: ради Бога, не говорите этого. Вы, на него клеветеете: не правда ли? вѣдь клеветеете?... О! я и сама на него клеветала! Но.... то я. Зато, какъ же я и любила его! А вы?... Нѣтъ! я не могу слышать, чтобъ посторонній говорилъ о немъ дурно.

— Посторонній! Развѣ я заслужилъ это названіе, Юлія?

Нѣтъ, нѣтъ, милый братецъ! Но, пожалуйста, не будьте ко мнѣ жестоки, не судите меня слишкомъ строго; лучше пожалѣйте обо мнѣ, потому что я теряю рассудокъ. Для меня, для павеньки, для всѣхъ насъ, вы микогда не будете постороннимъ; вы нашъ ангель-хранитель. Не сердитесь на меня.

— Могу ли я на васъ сердиться? отвѣчалъ Джоффри, обхвативъ ея талию, но въ то же время долженъ былъ уступить усилю, съ которымъ она старалась вырваться изъ его объятій. Нѣтъ, Юлія! вы можете быть ко мнѣ равнодушны, можете ненавидѣть меня, гнушаться мною; но я все-таки не сержусь и хочу спасти васъ. Да! я васъ спасу, и вы будете принадлежать мнѣ. Честью благороднаго человека клянусь вамъ, что тотъ, кто выдавалъ себя здѣсь за Монтегю Вайндема, совсѣмъ не Вайндемъ: имя это подложное; онъ бѣжалъ изъ Франціи; руки его обгарены кровью.

Джоффри вынулъ изъ кармана листокъ газеты и подалъ Юліи, которая съ ужасомъ прочла въ немъ слѣдующую статью: «Наконецъ узнали, что молодой Англичанинъ, который, нѣсколько дней назадъ, бѣжалъ изъ Парижа, тотъ самый, который жилъ здѣсь подъ ложнымъ именемъ М...гю В...ма и имѣлъ несчастную исторію съ мосеѣ де-ла-Рю. Неизвѣстно, гдѣ онъ скрывался все время послѣ кроваваго происшествія. Говорятъ также, что прекрасная леди М* увхала опять

вместѣ съ своимъ похитителемъ, и что они отправились въ Германію, гдѣ и будутъ вѣнчаться.»

Газеты выпали изъ рукъ Юліи, руки ея опустились, лицо подернулось смертною блѣдностью. Джоффри, который не спускалъ съ нея глазъ, спѣшилъ подать помощь. Она упала къ нему на плечо и нѣсколько минутъ оставалась безъ всякаго движенія; наконецъ очнулась, подняла голову и взглянула на Джоффри. Онъ ожидалъ сцены оскорбленнаго женскаго самолюбія, слезъ, гнѣва, жалобъ: вмѣсто-того, на лицѣ Юліи выразилось холодное размышленіе, и она спросила твердымъ голосомъ:

— Можете ли вы побожиться, что все напечатанное въ этомъ листкѣ справедливо?

Джоффри молчалъ.

— А! вскричала Юлія: такъ вы не можете побожиться? Все это только газетныя новости, клевета: не правда-ли?... Да говорите же, братецъ! вѣдь вы ничего не видали сами? ничего не знаете навѣрно? Говорите!... эхъ! говорите, умоляю васъ!...

Восшеніе Юліи возрасло до такой степени, что она, казалось, теряетъ разсудокъ: несчастная горѣла въ огонь, дрожала и плакала, схватила руку Джоффри и готова была цѣловать ее.

Бѣдная Юлія! отвѣчалъ онъ печально: я не могу васъ обманывать. Все, что напечатано въ этихъ газетахъ, совершенная правда. Я знаю это отъ человека, которому вѣрю, какъ самому себѣ, отъ моего стариннаго друга Мертонна. Онъ былъ въ одно время съ Вайндемомъ въ Парижѣ, видѣлъ все происшествіе и содѣйствовалъ къ ихъ побѣгу.

— Ихъ побѣгу?... ихъ?...

Юлія вскочила и, какъ будто въ припадкѣ безумія, пошла-было къ обрыву пригорка, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вдругъ остановилась, упала на колѣни, подняла голову, сложила руки, и начала съ жа-

решь молиться. Братецъ Джоффри стоялъ въ отдаленіи, не смѣя ея тревожить. Она горько плакала, шептала какія-то слова, закрылась объими руками и, приклонившись головой къ камню, долго оставалась въ этомъ положеніи; потомъ встала, подала руку Джоффри, и спокойно примолвила:—Теперь пойдѣте домой.

— Нѣтъ, возразилъ онъ: нѣтъ, Юлія! Мнѣ еще многое надобно вамъ сказать. Вы отвергаете мое сердце; но это сердце, привыкнувъ давно любить васъ, не можетъ такъ скоро разстаться съ надеждой. Оно вѣритъ, что гордость, свойственная добродѣтели, вырветъ изъ души вашей непозволительное чувство любви къ женатому человѣку. По благородству своего характера, вы забудете недостойнаго обманщика, станете вмѣстѣ со мной презирать его и наконецъ отдадитесь тому, кто заслужилъ васъ своей безпредѣльной привязанностью, пламенною любовію, пожертвованіями....

— Братецъ, перебила Юлія: вы заслужили болѣе нежели какъ я могу чувствовать.

— Нужды нѣтъ! Скажите только, что вы соглашаетесь быть моею и придайте мнѣ этимъ новаго мужества для трудовъ въ пользу вашего семейства; вспомните о Ліонелѣ, о батюшкѣ.

— Нѣтъ, братецъ, отвѣчала Юлія: Ліонеля вы не оставите и по внушенію собственной доброты; что же касается до папеньки, то я еще не знаю, имѣю ли право оставлять его въ заблужденіи.

— О! полноте, Юлія! вскричалъ Джоффри. Вѣдь я самъ отказываюсь отъ своихъ правъ: следовательно, они принадлежать ему.

— Но я думаю иначе, братецъ. Можетъ-быть, это заблужденіе моего разстроеннаго разсудка; только мнѣ кажется, что съ моей стороны будетъ несправедливо скрывать отъ папеньки тайну, которую я узнала. Разумѣется, давши вамъ слово молчать, я уже не нарушу его; но въ то же время, у меня не достанетъ силъ

сильно видеть, что маленька радуется соприкоснанъ, которыя принадлежатъ не ему и отъ которыхъ онъ снѣ отказался бы, если бы зналъ, что онъ чужія.

— Опѣтъ! нѣтъ! Я ужъ вамъ поклялся, что эта жертва заключаегь въ себѣ все мое счастье. Я люблю васъ, Юлія.... понимаете ли? люблю васъ. Это чувство живетъ въ душѣ моей съ вашего дѣтскаго возрасту. Въ шумъ свѣта, въ тишинѣ моей комнаты, въ забавахъ жизни и въ минуты спокойствія, вездѣ и всегда, я думаю о васъ, какъ магометанинъ о своемъ рабѣ. Вся ученія нищаго, убогаго, сираго, не значатъ ничего, въ сравненіи съ тѣмъ, что я перенесъ отъ любви своей, Юлія! неужели вы отравите немногіе годы, которые мнѣ остается прожить? Подумайте объ этомъ; спросите у своего сердца.

— Увы, милый братецъ! сердце мое говоритъ, что для несчастнаго нѣтъ другой надежды, кромѣ Неба.

— Такъ вы меня отвергаете?

— Увы! я должна.

— Помните же это! вскричалъ Джоффри, въ бѣшенствѣ. До-сихъ-поръ я убаюкивалъ себя глупой надеждой: вы ее разрушили, безжалостно оттолкнули меня. Теперь мнѣ ничего не остается, какъ только броситься въ эти волны, чтобы доставить вамъ удовольствіе видѣть погибель несчастнаго, который васъ любилъ, обожалъ, но.... не могъ тронуть вашего неблагодарнаго сердца!

Джоффри побѣжалъ къ краю утеса. Юлія ухватила его за руку и повисла на ней.

— Пойдите!... выслушайте!...

— Что мнѣ слушать? что вы можете мнѣ сказать?...
 ... говорите, говорите! Еще одно мгновеніе, и ни ваши слова не призовутъ меня къ жизни. Говорите: надежда, или смерть?.... А! вы колеблетесь?....
 Смерть!....

Онъ выпрыгнулъ изъ рукъ Юліи. Несчастная умала и вскричала: — Нѣтъ, я не колеблюсь!

Джоффри остановился. Лицо его вспыхнуло, глаза заблестали. Онъ поднялъ дѣвушку и, ставъ передъ ней на колѣни, сказалъ: — Вы не колеблетесь?... О! повторите это слово.

— Дайте мнѣ время подумать, отвѣчала Юлія, и, будучи увѣрена, что измѣна Монтегю скоро сведетъ ее въ могилу, прибавила: — Ежели черезъ три мѣсяца, тотъ, кого я такъ нѣжно любила, не воротится съ оправданіемъ своихъ поступковъ, тогда я отдамъ вамъ свою руку. Согласны ли вы?

— О Юлія! вскричалъ Джоффри: вы требуете еще новаго пожертвованія, новыхъ страданій.... Но такъ и быть! я согласенъ. Только хотъ каплю надежды!...

— И до тѣхъ поръ, продолжала Юлія: до тѣхъ поръ я прошу васъ ни слова не говорить о своей любви.

— Согласенъ и на это: ни слова! ни слова! А чтобы не нарушить своего обѣщанія, я завтра же выѣду изъ Диеппа: пойду скитаться въ Парижъ, въ Англію, куда-нибудь. Надежда будетъ моею утѣшительницей въ разлукѣ съ вами. О, Боже мой, Боже мой! какъ я васъ люблю!

Въ самомъ дѣлѣ братецъ Джоффри на другой день увѣхалъ въ Парижъ, сказавъ Сентъ-Обайнамъ, будто бы получилъ оттуда нѣкоторыя важныя для себя извѣстія. Можно представить положеніе Юліи: съ одной стороны измѣна, съ другой боязнь принадлежать человѣку, котораго она никогда не будетъ любить.... Къ довершенію всего, на нее обрушилось новое несчастье: черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Джоффри, мистрисъ Сентъ-Обайнъ получила письмо отъ леди Саквилль, которая, послѣ многихъ разсужденій о равныхъ разноскахъ, писала слѣдующее:

«Не для того чтобъ разыгрывать роль великодушной родственницы, а просто по своей дружбѣ къ тебѣ и всему

твоему семейству, я очень желала бы быть полезною для племянницы Бланки. Я сама мать, и знаю, что первѣйшая материнская обязанность—выгодно пристроивать своихъ дочерей. Чистосердечно признаюсь, что когда Гертруда и Клара не были еще замужемъ, я не рѣшилась бы взять Бланку къ себѣ и вывезить ее вмѣстѣ съ ними. Помилуй Богъ отъ такой соперницы! Но теперь, благодаря Всевышняго, Гертруда сдѣлала себѣ чудесную партію, да и Клара тоже пристроена очень удачно: одна за сэръ Крезомъ Хонтеромъ, другая за мистеръ Бойлліономъ: слѣдовательно мнѣ можно подумать и о племянницѣ. Притомъ же я нынѣшній сезонъ живу на Гановерь-Скверъ; домъ мой отдѣланъ за-ново, экипажъ прекрасный, ливрея чудо, ѣзжу въ оперу въ ложу леди Хонтеръ; только нѣтъ никакой приманки, которая бы влекла здѣшнихъ франтовъ къ окошку моей кареты, а надо тебѣ сказать, сестрица, что, въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ у меня ужъ вошло въ привычку имѣть на рукахъ невесту, для которой нужно смышлять жениха. Легко ли, двѣнадцать лѣтъ! Правда, все это отъ собственного упрямства Клары и Гертруды: оно погубило не одну дѣвушку, и я теперь знаю многихъ перезрѣлыхъ весталокъ, которыя, по всѣмъ вѣроятностямъ, такъ и останутся на цѣлый свой вѣкъ весталками. Бланка, надѣюсь, будетъ стоворчивѣе этихъ бѣдняжекъ; но какъ она переняла у тебя разныя романическія идеи, то ты ужъ, сдѣлай мнѣ дружбу, не говори ей, что я вызываю ее съ намѣреніемъ пріискать партію, если будетъ судьба. Въ такомъ случаѣ она, пожалуй, и не поѣдетъ. Пуще всего, присылай ее какъ-можно скорѣе, при первой оказіи, чтобы она поспѣла къ началу собраній въ альмакъ. О гардробъ не безпокойся: я сдѣлаю все, что ей надобно, а она расплатится со мной послѣ, когда, Богъ-дастъ, у нея будетъ столько же тысячъ, сколько мнѣ лѣтъ. Поблагодари ее за миниатюрный портретъ, который она съ себя списала и мнѣ прислала. Мастерница, нечего сказать! Но неужели она такъ молода? Господи, Господи! а я-то! Жаль мнѣ тебя, сестрица, что ты живешь въ несчастномъ провинціальномъ городѣ: должно быть прескучно. Но зато твои дочери свѣжи какъ полевые цвѣты, и я увѣрена, что, когда мы съ Бланкой появимся въ

свѣтъ, у насъ не будетъ недостатку въ обогателѣхъ. Впрочемъ скажи ей, чтобъ она теперь поменьше рисовала, а больше бы занималась своей красотой и туалетомъ. Постарайся внушить ей великое правило, что одна, какая ты хочешь, прелесть стѣитъ цѣлой сотни талантовъ. Особенно миниатюрная живопись: это никуда не годится, только портить глаза, да горбить талию. Кто женится на горбушкѣ, или на женщинѣ съ красными глазами? Музыка еще и туда и сюда; но и съ ней надобно осторожно, такъ, только для виду. Напротивъ-того умнѣе одѣваться къ лицу.... о! это вещь чрезвычайно важная. Можно также немножко заниматься и чтеніемъ, потому что въ свѣтъ иногда приходится говорить о книжкахъ. Но всего нужнѣе умѣть одѣваться, танцовать, ѣздить верхомъ, пѣть какъ-нибудь, и voilà tout.

«Я отправляю свою горничную, мамзель Ледо, въ Брайтонъ, навстрѣчу Бланкѣ. Смотри жъ, присылай.

«Преданная тебѣ сестра

«Гертруда Саквилль.

Entre vous, у меня ужъ есть на примѣтъ одинъ женишокъ для Бланки — молодой, богатый, недурень собою и фравтъ первой степени. Но ты ей не сказывай, а то, у нихъ такая натура, дѣвочка возненавидитъ его за-глазѣ.»

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ, какъ ни грустно ей было разстаться съ дочерью, рѣшилась отпустить Бланку. На ту пору старушка Фетфуль ѣхала въ Англію по какимъ-то дѣламъ, и мистеръ Визеръ сопутствовалъ ей, чтобы посовѣтоваться съ лондонскими врачами. Рѣшились отправить Бланку подъ ихъ покровительство. Юлія очень грустила, Бланка тоже; но надобно было покориться обстоятельствамъ. Отъѣзжающая, какъ слѣдуетъ, дѣлала прощальные визиты, и въ каждомъ домѣ ее осыпали безчисленными комиссіями. Мистрисъ Годиотъ вручила ей двадцать одно письмо, которыя Бланка, по пріѣздѣ въ Лондонъ, должна была разослать по городской почтѣ: бездѣлица, всего два пени за штуку; миссъ Сентъ-Обайнъ такъ добра, что безъ

сомнѣнія не откажетъ. Мистрисъ Данвудъ, съ своей стороны, просила выслать приглашительные билеты на балъ, который она была намѣрена дать по случаю своего скорого бракосочетанія; а миссъ Примрозъ, получившая сильный ревматизмъ отъ напрасныхъ усилій волонить сердце Джоффри, умоляла о баночкѣ англійскаго оподельдоку. Что касается до семейства Вайтгелъ, то здѣсь было порученіе только отъ одного сэръ Цезаря.

— Я полагаю, миссъ Бланка, сказалъ онъ: что вы не признаете неудобнымъ взять съ собой портретъ во весь ростъ вашего покорнѣйшаго слуги, работы дочери моей, миссъ Антоніи. Прошу васъ принять на себя трудъ, задылать его какъ-можно лучше, и предоставлю на вашъ собственный выборъ поручить это какому угодно купцу, изъ тѣхъ, что торгуютъ картинами. По прїездѣ въ Лондонъ, отошлите портретъ во дворецъ къ дядюшкѣ, епископу. Мнѣ извѣстно, что его преосвященство давно желаетъ имѣть его, и странно, въ самомъ дѣлѣ, что въ великолѣпной галерей епископа по-сю-пору не было моего портрета. Это, можно сказать, *chef d'oeuvre* миссъ Антоніи: жаль только, что мы не успѣли сдѣлать на него рамы; но вы будете такъ обязательны, что ужъ закажете ее въ Лондонъ.

Вѣсть съ подобными комиссіями, Бланка получала отъ всѣхъ многорѣчивыя изъявленія сожалѣнія о своемъ отъездѣ. Только одинъ человекъ смотрѣлъ на все молча, хотя грустилъ болѣе прочихъ: это Робертъ Моррѣ. Съ нѣкотораго времени, молодой артистъ давалъ уроки Бланкѣ и почти ежедневно видѣлся съ Сентъ-Обайнами, будучи принятъ у нихъ какъ другъ дому. На канунъ Бланкина отъезду, онъ пришелъ проститься съ своей ученицей и помочь ей уложить разные рисунки и картины, которые она брала съ собой въ Англию. Глаза его были мутны, щеки блѣдны; его бѣлыя, сухошавыя, руки тряслись, голосъ дребезжалъ и пере-

рывался. Бланка, полагая, что молодой человекъ страдаетъ еще отъ послѣдней болѣзни, которая чуть не свела его въ могилу, совѣтовала ему, какъ добрая сестра, слѣдовать предписаніямъ доктора, не утомлять себя лишней работой, наблюдать діету, принимать лекарства; и заключила угрозою, что она скоро пріѣдетъ назадъ, посмотреть, слушается ли онъ своей ученицы. Печальная улыбка, подобная игрѣ лунныхъ лучей на могильномъ камнѣ, озарила физиономію Роберта. Онъ вынулъ изъ кармана маленькій свертокъ и просилъ Бланку принять это на память о человекѣ, который, вѣрно, не доживетъ до новаго съ ней свиданія. Въ свертокѣ былъ миниатюръ, представляющій мистера и мистрисъ Сентъ-Обайнъ, которые слушаютъ, какъ Юлія читаетъ письмо, подписанное именемъ Бланки. Прекрасная группировка фигуръ, поразительное сходство портретовъ и живое выраженіе лицъ придавали этой картинѣ необыкновенную прелесть, тогда-какъ изобрѣтеніе ея показывало, что она задумана человекомъ, который глубоко чувствовалъ свой предметъ. Тутъ не было самой Бланки, но это письмо, это радостное вниманіе, выраженное на всѣхъ лицахъ, эти слезы, сверкающія въ глазахъ мистрисъ Сентъ-Обайнъ, все говорило объ отсутствующей: не будучи изображена на картинѣ, она въ то же время была въ ней главнымъ лицомъ. Разсматривая прекрасный подарокъ, Бланка и мистрисъ Сентъ-Обайнъ не могли удержаться отъ слезъ и бросились другъ къ другу въ объятія.

Но наконецъ должно было разстаться: молодой человекъ почувствовалъ, что онъ не въ силахъ болѣе скрывать своей грусти, и тихонько, не сказавъ ни кому ни слова, ушелъ отъ Сентъ-Обайновъ. Долго, задумчивый и печальный, ходилъ онъ по морскому берегу. Ему было больно, тяжело, душно; онъ распахнулъ сюртукъ и снялъ шляпу. Вечерній вѣтеръ дулъ съ моря, навѣвая на него ядовитую прохладу; но онъ и не

завтра же этого. Поздно, передъ полуночью, онъ воротился домой и испугалъ добрую старушку-мать своимъ разстроеннымъ видомъ. Она ужъ давно проникла въ сердечную тайну, и теперь съ ужасомъ предугадывала, что къ мукамъ безнадежной любви должны присоединиться новыя физическія страданія. Робертъ не отвѣчалъ на ея вопросы, не принималъ ея попеченій; противъ обыкновенія, онъ былъ холоденъ и угрюмъ, отказался отъ лекарства, которое она подала ему, и ушелъ въ мастерскую. Не смѣя раздражать сына, мать со слезами легла въ постель и долго прислушивалась какъ онъ ходитъ, изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ. Наконецъ все затихло; мистрисъ Моррѣ старалась уснуть, ворочалась съ боку на бокъ, читала молитвы. Ничто не подѣйствовало: сонъ удалялся отъ матери, встревоженной положеніемъ любимаго сына; ей слышалось страшно; она встала и тихонько прокралась въ его комнату.

То была комната артиста. Лучи мѣсяца, проникая сквозь большое окно, освѣщали полу-оконченное изображеніе Венеры, которой черты, можетъ-быть безъ вѣдома самого художника, представляли гораздо болѣе сходства съ Бланкой, чѣмъ съ безсмертнымъ произведеніемъ рѣзца, носящимъ на себѣ благородное имя Медичи. Въ сторонѣ отъ этой картины была другая, представляющая сюжетъ, взятый изъ Бирона: Конрадъ, въ ту минуту, какъ онъ находитъ мертвую Медору. Настѣнахъ висѣло нѣсколько оригинальныхъ произведеній старинныхъ мастеровъ и копій съ отличнѣйшихъ памятниковъ искусства; по полочкамъ было разставлено множество бюстовъ и мелкихъ гипсовыхъ фигуръ, головъ, туловищъ, рукъ и ногъ. Изъ одного угла выглядывалъ страшный образъ скелета, изъ другаго манкенъ, покрытый бархатной мантией. На полу, на столѣ, на стульяхъ, валялись въ безпорядкѣ разные художественныя матеріалы, вещи, принадлежащія къ рыцарскому

вооруженію, ящики съ красками, рамки съ натянутымъ холстомъ, банки съ астампами и сантки чертежей и рисунковъ, изъ которыхъ многіе молодой артистъ готовилъ въ подарокъ Бланкъ, но не нашелъ достойнымъ этого назначенія. Одинъ маленькій столикъ, передъ оконкомъ, былъ заставленъ горшками прекрасныхъ розъ; тутъ же лежали гитара и флейта, нѣсколько книгъ историческаго или поэтическаго содержанія, нѣсколько очерковъ мѣстности, и романсъ, писанный рукой Бланки. Статуя Лаокоона возвышалась изъ кучи большихъ фолиантовъ и свертковъ; Аполлонъ стоялъ посерединѣ комнаты, какъ-бы охраняя важность этого мѣста; Амуръ улыбался между розами; прекрасный Эдмундъ задумчиво склонялъ голову къ юной Психеѣ. И все это было обито волнистыми лучами луны, которые, производя въ комнатѣ чудное смѣшеніе свѣту съ тѣнями, придавали жизнь неодушевленнымъ предметамъ. Робертъ лежалъ на своей жесткой постели. Мать бояливо подошла къ нему, не зная что ее ожидаетъ, сынъ, или только холодный трупъ его. Всамомъ-дѣлѣ, молодой человекъ былъ блѣденъ какъ алебастровыя статуи, окружавшія его ложе. Старушка наклонилась.... Онъ еще дышетъ, губы его медленно шевелятся, на груди лежитъ Бланкинъ платокъ, руки судорожно сжимаютъ это сокровище, и онъ твердитъ любезное имя. Слезы и голосъ матери вывели его изъ забвенія.

— Матушка! сказалъ Робертъ, взявъ ея руку: матушка! ежели я умру, положите это со мною въ могилу. Я всегда носилъ его на груди, не хочу расстаться и послѣ смерти: онъ принадлежалъ ей.

Но опустимъ занавѣсь на эту сцену безнадежной любви и горести, и поспѣшимъ узнать что дѣлаетъ та, которая была предметомъ страданій молодого артиста.

По приѣздѣ Бланки въ столицу Англій, первой заботою ея смѣтливой тетки было осмотрѣть молодую дѣ-

пункту, сделать нѣсколько замѣчаній на ея обращеніе, осудить ея ребяческую наивность, дать ей нѣсколько наставленій какъ она должна вести себя въ столичныхъ салонахъ, потомъ расцѣловать хорошенькую племянницу, и заказать ей кучу нарядовъ, до изготовленія которыхъ Бланка оставалась въ домѣ леди Саквилль подъ строжайшимъ инкогнито. Когда наряды везли, простодушная Бланка должна была сознать ту великую истину, что искусство одѣваться, точно, вещь чрезвычайно важная, что оно имѣетъ свою науку, свою теорію, требующую обширныхъ и глубокихъ соображеній, не говоря уже о врожденномъ дарованіи, которое также необходимо. Модистка, приготовлявшая платье Бланки, отозвалась съ некровителственнымъ видомъ, что мадамозель имѣетъ самыя выгодныя расположенія, и посвятивъ горничную въ тайну общаго правила, которое должно быть наблюдаемо при туалетѣ Бланки, сказала, что затѣмъ не нужно ни какихъ переизмѣнъ до самаго того времени, какъ мадамозель будетъ представляться ко двору; или пойдетъ замужъ.

Первый выездъ Бланки былъ къ двоюродной сестрицѣ Гертрудѣ, счастливой обладательницѣ богатствъ, сердца и толстой особы сэръ Креза Хонтера; но леди Саквилль хотѣла напередъ прокатить племянницу по мелкобывной улицѣ, называемой Риджентъ-Стритъ, чтобы показать ей тамошніе чудесные магазины, а ее франтамъ и модницамъ, которые тамъ катаются. Риджентъ-Стритъ, въ ясный весенній день, во время лондонскаго сезона, представляетъ зрѣлище чрезвычайно веселое. Блестящіе экипажи, чудесныя лошади, изящныя ливреи, выставка жениховъ и невестъ, богатыхъ и знатныхъ, прекрасныхъ и ловкихъ; всѣ знаменитѣйшія красавицы высшаго общества; всѣ корифеи моды, блистательные повѣсы и первостатейные денди; наконецъ, лучшее изъ всего лучшаго, — магазины, эти сокровищницы богатства и роскоши, и потомъ сама улица,

вѣличіе здацій, безконечное движеніе пестрой и шумной толпы, крики кучеровъ и лакеевъ, голоса разговаривающихъ господъ, звонкій смѣхъ женщинъ, звуки уличной музыки, — все это представляетъ нѣчто почти волшебное и, разумѣется, не могло не поразить неопытной Бланки. Прибавьте къ тому, что появленіе ея обратило на себя общее вниманіе ревнивыхъ красавицъ и молодежи : изъ каждаго встрѣчнаго экипажа устремлялся на нее любопытный лорнетъ, и леди Саквилль была въ восхищеніи, видя себя творительницей такого эффекта, особливо когда одинъ изъ знаменитѣйшихъ фешенеблей, графъ Генри Роздель, подскакалъ верхомъ къ дверцѣ ея ландо, и разговаривалъ съ ней до тѣхъ поръ, пока леди не приказала своротить съ Риджентъ-Стрита.

Накопецъ пріѣхали къ леди Хонтеръ. Бланка удивилась необыкновеннымъ переменамъ, которыя произошли въ этой женщинѣ. Гертруда приняла гостей въ своемъ будоарѣ. Бывало, она смотрѣла на всѣхъ изподлѣбья : долговременное дѣвство и увяданіе красоты приводили ее въ замѣшательство и держали постоянно въ дурномъ расположеніи духа. Теперь совсѣмъ напротивъ : увялая Гертруда, въ своемъ щеголеватомъ утреннемъ неглиже, между цвѣтовъ и всякихъ затѣй расточительной роскоши, казалась чуть-ли не свѣжѣе самой Бланки ; она значительно пополнѣла, морщины сгладились, лицо стало румяно, на губахъ водворилась улыбка, а сверхъ-того Гертруда пріобрѣла видъ какой-то ласковой важности, холодной любезности и безстрастія. На живое привѣтствіе Бланки, она подставила ей свою бѣлую, гладкую, щеку, и учтиво спросила о здоровьѣ всего семейства, о которомъ добрая дѣвушка не могла вспомнить безъ слезъ. Бланка еще сохраняла теплоту и свѣжесть души своей, а леди Хонтеръ утратила все въ своемъ долгомъ дѣвствѣ. Богатое замужество помолодило ее только съ наружности : внутренно,

она еще болѣе постарѣла, сдѣлалась опытною и осторожною, никогда не смѣлалась, никогда не сердилась, никогда не обнаруживала ни грусти, ни удовольствія, ни досады, ни нетерпѣнія, была всегда весела и спокойна, и считалась образцомъ въ яругу модныхъ женщинъ высшаго общества.

Послѣ непродолжительнаго разговору о разныхъ постороннихъ предметахъ, болѣею частью незнакомыхъ Бланкѣ, въ будоарь вошла горничная и сказала, что сэръ Крезъ проситъ позволенія повидаться съ леди Гертрудой: онъ имѣетъ надобность спросить ее насчетъ новой ложи въ оперѣ, и желалъ бы объяснить-ся какъ-можно скорѣе, потому что сейчасъ долженъ ѣхать.

— Скажи, что я приѣду въ бібліотеку, отвѣчала барыня.

— Почему жъ не кликнешь его сюда? спросила леди Саквилль. Мнѣ тоже нужно увидѣть твоего мужа, попросить его за Джозетту мать, нельзя ли опредѣлить ее въ Маргетскую богадѣльню. Вѣдь, кажется, Крезъ тамъ директоромъ.

— Не знаю, отвѣчала Гертруда. Но я не принимаю его въ своемъ будоарѣ.

Бланка взглянула на нее съ удивленіемъ, и ей стало холодно въ великолѣпномъ чертогѣ сестрицы. Между-тѣмъ растворилась дверь, и вошли графъ Роздель и Гораций Сентъ-Джонъ. Молодая дѣвушка тотчасъ узнала послѣдняго, но не сочла за нужное этого обнаруживать. Леди Хонтеръ, съ своей стороны, увидѣвъ Сентъ-Джона вмѣстѣ съ графомъ, пришла-было въ нѣкоторое смущеніе, потому что одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ числу ея избранныхъ, другой, напротивъ, былъ едва знакомъ съ нею и не пользовался правомъ входить въ будоарѣ.

— Вѣрно, вамъ угодно видѣть сэръ Креза? сказала она, мгновенно оправившись и говоря графу. Только

одни родные и самые короткіе друзья удостоиваютъ своимъ присутвіемъ эту комнату....

— Ахъ!.... да,.... нѣтъ,.... виновать! бормоталъ графъ, вертя своимъ хлыстикомъ. Извините! тысячу разъ прошу прощенія. Я совершенно забылъ.

— Ничего, милордъ. Бетси! проводи графа къ бариню въ библіотеку. Онъ желаетъ его видѣть.

Графъ, который сроду не видывалъ сэръ Креза, хотя и занималъ у него деньги черезъ повѣренныхъ, рѣшительно не зналъ что ему дѣлать; но въ это время, на счастье озадаченнаго любезника, сэръ Крезъ самъ дерзновенно вошелъ въ будоаръ, — толстый и красный по-прежнему, въ синемъ, по шею застегнутомъ, фракъ, въ черныхъ казимировыхъ брюкахъ, въ бѣломъ, высокомъ галстухъ, и въ гороховомъ байковомъ скюртукъ съ большими перламутровыми пуговицами, пыхтя какъ паровая машина и отираясь пестрымъ остъ-индскимъ платкомъ.

Приостановясь у дверей и окинувъ глазами всѣхъ присутствующихъ, онъ потомъ на цыпочкахъ приблизился къ женѣ и вѣспилъ ей полновѣсный поцѣлуй въ щеку.

— Ну, на что же это похоже, Гертрудушка? Въдь я могу потерять пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, оттого что ты заставляешь меня дожидаться. Мое почтеніе! Здравствуйте, мистеръ Сентъ-Джонъ! Имѣю честь кланяться, милордъ! — Гертрудушка! представь меня графу.

Леди Хонтеръ выполнила обрядъ.

— Очень радъ, что имѣю честь видѣть васъ у себя, продолжалъ сэръ Крезъ, распаркиваясь и что есть силъ тряся руку графа. Жена не позволяетъ мнѣ входить въ эту комнату: здѣсь, изволите видѣть, бываютъ только ея друзья, знать, самая вершинка моднаго общества. Но погоди, душка! примолвилъ онъ въ пол-голоса, подмигивая Гертрудѣ: и у меня есть въ виду.... Какъ ваше здоровье, милордъ? какъ дѣла?... понимаете?

— Все прекрасно, отвѣчалъ денди : надеюсь выполнитъ свои обязательства.

— Очень радъ! очень радъ! Поставлю за честь всегда служить вамъ. Однако жъ мнѣ пора вхвать. Гертрудушка! что жъ насчетъ ложи?

Пока супруги разговаривали о ложѣ, въ чемъ и леди Саквилль принимала участіе, Горацій Сентъ-Джонъ подошелъ къ Бланкъ и сказалъ, что онъ, кажется, нѣтъ удовольствіе видѣть ее однажды на чельтенгемскихъ водахъ.

— Можетъ-быть, отвѣчала дѣвушка : но чельтенгемскіе балы всѣ были такъ похожи одинъ на другой, и я тогда сдѣлала такъ много новыхъ знакомствъ, что, право, теперь не могу ничего припомнить.

«Ого! подумалъ про себя гордый Горацій : она говоритъ, что не помнитъ вечера, когда видѣла меня въ первый разъ! Какъ будто я тоже, что и другіе!» Молодому человѣку стало досадно, и, въ первый разъ въ жизни, румянецъ оскорбленнаго самолюбія покрылъ его лицо, привыкшее сохранять на себѣ выраженіе холодной снѣси.

— Извините, сказалъ онъ : можетъ-быть, я ошибся. Мнѣ показалось, что я узналъ въ васъ дѣвцу, которой тогда былъ представленъ и съ которою мнѣ было бы очень пріятно возобновить знакомство. Но я ошибся! примолвилъ онъ взглянувъ на Бланку съ гордой улыбкой, и присоединился къ партіи, которая трапезила о ложѣ.

Передъ отъездомъ, леди Саквилль пригласила графа къ себѣ обѣдать, съ тѣмъ чтобы онъ вхвалъ съ нею и съ племянницею въ театръ. Графъ отвѣчалъ-было, что онъ располагался быть у леди Варвары Готвилль, но это только сдѣлало Бланкину тетку настойчивѣе, потому что она ненавидѣла леди Варвару и знала ея замыслы на свободу графа, котораго она сама прочла въ женихи племянницѣ. Кончилось тѣмъ, что

графъ наконецъ далъ слово. Стали прощаться. Леди Саквилль взяла Бланку подъ руку и сказала двумъ кавалерамъ, чтобъ они проводили ихъ до колески. Франтъ съ восторгомъ слышавши извѣстное приказаніе.

— Если вы желаете переменить дурное расположеніе моего духа, скажите ей Горацій Сентъ-Джонъ : то позвольте мнѣ пріѣхать въ вашу ложу. Я еще не видалъ этой оперы.

— О! сдѣлайте одолженіе.

— Но вы забыли, миледи, что я буду вашимъ кавалеромъ на пыльный вечеръ, замѣтилъ графъ.

— Нягъ, не забыла, милордъ, отвѣчала старуха : два щеголя въ вашей ложѣ, это еще не Богъ-знаетъ что. Въ слѣдующій спектакль, я думаю, будетъ цѣлая дюжина.

Говоря такимъ образомъ, леди Саквилль самодевно взглянула на племянницу, кивнула головой мужчинамъ, и велѣла кучеру ѣхать.

Появленіе Бланки въ театрѣ произвело необыкновенно сильный эффектъ : всѣ лорнеты и трубочки обратились на ложу леди Саквилль, имя которой красавицы повторялось во всей залѣ, отъ сцены до заднихъ дверей и отъ партера до парадиза. Бланка была замѣта совершенно однимъ спектаклемъ, и почти не говорила ни съ теткою ни съ мужчинами. Графъ пытался завести съ нею рѣчь, но она отвѣчала холодно. Сентъ-Джонъ ужъ и не пробовалъ своего счастья, а только следилъ за каждымъ ея движеніемъ, подсматривалъ каждый взглядъ, и подмѣчалъ впечатлѣнія, которыя производила на нее музыка. Сажая Бланку въ карету, онъ, вопреки своему обычю, очень нѣжно сохотвалъ ей покрывче завернуться въ салонъ. Леди Саквилль пригласила обонхъ кавалеровъ къ себѣ ужинать. Разумѣется, приглашеніе принято было съ восторгомъ : молодые люди надѣялись провести еще нѣ-

столько враждеи имѣть съ Бланкой; но миссъ Сентъ-Обайнъ, будучи растрогана ивнѣмъ волшебницы Гримъ, по приѣздѣ домой, тотчасъ ушла въ свою комнату, и просила сказать теткѣ, что она проситъ позволенія не выходить въ гостиную.

Таковъ былъ Бланкинъ первый дебютъ въ большомъ свѣтѣ. Сезонъ прошелъ весело. Бланка часто вызважала и сдѣлалась господствующей красой всѣхъ салоновъ. Безъ нея не обходился ни одинъ балъ, ни одинъ вечеръ, ежели хозяева хотѣли, чтобы о нихъ балъ или вечеръ говорили въ городѣ. «Была ли миссъ Сентъ-Обайнъ?» спрашивали въ свѣтѣ на слѣдующее утро. «Была»,—и празникъ вносился въ число примѣчательнѣйшихъ событій сезона; «не была», — и надъ празникомъ все помирали со смѣху. Молодежь, самая модная и надутая, обожала Бланку: подставить ей стулъ, подать ей платокъ, растолкать толпу, чтобъ открыть ей дорогу, почиталось великою честью; объѣняться съ нею тремя, четырьмя словами — счастьемъ, протанцовывать — блаженствомъ. Отчаянные денди держали за это пари, дрались на дуэляхъ. Сами женщины, кромѣ одной леди Варвары, не смѣли съ нею соперничать. По ея имени назывались нѣкоторыя шляпки и кольеретки; она сдѣлала страшный переворотъ въ банмакахъ, ввела новый родъ прически, изгнала и навсегда сокрушила многія принадлежности туалета, которыя до того времени были во всеобщемъ употребленіи. Само собой разумѣется, что, при такомъ блестящемъ, можно сказать волшебномъ, успѣхѣ, Бланка должна была имѣть кучу враговъ: явнымъ врагомъ ея, какъ мы замѣтили, обнаруживала себя только леди Варвара; тайныхъ, можетъ-статься, было и множество, но мы знаемъ одну Гертруду.

Причина Гертрудиной вражды заключалась, главное, въ томъ, что со времени появленія Бланки, красавецъ Гораций Сентъ-Джонъ совершенно пересталъ оказыв-

вать вниманіе леди Хонтаръ, и не отводилъ глазъ отъ новаго свѣтила на горизонтѣ моднаго свѣта. Онь гонялся за Бланкой по всѣмъ собраніямъ, по всѣмъ публичнымъ гуляньямъ, и сдѣлался самымъ усерднымъ посѣтителемъ леди Саквилль. За Гораціемъ, по степени настойчивости въ исканіяхъ, слѣдовалъ великолѣпный графъ Генри Роздель. Мы не смѣемъ сказать утвердительно, что миссъ Сентъ-Обайнъ плѣнила его своими достоинствами; но она была въ модѣ, о ней всѣ кричали, за нею ухаживалъ самъ Горацій Сентъ-Джонъ, и, послѣ такого авторитета, графъ не могъ не влюбиться. За величавыми фигурами двухъ модныхъ львовъ, Горація и графа, является цѣлый полкъ обожателей, частію тоже львиной породы, старыхъ и молодыхъ, изъ которыхъ одни отличались богатствомъ, другіе знатнымъ происхожденіемъ, и всѣ равно были безъ ума отъ прелестной Бланки. Что касается до самого идола, передъ которымъ курилось столько жертвенниковъ, то простодушная дѣвушка, ежели не заглядывать въ ея сердце, была совершенно свободна отъ всякаго сочувствія къ еяміаму лести, и оплачивала своимъ обожателямъ самую убійственную холодностью. Одинъ Горацій Сентъ-Джонъ не подходилъ у нея подъ общій уровень, но — увы! — исключеніе состояло въ томъ, что Бланка обращалась съ нимъ не только холодно, а даже презрительно. Можете вообразить, какъ это бѣсило гордаго баловня свѣта: влюбиться въ Бланку по уши сдѣлалось для него невозможнымъ.

Передъ самымъ концомъ сезона, графъ вздумалъ дать загородный праздникъ, на который должны были съѣхаться всѣ знаменитости моднаго круга. Леди Варваръ страхъ хотѣлось быть распорядительницей этого торжества, но тетушка Бланки умѣла обработать дѣла такимъ образомъ, что графъ возложилъ на нее роль хозяйки, а завидливая ея соперница даже не

получила и приглашенія. Разъ, когда Бланка была одна дома и писала письмо къ сестрѣ, Француженка-горничная докладываетъ ей, что какой-то господинъ желаетъ видѣть мадамозель Сентъ-Обайнъ и проситъ позволенія ей представиться.

— Что за господинъ? спрашиваетъ Бланка.

— Не знаю-съ, отвѣчаетъ Француженка: но c'est un monsieur très-poli. Когда я сказала, что миледи нѣтъ дома, онъ отвѣчалъ очень вѣжливо, что почитаетъ и то за счастье, что видитъ меня.

— Но ежели онъ ужъ счастливъ, такъ зачѣмъ же мнѣ идти къ этому господину? замѣтила, улыбаясь, Бланка.

— Да онъ сказалъ послѣ, что желаетъ видѣться именно съ вами, сударыня; что у него есть до васъ какое-то чрезвычайно важное дѣло.

Бланка задумалась... Впрочемъ, чего жъ ей бояться? Она пошла въ приемную, и первый предметъ, который встрѣтили тамъ глаза ея, былъ мистеръ Визеръ. Блѣдная испугалась: ей тотчасъ пришло въ голову, что важное дѣло Визера состоитъ въ какой-нибудь печальной новости изъ Діеппа. Она оставила Юлію въ разстроенномъ состояннн здоровья и, по письмамъ, знала, что болѣзнь ея съ каждымъ днемъ очевидно усиливается. О, Боже мой! неужели?... Блѣдная и почти безъ памяти, Бланка подбѣжала къ неожиданному гостю и вскричала: — Мистеръ Визеръ! вы что-нибудь слышали?

Мистеръ Визеръ, съ своей стороны, подумалъ, что миссъ Сентъ-Обайнъ получила изъ Діеппа какое-нибудь извѣстіе, непріятное для него, и растерялся болѣе самой Бланки.

— Ахъ!... ахъ!... добрая, любезная моя миссъ, что такое? Ахъ! пожалуйста, что такое?

Бланка, ободренная этими вопросами, успокоилась и успѣшила успокоить своего гостя.

— Извините меня, сказала она, съ улыбкою подавая

ему руку: я думала, вы пришли уведомить меня о каком-нибудь несчастъ. Но скажите, пожалуйста, что это вы такіе странные, блѣдные? Глаза ваши блѣдуютъ, какъ у больного горячкой?

— Право?... вы находите, что я блѣденъ? спросилъ мистеръ Визеръ, въ самомъ дѣлѣ поблѣднѣвъ какъ мертвецъ, отъ испугу за здоровье своей драгоценной особы.

— Нѣтъ, нѣтъ: мнѣ такъ показалось. Вы, напротивъ, никогда не имѣли такого здороваго цвѣту лица.

Визеръ просіялъ радостью. Не будемъ описывать всѣхъ окольныхъ дорожекъ, которыми онъ наконецъ привелъ разговоръ къ предмету своего посѣщенія.

— Вотъ видите, моя милая и добрая миссъ, сказалъ онъ послѣ долгихъ прелюдій: продолжительная болѣзнь произвела во мнѣ ипохондрію; такъ мнѣ хотѣлось бы немножко разсѣяться, побывать на какомъ-нибудь праздникѣ, балѣ,.... знаете?

— Вамъ, мистеръ Визеръ?

— Да, моя безцѣнная миссъ, мнѣ. И какъ я, по газетамъ, знаю, что вы вездѣ первая, то и осмѣлился прийти къ вамъ: не можете ли вы доставить мнѣ этого маленькаго удовольствія?... Но скажите, миссъ Бланка: вы, точно, не получили изъ Діеппа ни какого неприятнаго извѣстія?

— Нѣтъ, нѣтъ. Будьте спокойны. Такъ вамъ хотѣлось бы на какой-нибудь балѣ?

— Именно, моя прелестная миссъ. Я человекъ одинокій, безъ друзей, безъ родства; только и есть одна пріятельница: мистрисъ Фетфуль.

— Ахъ, кстати! здорова ли старушка?

— Слава Богу. Но зачѣмъ же вы ее называете старушкой? Конечно, мистрисъ Фетфуль не молодая женщина, но если сказать вамъ по истинной правдѣ, какъ моей старинной и доброй пріятельницѣ, она годилась бы мнѣ въ дочери.

— Я всегда, думала напротивъ, что мистрисъ Фетсулъ желала быть вамъ не дочерью, а женой, замѣтила Бланка, улыбаясь.

— Хе-хе-хе! женой!... Вы такъ думали?... Однако жъ, моя прелестная и добрая миссъ, что же вы мнѣ скажете насчетъ праздника? удовлетворите ли вы мою просьбу?

— Какъ же! съ большимъ удовольствіемъ. Вотъ, пожалуй, и завтра будетъ прекрасный праздникъ, но я боюсь, что для васъ тяжело.... Графъ Роздель даетъ балъ за-городомъ. Вѣрно, вы читали въ газетахъ : тамъ объ этомъ много напечатано. Тетушка взяла на себя должность хозяйки, и все, что есть въ Лондонѣ самаго моднаго, будетъ у графа, а для угощенія собраны произведенія всего свѣту. Только, какъ я сказала, вамъ вѣрно покажется тяжело ѣхать на такой пышный и многолюдный пиръ.

— Конечно, конечно, моя добрая и прекрасная миссъ. Но... вотъ видите ли?... Доставьте мнѣ случай быть на пиру у графа. Я такъ мало имѣю разсвѣнія, живу такъ уединенно!... Не откажите своему старому и вѣрному пріятелю! .

Бланка задумалась. Графъ просилъ ее пригласить кого-нибудь изъ своихъ друзей; но можно ли пригласить Визера?... Впрочемъ, почему жъ и не такъ? Старуку не долго ужъ жить на свѣтѣ, не долго наслаждаться мірскими забавами : жалко бѣдняжку! Бланка стала и принесла ему пригласительный билетъ. Мистеръ Визеръ, въ восторгъ, поцѣловалъ у ней руку и ушелъ, осыпая ее благословеніями.

Зато леди Саквилль, возвратившись домой, была весьма недовольна, что Бланка безъ спросу пригласила къ пиру какого-то Визера, человѣка ни кому не знакомаго, можетъ-статься уроды, чудака, дурака, Богъ знаетъ что такое. Бланка должна была сознаться, что ея прогѣе, дѣйствительно, не очень красивъ собой и не слыш-

комъ ловокъ, но она прибавила, что онъ человекъ достаточный, и это поправило все: тетушка рѣшилась назвать его милліонщикомъ, а какъ богатство то же что красота, любезность и умъ, взятые вмѣстѣ, то дѣло и устроилось какъ-нельзя лучше. Въ это время дверь растворилась, и въ комнату вбѣжалъ Ліонель.

— Здравствуй, сестрица! Я прискакалъ изъ Оксфорда. Дѣла!

— Ліонель!.... братъ!....

Леди Саквилль не жаловала семейныхъ сценъ, и потому сочла за лучшее удалиться, сказавъ однако жъ Ліонелю, что Бланка должна затмить завтра всѣхъ лондонскихъ красавицъ: слѣдственно ей надо пораньше лечь спать.

Оставшись одни, братъ и сестра кинулись другъ къ другу въ объятія.

— Ліонель! что съ тобою? отчего ты такъ блѣденъ?

— Погоди!.... послѣ. Я получилъ письмо, въ которомъ ты описываешь завтрашній праздникъ, и пріѣхалъ повидаться съ тобою.

— И будешь на праздникъ?.... О! какъ теперь онъ мнѣ понравится! Ахъ, Ліонель! какъ я довольна!

— Гмъ! а я нѣтъ.

— Что жъ такое?

— Да вотъ, видишь, какая исторія. Я пріѣхалъ совсемъ не на праздникъ, а, просто, далъ тягу, ускакалъ по-тихоньку; хочу съ тобой посоветоваться.

— О чемъ?.... Боже мой, Ліонель! ты меня пугаешь.

— Вѣрно, тебѣ пришло въ голову, что я имѣлъ дуэль и застрѣлилъ своего противника? Нѣтъ: это бы ничего. Со мной вышло хуже.

— Но что жъ такое?.... Господи!.... Да говори, Ліонель!

— Что тут говорить? Меня, того-гляди, засадят въ тюрьму.

— Въ тюрьму?

— Да. Видишь, чортъ меня дернулъ поручиться за одного пріятеля въ пяти стахъ фунтахъ. Онъ куда-то пропалъ; а срокъ будетъ въ субботу; а у меня нѣтъ ни гроша.... ну, и посадятъ въ тюрьму!

— Боже мой! Боже мой!

— Ваялъ бы у Джоффри, да его нѣтъ: чортъ понесъ во Францію; у Кастльтона — тоже нѣтъ: этотъ давнымъ-давно пропалъ безъ вѣсти; вѣрно, гдѣ-нибудь влюбился и сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ: я всегда вѣшалъ въ немъ большое къ тому расположеніе; ужь ему не миновать цѣпи.

— Ахъ, Ліонель! что жъ теперь дѣлать?

— Вотъ въ этомъ-то и состоитъ самый занимательный вопросъ, моя милая. Я ломалъ, ломалъ голову: ничего не вышло; поѣхалъ къ тебѣ: не знаешь ли ты, что дѣлать?

Бланка задумалась. На тетку нечего было надѣяться: у леди Саквилль нѣтъ столько денегъ, чтобы она могла дать вдругъ пять сотъ фунтовъ. Гертруда, или сэръ Крезъ?.... Но Ліонель съ ними за что-то поссорился. Однако жъ, добрая сестра рѣшилась испытать все.

— Послушай, Ліонель! Срокъ въ субботу; сегодня вонедѣльникъ. Обѣщай мнѣ не начинать ничего до пятницы. Поѣзжай завтра съ нами на праздникъ, потомъ возвращайся къ себѣ въ Оксфордъ, и жди моихъ писемъ. Если вечеромъ въ пятницу не получишь отъ меня денегъ, тогда проси кредитора отсрочить до возвращенія брата Джоффри.

— Да гдѣ жъ ты возьмешь денегъ къ пятницѣ?

— Ужъ это не твое дѣло.

— Ахъ, Бланка! какая ты добрая!... А я-то?... Боже мой! что я за повѣса! Ну, стою ли я того, чтобы у меня была такая сестра?

Молодые люди обилие съ вѣжностью, и легкомысленный Ліонель забылъ свое горе въ разговоръ о завтрашнемъ днѣ.

Наконецъ этотъ великій день, о которомъ заранѣе кричалъ цѣлый Лондонъ, о которомъ писали во всѣхъ утреннихъ и вечернихъ газетахъ, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, отъ котораго надѣялись столько удовольствія, блеску, роскоши, этотъ великій день наступилъ! По убѣдительной просьбѣ графа, леди Саквилль съ племянницей пріѣхали гораздо прежде нежели начался праздникъ, чтобы освидѣтельствовать всѣ приготовленія, и подать графу совѣтъ, если что окажется требующимъ перемѣны. Леди была разряжена въ пухъ, и гордо держала голову, какъ хозяйка пира, о какомъ еще и не слыхивалъ Лондонъ; Бланка тоже одѣлась пышное обыкновеннаго и казалась настоящей царицей. Графъ повелъ ихъ по комнатамъ, по саду, показывалъ все, и спрашивалъ о всемъ мнѣнія Бланки. Тетка плавала въ восхищеніи, думая, что ея племянница скоро явится хозяйкою въ этомъ домѣ; молодая дѣвушка, съ своей стороны, была занята одной мыслью: какъ бы ей достать пять сотъ фунтовъ стерлинговъ? Осмотрѣвъ по порядку всѣ комнаты, они пришли наконецъ къ широкой террасѣ, обращенной къ главному въѣзду на дворъ. Вдругъ изъ-за деревьевъ показывается голова лошади, потомъ ея тощее туловище, потомъ кучеръ, сидящій на передкѣ телѣжки, потомъ вся телѣжка, и въ ней двѣ особы, — мистеръ Визеръ и мистрисъ Фетфуль.

— Ну! ну! ну!.... Вывози, гнѣдко! кричалъ кучеръ, махая плетью надъ бѣдной лошадейю, которая, при всемъ желаніи везти поскорѣе, съ трудомъ могла переставлять ноги, будучи готова каждую минуту покинуть сей дольний міръ.

У воротъ кучеръ остановился.

— Пошелъ дальше! закричалъ мистеръ Визеръ. За-

чуть намъ съ главнаго подымалу? Лучше войдемъ гдѣ-нибудь стороной.

— Вотъ еще, стороной! возразила такъ же крикливо-мистрисъ Фетюль. А почему и не съ главнаго?

— Пошелъ! пошелъ! продолжала мистеръ Визеръ. Я прибавлю на водку.

— Стой! закричала его спутница. Я тоже прибавлю. Я хочу выйти здѣсь.

И она уже опустила съ тельжки длинную ногу, обутую въ черный чулокъ. Между-тѣмъ лошадь дернула. Визеръ велѣлъ погонять; мистрисъ Фетюль, сидя на облучкѣ, схватилась за одну возжу; кляча повернула, и тельжка, съ виспящей ногой мистрисъ Фетюль, въѣхала на парадный дворъ.

Не говоримъ, что въ это время дѣлалось съ Бланкою. Во всякомъ случаѣ, она должна была идти навстрѣчу своимъ гостямъ, чтобы представить ихъ графу.

— Не спѣшите, не спѣшите, моя добрая и любезная миссъ! сказалъ мистеръ Визеръ. Мы очень устали; намъ пріятно будетъ отдохнуть немножко, прежде нежели познакомимся съ хозяиномъ.

Она услыся въ свнякъ, и, скинувъ шляпу, стала обтираться.

— Не хотите ли чѣмъ-нибудь подкрѣпить себя? спросила миссъ Сентъ-Обайнъ.

— Нѣтъ. Благодарю васъ покорно. Намъ ни чего не надобно. Впрочемъ, какъ здѣсь всего много, то конечно, моя прелестная и добрая миссъ, вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе, если бы приказали принести маленькую, самую маленькую, рюмку вина и кусочекъ хлѣба.

Бланка велѣла подать. Визеръ выпилъ почти всю бутылку и съѣлъ цѣлую дюжину ломтей хлѣба съ масломъ. Послѣ этого, гостей представилъ хозяину праздника. Графъ имѣлъ случай подивиться выбору Бланки; но онъ былъ приготовленъ догадливой тетушкой, буд-

то бы Бланка надеется на исцеление отъ чуднаго старика, и принялъ его очень учтиво. Въ назначенное время стали съезжаться гости : комнаты безпрестанно наполнялись новыми лицами ; шумъ , тѣснота увеличивались съ каждой минутой. Бланка была предметомъ всеобщихъ любезностей , и леди Саквилль , смотря на нее какъ на будущую графиню Роздель , принимала надменную и величественную осанку.

— Бядняжка леди Варвара ! говорила она графу : какъ она будетъ жалеть , что , уѣхавши въ Брайтонъ , лишила себя удовольствія быть на вашемъ прелестномъ праздникъ !

Но лишь-только она успѣла выговорить эти слова , какъ леди Варвара , во всей славѣ своей красоты и пышнаго туалета , гордо вошла въ гостиную , и съ улыбкою подала руку графу.

— Милый графъ ! я хотѣла сдѣлать вамъ нечаянное удовольствіе. Вы полагали , что я въ Брайтонъ , и потому ко мнѣ не прислали. Но я знала , что вы желали бы меня видѣть на своемъ праздникъ , и нарочно воротилась. Очень мило!... не дурно ! продолжала леди Варвара , осматривая убранство комнаты. Кто это у васъ здѣсь хозяйничаетъ ? Я думаю , вы совсѣмъ растерялись , не знаете куда кинуться. Но , погодите , любезный графъ : я беру на себя должность хозяйки.

Графъ стоялъ какъ пораженный молніей. Воспоминаніе о давнишней связи его съ леди Варварой , которая , своимъ сильнымъ характеромъ , умѣла поработить слабого молодого человѣка , лишило его употребленія языка , и онъ , потупивши глаза въ землю , молчалъ будто провинившійся школьникъ передъ грознымъ учителемъ. Леди Саквилль выходила изъ себя отъ досады ; но что дѣлать ? не завести же исторіи ! не вцѣпиться же въ косу своей соперницъ ! Пришлось довольствоваться на первый разъ презрительнымъ взглядомъ. Леди Варвара торжествовала , но Бланкина тетка думала про се-

би : «Хорошо, сударыня! торжествуйте! А графъ же-
нитса всё-таки не на васъ, а на моей племянницѣ.»

Что касается до Бланки, то для нея было рѣшитель-
но всё-равно, торжествуетъ или не торжествуетъ леди
Барбара. Мысли ея постоянно неслись къ Ліонелю: она
все думала о средствахъ вывести его изъ бѣды, и не
знала чему приписать, что онъ не является такъ долго
на праздникъ. При этомъ случаѣ ей было очень есте-
ственно замѣтить, что, въ многолюдной толпѣ гостей,
недостаетъ еще одного человѣка, Горація Сентъ-Джо-
на. Бланкѣ пришло въ голову, ужъ не встрѣтился ли
онъ съ Ліонелемъ, не вспомнили ли они 'своей старой
ссоры, не вздумали ли стрѣляться. Дыханіе ея замер-
ло, сердце облилось кровью.

— Ахъ, моя добрая и прелестная миссъ Сентъ-Обайнъ!
сказалъ мистеръ Визеръ, подходя къ ней объ-руку съ
мистрисъ Фетюль: какъ я радъ, что наконецъ увидѣл-
ся съ вами! Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ здѣсь
буфетъ?

— Буфетъ?

— Да, буфетъ, моя милая и восхитительная миссъ
Сентъ-Обайнъ. Вообразите, мы съ мистрисъ Фетюль
болѣе получаса его отъискиваемъ.

— Но почему жъ вы не спросите у официантовъ?

— У официантовъ?... Гмъ! Я умираю отъ жажды,
мнѣ дурно, голова кружится, въ глазахъ становится
зелено; просилъ ради Бога, чтобы дали рюмку вина,
но официанты только хохочутъ и говорятъ грубости.
Одному я сказалъ, что приглашенъ сюда вами—вѣдь
мнѣ извѣстно, моя милая и добрая миссъ Сентъ-Обайнъ,
что, не сегодня такъ завтра, вы будете ихъ барыней,—
но какъ бы вы думали? невѣжда покотился со смѣху!
Пришлось отъискивать самому буфетъ, авось тамъ лю-
ди не поучтивѣе ли. Однако жъ, на всякій случай, моя
добрая и прекрасная миссъ, вы сдѣлали бы мнѣ край-
нее одолженіе, если бы лично меня туда проводили и

приказали этимъ негодьямъ подарить мнѣ все, чего я потребую.

Изъ жалости къ бѣдному старику и чтобы поскорѣй отъ него отвязаться, Бланка выполнила его желаніе. Мистеръ Визеръ принялся ѣсть и пить; между-тѣмъ она побѣжала по комнатамъ, и, окидывая глазами каждую группу гостей, въ надеждѣ увидѣть наконецъ Ліонеля или Сентъ-Джона, вдругъ замѣтила у однихъ дворей необыкновенное движеніе, остановилась, начала всматриваться, и.... Боже мой! съ чѣмъ сравнить ея ужасъ! она увидѣла Ліонеля, подъ-ручку съ миссъ Джеральдиной Вайтгедъ, а за ними выступали сэръ Цезарь и миссъ Антонія.

Бланка думала, что она умретъ на-мѣсть. Какимъ образомъ Ліонель познакомился съ этими чудаками? какъ они явились вмѣстѣ на праздникъ? откуда явились Вайтгеды? кто ихъ сюда пригласилъ? какъ она обойдется съ такими уродами въ этомъ изліціи обществѣ?... Ліонель издали узналъ Бланку, и, оставивши свою даму, побѣжалъ къ ней, между-тѣмъ какъ сэръ Цезарь навязался съ разговорами на какихъ-то двухъ офицеровъ.

— Ліонель!.... ради Бога!..., что это значитъ? ужъ не ты ли привелъ сюда этихъ людей?

— Да, я. А что же?

— Но, помилуй! зачѣмъ же ты это сдѣлалъ?

— Чтобы доставить тебѣ удовольствіе.

— Удовольствіе!.... Ты меня убиваешь!

— Неблагодарная!... Да это чудо, что за народъ! Они здѣсь надѣлаютъ такихъ нитукъ, какія и въ носъ не кинутся твоимъ франтамъ.

— Скажи, ради Бога, гдѣ, когда, какъ, ты съ ними познакомился?

— Сегодня, въ домъ нашей любезной тетушки. Они, изволивъ видѣть, привезли тебѣ изъ Діеппа письмо.....

— Письмо?... где оно? где?

— Да погоди же: ведь я не могу отвечать на все вдруг. Вот, изволите видеть, они привезли письмо, и для доставленія этого письма тебѣ лично, привѣхали къ тетушкѣ, а я въ это время былъ тамъ: пришелъ чтобы ѣхать съ вами на праздникъ, не засталъ васъ дома, и задремалъ, сидя въ креслахъ: эта проклятая привычка пристала ко мнѣ на университетскихъ лекціяхъ! Вдругъ слышу разные голоса. Глядь: дѣвушки обѣ не дурны. Я тотчасъ отрекомендовался какъ слѣдуетъ, и пригласилъ ихъ сюда. Теперь представь насъ всѣхъ къ графу.

Бланкъ было не легче прежняго; однако жъ.... что дѣлать? она выполнила обрядъ, сказавъ графу, что сэръ Цезарь Вайтгедъ другъ ея семейства и принадлежитъ къ высшему діепнскому обществу.

— Где жъ письмо? спросила она потомъ Лангетта.

— Письмо!... Ну что тебѣ письмо? Я его позабылъ у тетушки. Оно, должно быть, где-нибудь тамъ, на столѣ, на полу, въ пріемной. Ужо, какъ придемъ, отыщемъ. Но постой, душечка! я вижу вонъ въ томъ углу одну прехорошенькую даму. Надобно подойти поближе.

Повѣса оставилъ Бланку и убѣждалъ осматривать дамъ. Между-тѣмъ сэръ Цезарь, видявшійся въ холлѣ, старался всячески убѣдить его въ своей принадлежности къ высшему обществу, какъ сказала Бланка.

— Прекрасная вещь! замѣтилъ онъ, указывая въ окно на одну бесѣдку: но знаете ли вы, ваше сіятельство? въ баронствѣ жены моей, въ Ирландіи, есть такое такой павиліонъ. Это удивительное, неистинное сходство!

— Быть можетъ. Вотъ я покажу вамъ другой. Онъ мнѣ обошелся ужасъ какъ дорого! Зато я увѣренъ, въ цѣлой Англіи нѣтъ такого.

Графъ привелъ сэръ Цезаря на балконъ, и указалъ.

ему небольшое зданіе въ видѣ храма, сложенное изъ мрамору и покрытое золоченой мѣдью.

— Извините, графъ, извините! вскричалъ сэръ Цезарь : въ баронствѣ жени мойей, въ Ирландіи, есть точно такая бесѣдка. Не понимаю, какъ мы сошлись съ вами во вкусахъ : только, вообразите! цвѣтъ мрамора, мезолета, архитектура, все, все совершенно такъ! Настоящія двѣ капли воды! Епископъ лейстерскій, мой искренній другъ и родственникъ, осматривая у меня эту бесѣдку, говорилъ, что онъ не видывалъ ничего лучше.

— Епископъ лейстерскій, говорите вы? Я очень радъ слышать, что онъ вамъ родственникъ. Его преосвященство обѣщалъ пріѣхать сюда сегодня, и мнѣ будетъ пріятно доставить вамъ удовольствіе съ нимъ увидѣться.

Сэръ Цезарь измѣнился въ лицѣ, и черезъ нѣсколько минутъ, его уже не было въ большой залъ, гдѣ шумѣла самая феенѣбная толпа : онъ прохаживался по саду, и вѣлъ фрукты, вынимая ихъ изъ кармана.

Въ это время графъ нашелъ Бланку, задумчиво стоящую передъ каскадомъ, и, предложивъ ей руку, прешъ сдѣлать съ нимъ маленькій туръ по большой алѣе. Бланка приняла предложеніе. Она чувствовала себя обязанною графу за ласковый пріемъ всѣхъ гостей ея, и начала благодарить его за это, говоря, что если бы не особенный случай, то она никогда бы не осмѣлилась до такой степени искушать его снисходительность.

— Вы бы не осмѣлились? повторилъ графъ. Ахъ, миссъ Сентъ-Обайнъ! неужели я долженъ отказаться отъ надежды видѣть васъ здѣсь полной хозяйкой?

Бланка чувствовала, что рука молодого человека дрожить подъ ея рукой, и, взглянувъ на него, увидѣла, что онъ покраснѣлъ какъ дѣвушка.

— Мне надобно къ тѣтенькѣ, сказала она: вѣрно тѣтенька меня ищетъ.

— Нѣтъ..... нѣтъ..... Она знаетъ, что я съ вами. Словомъ, миссъ Сентъ-Обайнъ, я..... вы..... словомъ; вы, вѣрно, давно ужъ замѣтили, какъ я васъ уважаю. Скажите, могу ли надѣяться, что вы пріймете отъ меня богатство и знатное имя, которыхъ красота и добродѣтели ваши совершенно достойны?... Я ужъ говорилъ съ вашей тетушкой. Онъ соглашается. Все зависитъ отъ васъ.

Бланка была въ большомъ затрудненіи: графъ ей казался человѣкомъ очень любезнымъ и добрымъ, но она не чувствовала къ нему ни малѣйшей склонности, и вовсе не мечтала о чести сдѣлаться графиней. Надобно было отказать; а какъ вы откажете, не зацѣпивъ самолюбія? Между-тѣмъ графъ продолжалъ:

— Говорите же, миссъ Сентъ-Обайнъ! Леди Саквилль ужъ дала мнѣ слово.

— Леди Саквилль не имѣетъ никакого голоса въ этомъ случаѣ, возразила Бланка. Я очень признательна вамъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, но должна сказать, что я не могу принять вашего предложенія.

— Какъ?.... отказъ?.... О нѣтъ! быть не можетъ.

— Почему же, графъ?

Спокойный и равнодушный тонъ, которымъ было сказано это *почему*, произвелъ на графа сильное впечатлѣніе. Робя передъ Бланкою въ началѣ разговору, онъ тѣмъ не менѣе былъ увѣренъ, что незнатная и небогатая двушка почтетъ за великое счастье отдать ему руку. Каково же было ему услышать такой холодный отказъ!

— Миссъ Сентъ-Обайнъ, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія: позвольте мнѣ думать, что вы говорите такъ только по скромности и недовѣрчивости къ самой себѣ. Можетъ-статься, вы почитаете себя недостойною

несомнѣнно знающа, которое я вамъ предлагаю и бѣгство моею знатной родни....

— Извините, графъ, перебила Бланка : мнѣ ничего бѣгства, потому что я совершенно ударева въ благо-родствѣ вашего характера; но это не сообразно съ мои-ми чувствами, и, что бы вы мнѣ ни говорили, мой отвѣтъ во всякомъ случаѣ будетъ одинъ и тотъ же : я не могу принять вашего предложенія.

— Такъ вы отвергаете мое имя, богатство, меня са-мого ?

— Жалю графъ, что это васъ оскорбляетъ; но дол-жна быть чистосердечною.

— Миссъ Сентъ-Обайнъ ! вскричалъ графъ, почти съ гнѣвомъ : ваша тетушка увѣрила меня, что я не полу-чу отказа, и вы сами поощряли мои исканія : вы при-ехали на праздникъ, которой я устроилъ только для васъ, вы....

— Извините, графъ. Я не знала цѣли вашего праз-ника, а что касается до тетушки, то мнѣ очень жаль : она взяла на себя болѣе, чѣмъ имѣла право.

Графъ не сказалъ ни слова, но по лицу его было ви-дно, до какой степени онъ смущенъ, удивленъ и разгнѣ-ванъ. Молча, воротились они въ гостиную. Бланка выжидалась въ толпу; графъ подошелъ къ леди Сак-вилль, и они долго разговаривали между собой съ боль-шимъ жаромъ. Между-тѣмъ праздникъ оживлялся бо-лее и болѣе : неужело пропасть новыхъ гостей; музы-кантъ стало тѣсно; начались танцы. Миссъ Джорданъ жестоко галонировала съ высокороднымъ Фредерикомъ Свантлендсомъ, а миссъ Антонія съ какимъ-то другимъ франтикомъ. Бланка не танцевала, отбѣгая всѣмъ, кто хотѣлъ ее ангажировать, что у нея болитъ голова. Она сидѣла возлѣ леди Саквилль, и замѣчала, что та очень не въ духъ. Мистеръ Визеръ, не переста-вая преслѣдовать Бланку на случай защиты и покрови-тельства, усѣлся съ своей вѣрной спутницей, мистрисъ

Фетюль, въ другой стороны. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединился и самъ сэръ Цезарь : онъ тогда три станова надеръ, онь сталъ смѣло смотрѣть на свое положеніе, и какъ поздній часъ ночи позволялъ надѣяться, что епископъ ужь не прійдетъ, то оны бодро и очень весело заговорилъ съ леди Самиль о своей дружбѣ съ его преосвященствомъ, и весьма живо описывалъ ей прекрасное жьстоположеніе баронства жены своей въ Ирландіи.

Въ самомъ патетическомъ мѣствъ этого описаніи, высокій и величавый старикъ вошелъ въ гостиную, и, поговоривъ съ графомъ, сталъ вмѣстѣ съ нимъ пребираться между гостей къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла леди Самиль съ сэръ Цезаремъ.

— Кто это? спросилъ сэръ Цезарь у Фредерика Скантилендса, который на ту пору подскочилъ съ какою-то любезностью къ миссъ Джеральдинѣ.

— Какъ кто? отвѣчалъ Скантилендсъ : это вашъ родственникъ, епископъ.

— Джеральдина, сюда! Намъ надобно вхать. Его преосвященство можетъ обидѣться, увидѣвши меня въ пестороннемъ домѣ, тогда какъ я еще не сдѣлалъ ему визита.

— Остановитесь, сэръ! произнесъ звучный голосъ, и величественная фигура епископа загородила ему дорогу.

— Милордъ,.... милордъ,.... я почитаю за счастье.... леди Вайтгедъ будетъ въ восторгъ.... Имѣю честь рекомендовать : моя дочь....

— Очень хорошо, очень хорошо, сэръ, отвѣчалъ епископъ : но мнѣ хочется прежде всего сдѣлать вамъ маленькое замѣчаніе. Я слышу, что вы выдаете себя за моего близкаго родственника и друга, безпрестанно повторяете мое имя, и хвастаетесь какими-то связями съ мѣждавиліей. Пользуюсь этимъ случаемъ сказать вамъ, сэръ, что если вы не прекратите такого нелѣпнаго хва-

ствова, то я буду вынужденъ публично защищаться и обличить васъ. Справедливо, что какая-то дальняя моя родственница, которой я никогда не видывалъ, вышла замужъ за какого-то Цезаря Вайтгеда, котораго я также не знаю. Но ежели это вы, сэръ, такъ замѣтите что я имѣлъ удовольствіе вамъ сказать, и берегитесь, чтобы между нами не вышло какихъ-нибудь несприятностей.

Можно представить себѣ эффе́тъ этой сцены. Леди Саквилль гнѣвно взглянула на племянницу : Бланка потупилась ; сэръ Цезарь дрожалъ ; графъ насмѣшливо улыбался.... Но довольно ! Это была послѣдняя сцена праздника , и мы не станемъ о немъ болѣе говорить.

На другой день, Бланка, проснувшись, получила отъ тетки увѣдомленіе , что она нездорова, желаетъ быть одна, и проситъ племянницу не входить къ ней въ комнату. Не мудро было понять , что все это значитъ ; но Бланкъ было не до того, чтобы думать о гнѣвѣ тетуски : ее занимали двѣ другія, болѣе важныя, мысли : болѣзнь Юліи и затруднительное положеніе Люнея. По письму, привезенному Вайтгедами изъ Диепа, Юлія была въ крайней опасности : мать подозрѣвала въ ней чахотку. Бланка вышла въ гостиную и съела писать отвѣтъ ; руки ея дрожали, слезы капали на бумагу, какъ вдругъ, случайно приподнявъ голову, она увидѣла предъ собой Горація Сентъ-Джона.

— Миссъ Сентъ-Обайнъ, я васъ беспокою ? Вы заняты.... вы плачете....

— Нѣтъ,.... ничего, отвѣчала Бланка, стараюсь улыбнуться. Вамъ, вѣрно, надобно видѣть тетуску ?

— Извините, миссъ Сентъ-Обайнъ, сказалъ молодой человекъ : я пріѣхалъ собственно къ вамъ. Позвольте ли вы мнѣ поговорить съ вами.

Сентъ-Джонъ былъ очень взволнованъ. Онъ вчера не пріѣхалъ на праздникъ оттого, что получилъ извѣстіе о нечаянной смерти своего дяди, послѣ котораго

ему доставалось большое наследство. Надо было хлопотать съ адвокатами, съ банкирами. Только сегодня, въ предель часу, онъ вырвался на свободу, и первую мыслью его было повергнуть новыя сокровища къ ногамъ Бланки, которую онъ давно любилъ сильной, глубокой любовью.

— Миссъ Сентъ-Обайнъ! сказалъ онъ, успокоивъ свое мнѣніе, какъ человекъ, который умѣетъ владѣть собою: не знаю, замѣтили ли вы, что, съ первой нашей встрѣчи, вы сдѣлали на меня впечатлѣніе, и что, послѣ того, я всё больше и больше увлекался чувствомъ, которое должны внушать всякому ваши достоинства. Я долго думалъ объ этомъ, не зналъ какъ рѣшиться, но наконецъ вчера получилъ извѣстіе, которое, въ простомъ, житейскомъ смыслѣ, даетъ мнѣ право открытіи своихъ желаній. Внезапная кончина дяди сдѣлала меня богачомъ. Можетъ-быть, вы считаете это бездѣлкой; но я, съ своей стороны, долженъ имѣть въ виду и образъ мыслей вашихъ родителей, а притомъ мнѣ было бы во всякомъ случаѣ пріятно видѣть, что жена моя не терпитъ ни въ чемъ недостатку, что она живетъ въ изобиліи....

Бланка слушала молча и краснѣла какъ розанъ. Сердце ея давно говорило въ пользу умнаго и любезнаго молодого человека, который всегда обнаруживалъ возвышенный образъ мыслей и благородство характера; но она знала, что этотъ молодой человекъ, будучи еще въ оксфордскомъ университетѣ, нанесъ важное оскорбленіе ея брату, и обиженная гордость сестры побѣдила нѣжное чувство дѣвичьей склонности.

— Благодарю васъ, сказала она: я вполне цѣню честь, которую вы мнѣ дѣлаете; но.... но я должна отказаться.

— Отказаться? Вы находите меня недостойнымъ, миссъ Сентъ-Обайнъ?

— Накротишь, возрала девушка: не есть протирка есть обстоятельства....

— Какія жъ? спросилъ Сентъ-Джонъ: неможно ли не сказать, что ваставляетъ васъ такъ равнодушно отвергать мое предложеніе?

— Я родная сестра Ліонеля Сентъ-Обайна.

— Такъ что же?

— А развѣ вы забыли исторію, которую съ нимъ мы слыли? развѣ забыли, какъ онъ оскорбленъ вами, какъ вы не хотѣли принять его въ свой кругъ, показали ему свое обидное презрѣніе?

— Только-то? воскликнулъ Сентъ-Джонъ. О, миссъ Обайнъ! ежели у васъ нѣтъ другихъ, важнѣйшихъ, причинъ для отказа, то позвольте мнѣ надѣяться, что я заглажу вину свою передъ вами и вашимъ братцемъ. Въ то время, къ которому относится моя съ нимъ исторія онъ былъ страшный повѣса, велъ себя чрезвычайн дурно, и — признаюсь — я, по гордости, не хотѣлъ принять его въ кругъ своихъ знакомыхъ; но теперь, миссъ Сентъ-Обайнъ,... довольно знать, что онъ вашъ родной братъ... Я готовъ просить у него прощенія; я знаю, онъ благороденъ и не злопамятенъ: онъ проститъ меня...

— Позвольте! перебила Бланка: это только увеличитъ вашу вину.

— Но если я заслужу его снисхожденіе?

— Невозможно, сэръ! И если бы Ліонель, по своей добродушію, въ самомъ дѣлѣ простилъ васъ, то я, съ своей стороны, всё-таки не могу забыть вашего съ нимъ поступка.

— Миссъ Сентъ-Обайнъ,.... вы жестоки! Наложите на меня какое угодно наказаніе, подвергните меня испытаніямъ: я все перенесу, всему покорюсь: только подайте надежду!

— Нѣтъ, сэръ. Вы найдете другую, которая будетъ достойнѣе меня носить ваше имя. Я не могу забыть въ себѣ сестры Ліонеля.

Сентъ-Джонъ почтительно поклонился, и вышелъ изъ комнаты. Разгнѣванная Бланка проводила его глазами, и постыдилась кончить письмо, чтобы вѣхать къ Гертрудѣ, у которой она хотѣла попросить денегъ для брата. Между-тѣмъ Герацій, питая еще некоторую надежду, надумалъ также свидѣться съ Гертрудою, чтобы спросить ее подробнѣе о семействѣ Бланки. Онъ былъ въ неприступномъ будоарѣ леди Хонтеръ, когда доложили, что прѣехала миссъ Сентъ-Обайнъ. Ему не хотѣлось съ ней встрѣтиться, но выйти было рѣшительно невозможно, потому что следовало бы проходить черезъ пріемныя комнаты, а тутъ онъ попался бы прямо ей на глаза. Леди Хонтеръ предложила ему спрятаться въ боковомъ кабинетѣ : онъ согласился. Миссъ Сентъ-Обайнъ, войдя въ комнату, долго не могла собраться съ силами начать рѣчь о деньгахъ, наконецъ рѣшилась; но Гертруда, съ первыхъ же словъ, объявила, что у нея нѣтъ ничего, потому что она только лишь расплатилась съ модистками, и осталась безъ гроша.

— Такъ не могу ли я попросить у сэръ Креза? спросила Бланка.

— Попросите, отвѣчала ей леди Хонтеръ. Но зачѣмъ вамъ такую большую сумму ?

Не приготовившись лгать, Бланка принуждена была высказать всю правду.

— Въ такомъ случаѣ, я не ручаюсь, что сэръ Крезъ исполнитъ ваше желаніе, сказала Гертруда : потому что, вы знаете, братецъ вашъ сдѣлалъ намъ множество непріятностей.

— Ахъ ! авось онъ скалится надъ его положеніемъ ! вскричала несчастная Бланка. Я буду на колышкахъ просить его, не отойду до тѣхъ норъ, пока онъ не спасетъ бѣднаго Леопада.

— Попробуйте, попробуйте, сухо отвѣчала леди Хонтеръ, и разговоръ прекратился.

Бланка расспросила, какъ отъезжаетъ контору сэръ Креза въ Сентъ, и, не теряя ни минуты, ушла.

— Онъ очень занятъ, сказалъ ей одинъ изъ конторскихъ писцовъ, приглашая свои красные бакенбарды. Не угодно ли вамъ объясниться со мной? Это все то же, прибавилъ онъ, поправляя галстухъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно видѣться лично съ сэръ Крезомъ. — Могу ли я его видѣть? спросила Бланка у другаго конторщика, съ небольшими клочками волосъ, тщательно зачесанными на лысину, и въ чрезвычайно чистомъ бѣльѣ на груди и на шеѣ.

— Какъ же, сударыня! можете, очень можете! отвѣчалъ этотъ степенный писецъ. Пожалуйста сюда, прошу покорно. Я женатый человекъ. Прощу покорно.

И, отворивъ дверь въ слѣдующую комнату, онъ указалъ ей на сэръ Креза, который сидѣлъ на высокомъ табуретѣ передъ конторкой, но, при видѣ входящей дамы, съ необыкновенною ловкостью спрыгнулъ съ этой каланчи и подбѣжалъ, или лучше сказать, подкатился къ Бланкѣ.

— Ахъ!.. это вы?

— Я, братецъ. Скажите: можно ли мнѣ поговорить съ вами нѣсколько минутъ на-единѣ?

— О! разумется, разумется! отвѣчалъ сэръ Крезъ, улыбаясь. Что вамъ угодно, прелестная сестрица, миссъ Сентъ-Обайнъ?

— Братецъ, я имѣю къ вамъ просьбу.

Сэръ Крезу очень нравилось, что такая хорошенькая дѣвушка и такимъ сладкимъ голосомъ называетъ его братцомъ.

— Что жъ это за просьба, моя миленькая сестрица? продолжалъ онъ.

— Ахъ, братецъ! отвѣчала Бланка, краснѣя и приходя въ смущеніе: я не знаю, какъ вамъ это сказать. Мнѣ.... мнѣ надобно денегъ. Гертруда говоритъ, что вы, можетъ-быть, сдѣлаете мнѣ одолженіе.

— Гергрудъ вышло говорить задоръ! вскричалъ сэръ Крезъ, съ недовольнымъ видомъ. Она, кажется, думаетъ, что я тигръ и чеканю гинемъ. Но садитесь, моя маленькая сестрица, прибавилъ онъ, ласково сажая Бланку на свое койное кресло. Много ли вамъ надобно? а какое вы мнѣ представите поручительство?

— Поручительство?....

Бланка испугалась.

— Хе-хе-хе-хе!.... Полноте, полноте! Это я такъ, пошутилъ. Вы прекрасная и добрая двушка, были всегда со мною въжливвы, и потому я готовъ сдѣлать все, чѣмъ могу. Ну, сколько же вамъ надобно?

— Ахъ, братецъ! мнѣ надобно много, очень много.... мнѣ сотъ фунтовъ.

— Да, это порядочно!.... Но, видите ли? я ужъ вамъ сказалъ, что вы добрая двушка, такъ поэтому.... хе-хе-хе!....

Бланка, внѣ себя отъ радостнаго предчувствія, схватила руку сэръ Креза и крѣпко сжала ее своей маленькой ручкой.

— Погодите однако жъ, сказалъ ей сэръ Крезъ. Я надѣюсь, что вы просите денегъ не для этого повѣсы и развратника, Ліонеля, потому что ежели для него, такъ я не могу дать ни гроша: предупреждаю васъ.

— Братецъ! вскричала Бланка.

Она хотѣла солгать, задумалась; но ложь была слишкомъ чужда душѣ ея.

— Братецъ! повторила она, краснѣя: нѣтъ! я не могу васъ обманывать.

— Въ такомъ случаѣ, подхватилъ старикъ, равнодушно вставая со стула: въ такомъ случаѣ....

Но въ это время тотъ же лысый писецъ, который шелъ сюда Бланку, потихонку растворилъ дверь и сказалъ, что какой-то молодой господинъ желаетъ видѣть сэръ Креза. Хонтеръ ушелъ. Несчастливая двушка, обманувшись въ своей надеждѣ, готова была упасть въ

обгорелъ. Дамыиъ шлохъ, съ шивелешннхъ дуршнхъ, снъшнхъ вадать помоннхъ.

— Выкушннхъ воднцы, сударыня, говорнхъ онъ, на- лнвая малую кружку : это самое лучшее лекарство отъ дуршоты. Я человекъ женатый, знаю таннхъ казуы : вы можете на меня положнться. Вамъ дурно?... Чтô жь дѣлать? Богъ дастъ, пройдетъ. Главное, не надобно терять присутствнхъ духу. Я женатый человекъ. Выну- шайте еще воднцы.... Вотъ танъ! Теперь все, какъ разъ, кончнтся. Это вамъ платочекъ, сударыня? Это вамн перчатки?... Да, ваши : я знаю. Какъ мнхъ не знать! вѣдь я человекъ женатый!... Чтô? теперь вамъ полу- ше, не правда ли?

Тутъ воротнлся сэръ Крезъ, н женатый человекъ тотчасъ сказаль ему : — Барышнхъ было дурно, сэръ Крезъ, но при моеи опытности, какъ вамъ нзвѣстно, что я человекъ женатый, все, слава Богу, кончилось. Будьте спокойны.

Хонтеръ велѣль ему выйтн, а самъ обратнлся оняхъ къ мнссъ Сентъ-Обайнхъ.

— Такъ вамъ было дурно?... Бѣдненькая! Ну, какъ не сказать, что Мюнелъ этого не стôнтъ?

— Да чтô же онъ сдѣлаль, братецъ, что вы на него такъ сердитесь?

— Чтô онъ сдѣлаль!... чтô сдѣлаль!... Ужъ я не го- ворю о себѣ. Но онъ оскорбнль леди Хонтеръ, мою мою! Вотъ, полюбуйтесть.

Сэръ Крезъ вынуль нзъ кармана толстый бумажнкъ, н отыскаль въ немъ карриатуру, на которой была представлена группа нзъ разныхъ фигуръ.

— Смотрите, сударыня, сказаль онъ : будто бы это я! а вотъ это.... будто бы леди Хонтеръ! это.... мои ноги! нхъ, мои ноги!

Влннна внутренне сознавала, что это точно были ноги сэръ-Креза.

— Братецъ, сказала она съ нелюбнхой улыбкой : бра-

тотъ, какъ дѣла. Благороднаго, чести, великодушнаго. Неужели вы обратите вниманіе на эту дѣтскую шалость? Я уверена, что и самъ Діонель не шутитъ ни какого дѣла шутками.

— Не шутитъ, а злое шутреніе, заставивши меня скорять терпѣливо, а изъ леди Хонтеръ сдѣлавши невозможную валанчу! Что вы, сударыня?... Но не беспокойтесь, не беспокойтесь, моя хорошенькая сестрица! Сейчасъ мнѣ человекъ вручилъ мнѣ пять сотъ фунтовъ съ тѣмъ, чтобы я употреблять ихъ по своему усмотрѣнію; мое усмотрѣніе состоитъ въ томъ, чтобы отдать ихъ мнѣ. Не благодарите меня: это не мои деньги. Бедомъ мнѣ, что изъ своихъ я не далъ бы ни гроша вѣнскійскій!... Будто бы это мои ноги? Глупъ!... ну, шутки только, похоже ли это на мои ноги?

Бланка, отъ радости, была готова согласиться съ кимъ, что утверждалъ Хонтеръ, и, подзававъ его, сама воротилась домой, гдѣ ту же минуту отправилась къ Діонелю. Въ это время къ ней вошла Гертруда, и, отъ имени своей матери, сказала, что леди Сакманъ, по совѣту доктора, намѣрена провести нѣсколько времени въ Брайтонъ, а племянницу полагаетъ отправить въ Діонгъ. Бланка легко поняла въ чемъ дѣло; но что ей глупъ тетунки, если она черезъ нѣсколько дней будетъ въ объятіяхъ матери и сестры? Леди Хонтеръ предлагала ѣхать на выставку художественныхъ произведеній: Бланка согласилась, и черезъ часъ онѣ прохаживались вмѣстѣ по заламъ королевской академіи.

— Робертъ Моррѣ! сказала Бланка вполголоса, разсматривая нѣсколько выставленныхъ картинъ.

— Что вы говорите, кузина? спросила Гертруда, услышавъ это невольное восклицаніе.

— Виновата! отвѣчала, покраснѣвъ, Бланка. Я встрѣтила нѣкакого знакомаго художника.

— А что это за художникъ, кузина?

— Очень способной женщиной человекидея, Робертъ Марръ. Я знала его въ Дюнхъ.

— Что же онъ вамъ?

— Ничего, отвѣчала Бланка, краснѣя: еще больше. Не тутъ напечатано его имя. Я помню, что онъ, точно, сматривала двѣ картины къ нынѣшней выставкѣ.

— Вы говорите, что это молодой человекъ. Хорошъ онъ собой?

— Очень хорошъ, и притомъ благородной фамилии: только бѣденъ. Онъ часто бывалъ у насъ, училъ меня живописи, и я вѣчно его не забуду.

«Гмъ! подумала про себя Гертруда: такъ вотъ почему графиня объявила отказъ!»

Между-тѣмъ Бланка, нисколько не подозревая дѣтдокъ своей родственницы, начала просить ея, отыскать картины Роберта и оказать ему покровительство въ большомъ свѣтѣ.

— Кузина, говорила она: вы такъ богаты, у васъ отасяко силвей! Возьмите его подъ свое покровительство, закажите ему картину, похвалите его. Это дастъ ему ходъ; а онъ вноднѣ заслуживаетъ известности. Только, милая Гертруда, будьте съ нимъ вѣжливы: онъ дворинишъ и гордъ; надобно съ нимъ обходиться какъ съ равнымъ. Гертруда, кузина, вы сдѣлаете мнѣ это одолженіе?

— Посмотримъ, посмотримъ, отвѣчала Гертруда. Но напередъ покажите мнѣ его произведенія. Чѣмъ на нихъ представлено?

— Сюжеты взяты изъ Бироновыхъ поэмъ: на одной Конрадъ, когда онъ нашелъ мертвую Медору; на другой Каледъ, поддерживающій раненаго Лару.

— Какіе натеитическіе! замѣтила леди Хентеръ. Не вы ли внушили ихъ?

— Да, отвѣчала Бланка, не понимъ настоящаго смысла вопроса. Кроме-того, есть еще небольшая картина «Мавритака Нурмагала». Но я не вижу еще ни одной.

Куда нѣтъ мастеровъ?... О! какъ это несправедливо! какъ это жестоко! Смотрите, Гертруда : прекрасную Медорувовъ съели за дверями, чтобъ никто ея не замѣтилъ.... А разглядите, разглядите это произведеніе! Не секретъ ли оно? не въ тысячу ли разъ лучше сухихъ, тяжелыхъ академическихъ фигуръ, которыя выдвинуты такъ парадно передъ глаза зрителей?

— Здѣсь разставляютъ картины по ихъ достоинству, отвѣчала сухо Гертруда : и я не могу думать, чтобъ было пристрастіе.

— Но какъ же не пристрастіе, кузина?... Посмотрите только на эту Медору!... А вотъ и Каледъ!... Боже мой! они запрятали его еще ниже. Кто ихъ увидитъ на такихъ жалкихъ мѣстахъ?..... А онъ — украшеніе всей выставки!

— Черезъ нѣсколько минутъ, Бланка и леди Хонтеръ отыскали и Нурмагалу.

— Bravo, кузина! вскричала Гертруда : да это просто ванъ портретъ! Странно, что мистеръ Робертъ Моррѣ позабылъ, что онъ пишетъ Мавританку, и, вмѣсто смуглой дочери африканскихъ пустынь, представилъ блондуру и голубоглазую двушку. Впрочемъ, онъ ничего не теряетъ : здѣсь, слава Богу, никто не замѣтитъ его удивительнаго произведенія. Поидемте дальше.

— Сейчасъ,.... сейчасъ, сестрица! одну минуточку! Мнѣ хочется еще разъ взглянуть на Медору.

Онъ подошли опять къ двумъ большимъ картинамъ Роберта, и, между-тѣмъ какъ Гертруда безпрестанно тащила Бланку въ другія комнаты, послѣдняя увидѣла возлѣ себя самого Моррѣ. Геніальный юноша задумчиво смотрѣлъ на свою бывшую ученицу; въ глазахъ его сверкали слезы; онъ, въ первый разъ послѣ долгой бѣгавки, пришелъ на выставку, гдѣ съ такимъ недоброжелательствомъ были приняты и до такой степени унижены искренніе, добросовѣстные труды, стоившіе

онъ стоялъ въ фрескиныхъ нождѣхъ, бормоча что-то про себя и складывая вѣстеровскъ.

— Мы, на людяхъ, иногда кажемъ себѣ важно, но когда чего стоимъ, скажетъ онъ Бланка. Видите, какъ здѣсь обо мнѣ думаютъ!

— О, мать! не вярте! съ жаромъ возразила добрая дѣвушка : не вярте этому, мистеръ Моррѣ, и для себя и для своей матушки!

— Матушка!.... ахъ, бѣдная моя матушка! вскричалъ молодой человекъ, горестно сложивъ руки и наклонивъ къ небу глаза, изъ которыхъ слезы текли по бѣдынымъ и вѣлымъ щекамъ его. Бѣдная моя матушка!.... Не можно говорить о моей шеудачѣ! продолжалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ. Лучше скажите мнѣ, миссъ Сентъ-Обайнъ : вы разсматривали мои картины, такъ вы еще не забыли своего бѣднаго учителя?

— Погодите, шепнула ему Бланка : и позвольте вамъ съ одной своей родственницей, леди Холтеръ. Она очень богатая женщина, имѣетъ вѣсь въ обществѣ и можетъ быть вамъ полезна. — Гертруда! кузина! вотъ мистеръ Робертъ Моррѣ.

Гертруда спешиво улыбнулась : но ей мнѣние, бѣдный артистъ долженъ былъ приветствовать ее удивленно.

— Что стоитъ Нурмагала? спросила она.

— Я не продаю ее, миледи, отвѣчалъ Робертъ.

— Такъ сдѣлайте мнѣ копию.

— Извините, миледи : я не могу сдѣлать и копию.

— Прощайте, сэръ.

— Моя почта, миледи.

— До свиданія, мистеръ Моррѣ! сказала Бланка, дружески пожавъ его руку, чтобы вознаградить хоть сколько-нибудь за высокомерное обращеніе своей гордой сестры. Почему вы не согласились ни продать ни спонсировать? прибавила она шепотомъ. Ея покровительство было бы вамъ полезно.

— Нѣтъ, миссъ Сентъ-Обайнъ, отвѣчалъ Робертъ : я не въ состояннн нарисовать это лицо въ другой разъ ; а что до покровительства , такъ зачѣмъ мнѣ оно ? какую оно принесетъ мнѣ пользу тамъ , куда я скоро отправлюсь ?

— А куда вы хотите ѣхать , мистеръ Моррѣ ?

— Далеко , миссъ Сентъ-Обайнъ , далеко !... Прощайте ! Желаю вамъ счастья , спокойствія , радостей....

— Бланка ! сказала леди Хонтеръ , стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ молодыхъ людей : Бланка ! я жду.

— Сейчасъ , сію-минуту , кузина ! Кланяйтесь матушкѣ , мистеръ Моррѣ.

— Она въ Діеппъ.

— А ! такъ я скоро съ нею увижусь : я завтра ѣду въ Діеппъ . Можно ли мнѣ сказать ей , что я видѣла васъ здоровымъ ?

— Да , да ! скажите , что я здоровъ и счастливъ , очень счастливъ !

— И слезы катились по щекамъ Роберта , когда онъ называлъ себя счастливымъ .

— Нѣтъ , вы не здоровы , шепнула Бланка : не правды ли ?

— Я здоровъ , повторилъ Робертъ : но.... но эта дама очень знаетъ васъ . Прощайте !

— Прощайте ! повторила Бланка , снова протягивая ему руку . Будьте счастливы !

— И вы !.... и вы ! отвѣчалъ молодой человекъ .

Они разстались . Подойдя къ леди Хонтеръ , Бланка увидѣла , что она разговариваетъ съ какою-то высокою и прекрасною дамой , которая опирается на руку пожилаго мужчины . Лица обоихъ показались ей знакомыми .

— Кто это ? спросила она у Гертруды , садясь въ карету .

— Леди Маріана Вайндемъ съ мужемъ , отвѣчала Гертруда . Нѣтъ году , какъ они обвѣнчались , и , кажется

ся, ужь смерть другъ другу наскучили. Леди Маріана бѣжала съ Вайндемомъ ; а теперь готова бѣжать отъ него.

«Слава Богу! подумала Бланка : Вайндемъ, съ которымъ бѣжала Маріана, не Монтегю. Какъ обрадуется моя бѣдная Юлія!»

На слѣдующее утро леди Саквилль, вмѣстѣ съ племянницей, отправилась въ Брайтонъ, а нѣсколько дней спустя, Бланка была уже въ объятіяхъ своего семейства. Не станемъ описывать общей радости ихъ свиданія : люди еще не придумали словъ для выраженія такихъ чувствъ. Хорошая Бланка, при первомъ удобномъ случаѣ, сообщила сестрѣ о встрѣчѣ своей съ леди Маріаной и ея мужемъ. Юлія упала къ ней на грудь и залилась радостными слезами.

— Ангелъ-утѣшитель! говорила она : Богъ да наградитъ тебя за это извѣстіе. Теперь я вижу, что молитвы мои не напрасны.... Богъ да наградитъ тебя, моя милая! Я знаю, что мнѣ не быть счастливой, что я никогда не увижу своего Монтегю; но по-крайней-мѣрѣ онъ невиненъ, и эта мысль станетъ утѣшать меня во всю жизнь.

На другой день пришло письмо отъ Джоффри. Трехмѣсячный срокъ давно кончился, и братецъ Джоффри писалъ, что онъ скоро будетъ въ Діеппъ; но мы, прежде-нежели опишемъ его діеппскія похождения, должны воротиться въ Лондонъ и взглянуть на тѣхъ, кого тамъ оставили.

Леди Хонтеръ, которая, какъ сказано было выше, ревновала Сентъ-Джона къ Бланкѣ, непременно передатъ ему свои подозрѣнія насчетъ Бланкиной склонности къ живописцу Моррѣ, и сдѣлала это такимъ образомъ, что подозрѣнія у нея превратились въ увѣренность, а мнимая склонность въ глубокую и пламенную любовь. Горацію сначала было какъ-то неловко слушать эти рассказы, но онъ скоро оправился, и, вмѣсто

того чтобъ отвѣчать леди Хонтеръ, поѣхалъ къ самому Роберту.

Тѣсная, убогая комнатка, окнами на грязный, вонючій дворъ, въ самой неопрятной части столицы, была пріютомъ даровитаго юноши, надъ колыбелью котораго гений совершалъ свои чары, да будетъ онъ славою и величіемъ своего отечества. Глаза художника, привыкшіе созерцать прекрасное, не встрѣчали здѣсь ничего, кромѣ высокихъ стѣнъ и уродливыхъ трубъ, почернѣвшихъ отъ копоти. Молодой человѣкъ не имѣлъ ни стола ни стульевъ: онъ сидѣлъ на скамейкѣ, которая служила ему кроватью, и, больной, измученный, разочарованный, пытался сдѣлать нѣсколько штриховъ по начатой картинѣ, которая стояла передъ нимъ на грубой деревянной подставкѣ. Около него, на полу, были разложены пузыри съ красками; спершійся въ комнату воздухъ обдавалъ тяжелымъ запахомъ масла; жаркіе лучи свѣту, съ трудомъ пробиваясь сквозь стекла, покрытыя радужными пятнами, болезненно падали на блѣдное и изнуренное лицо юноши. Робертъ не могъ работать и, въ отчаяніи, бросилъ руки на колѣни, какъ вдругъ кто-то постучался въ дверь. Онъ думалъ, что это хозяинка, и отвѣчалъ: «Войдите!» Вошелъ Горацій Сентъ-Джонъ.

Увидѣть въ такую минуту человѣка незнакомаго и принадлежащаго, по наружности, къ тому классу общества, въ которомъ родился самъ Робертъ, было для него очень чувствительно. Но Горацій Сентъ-Джонъ обладалъ тактомъ свѣтскаго обращенія: онъ сказалъ, что его привела къ Роберту молва о выставленныхъ имъ картинахъ, и просилъ позволенія быть покупщикомъ прекрасныхъ произведеній его кисти.

Молва! Слава!.... Глаза юнаго художника засверкали огнемъ и щеки налились алымъ румянцемъ. «Матушка! думалъ онъ: матушка! слышишь ли ты, что

говорятъ твоему сыну? чувствуетъ ли твое сердце то счастье, въ которомъ онъ плаваетъ?»

Молодые люди разговорились. Горацій, съ тонкостью человѣка, привыкшаго къ обществу, расположилъ Роберта въ свою пользу, и свиданіе кончилось тѣмъ, что артистъ далъ слово написать для него большую картину, а какъ комната, въ которой онъ помѣщался, рѣшительно не годилась для подобной работы, то было положено, что Робертъ переселится на-время къ Горацію и будетъ работать въ той самой залѣ, въ которой со временемъ поставится его произведеніе.

Черезъ два-три дня, молодой художникъ, какъ-будто воскресшій отъ долгаго омертвѣнія, сидѣлъ уже въ свѣтлой залѣ Сентъ-Джона, передъ открытою дверью въ садъ, и дѣлалъ очеркъ большой исторической композиціи, впитывая ароматы розъ и левкоевъ. Картины его, выставленныя въ академіи, уже не таились смротливо за дверью, у ногъ прохожихъ; имя его уже не тонуло въ безднѣ именъ, принадлежащихъ бездарнымъ и темнымъ труженикамъ: Робертъ Моррѣ сталъ извѣстенъ; объ его Медорѣ, объ его Каледѣ, объ его Нурмагалѣ, разговаривали во всѣхъ лондонскихъ обществахъ; біографія его была помѣщена въ одной и перепечатана во всѣхъ прочихъ газетахъ; журналы наперебой хвалили и славили Роберта; люди, принадлежащіе къ высшимъ сословіямъ, заѣзжали къ Сентъ-Джону, чтобы видѣть молодаго художника и воздать почести его гению. Но.... увы! поздно.

Взаимныя отношенія между Гораціемъ и Робертомъ, съ каждымъ днемъ, становились тѣснѣе. Робертъ открылъ своему другу и покровителю несчастное положеніе своего сердца; Горацій, не находя въ немъ соперника, тоже признался въ любви своей къ Бланкѣ. Разъ они бесѣдовали о дѣвушкѣ, внушившей имъ обоимъ одинаковое чувство, и молодой артистъ былъ взволнованъ какъ-то больше обыкновеннаго.

— Не знаю, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ : но мнѣ кажется.... тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что сердце ея также занято, что она также кого-то любитъ. Когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, я замѣтилъ перемѣну въ выраженіи глазъ ея. Да, она точно любитъ, и.... можетъ-быть, васъ. Сердце мое меня не обманываетъ.

— Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ Горацій. Развѣ я вамъ не говорилъ, что она мнѣ отказала ?

— А чѣмъ вы заслужили этотъ отказъ ? Ничѣмъ. Быть не можетъ, чтобъ она васъ не любила.... О! любитежь ее, обожайте ее, какъ я ее обожалъ!.... И Богъ да благословитъ васъ съ нею !

Послѣ этого разговору, молодой человекъ впалъ въ болѣзненное изнеможеніе и, на другой день, ужъ не въ состояніи былъ работать. Силы его начали быстро сокрушаться подъ ударами неизлечимаго недуга, который давно гнѣзвился въ хиломъ тѣлѣ художника. Всѣ врачи отказались : не оставалось ни малѣйшей надежды.

Въ прекрасный лѣтній день, когда вся природа сіяла невыразимою прелестью, когда все жило веселою жизнью, — цвѣты благоухали, вершины деревьевъ колебались отъ дуновенія вѣтерку, птицы пѣли, насекомыя жужжали въ зелени, — больной юноша лежалъ на кушеткѣ передъ растворенной дверью въ садъ, и держалъ руку своего друга. Предчувствуя близкій конецъ, онъ досталъ изъ-подъ подушки маленькій свертокъ бумаги, и сказалъ Горацію:—Когда меня не будетъ, отдайте это миссъ Сентъ-Обайнъ.

Въ соседственной комнатѣ послышался шорохъ.

— Матушка ! матушка ! вскричалъ больной молодой человекъ : я узнаю ея походку !

И въ самомъ дѣлѣ, секунду спустя, несчастная мистрисъ Моррѣ бросилась на колѣни передъ ложемъ умирающаго сына. Горацій смотрѣлъ издали на торжест-

оенность ихъ свиданія. Тутъ не было ни крику, ни слезъ, ни стenanій : мать и сынъ понимали, что все уже рѣшено; кѣму же напрасные вопли и жалобы? Робертъ просилъ, чтобы на ночь не оставляли съ ними ни кого, кромѣ матери; Сентъ-Джонъ согласился, однако жъ не легъ спать, желая на всякій случай быть въ готовности подать помощь. Утромъ, онъ тихонько вошелъ въ комнату молодаго художника, и тотчасъ увидѣлъ, что все кончилось — смерть взяла свою жертву. Мать стояла на колѣняхъ возлѣ постели, положивъ голову на грудь юноши, который составлялъ для нея все въ этой жизни. Гораций не посмѣлъ тревожить ея священной горести, и осторожно вышелъ. Черезъ часъ, онъ явился опять, посмотреть что дѣлаетъ несчастная женщина : она стояла на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи. Гораций приблизился, назвалъ ее по имени: она не отвѣчала. Онъ наклонился, всмотрѣлся, тронулъ ее за голову.... Это былъ только трупъ.

На одномъ изъ самыхъ красивыхъ кладбищъ въ окрестностяхъ Лондона, подъ тѣнистымъ навѣсомъ деревьевъ, опустили въ землю два тѣла, сына и матери, даровитаго молодаго человѣка и бѣдной старушки, которые жили одинъ для другаго и не хотѣли разлучиться по смерти. Юный художникъ любилъ святое спокойствіе сельской природы, любилъ старое вѣтхое дерево, зеленую мураву, цвѣтокъ, наклонившій свою чашечку къ стеблю, и теперь кости его покоятся среди всѣхъ этихъ любимыхъ предметовъ. Мать легла рядомъ съ нимъ : она не согласилась бы сидѣть и на царскомъ престолѣ, безъ своего милаго Роберта. Не плачьте о нихъ, вы, души сострадательныя къ несчастіямъ ближнихъ! Что плакать о мертвыхъ? Плачьте лучше о живыхъ людяхъ. Здѣсь, на землѣ, человѣкъ достоинъ вашего сожалѣнія, своей непрерывной борьбой со страстями, своими пустыми надеждами, своимъ неизбѣжнымъ разочарованіемъ; но тамъ, во гробѣ, онъ спитъ

сладо до радостнаго воскресенія, и не знаетъ заботъ житейскихъ : вѣчно зеленныя сосны хранятъ его тихое убѣжище, цвѣты разливаютъ вокругъ свой ароматъ, соловей рано утромъ прилетаетъ пѣть надъ могилой; и порой, вѣрный другъ навѣщаетъ усопшаго, или добрый прохожій, присѣвъ отдохнуть на могильный камень, съ благодарностью отираетъ слезу и говоритъ ему *вѣчную память*.

Сентъ-Обайны ничего не знали о судьбѣ молодаго артиста и его матери. Бланка была грустна : она открыла Юлію склонность свою къ Горацию и причины, по которымъ не хотѣла принять руки его. Юлія, съ своей стороны, мучилась ожиданіемъ брата Джоффри: отъ каждую минуту могъ явиться и потребовать отъ нея исполненія даннаго слова. Въ одинъ день, сестры, прогуливаясь, случайно попали на тотъ пригорокъ, гдѣ произошла сцена между Джоффри и Юліей. Море было спокойно, воздухъ напитанъ благоуханіемъ душистыхъ растений, небо украшено кое-гдѣ легкими перловыми облачками; солнце играло лучами въ морской поверхности и процѣживало ихъ сквозь густыя вѣтви дубовъ.

— Вотъ здѣсь, сказала Юлія : здѣсь я дала роковое обещаніе, и сюда приходила плакать, когда тебя со мной не было.... О, милая Бланка! какихъ усилій не дала я надъ собой, чтобъ привыкнуть къ мысли о Джоффри и позабыть... Но, Боже мой! кто это?

Высокая, блѣдная фигура быстро приближалась къ пригорку. Юлія затрепетала и сильно стиснула руку Бланки : ей показалось, что это Вайндемъ.

И точно, онъ, самъ Монтегю, упалъ къ ногамъ Юліи. Но Монтегю былъ теперь ужъ не тотъ молодой красавецъ, на котораго заглядывались всѣ діеппскія женщины : теперь Монтегю былъ страшенъ; длинныя черные волосы его въ беспорядкѣ висѣли на лбу, острые пламенные глаза, которые метали дикіе взгляды;

щеки ввалились и пожелтели; платье было растрепано и покрыто пылью.

— Монтегю! вскричала Юлія, схвативъ его за голову: Монтегю, это ты!... Ты невиненъ.... О! ты не пришелъ бы ко мнѣ, если бѣ былъ виноватъ!

— Не трогай меня, Юлія! отвѣчалъ молодой человекъ. Гадцо! страшно! я замаранъ кровью.... я убійца....

Объ дѣвушки невольно попятились.

— Да! да! продолжалъ Монтегю : я убійца. Несчастный юноша.... только по вѣтренности,.... безъ злого умыслу,.... для хвастовства,.... осмѣлился говорить тебе дурно въ Парижѣ : любовь моя превратилась въ безуміе, въ бѣшенство.... я убилъ его. Вѣрный другъ спасъ меня отъ преслѣдованья законовъ... я бѣжалъ.. я передалъ ему огромныя суммы, чтобы успокоить родственниковъ убитаго.... Ничто не помогло : меня ищутъ. Тихонько, подвергая себя опасностямъ, я прокрался сюда, чтобы еще разъ съ тобою увидѣться и сказать какъ я люблю тебя.... Но ты, Юлія, забудь злополучнаго убійцу : онъ тебя недостойнъ.... недостойнъ!

— Нѣтъ, Монтегю, возразила Юлія : твое несчастіе насъ не разлучитъ. Скажи мнѣ только, любишь ли ты меня? по-прежнему ли ты любишь? былъ ли ты мнѣ вѣренъ? можешь ли, не краснѣя, смотрѣть въ глаза своей Юліи?

— Могу, отвѣчалъ молодой человекъ твердо. Клинь тебя Богомъ, что....

— Довольно, Монтегю! Когда ты и не говорилъ этого, когда всѣ тебя осуждали, когда мнѣ были представлены неоспоримыя доказательства твоей измены я и тогда вѣрила, что ты меня любишь и не изменялъ мнѣ....

— Любилъ и люблю, не изменялъ и не измѣню вскричалъ Монтегю торжественно.

— Так что же может остановить меня? сказала Юля. Твое несчастіе?... Но ежели я любила тебя, когда ты былъ счастливъ, могу ли разлюбить, когда ты сраженъ? И имѣю ли я право тебя разлюбить? Развѣ мы ужъ не отдались другъ-другу, признавшись во взаимной любви? развѣ ты не женихъ, я не невѣста?

— Ангелъ мой!.... ангелъ мой!.... говорилъ Вайндль. Но какъ могу я соединить свою оскверненную руку съ твоей чистой рукой?... Нѣтъ, Юлія! невозможно! Совѣсть, всю жизнь, не дастъ мнѣ покою, послѣ этого новаго преступленія.

Монтегю печально поднялъ глаза на свою невѣсту, и вдругъ увидѣлъ большую толпу гуляющихъ дамъ и мужчинъ, которые, весело разговаривая, подходили къ тому же пригорку. Боязнь быть узнаннымъ и замечаннымъ заставила его поблѣднѣть. Бланка и Юлія послали, чтобы онъ скорѣй скрылся.

— По-крайней-мѣрѣ, позволь мнѣ еще разъ тебя видѣть, сказалъ Монтегю.

— Хорошо. Только, ради Бога, бѣгите!

— Когда же? гдѣ?

— Когда хотите, во всякое время.

— Ужо вечеромъ? здѣсь?

— Пожалуй.

— Въ десять часовъ?

— Въ десять часовъ.

Можно легко вообразить въ какомъ состояніи Юлія вернулась домой. Мистрисъ Сентъ-Обайнъ, замѣтивъ ея волненіе и приписывая это болѣзни, уговорила ее лечь въ постелью. Юлія была очень довольна, имѣя на свободѣ предаться мыслямъ, которыя кружили ей голову. Она не вышла и къ обѣду. Когда-то, въ то самое время, какъ Сентъ-Обайнъ сидѣлъ за столомъ, братецъ Джоффри, послѣ пяти-мѣсячнаго отсутствія, впродолженіи котораго онъ успѣлъ побывать въ Америкѣ, наконецъ пріѣхалъ къ друзь-

ямъ своимъ, и безъ памяти обрадовалъ ихъ извѣстїемъ, что всѣ родословныя справки по дѣлу о наследствѣ Темплтона приходятъ къ концу, и что мистеръ Сентъ-Обайнъ можетъ черезъ нѣсколько недѣль отправиться въ Англію, для предьявленія правъ своихъ. Онъ былъ по-прежнему добръ и любезенъ, навезъ кучу подарковъ, славно описывалъ свое путешествіе, и очень жалѣлъ, что не можетъ тотчасъ же видѣться съ Юліей. Вечеромъ всѣ, кромѣ сестеръ, сидѣли подъ открытымъ окномомъ, и весело разговаривали о близкой переменѣ участи бѣднаго семейства. Наконецъ мистрисъ Сентъ-Обайнъ вздумала провѣдать о Юліи; но, войдя въ комнату къ дочерямъ, увидѣла, что тамъ пусто : ни Бланки, ни Юліи не было ; горничная отвѣчала, что онѣ, съ часъ назадъ, ушли обѣ вмѣстѣ, неизвѣстно куда. Естественно, мистрисъ Сентъ-Обайнъ очень встревожилась.... Какъ ! Юлія, больная, слабая, не имѣвшая столько силъ, чтобы выйти къ прїѣзжему родственнику и благодѣтелю, вдругъ ушла куда-то, не сказавшись матери ! Двѣ молодыя дѣвушки скрылись изъ дому ночью!.... Мистрисъ Сентъ-Обайнъ чуть не обезумѣла. Поднялась тревога. Отецъ не зналъ чтѣ начать ; братецъ Джоффри бѣгалъ и спрашивалъ всѣхъ домашнихъ. Наконецъ кто-то сказалъ, что дѣвушекъ видѣли, какъ онѣ шли по тропинкѣ, ведущей къ пригорку, на которомъ обыкновенно прогуливалась миссъ Юлія. Тотчасъ было рѣшено итти отыскивать ихъ на этомъ мѣстѣ; но прежде описанія сцены, къ которой мы приближаемся, намъ должно возвратиться къ Вайндему.

За полчаса, или болѣе, до времени свиданія, Монтегю, пользуясь темнотою ночи, вышелъ изъ своего убежища, чтобы пробѣжать по городу и взглянуть на тотъ домъ, гдѣ онъ нѣкогда былъ такъ счастливъ подлѣ своей любезной. Завернувшись въ шинель, нагнувъ на глаза шляпу, онъ пустился по улицамъ. Прохожихъ было не много : опасаться нечего. Монтегю

доставъ до Юліина жилища и, съ грустнымъ наслажде-
дешемъ, устремилъ глаза на окно ея комнаты. Тамъ
обитало все, что онъ любилъ; въ этомъ домѣ онъ пе-
речувствовалъ все явленія своей внутренней жизни,
здесь онъ жилъ сердцемъ, здѣсь онъ страдалъ, пла-
калъ, терзался; здѣсь же онъ и блаженствовалъ, та-
илъ подъ краснорѣчивымъ взглядомъ своей возлюб-
ленной, сгаралъ въ огнѣ страсти, слыша ея гармонич-
ескій голосъ, или прикасаясь къ рукъ ея.... О, сколько
воспоминаній! сколько воспоминаній! Забывшись, Мон-
тегю и не чувствовалъ, какъ улетало время. Наконецъ
свѣтъ, показавшійся въ окнѣ Юліи, заставилъ его оч-
нуться. Этотъ свѣтъ двигался туда и сюда: кто-то хо-
дилъ по комнатѣ; послышались смѣшанные голоса и
шаги людей, торопливо бѣгающихъ по всему дому. Не
зная, который часъ, и боясь, чтобы Юлія, послѣ дол-
гаго ожиданія, не ушла съ пригорку, онъ опрометью
побѣжалъ къ мѣсту свиданія. Дорога его лежала мимо
одного игорнаго дома, въ которомъ каждый вечеръ со-
биралось большое общество Французовъ и Англичанъ,
особливо офицеровъ тѣхъ войскъ, которыя стояли въ
Диеппѣ. Приблизившись къ этому дому, Монтегю уви-
дѣлъ какого-то человека, который вышелъ оттуда и
повернулъ на-встрѣчу къ нему. Передъ окномъ, изъ
котораго выливалась яркая волна свѣту, они сошлись и
невольнo остановились, взглянувши другъ на друга.

— Де-ла-Рю!

— Мосъё Ваиндемъ!

Де-ла-Рю, опомнившись, хотѣлъ-было скрыться, но
Ваиндемъ ухватилъ его за руку.

— Несчастный!.... другъ мой! вскричалъ онъ, не
зная что думать объ этой встрѣтѣ, и уступая, то радост-
на свиданія съ человекомъ, котораго почиталъ убив-
шимъ, то омерзѣнію къ обманщику, который распус-
калъ слухи о своей смерти, чтобы выманить у него
деньги.

Скоро однако жъ все объяснилось. Рана де-ла-Рю действительно была довольно опасная, но онъ выдворовъ прежде самого Монтегю, и вовсе не хотѣлъ выдавать себя за умершаго, какъ-вдругъ проигрался и увидѣлъ себя безъ куска хлѣба. Въ этихъ обстоятельствахъ, Мертонъ предложилъ ему свой кошелекъ, съ такимъ условіемъ, чтобы де-ла-Рю на-время распустилъ слухи о своей смерти и уѣхалъ въ Америку. Несчастный игрокъ согласился. Мертонъ отправилъ его въ Нью-Йоркъ и вскорѣ самъ пріѣхалъ туда же. Нѣсколько времени они жили дружно, потому что де-ла-Рю игралъ счастливо и могъ довольствоваться небольшими суммами, которыя получалъ отъ Мертона. Но наконецъ счастье перемѣнилось; де-ла-Рю сталъ требовать болѣе, Мертонъ не соглашался: они поссорились. Въ одно утро игрокъ узнаетъ, что покровитель его съ-вечера пустился въ Европу, оставивъ его безъ пристанища и безъ всякихъ средствъ къ содержанію. Чтò было дѣлать? Де-ла-Рю рѣшился погнаться за Мертономъ; но пріѣхавши въ Гавръ, узналъ, что тотъ изъ Гавра отправился въ Діеппъ, и прискакалъ по его слѣдамъ въ этотъ городъ.

— Боже мой! но кто жъ этотъ Мертонъ? зачѣмъ онъ употребляетъ всѣ эти хитрости? спросилъ Вайндемъ.

— Ха-ха-ха! я и позабылъ вамъ растолковать! отвѣчалъ де-ла-Рю. Мосё Мертонъ.... я только потому называю его этимъ именемъ, что онъ самъ себя такъ называлъ, когда жилъ въ Парижѣ и со мной познакомился.... Но въ Америкѣ онъ выдавалъ себя за мосё Септъ-Обайна, за родственника той мадамозель Юліи, за которую мы съ вами стрѣлялись. Короче, онъ вашъ соперникъ и старался увѣрить васъ въ моей смерти для того единственно, чтобы вы уѣхали изъ Франціи.... О! это прелюбопытная исторія. Вы расхохочетесь, когда услышите отъ меня всѣ его штуки.

Но Вайндему было теперь не до шутокъ. Въ восхище-

на, не совесть его чиста отъ убійства, онъ желалъ прежде всего увидѣться съ Юліей, и насильно потащилъ съ собой де-ла-Рю, который не хотѣлъ-было ни, боясь наказанія за сообщничество съ Мертономъ. Они приближали на извѣстный пригорокъ. Юлія была тамъ, но не одна съ Бланкой : съ ними были отецъ, братецъ Джоффри.

Не обращая ни на кого вниманія, дѣйствуя только движению своей страсти, Монтегю бросился къ ногамъ Юліи и вскричалъ:—Онъ живъ! живъ! Я не убійца. Ты моя!

Они смотрѣли на него съ изумленіемъ. Мистрисъ Сентъ-Обайнъ, болѣе другихъ сохранившая присутствію духу, подошла къ дочери, съ намѣреніемъ удалиться отъ Вайндема.

—Мистеръ Вайндемъ, сказала она....

Но въ это самое время взглядъ Монтегю встрѣтился съ братцемъ Джоффри, и они оба поблѣднѣли.

—Кастльтонъ! проворчалъ Джоффри.

—Мистеръ Мертонъ! и вы здѣсь? сказалъ Монтегю.

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ остановилась, и глядя на блѣдныя лица смущеніи, не зная чему приписать, что они называютъ себя не теми именами, подъ которыми она привыкла знать ихъ. Монтегю, угадавъ ея мысль, попытался объяснить.

—Да, мистрисъ Сентъ-Обайнъ, сказалъ онъ, вставъ выходя къ матери Юліи : я дѣйствительно графъ Кастльтонъ...

—Кастльтонъ? другъ моего Ліонеля?

—Точно такъ, сударыня. Подъ именемъ моей матери, которая была изъ роду Вайндемовъ, я имѣлъ счастье заслужить вашу дружбу и любовь Юліи, и теперь, графъ Кастльтонъ, объявляю, что ни какія препятствія въ мірѣ не разлучатъ меня съ моей невѣсткой.

—Не позволяйте, графъ, сказала мистрисъ Сентъ-

Обайнъ: а кто такая та дама, съ которой вы такъ поспѣшно уѣхали изъ Диеппа?

— Леди Маріана, родная сестра моя, отвѣчалъ Монтегю: несчастная женщина, которая, не такъ какъ ваши дочери, была съ малолѣтства лишена благотельнаго материнскаго присмотру.—Теперь мнѣ надобно объясниться съ вами, мистеръ Мертонъ! продолжалъ молодой человѣкъ, подходя къ братцу Джоэфри.

— Что вамъ съ нимъ объясняться? перебилъ де-ла-Рю: лучше со мной. Ужъ я обѣщаль, такъ и сдержу обѣщаніе: Французъ никогда не измѣняетъ своему слову. Все дѣло въ томъ, что этотъ господинъ.... какъ его назвать? мосьё Мертонъ, или мосьё Сентъ-Обайнъ, или еще какъ-нибудь.... тоже влюбленъ въ мадамзель Юлію, и употреблялъ всякія плутовства, чтобъ на ней жениться. Онъ присвоивалъ себѣ и темпльтоновское наследство, которое по закону....

— Врешь! перебилъ братецъ Джоэфри: я не присвоивалъ себѣ темпльтоновскаго наследства. Напротивъ, оно по закону принадлежитъ мнѣ, но я добровольно вызвался Юлію отказаться отъ своихъ правъ, лишь бы она согласилась выйти за меня замужъ.

— Такъ, такъ! отвѣчалъ де-ла-Рю. Но вѣдь я знаю всю твою хитрости. Когда ты давалъ мнѣ денегъ,.... чѣ дѣлать! бѣдный человѣкъ; un pauvre diable, я принужденъ былъ молчать.... Но теперь, полно! Я знаю, что ты осмѣливался называть меня французской собакой, а благородный Французъ никогда не забываетъ ни зла ни добра, которіе ему дѣлаютъ. Поэтому я выведу на свѣжую воду всю твою плутни. Ты называешь себя законнымъ наследникомъ?... Ложь! Свидѣтельство, которое ты выхлопоталъ въ Нью-Йоркѣ, фальшивое. Твой прадедъ, жившій въ Америкѣ, никогда не былъ женатъ; ты внукъ его побочнаго сына, и не имѣешь ни какихъ правъ. Я могу доказать все твои подлости. Ты забылъ, что когда мы съ тобой жили въ дружбѣ,

ты имѣлъ глупость не скрывать отъ меня своей переписки. Кое-что уцѣлѣло, и я, нуще глазу, берегъ же драгоценныя доскутки, когда ты сталъ притѣснять меня.

— Негодяй!..... измѣнникъ! вскричалъ братецъ Джоффри, кидаясь на де-ла-Рю.

Но Кастльтонъ загородилъ собою Француза, и Джоффри остановился.

— Ну, чортъ его возьми! сказалъ онъ. Негодный пручника не стѣитъ моего мщенія. Юлія! вы идолъ, которому я жертвовалъ во всю свою жизнь. Чѣмъ вы мне расплатитесь?

Юлія молчала.

— Моя ли ты? спросилъ Джоффри, устремивъ на нее взглядъ, которые горѣли какъ уголья.

Исуганная дѣвушка схватилась за руку Монтегю.

— О! такъ все кончено! закричалъ Джоффри. Кастльтонъ! ты былъ долго моей игрушкой, и если бы я боролся за тобой поприлежнѣе, тебѣ никогда бы не удалось той, которую я люблю.... Люблю! Чтѣ это значитъ? Жалкое слово, которое и въ милліонную долю не выражаетъ моего чувства! Это чувство—не любовь: это бѣшенство, безуміе. Ты, Юлія, никогда не умѣла любить и никогда не поймешь, до какой степени я любилъ тебя. Жалкая дѣвчонка, мечтательница, ты полюбила любовью пустую привязанность, которая доживаетъ вздохами и слезами; плачешь о любви какъ дитя объ игрушкѣ, романически смотришь туманную даль, и сушишь цвѣточки на память нѣжныхъ свиданій. Не такъ я любилъ тебя, холодная и жесткая кукла: въ моей душѣ было цѣлое жерло пламени, и это пламя пожигало, сушило, сокрушало меня!

Сентъ-Обайнъ, сказалъ Сентъ-Обайнъ.

— Молчи! перебилъ его Джоффри: я говорю не съ тобой. Слушай, Юлія: ты меня не любишь, ты торжествуешь теперь съ своимъ молодымъ любовникомъ?...

Ногоди же : ты будешь плакать. Я оставляю тебя навсегда, но ты никогда меня не забудешь : имя мое станет безпрерывно звѣять въ ушахъ твоихъ, лицо мое будетъ днемъ и ночью тебѣ мерещиться.... Я отищу за себя !.... Прощай !

И съ этимъ словомъ, Джоффри, подбѣжавъ къ краю утеса, кинулся въ море.

Всѣ поблѣднѣли отъ ужасу. Самоубійство было совершено такъ быстро, такъ неожиданно, что ни кто не успѣлъ остановить несчастнаго. Всѣ оторопѣли и безмолвно смотрѣли на то мѣсто, гдѣ исчезъ Джоффри, какъ-будто не понимая, что передъ ними дѣлается. Монтегю первый пришелъ въ себя, и, съ крикомъ : « Помогите ! помогите ! » бросился на тропику, которая, по другой сторонѣ холма, вела къ морю. Но труды его были напрасны : море не выдаетъ своихъ жертвъ, и несчастный Джоффри погибъ въ глубинѣ его.

Не станемъ подробно описывать непосредственныхъ слѣдствій этого происшествія. Пророчество Джоффри отчасти сбылось : Юлія, пораженная ужасомъ, занемогла сильной горячкой, и въ безпамятствѣ повторяла безпрестанно имя самоубійцы, наводя на домашнихъ страхъ, что она либо умретъ, либо лишится разсудку. Но благодѣтельная природа, искусная помощь доктора, а болѣе всего попеченія нѣжной любви и дружбы, наконецъ одержали побѣду : молодая дѣвушка начала оправляться, и первый день, въ который она имѣла довольно силы для продолжительнаго разговору, былъ посвященъ объясненію съ Монтегю.

Монтегю, теперь графъ Кастльтонъ, былъ немножко чудакомъ. Рожденный съ расположеніемъ къ романтизму, онъ забралъ себя въ голову, что ему до-тѣхъ-поръ не испытать истиннаго счастья, не узнать прямой дружбы и не найти дѣвушки, которая бы любила его постоянно, пока онъ не откажется отъ своего графскаго титула. Монтегю думалъ, что знатность и богатство болѣе всего

принять наиполнѣею счастію, потому, что принадлежатъ къ числу любителей и любителей, и впадаютъ въ видѣны въ настоящемъ нѣтъ снѣтъ. Вслѣдствіе того онъ извѣлъ сомнительное путешествіе подъ именемъ, бѣднаго и крѣпкого молодого человека, наввѣлся по имени своей матери Вайндеманъ, и пустился во Францію. Встрѣча на пароходѣ съ семействомъ Сентъ-Обайновъ не допустила его вѣхать дальше Діенна : красота Юліи, съ пераго взгляду, порадила нашего чувствительнаго путешественника ; ея умъ и неискusstвенная любовь сдѣлали на него глубокое впечатлѣніе ; а героизмъ, который она показала во время бури, заставилъ его подумать, что онъ встрѣтилъ женщину необыкновенную, заслуживающую того, чтобы обратить на нее особенное вниманіе. Монтегю рѣшился остаться въ Діеннѣ и наблюдать. Эти наблюденія, какъ водится, кончились взаимной любовью. Монтегю съ каждымъ днемъ открывалъ въ Юліи новыя достоинства, и, переходя черезъ всѣ пароксизмы страсти, которые мы часію описали въ этой повѣсти, рѣшился уже объявить свое настоящее имя и просить руки Юліи, какъ вдругъ неожиданная встрѣча съ сестрой заставила его уехать на время въ Парижъ.

Сестра его была особа тоже съ страшнымъ характеромъ. Какъ она не была ни отца ни матери, то мать Маріана съ малолѣтства жила въ домѣ тетки, и не была надъ собой никакого надзору. Пользуясь неограниченною свободою, она разсудила за благо брать съ однимъ дальнимъ родственникомъ, человекомъ уже не молодыхъ лѣтъ и весьма сомнительной нравственности, но который, по крайней-мѣрѣ придоумъ званіемъ сердца, казался ей мѣтче и лучше цѣлаго свѣта. Монтегю давно уже замѣчалъ, что эта господиница ухаживаетъ за Маріаной, знаетъ въ чѣмъ она способна ; и dlatego почелъ обязанностью, встрѣтившись съ нею въ Діеннѣ, взять сестру подъ свое покровительство.

Но ему не вѣтавалось ничего, какъ только принудить обольстителя жениться на Маріаннѣ. Онъ ушелъ и сдѣлалъ. Вслѣдъ за этимъ произошла его несчастная встрѣча съ Джофери, который дивно слядчилъ за всѣми его поступками, и.... Но читатели уже знаютъ что было дальше, и потому мы просимъ ихъ вернуться къ выдворавливающей Юліи.

Но вѣрвь возстановленія ея силъ, радость и счастье водворились въ семействѣ. Само собой разумѣется, что графъ Кастльтонъ не получилъ отказа въ руки своей возлюбленной; но свадьба была отложена до того времени, какъ Юлія оправится совершенно. Между-тѣмъ последи извѣщеніе къ Ліонелю; а мистеръ Сентъ-Обайнъ началъ собираться въ Англію, для полученія темпльтоновскаго наслѣдства.

Было, впрочемъ, одно лицо, которое орошалось слезами, проливаемыми украдкою: это лицо доброй Бланки. Отъ души радуясь счастью сестры своей, она, однако же, не могла назвать счастливой и себя: сердце ея болѣло, мысли терялись въ воспоминаніяхъ, и часто, въ то время какъ Юлія изъжно перешептывалась съ своимъ женихомъ, бѣдная Бланка вдругъ вскипывала, убѣгала къ себѣ въ комнату, и бросалась въ отчаяніи на подушки.

Однажды, когда всѣ гуляли съ выдворавливающей Юліей по саду, она сидѣла подѣ окномъ въ своей спальнѣ; и думала о Горациѣ. Стукъ экипажа, въскрипавшаго на дверь, вывелъ ее изъ задумчивости. Бланка услышала лай собакъ и голоса слугъ; потомъ раздалась шага въ соседней комнатѣ: она тотчасъ узнала походку Ліонеля, и радостно взошла, чтобы бѣжать ему на встрѣчу; но, кромѣ Ліонеловой, слышалась еще чья-то походка, и когда Бланка хотѣла отворить дверь, передъ ней вдругъ явилась высокая и прекрасная фигура Сентъ-Джона.

Первое впечатлѣніе этой неожиданной встрѣчи дру-

взвѣсивъ замѣшательство, но чувство справедливости, сильнѣе взгляда-хранителя людей, жившихъ въ свѣтъ, долго ей силу оправдаться, и она спокойно привѣтствовала мужа.

— А! сострица, вскричалъ Ліонель, дружески обвиняя Бланку : ты не хочешь, чтобъ я познакомилъ тебя съ Горациемъ ; сама ужъ съ нимъ познакомилась. Ну, такъ прими же поласковье моего друга. Я съ нимъ позадорилъ когда-то, но, право, это была ужасная глупость съ моей стороны.

Бланка не успѣла отвѣчать, какъ Ліонель уже выбѣжалъ изъ комнаты, сказавъ, что хочетъ поскорѣе увидѣться съ матерью. Любовники остались наединѣ. Тутъ ужъ привычка къ свѣту не помогла ни тому ни другому : оба стояли какъ школьники, незнающіе уроку. Бланка краснѣла ; Гораций переминался съ ноги на ногу. Наконецъ, однако жъ, онъ преодолѣлъ себя, и, будучи занятъ единственно послѣднимъ своимъ разговоромъ съ Бланкой, началъ прямо съ того, какимъ образомъ они помирились и сблизились съ Ліонелемъ.

— Миссъ Сентъ-Обайнъ, сказалъ онъ въ заключеніе : неужели вы осудите мой поступокъ. Развѣ я не долженъ былъ во всякомъ случаѣ, какъ благородный человекъ, загладить вины своей передъ вашимъ братцомъ ?

Бланка не знала что отвѣчать, но взглядъ, который она подняла на Горация, предсказывалъ, что отвѣтъ на не будетъ такъ строгъ и суровъ, какъ прежде.

— Теперь, миссъ Сентъ-Обайнъ, продолжалъ Сентъ-Джонъ : я обязанъ сообщить вамъ одно горестное извѣстіе и выполнить порученіе, возложенное на меня дружбой. Молодой человекъ, Робертъ Моррѣ, скончался въ цвѣтъ молодости и таланта, когда передъ нимъ открывалась блестящая будущность. Въ послѣдніе дни его жизни, я имѣлъ счастье заслужить его дружбу ; онъ признался мнѣ въ глубокой и святой страсти, которую питалъ къ вамъ, и передъ смертию оставилъ мнѣ этотъ пакетъ, съ тѣмъ чтобы я его вамъ

...иногда... Тутъ, говоря о ней, замечательно
его послания съ вами-оренджия, несомненно величавой
души, которая была неограниченно предана вамъ. ...

Бланка давно уже знала не только о предсмертныхъ
указанияхъ Роберта и темъ онъ былъ обязанъ Селге
Дитону. Трепещущею рукою она приняла письмо, не
рассчитавъ его съ какими-то неясными предчув-
ствиями, стала читать следующее :

«Когда вы развернете это письмо, рука, которая писалъ
его, будетъ уже холодна. Выслушайте меня, Бланка. Чело-
вѣкъ, питавшій къ вамъ въ этой жизни нѣжнѣйшую, безъ
корыстнѣйшую привязанность, имѣетъ право быть вашимъ
наслѣдникомъ по переходу въ жизнь вѣчную.

«Я хочу говорить съ вами не о себѣ.... Натъ! даже и въ
эту торжественную минуту, когда смерть стоитъ возлѣ моей
постели, не хочу выразить вамъ чувства, на которое вы
не могли отвѣчать, и утѣшаюсь воспоминаніемъ, что я не
когда, ничѣмъ не потревожилъ вашего сердца.

«Бланка! вы любите. Помню, какъ вы смѣялись надъ
мною, когда я говорилъ вамъ о второмъ зрѣніи шотланд-
скихъ горцевъ; но теперь я увѣренъ въ существованіи
этого втораго зрѣнія. Лежа на своей смертной постели,
вижу васъ невѣстой другаго, и мое единственное желаніе
и мои надежды, мои мечты, заключаются только въ томъ,
чтобы вы были съ нимъ счастливы. Не удаляйтесь само-
отверженно, съ какими я говорю о другомъ: моя любовь
къ вамъ, отъ начала до послѣдней минуты, была жертвою,
которую я принеслъ, не ожидая никакого вознагражденія.

«Знаю, что вы ему отказали; знаю и то, что васъ побу-
дило къ отказу. Но я лежу теперь на смертномъ одре,
Бланка, и чувствую, что гордость грѣшнѣе уничиженія,
что гораздо благороднѣе простить виновнаго нежели
мстить ему.

«Гораций васъ обожаетъ. Онъ честный, великодушный,
благородный молодой человекъ. Не говорю уже объ его
ошибкахъ со мною: онъ мой братъ, благодѣтель. Не забы-
ли, Бланка, кто помогъ вамъ спасти Мелани, когда
она ездилъ къ Хентеру? Онъ же... Не думайте, что

этой испорченъ былъ основанъ на казачьихъ земляхъ
 лавъ Гораціи, послѣднее отъ него, но не могъ уже ни на-
 добиться надежды, и это я, первый, открылъ ему, что вы
 его любите; я принудилъ его формально помириться съ
 Людеземъ, и теперь умоляю васъ составить счастье Го-
 раціи, осчастливить себя самихъ, успокоить меня.

«Прощайте, Бланка!.... О! какой великій для меня смыслъ
 заключаетъ въ себя теперь это слово: прощайте!.... Про-
 щайте, Бланка! Богъ да благословитъ васъ! Не плачьте о
 ранней кончинѣ юности, которому на землѣ, правѣ, шестого
 жить.

«*Робертъ Морре.*»

Мудрено сказать, что чувствовала Бланка, читая это
 письмо. Слезы любви, сожалѣнія, благодарности, тек-
 ли по лицу ея. Гораціи смотрѣлъ на нее, молча, въ
 ожиданіи, что она начнетъ говорить. Въ это время Лю-
 дезъ воротился изъ саду и сказалъ, что всѣ идутъ
 взглянуть за нимъ, но онъ поспѣшилъ впередъ, желая
 представить имъ своего друга. Молчаніе и смущеніе
 двухъ любовниковъ удивило его. Онъ взялъ письмо
 изъ рукъ Бланки, прочелъ, и задумался.

— Э, Боже мой! вскричалъ онъ потѣмъ: да объ чемъ
 же тутъ думать?... Гораціи! Бланка! дайте мнѣ ру-
 ки... Вотъ такъ! Сложите ихъ вмѣстѣ.... Теперь пой-
 дите! Pater додѣлаетъ остальное.

Черезъ нѣсколько дней Сентъ-Обайнъ, съ двумя ма-
 ршалами сѣтлами, отправился въ Англію и, прило-
 жившись къ неограниченно богатой и заграничной де-
 шѣ права, оловя на титулъ и имѣнію графа Тампльтона.
 Какъ себя представить, въ законѣ онъ былъ востри-
 чивъ, достигнувъ наконецъ цѣли, къ которой стре-
 мился всю жизнь. Обратный его привѣзъ былъ пред-

именно для этого семейства. Какъ-то разъ Юлія совершенно поправилась, то же время назначены два двухъ свадьбы. Новый графъ Темплтонъ хотѣлъ-было праздновать ихъ въ Англіи, но леди Темплтонъ, заодно съ Юліей и Кастльтономъ, уговорила его кончить дѣло въ Діеппѣ, чтобы избавиться отъ лишней пышности и тягостныхъ церемоній. Впрочемъ, они и здѣсь должны были выдержать крѣпкую осаду отъ всего діеппскаго населенія. Перемена въ судьбѣ семейства, превращеніе бѣдняка Вайндема въ богатаго графа, и помолвка Бланки и Юліи за знатныхъ жениховъ, надѣлали такого шума, что нѣсколько времени всѣ жители города ходили словно помѣшанные, а мистеръ Годнотъ и въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума, къ несказанному удовольствію своей половины, которая, пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, тотчасъ заперла его въ желтый домъ, и начала давать пиры еще веселѣе прежняго. Поздравители, знакомые и незнакомые, являлись къ Сентъ-Обайнамъ съ утра до вечера, и между ними было нѣсколько лицъ намъ извѣстныхъ, на примѣръ, мадамъ Дюбоа, бывшая мистрисъ Дашвудъ, и два непобѣдимые капитана, которые служили адъютантами при мистрисъ Бартонъ, но, получивъ наконецъ отставку отъ этой должности, женились на дочеряхъ ея, Луизѣ и Тини. Примѣчательнѣйшими во всей толпѣно здравителей были, безспорно, тѣ, которые неожиданно явились въ самый день свадьбы. Два прекрасныя невѣсты сидѣли уже въ своихъ подвѣчныхъ нарядахъ, два счастливые жениха ждали ихъ у дверей, мать и отецъ весело суетились, а Мишель пѣлъ, охоталъ, прыгалъ и обнималъ всѣхъ по-очереди и безъ очереди, какъ-вдругъ въ переднихъ комнатахъ послышалось множество сѣманныхъ голосовъ, и, спустя минуту, въ гостиную вошли сэръ Цезаръ Вайтгедъ, леди Вайтгедъ, Антонія, Джеральдина, Фиба, Пруденція и прочая, и прочая, а въ томъ часу два молодые чело-

наша, которые были весьма незнакомы Сентъ-Обай-
намъ и жаль под-руки, одинъ Антонию, другой Дина-
радину. Сэръ Цезарь отличался необыкновенно вели-
колепной прилежностью, и танцвалъ подъ-мышкой огромную
книжку въ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ об-
разомъ.

— Мое почтеніе! сказалъ онъ, представляя двухъ
незнакомцевъ. Имъю честь рекомендовать: высоко-
родный Фредерикъ Скантигендсъ, супругъ дочери моеи
Джеральдины, и мистеръ Ричардъ Кокки, мужъ Анто-
ниа. Вотъ и газеты, въ которыхъ описаны ихъ брако-
сочетанія, последовавшія въ Лондонѣ тринадцатаго и
двадцать перваго прошедшаго мѣсяца. Мы слышали о
приятныхъ новостяхъ, которыя здѣсь случились, и по-
счастлива приидсти вамъ свое искреннее поздравленіе.
Что касается до этой книги, то я совѣтую вамъ когда-
нибудь прочитатъ ее: это сочиненія моего родственни-
ка, епископа лейстерскаго. Его преосвященство самъ
подарилъ мнѣ ихъ, и вотъ его собственноручная над-
пись.

Говоря такимъ образомъ, сэръ Цезарь открылъ книгу
и указалъ на первомъ листѣ слѣдующую надпись, въ-
ростно рукодѣлье одной изъ его досужихъ дочекъ:

«ДРАЖАЙШЕМУ И ДОСТОЙНѢЙШЕМУ СЭРЪ ЦЕЗАРЮ ВАЙТГЕДУ,
«ДРАЖАЙШЕЙ И ДОСТОЙНѢЙШЕЙ СУПРУГЪ ЕГО, ЛАДИ ВАЙТ-
ГЕДЪ, И

«ДРАЖАЙШИМЪ И ДОСТОЙНѢЙШИМЪ ДИЩЕРАМЪ ИХЪ,

«СЮ КНИГУ УСЕРДНѢЙШЕ ПОДНОСИТЪ НѢЖНО ЛЮБЯЩІЙ ИХЪ
РОДСТВЕННИКЪ

«АНТОНІЙ ЛЕЙСТЕРСКІЙ.»

Сентъ-Обайны едва ли были рады этимъ любезнымъ
гостямъ; но любезные гости, съ своей стороны, сочли

за долгу увлеченъ имъ нѣтъ въ церковь, гдѣ должны были происходить брачныя церемоніи; а, видно, въ этотъ день ужь пошло на скоріяши, потому что дѣвъ наладѣ чоты застали тамъ еще одну вычужденную пару — мистрисъ Фетонъ и мистерь Визеръ.

Послѣ обряду, когда всѣ готовились выйти изъ церкви, одинъ изъ многочисленныхъ зрителей, какой-то маленький и толстенькій человечекъ, нѣчто въ родѣ конторскаго писаря, подошелъ къ мистрисъ Визеръ и сказалъ : — Здравствуй, сестрица!

— Ахъ!.... братецъ!.... Откуда?

Нѣжные родственники обнялись и расцѣловались.

— Рекомендую тебѣ моего мужа, сказала готовъ мистрисъ Визеръ, представляя брату своего новобрачнаго.

— Дѣло! дѣло, сестрица! отвѣчалъ братъ. Не успѣлъ сидѣть въ двѣкатъ. Легко ли? до пятидесяти лѣтъ дѣвствовала!

— Какъ дѣвствовала? спросилъ мистерь Визеръ, поблѣдивши.

— Да, сэръ. Что же тутъ удивительнаго?

— Но ваша сестрица называла себя вдовой?

— Ха, ха, ха!.... Поздравляю же васъ, почтеннѣйшіи! Сестра никогда не бывала замужемъ : сорокъ лѣтъ по-пустому искала себѣ жениха, и начала выдавать себя за вдову такъ, для оказіи : авось-де теперь какой-нибудь найдетъся.

— Эхъ, сударыня! что жъ это вы со мной сдѣлали? сказалъ мистерь Визеръ.

Но тутъ было не мѣсто для объясненій. Всѣ обнявъ другъ друга и поехали по домамъ.

ОЛЕНЬ КАМЕРОНЪ.

ВЕНЗАННЫЙ РОМАНЪ ВАЛЬТЕРА СКОТТА.

.. Это требуетъ объясненія. Англійская рукопись романа «Олень Камеронъ» принадлежала къ богатому собранію автографовъ покойнаго сэра Джемза Гордона. Въ прошломъ году наследники сэра Джемза продавали его коллекцію по частямъ съ публичнаго торгу, и какъ только некоторые знатоки признали тогда рукопись «Олень Камеронъ» подлинною, то одинъ покупатель всякаго хламу, по имени Розъ, купилъ ее за безцѣнокъ для лорда П***, который, съ своей стороны, признался въ ея подлинности. Лордъ П***, какъ страстный любитель рѣдкостей, никакъ не хочетъ издавать ее въ свѣтъ на англійскомъ языкѣ, и только позволилъ перевести по-французски. Теперь встаетъ вопросъ: действительно ли этотъ романъ сочиненъ Вальтеромъ Скоттомъ, и еслили такъ, то какимъ образомъ онъ попалъ къ сэру Джемзу Гордону, который скрывалъ его существованіе отъ всей Англіи? Нѣкоторые полагаютъ, будто рукопись «Олень Камеронъ» была украдена у Скотта какимъ-то Гремемъ (Graham), который продалъ ее одному лондонскому книгопродавцу, а тотъ, боясь разгласить тѣхонько сэру Джемзу Гордону. Times и другія англійскія газеты утверждали, что Гремъ былъ сотрудникомъ Скотта, доставлялъ матеріалы для его первыхъ романовъ, и хотѣлъ, будтобы, судебнымъ порядкомъ оспоривать у него права автора. Зять Вальтера Скотта, господинъ Локгартъ, не нашелъ въ бумагахъ своего деда ни какихъ слѣдовъ сочиненія имъ «Олена Камерона». Въ отношеніи въ живыхъ друзей знаменитаго романиста также ни-

когда не слышали, чтобы онъ писалъ этотъ романъ. Между-тѣмъ сличеніе рукописи съ собственноручными письмами и другіи автографами Скотта уничтожаетъ всякія сомнѣнія : она рѣшительно писана имъ! Ктому жъ, если допустить мысль о подложь, то съ тѣмъ вмѣстѣ надобно допустить и существованіе другаго романиста съ вальтеръ-скоттовскимъ талантомъ и слогомъ, а въ этомъ даже и подозрѣнія ни на кого не падаютъ. Романъ, дѣйствительно, прекрасенъ, и можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ второстепенныхъ романовъ Вальтера Скотта, которыхъ онъ имѣетъ всю красоту и также все недостатки. Человѣкъ съ такимъ дарованіемъ какъ авторъ «Олема Камерова» не сталъ бы продавать своего сочиненія тайно, за безцѣнокъ, подъ именемъ скоттовскаго романа : онъ издалъ бы его въ свѣтъ, пріобрѣлъ бы черезъ него деньги и славу. Словомъ, это такая задача, которой въ Англіи рѣшить не возможно, а между-тѣмъ и въ Англіи не знаютъ, что объ ней думать. Пусть читатели наши рѣшатъ ее по своему вкусу. Мы сократимъ рассказъ очень мало : устранимъ только длинноты.

—

I.

Графство Стирлингъ находится въ центрѣ Шотландіи. Земли, лежащія ближе къ морю, по берегамъ рѣки Форта, можно сравнить съ самыми плодородными англійскими провинціями, но взгляните на сѣверъ или на западъ : тамъ передъ вами совсѣмъ другой видъ. Только-лишь ступите въ горы, васъ встрѣчаютъ дремучіе лѣса и необработанныя долины, которыя тянутся по голымъ и сѣроватымъ возвышенностямъ. На каждомъ шагѣ ущеліе, одно тѣснѣе другаго; огромныя скалы лежатъ по прогалинамъ : ихъ вершины остры, ихъ бока поросли мохомъ, и онѣ смотрятъ на васъ неприязненно, какъ сторожъ этого дикаго края.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, англійское правитель-ство устроило здѣсь довольно удобные пути сообщенія, но въ семнадцатомъ вѣкѣ была только одна дорога, —

изъ Стирлинга въ Инверари, — да и по ней проѣзжало мало путешественниковъ, которые, бывало, спѣшатъ добраться за-свѣтло до какой-нибудь уединенной корчмы. Чаше всего попадались горцы, прогоняющіе стада, отнятыя у луговыхъ помѣшниковъ, или солдаты разныхъ политическихъ партій, которыя тогда терзали несчастное государство. Селенія, въ-сторонѣ отъ дороги, сообщались между собою тропинками, проложенными пастухами или охотниками, и надо было сдѣлать большую привычку, чтобы смѣло ходить по этимъ крутымъ и опаснымъ дорожкамъ, висящимъ надъ пропастями, куда съ грохотомъ сыплются камни, когда вы проходите.

Несмотря на то, въ одинъ жаркій полдень, въ августѣ тысяча шесть сотъ пятьдесятъ перваго года, довольно значительный отрядъ пѣхоты карабкался вверхъ по одной изъ самыхъ неудобныхъ тропинокъ, въ направленіи къ Дембартону. По одеждѣ усталыхъ воиновъ, не мудрено было узнать, что они принадлежатъ къ англійской арміи, которая тогда, подъ начальствомъ Кромвелля, занимала всю южную часть Шотландіи, отъ Твида до Эдинбургскаго Залива. Молчаливая важность, съ какою они подвигались впередъ, могла дать идею о дисциплинѣ, введенной Кромвеллемъ въ буйные ряды Круглоголовыхъ. Толстый слой пыли на аммуниціи показывалъ, что отрядъ ужъ давно въ дорогѣ. Наконецъ онъ достигъ маленькой деревушки на краю лѣса. То была кучка лачугъ безъ печей и безъ оконъ, разставленныхъ вокругъ тощаго пастбища. Всѣ двери были затворены, и единственное живое существо, замѣченное тутъ солдатами, была худая коза, щипавшая остатки зелени, которую еще не успѣло высушить солнце.

Когда солдаты расположились на отдыхъ, два офицера, ихъ предводители, переглянулись между собою съ комическимъ выраженіемъ обманутой надежды.

Одинъ изъ нихъ былъ человекъ лѣтъ сорока, высокій, прямой, сухошавый, съ ввалившимися щеками, съ красными глазами, съ тонкой и длинной шеей, и на длинныхъ, чрезмѣрно длинныхъ ногахъ, которымъ было очень просторно въ его узенькихъ панталонахъ. Другой, напротивъ, отличался круглымъ, свѣжимъ лицомъ и яркимъ румянцемъ: широкая ременная португеза сидѣла на немъ, какъ тонкій желѣзный обручъ на большой винной бочкѣ.

— Славный ночлегъ, господинъ капитанъ! сказалъ онъ печальнымъ голосомъ, осмотрѣвшись кругомъ и остановивъ меланхолическій взглядъ на своемъ товарищѣ. Здѣшняя сторона, какъ видно, не можетъ похвалиться большимъ богатствомъ. Скажите, сдѣлайте милость, чѣмъ питаются здѣшніе жители?

— Жители? отвѣчалъ капитанъ, оглядываясь во всѣ стороны. Гдѣ вы видите жителей, господинъ поручикъ?

— Ну! продолжалъ поручикъ: теперь я не стану дивиться, что Шотландцы бываютъ всегда такіе голодные въ Англіи. Если мы простои́мъ въ этихъ горахъ дней семь, то я, думаю, буду занимать столько же мѣста на свѣтѣ, какъ вы. Сердце мое чувствуетъ, что мнѣ со-временемъ влѣзть въ вашу походную куртку. да и та еще широка будетъ.

— Терпѣніе, терпѣніе, любезный мой Де-Профундизъ! возразилъ капитанъ. Скоро мы успокоимся въ шатрахъ Филистимлянъ.... А между-тѣмъ, поди-ко, да постучись въ эти лачуги: авось не вызовемъ ли воровъ изъ гнѣзда! — Хорошо бы было, прибавилъ онъ, тяжело вздохнувши: хорошо бы было, если бы ты имѣлъ чудесный жезлъ и могъ извлечь изъ скалы потокъ....

— Водки или добраго пива! подхватилъ толстый поручикъ. Да, хорошо бы, господинъ капитанъ!

Онъ побѣжалъ такъ живо, какъ только позволяла

ему дородность, и началъ стучаться у каждой хижины. Нигдѣ никого; но когда онъ съ прискорбіемъ возвращался къ своему начальнику, одна дверь отворилась, и изъ нея выступила толпа старухъ, которыя направили шагъ свои прямо къ отряду. Всѣ они были одѣты одинаковымъ образомъ, въ какіе-то длинныя шушуну изъ белой фланели, съ капюшонами, накинутыми на голову. Появленіе ихъ нисколько не смутило солдатъ, привыкшихъ къ подобнымъ сценамъ. Капитанъ выступилъ на встрѣчу самой дряхлой старухъ, которая шла впереди, и сказалъ сердитымъ голосомъ: — Какъ называется эта деревня?

Вопросъ былъ сдѣланъ на луговомъ шотландскомъ нарѣчій; однако жъ старуха поняла его.

— Деверлочн, отвѣчала она.

— А гдѣ жъ здѣшніе жители? продолжалъ капитанъ: развѣ у васъ нѣтъ никого мужчинъ?

— Какъ не быть! отвѣчала старушка уже на горномъ нарѣчій: да одни легли подъ Дембаромъ, а другіе пошли за нихъ расплачиваться.

Капитанъ не понялъ; но какъ онъ считалъ себя одавленнымъ необычайною силою краснорѣчія, то не хотѣлъ въ этомъ сознаться, и безъ дальнихъ околичностей пошелъ прямо къ цѣли.

— Гдѣ ваши стада? спросилъ онъ: видно, въ хлѣвахъ?

— Нѣтъ, хлѣва наши пусты какъ наши хижины, отвѣчала старуха.

— А! такъ, вѣрно, гуляютъ въ полѣ?

— Нѣтъ, и поля наши пусты. Стада ушли вмѣстѣ съ пастухами.

Капитанъ обернулся къ поручику, скрестилъ на груди руки, и сказалъ: — Вотъ, сударь! вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ!.... Трое сутокъ мы не видимъ ничего, крокъ брошенныхъ жилищъ, да этакихъ привидѣній!....

Послушай, любезный мой Де-Профундись! ты человекъ разсудительный и мастеръ на благіе совѣты : какъ ты думаешь? не запереть ли намъ этихъ воронъ въ ихъ лагунахъ, да не поджечь ли деревни?

— Позвольте, господинъ капитанъ, отвѣчалъ поручикъ : я самъ переговорю съ ними.

Толстякъ забрался въ самую середину и началъ убедительнымъ голосомъ:—Достопочтенныя госпожи! генералъ Кромвелль намѣренъ сдѣлать вамъ честь, прийти сюда сегодня со всей своей арміей. Онъ отправилъ насъ впередъ, возвѣститъ вамъ эту высокую милость. Вслѣдствіе того я приглашаю васъ сдѣлать нужныя приуготовленія, дабы принять подобающимъ образомъ такого знаменитаго гостя и всю честную компанію.

Старухи, вмѣсто отвѣта, съли въ кружокъ и затянули жалобнымъ голосомъ туземную пѣсню. Де-Профундись былъ до крайности озадаченъ. Нѣсколько времени оба офицера смотрѣли на нихъ въ глубокомъ молчаніи, но потомъ сошлись опять на томъ мѣстѣ, гдѣ были до встрѣчи съ старухами, и между ними начался слѣдующій разговоръ.

— Видно, намъ здѣсь поговорить, мистеръ Оскебагъ! сказалъ поручикъ, со вздохомъ. Деверлочи ни дать ни взять то же, что Гленовакъ, а Гленовакъ былъ то же, что Киркенбрайтъ, а въ Киркенбрайтъ.... помните?... вмѣсто объда, мнѣ пришлось только по-крѣпче стянуть портупею. Лучше всего, кажется, будетъ послѣдовать примѣру этихъ Моавитянокъ, какъ вы ихъ называете, то есть, съѣсть на траву, да ждать генерала.

Друзья выполнили это благоразумное предположеніе, но лишь-только они усѣлись, какъ все вниманіе капитана было привлечено бутылкой, которая висѣла на боку у поручика.

— Кажется, сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ: кажется, на послѣднемъ привалѣ мы оставили въ твоей флягѣ нѣсколько капель виски.

— Какая у васъ славная память, господинъ капитанъ! Вы помните поручикъ. Да! фляжка моя, не всею пуста, и если вы хотите, такъ мы справимся, сколько въ ней остается, только съ условіемъ, что вы не будете, по повеленію, рассказывать мнѣ ни про Гога, ни про Гого, ни про царя Навуходоносора, ни про Аморрею. Ведь ужъ я все это вытвердилъ наизусть. А скажете-ко мнѣ лучше, промолвилъ онъ, отвязывая свою бутылку: зачѣмъ мы такъ скоро вышли изъ луговой долины здѣшняго графства?

Вопросъ этотъ дорого обошелся поручику: капитанъ началъ думать, и, во все время размышленія, не отнималъ фляги отъ губъ, какъ-будто тайна плановъ Кромвеля лежала на днѣ ея. Де-Профундись, въ отчаяніи, хватилъ наконецъ за руку капитана, и повторилъ свой вопросъ:

— Все, что я могу сказать тебѣ вѣрнаго, отвѣчалъ капитанъ, съ значительнымъ видомъ: состоитъ въ томъ, что мы цѣлый мѣсяцъ дрались съ Шотландцами, и *Молодой Человѣкъ* билъ насъ при каждой схваткѣ. Что же касается до того, куда мы идемъ теперь, безный мой Де-Профундись, то я объ этомъ ровнѣе ничего не знаю. Въ старые годы генералъ скажетъ бы мнѣ что онъ затѣваетъ: мы были друзьями; я выпилъ изъ его дорожной бутылки. Но теперь, Де-Профундись, наступили другія времена: я, для старика Кромвеля, ужъ не «дорогой, милый и любезный другъ Генералъ», какъ прежде, а просто-за-просто капитанъ Вебагъ. Понимаешь?

— Далекъ поидетъ этотъ пивоваръ, ежели его не удержатъ! замѣтилъ Де-Профундись.

— Гмъ! пивоваръ этотъ тонкая штука! сказалъ Освебагъ. Былъ пуританиномъ; новѣтеръ перемѣнился: теперь вмѣстѣ съ вѣтромъ! Теперь выдаетъ себя за не-насамаго: оно, видишь, лучше, вольнѣе. Однихъ

научаетъ, другимъ преповѣдуетъ, а самъ про-себя смѣетъ надъ всеми. Я тысячу разъ ломалъ себя голову, неужели Англичане такъ слѣпы, что не чувствуютъ, какъ онъ ихъ ведетъ за-нось. Скряга, притворщикъ, злой человѣкъ, и руки замараны кровью.... То ли бы дѣло Карлъ Стюартъ! промелькнулъ капитанъ вполголоса. Про него рассказываютъ, что онъ молодецъ собой и такой добрый, ласковый : по добротѣ, говорятъ, весь въ отца, а по храбрости въ Брюса..... Видно, оттого-то старикъ Ноль и труситъ его, такъ, что не смѣетъ выговорить имени Карла, а называетъ его все *Молодымъ Человѣкомъ!*

— Эге, капитанъ! да вы никакъ собираетесь перебраться къ неприятелю! сказалъ Де-Профундись съ улыбкой.

— Помилуй Богъ!.... Развѣ мнѣ мила висѣлица?.... Конечно, не отдайся я душою и тѣломъ этому Вельзевулу, такъ не знаю, что бы я сдѣлалъ. Но теперь.... карта ужъ стоитъ на кону : не воротись! И если бы случилось, что Карлъ попался мнѣ въ руки, то....

— Что такое?

— Какъ что? Да развѣ у тебя нѣтъ ни глазъ ни ушей? развѣ ты думаешь, что Кромвелль остановится на такой широкой дорогѣ? что жизнь сына для него будетъ важнѣе отцовской? Нѣтъ, братъ! Кромвелль— новый Навуходоносоръ, которому суждено сокрушить Израиль : онъ предназначенъ....

— Ахъ, капитанъ! вы опять про Навуходоносора! вскричалъ Де-Профундись. Вѣдь ужъ я знаю!..... Не осталось ли чего въ нашей фляжкѣ?

— Позволь, мой другъ, отвѣчалъ капитанъ, завладѣвъ по-скорѣе фляжкой : я тебѣ расскажу только самую маленькую исторію.

Но между-тѣмъ какъ онъ собирался начать рассказъ, послышался громъ барабана. Многочисленный корпусъ

войска вошелъ въ долину, и она огласилась звуками веселой музыки. Черезъ нѣсколько секундъ всадникъ быстро подскочилъ къ нашимъ знакомцамъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ мушкетеровъ, спрыгнувъ на-мнѣ, и подошелъ къ Гедеоу.

Онъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти и, по наружности, очень крѣпкаго сложенія. Одежда его состояла изъ толстаго шерстянаго колета, отъ котораго были видны только одни рукава, потому что прочее прикрывалось безрукавнымъ шпенцеромъ темнаго цвѣту. Пыльные сапоги доходили до самыхъ колѣнъ; полотняный остроугольный воротъ рубашки лежалъ на груди поверхъ мѣднаго ожерелья, которое защищало шею и часть плечъ. За спиной, на буйволовой перевязи висѣла длинная шпага, а въ правой рукѣ, прикрытой большою перчаткой, онъ держалъ трость.

Лицо прѣзжаго было гораздо замѣчательнѣе одежды. Въ немъ выражалась какая-то непостижимая смѣсь коварства и смѣлости, гордаго самонадѣянія и безпокойства. Сѣрые, пронизательные глаза его осѣнялись густыми бровями; верхняя губа была тонка, нижняя толка и висяча. Большіе усы, длинные, раскиданные по плечамъ волосы, и широкополая шляпа съ бѣлымъ перомъ, небрежно сдвинутая на правое ухо, придавали его физиономіи много воинственности, но эта воинственность была не совсѣмъ натуральна.

Когда онъ приблизился на нѣсколько шаговъ къ двумъ офицерамъ, которые между-тѣмъ успѣли построить свой отрядъ, они оба отдали ему воинскую почесть и подошли съ знаками величайшаго уваженія.

- Генералъ! сказалъ капитанъ: мы не....

- Знаю, прервалъ Кромвелль: вы ничего не нашли. Я ожидалъ этого. Но обозъ идетъ сюда. Вели раздать порцію своей ротѣ, и потомъ явись ко мнѣ за приказаніями.

Геденъ поклонился и отошелъ. Кромвелль съ своимъ штабомъ занялъ одну изъ хижинъ; солдаты стали раскидывать бивуаки въ окрестностяхъ. Генералъ долго прохаживался изъ угла въ уголъ по тѣсной лачужкѣ, то приводимая къ небу глаза, то шевеля губами, какъ-будто разговаривалъ съ кѣмъ-то невидимымъ. Офицеры его не могли держаться на ногахъ отъ усталости, и размѣстились по лавкамъ.

— Чтò, господа, устали? сказалъ наконецъ Кромвелль. И солдаты тоже устали: я это знаю; но мы сегодня же вечеромъ выйдемъ изъ ущелія, а завтра отдохнемъ въ Стирлингъ.

— Въ Стирлингъ! закричалъ одинъ офицеръ. Да неужели же мы идемъ въ Стирлингъ? Въ такомъ случаѣ, генералъ, вы сдѣлали какъ лѣнныя дѣти, которыя всегда выбираютъ самую дальнюю дорогу, когда идутъ въ училище.

— Суетная человѣческая мудрость, Десборо! отвѣчалъ Кромвелль спокойно. Люди не всегда могутъ сами выбирать себѣ путь: Всевышній руководствуетъ ими. Случалось ли тебѣ видѣть, какъ ястребъ кружится въ воздухѣ? Если на это долго смотрѣть, то голова начинаетъ вертѣться, ты теряешь ястреба изъ виду, и напрасно отыскиваешь его въ безпредѣльномъ пространствѣ, а между-тѣмъ онъ ужъ спустился на добычу и душитъ ее въ когтяхъ. — Такъ-то, милостивые государи! продолжалъ Кромвелль, обращаясь ко всемъ присутствующимъ. Говорю вамъ, чтò наступаетъ великій день. Досихъ-поръ мы не могли выманить непріятели изъ окоповъ, и, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, отражалъ всѣ наши атаки, думалъ разстроить духъ нашего войска, и надѣялся принудить меня къ какому-нибудь отчаянному покушенію. Планъ его былъ хитеръ: я узнаю старика Лесли. Но... умъ человѣческой часто впадаетъ въ заблужденіе! Я принялъ свои мѣры. Иртонъ уже по ту сторону Форта:

появленіе его смутило враговъ. А завтра... завтра я самъ спущусь съ этихъ горъ, и Шотландцы побѣгутъ отъ меня какъ робкое стадо, распространяя смятеніе въ долинахъ, и тогда... горе побѣжденнымъ! Если бы не Молодой Человѣкъ, я давно бы потушилъ возмущеніе.

Кромвелль еще нѣсколько разъ прошелся по хижинѣ, и, не слушая замѣчаній Десборо, велѣлъ подать себѣ кружку пива, ломоть хлѣба, кусокъ копченаго мяса, и сталъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ, не садясь къ столу, потому что онъ всегда выказывалъ себя передъ подчиненными очень неприхотливымъ, хотя въ другихъ обстоятельствахъ и позволялъ себѣ разныя наслажденія, какъ можно заключить изъ словъ почтеннаго капитана. Утоливъ свой голодъ, онъ вышелъ осмотрѣть бивуаки и поговорить съ солдатами; потомъ, увидѣвъ вдругъ Гедеона, поднесъ руку ко лбу, какъ-будто хотѣлъ припомнить что-то забытое; но у него была славная память, и не успѣлъ Гедеонъ выпрямиться передъ нимъ послѣ почтительнаго поклона, какъ уже мысли Кромвелля были въ самомъ стройномъ порядкѣ и ясности.

— Капитанъ! сказалъ онъ: я думаю, рота твоя отдохнула. Скажи мнѣ пожалуйста: ты точно увѣренъ, что это Камероны разбили прошлою ночью нашъ авангардъ?

— Камероны, отвѣчалъ капитанъ: я самъ узналъ ихъ въ потемкахъ.

— Камероны! вскричалъ генералъ въ бѣшенствѣ. Если гдѣ есть возможность сдѣлать намъ зло, тутъ вѣчно эти проклятые Камероны!... Слушай меня, капитанъ! Ты малой храбрый. Возьми пять сотъ человѣкъ, и отыщи кланъ Камероновъ. Отсюда до Лочіеля только три часа пути. Явись къ начальнику клана. Я хочу, чтобы онъ прежде всего возвратилъ отнятыя у насъ стада, а потомъ выдалъ бы трехъ своихъ одноплемен-

шниковъ, которыхъ я велю разстрѣлять для примѣру. Если станетъ противиться, съ тобой пять сотъ человекъ: не давай ни кому пощады, не оставляй камня на камень. Я напередъ знаю, что онъ будетъ противиться; но потому-то я и выбираю тебя для этого дѣла. Слышишь ли?

— Слышу, генераль, отвѣчалъ Осквебагъ.

— Пожалуй, есть и другое средство наказать мятежниковъ, продолжалъ Кромвелль: можно поджечь ихъ жилища, прежде нежели ты съ ними разстанешься.

— Слышу, генераль.

— А потомъ ты присоедишься къ моимъ войскамъ.... Маршъ!

Отдавъ это послѣднее приказаніе, Кромвелль велѣлъ водать знакъ къ походу, и вся армія пришла въ движеніе, между-тѣмъ какъ Гедеонъ и Де-Профундисъ вотянулись съ своимъ отрядомъ въ горы.

II.

Лишь-только послѣдніе отсталые отъ Кромвеллеваго войска вышли изъ деревни, какъ человекъ съ длиннымъ карабиномъ въ рукъ осторожно выглянулъ изъ лѣсу и сталъ приближаться къ опустѣвшей лужайкѣ, оглядываясь то въ ту, то въ другую сторону. Нѣсколько минутъ онъ прислушивался къ отдаленному грохоту барабана, потомъ подбѣжалъ опять къ лѣсу, и началъ махать своей шляпой. По этому знаку выступилъ изъ зелени молодой человекъ, въ платьѣ шотландскаго горца, съ соколомъ на рукъ. Онъ легко перелѣзъ черезъ скалы, которыя окружали лѣсъ, и спустился въ долину, гдѣ находилась деревня. Походка его была ловка, свободна, горда. Несмотря на загаръ отъ солнца,

въ и спокойствіе и рѣзительность, которыя казались
 привычнымъ выраженіемъ его прекрасной фізіономіи,
 ему едва ли можно было дать болѣе двадцати лѣтъ от-
 року. Молодые свѣтлорусые усики опушали его верх-
 нюю губу. Шотландскій плащъ, накинутый на плеча,
 распахнулся спереди, и изъ-подъ него была видна шея,
 бѣлая какъ у горноста. Зеленая шапочка съ разно-
 цвѣтными перьями кокетливо наклонилась на одну сто-
 рону; тщательно расчесанные волосы лежали кольцами
 на плечамъ. Подойдя къ своему товарищу, онъ взгля-
 нувъ въ ту сторону, куда ушло войско, погладилъ по
 лобу сокола, и сказалъ: — Мы потеряли цѣлые два
 часа, Донель; надобно вознагражить эту потерю. Мо-
 жетъ-быть, ужъ за нами гонятся. Теперь мы должны
 идти, а летѣть.... Хорошо ли ты знаешь здѣшнія
 тропы?

— Не такъ хорошо, какъ пропшейрскія, отвѣчалъ
 Донель. Тамъ я, зажмурившись, провелъ бы васъ куда
 угодно; а здѣсь, въ Шотландіи, я на чужой сторонѣ:
 тогда надобно и ощупаться.

— Для вѣрности, спроси вотъ у этихъ женщинъ, ска-
 жь молодой человѣкъ, указывая на старухъ, которыя,
 послѣ отбытія Кромвелля, расположились на опроки-
 нутыхъ пняхъ и сучили нитки.

Охотникъ послушался; но женщина, съ которой онъ
 говорилъ, поднесла палецъ къ уху и потрясла голо-
 ву, давая знать, что она ничего не слышитъ. То же
 дѣлала и другая, третья, четвертая. Донель не полу-
 чилъ отъ нихъ ни какого отвѣту: всякая дѣлала жестъ,
 что она глуха.

— Фу ты пропасть! вскричалъ Донель. Неужели онъ
 глухъ?.... Быть не можетъ! вѣрно, я имъ кажусь
 невнимательнымъ.

— Не ты, а развѣ твоя одежда, замѣтилъ молодой
 охотникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Донель былъ одѣтъ не совсѣмъ какъ здѣшній крестьянинъ. На немъ была шляпа съ большими полями, темный камзолъ и кожаныя штроблеты, какія въ то время носили мызники въ средней Англіи. Охотничья сумка изъ сѣти, рогъ съ порохомъ и фляжка, оплетеная лыкомъ, совсѣмъ почернѣвшіи отъ долгаго употребленія, висѣли у него на груди. Но подъ этимъ простымъ нарядомъ, онъ имѣлъ видъ весьма привлекательный, и если бы, вмѣсто беззубыхъ старухъ, были ихъ молоденькія внучки, то его, вѣрно, приняли бы совсѣмъ другимъ образомъ.

Молодой человѣкъ съ соколомъ, какъ видно, очень желалъ по-скорѣе пуститься въ дорогу. Онъ приблизился къ старухамъ, и подумавъ одну минуту, сказалъ на чистомъ шотландскомъ нарѣчій: — Бѣлый козленокъ запутался рогами въ кустарникъ: неужели вы допустите, чтобы его съѣли волки?

Эта старинная поговорка произвела чудесное дѣйствіе: всѣ сучильщицы встрепенулись и, опустивъ веретена, вытаращили свои померклые глаза на молодого человѣка. Очевидно, что рѣчь его заключала въ себѣ какое-то особенное для нихъ значеніе. Одна старуха встала, взяла его за руку, довела до конца деревни, и описала подробно дорогу, по которой ему должно идти.

— Часа черезъ два вы какъ-разъ будете въ камеронскомъ кланѣ, примолвила она въ заключеніе. Дай Богъ благополучно!

Путешественники немедля отправились въ путь. Тотъ, что былъ съ соколомъ, шелъ впереди; товарищъ слѣдовалъ почтительно сзади. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, они углубились въ лѣса, покрывающіе эту часть Шотландіи. Порою имъ надобно было пробираться сквозь чащу, куда едва достигали солнечные лучи; въ другой разъ они должны были карабкаться

на крутыя и колючія скалы. Часто узенькая тропинка, по которой они проходили, совсѣмъ исчезала подъ сунными листьями или терялась въ густыхъ кустарникахъ, которыми поросли края бездонныхъ овраговъ; но Донель, видно привычный къ такимъ путешествіямъ, сколько отыскивалъ потерянный слѣдъ, и они быстро подтапались всё далѣе и далѣе. Между-тѣмъ сторона, съ южнымъ ихъ шагомъ, казалась всё меньше гостеприимной. Самыя птицы летѣли прочь отъ этого печальнаго мѣстечка, и только изрѣдка дикіе журавли, съ пронзительнымъ крикомъ, поднимались съ прогалинь, когда къ нимъ подходили два странника. Наконецъ Донель замѣтилъ въ воздухѣ маленькую черную точку, потрѣлся въ нее очень пристально, и, оглянувшись за своего спутника, сказалъ: — Насъ преслѣдуютъ.

Тотъ вздрогнулъ.

— Герцогъ Арджайль? спросилъ онъ, поднося руку къ кинжалу.

— Нѣтъ, не онъ, отвѣчалъ Донель. Насъ преслѣдуетъ вонъ та птица,.... видите?... вонъ она тянется прямо надъ нашими головами. — Это опасный спутникъ для бѣглецовъ, мистеръ Мекъ-Ферленъ, прошепталъ Донель: ее не даромъ прозвали у насъ шпиономъ. Я слышалъ, однажды Ивенъ-Силачъ, покойный старшина камеронскаго клана, спрятался-было въ лесу отъ клана Мекъ-Интошей, которые долго гнались за нимъ. Онъ думалъ, что они его тамъ никакъ не отыщутъ, а вмѣсто того, вотъ такая же проклятая птица слѣдила за нимъ, какъ онъ бѣжалъ по лесу, и Интоши, по ней, добрались до Ивена, схватили и убили.

Даворятакимъ образомъ, Донель зарядилъ свой карабинъ, потомъ прицѣлился въ черную точку, которая виднѣлась въ воздухѣ, выстрѣлилъ, и птица упала въ кустарникъ.

— Славно! сказалъ Мекъ-Ферленъ.

— На то я и охотникъ, отвѣчалъ Донель съ гордостью.

— А знаешь ли? возразилъ молодой человекъ съ сожалѣніемъ: ты выбралъ прескверное ремесло! Слышалъ ли ты хоть про одного человека, который нажилъ себѣ состояніе браконіерствомъ?

— Что дѣлать, мистеръ Мекъ-Ферленъ! Ужъ я пошелъ на это: теперь поздно ворочаться. А ежели сказать вамъ по совѣсти, такъ я еще люблю свое ремесло и, кажется, никогда бы съ нимъ не разстался. Знаю самъ, что браконіеры люди самые жалкіе; знаю, что у нашего брата нѣтъ ничего, кромѣ стараго карабина, нѣсколькихъ фунтовъ пороху, да двухъ трехъ собакъ, и его же, бѣднаго, преслѣдуютъ всѣ помѣщики и всѣ мызники, а чуть дурная погода, такъ онъ крадется домой въ заднія двери, чтобъ жена и дѣти не видали его пустаго мѣшка.... Да что жъ дѣлать, мистеръ Мекъ-Ферленъ! Худо и то, если кто безпрестанно жалуется на свое положеніе. Я, благодаря Бога, доволенъ: утромъ, только-лишь встанетъ солнышко, поцѣлую жену, и въ дорогу! Брожу-себѣ по лугамъ и лѣсамъ, свободенъ какъ вѣтеръ, и не боюсь ни одного человека.

— Кромѣ лѣсничихъ, подхватилъ Мекъ-Ферленъ.

— Лѣсничихъ?.... А чего ихъ бояться?.... Кружка добраго пива, и дѣло кончено!..... Между-тѣмъ всѣ трактирщики и содержатели постоялыхъ дворовъ въ околосѣ платятъ за мою дичь чистыми денежками, да и изъ господъ деревенскихъ дворянъ многіе мнѣ обязаны своей славой, будто бы они искусные охотники, и мнѣ не разъ доводилось распить съ ними бутылочку порто.

Въ это время тропинка, по которой слѣдовали наши путешественники, круто поворотила всторону, и они увидѣли передъ собою большую долину, какой еще не случалось имъ встрѣтить. Спустившись по спокойной дорогѣ, осѣненной деревьями, вышли они на берегъ

довольно широкого озера, котораго блестящая, зеркальная, поверхность лежала какъ-будто въ рамѣ изъ воздѣланныхъ полей и садовъ. По ту сторону, на холмѣ, возвышался готическій замокъ; вокругъ него росли высокіе темнозеленыя дубы, и этотъ видъ, особенно послѣ дичи, изъ которой они выбрались, показался имъ восхитительнымъ.

— Вотъ мы и пришли! сказалъ Донель. Но, я думаю, намъ не ловко прямо вломиться въ замокъ, безъ доклада хозяину.... Пойдите, я вызову кого-нибудь изъ Камероновъ.

Донель выдернулъ тоненькій стволъ тростнику, прорѣзалъ на немъ извѣстное число скважинъ, сдѣлалъ дудочку, и заигралъ горную пѣсню. По этому сигналу, черезъ нѣсколько минутъ, на другой сторонѣ озера показался молодой горецъ, отвязалъ лодку, качавшуюся у берега, прыгнулъ въ нее, сѣлъ, и началъ работать веслами. Не успѣлъ Донель похвалить красоту и проворство этого молодаго человѣка, какъ онъ ужъ причалилъ къ холму, на которомъ стояли путешественники, и устремилъ на нихъ взглядъ, выражающій удивленіе.

— По пѣснѣ я думалъ, что вы изъ здѣшнихъ, сказалъ онъ.

— Да, мы ваши друзья, мистеръ Олень, отвѣчалъ Донель. Въ замокъ ли братъ вашъ Ивенъ?

— Въ замокъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ недоверчиво. А вы кто такіе?

Мекъ-Ферленъ подвинулся къ горцу и сказалъ: — Бѣлый козленокъ запутался рогами въ кустарникъ: неужели вы допустите, чтобы его съѣли волки?

Горецъ вздрогнулъ какъ деверлочскія старухи, и поспѣшилъ предложить путешественникамъ, чтобы они сѣли въ лодку, говоря, что братъ его Ивенъ прійметъ ихъ какъ-нибудь лучше.

Черезъ нѣсколько минутъ дѣва остановилась у противоположнаго берега. Всѣ трое вышли и скрылись въ густой аллеѣ, примыкающей къ главному входу въ замокъ. Молодой горецъ провелъ стрелничкомъ черезъ надземный мостъ, и хотѣлъ уже войти на дворъ замка, но Донель остановился, разсмотрѣть охотничьи трофеи, висящіе надъ дубовыми воротами. Тутъ, между кабыньими клыками, заячьими лапками, оленьими рогами, бѣдичьими и лисьими шкурами, онъ замѣтилъ съ удивленіемъ огромную голову волка.

— Не хочу быть добропорядочнымъ браконіеромъ, если когда-нибудь видѣлъ такое чудо! вскричалъ онъ, ударивъ объ землю своимъ карабиномъ. Двадцать лѣтъ хожу по-лѣсу, а еще не случилось поднять съ мѣста такого пріятеля.

— Не мудрено, сказалъ молодой горецъ : волки переселились и въ нашѣмъ краю. Это, кажется, былъ последний : по-крайней-мѣрѣ, съ тѣхъ поръ какъ его не стало, здѣсь уже не видали такихъ звѣрей. Но зато чуть ли этотъ волкъ не былъ и страшнѣе всѣхъ своихъ товарищей : онъ сдѣлалъ намъ столько же зла, какъ краснокафтанники.

— Святой Дунставъ! вскричалъ Донель, продолжая любоваться на волчью голову: какъ это сладили съ такимъ чортомъ?

— Одинъ здѣшній горецъ встрѣтилъ его въ лѣсу, отвѣчалъ Камеронъ. Ему повезло : онъ задушилъ волка просто руками.

— Руками! вскричали оба путешественника. А какъ зовутъ этого горца?

— Олень Камеронъ! отвѣчалъ чей-то пріятель горца.

Мекъ-Ферленъ оглянулся : то была молодая дѣвушка, которая, во время разговора проходя по мосту, незамѣтнымъ образомъ приблизилась къ путешественни-

капитъ, сказала имъ ии побѣдителя страшнаго звѣря, но видно потомъ смутилась отъ этой невольной нескромности, и, побѣжавъ съ быстротою стрѣлы, скоро исчезла на поворотѣ лѣстницы, въ одну изъ сосѣдственныхъ башенъ, такъ-что Мекъ-Ферленъ, едва успѣлъ разглядѣть складки ея волнующагося платья и одну ножку, которая мелькнула яркимъ цвѣтомъ алаго башмачка.

— Это ваша сестрица? спросилъ онъ у Камерона, послѣ привѣтствія его отважному подвигу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ въ замѣшательствѣ.

— Но зачѣмъ же она убѣжала?

— Не знаю, сказалъ молодой человекъ, приходя еще больше въ смущеніе.

— Какой у ней милый голосъ!.... Признаюсь, можно рѣшиться на многое, когда такой герольдъ объявляетъ о вашихъ подвигахъ.... Но чтѣ жъ вы задумались, мистеръ Олень? почему не хотите сказать, кто такъ эта дѣвушка?.... Она ваша родственница? невѣста?

— Будетъ, будетъ! сказалъ Камеронъ: вы закидали меня вопросами. Видно, у васъ нѣтъ привычки ходить въ карманъ за словами. А скажите-ка: чтѣ, если бы я принялся васъ такъ же допрашивать?

Мекъ-Ферленъ почувствовалъ, чтѣ слишкомъ далеко простеръ свое любопытство.

— Виноватъ! сказалъ онъ. Не сердитесь пожалуйста. Когда вы узнаете меня покороче, то сами, можетъ-быть, согласитесь, что я стѣю вашей довѣренности.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Камеронъ. А между-тѣмъ, если вы хотите видѣться съ братомъ, такъ пойдемъ скорѣе. Я слышу рожокъ: это значитъ, что онъ сядетъ обѣдать съ своими гостями.

— Такъ мы понали въ-время, сказалъ Донель, слѣдуя глазами за множествомъ горцевъ, которые, по звуку рожка и пріятному запаху кушанья, выбравшись

изъ разныхъ отдаленныхъ угловъ замка, поспышно проходили черезъ дворъ къ главному корпусу зданія.

— Здѣсь ли мистеръ Годдльстонъ? спросилъ Мекъ-Ферленъ у Камерона.

— Нѣтъ, теперь не здѣсь, отвѣчалъ молодой горецъ.

— Въ такомъ случаѣ нечего дѣлать, сказалъ Мекъ-Ферленъ, оборотясь къ Донелю : хоть мнѣ и жаль тебя, а надобно непремѣнно, чтобъ ты тотчасъ же отправился въ Коннуиль и велѣлъ Годдльстону остаться на мѣстѣ и не терять по-напрасну времени.

— Ого! вскричалъ горецъ : да вы распоряжаетесь мистеръ Годдльстономъ, какъ-будто онъ у васъ на побѣгушкахъ!.... Знаете ли, что у насъ, въ Лочіель, самые дряхлые старики встаютъ, когда онъ войдетъ въ комнату? знаете ли, что начальникъ нашего клана снимаетъ шляпу, когда кто-нибудь только помянетъ имя мистеръ Годдльстона?

— Не сердитесь, мистеръ Олленъ, сказалъ Донель. Мы давно знакомы съ этимъ почтеннымъ священникомъ. До побѣгу въ ваши горы, онъ долго жилъ у насъ въ Боскоблѣ, вѣнчалъ меня съ женой моей Джанной....

— Какъ! такъ вы изъ Боскобля? съ живостью спросилъ Камеронъ.

— Еще бы не изъ Боскобля! отвѣчалъ Донель. Слава Богу, братьевъ Пиндрелль знаютъ по всему околodu: одинъ мельникъ, другой лѣсникъ, третій дровосѣкъ, четвертый.....

— Довольно, довольно! перебилъ Мекъ-Ферленъ: если ты начнешь высчитывать всѣхъ своихъ родственниковъ, такъ и къ завтраму не прійдешь въ Коннуиль. Отправляйся скорѣе.

Браконіеръ почтительно поклонился и убѣжалъ. Камерону, кажется, это очень не нравилось, какъ-будто онъ желалъ поговорить съ нимъ по-болѣе о Боскоблѣ.

Но рожокъ продолжалъ сзывать запоздалыхъ собесѣдниковъ, и онъ повелъ Мекъ-Ферлена въ столовую зѣмка.

III.

Пройдя нѣсколько комнатъ, они остановились у входу въ большую залу, въ которой человѣкъ шестьдесятъ толпились вокругъ стола съ кушаньями. Присутствіе посторонняго было въ то время рѣдкостью въ кланѣ Камероновъ, и Мекъ-Ферленъ обратилъ на себя общее вниманіе. Всякій смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, вглядываясь въ лицо его и въ осанку. Казалось однако жъ, что этотъ осмотръ приводилъ къ выгоднымъ для него заключеніямъ. Макъ-Ферленъ былъ такъ же хорошъ и молодъ, какъ Олень Камеронъ, а женщины, сравнивая ихъ между собою, говорили еще, что въ чертахъ Мекъ-Ферлена болѣе благородства, величія. Мужчины, съ своей стороны, завели споръ о томъ, изъ какого онъ клана. Между-тѣмъ Ивенъ, сидя въ своихъ начальничьихъ креслахъ, не замѣчалъ приближенія незнакомца. Онъ разговаривалъ съ однимъ старикомъ, который почтительно стоялъ передъ нимъ съ открытою головою. Его можно было узнать только по узкимъ лосиннымъ штанамъ, составлявшимъ единственное отличіе одежды предводителя отъ одежды простыхъ горцевъ. Хотя Ивенъ сидѣлъ задомъ къ окошку, однако жъ былъ достаточно освѣщенъ нѣсколькими лучами солнца, падавшими сквозь сдѣланную на потолкѣ отдушину. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока и цѣлою головою выше всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Черты лица его очень мало походили на братнины: привычка повелѣвать и тягости воинской жизни придали имъ суровое выраженіе, которое еще болѣе было замѣтно отъ темноцвѣтной одежды и большаго черна-

го пера, приколотого спереди къ его шапкѣ. Просторъ около креселъ Ивена, тогда какъ въ другихъ частяхъ залы было тѣсно, обнаруживалъ уваженіе и страхъ, которые онъ внушалъ всѣмъ Камеронамъ.

— Къ намъ пришелъ гость, сказалъ Олленъ, подходя къ брату. Его зовутъ Мекъ-Ферленомъ. Онъ изъдалека и усталъ.

— Мекъ-Ферленомъ? повторилъ Ивенъ, съ любовью остановивъ взглядъ свой на нѣжной и благородной физиономіи Оллена. Мнѣ знакомо это имя. Гдѣ онъ?

Мекъ-Ферленъ въ это время отдавалъ служителю своего сокола. Подходя къ начальнику клана, онъ случайно взглянулъ на-право, и увидѣлъ молодую дѣвушку, которая показалась ему той самой, что мелькнула передъ нимъ на мосту. Но она стыдливо спряталась за другихъ собесѣдниковъ, и онъ опять не успѣлъ разсмотрѣть лица ея. Только прекрасная талія и длинные черные волосы, скатившіеся локонами на бѣлыя плечи, могли дать ему нѣкоторое предчувствіе, какъ должна быть хороша эта особа.

— Что же вы стали, мистеръ Мекъ-Ферленъ? сказалъ ему Олленъ. Или старикъ Билли-Блинъ околдовалъ васъ?

Мекъ-Ферленъ опомнился и подошелъ къ Ивену. Увидѣвъ его, предводитель Камероновъ вскочилъ и снялъ шапку: Оллену показалось даже, что онъ хочетъ стать на колѣни; но въ эту минуту громкій голосъ раздался въ комнатѣ, и начальникъ клана пришелъ въ себя.

— Не пора ли за столъ, мистеръ Мекъ-Коннуиль? говорилъ этотъ голосъ.

— Да, правда ваша, сэръ Джонъ, отвѣчалъ Ивенъ, надѣвая шапку. — Садитесь возлѣ меня, мистеръ Мекъ-Ферленъ, прибавилъ онъ дружески: а послѣ обѣда поговоримъ о дѣлахъ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ гость, безъ церемоній сѣсть рядомъ съ начальникомъ ялана. Хотя мы не видались болѣе году и намъ есть о чемъ побесѣдовать, однако жъ я очень охотно вынью рюмку хорошаго вина, да не откажусь и отъ этой дичины.

Говоря такимъ образомъ, Мекъ-Ферленъ отрезалъ кусокъ пирога, положилъ его передъ собою на голый столъ, и принялся утолять свой голодь, не обращая ни на кого вниманія. Между-тѣмъ многочисленные жители лочельскаго замка также размѣстились около трапезы, и каждый, вынувъ изъ-за пояса свой собственный ножикъ, спѣшилъ сдѣлать честь вкусному кушанью. Огромныя части говядины, бока и окороки дикихъ козловъ, разныя птицы, исчезали со стола какъ снѣгъ подъ солнечными лучами. Но когда первое чувство голоду было утолено, собесѣдники начали разговаривать, и мало-по-малу зала наполнилась шумомъ.

— Право, мистеръ Мекъ-Коннуиль, сказалъ одинъ голосъ, который заглушалъ всѣ другіе : право, говорю вамъ, здѣшній замокъ никакъ не назовешь увеселительнымъ замкомъ, и ежели мнѣ достанется прожить у васъ еще съ мѣсяць, то я рѣшительно умру отъ тоски.

Странность этихъ словъ, англійскій выговоръ, которымъ они были сказаны, привлекли вниманіе Мекъ-Ферлена. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ прямо передъ собой человѣка, котораго нарядъ совсѣмъ не походилъ на одежду другихъ собесѣдниковъ, а румяное и свѣжающееся лицо вовсе не согласовалось съ печальнымъ предсказаніемъ о скорой смерти. Такого человѣка скорѣй бы можно было встрѣтить въ какой-нибудь лондонской гостинницѣ, за столомъ, уставленнымъ дюжиной сытыхъ блюдъ, чѣмъ въ глуши Очильской горной цѣпи, подъ пролепью нидерландскаго вѣдводителя. Его толстое брюхо, цвѣтушія щеки, самодовольный

видъ, все это гораздо болѣе шло чѣмъ какому-нибудь англійскому джентльмену, нежели къ воцѣвленному горну.

— Вы, вѣрно, меня не знаете, молодой человекъ? сказалъ онъ, замѣтивъ, что Мекъ-Ферленъ смотритъ на него съ особеннымъ любопытствомъ. Я, какимъ вы меня видите, председатель боскобльскаго суда, что въ Шропшейръ.

— Извините, сэръ, отвѣчалъ Мекъ-Ферленъ. Я не думалъ, что имѣю честь сидѣть съ такой важной особой. Чай, дѣла графства идутъ очень дурно въ ваше отсутствіе?

— О! ужъ конечно, мистеръ Мекъ.... Мекъ.... отвѣчалъ судья: чортъ возьми всѣ ваши *меки*! никакъ не могу выговорить. То ли дѣло христіанское имя, какъ мое, напримѣръ? Сэръ Джонъ Рамсе! Выговаривается такъ плавно, безъ всякаго затрудненія, и пріятно для слуху! А ваши проклятыя имена.... Скорѣе я вышью цѣлую бочку ирландскаго пива, нежели слажу съ какимъ-нибудь шотландскимъ прозвищемъ!

— Для чего же вы живете въ Шотландіи, если не любите этого краю? спросилъ Мекъ-Ферленъ.

— Для чего!.... для чего! воскликнулъ Англичанинъ сердито. Спросите объ этомъ у нашего хозяина. Ужъ разумѣется не по своей волѣ.... Да, сударь! повѣрите ли?... человекъ самый миролюбивый въ подсолнечной, чиновникъ гражданской службы, который съ-роду не бралъ въ руки ружья и проливалъ кровь только тетеревей, куропатокъ и рябчиковъ, я, однако жъ, военнопламенный!

— Отчего же и не повѣрить, если вы сами въ этомъ ручаетесь? отвѣчалъ Мекъ-Ферленъ. Но, признаюсь, мнѣ очень странно, какимъ образомъ такой кроткій человекъ могъ подвергнуться участи завоевателей. Расскажите мнѣ пожалуйста этотъ случай. Я въ ста-

рые годы пользуется некоторымъ вниманіемъ со стороны нашего хозяина, и, можетъ-статься, помогу вамъ.

— Ахъ! сдѣлайте одолженіе!... И если когда-нибудь вамъ случится проезжать черезъ Боскобль, то, смотрите, не минуите дому тамошняго судьи. Вамъ всякой мальчикъ его укажетъ : при самой опушкѣ лѣсу, съ балкономъ и зелеными ставнями : лучший домъ въ цѣломъ графствѣ. Милости прошу : крайне одолжите. А что касается до моей исторіи, такъ она вся въ двухъ словахъ. Я былъ въ Ирландіи, ѣздилъ повидаться съ женниными родными, потому что леди Рамсе, жена моя, — дай Богъ ей царство небесное! — была родомъ Ирландка, изъ Лондондери. Вотъ, когда мнѣ пришло время отправляться назадъ, пошелъ я въ гавань и вижу, на одинъ брикъ таскаютъ огромные паки съ товарами, а на нихъ вездѣ надпись : «Мистеру Вилліаму Гарисону, продавцу суконъ, въ Честеръ».... Вы смѣетесь, Мекъ-Коннуиль?... Смѣйтесь! На вашей улицѣ праздникъ : научили меня, что не надобно вѣрить надписямъ на товарныхъ пакахъ! Но скажите : что бы вы сами сдѣлали на моемъ мѣстѣ?... Однако жъ надобно продолжать рассказъ. Увидѣвъ эти проклятыя надписи, я ту же минуту адресуюсь къ шкиперу брика. Его звали Таттершаль, и, правду сказать, онъ гораздо больше походилъ на морскаго разбойника чѣмъ на честнаго подданнаго его величества.

— На подданнаго республики, вы хотите сказать, перебилъ начальникъ клана.

— Ну, да, да! ужъ это ваша манера, Мекъ-Коннуиль, ловить каждое мое слово. Человѣкъ принимаетъ привычки тѣхъ, съ кѣмъ живетъ. Знаете басню про полевою цвѣтокъ и гвоздику?... Но теперь рѣчь не о томъ. Продолжаю свою исторію. Такимъ образомъ я адресовался къ шкиперу Таттершалю. Онъ сидѣлъ на скамьяхъ и спокойно курилъ въ турецкой трубкѣ конт-

рабадней табакъ. «Мистеръ Таттершалъ, сказалъ я ему учтивыи образци : не можете ли вы взять на свой брикъ двухъ пассажировъ? Мнѣ хотѣлось бы неспроста добраться до Честера.» Промлятый шкиперъ посмотрѣлъ на меня съ улыбкой, и сначала какъ будто замялся; но я сказалъ ему свое имя, званіе, должность, и онъ тотчасъ принялъ меня. Въ тотъ же вечеръ мы съ дочерью перебрались на брикъ, а на другой день я проснулся....

— Въ Честеръ? сказалъ Мекъ-Ферленъ.

— Да, какъ бы не въ Честеръ!... Нѣтъ, сударь, въ Дембартонъ, въ Шотландіи : присутствіе англійскаго чиновника на брикъ помогло шкиперу провести къ бунтовщикамъ грузъ аммуниціи и оружія!

— И прекрасно! Вы оказали важную услугу королю: за что же сердитесь на бѣднаго Таттершала?

— Гмъ!... за что сердитесь!... Но я продолжаю разсказъ. Таттершалева штука сдѣлала меня осторожнымъ : я не зналъ навѣрное, куда завезетъ насъ другой корабль, ежели мы пустимся опять моремъ, и потому разсудилъ отправиться въ Англію сухимъ путемъ, черезъ Гласко.... Увы! теперъ вижу, что море, можетъ стать, было надежнѣе, какъ и увѣрялъ Таттершалъ. Мы съ дочерью пустились верхами, къ вечеру пріѣхали въ одну очень уединенную гостинницу, и тутъ я имѣлъ удовольствіе встрѣтить.... Но куда вы такъ пристально смотрите, мистеръ Мекъ-Ферленъ? Вы не слушаете что я разсказываю.

— Извините, отвѣчалъ Мекъ-Ферленъ. Я немножко задумался. Продолжайте, сдѣлайте одолженіе.

— Въ этой гостинницѣ я имѣлъ удовольствіе встрѣтить нашего хозяина, мистеръ Ивена Мекъ-Ионнуила. Онъ мнѣ очень понравился. Мы вмѣстѣ ужинали : я разсказалъ ему все, что со мною случилось, и говорилъ между прочимъ, что негодий Таттершалъ скоро узна-

сэръ, какво обманывать такихъ людей какъ и. Ивенъ во всемъ со мной соглашался, но на другой день, когда я хотѣлъ ѣхать, онъ въжливо пригласилъ меня погостить немножко въ его, такъ-называемомъ замкѣ. Я былъ одинъ съ дочерью, а за нимъ цѣлая дюжина горцевъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ: следовательно вы легко можете понять, что я не заставлялъ просить себя дважды.

— И очень благоразумно сдѣлали, любезный сэръ Джонъ, сказалъ Мекъ-Ферленъ. — Но теперь Таттершалъ уже въ безопасности, прибавилъ онъ, обратившись къ начальнику клана : освободите своего племянника.

Мекъ-Коннуиль, молча, кивнулъ головой.

— Вы можете ѣхать, продолжалъ Мекъ-Ферленъ повелительнымъ тономъ. Ивенъ дастъ вамъ конвой до Эдинбурга. Побзжайте завтра, сегодня, когда разсудите.

Говоря это, Мекъ-Ферленъ печально взглянулъ на дѣвушку, которая давно уже мѣшала ему слушать рассказъ сэръ Джона. По выраженію лица его, можно было понять, что онъ никогда не встрѣчалъ такой прелестной особы. Въ-самомъ-дѣлѣ, она была удивительно хороша, особенно въ эту минуту : голубые глаза, высокій лобъ, бѣлое платье, и солнечный лучъ, который вкось падалъ на ея плечи и голову, придавалъ ей видъ свѣтлаго ангела, слетѣвшаго съ неба. Она въ концѣ обѣда вышла изъ комнаты, пробѣжала по садовымъ дорожкамъ, и воротилась съ цвѣткомъ, который ничуть не превосходилъ ея въ свѣжести. Прокравшись на цыпочкахъ вдоль стѣны, она подошла къ стулу сэръ Джона и тихонько положила свою бѣленькую ручку къ нему на плечо.

— А! это ты, Юдионъ! сказалъ старый судья, поднявъ глаза на красавицу. Душенька, мы свободны....

Пойдемъ укладываться въ дорогу! Я хочу ѣхать сегодня же. — Разстанемтесь но-дружески, мистеръ Мекъ-Коннуиль! прибавилъ онъ, протягивая руку къ начальнику клана. Ежели будете въ Шромшейръ, вспомните о своемъ пріятелѣ. Мой домъ, знаете, у опушки лѣсу, съ балкономъ и зелеными ставнями. Боже оборони, ежели вы проѣдете мимо, не навѣстивъ меня : я буду крѣпко сердиться!

Сказавъ это, старикъ вышелъ изъ комнаты. Юдией задумчиво взглянула на Олена, уронила цвѣтокъ, который былъ у нея въ рукѣ, и пошла за отцомъ. Олень проводилъ ее глазами. Ему было странно и удивительно, что Мекъ-Коннуиль дозволяетъ постороннему человѣку такъ самовластно распоряжаться плѣнниками : онъ не зналъ какъ это растолковать и, въ недоумѣніи, въ грусти, невольнымъ образомъ вышелъ вслѣдъ за старымъ судьей и прекрасной дѣвушкой.

— Бѣдный молодой человѣкъ! сказалъ Мекъ-Ферленъ. Онъ будетъ мной недоволенъ : онъ начиналъ такой прелестный романъ!

— Вы думаете? подхватилъ Ивенъ.

— А почему жъ и не такъ? отвѣчалъ Мекъ-Ферленъ. Я самъ, на его мѣстѣ, сдѣлалъ бы то же. — Но мнѣ запрещено любить, прибавилъ онъ съ печальной задумчивостью : молодость моя должна пролетѣть безъ нѣжнаго чувства. При встрѣчѣ съ прекрасной женщиной, я долженъ потуплять глаза, чтобы не видѣть ея, долженъ класть руку на сердце, чтобы оно не смѣло забиться любовью.... Увы! вся жизнь моя пройдетъ такъ же какъ проходитъ теперь.... грустная и кровавая повесть!

Мекъ-Ферленъ съ начальникомъ клана отошли къ окну. Зала пуста : они остались одни и хотѣли заняться важными разговорами ; но вдругъ вбѣжалъ Олень.

— Къ оружію! къ оружію! кричалъ онъ. Краснокофтанники окружили замокъ и сейчасъ войдутъ въ эту комнату!

— Краснокофтанники? повторилъ Мекъ-Коннуиль, схвативъ свою губительную клеймору : краснокофтанники?... О! мы ихъ проучимъ!

IV.

Но сказавъ это, грозный шотландскій военачальникъ взглянулъ случайно на Мекъ-Ферлена, и лицо его, пылавшее заревомъ ярости, поблѣло какъ снѣгъ. Нельзя однако жъ было теряться и медлить : уже подъ сводами замка раздавались звуки военной музыки; горцы, съ оружіемъ въ рукахъ, наполняли комнату.

— Ну что жъ? сказалъ Мекъ-Ферлень : мы станемъ защищаться. Логовище леопарда всегда бываетъ раскрыто : войти не мудрено; но каково-то выйти?

— Вотъ они, вотъ краснокофтанники! кричали горцы, потрясая своими клейморами и становясь въ ряды около Мекъ-Коннуиля.

Мекъ-Коннуиль обратилъ взглядъ на дверь, ведущую изъ залы въ длинную галерею, и увидѣлъ, что тамъ идутъ двое англійскихъ офицеровъ. Съ ними не было никого, и даже шпаги ихъ оставались въ ножахъ.

— Впустите этихъ людей! сказалъ Ивентъ, сдѣлавшись спокойнымъ и хладнокровнымъ по-прежнему.

Офицеры вошли. То были наши знакомые, капитанъ Гедеонъ Осквебагъ и его неразлучный поручикъ Де-Профундись. Горцы встрѣтили ихъ непріязненнымъ гдворомъ.

— Ктѣ васъ прислалъ? спросилъ Мекъ-Коннуиль, сдѣлавъ знакъ своимъ подчиненнымъ, чтобъ они молчали: чего вы ищете въ этомъ замкѣ ?

— Вы хотите знать кто насъ прислалъ? отвѣчалъ капитанъ Гедеонъ съ привычной торжественностью. Насъ прислалъ генералъ Кромвелль, орудіе Всемогушаго, верховный предводитель всѣхъ англійскихъ силъ, протекторъ и устроитель всего государства....

Ивенъ пожалъ плечами.

— Короче, короче, мистеръ Осквебагъ! шепталъ между-тѣмъ де-Профундись : вѣдь вы ихъ не къ присягѣ приводите.

— Чтò же касается до того, продолжалъ капитанъ, принимая еще величественнѣйшую осанку : чтò же касается до того, зачѣмъ мы пришли сюда, то.... то вы это сейчасъ узнаете. Вчерашній день ваши люди отбили стадо, слѣдовавшее за нашимъ авангардомъ. Генералъ Кромвелль возложилъ на насъ истребовать удовлетвореніе.

— А какое удовлетвореніе? спросилъ Мекъ-Коннуиль.

— Бездѣлку! отвѣчалъ капитанъ.

— Но какое же?... Говорите прямо.

— Во-первыхъ, вы обязываетесь возвратить стадо.

— Согласенъ.

— Во-вторыхъ, вы должны отсчитать намъ, въ видъ военной контрибуціи, двѣсти гиней. Это послѣдняя цѣна : мы не торгуемся.

— Согласенъ.

— Въ-третьихъ, вы должны намъ выдать трехъ чело-вѣкъ изъ своего клана, для законнаго разстрѣлянія.

При этомъ вся зала огласилась крикомъ. Горцы устремили глаза на своего предводителя и только ожидали отъ него знака, чтобъ растерзать дерзкихъ пословъ Кромвелля. Но Ивенъ нахмурился, закусилъ губы, стиснулъ въ рукъ эфесъ своей шпаги, и отвѣчалъ : — Согласенъ.

— Нѣтъ ни какихъ средствъ разсердить этого чело-

гда, шенуль Галеонъ на ухо своему поручику : онъ образецъ кротости, настоящій агнецъ.

— Теперь все ли, господа? спросилъ Мекъ-Коннуиль.

— Итъ еще, отвѣчалъ Де-Профундись. Въ-четвертыхъ, вы обязываетесь выставить намъ теперь же двѣ добрыя кружки виски, потому что мы умираемъ отъ жажды. — Не правда ли, капитанъ?

— Молчать! закричалъ Мекъ-Коннуиль, обращаясь къ горцамъ : кинжалы за поясъ! шпаги въ ножны!.... Чтобы никто не смѣлъ протавиться моему приказанію.

— Такъ наши условія все приняты? спросилъ Галеонъ.

— Все, отвѣчалъ предводитель клана. Черезъ четверть часа вы будете совершенно удовлетворены и тогда, я надѣюсь, очистите замокъ?

— Немедленно, съ величайшей поспѣшностью! отвѣчалъ Де-Профундись.

— Такъ не угодно ли войти въ эту комнату? сказалъ Мекъ-Коннуиль. Я велю принести вамъ двѣ кружки виски и стаканы.

Ощперы ушли. Начальникъ клана притворилъ за ними дверь, и воротился на середину залы.

— Я обещалъ вамъ трехъ человѣкъ, сказалъ онъ. Справедливость требуетъ, чтобы это были тѣ самые, которые отбили непріятельское стадо..... Виноватые! объявите себя!

На этотъ вызовъ откликнулся Олень и еще два горца.

— Мы виновные! сказалъ Олень.

— Какъ?.... только трое?

— Только трое.: Робъ, Геминъ и я.

Ивенъ велѣлъ рассказать приключеніе. Подвигъ трехъ горцевъ былъ, конечно, не что иное, какъ без-

полезное проявленіе удачества, и имѣлъ даже вредныя послѣдствія ; но, какъ самъ предводитель , такъ и всѣ его подчиненные, не могли не подивиться ловкости, хитрости и необыкновенной смѣлости, съ какими три молодые горца произвели свою замѣтную экспедицію. По всей залѣ только и были слышны, что похвалы. Мекъ-Коннуиль долго сидѣлъ и не говорилъ ни слова; наконецъ всталъ.

— Тихе ! шептали горцы : начальникъ хочетъ говорить.

— Ты отправишься съ Англичанами, Олленъ ! сказалъ Мекъ-Коннуиль. Поди простись съ матерью.

Олленъ, не измѣнившись въ лицѣ, протянулъ къ нему руку.

— А ты, Ивенъ, сказалъ онъ : ты развѣ не хочешь со мной проститься ?

Два Камерона бросились другъ къ другу въ объятія. Въ это время одинъ дряхлый горецъ выступилъ изъ рядовъ, приблизился къ братьямъ, и, скрестивъ руки на груди, сказалъ вполголоса : — Давно ли орелъ пересталъ беречь орлятъ своихъ ?

— А давно ли, Мекъ-Дреммондъ, старики забыли правила благоразумія и сдѣлались дерзки какъ ребятишки !

— Какъ ! продолжалъ старикъ : у тебя, кромѣ этого брата, нѣтъ ни какого семейства, онъ — послѣдній потомокъ лѣчельскаго роду, а ты его предаешь на закланіе !... Я думалъ, что ты любишь его, потому что онъ выросъ на твоихъ глазахъ, ты самъ училъ его владѣть оружіемъ, ты заступилъ ему мѣсто отца, ты не женился въ другой разъ, когда Богъ прибралъ къ себѣ жену твою.... Всѣ говорили въ кланѣ, что Олленъ будетъ твоимъ наследникомъ, господиномъ нашихъ высокихъ горъ. И что жъ вышло ?.... Ты жертвуешь имъ Англичанамъ !... Но скажи, Ивенъ :

кто же стаетъ' носить твою Клеймору, когда ты будешь не въ силахъ обнажить ее? кто будетъ украше-
нiемъ и радостью твоего дому?... Ивентъ! и у меня бы-
ли дѣти: они померли.... но они померли насраженнiи,
а не разстрѣляны какъ злодѣи!

Мекъ-Коннуиль, казалось, былъ тронутъ началомъ
этой рѣчи, однако жъ сохранялъ все наружное спокой-
ствiе, выслушалъ ее до конца, потомъ провелъ рукой
по лбу, и сказалъ съ твердостью: — Дѣло рѣшено!....
Ты отправишься, Оленъ!

— Нѣтъ, онъ не отправится! возразилъ Мекъ-Дрем-
мондъ. У тебя есть что-то на умѣ,.... не знаю,.... есть
какая-то тайна; но ежели тебѣ непременно надобно
къ-нибудь пожертвовать, то пожертвуй по-крайней-
мѣрь людьми, которые ни на что не годятся и только
ожидаютъ безславной смерти въ своихъ жилищахъ. Я
первый готовъ отправиться съ Англичанами.

Нѣсколько стариковъ, съ бѣлыми головами, выдвиг-
нулись впередъ и закричали: — И мы, и мы!

Мекъ-Коннуиль пришелъ въ замѣшательство; одна-
ко жъ ничто не показывало, чтобы онъ хотѣлъ пере-
мѣнить приговоръ.

Мекъ-Коннуиль! продолжалъ между-тѣмъ старикъ,
который завелъ этотъ споръ: видишь ли, сколько у ме-
ня сподвижниковъ? Весь кланъ, ежели бъ было нужно,
перешелъ бы на мою сторону; всѣ думаютъ то же, что
я: никто не одобряетъ твоего поступка. Сегодня у те-
бя требуютъ трехъ плавниковъ, но завтра, быть-мо-
жетъ, потребуютъ больше, послѣ-завтра еще больше...
Если ты станешь отдавать молодежь, кто же будетъ
защищать наши горы, наши жилища?... Подумай обо
всѣмъ этомъ, Мекъ-Коннуиль, и согласишься на желанiе
старыхъ воиновъ, которые теперь ужъ не въ силахъ
сражаться, но которые, однако жъ, заслуживаютъ не-
много твоего уваженiя своими прежними подвига-
ми.....

Иванъ всё-еще колебался. Мекъ-Дреммондъ продолжалъ :

— Берегись своего рѣшенія : ты будешь долженъ дать отчетъ Богу!.... А что касается до твоей жестокости съ нами, твоими драхлыми подданными, то я на коленяхъ прошу тебя не отказывать въ милости, о которой мы всё умоляемъ!....

Старикъ въ самомъ дѣлѣ кинулся на колѣни.

— Ежели ты не согласишься, прибавилъ онъ рѣшительнымъ голосомъ : ежели ты не согласишься, я возьму свою палку, пойду въ лагерь Кромвелля, отдавъ свою бесполезную жизнь, умру подъ ударами....

— Пошлите сюда англійскихъ офицеровъ! вскричалъ Мекъ-Коннуилъ, крѣпко сжавъ его руку.

— Мы ужъ здѣсь, отвѣчалъ Гедеонъ, которому кружка виски придала новой смѣлости.

— А! вы ужъ здѣсь! Сейчасъ будутъ выполнены всѣ ваши требованія. Вы получите деньги. — Олень! вотъ ключъ. Сходи въ мою комнату.

— Пронуетите этого челоуѣка! сказалъ капитанъ двумъ солдатамъ, которые стояли у дверей.

— Я сбывалъ вамъ трехъ плѣнниковъ, продолжалъ Иванъ. — Вотъ они! присовокупилъ онъ, указывая на Мекъ-Дреммонда и двухъ другихъ стариновъ.

Весь кланъ тотчасъ окружилъ этихъ мучениковъ : всѣ прощались съ ними, благословляли ихъ, обливали слезами ихъ топяи руки и съдыя головы. Но они сохраняли геройскую твердость духа и сами же утѣшали плачущихъ. Въ это время Мекъ-Ферленъ, который до тѣхъ поръ стоялъ второнъ и казался погруженнымъ въ задумчивость, подошелъ къ капитану, снявъ свою шапку и сказалъ съ разсѣяннымъ видомъ : — Не прикажете ли, господинъ капитанъ, сходить за стадомъ? Я слышнй пастухъ. Поле далеко : надо по-крайней-мѣрѣ съ полчаса времени, чтобы пригнать стадо сюда.

— Такъ что жъ ты нейдешь? подхватилъ капитанъ.
Пошелъ проворнѣе!

— А ваши солдаты?... разве они меня пропускаютъ?

— Вотъ тебѣ моя перчатка. Покажи ее тому, кто будетъ тебя останавливать, и тебѣ вездѣ дадутъ дорогу.

— Слушаю, господинъ капитанъ.

Мекъ-Ферленъ пошелъ въ двери.

— Проворнѣе же! закричалъ ему Гелесанъ.

— А! ослышалъ Мекъ-Ферленъ, съ улыбкой оглянувшись на капитана: вѣдь, видно, очень хочется мадамо-сюрте опять угодить.

— Ночь извѣсти лодка, шелъ ему Мекъ-Коннуиль.
Богъ да будетъ вашимъ спутникомъ!

Онъ подошелъ къ окну и устремилъ глаза на кустарникъ, росшій въ некоторомъ разстояніи отъ наружныхъ стѣнъ замка, по берегу озера. Скоро на узкой тропинкѣ, которая пробиралась этимъ кустарникомъ, показалась человѣческая фигура. Это былъ Мекъ-Ферленъ: онъ шелъ вмѣстѣ съ Олленомъ. Подкравшись къ двумъ старымъ дѣвамъ, которыя купали свои длинныя волосы въ водѣ въ озерѣ, они бросились въ стоящую тутъ лодку, начали работать веслами и вмгъ исчезли изъ горизонтномъ. Радость засверкала въ глазахъ Мекъ-Коннуиль.

— Не хотите ли выпить вина? сказалъ онъ офицеру. Выйдите опять въ эту комнату: я прищиплю вамъ двѣ три бутылки; а между-тѣмъ и стадо подосядетъ.

Капитанъ и поручикъ были не такіе люди, чтобъ отказаться отъ подобнаго предложенія. Проводивъ ихъ въ другую комнату, Ивонъ верзнулся въ залу и подошелъ къ Мекъ-Дремонду.

— Ты удивляешься, что я такъ поступаю? сказалъ онъ вполголоса: ты не узнаешь во мнѣ потомка Коннуиль? Не знаешь ли ты, что когда Англичане вошли въ замокъ, здѣсь былъ король?

— Король!....

— Да, король Карль Второй.... молодой человекъ, котораго называли Мекъ-Ферленомъ....

— О, Боже мой!.... И я и не узналъ его!.... Однако жь онъ похожъ на отца.

— Понимаешь ли теперь, что мнѣ нельзя было дѣйствовать иначе.

— Но увѣренъ ли ты, что король спасся?

— О! если бы я былъ въ этомъ увѣренъ! сказалъ Мекъ-Коннуиль, стиснувъ рукоять своей клеймورى: если бы.... Но подождемъ! Я продержу здѣсь краснокафтанниковъ; между-тѣмъ братъ мой провожаетъ Карла: черезъ несколько минутъ они будутъ въ дѣсу, въ совершенной безопасности, и тогда.... тогда....

Спустя минутъ десять, Мекъ-Коннуиль подошелъ къ дверямъ комнаты, гдѣ были офицеры, и сказалъ, дрожа отъ ярости: — Господа! вамъ пора убраться изъ замка.

— Ага! зашептали между собой горцы: левъ просыпается!

— Да, да, отвѣчалъ между-тѣмъ Гедеонъ: вотъ мы только допьемъ эту бутылку, и тотчасъ выступимъ. Готовы ли деньги, пльнники, стадо?.... А впрочемъ, прибавилъ капитанъ съ высокомеріемъ, которое еще усилилось въ бесѣдѣ съ бутылкой: впрочемъ, ежели вамъ перестали нравиться наши условія, такъ стоить только сказать: со мной пять сотъ человекъ, которые какъ-разъ васъ проучатъ.

— Камероны! закричалъ Мекъ-Коннуиль: смерть краснокафтанникамъ!

— Смерть, смерть краснокафтанникамъ! отозвались горцы.

— За мной, друзья! скомандовалъ предводитель, кидаясь къ дверямъ съ обнаженной шпагой.

Но въ эту минуту дверь растворилась, и въ комнату вошелъ Мекъ-Ферлень.

V.

Неожиданное возвращеніе мнимаго горца мгновенно измѣнило положеніе обстоятельствъ. Ивенъ не могъ скрыть своего ужасу; руки его опустились; онъ подбѣжалъ къ своимъ воинамъ и закричалъ громовымъ голосомъ :

— Стой!.... Первый, кто тронется съ-мѣста, погибнетъ отъ моей шпаги.

Камероны повиновались съ ропотомъ. Предводитель бросился между капитаномъ и Мекъ-Ферленомъ, такъ, что ему пришлось бы подвергнуться всѣмъ ударамъ перваго, если бы тотъ вздумалъ напасть на послѣдняго. Но Мекъ-Ферленъ въ это время ужъ не имѣлъ своего прежняго безпечнаго виду: руки его лежали на пистолетахъ, а лицо приняло то гордое и задумчивое выраженіе, которое составляло общій характеръ физиономій всѣхъ членовъ дому Стюартовъ.

Радуюсь внутренно, что дѣла пошли на раздоръ, Гедеонъ установилъ солдатъ своихъ въ боевой порядокъ.

— Капитанъ! сказалъ ему Мекъ-Коннуиль: не проливайте крови у меня въ домъ. Я согласенъ на все: возьмите всѣ мои деньги, плѣнниковъ, стадо; только не начинайте кровопролитія. Я немножко погорячился.... не могъ удержать своей вспыльчивости.... Не забудьте это!.... и если нужно, удвойте, учетверите свои требованія! Я готовъ выполнить все.

— Очень жалю, отвѣчалъ Гедеонъ: но теперь ужъ поздно. Когда моя шпага выдернута изъ ноженъ, ее трудно вложить назадъ.

Осивебагъ обернулся къ поручику и заговорилъ съ нимъ вполголоса, какъ-будто советуясь о чемъ-то важномъ. Оба косились на Мекъ-Ферлена.

— Старикъ Ноль обрадуется безъ памяти, сказалъ наконецъ Де-Профундись, съ странной улыбкой.

— Надвюсь, отвѣчалъ капитанъ, и горцы замѣтили, что безтрепетный Мекъ-Коннуиль задрожалъ какъ женщина.

Предводитель клана, въ отчаяніи, оглянулся кругомъ: казалось, что онъ искалъ выхода. Но двери были подъ крѣпкимъ надзоромъ: выйти нельзя. Глухое стенанье вырвалось изъ вѣрной груди Камерона. Какъ левъ, преследуемый многочисленными охотниками, онъ медленно подался назадъ, и прикрылъ своимъ тѣломъ юнаго принца, который стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ.

Въ это время вдругъ раздался залпъ, отъ котораго задрожали стѣны замка. Эхо повторило его въ ближнихъ горахъ и замерло въ отдаленіи. Мекъ-Ферленъ скинулъ свою зеленую бархатную шапочку, тряхнулъ белокурыми волосами, которые въ крупныхъ кольцахъ разсыпались по плечамъ его, и подошелъ къ открытому окошку.

— Капитанъ! сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ: вы видите, небо ясно: ни одного облака; следовательно это не громъ. Какъ же вы думаете, что это такое?

Гедсонъ приблизился, взглянулъ внизъ за окно, и отступилъ съ ужасомъ.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ: решетка опущена, мосты подняты.... мы въ паву?

— Вижу, что вы мастеръ догадываться, отвѣчалъ Мекъ-Ферленъ. Но ужъ посмотрите, пожалуйста, внимательно. Кажется, вонъ тамъ разставлены часовые: на стѣнахъ, на мосту, вдоль рва и въ долину, вездѣ я вижу людей, и, если не ошибаюсь, они не въ красивыхъ мундирахъ.

— Измѣна! закричалъ капитанъ.

— Тито! скажите мѣмой горце, издавъ шумъ у своихъ пистолетовъ. Ежели вы еще разъ крикните, я положу васъ на-мѣсть!

Онъ подошелъ къ другому окну, которое было закрыто отъ солнца, оттолкнулъ ставни, и всѣ увидѣли дыкъ на сосѣднихъ возвышенностяхъ. Широкий бивакъ раскинутъ былъ за кустами; между-тѣмъ группы вооруженныхъ горцевъ спускались въ оврагъ и искали въ глубинѣ его, но мѣста ихъ на тѣсной тропинкѣ безпрестанно занимали новыя группы, и казалось, нѣтъ числа этому ополченію. Де-Профундись хотѣлъ посчитать, но попытка его только лишь увеличила ужасъ обоихъ офицеровъ.

— Что теперь дѣлать? спросилъ у него капитанъ измѣнившимся голосомъ.

— Да развѣ можно что сдѣлать противъ этакой силы? началъ Де-Профундись. Ноль самъ виноватъ: вѣдь онъ зналъ, что генералъ Миддлтонъ стоитъ въ горахъ со всей своей арміей. Впрочемъ, если бы ему вздумалось разсердиться, такъ вы можете напомнить проплывшіе Израиля въ Вавилонъ: съ вашимъ краснорачіемъ тема далеко пойдетъ!

— Какая тутъ тема! сердито подхватилъ начальникъ.

Но едва онъ выговорилъ эти слова, какъ раздались звуки шотландской военной музыки, потомъ нумерный выстрѣлъ снова потрясъ стѣны замка, и капитанъ оббѣднѣлъ отъ ужаса.

— Что жъ вы испугались? сказалъ ему Мекъ-Феррисъ. Постыдитесь! опомнитесь! Это просто перевозка военнаго счастья: отъ чего жъ приходитъ въ стѣны? Думнее послушайте, какой тамъ поднимается шумъ. Это идетъ наша армія. Скоро она вступитъ въ оврагъ, и тогда я не въ состояніи буду остановить провоза. Ежели хотите спасти своихъ людей, не

важно брать ни минуты. — Мекъ-Коннуиль! отбери-те у него шпагу!

— Я хочу удалиться съ военною почестью, сказалъ Гедсонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали горцы : надо убить его!

Мекъ-Коннуиль велѣлъ имъ молчать.

— Вы, вѣрно, шутите, капитанъ? сказалъ Мекъ-Ферленъ. Какое право вы имѣете предлагать намъ усло-вія? и развѣ безчестно уступить превосходнымъ си-ламъ?

— Этотъ молодой человекъ судить весьма основа-тельно, шепнулъ Де-Профундись. Вѣрно, онъ у нихъ какой-нибудь важный человекъ. Я совѣтовалъ бы его держаться : съ нимъ можно будетъ скорѣе пола-дить, чѣмъ съ этими людьми.

— Вы медлите? сказалъ принцъ : вы хотите дождать-ся арміи, чтобы она васъ побилла?... Пусть будетъ по-вашему : предаю васъ грозной судьбѣ! Вы ея вполне заслуживаете.

Капитанъ, перепуганный горделивымъ тономъ, ко-торымъ сталъ говорить мнимый горецъ, подошелъ къ нему съ трепетомъ.

— Я готовъ на все, что вы прикажете, сказалъ онъ замкаясь : я готовъ.... Ради Бога, не отворачивайтесь! выслушайте! Мы пришли сюда не по своей волѣ : насъ прислалъ генералъ. Ежели вы не можете дать намъ свободы, по-крайней-мѣрь возьмите насъ подъ свое по-кровительство.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Мекъ-Ферленъ : вы не хотѣли пощадить насъ, когда мы были въ вашей власти : те-перь мы поступимъ такъ же, какъ вы сами думали по-ступить.

— — Не шлите, помалуйте! вскричалъ капитанъ, бро-сившись на колѣни.

— Все, что я могу сделать, продолжалъ Мекъ-Ферленъ : это.... Скажите! сколько часовъ въ замкѣ?

— Пять сотъ человѣкъ.

— Помните же своего поручика : чтобы черезъ пять минутъ все оружіе вашего отряда было снесено въ эту комнату! Потому вы сберете своихъ людей и, при закрытыхъ глазахъ, выведете ихъ изъ замка. Но.... чуръ не медлить! Еще одинъ мигъ, и я не отвѣчаю за слѣдствія.

Де-Профундисъ, не дожидаясь приказа, побѣжалъ исполнять требованіе. Черезъ пять минутъ, оружіе было снесено въ залу; Гедеонъ выстроилъ людей своихъ на дворъ, пересчиталъ ихъ, и повелъ, какъ стадо мокрыхъ куръ, по подъемному мосту, на которомъ были разставлены шотландскіе часовые. Долго два офицера шли въ глубокомъ молчаніи : не прежде какъ на первомъ привалѣ, они рѣшились начать разговоръ.

— А что? сказалъ Де-Профундисъ : какъ вы думаете, сколько у этого молодаго горца было солдатъ? Я бьюсь объ закладъ, что не меньше двадцати тысячъ.

— Ну его! отвѣчалъ Гедеонъ. Я знаю только, что въ выпитишемъ днѣ была такая минута, когда мы съ тобой очень помахивали на двѣ негодныя фляги, изъ которыхъ все вино вытекло черезъ свищъ.

— Ваша фляжка однако жъ безъ свища, если не ошибусь, сказалъ Де-Профундисъ.

И друзья приступили къ подкрѣпленію своихъ силъ, чтобъ бодрѣе отправиться по дорогѣ въ Стирлингъ.

Между-тѣмъ въ Лочельскомъ замкѣ дѣлались воинственныя приготовленія. Когда красныхъ мундировъ стало видимо, Мекъ-Ферленъ велѣлъ предводителю войскъ слѣдовать за собою и привелъ его на берегъ озера.

— Государь! сказалъ Мекъ-Коннуиль, увидѣвъ себя наединѣ съ Карломъ : мой замокъ сегодня удивительно

двѣхъ чести, какой я никогда не смѣлъ ожидать. Простите, ваше величество, что я не придалъ вамъ чести, какъ Лочель долженъ принимать своего повелителя.

— Не извиняйся, Ивенъ, возразилъ герцогъ: ты сегодня едва-лигь мнѣ самымъ большимъ пожертвованіемъ, на-кучь только можно требовать отъ горда: не обижаясь своей шнаги, вытерпѣвъ оскорбленіе въ собственномъ своемъ домѣ, хотѣлъ предать роднаго брата въ руки непріятелямъ.... Благодарю, Ивенъ! Это стоить всякого великаго приему!

— Государь! продолжалъ Мекъ-Коннуиль: мы все готовы положить свою жизнь за ваше величество. Мой замокъ, земли, слуги, все принадлежитъ вамъ: удостойте располагать ими для себя и для своей арміи.

Король улыбнулся.

— Армія? сказалъ онъ. Да, правда! армія моя точно могла бы помѣститься вся въ этомъ замкѣ!

Мекъ-Коннуиль взглянулъ на него съ удивленіемъ.

Дѣло въ томъ, что мнимая армія, пришедшая съ Карломъ, была не что иное, какъ фантазмагорія. Десятка четыре горцевъ, собранныхъ на скорую руку по деревнямъ, разыгрывали роль войска, которое, при помощи мѣстности, казалось безчисленнымъ. Одни изъ нихъ были разставлены на часахъ; другіе шли по тропинкѣ, скрывались въ оврагъ, и, взбѣжавъ кустарникомъ на гору, снова являлись на той же тропинкѣ, представляя такимъ образомъ безконечную цѣпь грозно вооруженныхъ воиновъ. Между-тѣмъ, по возвышенностямъ, за густыми кустами, разложены были огни, и высокіе столбы дыму, подымавшіеся съ кестровъ, казались издали настоящими бивуакомъ многочисленной арміи, а выстрѣлъ изъ старой, заржавѣвшей пушки, которою управлялъ только одинъ человекъ, не жалѣя впрочемъ пороку, составлялъ подосрѣвать присутствіе сильной артиллеріи.

— Вотъ моя армія! сказалъ Карлъ Стюартъ съ начальною улыбкой : до такихъ-то хитростей я доведенъ инстинктами! Всѣ меня остраиваютъ, всѣ!... даже ты, Ивонъ, бросаешь лагерь своего законнаго повелителя! Я долго не хотѣлъ этому вѣрить, и рѣшился наконецъ самъ пробраться въ твой замокъ, чтобы лично спросить тебя, зачѣмъ ты меня покинулъ.

— Государь! отвѣчалъ Мекъ-Коннуиль : я никогда не покинулъ бы арміи вашего величества, если бы мнѣ не нанесли жестокихъ обидъ. Но со мной обращались какъ съ непріятелемъ : при наступательныхъ движеніяхъ меня ставили въ арріергардъ, при ретирадахъ я долженъ былъ идти въ авангардъ. Всѣ мои желанія заключаются въ томъ, чтобы положить свою жизнь за ваше величество или увидѣть васъ спокойно сидящихъ на престолѣ вашихъ предковъ, а.... меня удаляли, не давали мнѣ ни какого дѣла, отнимали у меня всѣ способности быть полезнымъ вашему величеству!

— Знаю, знаю, что ты имѣешь причину жаловаться на пресвитеріанъ, на моихъ генераловъ Керра, Стречена, Лесли. Но кто же, въ свою очередь, не терпѣлъ ни какихъ обидъ и несправедливостей? Я самъ..... Ахъ, Мекъ-Коннуиль! если бѣ ты слышалъ все, что выдумываетъ злословіе! Они не падаютъ ни отца моего ни матери! По ихъ словамъ, король Карлъ Первый былъ, не праведный мученикъ, а царь подобный Ахаву, вполне заслужившій свою ужасную участь; мать моя, благородная мать моя, была, не несчастная женщина, павшая единственно оттого, что она не могла устоять подъ гнетомъ напастей, а идолопоклонница, грѣшница, вторая Іезавель, которая достойна проклятій.... О Боже! проклятіе на мою мать!.... Сколько разъ мое сердце морщилось отъ ярости! И я скрывалъ это, я терпѣлъ, слушалъ, молчалъ, придавливалъ гнѣвъ свой, глоталъ свои слезы, а между-тѣмъ.... вѣдь я король!

Взволнованный Карлъ не могъ говорить болѣе : сле-

да выкатываясь на его блѣдную шею; онъ отеръ ее и задумался.

— Теперь объяви же и ты мнѣ все свои неприятности, прибавилъ онъ, взявъ за руку Мекъ-Коннуидя.

— У меня нѣтъ ни какихъ, отвѣчалъ горецъ.

— Ты благородный человекъ! сказалъ Карлъ. Слушай же! Армія бунтовщиковъ потянулась на сѣверъ. Этотъ неосторожный манѣвръ открываетъ мнѣ дорогу въ Англію. Въ три дня я переправлюсь черезъ Твидъ и пойду на Лондонъ. Раздѣлишь ли ты со мной удачу или неудачу этого похода? Я назначаю тебѣ соединительный пунктъ въ Гласко: оттуда мы начнемъ свою послѣднюю кампанію.

Король протянулъ Ивену руку: тотъ почтительно поцѣловалъ ее, и они вмѣстѣ подошли къ Камеронамъ, которые стояли всторонѣ, съ любопытствомъ глядя на молодого незнакомца. Король взялъ снова своего сокола. Мекъ-Коннуидъ хотѣлъ его провожать, но Карлъ Стюартъ, сдѣлавшись опять Мекъ-Ферленомъ, отказался отъ этой чести и пошелъ съ прежнимъ проводникомъ своимъ Донелемъ, по тропинкамъ, которыя были извѣстны однимъ только горцамъ.

VI.

Мекъ-Коннуидъ не терялъ времени: по всемъ деревнямъ, принадлежащимъ къ его помѣстью, отправлены были гонцы съ приказаніемъ, чтобы каждый Камеронъ, могущій носить оружіе, немедленно явился въ замокъ; между-тѣмъ Ивенъ велѣлъ отпереть арсеналъ, кликнулъ своего слесаря, поручилъ ему привести въ порядокъ щиты, копья, клейморя, а самъ пошелъ осматривать укрѣпленія, чтобы удостовѣриться въ без-

опасности замка на случай внезапнаго нападенія разбойниковъ въ его отсутствіе.

Кончивъ этотъ осмотръ, Мекъ-Коннуиль накинулъ на себя плащъ и спустился въ долину; нѣсколько минутъ шелъ берегомъ озера, потомъ сверотилъ въ лѣсъ, и углубился въ самую дикую часть края. Мало-по-малу все слѣды растительности исчезли около Ивена. Скалы чудовищной формы громоздились одна на другую до такой высоты, что страшно было взглянуть на нихъ: мѣстами онѣ представляли непреодолимые преграды, мѣстами раздвигались амфитеатромъ; въ серединѣ котораго человекъ терялся какъ пылинка. Одинъ шумъ водопадовъ нарушалъ мертвую тишину, царствовавшую въ этомъ уединеніи; ни одно живое существо не смѣло здѣсь поселиться: сами орлы, утомясь ширять между облаками, не садились для отдыха на сѣрые верха здѣшнихъ горъ.

Однако жъ Мекъ-Коннуиль наконецъ увидѣлъ голубоватую струйку дыму, которая поднималась изъ одной тѣсной расщелины.

«Ну, вотъ, слава Богу! подумалъ Мекъ-Коннуиль. Мнѣ ужъ казалось, что я и до ночи не приѣду въ это мѣсто. Ежели наши дураки говорятъ правду, такъ она живетъ здѣсь.... Нечего сказать, славное жилище! Черту стоить только шагнуть, когда онъ вздумаетъ съ ней увидѣться.»

Мекъ-Коннуиль началъ спускаться въ пронасть. Дорога была опасная: безпрестанно надобно было перескакивать со скалы на скалу, тогда какъ подъ ногами чернѣлись страшныя пропасти, черезъ которыя и дикія козы не стали бы перепрыгивать. Но Мекъ-Коннуиль былъ спокоенъ, какъ-будто шелъ по ступенямъ домашней лѣстницы. Наконецъ онъ добрался до того мѣста, откуда, какъ ему прежде казалось, выходилъ дымъ. Ничто не обнаруживало здѣсь человѣческаго присутствія.

«Странно! подумалъ Мекъ-Коннуиль : тутъ и лѣгко-бу негдѣ гнѣзда свить! Неужели это жилище Алисы?... Да! должно быть оно : вотъ и водопадъ, что у насъ называютъ Чортовымъ. Алиса гдѣ-нибудь подальше».

Онъ долго отыскивалъ входъ въ пещеру, о которой ему говорили, но не найдя ничего, наконецъ рѣшился вызывать къ себѣ таинственную особу, ежели самъ не могъ до нея добраться.

— Алиса! Алиса! закричалъ онъ : куда тебя занесъ дьяволъ?

Эхо повторило «дьяволъ», но никто не отвѣчалъ Ивену.

— Алиса! закричалъ опять Мекъ-Коннуиль, разсердившись : что ты, на шабашъ или притворяешься, будто не слышишь? Ежели ты не откликнешься, я велю тебя повѣсить, велю....

Мекъ-Коннуиль не успѣлъ кончить, какъ услышалъ скрипучій и дребезжащій голосъ, не зная впрочемъ откуда именно его слышно.

— Кто тамъ? говорилъ этотъ голосъ : отъ кого ты? чего тебѣ надо?

— Вотъ хорошо! отвѣчалъ Мекъ-Коннуиль, оглядываясь во все стороны чтобы отыскать свою собеседницу : ежели ты точно колдунья, такъ должна самознать, кто я и зачѣмъ пришелъ!

— Конечно, сказала старуха, всё-еще не показываясь. Ты— Ивенъ Мекъ-Коннуиль Лочельскій, сынъ Ивана-Силача, и пришелъ....

— Молчи! перебилъ Мекъ-Коннуиль. Я не хочу бросать своихъ словъ на воздухъ : хочу прежде увидѣть тебя въ лицо.

— Такъ войди, сказала старуха.

— Войди!.... Ты, вѣрно, вздумала позабавиться!... Какъ я войду? кинуться въ эту пропасть, что ли?

— Бывалое дѣло, отвѣчала Алиса. Туда шкинулъ и тотъ колодець, что приколѣ-было вѣять меня къ гласковскому судью.... Но постой! ты вѣдь не мѣжь прыскальщикъ, такъ съ тобой нечего перемониться. Поставь правую ногу на этотъ черный камень, что торчитъ надъ пропастью.

— Поставилъ, сказалъ Мекъ-Коннуиль.

— Ну, теперь схватись за корни, которые висятъ надъ твоей головой, и держись крѣпче.

— Схватился.... держусь.

— Подвинься же какъ-можно ближе къ скалѣ и прыгни къ водопаду. Тебя вымочить, да это ничего : я просушу твою платье.

«Вотъ чудное укрѣпленіе!» думалъ про-себя Мекъ-Коннуиль, выполняя въ точности наставленія старухи. Прыгнувъ къ водопаду, онъ увидѣлъ передъ собой входъ въ пещеру, для котораго водопадъ служилъ какъ-бы занавѣскою. Въ входѣ сидѣла Алиса; передъ ней горѣлъ и дымился ворохъ сухихъ листьевъ и хворосту. При свѣтѣ огня, можно было различить въ глубинѣ пещеры постель изъ звѣричьихъ кожъ, рядъ глиняныхъ горшковъ и кувшиновъ, въ которыхъ сохранялась, вѣрно, какая-нибудь провизія, и, наконецъ, большую сову, единственную подругу Алисы. Сама Алиса, прозванная въ околodкѣ «Рыжей Колдуньей», была одѣта въ длинное платье темнаго цвѣту; на головѣ торчалъ въ видѣ башни желтый платокъ; шея и руки по-локоть оставались наружу. Сѣрые пронипательные глаза, мѣдный цвѣтъ лица, бѣлые зубы и высокій ростъ этой женщины нѣкоторымъ образомъ извѣщали суевѣрные толки, которые ходили на ея счетъ по окрестностямъ.

— Ну, садись, Мекъ-Коннуиль! сказала она, указывая своему гостю на камень, лежавшій возлѣ огня. Я давно тебя не видала, очень давно, съ того самаго дня, какъ я приходила сказать тебѣ, что жена твоя скоро умретъ, а слуги твои вытолкали меня изъ замка.

— Зачѣмъ о томъ вспоминать, Алиса? возразилъ Ивель. Чтò прошло, то прошло. Поговоримъ лучше о настоящемъ.

— Да вѣдь я не сержусь на тебя, продолжала старуха. Оно, конечно, горько мнѣ было отстать отъ привычки ходить въ Лочіельскій замокъ за житомъ, которое мать твоя отпускала бѣдной Алисъ по шѣрку всякій мѣсяцъ цѣлые тридцать лѣтъ сряду; ну, да ты не хотѣлъ: чтò жь дѣлать? Люди не любятъ тѣхъ, кто приносить имъ печальныя вѣсти....

— Приходи завтра, Алиса, перебилъ Мекъ-Коннуиль: и ты перестанешь жаловаться. Но, ради Бога, довольно объ этомъ: вѣдь я не затѣмъ навѣстилъ тебя, чтобы слушать выговоры.

— Знаю, знаю: ты хочешь посовѣтоваться со мной, прежде нежели пойдешь въ походъ.

Мекъ-Коннуиль взглянулъ на нее съ изумленіемъ: не болѣе двухъ часовъ назадъ, онъ и самъ не зналъ объ этомъ походѣ.

— Кто тебѣ сказалъ, что я собираюсь въ походъ, рыжая красавица? спросилъ онъ у старухи.

— Много, много народу пойдетъ завтра въ Гласко, бормотала про-себя предсказательница. Но, на обратномъ пути, его будетъ меньше.

Вѣроятно, эти слова имѣли какое-нибудь отношеніе къ тайнымъ помышленіямъ Мекъ-Коннуиля, потому что онъ грустно опустилъ голову и задумался. Между тѣмъ сова, сидѣвшая на плечѣ Алисы, испустила пронзительный крикъ.

— Молчи, дура! сказала колдунья: ты сама не знаешь чтò бредишь.

— Да, отвѣчалъ наконецъ Мекъ-Коннуиль: я точно иду въ походъ, и мнѣ хотѣлось бы знать, ворочусь ли я.

— Нѣтъ, возразила Алиса : ты не о томъ думаешь ; ты не о себѣ пришелъ спрашивать.

— Ну, а зачѣмъ же я пришелъ ? спросилъ Мекъ-Коннуиль съ безпокойствомъ, потому что ворожея опять угадала мысль его.

— Зачѣмъ ? повторила она. На это не мудро ответить. Но мнѣ некогда : вышли всѣ съѣстные припасы ; надобно сходить по-скорѣй къ одному доброму помѣщику, который мнѣ помогаетъ.

— А, понимаю ! сказалъ улыбаясь Ивенъ : ты какъ эднбургскіе стряпчіе, которые впередъ берутъ плату за хлопоты, чтобы съ ними послѣ не расплатились дубиной, ежели они проиграютъ тяжбу.

Мекъ-Коннуиль высыпалъ нѣсколько серебряныхъ монетъ въ костлявую руку старухи.

— Спасибо, Ивенъ ! сказала она, и, тряхнувъ дьмгами на ладони, опустила ихъ въ одинъ изъ кувшиновъ, гдѣ онѣ произвели звукъ, который показывалъ, что тамъ уже есть серебро.

— Видно, прибыльно пророчить о будущемъ, замѣтилъ Ивенъ. Но скажи пожалуйста : что ты сдѣлаешь съ этимъ богатствомъ, когда дьяволъ прійдетъ за твоей душой ? не хочешь ли взять его съ собой на тотъ свѣтъ ?

— А вотъ, увидимъ, отвѣчала волшебница. У меня есть племянникъ, котораго я очень любила, потому что мать его казнили за колдовство. Къ несчастію, малой немножко избаловался : исправится, такъ деньги мои перейдутъ къ нему ; а нѣтъ, такъ имъ будетъ мѣсто и въ пропасти, которая дожидается моего трупа.

— Видно, у всякаго есть свое горе, сказалъ Мекъ-Коннуиль. Прощай, Алиса ! Мнѣ не о чемъ тебя спрашивать.

— Нѣтъ, погоди, возразила старуха. Если бы твой отецъ послушался моего совѣту, онъ не поцалъ бы въ

руки Мекъ-Интоншей и, можетъ-быть, о-сю-пору здравствовалъ.

— Но развѣ ты и мнѣ хочешь что-нибудь посоветовать? спросилъ Ивенъ.

— Почему жъ и не такъ, дитя мое? отвѣчала старуха. Тебѣ хочется знать, зацвѣтетъ ли опять трилистникъ по ту сторону Шеміотскихъ Горъ?.... Ну что жъ? Зацвѣтетъ : только надобно поливать его слезами и кровью *.

— Такъ ты думаешь, что война долго протянется? можетъ-быть, въ ней погибнетъ мня Лочіела?

— Помилуй Богъ! возразила колдунья. Но.... если ты имѣешь ко мнѣ довѣренность, не бери съ собой брата. Съ нимъ можетъ случиться несчастье.

— Боже мой! вскричалъ Мекъ-Коннуиль : сердце мое обливается кровью, когда я объ этомъ подумаю!... Но какъ же остановить его? Онъ захочетъ непременно идти со мной.

— Пока голубка не улетѣла, такъ нечего думать и о голубѣ, сказала Алиса. Помни это, Мекъ-Коннуиль, и ступай съ Богомъ. Мнѣ некогда.

Мекъ-Коннуиль зналъ, что никакія убѣжденія не заставятъ Алисы пояснить своего пророчества, и потому, не спрашивая болѣе, воротился домой. Медленными шагами вошелъ онъ въ пріемную комнату, сѣлъ въ свои широкія кресла, и задумался. Черезъ нѣсколько минутъ глаза его, при тяжеломъ вздохѣ поднимаясь къ небу, встрѣтили фигуру молодого человека, который ужъ давно стоялъ передъ Ивеномъ, не смѣя начать говорить.

— Что тебѣ, Олленъ? спросилъ предводитель клана. Олленъ смутился.

— Ты идешь въ походъ, сказалъ онъ : ты будешь

* Трилистникъ изображался въ гербѣ Онеартова.

сражались.... всѣ принадлежащія къ нашему клану также идуть....

— Да, Олленъ, отвѣчалъ Мекъ-Коннуиль : мы выступаемъ завтра, рано утромъ.

— Такъ, следовательно, и я могу приготовить свое оружіе?

Лицо Ивена помрачилось. Молодой человекъ долго дожидался отвѣту, но, видя, что братъ молчитъ, наконецъ рѣшился сказать : — Мнѣ двадцать лѣтъ, Ивенъ. Въ эти годы, многіе изъ нашего клана отличались въ сраженіяхъ. Я хочу также итти въ походъ.

Мекъ-Коннуиль нѣсколько минутъ думалъ, не говоря ни слова, наконецъ поднялъ голову, съ важностью посмотрѣлъ на брата, и сказалъ : — Нѣтъ !

Голосъ, которымъ было произнесено это слово, предупреждалъ всякія возраженія, но молодой Камеронъ хотѣлъ однако жъ попробовать счастья, какъ вдругъ отворилась дверь, и сэръ Джонъ Рамсе вошелъ въ комнату, одѣтый въ дорожное платье и таща подъ мышкой огромный мѣшокъ съ рѣзными лутевыми запасами. Юдиль, тоже въ дорожномъ костюмѣ, следовала за отцомъ своимъ, и, увидѣвъ Оллена, боязливо остановилась въ дверяхъ.

— Наконецъ вы дома! вскричалъ судья. Я ужь давно васъ жду, чтобъ проститься.

— А! вы хотите ѣхать? сказалъ Мекъ-Коннуиль разсѣянно.

— Да! разумется, ѣхать! отвѣчала мистеръ Рамсе. Ну, а, будь она золотая, все та же неволя, мистеръ Мекъ-Коннуиль. Мы вамъ много обязаны за гостепримство : я всегда буду съ удовольствіемъ вспоминать о житьѣ въ вашемъ замкѣ ; но, — знаете, мой другъ? — самое лучшее житье безъ свободы — то же, что прекраснѣйшій обѣдъ безъ вина : не правда ли?

— Очень хорошо, сэръ, сказалъ Мекъ-Коннуиль. Я

сейчасъ сдѣлаю распоряженія, чтобы вы были безопасны въ дорогъ.—Олень! садись и пиши. «Я нижеподписавшійся, Ивенъ Мекъ-Коннуиль Лочіельскій, начальникъ клана Камероновъ, помѣщикъ земель Киннульфрайта и Ливенферри, прошу всѣхъ друзей моихъ, совѣтую непріятелямъ и предписываю подвластнымъ, пропускать безпрепятственно предъавителя этого охраннаго листа, сэръ Джона Рамсе, изъ Рамсе-Голля, что въ Шропшейръ. Сэръ Джонъ имѣетъ отроду пятьдесятъ лѣтъ, росту высокаго, волосы съ просѣдью, брови густыя, глаза сѣрые, цвѣтъ лица свѣжій. При немъ находится миссъ Рамсе, дочь его, вѣдушая вмѣстѣ съ нимъ въ Англию.»

Въ это время Ивену примесли письмо.

—Теперь надо означить только примѣты миссъ Рамсе, оказалъ онъ. Кончи самъ, Олень, и дай мнѣ подписать.

Мекъ-Коннуиль отошелъ къ окну и началъ читать поданное себѣ посланіе. Между-тѣмъ Юдионъ, которая до-сихъ-поръ стояла на порогъ, приблизилась къ письменному столу и помѣстилась возлѣ отца своего. Молодому человѣку не было ни какой надобности смотрѣть на дѣвушку, чтобы выполнить приказаніе брата: черты ея ужъ давно напечатлѣлись на его сердцѣ. Однако жъ, послѣ минутнаго замѣшательства, онъ поднялъ глаза на прекрасную путешественницу и спросилъ дрожащимъ голосомъ: — Сколько вамъ лѣтъ?

Юдионъ покраснѣла, хотѣла отвѣчать.... не могла.

—Ей семнадцатый годъ, сударь, сказалъ сэръ Джонъ съ нетерпѣніемъ. Сдѣлайте милость, оканчивайте скорѣе. Того-гляди, ночь.... Мы потеряемъ удобное время изъ-за вашей нерасторопности!

Молодой человѣкъ не слышалъ ни слова: онъ не спускалъ глазъ съ Юдионъ, и въ мужественныхъ чертахъ лица его выражалась глубокая горестъ. Миссъ

Рамсе, стоявшая до-тѣхъ-поръ съ поникнутой головою, взглянула на него почти невольно, и Камерону показалося, что глаза ея полны слезъ.

— Да что жъ вы, шутите, что ли, молодой человекъ? вскричалъ наконецъ судья : или о-сю-пору не можете рассмотретьъ, что у дочери моей глаза голубые?... Фу, Боже мой! кажется, на это не пужно такъ много времени!

Олень очнулся, принялся писать, и не смѣлъ болѣе взглянуть на дѣвушку. Когда онъ подавалъ брату оконченный пропускъ, Мекъ-Коннуиль со вниманіемъ посмотрѣлъ на него и на миссъ Юдию. «Король не ошибся, подумалъ онъ : они любятъ другъ друга. Такъ вотъ что значатъ слова колдуньи о голубяхъ!.... Но какъ я удержу сэръ Джона вопреки королевскому повелѣнію?....»

Мекъ-Коннуиль сѣлъ къ столу, взялъ перо, и остановился, держа его надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было надобно сдѣлать подпись.

— Готовы ли лошади? спросилъ судья у слуги, который стоялъ у дверей.

— Готовы, сударь, отвѣчалъ тотъ.

— Слѣдственно, мистеръ Мекъ-Коннуиль, продолжалъ Рамсе : слѣдственно, мнѣ остается только еще разъ поблагодарить васъ за гостепріимство, внимательность, добродушіе. Я забываю, что вы противузаконнымъ образомъ посягнули на мою свободу : помню только, что вы обращались со мной какъ благовоспитанный джентльменъ, и, сознаюсь наконецъ, что я проводилъ время въ вашемъ замкѣ очень недурно.

— Хорошо, сказалъ Ивенъ, бросивъ перо : такъ проживите же здѣсь еще два три мѣсяца.

— Что это значитъ? вскричалъ судья.

— Ничего, сэръ Джонъ. Но дороги теперь опасны : я боюсь, что вы подвергнетесь какимъ-нибудь неприя-

нослямъ. По-этому оставайтесь въ замкѣ. Будетъ дано новое приказаніе, когда прійдетъ время вамъ ѣхать.

Сказавъ это, Мекъ-Коннуиль вышелъ изъ комнаты. Сэръ Джонъ остался на-мѣствъ нѣмъ и недвижнмъ, какъ человекъ, пораженный громомъ. Олленъ, радуясь втайнѣ этой неожиданной переменѣ, взглянулъ на свою возлюбленную; но она была печальна, задумчива, и молодой человекъ побѣжалъ за братомъ.

— Ивентъ! пусти меня въ армию!

— Ты всё-таки хочешь итти, сказалъ ему Мекъ-Коннуиль ласково. Я этого и ожидалъ отъ тебя. Но ты долженъ остаться, Олленъ: что дѣлать! ты долженъ остаться.

— Да почему же я долженъ? подхватилъ молодой человекъ.

Ивентъ остановился и посмотрѣлъ на него съ важностью.

— А по какому праву ты требуешь отъ меня отчету? сказалъ онъ. Ты не пойдешь съ арміей!

VII.

Лишь-только настала ночь, какъ на всѣхъ горахъ запылали огни: то были сигналы, что въ деревняхъ получено приказаніе Ивена, и что жители готовы повиноваться. Въ самомъ дѣлѣ, отряды вооруженныхъ горцевъ всю ночь прибывали къ замку и располагались на берегу озера. Странно было видѣть, какъ они появлялись во мракѣ, вооруженные горящими факелами и издавая громкіе клики, по которымъ узнавалось селеніе, откуда пришелъ каждый отрядъ.

На разсвѣтъ, лишь-только начали бѣлѣть верхи лощельскихъ башенъ, по всему войску пробѣжалъ гулъ, возвѣстившій прибытіе начальника. Мекъ-Коннуиль

обычай бивуаки, поспорядился съ старыми товарищами, распространялъ многихъ объ ихъ семейныхъ дѣлахъ и разныхъ домашнихъ подробностяхъ. Въ одномъ изъ стариковъ Мекъ-Дреммондъ, окруженный молодыми солдатами, передавалъ имъ, Богъ-знаетъ въ какой разъ, безконечную повѣсть своихъ походовъ при шотландскомъ королѣ Яковѣ Четвертомъ, и слушатели были въ восхищеніи отъ мудрости и краснорѣчія горнаго Нестора. Подойдя къ этой кучкѣ, Ивенъ остановился, дабы кончить описаніе одной знаменитой битвы, и потомъ отвелъ Мекъ-Дреммонда всторону.

— Отецъ мой, сказалъ онъ : у меня есть къ тебѣ просьба. Я оставляю въ замкѣ двухъ плѣнниковъ или, лучше сказать, трехъ плѣнниковъ, потому что Олень также долженъ остаться.

— Слава Богу ! отвѣчалъ Мекъ-Дреммондъ. Я боялся, что у тебя не достанетъ духу лишить его удовольствія быть въ сраженіи.

— Достало, отецъ мой ! Но зато я не въ силахъ опять съ нимъ увидѣться и отдать ему свои послѣднія приванія. Возьми это на себя. Вѣроятно, сэръ Джонъ захочетъ уѣхать, но я желаю, чтобы онъ прожилъ здѣсь до моего возвращенія. Пусть Олень смотритъ за нимъ и за его дочерью.

— Понимаю, сказалъ Мекъ-Дреммондъ.

— Теперь прощай, отецъ мой ! Скажи брату, что я беру ему начальство надъ первою экспедиціей, которая будетъ послѣ этой.... Прощай !

Черезъ нѣсколько минутъ звуки шотландскихъ рожковъ подали знакъ къ походу, и все войско хлынуло на дорогу, ведущую къ Стирлингу. Но лишь-только рожки вошли въ ближній лѣсъ, находящійся въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ замка, какъ Ивенъ замѣтилъ обстоятельство, которое само по себѣ казалось незначительнымъ, однако жъ обратило на себя его вниманіе.

Это обстоятельство заключалось въ томъ, что, несмотря на совершенную тишину воздуха, листья густыхъ кустовъ, растущихъ подлѣ дороги, шумѣли и шевелились какъ-будто отъ вѣтру. Опытному военачальнику тотчасъ пришло въ голову, не закрался ли тутъ шпионъ. Приказано было развѣдать что это значитъ, и черезъ нѣсколько минутъ посланные привели человека, въ которомъ Мекъ-Коннуиль узналъ Оллена.

— Ты меня ослушался, Олленъ! грозно сказалъ предводитель. Я долженъ бы наказать тебя!

— Накажи! отвѣчалъ молодой человекъ: только поволь идти съ арміей.

— Я ужь, сказалъ, что нѣтъ! закричалъ Ивенъ. Это невозможно!.... Говорю тебѣ въ сотый разъ, это невозможно!

— Но почему?

— Не твое дѣло!..... Ты долженъ охранять замокъ и заботиться о благосостояніи клана въ мое отсутствіе.

— Такъ ты всегда утѣшаешь стариковъ, которые не могутъ сражаться.... Но я не старикъ: руки мои крѣпки и сильны; я могу драться.

— Нельзя, говорятъ тебѣ!

— Ивенъ!....

— Молчать!

— Ивенъ!.... я хочу драться!....

— Но знаешь ли, молокососъ, что ты первый смѣлъ противиться моему приказанію? закричалъ Мекъ-Коннуиль въ сильномъ гнѣвѣ. Я проучу тебя! — Роббъ-Джони! Гемись! сюда! Возьмите этого мятежника и привяжите его къ дереву!

Горцы знали, что ихъ предводитель не любитъ шутить: приказаніе Ивена было тотчасъ исполнено, войско двинулось дальше.

Оставшись одинъ, привязанный къ дереву Олленъ слѣдовалъ глазами за Мекъ-Кюннунлемъ, въ надеждѣ, что тотъ наконецъ смягчится и позволитъ ему идти съ арміей. Но Ивенъ не оглядывался, и скоро черное веро его шляпы исчезло за сѣрой скалой, надъ которой оно виднѣлось нѣсколько времени. Тогда молодой Камеронъ печально опустилъ голову, и слезы ручьями потекли по щекамъ его. Жалко было смотреть на юнаго юна со связанными руками : въ этомъ положеніи онъ былъ похожъ на плѣнника двѣхъ Южнаго Океана, котораго враги готовятся принести въ жертву своему мщенію и прозорливости. Сцена вокругъ него была такъ же прекрасна, какъ роскошная природа въ странахъ тропическихъ : онъ былъ привязанъ къ большому дереву ; птицы пѣли въ зелени надъ его головой ; ручеекъ журчалъ подъ ногами ; солнце, поднявшись на безоблачномъ небосклонѣ, процѣживало сквозь рошу золотые лучи свои и окрашивало ими мокрые листья папоротника и другихъ растений ; вдали слышался стукъ крѣпкаго клюва, которымъ дятель долбилъ молодое дерево ; дроздъ, посвистывая, вылеталъ изъ гнѣзда ; волга, напуганная солдатами, заводила опять свою печальную пѣсню.

Надобно знать воинственный и пылкій характеръ шотландскихъ горцевъ, чтобъ понять всю мучительность положенія Оллена. Время, казалось ему, тянется ужасно медленно. Онъ съ нетерпѣніемъ замѣчалъ, какъ внутренность роши постепенно озаряется солнечными лучами, и рассчитывалъ про-себя разстояніе, которое должны были пройти его соотечественники. Нѣсколько разъ пыталъ онъ разорвать веревки, которыми былъ ошутанъ, но эти напрасныя усилія только изнуряли его и производили боль въ его членахъ. Молодой человекъ сталъ кричать, напрягалъ голосъ; но ему не откликался никто кромѣ эха, которое какъ-будто смѣялось надъ нимъ. Наконецъ, утомленный крикомъ и бесполезными

старайся вырваться изъ веревочъ, онъ опустилъ голову на грудь и погрузился въ нѣмое отчаяніе.

Время летало. Камеронъ, въ тоскѣ, не видалъ окружающихъ его предметовъ, не слыжалъ ни пѣнія птицъ, ни жемелесту листьевъ, ни журчанія ручейка по камешкамъ. Мысли его были далеко отъ мѣста, въ которомъ онъ страдалъ какъ невольникъ : они слѣдовали за знаменемъ Камероновъ, вступали съ ними въ Гласко, и приветствовали Карла Стюарта при звукахъ военной музыки. Олень воображалъ себя подлѣ брата. Вотъ они выходятъ на широкую равнину, покрытую королевскими войсками : оружие блеститъ, трубы гремятъ, лошади ржутъ и бьютъ копытами въ землю, страды пѣхоты диннулись въ разныхъ направленіяхъ, вдали уже послышался выстрѣлъ, другой, третій.... сраженіе начинается. Сердце Олена сжалось. Въ безпамятствѣ онъ рванулся впередъ, думая напасть на непріятеля, но жестокая боль, которую несчастный почувствовалъ при этомъ порывѣ, мгновенно разсыла очаровательныя мечты его и возвратила молодого человѣка къ печальной дѣйствительности.

Тяжело вздохнулъ онъ, какъ осужденный, которому не удалось бѣжать изъ тюрьмы. Глаза его невольно опустились на узы, и вдругъ ему показалось, что веревка развязывается какъ-будто сама собою. Боясь быть жертвою новаго заблужденія, онъ не смѣлъ вѣрить этому; но веревки въ самомъ дѣлѣ распустились, упали.... Молодой человѣкъ попробовалъ поднять руку, которая обвѣяла въ принужденномъ положеніи; выставилъ одну ногу : ни рука ни нога точно не связаны; Олень не обманулся, Олень свободенъ..... Онъ вскрикнулъ отъ радости и слѣлалъ нѣсколько прыжковъ съ легкостью серны, преслѣдуемой охотниками; но чувство благодарности къ таинственному освободителю удержало его. Молодой человѣкъ воротился къ дереву, взглянулъ около себя, и увидѣлъ Юдифъ, ко-

торая стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него подъ березкой, держа въ рукѣ серпъ. Никогда онъ не видалъ ея такою прекрасною. На Юдиен было легкое белое платье, волновавшееся отъ вѣтру; голубой поясъ обхватывалъ ея стройную талію; щеки горѣли етыдливымъ румянцемъ; въ чертахъ лица, одушевленныхъ улыбкой, господствовало выраженіе какого-то энтузіазма и радости.

Измученный этимъ неожиданнымъ видѣніемъ, Камеронъ сдѣлалъ шага два впередъ, но вдругъ остановился, не зная что думать. Все увѣряло его, что Юдиенъ была тѣмъ невидимымъ существомъ, которое возвратило ему свободу; но Юдиенъ — дочь врага его партіи, дочь челоуѣка, который ненавидитъ злполучнаго Карла, преданъ парламенту, и не разъ защищалъ права Кромвелля даже противъ самого Мекъ-Коннуила. Поэтому Олень, не безъ замѣшательства и сомнѣнія, наконецъ рѣшился спросить у Юдиен, она ли разрѣзала его узы.

— Я, съ робостью отвѣчала дѣвушка.

— Но знали ли вы, продолжалъ Камеронъ: знали ли вы, зачѣмъ я былъ привязанъ къ дереву?

— Знала, сказала она.

— Такъ, можетъ-быть, вы не знаете, что я сдѣлаю теперь, получивъ свободу?

— Я догадываюсь объ этомъ.

— О, миссъ Юдиенъ!.... Какъ я вамъ благодаренъ!... Вы не противитесь тому, чтобы я служилъ королю своему: вы любите меня больше брата.

— Васъ удивляетъ мой поступокъ? сказала миссъ Рамсе, съ тайнымъ волненіемъ. Напрасно: я сдѣлала бы это для всякаго, потому что вашему королю теперь нужны вѣрныя слуги..... Ступайте, мистеръ Олень! Вы еще можете догнать кланъ, прежде нежели онъ войдетъ въ Англію. Скрывайтесь, пока не наступитъ опасность; но когда пробьетъ роковой часъ бит-

вы, тогда вамъ нечего прятаться : братецъ проститъ васъ на полѣ сраженія.

— Да, я пойду! отвѣчалъ молодой человѣкъ. Но это будетъ мнѣ дорого стоить: я разлучусь съ вами... Ахъ, миссъ Юдионъ! ежели бы вы знали какъ тяжело мнѣ съ вами разстаться! Сегодня поутру я напрасно хотѣлъ удалить вашъ образъ изъ своего сердца : вы мнѣ безпрестанно мерещились, имя ваше просилось на мои губы, и я, чтобы не измѣнить долгу, все старался думать о королѣ и хотѣлъ уйти не простившись съ вами, не сказавши ни слова о томъ, какъ я люблю васъ! — Извините меня, миссъ Рамсе! прибавилъ Олленъ боязливымъ голосомъ : вѣдь я это говорю теперь потому только, что, можетъ-быть, никогда уже васъ не увижу.

Юдионъ невольно пришла въ смущеніе.

— Я очень молода, мистеръ Олленъ, сказала она съ задумчивымъ видомъ : однако жъ я знаю, что человѣкъ часто долженъ дѣлать пожертвованія. Обстоятельства жизни не зависятъ отъ насъ. Каждому предназначена особенная дорога, и нерѣдко два путника, которымъ было бы весело идти вмѣстѣ, принуждены разойтись въ разныя стороны, съ тѣмъ, чтобы никогда не встрѣтиться. Связи, только-лишь закрѣпленные, разрываются, и каждая сторона печально уноситъ обрывки, которые соединяли ее съ другою..... Такова и наша судьба, мистеръ Олленъ! Несмотря на то, что мы такъ недолго жили подъ одной кровлей, я ужь любила васъ.... любила какъ брата. Но зачѣмъ продолжать заблужденіе? Наше знакомство было мгновенною встрѣчей. Всевышнему не угодно, чтобы мы жили другъ во-дѣ друга.

— Но зачѣмъ же Огъ васъ послалъ въ наши горы? вскричалъ молодой человѣкъ.

— Я пришла сюда какъ чужая, какъ путешественница, отвѣчала дѣвушка. Мимолетное облако несется надъ нашими головами, заслоняетъ на одно мгновеніе солн-

те, и потомъ исчезаетъ, скрывается. Забудьте же меня какъ это легкое облако. Если мое присутствіе навело на васъ некоторую тѣнь на вашу душу, то, — повѣрьте, — время скоро ее разсѣетъ. Забудьте меня : я тоже васъ забуду.

Молодой человекъ, въ отчаяніи, положилъ руку на сердце.

— Забыть! сказалъ онъ : забыть васъ!.... О! это невозможно! Я стану думать о васъ до послѣдней минуты жизни; послѣднее трепетаніе моего сердца будетъ посвящено вамъ. Но вы сказали.... что вы меня любите. Зачѣмъ же намъ разлучаться?

— Увы! отвѣчала Юдиель : та же причина, которая насъ сблизила, требуетъ и нашей вѣчной разлуки. Батюшка считаетъ ваше семейство своими врагами, а вашъ отецъ считаетъ батюшку бунтовщикомъ. Такимъ образомъ, — видите? — люди, которыхъ мы любимъ, которыми обязаны повиноваться, идутъ совершенно разными дорогами. А кто еще знаетъ? можетъ-быть, если бы батюшка былъ по-моложе, вы встрѣтились бы на сраженіи, шпага ваша искала бы его груди, вы были бы убійцей отца моего, или онъ васъ..... Нѣтъ, Олень! забудемъ другъ друга!.... Узнайте съ Богомъ куда призываетъ васъ долгъ. Желанія и молитвы мои вездѣ вамъ будутъ сопутствовать....

Юдиель говорила бы больше, но внутреннее движеніе затрясло ей духъ : голосъ ея перервался, глаза наполнились слезами; она съѣдала Олену знакъ прощанія и отбѣжала въ замокъ. Молодой человекъ остался недвижимъ на своемъ мѣстѣ и только слѣдилъ глазами удаляющуюся дѣвушкой. Отбѣжавъ на некоторое пространство, она оглянулась, остановилась, и указала пальцу на дорогу, по которой ему должно было идти. Когда только онъ опомнился. Разлука была неизбежна,

неотвратима : ая требовадь и долгъ къ королю и воля возлюбленной. Вадохнувъ изъ глубины сердца , молодой человекъ махнулъ рукой и пошелъ въ ту сторону, куда скрылся кланъ. Юднѣ смотрѣла на него до тѣхъ поръ , пока онъ не пропалъ изъ виду ; потомъ присюнилась къ дереву и принялась горько плакать. Ноэтотъ припадокъ слабости былъ однако жъ непродолжителенъ : дѣвушка преодолѣла себя , осушила слезы , и пошла въ замокъ.

На серединѣ двора стоялъ сэръ Джонъ въ охотничьемъ платьѣ , и , съ возрастающимъ жаромъ , говорилъ Мекъ-Дреммонду въ четвертый разъ : — Какъ это можно ?.... На что это похоже ?.... Не пускать на охоту честнаго человѣка , который , вѣрой и правдой , служилъ установленному правительству !.... Ужъ если кого надобно посадить на цѣпь , въ тюрьму , за тройной замокъ , такъ это вашего проклятаго Мекъ-Коннуля ! Онъ теперь бѣгаетъ по полямъ и нарушаетъ общественное спокойствіе ; а я.... я , говорю вамъ , человекъ честный ; мало этого : я судья ! почему же мнѣ не пострѣлять на берегу озера ?.... Ну что бы подумалъ мой секретарь , если бы онъ зналъ это ?

Мекъ-Дреммондъ далъ волю потоку сэръ Джоновыхъ жалобъ , но когда тотъ приостановился , чтобы перевести дыханіе , старый горецъ учтиво сказалъ , что онъ , ни подъ какимъ видомъ , не можетъ отлучаться изъ замка до возвращенія клана .

— Вы съ ума сошли ! закричалъ судья , и вѣроятно за этимъ восклицаніемъ последовалъ бы новый фейерверкъ его раздражительности , если бы на сцену не выступило еще одно дѣйствующее лицо , Донель .

— Какими судьбами ? вскричалъ сэръ Джонъ , подбѣгая къ охотнику . Ты въ здѣшнемъ замкѣ ! у горецѣ !.... Что это значитъ ? Вѣрно , также попался въ плѣнь ?

— Нѣтъ, господинъ судья, отвѣчалъ браконіеръ. Я пришелъ повидаться съ вами.

— Со мною?... Очень пріятно, Донель. Но я теперь не могу дать аудіенціи по твоему дѣлу.

— Не променя рѣчь, господинъ судья, возразилъ Джонъ. Не хотите ли воротиться въ Воскобль.

— Чтѣ?... какъ?... въ Воскобль?... Да и дажъ бы тысячу фунтовъ стерлинговъ, чтобъ только взглянуть на рожу моего секретаря, котая она, ты знаешь, пресквернѣйшая!

— Ну, если такъ, такъ повѣдемте вѣтъ выгнанный же вечеръ.

— Спасибо, Донель. Чувствую твое расположеніе. Но, видѣвъ ли, мой другъ? я не могу воспользоваться твоей пріятной поманіей: я здѣсь тово.... возню-вляемъ

— О! это ничего не значитъ, господинъ судья. Мнѣ стоитъ сказать одно слово. А въ награду за эту услугу, я не прошу ничего кромѣ вѣтъ этого серебрянаго свистка, что виситъ у васъ на цѣпочкѣ, только съ условіемъ, что когда вымъ покажутъ этотъ свистокъ, въ какомъ бы то шѣсть и въ какое бы время ни было, вы вспомните, что обязаны мнѣ своимъ освобожденіемъ.

— Вотъ тебѣ моя рука!

Сэръ Джонъ разорвалъ цѣпочку и вручилъ свистокъ Донулю. Браконіеръ шепнулъ нѣсколько словъ Мекъ-Дремонду. Судья не разслушалъ изъ нихъ ничего кромѣ имени мистера Годдльстона, но черезъ нѣсколько минутъ старый горлецъ подошелъ и объявилъ, что сэръ Джонъ свободенъ.

— Надвюсь, теперь ужъ не шутятъ, сказалъ мистеръ Раксе. Юднѣ! пойдѣмъ скорѣе укладываться.... Правно, въ этомъ замкѣ происходятъ такіа чудеса, что и самъ мой секретарь едва ли бы разобралъ эту нуканцу!

VIII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ приключеній, часовъ въ осемь вечера, Олленъ шелъ по дорогѣ, ведущей изъ Страффорда въ Ворстеръ. Деньъ былъ жарко, и молодой горець, утомленный отъ зноя, весь въ пыли, подвигался довольно медленно. Противъ обыкновенія, онъ опирался на палку, которую вытѣзалъ самъ на краю дороги. Мѣста, по которымъ онъ проходилъ, были пусты; даромъ-что наступило ужь время жатвы, окрестные поселяне бѣжали изъ деревень, и все казалось унылымъ, все являло признаки опустошенія: поля были притоптаны, плетни вокругъ нивъ изломаны, молодые деревья вырваны съ корнемъ. Камеронъ догадался, что тутъ прошла англійская армія, на погонѣ за Шотландцами, которые собрались въ этомъ графствѣ.

Желая нѣсколько отдохнуть, онъ стучался у многихъ хижинъ, но нигдѣ не получилъ отвѣту, и, за неимѣніемъ лучшаго пристанища, хотѣлъ уже прилечь на травѣ въ ближней рощѣ, какъ вдругъ услышалъ за собой топотъ скачущей лошади. Посторонившись съ дороги, онъ сталъ подъ деревомъ, чтобы переждать путешественника. Топотъ становился все ближе; скоро, въ сумракъ вечера, показалась фигура всадника, и Олленъ увидѣлъ передъ собой человека, котораго лицо и одежда, напудренные мукою, съ перваго взгляду давали знать объ его ремеслѣ. Замѣтивъ прохожаго, онъ придержалъ поводъ и поѣхалъ тише, внимательно смотрѣлъ на Камерона, и наконецъ закричалъ басомъ, который сдѣлалъ бы честь всякому пѣвчому: — Эй! пріятель! и ты, видно, изъ тѣхъ негодяевъ, которые мнѣ попадаютъ отъ самаго Боскобля! Только-что почували запахъ пороху ужь и улепетываете!.... Ну, бѣ-

да, ежели у короля все войско такіе трусы : лучше бы ему сидѣть, притаившись, въ Шотландіи !

— Нѣтъ, добрый человекъ ! отвѣчалъ Камеронъ : я иду въ ту сторону, гдѣ дерутся, а не прочь отъ драки.

— Знаю я васъ ! Вѣрно, отсталый. Армія — что дырчатый мучной мѣшокъ : такъ и посыпаетъ дорогу. Есть люди ; которые какъ-разъ начинаютъ хромать, коли надо идти противъ непріятеля.

— Нѣтъ, добрый человекъ ! ты опять ошибся. Съ тѣхъ поръ какъ я вышелъ изъ Лочебера въ Шотландіи, всякій день дѣлаю по тридцати миль, и безъ проводника прошелъ всю сѣверную Англію, между непріятельскими войсками.

— Ну, хорошо, хорошо ! сказалъ мельникъ, которому очень понравился этотъ отвѣтъ, а еще болѣе физиономія горца : я тебѣ вѣрю. Ты, въ самомъ дѣлѣ, кажется, лихой малой, и я начинаю думать, что когда наступитъ пора, ты точно кинешься впередъ какъ баранъ съ погренушкой на шеѣ.

— А всё-таки мнѣ надобно отдохнуть, продолжалъ Оллекъ : и ежели твой домъ не далеко отсюда, то надысь, ты не допустишь меня почевать подъ открытымъ небомъ.

— Помилуй Богъ ! возразилъ путешественникъ. Домишко мой хоть и бѣденъ, и хоть на мельницѣ нѣтъ воды, а поле притопали Кромвеллевы солдаты ; однакожь, если бы ты завернулъ ко мнѣ, то жена моя состригала бы тебѣ такой славный пуддингъ, какого ты, вѣрно, не пробовалъ у себя въ Шотландіи. Да то бѣда, что мы съ тобой подвигаемся на полдень, а моя машина у насъ за спиною.

— Въ такомъ случаѣ желаю тебѣ счастливаго пути, сказалъ Оллекъ. Повзжай съ Богомъ своей дорожкой, а я пойду искать пріюта на какомъ-нибудь деревѣ.

— Нѣтъ, постой ! подхватилъ мельникъ. Ежели ты

присядешь сзади меня на мою лошадку, такъ я приво-
зу тебя въ одинъ домъ, гдѣ тебя важно пріймутъ. Ви-
дишь, вонъ, эти башенки?... вонъ, что торчатъ изъ-за
тѣхъ деревьевъ?..... Это замокъ Бѣлыхъ-Красавицъ.
Тамъ тебя угостятъ лучше чѣмъ у меня на мельницѣ,
и дадутъ постелю по-мягче нежели всѣ сучья и камни,
на которыхъ ты собираешься спать въ лѣсу.

— Хорошо, отвѣчалъ горецъ. Ну, поѣзжай же! Я не
отстану отъ тебя и пѣшкомъ.

Мельникъ тронулъ свою лошадку, и они отправи-
лись.

— Да что же, кумъ? болѣнъ ты, что ли? спросилъ
Камеронъ, отойдя шаговъ сотню.

— Какъ болѣнъ? отвѣчалъ мельникъ съ удивленіемъ.
Я — лучшій кулачный боецъ во всемъ нашемъ приходѣ.
Ежели тебѣ кажется, что рожа моя блѣдна, такъ это
отъ мельницы. А что касается до болѣзни, такъ ужь,
увѣряю тебя, нашъ лекаръ умеръ бы съ голоду, если
бы всѣ такъ часто хворали.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Олленъ : мнѣ кажется,
ты могъ дѣлать что-нибудь лучше, чѣмъ разѣзжать на
этой толстобрюхой лошади. Или у васъ въ околоткѣ
не осталось ни одного ружья, ни одной косы, ни од-
ной палки, чтобъ тебѣ взять, да пойти служить въ ар-
мію.

— Нѣтъ, пріятель, не то. Всякой по-своему служить,
и коли я теперь ѣду въ замокъ Бѣлыхъ-Красавицъ,
такъ это не значитъ, что будто я ужь и не служу сво-
ему государю.

— Да что это за замокъ? берлога разбойниковъ?

— Нѣтъ, въ немъ живутъ честные люди. Недѣлю
назадъ, — когда здѣсь узнали, что король идетъ въ Ан-
глию, — лордъ Аррингтонъ поѣхалъ ему на встрѣчу съ
сыномъ и внукомъ.

— Право?

— Вотъ то-то же!.... И кабы ты видѣлъ этихъ трехъ молодцовъ!.... Старикъ, съдой какъ луна, шелъ рядомъ съ молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати, румянымъ и свѣжимъ, что твоя невѣста передъ налоемъ. За ними выступалъ такъ горделиво баронъ, сынъ старика и отецъ молодаго. Онъ велъ тридцать латниковъ, которые были набраны изъ собственныхъ ихъ вассаловъ и вооружены на ихъ собственный счетъ. Леди Аррингтонъ, жена стараго графа, сама опоясала, португееми и мужа и сына и внука. У меня сердце ёкало, какъ я глядѣлъ на эту церемонію.... Вотъ ужъ барыня, эта леди! Сколько добра дѣлаетъ!

— Я почту себя счастливымъ, если мнѣ случится ее увидѣть, сказалъ Камеронъ. Когда бы всѣ кавалеры * поступали такъ же какъ Аррингтоны, король давно бы былъ въ Лондонѣ.... Но, кстати, товарищъ! ты видѣлъ шотландскую армію; скажи пожалуйста, сильна ли она?

Мельникъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не любятъ, чтобъ другіе выбирали тему для разговору, и какъ горло его привыкло заглушать стукъ мельничныхъ колесъ, то онъ даже едва ли и слышалъ вопросъ, сдѣланный Олленомъ, а продолжалъ громогласно импровизировать панегирикъ семейству Аррингтоновъ.

— Жаль только, сказалъ онъ наконецъ, когда они были у входу въ аллею, ведущую къ замку: жаль только, что мы поздно сюда пріѣхали. Я, признаться, не люблю входить въ замокъ ночью. Все такъ и мерещится какая-то дьявольщина; словно мурашки зачнутъ бѣгать по кожѣ; чудятся привидѣнія, мертвецы.....

— Мертвецы? вскричалъ Камеронъ. А они развѣ водятся и въ вашемъ графствѣ?

* Тамъ назывались приверженцы Карла Стюарта.

— Не смѣйся, молодой человекъ, отвѣчалъ мельникъ съ важностью. Я говорю тебѣ правду. Мой дѣдъ не вѣрилъ ни какимъ бабьимъ расказнямъ, а и онъ сказывалъ мнѣ, что всякой разъ, какъ умереть кому-нибудь изъ фамиліи Аррингтоновъ, такъ является бѣлая женщина и начинаетъ бродить по ночамъ около замка. Такъ было цѣлыя триста лѣтъ : оттого и домъ этотъ прозвали замкомъ Бѣлыхъ-Красавицъ.

Говоря это, мельникъ дрожалъ какъ осиновый листъ, и всё-таки не перемѣнялъ разговоръ, потому что трусливые люди вообще любятъ дразнить себя разными ужасами, находя въ томъ какое-то такъ-сказать судорожное наслажденіе. Наконецъ они добрались до воротъ замка.

— Кой чортъ, что-то скоро! вскричалъ мельникъ. Правду говаривалъ дѣдушка, что время быстро пролетаетъ, когда калякаешь съ добрымъ пріятелемъ.

— Если тебѣ показалось, что мы калякали, отвѣчалъ Олленъ : такъ, вѣрно, ты эхо принималъ за мой голосъ. Я больше часу не отворялъ рта.

— Ну что же? возразилъ мельникъ. Главное, были бы отворены твои уши. Дѣдушка говаривалъ, что это великій даръ отъ Бога, если кто умѣетъ слушать что ему говорятъ.

Онъ слѣзъ съ лошади, подошелъ къ воротамъ и началъ изъ всей силы дергать тяжелую желѣзную цѣпь, которую едва можно было замѣтить въ потемкахъ. Звонъ колокола послышался на вершинѣ одной изъ башенъ. Черезъ нѣсколько минутъ половина воротъ тихо отворилась, и два путешественника безъ шума взошли на широкій дворъ. Вѣроятно, мельнику было коротко знакомо расположеніе замка, потому что, привязавъ кобылку свою къ столбу, онъ смѣло пошелъ подъ своды, въ самую глубину строенія, ввелъ Оллена въ длинный корридоръ, и, несмотря на непропускающую темно-

ту, проворно сворачивалъ въ разныя стороны, пока не добрался до двери, посредствомъ которой они вошли въ большую и слабо освѣщенную комнату. Сначала Камерану показалось, что эта комната совершенно пуста, но когда глаза его немножко привыкли къ мерцающему свѣту лампы, онъ увидѣлъ старика средняго росту, стоящаго передъ полу-открытымъ окошкомъ. Человѣкъ тотъ былъ одѣтъ въ черную епанчу и, казалось, смотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ на деревья, которыя, темными массами, рисовались на облачномъ небѣ. Онъ не слышалъ какъ вошли наши путешественники, и выронулъ всѣмъ тѣломъ, когда мельникъ, ударивъ его по плечу, сказалъ : — Здравствуйте, Матиасъ Трагпортонъ !

— Да что жъ это, мастеръ Матиасъ? продолжалъ мельникъ, видя, что тотъ глядитъ на него какъ помѣшанный и не отвѣчаетъ ни слова : что это съ вами случилось? Вы, видно, звѣзды считали, или, можетъ-быть, събили сколько принесетъ доходу графу порубка этого лѣсу ?

— Ахъ, это ты Гумфри! сказалъ наконецъ старикъ. Помилуй, братецъ! тыходишь ко мнѣ какъ на свою мельницу : и не скажешься!

— Оттого, мастеръ Матиасъ, что я люблю доставлять неожиданныя удовольствія своимъ пріятелямъ.

— А зачѣмъ ты пожаловалъ, Гумфри?

— Тотчасъ, мастеръ Матиасъ. Я расскажу вамъ все по порядку. Но прежде всего дайте намъ чего-нибудь поужинать. Я привелъ сюда гостя, котораго надобно款待ить на-славу, потому что ему, можетъ-статься, больше не ужинать на семь свѣтъ....

— Что ты мнѣ за сказки рассказываешь? перебилъ управитель замка. Этотъ молодой человѣкъ.....

— Идетъ драться за короля Карла, подхватилъ мель-

никъ. И потому, мастеръ Матіасъ, давайте-ко, въ самомъ дѣлѣ, поскорѣе ужинать.

Трагмортонъ поправилъ лампаду, посмотрѣлъ съ ласковой улыбкой на горца, и досталъ изъ шкафа кусокъ хлѣба, говядины, и кружку пива.

— Кушай, пріятель! сказалъ Гумфри : я сдѣлаю тебѣ компанію. Дядушка говаривалъ, что и сухая корка идетъ за сахаръ, когда ѣшь ее вмѣстѣ съ другомъ.

Мельникъ принялся угощать Оллена какъ-будто у себя дома. Передъ концомъ ужина, управитель всталъ изъ-за стола и подошелъ къ окну, не слушая длинной исторіи, которую давно уже рассказывалъ Гумфри, перерывая ее частыми увѣреніями, что все это слышалъ отъ своего дѣда. Такое невниманіе очень тронуло мельника.

— Ну, право, мастеръ Матіасъ, вы сегодня на какую-нибудь дурную траву наступили! сказалъ онъ съ неудовольствіемъ. Не слушаете, не говорите, вдругъ вскочили изъ-за стола. Чтò съ вами сдѣлалось? На васъ лица нѣтъ : блѣднѣе всякаго мельника. Вонъ какъ славно пѣнится пиво! а вы высунули носъ за окно и глядите на небо! Чего вы тамъ не видали?.... а?.... Да скажите же намъ, чтò это васъ такъ тянетъ къ окошку.

— Тише, Гумфри! отвѣчалъ Матіасъ съ таинственнымъ видомъ. Ты такъ орешь, что и глухой заткнетъ уши. Здѣсь, братецъ, происходятъ удивительныя дѣла: морозъ подираетъ по кожѣ! Черезъ нѣсколько дней наступитъ плачь и рыданіе. Ты теперь веселъ, смѣешься : посмотримъ, чтò скажешь тогда?

— Какъ?.... чтò такое, мастеръ Матіасъ?

— Вѣдь ты знаешь, что графъ съ двумя молодыми господами отправился въ армию?

— Ну!

— Ну! повторилъ Матіасъ, съ выраженіемъ упрека и горести : мнѣ кажется, что имъ, всѣмъ троицъ, не видать больше своего замка.

— Да съ чего это вамъ мерещится?

— Съ того, что вотъ ужъ нѣсколько ночей сряду видѣть въ саду....

— Привидѣніе! вскричалъ мельникъ, опуская на столъ недопитый стаканъ.

— Это бы еще слава Богу, продолжалъ управитель: а то не одно, но вдругъ три привидѣнія, точь-въ-точь какъ было во время войны за Алую и Бѣлую Розу, когда вдругъ три Аррингтона погибли на одномъ сраженіи.

При этомъ разговорѣ Камеронъ вспомнилъ о чудесныхъ исторіяхъ, которыя повторяются на шотландскихъ вечернихъ сходбищахъ. Положивъ локти на столъ, онъ невольно сталъ вслушиваться въ рассказъ управителя, и съ любопытствомъ смотрѣлъ на тощее лицо, морщинистый лобъ и сгорбленную фигуру рассказчика. Между-тѣмъ Гумфри, которому отъ этого рассказа стало какъ-то неловко, съ безпокойствомъ поглядывалъ глазами по комнатѣ.

— Надо бы прибавить масла въ лампаду, сказалъ онъ тише обыкновеннаго.

— Да, отвѣчалъ управитель. Скоро тотъ часъ, въ который являются привидѣнія: не хорошо, если въ комнатѣ будетъ темно.

Матіасъ хотѣлъ оторвать черный хохолъ, нагорѣвшій на свѣтильнѣ, но какъ руки его тряслись, то, вмѣсто того чтобъ поправить лампаду, онъ совсѣмъ погасилъ ее. Въ комнатѣ сдѣлалась совершенная тма: въ то же время чабы на башнѣ медленно и уныло пробили одиннадцать.

— Что вы надѣлали? сказалъ Гумфри, очнувшись отъ перваго одеревенѣнія, въ которое привелъ его этотъ случай. Скорѣе, ради Бога, скорѣе зажгите опять лампаду!

— Не.... не.... не могу.... отыскать.... кремня, от-

въчалъ управитель измѣнившимся голосомъ и желкая зубами. Надо..... сходить..... на кухню..... черезъ дворъ..... Ты знаешь дорогу, Гумфри;..... ты такой смѣлый!.....

— Нѣтъ, благодарю покорно! Кто погасилъ, тотъ и зажигай. Я съ мѣста не двинусь. Вѣдь у меня одна голова. А съ нечистой силой.....

Удержанный смѣхъ прервалъ слова мельника. Управитель затреничалъ. Камеронъ, зажимая рукою ротъ, чтобы не обидѣть собесѣдниковъ своимъ хохотомъ, всталъ и подошелъ къ окошку.

— А! вскричалъ онъ : въ самомъ дѣлѣ, вотъ привидѣнія!

Трагмортонъ и Гумфри, при всемъ своемъ ужасѣ, не могли противиться любопытству, и, какъ-будто влекомые какой-нибудь невидимой силой, подошли также къ окну. Камеронъ могъ судить объ ихъ состояніи, потому что одинъ изъ нихъ судорожно уцѣпился за его плащъ, а другой бормоталъ вполголоса :— О Боже мой! Боже мой!..... Вижу собственными глазами..... О мастеръ Матіасъ! намъ больше нечего дѣлать, какъ..... читать отходную!

Наконецъ Гумфри примолкъ, и всѣ трое, въ глубокомъ безмолвіи, стали смотрѣть на странное зрѣлище, которое они имѣли передъ глазами. Луна еще не выплыла на небо : всѣ предметы тонули во мракъ; однако жъ было легко замѣтить, что на краю роши, съ которой начинается паркъ, движется что-то бѣлое, какъ-будто мертвецъ, окутанный въ саванъ. Станъ этой фигуры былъ тонокъ и строенъ. Она быстро скользила между деревьями, но молодой горецъ не слышалъ ни малѣйшаго шума, хотя разстояніе между окошкомъ и рошей было весьма незначительно. Камеронъ притангъ дыханіе и долго съ удивленіемъ слѣдилъ за этой таинственной тѣнью, какъ вдругъ закричалъ :— Гдѣ же она?

«Принимай, наконецъ отвѣчалъ Трагмортонъ. Гумфри! подуй на свѣтильню : можетъ-статься, не загорится».

— Тсъ! тсъ! отвѣчалъ Гумфри : другая!....

Камеронъ оглянулся и, въ самомъ дѣлѣ, увидѣлъ наго, посреди саду, волнующееся покрывало и платье, которое длинными складками падало на песокъ.

— Господи, помяни мою душу! шепталъ управитель : это игуменья, прабабушка стараго графа.... точно она! Еще сегодня, поутру, я смотрѣлъ на ея портретъ въ камерѣ. Не даромъ мнѣ показалось, что глаза у нея сверкаютъ пуще обыкновеннаго и что она дышетъ словно живая.

— Удивительно! сказалъ горецъ. Она пропала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы ее видѣли! пропала вдругъ, исчезла!.... Куда она дѣлась?

— Филиппъ правду мнѣ говорилъ, продолжалъ управитель : это точно бѣлыя женщины, которыя являлись во время войны за Алую и Бѣлую Розу. Иногда онѣ показывались одна послѣ другой, иногда всѣ вмѣстѣ; онѣ ходятъ обнявшись, безпрестанно перемѣняютъ мѣста, и крутятся въ разныя стороны.... Бѣда тому, кто ими погонится! Это случилось, лѣтъ тридцать назадъ, съ нашимъ деревенскимъ цырюльникомъ, Патрикомъ. Никакъ не могли добиться, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ; но только, когда онъ воротился изъ лѣсу, такъ носы у него стояли копромъ, глаза бѣгали, а лицо было точно какъ вверхъ ногами. Бѣдняга сошелъ съ ума. Ты зналъ его, Гумфри.

— Да, отвѣчалъ мельникъ : онъ такъ и умеръ не обдумавшись.

— А! вотъ наконецъ и третье привидѣнiе! вскричалъ Камеронъ. Смотрите направо : вонъ тамъ, у креста.

Дѣйствительно, на ступенькахъ къ кресту, какіе-то

то время, несмотря на парламентское запрещеніе, шли у себя въ замкахъ многіе помѣщики католическаго исповѣданія, сидѣла неподвижно бѣлая женская фигура, приклонивъ голову на колѣни и закрывши руками лицо, въ положеніи, изъясняющемъ глубокую горестъ. Камерону показалось, что онъ слышитъ всхлипыванія, но, удаляя отъ себя всякій обманъ воображенія, онъ подумалъ, что это, вѣрно, шопотъ листовъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Луна поднималась надъ древесными вершинами, и хотя тонкія, полу-прозрачныя облака помрачали ея сіяніе, однако жъ теперь можно было различать всѣ предметы. Тѣнь, почти столько жъ прозрачная какъ облака, медленно поднялась съ мѣста, обернулась къ окну, гдѣ были зрители этого сверхъестественнаго явленія, и сдѣлала знакъ рукой, какъ-будто звала ихъ за собою.

Мельникъ, съ ужасомъ, отскочилъ въ самую глубинную комнату : зубы его щелкали, колѣнки дрожали. Пробормотавъ нѣсколько непонятныхъ словъ, онъ упалъ безъ памяти въ кресла. Между-тѣмъ старик-управитель, вообразилъ, будто за нимъ гонятся всѣ три привидѣнія и началъ бѣгать кругомъ по комнатѣ, до тѣхъ поръ пока это не одурманило его до такой степени, что онъ зашатался и, конечно, рухнулся бы вслѣдъ тѣломъ на полъ, если бы не успѣлъ опереться о печку. Последнее обстоятельство имѣло однако жъ самыя спасительныя послѣдствія : руки честнаго Трагморта на случайно ошупали кремень и огниву, которыя онъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, напрасно отыскивалъ. Благодаря такому счастливому открытію, комната скоро была снова озарена тусклымъ свѣтомъ лампы, и два пріятели осмѣлились взглянуть одинъ на другаго безъ большаго ужаса. Этотъ взглядъ удостовѣрилъ ихъ, что они оба цѣлы : друзья выпустили по глубокому вздоху, помѣнялись улыбками, и, естественнымъ образомъ, тотчасъ пожелали узвать, такъ ли

благополучно вышелъ изъ опасности ихъ собесѣдникъ; но Олена ужъ не было въ комнату.

— Куда жъ онъ дѣвался? вскричалъ Гумфри съ смущеніемъ.

— Это ты долженъ знать лучше меня, отвѣчалъ управитель : вѣдь онъ съ тобою пришелъ.

— Чудно!... Неужели онъ выскочилъ въ окошко?

— Да развѣ у него, кромѣ той головы, что на плечахъ, есть еще другая, запасная?... Подъ окошкомъ глубокій ровъ : отъ дна добрыя три сажени ; а во рву вода, а въ водѣ и чортъ знаетъ что водится.

— Однако жъ дверь заперта, и ключъ вотъ лежитъ на столѣ : не могъ же онъ пролѣзть въ замочную скважнику!

— Вотъ то-то, Гумфри!... Я ужъ давно тебѣ говорю: «Эй, будь осторожнѣе!» Изъ удовольствія рассказать какую-нибудь глупую сказку, ты готовъ посадить съ собой на лошадь перваго встрѣчнаго, который тебѣ попадется ; а кто знаетъ, кто этотъ встрѣчный?... Помни мое слово, Гумфри : не слобровать!

— Онъ не садился на мою лошадь, мастеръ Матіасъ! отвѣчалъ мельникъ : шелъ возлѣ меня пѣшкомъ, и такъ шагалъ, что я о-сю-пору не могу образумиться!

— Ну, вотъ и вышло оно самое! подхватилъ управитель.

— Что оно самое? что вы думаете, мастеръ Матіасъ?

— Да что жъ можно думать про какого-то неизвѣстнаго бродягу, который, въ такую жаркую пору, носитъ черный суконный плащъ, встрѣчается тебѣ подлѣ лѣсу, не отстаегъ отъ тебя, когда ты ѣдешь на лошади, сжвется тебѣ подъ носъ, когда въ домъ не благополучно, и, наконецъ, пропадаетъ у тебя изъ виду.... такъ, Богъ знаетъ какъ, словно дымъ?... Ужъ извѣстно, что это оно самое!

— Какъ? спросилъ Гумфри, наблюдая, словно мертвый. Вы думаете, что это былъ дья.... дья.... дья....

— Ой! перестань! закричалъ управитель : не смотри на меня такъ страшно!... Вся внутренность поворачивается!...

IX.

Молодой горецъ, о которомъ наши читатели, вѣривъ ильбють лучшее мнѣніе, выпелъ изъ комнаты тѣмъ самымъ путемъ, который казался невозможнымъ честному Трагмортону. Увлеченный прелестью неизвѣстнаго, столь сильно дѣйствующею на всякое молодое воображеніе, онъ рѣшился погнаться за одной изъ тѣней, нарушившихъ спокойствіе замка. Не сказавъ и слова своимъ собесѣдникамъ, онъ поставилъ ногу на окно и перепрыгнулъ на парапетъ вала. Но приближаясь ко кресту, гдѣ сидѣла послѣдняя *бѣлая женщина*, онъ напрасно искалъ ее на этомъ мѣстѣ : тамъ уже ничего не было; только вдали, на опушкѣ роши, виднѣлась какая-то неопредѣленная бѣлая фигура, которая быстро бѣжала и терялась какъ легкій паръ.

Олленъ былъ одаренъ здравымъ умомъ, просвѣщеннымъ религіей и науками. Онъ плохо вѣрилъ въ чудеса, которыми нянька пугала его въ дѣтствѣ. Онъ полагалъ напротивъ, что чудеса, происходящія въ замкѣ Бѣлыхъ-Красавицъ, устроены какими-нибудь людьми, которые находятъ для себя выгоднымъ обманывать суевѣріе окрестныхъ жителей, пользуются отсутствіемъ графа, чтобъ выполнить свои цѣли. Эта мысль утвердила его мужество, и онъ не колебался ни на минуту за тѣнью, въ надеждѣ поймать мнимого мертвеца, прежде нежели тотъ успеетъ выбѣжать изъ сада. Но хотя Олленъ славился у себя на родинѣ быстротою бѣгу, однако жъ не могъ догнать привидѣнія.

оно было отъ него все такъ же далеко какъ и сначала.

Правда, что молодой человекъ встрѣчалъ многія затрудненія: негладкая мѣстность, ручьи, текушіе подъ травою, и густые кустарники вокругъ наполненныхъ водою ямъ, замедляли его романическую погоню, тогда какъ привидѣніе, напротивъ-того, едва касалось земли, безъ труда проникало сквозь спутанныя, колючія вѣтви кустарниковъ и скользила по поверхности водъ. Невозможно было понять, какъ это дѣлалось: шаги привидѣнія были легки и не оставляли за собою слѣдовъ; оно не притаптывало нѣжныхъ верхушекъ зелени, не ломало гибкихъ стеблей полевыхъ лилій, не портило пушистыхъ чашечекъ маргаритокъ. И такимъ страннымъ образомъ прошло или пронеслось оно черезъ садъ, на широкую лужайку, которая примыкала къ тѣсу. Камеронъ подтянулъ свой поясъ и, собравшись съ силами, пустился туда же. Тѣнь какъ-будто спускалась надъ нимъ: подобно тѣмъ метеорамъ, которыя блуждаютъ надъ болотистыми мѣстами и завораживаютъ путешественниковъ, она порой останавливалась, чтобы приманить его, но приманивала только затѣмъ, чтобы обмануть. Наконецъ Олленъ подбѣжалъ къ ней такъ близко, что могъ уже отличать подъ легкими, какъ воздушными покрывами, которыми она была одѣлана, прекрасныя формы женщины: оставалось только протянуть руку, чтобы схватить ее; но вдругъ наткнулся на телѣгу съ хворостомъ, которая загородила ему дорогу: надо было обойти это препятствіе; Камеронъ кинулся всторону, но когда выбѣжалъ опять въ просторъ, блѣдой женщины уже не было на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее видѣлъ.

Этотъ родъ чуда внушилъ молодому горцу нѣкоторыя сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ блѣдая могла вдругъ исчезнуть, сдѣлаться невидимою, если только колдунъ Вилли-Вилии не далъ ей своей

волшебной тросточки? Или Камеронъ не долженъ полагаться на свидѣтельство чувствъ своихъ? Но онъ былъ твердо убѣжденъ въ вѣрности своего зрѣнія и, не теряя ни секунды, побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ бѣлую женщину передъ ея чуднымъ исчезну-тiемъ. Это было подъ купой высокихъ каштановъ, у входа въ лѣсъ. Онъ прибѣжалъ туда съ сердцемъ трепещущимъ отъ надежды; но.... увы! тамъ не было ничего: мѣсто пустынное; только бѣлая горлица поднялась, воркуя, въ густую вершину деревьевъ, да еще Камерону почудилось, будто воздухъ наполненъ какимъ-то таинственнымъ благоуханiемъ.

Вѣроятно, молодой человекъ предался бы здѣсь какимъ-нибудь сладкимъ мечтамъ, если бы вдругъ опять не увидѣлъ тѣни, которая стояла на одной небольшо-й возвышенности и дѣлала ему знакъ, пригла-шая слѣдовать за собою. Но чтобы дойти до того хол-ма, надо было прежде всего пролѣзть сквозь густой кустарникъ, составлявшiй живую ограду около группы высокихъ деревьевъ. Молодому искателю приключевiй мудрено было, въ незнакомыхъ мѣстахъ и ночью, про-ложить себѣ прямую дорогу къ цѣли, которой хотѣлъ онъ достигнуть. Густота деревьевъ и близкое ихъ между собою разстоянiе еще болѣе ослабляли сомнитель-ный свѣтъ, освѣщавшiй его дорогу. Рѣдко ему удава-лось замѣтить звѣздочку, которая одиноко мерцала на небѣ и была видима только тогда, когда онъ выходилъ на такое мѣсто, гдѣ сучья деревьевъ были не слишкомъ густы, такъ-что онъ могъ рассмотреть надъ собой не большое пространство неба. При этихъ не-преодолимыхъ препятствiяхъ, Олень по-неволѣ былъ долженъ уклониться отъ прямого направлениа и шелъ нѣсколько времени наудачу, руководствуясь только не-яснымъ воспоминанiемъ о томъ пунктѣ, на которомъ онъ видѣлъ блѣдную тѣнь. Чѣмъ далѣе онъ подвигался впередъ, тѣмъ гуще становилась около него зелень.

Руки его уже устали отъ непрерывной борьбы съ длинными сучьями; ноги по минутно запутывались въ безконечныхъ стебляхъ ползучихъ растений. Наконецъ Камеронъ увидѣлъ, что онъ сбился съ пути, и, порченный этимъ, остановился, чтобъ перевести духъ и подумать, не лучше ли ему воротиться въ замокъ.

«Начтò, разсуждалъ онъ самъ съ собою: начтò я стану гоняться за этими привидѣніями? Ежели онъ въ самомъ дѣлѣ какіе-нибудь выходцы съ того свѣту, я въ никогда не поймаю; а ежели это живые люди, нѣтъ ли имѣютъ ли они надо мной важнаго преимущества въ томъ, что имъ совершенно знакомы здѣшніе манеры, изъ которыхъ я, и среди дня, не вышелъ и безъ Аріадниной нити?»

Дѣлая такія благоразумныя соображенія, молодой мовѣкъ стиралъ плащомъ воду, которую древесныя стволы оставили на лицѣ его. Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, послышался шорохъ. Олень встрепенулся и началъ внимательно прислушиваться. Ему показалось, что кто-то невидимый бѣжалъ во всю прыть, держа древесныя вѣтви. Онъ пустился по направлению этого шороху и скоро выбѣжалъ изъ чащи. Тутъ ему стало неможнò свѣтлѣе; передъ нимъ раскинулся широкій горизонтъ. Но глаза его, хотя уже привыкшіе къ сумраку, не видали нигдѣ привидѣнія: только вдали прыгалъ какой-то звѣрь, и молодой герой, своимъ чуткимъ, охотничьимъ ухомъ, распозналъ первую поступь лани, которую онъ, вѣроятно, выпугнулъ изъ убѣжища.

Такое открытіе разочаровало бы всякаго, кромѣ Камерона; но нашъ молодой герой родился въ странѣ, гдѣ каждый болотомъ летаютъ по ночамъ дьяволы, гдѣ всякая старая женщина — вѣдьма либо колдунья, и гдѣ помело не имѣетъ другаго употребленія, кромѣ того служить верховой лошадыю этимъ дикарямъ. Потому, когда Камеронъ увидѣлъ себя на сво-

бодь эту густой травы и кустарничковъ, которые часто призывали его къ дѣйствительности, то онъ опять предался фантази, увлекавшей его за таинственную тѣню. Онъ поднималъ голову, чтобы осмотрѣться и выбрать себѣ дорогу, какъ вдругъ невольный трепетъ приковалъ его къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ : передъ нимъ, въ десяти или двадцати шагахъ, на возвышенности, стояла та самая бѣлая женщина, которая заставила его заблудиться. Она, казалось, гордо смотрѣла на смертнаго, дерзнувшаго ее преслѣдовать. Длинные сучья деревьевъ составляли надъ нею родъ темнаго, непроходимаго навѣса. Всмотриваясь въ эту таинственную фигуру, молодой человѣкъ думалъ, что онъ узнаеть длинное покрывало и тунику игуменьи, про которую говорилъ мастеръ Матіасъ Трагмортонъ. Онъ сдѣлалъ шага три впередъ и остановился, сдѣлалъ еще шагъ и опять остановился ; онъ думалъ, что видѣніе вдругъ исчезнетъ, разсѣется, убѣжитъ отъ него, какъ бывало прежде ; но, на этотъ разъ, страшная тѣнь не трогалась съ мѣста, стояла неподвижно, и какъ-будто съ презрѣніемъ ждала къ себѣ Оллена. Дрожь пробѣжала по его жиламъ, волосы сами собою зашевелились на головѣ. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ достигнетъ рукой непонятное существо, въ натурѣ котораго заключаются, можетъ-быть, стихіи безтѣлеснаго міра, мрачныя тайны гробовъ, и завѣтныя истины другой, замогильной жизни и вѣчности : ужасно ! Но смѣлый молодой человѣкъ рѣшился вступить въ страшный кругъ сверхъестественности, сдѣлалъ еще шагъ, другой, третій и.... вдругъ оступился. Дорога его пересѣкалась канавой : перепрыгнуть не было никакой возможности. Онъ рѣшился поискать мѣста по-уже, пошелъ въ правую сторону, перескочилъ, хотѣлъ идти направо другимъ берегомъ ; но тутъ также канава ; переправился черезъ эту : третья. Надо было опять идти вѣтерону. Эта канава отвела его отъ лужайки, и

которой онъ видѣлъ тѣнь : около него снова стали показываться кусты и разбѣянные деревья, а канавки, черезъ которыя онъ перепрыгивалъ, извивались то вправо, то влѣво, и наконецъ онъ потерялъ изъ виду блую женщину, выбѣжалъ на лужайку, кажется, ту же самую, гдѣ она передъ нимъ явилась въ такомъ близкомъ разстояніи, но теперь ея уже не было. Въ это время слухъ молодаго человѣка внезапно былъ пораженъ чѣмъ-то насмѣшливымъ хохотомъ. Олленъ остановился и въ изумленіи сложилъ руки. Невидимый, таинственный насмѣшникъ предавался неистощимой веселости, но въ его смѣхъ не было ничего свойственнаго человѣческому голосу, и никакъ нельзя было разобрать, изъ какой части лѣсу приносились къ Оллену эти звуки. Между-тѣмъ какъ онъ, настороживъ все свое вниманіе, старался опредѣлить направленіе звуковъ, ему вдругъ послышался топотъ лошади. Онъ думалъ все слышнѣе, слышнѣе, и скоро Олленъ увидѣлъ, что изъ одной темной аллеи, углубляющейся въ самую чащу лѣсу, выскакалъ растрепанный всадникъ на бѣломъ конѣ съ длинною гривой безъ малѣйшей пѣстной отметины. Искры сыпались изъ-подъ копытъ лошади и густой паръ летѣлъ изъ ноздрей.

— Стой!... стой!... закричалъ горецъ.

Но всадникъ даже не оглянулся : пролетѣлъ какъ стрѣла мимо изумленнаго Оллена и скрылся въ опушкѣ противоположнаго лѣсу. Камеронъ не умѣлъ рѣшить, былъ ли то живой человѣкъ или привидѣніе, и однако жъ пустился въ погоню за всадникомъ. Между-тѣмъ однообразный и страшный хохотъ продолжалъ дразнить слухъ его, какъ-будто тотъ, кто смѣялся, преслѣдовалъ его по пятамъ. При поворотѣ одной тропинки, нѣсколько капель холодной воды упали на плащъ и на лицо Оллена. Горецъ посмотрѣлъ вверхъ, и увидѣлъ бѣлое привидѣніе, висящее со скалы. Но, на этотъ разъ, фантазія не увлекла его : равнодушно

прошелъ онъ мимо и тихонько вымолвилъ нѣсколько изъ тѣхъ словъ, которыя умной челоуѣкъ обращаетъ къ себѣ самому, когда видитъ, что онъ дался въ обманъ или сдѣлалъ ошибку. Таинственный хохотъ и привидѣнiе мгновенно изгладились въ воображенiи горца, уступивъ мѣсто обыкновенному водопаду, который низвергался съ нависшей возвышенности въ гранитный бассейнъ.

Это обстоятельство вновь обратило Оллена къ холоднымъ и положительнымъ разсужденiямъ. Неудачи, которыя онъ до-сихъ-поръ встрѣчалъ, и ошибки, въ которыя попадался словно по навожденiю какой-нибудь злой и лукавой феи, заставили его наконецъ усомниться въ вѣрности чувствъ своихъ. Хотя онъ ясно видѣлъ бѣлую тѣнь и всадника, однако жъ боялся ни въ что вѣрить. Онъ начиналъ думать, что все это ему грезилось, что исторiи Гумфри и Трагмортонна помрачили его разсудокъ. «Привидѣнiя, мертвецы, существуютъ только въ воображенiи суевѣрныхъ,» прошепталъ онъ и отказался отъ дальнѣйшей погони за бѣлыми жещинами, сожалья впрочемъ, что онъ — не болѣе какъ обманчивыя созданiя ночи и страха.

Съ четверть часа онъ шелъ по длинной и темной аллеѣ, въ надеждѣ прiйти такимъ образомъ къ замку, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собой тѣнь, съ которою онъ только-лишь распрошала мысленно. Она была недалеко и, на этотъ разъ, не одна : съ ней шелъ мужчина, держащiй въ рукѣ фонарь, который слабо освѣщалъ одну сторону его чернаго плаща и небожашое пространство поростшей мхомъ дороги. Разговаривая вполголоса, они перешли поперекъ аллеи и оставились у входу въ лѣсъ. Мужчина поставилъ фонарь на землю, вынулъ заступъ, спрятанный подъ сухими листьями, и началъ копать широкую яму.

«Теперь ужъ нѣтъ никакого сомнѣнiя, что это...

ди, подумалъ нашъ горецъ. Но что они дѣлають здѣсь въ такую пору?»

Молодой человѣкъ не смѣлъ подойти по-ближе, чтобъ они его не замѣтили; но, желая посмотреть, что тутъ будетъ, не хотѣлъ также и оставаться на своемъ мѣстѣ: онъ обошелъ кругомъ и вступилъ въ лѣсъ съ другой стороны, надѣясь такимъ образомъ подкрасться почти къ самой ямѣ, которую копалъ незнакомецъ. Ему встрѣтились снова различныя препятствія: Олленъ подвигался впередъ очень медленно, однако жъ прошелъ уже около половины дороги, какъ вдругъ вѣтеръ принесъ къ нему отголоски какого-то говору. Казалось, что нѣсколько человѣкъ ведутъ между собой жаркій споръ: только нельзя было разслушать, о чемъ именно они спорятъ. Минуть черезъ пять голоса эти смѣшались съ другими, болѣе злобыщими, звуками. То было уже бряцанье оружія: шпаги, съ жестокостью, ударялись одна объ другую. Молодой человѣкъ опречетью бросился черезъ кусты, которые загоразивали ему дорогу, оставилъ на цѣпкихъ сучьяхъ свой плащъ, но, какъ ни старался бѣжать скорѣе, былъ однако жъ еще далеко отъ выхода, какъ стукъ оружія прекратился, голоса начали удаляться, слышались все слабѣе, и когда, наконецъ, Камеронъ выбѣжалъ изъ лѣсу, передъ нимъ стоялъ только фонарь, тускло освѣщающій яму, снова зарытую и засыпанную сухими листьями.

«Богъ знаетъ что здѣсь происходило!» подумалъ онъ, наклоняясь, чтобъ взять фонарь, съ помощью котораго онъ надѣялся скорѣй отыскать дорогу въ замокъ..

Но когда Камеронъ поднималъ голову, кто-то шелъ позади его. Онъ тотчасъ обернулся, направилъ фонарь въ эту сторону. — «увы! неосторожная быстрота движенія потушила огонь. Молодой человѣкъ бросилъ фонарь на землю и хватился за поясъ: онъ позабылъ, что

послѣ того какъ братъ приказалъ отобрать у него оружіе, онъ еще не успѣлъ вооружиться.

— Безумецъ! вскричалъ несчастный, въ ярости топнувъ ногою.

Въ ту же минуту, какъ-будто брошенные изъ воздуха, упали передъ нимъ шпага, ружье и кинжалъ. Камеронъ, съ изумленіемъ, оглянулся во все стороны, чтобъ открыть своего таинственнаго друга, но вокругъ него было все пусто : только бѣлая тѣнь видѣлась вдали, бѣгущая съ непостижимою скоростью, приложивъ палецъ къ губамъ.

— Остановись! остановись! закричалъ молодой человѣкъ. Ангелъ ты или демонъ, я хочу тебя видѣть, хочу говорить съ тобой!

Эти слова, казалось, придали еще болѣе быстроты удаляющемуся видѣнію.

— О! вскричалъ Камеронъ, пускаясь въ погоню. Я обгонялъ оленей въ горахъ нашей родины : ты не уйдешь отъ меня!

Но бѣлая тѣнь мгновенно пропала у входа одной дубравы. Молодой человѣкъ подумалъ, что она спряталась въ дупло какого-нибудь стараго дерева, и отыскивалъ ее вездѣ. Долго эти поиски были тщетны. Наконецъ радостный крикъ вырвался изъ его груди : онъ увидѣлъ ее стоящую посреди рощицы. Въ себя, взволнованный до послѣдней степени, онъ протянулъ руки, чтобы заключить бѣглянку въ свои объятія; но, прибѣжавъ на то мѣсто, гдѣ она его дождалась, обнялъ только прозрачный паръ и увидѣлъ себя озареннымъ съ головы до ногъ луннымъ сіяніемъ. Серебряный мѣсяцъ, выматившись изъ-за облака, пропустилъ свой свѣтъ сквозь отверстіе между древесными вершинами, и восторженный горецъ обнялъ его блѣдный дѣтъ, игравшій на мѣткихъ испареніяхъ.

Этотъ урокъ вразумилъ Оллена, какъ безполезны

будутъ его дальнѣйшіе пошеки. Подвѣршія, которыми онъ жгълъ, исчезли : ему оставалось только съ благо-дарностью вспоминать про таинственную тѣнь. Подарокъ, который она сдѣлала горю, напомнилъ ему о действительныхъ опасностяхъ, ожидающихъ его въ будущемъ. Молодой человѣкъ рѣшился идти прямо въ замокъ, чтобы подкрѣпить себя хотя недолгимъ отдохновеніемъ. Съ этою мыслью, отправился онъ искать своего оружія, взялъ его, и, безъ всякихъ новыхъ приключеній, добралъ наконецъ до башенъ ветхаго замка. Остановившись тутъ на минуту, онъ взглянулъ назадъ, на таинственныя, очарованныя мѣста, которыя покидалъ навѣки. Сердце его не было ничѣмъ къ нимъ привязано, и однако жъ онъ чувствовалъ какую-то тоску при разлукѣ съ ними, чувствовалъ, что его воображеніе будетъ часто летать сюда.

Когда Камеронъ взошелъ на пространный дворъ замка, луна во всемъ блескѣ плыла по темно-синему небу, и яркіе лучи ея освѣщали подробности зданія, сложные переходы и повороты, въ которыхъ было легко заблудиться, не принадлежа къ числу здѣшнихъ жителей. Молодой человѣкъ отыскалъ тотъ сводъ, куда ввелъ его мельникъ Гумфри, и, войдя въ длинную галерею, спѣшилъ найти дорогу къ комнатѣ управителя, какъ вдругъ проходя мимо одного готическаго окошка, обращеннаго во внутренность галереи, услышалъ что-то подобное звуку, издаваемому дрожащими стеклами. Этотъ звукъ былъ мгновенецъ: можно было сказать, что легкой порывъ вѣтерка пробѣжалъ по струнамъ золотой арфы. Не умѣя дать отчету въ своемъ впечатлѣніи, Олень однако жъ почувствовалъ себя взволнованнымъ до глубины сердца : остановился, началъ прислушиваться, и скоро услышалъ звуки нѣжнаго женскаго голоса, который пѣлъ старинную шотландскую балладу, извѣстную въ лочіельскихъ горахъ.

Молодой человѣкъ съ умиленіемъ внималъ родной

васи». До него не доходили слова, но знакомая жалобная мелодія воскресла въ его памяти, и онъ, со слезами на глазахъ, сталъ повторять за таинственнымъ голосомъ трогательные стихи баллады, въ которыхъ молодая дѣвушка, вечеромъ, ложась спать, мысленно прощается съ своимъ возлюбленнымъ, въ надеждѣ увидѣться съ нимъ завтра, но потомъ, узнавъ, что онъ убитъ на ночномъ сраженіи, опять съ нимъ прощается мысленно, въ надеждѣ увидѣться на томъ свѣтѣ.

Голосъ неизвѣстной пѣвицы становился все трогательнѣе, по мѣрѣ того какъ баллада подходила къ концу. При послѣднемъ словѣ, Олену показалось, что онъ замеръ во вздохъ. Молодой человекъ продолжалъ стоять подъ окномъ: онъ надѣялся, что незнакомецъ споетъ еще какую-нибудь балладу, и преждаль бы, конечно, до самаго утра, если бы скрынъ отворяющейся двери не заставилъ его проворно спрятаться въ темный уголъ.

«Вотъ прекрасная ночь! думалъ онъ. Право, не всегда нужно спать, чтобы видѣть пріятныя сновидѣнія!»

Съ этой мыслью, онъ взглянулъ вверхъ на лѣстницу, гдѣ была дверь, и замѣтилъ стройную фигуру женщины, остановившейся на площадкѣ. Камеронъ тотчасъ узналъ въ ней блѣдную тѣнь, которую такъ долго преслѣдовалъ. Она начала спускаться: разстояніе между ними съ каждымъ мгновеніемъ уменьшалось. Вотъ она уже въ шести, въ пяти шагахъ отъ него. Молодой человекъ испустилъ радостный крикъ и кинулся къ ней на встрѣчу; но, услышавъ его голосъ, она повернулась назадъ, какъ облако взлетѣла на лѣстницу, и, скрывшись въ комнату, захлопнула дверь.

— Юдишь! Юдишь! кричалъ Камеронъ: отворите мнѣ!.... Ахъ! я узналъ васъ... мнѣ давно бы надобно васъ узнать!.... Отворите! умоляю васъ, отворите!

Молодая дѣвушка не отвѣчала.

— Такъ это вы, Юдиень? продолжалъ Оленья. А я думалъ, что вы всё-еще въ Лочіель.... Ежели не хотите отворить, по-крайней-мѣрѣ говорите со мною." Это вы играли нашу горную пѣсню?... О! какъ билось мое сердце!.... Я не зналъ, что это вы, а оно всё-таки билось!.... и слезы текли изъ глазъ моихъ!.... Ахъ, Юдиень! отворите!

Молодой человекъ думалъ, что просьба его наконецъ принята : за дверью послышался шорохъ, ключъ въ замкъ повернулся, дверь отворяется.... Сердце Олены такъ и залилось кровью; но,.... вмѣсто прекрасной дѣвушки, передъ нимъ явилась высокая фигура, съ суровыми чертами лица, съ нахмуренными бровями, и въ плащѣ темнаго цвѣту.

— Мистеръ Годдльстонъ! пробормоталъ горецъ, поднося руку къ шляпѣ.

— Вы, кажется, удивляетесь, встрѣтись со мною? сказалъ пасторъ; но мнѣ еще больше надобно удивляться, видя васъ въ этомъ замкѣ. Что вы здѣсь дѣлаете?

— Я зашелъ сюда отдохнуть, чтобъ потомъ идти далѣе, отвѣчалъ молодой человекъ.

— И длятого-то, вѣрно бѣгаете по рощамъ, принадлежащимъ къ замку Бѣлыхъ-Красавицъ!.... Слышите ли, сколько часовъ бьетъ на башнѣ?

— Боже мой!.... ужъ два часа!

— Да, сударь, два часа, а завтра.... сраженіе! Королевскія войска стоятъ подъ Ворстеромъ : только неглубокая рѣка отдѣляетъ ихъ отъ непріятеля. Если хотите поспѣть, не надобно терять ни минуты.

При этихъ послѣднихъ словахъ, молодой человекъ понялъ, что ему должно отказаться отъ свиданья съ Юдиенью.

— Прощайте, мистеръ Годдльстонъ! сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Идите за мною, отвѣчалъ пасторъ. —
 Они вышли изъ замка, миновали дверь и, пройдя узенькую калитку, оутились на полъ. Тутъ стояла да самая тельга съ хворостомъ, на которую Олденъ наткнулся въ одномъ изъ своихъ побѣговъ за тѣнью. Но теперь въ нее была заложена бѣлая лошадь мельника, и самъ Гумфри спокойно лежалъ на верхушкѣ воуа, насвистывалъ какую-то пѣсню.

— Готовъ ли ты, Пиндрель? спросилъ у него пасторъ.

— Давнымъ-давно, ваше преподобіе! отвѣчалъ Гумфри. Я вамъ говорилъ, что кобылка моя присмирѣеть. Давеча портачилась, убѣжала въ лѣсъ : насилу поймали; а теперь, смотрите, настоящій ягненокъ : всякій младенецъ дойдетъ на ней шагомъ до Ворстера. И то сказать, не раскачешься съ такимъ грузомъ. Волю брату Джону, дровосѣку, говорить, будто сырое дерево тяжеле сухаго : вотъ, даромъ-что сухое деревцо, а съ-мѣста не сдвинешь!

— Ну, перестань балагурить, Гумфри, сказалъ мистеръ Годдльстонъ : смотри лучше, чтобъ наше оружье, прежде нежели дойдетъ до арміи, не попало въ руки къ республиканцамъ.

— Къ республиканцамъ?... а съ какой стати? Развѣ мы его затѣмъ вырыли изъ земли въ такое страшное время и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ этотъ бѣднякъ Патрикъ...

— Довольно, довольно, Пиндрель! Побѣжай скорѣе. Вотъ тебѣ попутчикъ. Прикрой его хворостомъ : ему нужно соснуть дорогой.

Мельникъ взглянулъ на горца, и лицо его поблѣло какъ полотно : онъ узналъ своего таинственнаго слуганика. Но молодой человекъ теперь былъ съ пасторомъ, и очевидно находился подъ его покровительствомъ: это ободрило суевѣрнаго Гумфри.

— Прощай, сынъ мой! сказалъ мистеръ Годдъстонъ, пожимая руку Оллена. Богъ да хранить тебя подъ своей десницей. Кланяйся отъ меня брату.

— Гдѣ же мы съ вами увидимся, ваше преподобіе? спросилъ мельникъ.

— Гдѣ Богу будетъ угодно, мой другъ, отвѣчалъ пасторъ.

Онъ еще разъ кивнулъ головой путешественникамъ и скрылся въ калитку. Гумфри ударилъ по спинѣ лошади: телѣга тронулась съ-мѣста. Выѣхавъ на дорогу, мельникъ обернулся къ своему товарищу и началъ разсматривать его съ величайшимъ вниманіемъ.

— Ну, пріятель! молвилъ онъ наконецъ: ты не очень чинишься съ тѣми, къ кому ходишь въ гости! Если бы я былъ человекъ суевѣрный, такъ сказалъ бы, что старикъ Трагмортонъ правъ. Да растолкуй же по-крайней-мѣрѣ, какими манерами ты вышелъ изъ комнаты, когда двери были заперты?

— Въ окно, отвѣчалъ хладнокровно горецъ.

— А! вотъ что! То есть, ты выбралъ ту самую дорогу, по которой покойникъ графъ, отецъ нынѣшняго, вышроваживалъ своихъ кредиторовъ!... Однако жъ востой! Помнится на тебѣ былъ плащъ, какъ мы встрѣтились. Куда жъ онъ дѣвался? вѣрно ты его прогнулъ на шабашъ? Покойникъ дѣдушка не даромъ говаривалъ, что шабашъ то же, что стряпческая контора: добрые люди всегда оставляютъ тутъ что у нихъ есть по-лучше, кто свою совѣсть, акто епанчу, куртку, штаны.

Но молодой горецъ уже неслыхалъ этой назидательной истины: онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Словоохотливый Гумфри, не имѣя слушателя, вспомнилъ, что надобно торопиться, ударилъ свою лошадку, и молеса телѣги завертѣлись быстрѣе.

X.

На другой день, мистеръ Годдльстонъ, уединившись въ одной изъ башенъ замка Бѣлыхъ-Красавицъ, провелъ цѣлое утро за письмами, потому что онъ поддерживалъ дѣятельную переписку съ друзьями короля во всѣхъ углахъ Великобританіи. Наконецъ пробило двѣнадцать часовъ; письма были готовы: достойный пасторъ передалъ ихъ гонцу, присланному отъ леди Аррингтонъ, и пошелъ самъ въ ея комнаты. Онъ засталъ графиню въ молельнѣ. У одной стѣны былъ сдѣланъ родъ алтаря, на которомъ возвышалось большое Распятіе: передъ нимъ горѣло нѣсколько восковыхъ свѣчей. Съ потолка, изъ середины высокаго остроконечнаго свода, висѣла лампада. Длинныя и узкія окна съ цветными стеклами пропускали внутрь комнаты слабыя радужные лучи, которыхъ было бы недостаточно для ея освѣщенія, ежели бы она не озарялась мерцающимъ огнемъ на алтарѣ и въ лампадѣ. Графиня сидѣла на креслахъ съ высокою спинкой, и, казалось, была погружена въ размышленіе. Наружность этой почтенной дамы свидѣтельствовала о глубокой преклонности лѣтъ ея и внушала уваженіе. Леди Аррингтонъ была одѣта по старинной модѣ елизаветинскаго двора; съдѣе волосы въ букляхъ, выставленныя изъ-подъ чернаго бархатнаго берета, придавали лицу ея кроткое и пріятное выраженіе.

— Какъ вы думаете, отецъ мой, началось ли сраженіе? спросила она у пастора съ видимымъ безпокойствомъ.

— Нѣтъ еще, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ: мы получили бы курьера, если бы началось...

— О Боже мой! произнесла графиня вполголоса: надобно ждать,.... оставаться въ неизвѣстности,....

бить-можетъ, до завтра! Я не перенесу этого.... Луч-
ше бы ужъ одинъ конецъ!.... Пусть, бы мнѣ сейчасъ
привали роковое извѣстіе, которое меня ожидаетъ.

— Вчера вечеромъ вы были бодрѣе, графиня, сказалъ
исторъ съ важностью : вы думали только, какая вамъ
жестъ, что трое изъ вашего семейства будутъ сражаться
внѣсть за своего государя.

— Ахъ, отецъ мой! отвѣчала графиня : послѣ того
прошла цѣлая ночь,.... я не могла заснуть ни на одну
мину.

— Надо было молиться, ваше сіятельство.

— Я и хотѣла молиться, отецъ мой ; но.... это было
всильно невозможно ! Какъ-будто на угольяхъ, я
ждала дождалась солнца ; открыла окно, обошла весь
садъ, была въ саду... Увы ! вездѣ пусто !.... нѣтъ,
нѣтъ милыхъ моему сердцу ! они уѣхали.... не воро-
тятся !....

— Дячего такъ думать, графиня ? Вы забываете, что
рука Всевышняго можетъ вездѣ достать насъ, и въ
кругу нашихъ ближнихъ и передъ лицомъ непріятеля.
Аррингтоны не въ первый разъ становятся подъ знамя
своего короля : они возвращались со славою ; вы сами
встрѣчали ихъ.

— Такъ, отецъ мой. Но сколько и погибло Арринг-
тоновъ!...

— Жизнь наша въ рукѣ Божіей, говорю вамъ, графиня :
Всевышній....

— Тсъ ! произнесла старушка, вдругъ поблѣдивъ
къ смерти.

Гудльстонъ остановился. Леди Аррингтонъ припод-
нялась, выставила голову за окно, и начала прислуши-
ваться по направленію къ Ворестеру.

— Вы ничего не слышали ? сказала она дрожащимъ
голосомъ. Мнѣ показалось, какъ-будто громъ, тамъ,
тамъ... Чу ! слышите ?... Да ! это точно громъ. Небо

заволокло тучами, солнце спряталось, похныкиваетъ ветеръ... Да, это громъ.

Между-тѣмъ какъ графиня выражала свои догадки, мистеръ Годдльстонъ также подошелъ къ окну и началъ съ беспокойствомъ прислушиваться къ отдаленнымъ раскатамъ звуку, которые старая дама считала грозю. Мало-по-малу лобъ его сморщился, брови нахмурились, и все лицо приняло мрачное выраженіе.

— Точно, точно, сказала графиня: я не ошибаюсь. Это маленькая гроза на Севернѣ. Она скоро кончится.

Годдльстонъ молчалъ.

— Вотъ ужъ и кончилась, прибавила леди. Садитесь, отецъ мой. Станемте опять разговаривать.

Но лишь-только она успѣла вымолвить эти слова, какъ послышался новый грохотъ, и на этотъ разъ несравненно сильнѣе прежняго. Графиня испустила болѣзненный вопль.

— Еще! сказала она, устремивъ умоляющій взглядъ на пастора. Но что жъ это такое?

— На колѣни, графиня! вскричалъ пасторъ.

— На колѣни?... зачѣмъ?...

— На колѣни, графиня! повторилъ онъ. Это начинается сраженіе.

Леди Аррингтонъ упала на колѣни; мистеръ Годдльстонъ сталъ возлѣ нея. Звучнымъ, торжественнымъ голосомъ читалъ онъ молитвы, обращаясь въ нихъ къ Богу силъ и прося Его укрѣпить силы доблестныхъ воиновъ, сражающихся за своего законнаго государя. Но леди Аррингтонъ напрасно старалась преодолѣть волненіе чувствъ своихъ и погрузиться душою въ молитву: она не могла побѣдить сердца матери и жены. Когда пушечные выстрѣлы сдѣлались такъ часты и громы, что гулъ ихъ не прерывался ни на одно мгновеніе, графиня вскакивала изъ рукъ молитвенникъ, вскочила и побѣжала по комнатамъ замка.

— Гдѣ они? гдѣ? кричала она въ безпамятствѣ.

Джемсъ! Виллиамъ! Робертъ! гдѣ вы?... Ахъ! васъ нѣтъ.... нѣтъ! вы меня оставили, бросили!.... О! зачѣмъ вы меня оставили?....

Въ галереѣ, гдѣ хранились портреты фамиліи Аррингтоновъ, графиня остановилась передъ изображеніемъ своего мужа, работы ванъ-Дейка, и устремила неподвижный взглядъ на благородныя черты и мужественную осанку графа. Въ это время послышался колоколь: то былъ знакъ, что кто-то пріѣхалъ и просить позволенія войти въ замокъ. Леди Аррингтонъ выбѣжала на лестницу, прежде нежели старикъ Трагмортонъ успѣлъ открыть ворота.

— Скорѣе, скорѣе, Матіасъ! кричала она. Можетъ-статься, это курьеръ изъ Ворстера.

Управитель прибавилъ прыти своей походкѣ, и черезъ нѣсколько секундъ на дворъ появился человекъ лѣтъ тридцати-пяти, одѣтый весь въ черное, въ низенькой треугольной шляпѣ, и съ большимъ воротомъ, который былъ некогда бѣлымъ, а теперь представлялъ смѣсь разныхъ цвѣтовъ, посыпанную нюхальнымъ табаконъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по двору, онъ остановился и отвѣсилъ пренизкій поклонъ графинѣ. Ухватки этого человека, его рыжіе волосы, маленькіе, скачущіе глаза, лицо узенькое, нохожее на морду лисицы, и, наконецъ, его шепотѣрно длинныя руки, заставляли подозрѣвать, что это либо какой-нибудь полицейскій изъ ближняго города, либо рѣстовщикъ, отправившійся по околотку для свиданія съ своими мелкими должниками.

— А! это ты, Патриксонъ! сказала графиня, нахмурившись.

Пріѣзжій отвѣсилъ вторичный поклонъ и хотѣлъ что-то отвѣчать ей сіятельству, но она равнодушно повернулась къ управителю и, приказавъ, чтобы первый, кто пріѣдетъ въ замокъ, былъ представленъ прямо къ ней, ушла въ свои комнаты.

Оставившись одинъ съ Матіасомъ, пріѣзжій дружески

протянулъ къ нему руку, но Трагжортоу притворился, будто не замѣчаетъ этого и сказалъ съ кислой физиономіей : — Мы не привыкли васъ видѣть въ такое время. Какъ это вы не у должности? Сэръ Джону, чай, теперь очень нуженъ его секретарь, потому что вы, безъ него, говорять, заварили страшную кашу. Правда ли, мистеръ Патриксонъ, что, въ эти два мѣсяца, вы пересорили столько народу и завели столько тяжебъ, сколько прежде не бывало и въ два года?

— Правда, мистеръ Матіасъ, отвѣчаѣ Патриксонъ сладкимъ голосомъ. Съ нѣкотораго времени въ нашей сторонѣ всѣ узнали, что такое судья. Я занесъ въ настольный реэстръ двѣсти шестьдесятъ семь новыѣхъ дѣлъ и потребовалъ къ допросу больше тысячи свидѣтелей : пусть сэръ Джонъ управляетя съ ними какъ знаетъ!.... Но теперь рѣчь не о томъ, мистеръ Матіасъ. Я пріѣхалъ къ вамъ по одному интересному дѣльцу. Войдемте пожалуйста въ вашу комнату?

— Да развѣ объ этомъ дѣлѣ нельзя говорить привсѣхъ? Въ такомъ случаѣ, я совѣтую вамъ говорить о немъ съ кѣмъ заблагоразсудите, только не со мною.

— Вы меня худо поняли, мистеръ Матіасъ, отвѣчалъ Патриксонъ, ничуть не смѣтившись. Дѣльцо, о которомъ мнѣ нужно переговорить съ вами, касается собственнаго вашего интересу : такъ зачѣмъ же въ него вмѣшивать кого-нибудь кромѣ васъ? Знаете ли, почтеннѣйшій? иногда и на задушевнаго друга нельзя положиться : есть казусы! А притомъ я немножко усталъ и хотѣлось бы закусить передъ отъѣздомъ въ Ворстеръ.

— Какъ?... вы ѣдете въ Ворстеръ?... Приказные часто бывають крѣпки на ухо, но вы, мистеръ Патриксонъ, вѣдь не совсѣмъ глухи : вѣрно, слышали, какая тамъ идетъ перепалка.

— Я пріѣду туда послѣ сраженія.

— Въ одно время съ воронами!.... Но, не въ обиду

вамъ, мистеръ Патриксонъ, зачѣмъ это ваша милость отправляется въ Ворстеръ?

— Я тотчасъ вамъ скажу. Моя поездка имѣетъ связь съ дѣльцомъ, о которомъ мнѣ желательно переговорить съ вами. — Тамъ увижусь я съ Кромвеллемъ, шепнуль Патриксонъ, наклонившись къ уху Матіаса.

— Вы?... вскричалъ Трагмортонъ съ удивленіемъ. Такъ волки и лисицы заключили между собою союзъ и вмѣстѣ отправляются на добычу?

— Тсъ! тсъ! Я вамъ все это растолкую. Пойдемте въ вашу комнату. Дѣло чрезвычайно важное.

Любопытство или желаніе какъ-нибудь помѣшать замысламъ Патриксона, если они могутъ имѣть вредныя послѣдствія, заставило Трагмортонна уступить просьбѣ этого человѣка: онъ привелъ его къ себѣ въ комнату, посадилъ за столъ, и принесъ кружку пива. Два собесѣдника помѣстились одинъ противъ другаго, наполнили свои стаканы, и начали разговаривать слѣдующимъ образомъ:

— Славная вещь быть управителемъ! сказалъ секретарь сэръ Джона, облизываясь послѣ перваго глотка пива. Ключи на рукахъ: отпирай что тебѣ вздумается, и, потомъ, закупки, продажи, наймы, починки, поправки, да сверхъ-того всегда лучше барина знаешь доходы съ имѣнія.

— Ну такъ что жь? куда это вы хотите подѣвхать этииъ проселкомъ?

— Никуда, такъ. Я только говорю, что мѣсто управителя — очень хорошее мѣсто, лучше чѣмъ держать перо за ухомъ и служить при чернильницѣ какого-нибудь судьи. Хозяинъ, владѣлецъ, — это иное дѣло: то вътрѣмъ поломаешь деревья, то градомъ побьетъ хлѣбъ, то.... мало ли что еще! Но управитель живетъ-собѣ прицѣваючи: иному солома, а ему всё-таки хлѣбныя зернышки.

— За кого вы меня принимаете, мистеръ Патриксонъ?

сказалъ наконецъ Матиасъ; обидѣвшись. Я тридцатѣ лѣтъ служу графамъ Аррингтонамъ, везъ себя всегда честно. Если у меня есть какая-нибудь копѣйка въ карманѣ, такъ это накоплено только бережью да благотворителемъ, потому что я жилъ не такъ какъ вашъ покойный батюшка, мистеръ Патрикъ, который, протерзавши двадцать лѣтъ наши уши и подбородки; — потому что онъ былъ у насъ и цырюльникомъ и гудочникомъ, — не оставилъ вамъ ничего, кромѣ тупой бритвы, разбитой скрипки, да стараго парика, изъ котораго половина волосъ вылезла.

— Ну вотъ ужъ вы и разсердились, мистеръ Матиасъ! сказалъ Патриксонъ. Я вѣдь знаю, что вы человекъ обстоятельный. И что мнѣ? Если у васъ есть копѣйка, это ни до кого не касается: я ужъ вѣрно не спрошу у васъ, какъ вы ее нажили. А только вотъ что: если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то не допустилъ бы, чтобы мои деньги лежали мертвымъ капиталомъ: славно бы ими распорядился!

— Купили бы прокурорское мѣсто?

— Не то чтобы прокурорское, а знаете ли что, почтеннѣйшій? бываютъ случаи очень хорошіе: только надо умѣть обращать ихъ въ свою пользу. Мы видали на свѣтѣ людей, которые еще недавно таскались чуть не въ нищенскомъ рубищѣ, а теперь щеголяютъ въ бархатномъ платьѣ. Кто можетъ ручаться за будущее? Иной ляжетъ спать бѣднымъ судейскимъ секретаремъ, а проснется не только прокуроромъ, но и самымъ судьейю.

— Вы съ ума сошли, мистеръ Патриксонъ.

— Нынѣшнее наше правительство, продолжалъ Патриксонъ своимъ сладкимъ голосомъ и съ кошечьими ухватками: нынѣшнее наше правительство желаетъ, чтобы всѣ мѣста, особливо которыя по-важнѣе, были заняты людьми, неимѣющими никакихъ связей и сно-

нѣнѣ съ матежниками. За интриганами и за всякими такими людьми имѣется строжайшій надзоръ.

— Это не мое дѣло, мистеръ Патриксоъ.... Вы иѣтите въ судьи : ну что жъ, съ Богомъ! Если бы вы сдѣлились и шерифомъ нашего графства, такъ я бы не удивился. Поболтай палкой въ водѣ : тина тотчасъ наверхъ поднимется.

— Гмъ! вамъ бы немножко поудерживать свой язычокъ! Неравно дойдетъ до людей, которые не жалуютъ этихъ пословицъ.... Впрочемъ, я прѣхалъ къ вамъ какъ другъ, и хочу говорить по-дружески.

— Говорите, говорите, сказалъ Трагмортонъ съ прѣрзаніемъ.

— Вотъ извольте ли видѣть, продолжалъ Патриксоъ. Я сегодня столкнулся съ нѣкоторыми фермерами сэръ Джона. Мы осушили порядочное число бутылокъ, и, пересыпая изъ пустаго въ порожнее, добрались наконецъ до его имѣнія. Знаете ли, мистеръ Матіасъ, сколько доходу онъ получаетъ съ своихъ лѣсовъ и земель подъ Бескоблемъ?.... Шестъ тысячъ фунтовъ!

— Хорошее имѣніе, замѣтилъ равнодушно управитель.

— Да еще въ канихъ рукахъ! съ жаромъ подхватилъ Патриксоъ. Другой получалъ бы вчетверо!

— Но сэръ Джонъ, кажется, не намѣренъ продавать: онъ оставилъ свое имѣніе въ наследство дочери и ея мужу, когда она выйдетъ замужъ.

— Конечно, конечно, мистеръ Матіасъ. Но вѣдь и лордъ Блеттеръ также не былъ намѣренъ продавать своего эджка, да парламентъ конфисковалъ его и продалъ съ публичнаго торгу, за безцѣнокъ, какому-то выходцу.

— Этотъ выходець не разбогатеетъ : дурно выбранное имѣніе никогда нейдетъ впрокъ.

— Что жъ дѣлать, почтеннѣйшій? Дверь на распашку соблазнить и самого праведника. Если бы у меня

было хоть съ половину противъ того, что вы себя накопили, я, не больше какъ черезъ мѣсяцъ, превратилъ бы свои шиллинги въ гинеи и позвалъ бы васъ на свадьбу.

— На свадьбу?..... къ себѣ?..... Я что-то не понимаю.

— Фу! какой же вы недогадливый!..... Вамъ все такъ и положи въ ротъ!.... Сегодня вечеромъ я явлюсь къ генералу.

— Ну!

— Ну!.... Развѣ долго, вы думаете, подмахнуть приказъ о конфискованіи всего имущества сэръ Джона, и другой, о назначеніи меня на его мѣсто боскобльскимъ судьей? Не нужно и пера макать дважды въ чернильницу! Бумаги ужъ приготовлены : у меня въ карманъ. Послѣ этого я возвращаюсь въ Боскобль; мы по-поламаемъ съ вами покупаемъ сэръ Джоново имѣніе; а потомъ миссъ Рамсе, которая такъ передо мной важничала, едѣлается мистрисъ Патриксонъ.... Хе-хе-хе-хе!

— Какъ! вскричалъ управитель въ бѣшенствѣ : ты вздумалъ жениться на графининой крестницѣ? ты, старый филинъ, на этой голубкѣ?.... Ахъ, ты бездѣльникъ! ахъ, ты ябедникъ!.... Затѣвать такое безбожное дѣло! разорять своего благодѣтеля! да еще звать меня въ сообщники!.... Плуты!.... негоды!.... воръ!....

Трамортонъ выхватилъ палку, которая, вѣроятно, служила ему дорожною тростью при обходѣ господскихъ полей, и началъ подбивать ею приказнаго.

— А, мошенникъ! приговаривалъ онъ : ты хочешь въ судьи? ты хочешь въ богачи? ты хочешь въ мужа?... Вотъ я тебя научу, какъ давать расправу! я тебя вышкѣлю!

Патриксонъ, несмотря на преимущество своихъ силъ, не смогъ защищаться, и палка честнаго управителя весело гуляла по сухимъ плечамъ будущаго шерифа, пока онъ не догадался ретироваться подъ столъ. Тогда

Трагмортонъ бросилъ свое сокрушительное орудіе, и, отойдя на нѣсколько шаговъ, сложилъ на груди руки.

— Злѣдѣй! говорилъ онъ : ты думалъ , что я на старости запягнѣю отцовское нѣя?... Вонъ, гнусное созданіе! вонъ отсюда!.... Сэръ Джонъ сегодня же узнаетъ о всѣхъ твоихъ продѣлкахъ, и ты увидишь.... увидишь....

Секретарь не далъ ему договорить : пользуясь первыми минутами послѣ того, какъ Трагмортонъ бросилъ палку, онъ проворно вылезъ изъ-подъ стола и, не поднимая головы, выбѣжалъ, чуть ли не на-четверенькахъ, изъ комнаты. Матіасъ не почелъ нужнымъ его преслѣдовать. Черезъ нѣсколько минутъ новый звонъ колокола напомнилъ ему приказаніе графини. Онъ поспѣшно вышелъ на дворъ и съ трудомъ узналъ человѣка, который встрѣтилъ его, покрытый съ ногъ до головы пылью.

— Это ты, Гумфри?

— Гдѣ мистеръ Годдльстонъ?

— Не знаю. Графиня приказала перваго, кто пріѣдетъ, проводить прямо къ ней.... Гумфри! ты привезъ недобрыя вѣсти?

— Ну, ладно, ладно!.... Веди меня скорѣе къ графинѣ.

Разстроенный и напуганный управитель пошелъ впередъ, Гумфри за нимъ. Скоро они очутились передъ дверьми графининой комнаты.

— Сраженіе проиграно, сказалъ Пиндрель, какъ скоро увидѣлъ графиню.

Въ комнатѣ тогда было три особы : леди Аррингтонъ, пасторъ и Юдиень. Молодой горецъ не ошибся, узнавши свою возлюбленную : миссъ Рамсе пріѣхала погостить къ крестной матери, чтобы нѣсколько облегчить ея горе въ разлукѣ съ семействомъ; но утѣшенія дѣвушки плохо дѣйствовали на старую леди, которая совершенно предалась своему отчаянію и потеряла вся-

ную бодрость духа. Слава Гумфри какъ-будто пробудилъ ее отъ тяжкаго сна. Она встала, провела рукой по лбу, и потому, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ Индирелю, вскричала измѣнившимся голосомъ: — Король?... король?... что съ королемъ?

— Онъ дрался какъ левъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Гумфри.

— Гдѣ же онъ?... спасенъ ли?

— Спасенъ, ваше сіятельство, и сейчасъ будетъ здѣсь. Меня послали передовымъ.

— Слава Богу! сказала графиня, переводя дыханіе. — Матіасъ! слышишь? Чтобъ все было готово! Веди отворить ворота, собери слугъ! Я сама сойду внизъ встрѣтить его величество.

Управитель вышелъ. Гумфри остался.

— Теперь, сказала графиня, собираясь съ силами: что ты мнѣ еще скажешь? Графъ....

— Убить, ваше сіятельство.

Леди Аррингтонъ вскрикнула и едва устояла на ногахъ, съ помощію Юдиен.

— А сынъ мой? спросила она задыхаясь.

— Убить.

— Говори скорѣе! прошептала старая леди, съ судорожнымъ движеніемъ: внукъ? внукъ?

— Убить, отвѣчалъ опять Гумфри.

— Убить! убить! убить! закричала графиня. О Боже мой!... Боже мой!... Боже мой!

Руки ея опустились, смертная блѣдность покрывала лицо, все тѣло задрожало какъ въ лихорадкѣ. Величественная фигура леди Аррингтонъ вдругъ сторбилась подъ тяжестію несчастія, губы медленно шевелились, языкъ силился что-то сказать, но она не могла выговорить ни слова. Наконецъ слезы и стѣсненіе духа разрѣшились громкими всхлипываніями; пронзительные крики вырвались изъ груди старухи; однако жъ въ

ннъ вопль отчаяннй нельзя было ничего разобрать изъ словъ : — Боже мой ! Боже мой !

Юдинов подошла къ графинѣ. Боясь, чтобы она не упала на полъ, дѣвушка подала ей руку, но леди отмахнула ее, осмотрѣлась кругомъ, какъ-будто чего-то искала, потомъ вышла изъ комнаты, и сильно хлопнула дверью.

— Экая бѣдная ! сказалъ Гумфри. Сердце разрывается, на нее глядя ! Лучше бы мнѣ протянуть ноги тамъ же, подъ Ворстеромъ, чѣмъ привезти ей такую полюху... Нечего дѣлать ! самъ, своими глазами, видѣлъ, какъ они повалились одинъ за другимъ. Я было кинулся къ нимъ на помощь съ Донелемъ и боскебльскими кавалерами, да не тутъ-было ! двое ужъ отдали Богу душу : оставался только одинъ. Онъ долго оборонялся вмѣстѣ съ тѣмъ горцемъ, котораго вы, мистеръ Годдльстонъ, со мною отравили ; однако жъ и они....

— Что такое ? что случилось съ этимъ молодымъ чепухомъ ? спросила Юдиновъ.

— Что ? ужъ известно ! отвѣчалъ мельникъ. Дѣтина была отлично. Я думалъ, что мы подоспѣемъ : нѣтъ ! какой-то долговязый англійскій капитанъ наскочилъ, и него съ цѣлою ротою, и.... дѣло кончено !

Юдиновъ уже не слушала что говорилъ Гумфри : она обѣдѣла и упала въ кресла. Между-тѣмъ на дворѣ она слышала топотъ лошадей.

— Король ! король ! вскричала Юдиновъ, опомнившись. Мистеръ Годдльстонъ ! бѣгите на-встрѣчу. Я пойду спасти графиню.

Несмотря на то, что пастору было опасно показываться, онъ кинулся внизъ, чтобъ принять царственнаго страдальца, къ которому сама графиня, какъ онъ предполагалъ, не будетъ въ состояннн выйти. Спустившись въ садикъ, онъ увидѣлъ передъ собой молодого чепуху въ широкополой шляпѣ, прострѣленной въ нѣсколько мѣстахъ пулями. Бѣлое перо на шляпѣ бы-

до изломано, богатый костюмъ въ безпорядкѣ. Это былъ самъ Карлъ Стюартъ. Благородное и пріятное лицо его ничуть не лишилось своего гордаго выраженія. Глядя на него, можно было очень кстати повторить слова одного короля французскаго: «Все потеряно, кромѣ чести!»

Увидѣвъ мистеръ Годдльстона, Карлъ преклонилъ передъ нимъ одно колено. Пасторъ приветствовалъ его съ глубочайшимъ почтеніемъ.

— Государь! сказалъ онъ: Всевышній ожидаетъ отъ васъ великихъ подвиговъ, ибо посылаетъ вамъ тяжкія испытанія.

— Походъ еще не конченъ, отвѣчалъ король: я возвращаюсь въ Шотландію, а тамъ увидимъ. — Если бы у меня была только тысяча человекъ, такихъ какъ вотъ этотъ горецъ, прибавилъ онъ, указывая на Мекъ-Коннуля, который, весь въ крови и въ пыли, стоялъ возлѣ Карла: если бы у меня была только тысяча такихъ воиновъ, я бы шелъ теперь въ Лондонъ.

Король взялъ за руку мистеръ Годдльстона и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нимъ вполголоса. Еще до въѣзду въ замокъ, онъ отпустилъ отъ себя большую часть своей свиты, въ которой находились лордъ Дерби, лордъ Вильмотъ, лордъ Кливлендъ и нѣкоторые другіе дворяне изъ знатнѣйшихъ фамилій Англіи. Всѣ они разсыпались по разнымъ дорогамъ, чтобы сбить съ толку Круглоголовыхъ, которые преслѣдовали Карла. При немъ оставались только начальникъ клана Камероновъ и старый знакомецъ нашъ, браконіеръ Донель.

Карлъ Стюартъ имѣлъ душу гордую и смѣлую: проигранное сраженіе, какъ оно ни было важно, не могло довести его до того, чтобы онъ отказался отъ своихъ плановъ. Но мистеръ Годдльстонъ, будучи чуждъ рыцарской предприимчивости, почелъ долгомъ объяснить юному государю всѣ трудности дѣла и совѣтовалъ ему,

де-времени, удалиться на твердую землю Европы, хотя бы это путешествие сопровождалось и некоторыми опасностями.

— Согласенъ, сказалъ наконецъ король, и потомъ, оборотясь къ Мекъ-Коннуилу, примолвилъ печальнымъ голосомъ : — Повзжайте въ свой Лочіель. Надобно отложить наши намѣренія до другихъ, благоприятнѣйшихъ, обстоятельствъ ; но я надѣюсь, что мы съ вами еще увидимся.

— Если ваше величество не имѣете во мнѣ нужды, отвѣчалъ Мекъ-Коннуиль : то я ворочусь въ Ворсстеръ. Я оставилъ тамъ брата, и хочу отыскать его, живаго или мертваго, прежде нежели поѣду домой.

Сказавъ это, суровый предводитель Камероновъ отеръ слезу, которая выкатываясь на его загорѣлую щеку, и, минуто спустя, окрестные жители видѣли его скачущимъ во весь опоръ по дорогѣ къ Ворсстеру. Между тѣмъ Карлъ пошелъ въ парадныя комнаты замка. Когда онъ поднялся на лѣстницу, передъ нимъ растворились настежь двери большой залы, и графиня Аррингтонъ, въ глубокомъ траурѣ, опираясь одной рукой на плечо шести-лѣтняго дитяти, появилась на порогъ.

— Ваше величество ! сказала она, преклонивши одно колено : недѣлю назадъ, три благородные дворянина приняли бы васъ въ этомъ старинномъ замкѣ : теперь здѣсь одна только дряхлая женщина и этотъ малютка : Аррингтоны въ отлучкѣ для службы вашему величеству.

— Я обнималъ ихъ подъ Ворсстеромъ, графиня, отвѣчалъ король. Вы скоро съ ними увидите.

— Скоро, государь, примолвила старушка, показавъ на небо.

— Какъ ?.... что это значитъ ?.... Вы лишились всего своего семейства въ одинъ день ?

— Нѣтъ, ваше величество, возразила графиня, подводя къ королю мальчика, который сопровождалъ ее :

вотъ у меня остался еще одинъ внукъ, и, ежели Богу будетъ угодно, то я надѣюсь, что онъ также съумѣетъ когда-нибудь умереть за ваше величество, по примѣру отца и дѣда.

Карлъ съ глубокимъ чувствомъ пожалъ руку графини, и отвернулся чтобъ скрыть слезу. Леди Аррингтонъ, взявъ со стола свѣчу въ высокомъ подсвѣчникѣ, сама проводила его въ одну изъ внутреннихъ комнатъ. Двери за ними затворились; въ замкѣ наступило мертвое молчаніе.

На другой день, чуть только стало брезжиться, молодой человекъ, одѣтый разнощикомъ, вышелъ изъ древняго жилища графовъ Аррингтоновъ. Съ нимъ былъ знакомый намъ браконіеръ. Они миновали аллею, ведущую въ замокъ, и направили шаги свои къ западу.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПРОСВѢЩЕНИЕ

ВНУТРЕННЕЙ АФРИКИ.

—

Особеннаго и довольно страннаго роду предпріятіе занимаетъ теперь вниманіе англійской публики: дѣло идѣтъ объ національномъ населеніи просвѣщенія во внутренности земной Африки. Множество брошюръ въ пользу и противъ этой человѣколюбивой затѣи появилось втеченіи двухъ послѣднихъ годовъ, и какъ предметъ самъ по себѣ слишкомъ интересенъ и любопытенъ, то мы постараемся познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Всѣмъ извѣстно усердіе, съ какимъ Великобританія старалась прекратить постыдный и жестокій торгъ неграми, и въ этихъ поръ, какъ собственныя ея колоніи перестали заниматься въ черныхъ невольникахъ и Сѣверная Америка отказалась отъ ея владѣній. Выгоды, получаемыя Франціей посредствомъ торгу африканскими невольниками, болѣе всего возбуждали усердіе Англичанъ къ освобожденію несчастныхъ невольниковъ, похищаемыхъ Европейцами, между которыми Французы, Испанцы и Португальцы отличались особенною предпримчивостію. Французы даже учредили-было въ 1784 году

премій для поощренія невольничьяго торгу, назначали по четыре ливра награды за каждого негра, привезеннаго въ колоніи, и издержали на это, по отчету Неккера, болѣе двухъ съ половиною милліоновъ ливровъ. Число всѣхъ невольниковъ, вывезенныхъ такимъ образомъ изъ Африки, можно полагать, по настоящее время, до сорока милліоновъ душъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія Англія вдругъ начала съ торгашами негровъ упорную нравственную войну, въ которой прославились имена Робертсона, Гочисона, Рамсе, Кларксона, Фокса, Питта и Вильберфорса. На этотъ первый голосъ противъ торговли неграми тотчасъ откликнулись Данія и Швеція. Англія съ своей стороны ничего не теряла: несмотря на ея обильную колонизацію въ разныхъ частяхъ свѣта, послѣ отпаденія Съверо-Американскихъ Штатовъ, у ней не осталось почти ни одной колоніи, для которой бы негры были столь важны, какъ на примѣръ для французскихъ поселеній на Антильскихъ Островахъ или для португальскихъ въ Южной Америкѣ. Послѣ многихъ переговоровъ и отдѣльныхъ трактатовъ съ разными государствами, англійское правительство торжественно предложило на Вѣнскомъ Конгрессѣ общую мѣру объ уничтоженіи торговли неграми, и предложеніе его было принято всеми державами, при могущественномъ вліяніи Россіи. Съ того времени невольничій торгъ сдѣлался контрабандой. Но къ сожалѣнію, благородная цѣль союзныхъ правительствъ не была вполне достигнута. Португальцы и южныя области Съверо-Американскихъ Штатовъ, за-одно съ варварійскими мореходами, до-сихъ-поръ продолжаютъ вывозить негровъ, и, по исчисленію, изданному господиномъ Бекстономъ, оказывается, что итогъ этого вывозу еще чрезвычайно значителенъ. Чтобы положить конецъ ему, Англія рѣшилась перемѣнить политику и, вмѣсто преслѣдованія торгующихъ, обратиться къ самому предмету торговли. Великобританское правительство построило три желѣзные парохода и посылаетъ ихъ, подъ начальствомъ офицеровъ своего флота, въ рѣку Нигерь. Цѣль экспедиціи состоитъ въ томъ, чтобы осмотрѣть мѣста, откуда берутся невольники, и изыскать способы къ просвѣщенію тамошнихъ жителей, для исправленія у нихъ безчеловѣчнаго обычая продавать другъ

друга. Это предпріятіе и сопряженные съ нимъ расходы, которые простираются до полу-милліона рублей серебромъ, возбудили между публицистами множество споровъ. Одни утверждаютъ, что экспедиція посылается только съ тѣмъ, чтобы уничтожить торговлю неграми; другіе, напротивъ, подозреваютъ, что это новая попытка завести въ средней Африкѣ англійскую колонію, попытка, которая должна кончиться такъ же неудачно какъ и всѣ прежнія, только съ большими денежными издержками для Англии и безъ малѣйшей пользы для Африки. Конечно, не отвергая искренности желанія Англичанъ принять рѣшительныя мѣры противъ невольничьей торговли, можно однако жъ быть вполне увѣреннымъ, что они тутъ не забываютъ и своихъ фабрикъ, которыхъ произведенія найдутъ сбытъ въ средней Африкѣ. Это такъ явно, что нѣкто мистеръ Джемисонъ даже издалъ «Воззваніе къ англійскому народу», гдѣ онъ провозвѣщаетъ, что торгующее сословіе, и безъ участія правительства, достигнетъ такой цѣли. Остается поэтому рассмотреть возможность просвѣщенія негровъ по-крайней-мѣрѣ до такой степени, чтобы имъ нужны были бирмингемскіе перочинные ножики и вилки, и одѣвнть заранѣе тѣ затрудненія, съ которыми должно будетъ бороться столь человѣколюбивое предпріятіе.

Безспорно, что проектъ сопряженъ съ трудностями. Но надо принять въ соображеніе важность предмету. Просвѣщеніе столькихъ племенъ, преобразование цѣлаго материка, каждой части свѣта, насажденіе на немъ образованныхъ потребностей, правилъ христіанской нравственности и лучшихъ понятій о челоувчествѣ, — это такой гигантскій подвигъ, котораго и нельзя совершить безъ преодоленія множества преградъ, поставленныхъ варварствомъ и неужесточемъ. Англійскіе публицисты между прочимъ предлагаютъ вопросъ: есть ли достаточныя причины посылать экспедицію въ настоящее время? Большинство отвѣчаетъ, что есть. Полагаютъ, что, въ послѣднее время, для Африки открылись новыя надежды двинуться къ просвѣщенію хоть въ некоторыхъ частяхъ, что Англія обязана воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ, и что первый шагъ къ великому дѣлу долженъ состоять въ отправленіи экспедиціи

для осмотра мѣста. По мнѣнію большинства публицистовъ, теперь можно совершить многое; но, какъ люди осторожные, они говорятъ однако жъ, что, изъ вѣдѣній, нельзя еще опредѣлить, въ чемъ именно будетъ состоять это многое, какъ оно велико и какими способами достигнется. Впрочемъ, что касается до способовъ, то это — решеное дѣло: главнымъ орудіемъ Англій будетъ коммерція; исторія и народный духъ Англичанъ ручаются за вѣрность предсказанія. Но какъ завести коммерцію? Въ этомъ вся сила!

Не нужно говорить о выгодномъ положеніи, обширности, неистощимомъ плодородіи и другихъ преимуществахъ средней Африки, ни о пренебреженіи, въ какомъ коснѣютъ ея богатства. Эти обстоятельства очень извѣстны. Человѣчество просвѣщается болѣе всего посредствомъ взаимныхъ сношеній между народами, а внутреннія страны Африки были всегда совершенно чужды этихъ сношеній. Искусства, обычаи и опытность просвѣщенныхъ народовъ могли проникнуть туда только четырьмя дорогами: одна изъ нихъ — торговля неграми, другая — европейскія поселенія на западномъ берегу, третья — торговля деревяннымъ масломъ, четвертая — торговля съ сѣверными частями материка, производимая арабійскими и варварійскими купцами черезъ Великую Пустыню.

О первой, то есть, о торговлѣ неграми, и говорить нечего: она болѣе задерживала нежели развивала образованность. Нѣкоторыя произведенія европейской ремесленности, на примѣръ, огнестрѣльное оружіе, порохъ, пули, рожь, менчестерскія хлопчатобумажныя издѣлія, португальскія сукна, глиняная и стеклянная посуда, пуговицы, и прочая, дали береговымъ жителямъ кое-какое понятіе объ европеизмѣ, но оно не могло проникнуть далеко внутрь материка, а между-тѣмъ нравы, привезенные вмѣстѣ съ этими произведеніями, были самыя губительныя и нанесли скорѣе вредъ нежели пользу. Отъ европейскихъ произведеній скоро не оставалось ни какого слѣда; напротивъ, требованія на невольниковъ распространились до самыхъ внутреннихъ областей и пустили между туземцами такіе глубокіе корни грабежа и раздору, что промышленность и досушливость не

могли тамъ водворитися. Словомъ, пока главный предметъ вывозу изъ Африки будетъ состоять въ невольникахъ, до тѣхъ поръ нельзя ожидать ни какихъ покушеній на разведеніе тамъ хлопчатой бумаги, кофе, инбирю и другихъ предметовъ промышленности, свойственныхъ климату.

О послѣдствіяхъ англійской и американской колонизаціи на западномъ берегу Африки было множество споровъ, по кажется, что истина на сторонѣ тѣхъ, которые утверждаютъ, что хотя попытка завести поселенія на западномъ берегу можетъ быть названа неудачною для основателей, однако жъ, въ отношеніи къ тѣмъ частямъ Африки, она безспорно имѣла благотворное вліяніе: пограничныя земли находятся нынче въ лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ онѣ были прежде; собственность болѣе прежняго уважается; земледѣліе успѣваетъ; выгоды торговли становаются чувствительными; христіанская вѣра также сдѣлала нѣкоторые успѣхи; черный народъ обнаруживаетъ желаніе учить дѣтей; торговля неграми почти совсѣмъ уничтожена. Но почему не сдѣлано больше? Потому что еще возникаетъ вопросъ, стоить ли дѣло тѣхъ жертвованій, которыя для него нужны, и не лучше ли всю эту массу человѣческихъ силъ, жизни и суммъ употребить въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ? Взгляните на карту. Колоніи расположены на самомъ краю материка. Англичане не могли проникнуть во внутренность по причинѣ заразительности воздуха, по дикости нравовъ, которую торговля невольниками водворила между туземцами, и, наконецъ, потому что всѣ судоходныя рѣки начинаютъ быть судоходными весьма недалеко отъ берегу. Самыя напряженныя успія просвѣтить Африку по теченію рѣкъ Гамби и Сіерра-Леоне, или посредствомъ городовъ Либери, Капъ-Кость-Кастля, Анимабо, производили и всегда будутъ производить надъ нею такое же слабое дѣйствіе, какъ щетка на кожъ большаго слона: она никогда не возбуждаетъ въ ней круговращенія.

Торговля деревяннымъ масломъ находится еще во младенчествѣ и сопровождается очень неблагоприятными обстоятельствами. Мѣста довольно, но оно уже занято другимъ родомъ промышленности, торговлею неграми, съ которою трудно бороться. Кромѣ-того, масляная торговля въ

нѣкоторой степени — только береговая, потому что растенія, изъ котораго добывается масло, не разводятся во внутреннихъ областяхъ. Наконецъ еще должно замѣтить, что климатъ и трудности плаванія подчиняютъ ливерпульскимъ купцовъ промышленникамъ, живущимъ по дельтѣ Нигера и имѣющимъ свои выгоды не допускать ихъ до непосредственнаго сообщенія съ внутренними землями. По всемъ этимъ причинамъ, нельзя надѣяться, чтобы масляная торговля произвела когда-нибудь такое движеніе, которое бы проникло до сердца Африки и сдѣлало переворотъ въ быту туземцевъ: ни ливерпульскіе промышленники лично, ни ихъ африканскіе коммиссіонеры, въ непосредственныхъ сношеніяхъ своихъ съ жителями внутреннихъ областей не ходили до-сихъ-поръ вверхъ по Нигеру. Впрочемъ, тутъ еще представляются довольно утѣшительные результаты масляная торговля сдѣлала много добра въ тѣсныхъ границахъ своихъ операцій и, конечно, усилится въ непродолжительномъ времени до такой степени, что будетъ въ силахъ, ежели не совершенно искоренить торговлю неграми на рѣкѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ могущественно соперничать съ нею въ областяхъ соседственныхъ.

Торговля черезъ Великую Пустыню съ сѣверной Африкой проникла далѣе прочихъ и увѣнчалась болѣе значительными послѣдствіями. Можно сказать, что она положила на которыя начала перевороту къ лучшему, но, по-несчастію и ей противудѣйствуютъ важныя затрудненія. Главное то что аравійскіе купцы пріѣзжаютъ по болѣе части именно за невольниками, и, слѣдовательно, торговля ихъ также препятствуетъ просвѣщенію, распространяя войну и варварскую охоту за неграми какъ за дикими звѣрями. Далѣе Арабы сами худо просвѣщены и религія ихъ, хотя лучшая идолопоклонства, существующаго у негровъ, не можетъ однако жъ назваться религіею, образующею сердце: она годится только для побѣдителя, но рѣшительно не способна улучшить состояніе побѣжденнаго. Наконецъ: медленность, затрудненія, опасности и дороговизна путешествій черезъ Пустыню такъ стѣсняють ихъ торговлю, что она не можетъ процвѣтать независимо: между торгующими и страной, съ которой они торгуютъ, лежитъ цѣлая бездна песку, кото-

рая препятствуетъ тѣмъ и другимъ подчинять дѣла своимъ какимъ бы то ни было постояннымъ правиламъ. Но при всемъ томъ, когда мы слѣдуемъ за караваномъ, въ которомъ халъ капитанъ Клаппертонъ отъ Бурну до Соккату, или читаемъ описаніе Томбукту и Дженне, когда наблюдаемъ превосходство въ правленіи, благоустройствѣ, промышленности и нравахъ земель, лежащихъ между этими двумя пунктами, то нельзя не замѣтить, что торговля черезъ Пустыню, при всѣхъ своихъ неудобствахъ, имѣла весьма благодѣтельное вліяніе.

Теперь, предположимъ въ ней еще четыре переменны: въ-первыхъ, пусть въ той части Африки, откуда привѣзжаютъ странствующие купцы, *не будетъ невольничьяго рынка*; во-вторыхъ, пусть во внутреннихъ областяхъ *учредится рынокъ*, на которомъ станутъ продавать въ большомъ количествѣ сырую хлопчатую бумагу или какія-нибудь другія произведенія средней Африки, которыхъ добываніе не требуетъ большаго искусства и капиталовъ; въ-третьихъ, пусть между этимъ рынкомъ и сѣверными областями лежитъ, не безлюдная и пустая степь, но каналъ, или судоходная рѣка, или желѣзная дорога, или, наконецъ, какое-нибудь другое *средство къ скорому, удобному и безопасному провозу тяжелыхъ товаровъ*; и въ-четвертыхъ, пусть купцы, занимающіеся этой торговлей, будутъ, уже не Арабы, не магометане, не мароккскіе, тунисскіе и триполійскіе подданные, а люди принадлежащіе къ образованной націи и исповѣдующіе христіанскую вѣру, признающіе надъ собою правительство, которое покровительствуетъ законности, порядку и честности. Представимъ себѣ эти четыре переменны, и мы увидимъ, что за ними легко переменилась бы и вся Африка. На такомъ соображеніи можно основать выводъ, что нынѣшній проектъ англійскаго правительства обѣщаетъ гораздо лучшіе и важнѣйшіе результаты нежели вся прежняя попытка.

Нынче, еще въ первый разъ, совокупляются всѣ четыре обстоятельства, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Въ первый разъ открыто безопасное, вѣрное и дешевое сообщеніе между богатѣйшими странами средней Африки и обширнымъ рынкомъ, который ненасытно по-

глощаетъ произведенія этихъ странъ. Торгующіе на рынкѣ — люди образованные и христіане; они будутъ ступать весь запасъ сырой хлопчатой бумаги, сколько бы ея ни вывели изъ внутреннихъ областей, но не купятъ ни одного негра, и ежели въ Африкѣ есть власти, способныя понимать всю благодѣтельность вновь-открытаго сообщенія, ежели тамъ есть такія правительства, которыя въ силахъ принудить подданныхъ своихъ къ соблюденію необходимыхъ при этомъ правилъ и условій, то можно смѣло сказать, что торговля скоро прійдетъ въ цвѣтущее состояніе и просвѣщеніе начнетъ быстро распространяться. Надобно только, чтобы европейскіе миссіонеры, торговцы и земледѣльцы дружно и съ благоразуміемъ принялись обрабатывать прекрасное поле, которое открывается ихъ дѣятельности. Но съ другой стороны нельзя не обратить вниманія и на два вопроса: во-первыхъ, можно ли установить правильную торговлю, когда въ средней Африкѣ нѣтъ ни какой общественности и когда торговля неграми захватывала всю тамошнія земли, а вредныя качества климата, можетъ-статься, воспрепятствуютъ Европейцамъ вести въ нихъ дѣла свои? во-вторыхъ, можно ли надѣяться, что выгоды этой торговли будутъ почувствованы туземцами съ перваго разу и въ такой степени, что она найдетъ себѣ покровительство у лицъ, пользующихся тамъ властью?

Климатъ дѣйствительно вреденъ для Европейцевъ. Но должно замѣтить, что онъ, по-крайней-мѣрѣ во внутреннихъ областяхъ, не вреднѣе другихъ тропическихъ климатовъ. Изъ множества путешественниковъ, которые тамъ померли, ни одинъ, какъ извѣстно, не берѣгъ надлежащимъ образомъ своего здоровья. Обыкновенно занемогаютъ горячкой или кровавою диссентеріей; берутъ сильный пріемъ сладкой ртути, едва держатся на сѣдлѣ и между-тѣмъ дѣльный день проводятъ въ дорогѣ; намачиваютъ платье при переправахъ черезъ рѣки, раздѣваются, остаются въ одной рубашкѣ, и потомъ, когда дойдутъ до ночлегу, то не могутъ заснуть отъ черныхъ муравьевъ и мошекъ. Не удивительно, что при такихъ напастяхъ многіе умирали. Весьма вѣроятно, что при нѣкоторыхъ предосторожностяхъ климатъ не наносилъ бы такого вреда.

Гораздо важнее затрудненіе отъ недостатку въ обществѣ. Эта леза ограничиваетъ власть мѣстныхъ владѣтелей, производитъ смуты и перевороты, носеллетъ духъ непокорности въ подданныхъ, подстрекаетъ правителей къ произвольнымъ и жестокимъ рѣшеніямъ, развращаетъ умы и нравы, и водворяетъ пренебреженіе къ человеческой жизни : несчастіе общее всѣмъ странамъ, гдѣ она плохо охранена законами и находится въ безпрерывной опасности. Въ одномъ мѣстѣ купецъ встрѣчаетъ князька, который готовъ принять его торговыя предложенія и оказываетъ ему всякое покровительство; но сосѣдъ этого миролюбиваго владыка предпочитаетъ войну и охоту за неграми, а его подданные грабятъ между-тѣмъ путешествующихъ купцовъ, и онъ, за отдаленностью, не можетъ ихъ защищать. Въ прошломъ году купецъ засталъ правителемъ въ такомъ-то мѣстѣ добраго и честнаго человека; въ нынѣшнемъ, онъ встрѣчаетъ тутъ злаго и плута. Караванъ пользуется въ текущемъ мѣсяцѣ покровительствомъ, проводники ласками и услугами, а въ слѣдующемъ его разграбятъ и провожатыхъ убьютъ. Это — большія неудобства. Но они не могутъ почитаться за непреодолимыя. Во всю древность азіятскіе народы грабили караваны и убивали купцовъ, а между-тѣмъ торговля въ Азій процвѣтала, и караваны ходили изъ Индіи черезъ Киргизскую Степь, кругомъ Каспійскаго Моря, къ черноморскимъ греческимъ колоніямъ. Корысть — великое дѣло! Человѣкъ на все рѣшается изъ барыша, руководимый великимъ *авось*, и мало-по-малу это «авось» становится закономъ, который уважаютъ и хищники. Дикія племена наконецъ привыкаютъ видѣть караваны и почитать чужую собственность, для собственной своей пользы; а въ африканскихъ туземцахъ, сверхъ-того, есть значительная склонность къ торговымъ дѣламъ и страна представляетъ немаловажные способы къ безопасному произведенію оборотовъ. Пробравшись черезъ дельту Нигера, опасное мѣсто по особенной вредности воздуха и по развратности жителей, мы прѣзжаемъ въ городъ Эбо, котораго народонаселеніе простирается до пятидесяти или до шестидесяти тысячъ душъ и гдѣ, какъ говоритъ Лердъ, живутъ самыя предприимчивыя и промышленныя изъ всѣхъ купцовъ, торгующихъ на Нигерѣ.

Эбо находится подъ властію царя Оби, который считаетъ себя самымъ сильнымъ между всеми владѣтелями, промышляющими деревяннымъ масломъ, и требуетъ, чтобы путешествующіе купцы всегда торговали съ нимъ, прежде-нежели отправятся далѣе вверхъ по рѣкѣ. Выѣхавъ изъ его владѣній, причѣмъ надобно посплатиться съ береговыми начальниками, въ достигаеете устья рѣки Нунъ и здѣсь закупаеете огромное количество масла : въ этомъ мѣстѣ съ давняго времени масляная торговля постоянно возрастаетъ, несмотря на несчастный конецъ многихъ купцовъ, которые погубили свое здоровье. Жители Эбо, на промѣнъ за масло, берутъ разныя европейскія произведенія, огнестрѣльное оружіе, верохи и пули, менчестерскія хлопчатобумажныя вѣдьялія, особенно тѣ, которыя показистѣе, также зеркала, ножи, ромъ, и прочая. Мыла производится на раковины, которыя служатъ монетой и имѣютъ курсъ далеко во внутреннихъ областяхъ Африки.

Выше города Эбо торговля становится еще дѣятельнѣе. Берега рѣки уставлены городками и селеніями, между которыми сношенія идутъ очень живо; народъ лучше чѣмъ въ южныхъ мѣстахъ; жизнь и собственность болѣе уважаются; всякой чѣмъ-нибудь промышляетъ: мужчины, женщины, дѣти, всѣ участвуютъ въ торговлѣ, и, по словамъ доктора Бриггза, который сопутствовалъ Лерду, здѣсь больше торговаго движенія нежели у верховьевъ Рейна. Главный центръ коммерціи находится за полтора вѣрста отъ Эбо, въ мѣстѣ, извѣстномъ зѣшнему краю подъ именемъ Бокква или Иккори. Оно лежитъ немного ниже слиянія Шадды съ Нигеромъ, и славится своимъ рынкомъ, на которомъ торгъ возобновляется черезъ каждые десять дней, продолжаясь всякой разъ трое сутокъ. Сюда стекаются кунцы изъ всѣхъ городовъ, расположенныхъ вѣрста на полтора вѣрста вверхъ и внизъ по Нигеру, и изъ многихъ внутреннихъ областей. О важности этого мѣста можно отчасти судить по факту, сообщенному Лердомъ, что пока его пароходъ, впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, стоялъ на ямѣ по соседству оттуда, онъ видалъ не менѣе двадцати пяти барокъ и на каждой отъ сорока до шестидесяти чело-вѣкъ, которые черезъ всякіе десять дней провозжали мимо

его на рынокъ : картина эта представляла такъ много жизни и разнообразія не только въ товарахъ, но и въ одеждѣ, въ лицахъ и во всей наружности пріѣзжихъ торговцевъ, что даже равнодушный Олдефильдъ пробудился отъ своей вѣчной флегмы въ описаніи здышной суматохи. Купцы изъ Эбо привозятъ въ Иккори европейскіе товары, получаемые ими на приморья, — красное сукно, бархатъ, бусы, ножи, табакерки, зеркала, и прочая; а купцы изъ верхнихъ и отдаленныхъ областей, кромѣ невольниковъ, которые здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, составляютъ главный предметъ торговли, доставляютъ туземныя ткани, слоновую кость, лошадей, сбрую, соломенные шляпы, циновки и разнаго роду провизию. Торговля производится, какъ въ Эбо, посредствомъ монеты, которою служатъ раковины.

Важность здышняго рынка известна далеко вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Дня на три пути къ востоку отсюда лежитъ Фенда, Fundab, гдѣ въ старые годы Арабы и Феллаты изъ северныхъ областей вымѣнивали невольниковъ и торговля была очень значительна. Нынче она прекратилась отъ безпорядковъ въ соседней области, но прежде ея цвѣтущее состояніе служитъ доводомъ, что мѣсто удобно для торгу и что онъ, конечно, возникнетъ, какъ скоро безпорядки кончатся. Здѣсь растетъ хлончатая бумага, изъ которой длаютъ прочныя тяжелыя ткани; есть также косяныя издѣлія въ значительномъ количествѣ и множество желѣза и меди. Версть сорокъ пять еще далѣе къ востоку, въ семидесяти пяти отъ судоходной рѣки Шадды, находится городъ Тото, гдѣ не бывалъ еще ни одинъ путешественникъ, но о которомъ говорятъ, что онъ больше всѣхъ другихъ городовъ въ той сторонѣ. Владѣтель города любитъ торговлю; народонаселеніе воинственно и промышленно : много мастеровъ, искусно обрабатывающихъ медь и желѣзо. Туда иногда продаютъ товары, закупленные въ Бокквѣ; на обмѣнъ можно получить слоновую кость, арабскихъ лошадей, овецъ, быковъ, верблюдовъ, и прочая.

О мѣстахъ, лежащихъ по тому же направленію за городомъ Тото, ничего не известно. Путешественники проникали версть на полтора, или болѣе, вверхъ по теченію

Шады, но туземцы, будучи въ постоянномъ раздорѣ съ мѣдноцвѣтными, по адъшнему «бѣлыми», Феллатами, не хотѣли имѣть дѣла и съ иностранцами болѣе свѣтлаго цвѣту. Поэтому, воротимся въ Боккву, и пустимся опять вверхъ по Нигеру. Черезъ шестьдесятъ или семидесятъ верстъ, встрѣчается Каттамъ-Карафи, другой многолюдный рынокъ для торгу мѣстными произведеніями, какъ сырыми, такъ и обработанными, которыя сплавляются туда въ лодкахъ. За этимъ рынокомъ, въ недалекомъ разстояніи, лежитъ городъ Какунда, столица независимаго княжества. Жители — народъ мирный, трудолюбивый, и хотя не весьма предприимчивы, однако жъ торгуютъ до самой Бокквы. Подвигаясь въ томъ же направленіи еще далѣе, вы пріѣзжаете въ Эггу, мѣсто гораздо значительнѣйшее, многолюдный и наполненный иностранцами городъ, гдѣ свѣтлые барышники, по словамъ Ольдфильда, стараются за всякую вещь сорвать самую высокую цѣну. Отъ смѣси множества разныхъ товаровъ, магазинны эгскихъ богатыхъ купцовъ похожи на игрушечныя лавки въ Европѣ. Здѣсь добываютъ отличное индиго, и превосходную хлопчатую бумагу въ небольшомъ количествѣ; есть обширныя заведенія для крашенія тканей, прядильныя и ткацкія орудія, похожія на европейскія; на улицахъ продаютъ множество кокосовыхъ орѣховъ, которые привозятся изъ сосѣднихъ областей. Здѣсь-то Лендеръ, въ первую поѣздку свою по теченію Нигера, увидѣлъ впервые во всеобщемъ употребленіи португальскія ткани. «Народъ, говоритъ онъ: очень промышленъ и предприимчивъ; многіе только тѣмъ и занимаются, что ѣздить вверхъ и внизъ по рѣкѣ, покупая и продавая товары. Эти люди вѣчно живутъ на лодкахъ, подъ навѣсами, и не имѣютъ надобности въ другомъ жилищѣ.» Кажется также, что между адъшними купцами есть свои Ротшильды: Ольдфильдъ видѣлъ одного старика, у котораго было два или три дома, наполненные раковинами; онъ покупалъ товары на огромныя суммы и говорилъ, что купить грузы десяти или двѣнадцати кораблей для него ни по-чѣмъ. Но всего утѣшительнѣе, для будущаго просвѣщенія или торговли, то, что такого Ротшильда мѣстный султанъ не ограбилъ и не посадилъ на колъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Одно

это показываетъ уже высокую способность народа въ образженныиъ понятіямъ.

Въ Эггъ путешественникъ находится посреди народа совершенно новаго, и чѣмъ далѣе углубляется во внутренность края, тѣмъ болѣе замѣчаетъ улучшеніе въ нравахъ. Кашпертонъ, будучи въ 1824 году въ Кану и Соккату, слышалъ тамъ о промышленности Ниффейцевъ. Лендеру говорили о томъ, когда онъ спускался по Нигеру отъ Буссы, а Ольдфильду, когда онъ поднимался отъ Бокквы. Въ особенности жители царства Ниффе славятся искусствомъ дѣлать разнаго роду одноцвѣтныя и пестрыя ткани, которыя считаются лучшими во всей Африкѣ. Железные пароходы могутъ ходить по рѣкѣ, обтекающей границу этого царства. Проплывъ нѣсколько сотъ верстъ, вы видите передъ собой столичный городъ Раббу. Тутъ наконецъ торговля является въ какомъ-то водоворотѣ, котораго струи, нахлынушія черезъ Великую Пустыню отъ береговъ Средиземнаго моря, разливаются по сѣвернымъ окраинамъ средней Африки и потомъ втекаютъ опять въ Великую Пустыню. Прибрежныя области, хотя почти безпрестанно страдаютъ отъ мятежей и хищническихъ войнъ, весьма многолюдны, богаты земледѣльческими произведеніями и обладаютъ многими статьями для отпускной торговли, — слоновою костью, слоньимъ, страусами, верблюдами, барсовыми кожами, воскомъ, не говоря уже о циновкахъ и обуви, которыя дѣлаются здѣсь лучше нежели въ прочихъ африканскихъ земляхъ. Торговля въ Раббѣ производится съ порядкомъ: товары раздѣлены по родамъ; для иностранцевъ есть особныя гостинницы въ предместьяхъ. Арабы доставляютъ сюда на продажу лошадей, ословъ, шелкъ-сырецъ, красныя шапочки, ожерелья, запястья и натронъ, родъ квасца, который идетъ изъ Бурну и употребляется здѣшними жителями вмѣсто поваренной соли и на лекарство домашнему скоту. Ольдфильдъ видѣлъ здѣсь множество купеческихъ каравановъ изъ Хаусы, Соккату, Кану, Триполи: одни отправлялись на востокъ, въ Бурну, другіе на западъ въ Томбуку. Но это еще не все. На серединѣ рѣки, въ видѣ города, есть прекрасный островъ Загози, который Лендеръ называетъ самымъ населеннымъ мѣстомъ и многолюднѣй-

шимъ рынокъ во всемъ царствѣ индѣйскомъ, а Олданфильдъ африканскимъ Менчестеромъ. «Ткани, которыя здѣсь дѣлаются, и одежда изъ нихъ, говоритъ Леддеръ: такъ хороши, что хотъ-бы съ европейскихъ фабрикъ. Ея носятъ владѣтельные лица, высшіе сановники и вельможи; ей удивляются жители сосѣднихъ странъ, напрасно уславаясь достичь такого же совершенства. Кромъ-того мы здѣсь видали множество разнаго рода женскихъ шапочекъ изъ бумаги, затканной шелкомъ, превосходной работы. Народъ чрезвычайно занятъ; женщины безпрестанно, то стряпаютъ кушанье, то занимаются какими-нибудь подѣлками. Прогуливаясь около острова, мы видали цѣлыя толпы людей за пряжею шелку или бумаги; другіе приготавливали деревянные чашки и блюда, циновки съ разными уборами, обувь, одежду, шапки, и тому подобное; третьи усердно трудились надъ мѣдными и желѣзными стременами, надъ приборами къ лошадинымъ уздамъ, надъ разными металлическими инструментами, цѣпами, и прочая; наконецъ, нѣкоторые дѣлали сѣдла, чепраки и другія конскія принадлежности. И все это назначалось для продажи въ Раббъ, и обнаруживало въ мастерахъ много вкуса и смѣтливости.» Жители острова Загози, по словамъ путешественниковъ, самый красивый народъ во всей Африкѣ. «Независимость написана на ихъ лицахъ; веселость и дѣятельность, рѣдкіе добродѣтели въ этомъ мѣрѣ лѣнтяевъ, проявляются у нихъ въ каждомъ движеніи; большая часть ведетъ себя очень хорошо: они гостепримны и услужливы съ иностранцами, не ссорятся съ сосѣдями, и живутъ дружно между собою. Гражданское благоустройство сдѣлало ихъ кроткими, воздержными и торговля богатыми, трудолюбіе крѣпкими, а совокупленіе этихъ благъ счастливыми.» Такъ говоритъ Леддеръ, прожившій десять дней на островъ Загози. Въ словахъ его, конечно, примѣтно немножко риторики, немножко желанія нарисовать заманчивую картину, но нѣтъ сомнѣнія, что основа ихъ справедлива. Отчего же происходитъ такая разница между этими островитянами и ихъ сосѣдями? Они одного съ ними племени, такіе же негры, черные какъ уголь; островъ ихъ не великъ: верстъ двадцать пять въ длину и около пяти въ ширину; почва плодородная, но изъ-

жизня, влажная, вѣчно потопленная въ грязи, и бываетъ заводшена каждый разъ, когда рѣка отъ дождей выступаетъ изъ береговъ; дома стоятъ въ водѣ и многіе разрушаются въ водополе; островитяне не имѣютъ сношеній съ людьми образованными: у нихъ не бывали ни миссіонеры, ни европейскіе промышленники, ни арабскіе торговцы. Отчего же все сѣдла говорятъ, что они далеко обогнали своихъ соплеменниковъ? На это можно отвѣчать очень просто: оттого что они пользуются безопасностью. Правитель и обладатель острова, «царь мутной воды», имѣетъ флотилію, состоящую изъ шести сотъ лодокъ, и не боится непріятельскаго нападенія; водданные его выросли на водѣ, живутъ спокойно за своими деревянными стѣнами, имѣютъ въ рукахъ все судоходство по Нигеру, и, слѣдовательно, обладаютъ всей рѣчною торговлей.

Но поидемте далѣе. Перешавъ черезъ рѣку, послѣ трехъ-дневнаго путешествія, миновавъ два феллатскіе города Раку и Алоріе, вы наконецъ привъязаете въ городъ Катунгу, столицу царя ярибскаго, котораго власть простирается до береговъ Гвинеи, и должна быть очень значительна, судя по тому, какой безопасностью пользуются у него иностранцы. Въ Катунгѣ бываютъ ярмарки; торговля довольно жива. По соседству есть еще нѣсколько важныхъ городовъ съ богатыми и многолюдными рынками; небольшіе караваны, отделившись отъ главныхъ, приходящихъ съ севера, странствуютъ здѣсь по всемъ направленіямъ и развозятъ почти до самаго Капъ-Костъ-Кастля произведенія средней Нигриціи, — словесъе зубья, натронъ, каменную соль и индійскія ткани.

Вотъ какъ далеко тянется цѣпь торговыхъ сношеній, затруднительныхъ, но нигдѣ не перерываемыхъ, такъ, что всякій коммерческій оборотъ, сдѣланный при устьѣ рѣки Нуга, отдается на многія сотни верстъ вверхъ по Нигеру и на обширномъ пространствѣ по прибрежнымъ землямъ. Мы видали, что европейскіе товары, вымѣниваемые на деревянное масло или невольниковъ, идутъ изъ Эбо въ Бонку, и оттуда развозятся по сосѣднему краю, или доставляются въ Раббу и Эту, гдѣ промѣниваются на словесую соль и мануфактурныя издѣлія, которыя спускаются опять

внизъ по Нигеру въ Эбо; что изъ Раббы европейскіе товары идутъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ идти въ одну сторону до самаго центра Нигриціи, съ постоянными караванами, которые отправляются изъ Бурну въ Томбуку, а въ другую сторону, черезъ Яррибу, до береговъ Атлантическаго Океана; и что, следовательно, торговый каналъ, нужный для Европейцевъ, здѣсь уже существуетъ. Откройте въ Раббѣ большое складочное мѣсто европейскихъ товаровъ, установите тамъ всегдашнее требованіе на произведенія внутреннихъ земель Африки, и значительная часть коммерческаго движенія тотчасъ же устремится въ Раббу; цѣнность туземныхъ произведеній возвысится, трудъ человѣческій будетъ дороже, а сами негры по-немножку начнутъ выходить изъ категоріи продажнаго скота черезъ соперничество другихъ товаровъ, которые наконецъ убьютъ торговлю невольниками. Поврежденія въ механизмъ судна, на которомъ плылъ вверхъ по Нигеру Ольденфельдъ, воспрепятствовали ему продолжать путешествіе, и потому нельзя сказать, далеко ли за Раббою рѣка еще судоходна. Но Лендеръ не термѣтъ надежды подняться на нѣсколько сотенъ верстъ выше, до перевозу, существующаго въ Коміе. Этотъ перевозъ служитъ главнымъ путемъ торговли, идущей по большой дорогѣ, которую мы описали: сюда стекаются все кумды, торгующіе въ земляхъ къ западу отъ Нигера; здѣсь они проходятъ во внутреннія области, и отсюда, только въ три дня пути, по хорошо известной дорогѣ, можно прѣхать къ одному изъ главныхъ центровъ внутренней коммерціи, въ городъ Кульфу, гдѣ сливаются все большіе потоки торговли, и изъ котораго изливаются все мелкіе. Клаппертопъ, во второе свое путешествіе, долго прожилъ въ Кульфу, и даетъ очень выгодное понятіе о свойствахъ тамошнихъ оборотовъ. Хотя у Кульфуицевъ нѣтъ, какъ кажется, ни какихъ постоянныхъ законовъ и ни какой определенной формы правленія, а окрестныя области не наслаждались спокойствіемъ, но всегда были жертвой непріятельскихъ нашествій, внутреннихъ мятежей и хищническихъ войнъ, зато что жители два раза выбѣгали изъ пылающаго города, однако жъ тамъ, кромѣ ежедневнаго базара, на которомъ торгуютъ местные жители, всякую недѣлю бы-

вале большая ярмарка, наполненная привозима: сюда стекаются купцы изъ Бурну, съ востока; изъ Коби, Юри, Замфы и отъ края Пустыни, съ сѣвера; изъ Яррибы и отъ Золотога Берега, съ запада; изъ Бенина, Джабу и отдаленнѣйшихъ частей нифейскаго царства, съ юга; они привозятъ произведенія этихъ странъ, — съ сѣвера соль, съ юга красный лѣсъ, перецъ и европейскія ткани, съ запада золото, шерстяныя ткани, крашенныя хлопчато-бумажныя издѣлія, мѣдную и оловянную посуду, горшечный товаръ, ружья, и прочая, съ востока, собственно изъ Бурну, лошадей, натронъ и шелкъ въ сыромъ видѣ, а изъ другихъ восточныхъ мѣстъ множество разныхъ предметовъ, которые скупаютъ дорогою черезъ Пустыню, также венеціанскія бусы, мальтійскія сабли, италіанскія зеркала, камедное и пахучее дерево; наконецъ изъ Египта, шелковыя и полотняныя издѣлія, чалмы, разнаго рода одежду, и такъ далѣе. Все это продается въ Кульфу. Нѣкоторые изъ привозающихъ купцовъ останавливаются за городомъ и торгуютъ въ палаткахъ; другіе посылаютъ товары съ невольниками на рынокъ и по улицамъ; третьи ввѣряютъ ихъ маклерамъ, которыхъ въ Кульфу очень много, мужскаго и женскаго пола; наконецъ нныя живутъ въ домахъ друзей своихъ и такъ производятъ продажу. Кромѣ этихъ настоящихъ купцовъ, множество мелочныхъ торгашей, особливо женщинъ, приходятъ изъ городовъ, лежащихъ къ западу отъ Нигера, въ значительномъ разстояніи отъ Кульфу, въ Яррибу и Боргу: они приносятъ товары свои на головахъ и торгуютъ дорогою на нѣсколькихъ рынкахъ, поселяются обыкновенно въ самомъ городѣ и, въ промежуткахъ торговыхъ дней, промышленяютъ пряденьемъ хлопчатой бумаги. Распродавши свои товары и купивъ что имъ надобно, они возвращаются домой. Сами жители города, не исключая ремесленниковъ, которыхъ здѣсь очень много, также занимаются торговлей: покупаютъ всякую всячину и продаютъ изъ барыша все, что купили.

Таковъ вообще торговый духъ внутреннихъ африканскихъ народовъ. Должно заключить, что требованіе на товары здѣсь очень значительно, ежели купцы привозятъ столько разныхъ предметовъ и изъ такихъ отдаленныхъ

странъ; народъ долженъ быть весьма предприимчивъ, если онъ пускается въ такія продолжительныя путешествія; дороги должны быть очень надежны, ежели путешествія эти повторяются непрерывно и совершаются благополучно. Но потребности жителей просты и не многочисленны: поэтому можно спросить, есть ли надежда, что она умножится и будутъ разнообразіе. Конечно есть. Роскошь уже известна этимъ народамъ. Просвѣщеніе начнетъ съ того, что разоритъ ихъ, возбудивъ блестящими игрушками, природную страсть къ мотовству. Негры любятъ забавы, излишества, утѣхи тщеславія; жадность ихъ ко всему этому ненасытна какъ у дѣтей. Слѣдующій очеркъ всѣдневнаго быту Кулуфуйцевъ, взятый изъ книги Клашпертона, покажетъ какъ, до какой степени этотъ народъ удался уже отъ простоты нравовъ :

«Вся семья поднимается на разсвѣтъ; женщины чистятъ и убираютъ домъ, мужчины моются съ головы до ногъ; потомъ идутъ мыться женщины и дѣти: для нихъ омовеніе употребляется вода, въ которой сварены листья кустарника называемаго бамбарніа. По окончаніи этого, подаютъ завтракъ, состоящій изъ кокосовъ: всякій ѣстъ съ особой тщательности, дѣти и женщины вмѣстѣ. Послѣ завтрака женщины съ дѣтьми натираются сандаломъ съ небольшою примѣсью сала, что даетъ блескъ черной кожѣ; дѣлаютъ красныя порошкомъ пятна въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они, по ихъ мнѣнію, придадутъ имъ болѣе прелести, и чернятъ глаза особенно черной краской. Щеголихи сверхъ-того красятъ зубы и внутреннюю сторону губъ, наводя на нихъ желтый цвѣтъ посредствомъ кожи табачнаго корня и табачныхъ цвѣтовъ; для окраски же наружной стороны губъ, волосъ и бровей, употребляютъ индиго. Потомъ женщины, торгующія на рынкѣ, изготовляютъ свои товары и отправляютъ по мѣстамъ. Старухи дома чистятъ и прядутъ бумагу, стряпаютъ кушанье; молодія почти всѣ уходятъ за-городъ продавать маленькіе катышки изъ рису, жареные бобы, и прочая. Мужчины обыкновенно гуляютъ по рынку, или сидятъ въ тени, у дверей жилищъ своихъ, слушая новости и разговаривая о цѣнахъ на товары. Ткачи занимаются своимъ дѣломъ»

другіе идутъ рубить деревья и сбываютъ ихъ на торгу; третій отправляются за травой для домашнихъ лошадей или также для продажи; многіе, при началѣ дождливаго времени года, расчищаютъ поля подъ мансъ и просо; нѣкоторые пускаются въ отдаленныя путешествія, продавать или покупать товары для своихъ хозяевъ, и очень рѣдко употребляютъ во зло ихъ довѣріе. Около полудня семья собирается домой и ѣсть родъ пудинга, называемый ваки, или коренья бобы; а часа черезъ два или три послѣ полудня, каждый возвращается къ своему занятію и остается на мѣстѣ до захода солнца. Тогда начинаютъ считать барыши; слуги отдаютъ господамъ дневную выручку, господа принимаютъ и запираютъ ее въ крѣпкую кладовую. Послѣ этого бываетъ ужинъ, состоящій опять изъ пудинга или изъ небольшого количества мяса. Хозяйки, уходя спать, опускаютъ ноги на нѣсколько времени въ холодное тѣсто изъ толченыхъ листьевъ растенія, которое придаетъ имъ золотистый цвѣтъ. Молодежь еще идетъ плясать или забавляться разными играми, когда случится лунная ночь, а старыя гуляютъ и бесѣдуютъ у растворенныхъ дверей домовъ своихъ, пока не сдѣлается очень холодно.»

Дальнѣйшее развитіе такого образа жизни будетъ зависеть отъ обилія новыхъ искушеній и возможности удовлетворять прихотямъ. До-сихъ-поръ туземцы довольствовались тѣмъ, что имѣютъ: но то ли дѣло, когда передъ ними явятся другіе, болѣе заманчивые, предметы! Князь области Эо или Кямы ужасно хвастался своими мѣдными вызолоченными пуговицами, но когда узналъ, что вызолоченныя пуговицы темнѣютъ, а настоящія золотыя всегда сохраняютъ свой блескъ, то началъ презирать мишуру, снарядилъ караванъ изъ своихъ устарѣлыхъ женъ съ ихъ собственными издѣліями, и отправилъ этихъ дамъ въ отдаленнѣйшую часть области Ашантievъ, чтобы онѣ тамъ достали ему настоящихъ золотыхъ пуговицъ. Прядильщицы въ Ка-во и Соккату всегда носятъ при себѣ карманное зеркальцо: онѣ держатъ его въ бумажномъ мѣшечкѣ и черезъ каждыя пять минутъ вынимаютъ, чтобъ потѣшить свое тщеславіе. Въ прежнія времена эти зеркала были такъ малы, что въ

низмъ отражались только носъ, одинъ глазъ и зубы; во всемъ тѣмъ хозяйка сокровища почитала себя счастливою и не переставала улыбаться отъ восхищенія, пока не встрѣтила соперницы, у которой зеркало было по-больше. Съ тѣхъ поръ вся пряха въ Соккату и Кано стали несчастливой, и теперь не могутъ жить безъ порядочнаго зеркала. Словомъ, все зависитъ отъ поощренія. По-сю-пору у тузенцевъ не требовали сырой хлопчатой бумаги, мало требовали слоновой кости. Но когда Англичане разложить передъ ними европейскія произведенія, красивыя издѣлія Манчестера, блестящія сокровища Бирмингема, то для пріобрѣтенія ихъ, негры тотчасъ начнутъ разводить хлопчатую бумагу, бить слоновъ, и просвѣтятся такъ, что у нихъ не останется ни одной раковинки въ карманѣ. Тогда они пустятся въ философію и политическую экономію, любимыя науки промотавшихся. Африка въ скоромъ времени озарится необыкновеннымъ свѣтомъ: это неизбежно!... Но станемъ продолжать путешествіе.

Слѣдуя по направленію караванной дороги къ востоку и проѣхавъ нѣсколько многолюдныхъ торговыхъ городовъ, вы достигаете наконецъ до города Кано, ближайшаго отъ Катунги центра торговли, находящагося въ серединѣ между столицами двухъ самыхъ могущественныхъ народовъ средней Африки, Бурнусцевъ и Феллатовъ. Здѣсь вы опять встрѣчаетесь съ людьми весьма расположенными къ образованности и принятію новыхъ пороковъ; находите націю смѣшленную и трудолюбивую, большую охотницу до торговли; находите разныя любопытныя ремесла, многолюдные и богатые рынки, благоустроенную коммерцію, значительные обороты, всеобщую дѣятельность. Вотъ что говоритъ о здѣшней торговлѣ Клаппертонъ, въ описаніи своего перваго путешествія, 1824 года.

«На рынкѣ множество всякихъ товаровъ, принадлежащихъ къ предметамъ роскоши или необходимости у народа, живущаго внутри края. Во всей Африкѣ нѣтъ такого благоустроеннаго рынка. Здѣшній рыночный шейхъ отдастъ лавки по-мѣсячно въ наемъ, и деньги, за это выручаемыя, составляютъ часть губернаторскаго дохода. Шейхъ также

назначаетъ цѣну товаровъ и пользуется небольшимъ куртажемъ пятидесяти раковинъ съ каждой продажи цѣною на осемь тысячъ раковинъ, или четыре доллара, по установленному здѣсь курсу. Есть еще другое обыкновеніе, столько же точно и всѣмъ соблюдаемое: продавецъ возвращаетъ покупщику определенную часть цѣны проданныхъ товаровъ, какъ-бы въ изъявленіе своей признательности за благополучную сдѣлку, или въ видъ магарыча, по-вашему. Эта уступка состоитъ обыкновенно изъ двухъ процентовъ, но ежели продажа сдѣлана въ наемномъ домѣ, то уступленные деньгами пользуется не покупщикъ, а хозяинъ дому. Здѣсь кстати замѣтить необыкновенное удобство раковинныхъ денегъ, что ихъ невозможно поддѣлывать и что какъ туземцы обладаютъ чудеснымъ навыкомъ опредѣлять по одному взгляду самыя огромныя суммы, то этотъ родъ монеты доставляетъ имъ прекрасный способъ къ торговнымъ оборотамъ всякаго роду, какъ бы они велики ни были. Товары распределяются по родамъ въ разныхъ помѣщеніяхъ: мелкіе въ балаганахъ, посерединѣ рыночной площади, а крупныя и скотъ по краямъ; дерево, красильныя растенія, бобы, бобовая зелень, заготовляемая для корму домашнихъ животныхъ, индѣйское и гвинейское жито, пшеница и прочая, располагаются въ одномъ мѣстѣ; козы, овцы, бараны, ослы, телята, лошади и верблюды, въ другомъ; глиняный товаръ и индиго, въ третьемъ; растенія и плоды всякаго роду, напримѣръ картофель и другіе съѣстные коренья, арбузы и дыни, лимоны, сливы, разнаго роду орѣхи, манго, пампельмусы, финики, въ четвертомъ; и такъ далѣе. Въ глубинѣ рынка устроены бамбуковыя лавочки, расположенныя улицами, для продажи самыхъ цѣнныхъ товаровъ; здѣсь же дѣлаются и починаются всякіе предметы, относящіеся къ одеждѣ, и мелкія вещи, служащія ко всѣдневному употребленію, или къ украшенію. Толпы музыкантовъ ходятъ вдоль и поперегъ рынка, чтобы привлечь покупателей въ извѣстные балаганы. Тутъ разложена грубая писчая бумага французскихъ фабрикъ, привезенная изъ Варваріи; ножницы и ножи мѣстной работы; туземная жѣсть и туземная антимонія; шелкъ-сырецъ красиваго цвѣту, изъ котораго дѣлаютъ пояса и перевязи; мѣд-

ция замѣтъ; литарныя, пералловыя и стеклянныя бусы; оловянные перстни и кой-какія серебряныя галантерейныя вещи; шали, употребляемыя на чады, и платье изъ грубой шерстяной матеріи, всякаго цвѣту; толстый моленкоръ, варварійское шитое платье, бракъ изъ праздничной мамлюкской одежды, египетское бѣлье съ золотыми узорами, мавтійскіе клинки, и прочая, и прочая. Рынокъ бываетъ вѣломъ всякій день съ восхожденія до захожденія солнца, не включая и пятницы, которая у туземцовъ соответствуетъ нашему воскресенью. Здѣшніе купцы, не хуже всякаго другаго народа, понимаютъ выгоды монополіи: никогда не выставляютъ на рынокъ слишкомъ много какого-нибудь товара, и если что упадаетъ въ цѣнѣ, то эта статья тотчасъ исчезаетъ на нѣсколько дней изъ торговли. Вся торговля сделки совершаются съ величайшей точностью, которая поддерживается весьма строго и безпристрастно. Если какой товаръ купленъ и безъ осмотра отправленъ въ другой городъ, а тамъ, по раскрытіи товарныхъ мѣстъ, окажется, что онъ не весь хорошаго качества, то его, несмотря на дальность разстоянія, отсылаютъ назадъ, означая на товарныхъ мѣстахъ имя маклера, черезъ котораго онъ былъ купленъ, и этотъ человекъ долженъ имѣть дѣло съ продавцомъ, который, по здѣшнимъ законамъ, обязанъ возратить всѣ взятые за товаръ деньги».

«Изъ числа разныхъ народовъ, пріѣзжающихъ въ Кано, говоритъ капитанъ Клаппертонъ въ друготъ мѣстѣ: Нюфейцы болѣе всѣхъ извѣстны своею промышленностію. Пріѣхавши въ городъ, они тотчасъ отправляются на рынокъ и покупаютъ хлопчатую бумагу, которую жены ихъ обращаютъ въ пряжу. Самые невольники изъ Нюфейцевъ считаются людьми необыкновенными, цѣнятся очень высоко, и если попадутъ въ руки къ какому-нибудь хозяину, то онъ ни за что съ ними не разстается, потому что они, въ самомъ дѣлѣ, обладаютъ большими способностями къ торговымъ дѣламъ».

Далѣе Клаппертонъ описываетъ разные ремесла процвѣтающія въ Кано, — пряденье, тканье, крашенье, приготовленіе видіго, выдѣлываніе кожъ, и прочая. Онъ подробно

зависит отъ дса производства вѣдѣть работу и увѣрять, что жители Кано въ нихъ очень искусны.

Къ востоку отъ Кано, дняхъ въ тридцати пути, находится Коука, столица бурнускатаго царства, гдѣ, по словамъ маіора Денгема, писавшаго въ 1824 году, шейхъ Эль-Канеми, освободитель своего государства изъ-подъ власти Феллатовъ, показывалъ сильную склонность къ торговлѣ. Здѣсь все иностранные купцы пользуются покровительствомъ, и были примѣры, что нѣкоторые изъ нихъ, проживъ въ Коукѣ нѣше десяти лѣтъ, возвращались съ капиталомъ въ пятьдесятъ и двадцать тысячъ долларовъ. Маіоръ Денгемъ говоритъ, что дороги въ Бурну такъ же безопасны какъ въ Англіи, и что Англичане особенно должны быть увѣрены въ хорошемъ приѣмѣ. За Коукой, въ одну сторону начинается Великая Пустыня, съ другой живутъ дикари, о которыхъ ничего не извѣстно.

Теперь обратимся на западъ. Здѣсь, въ двадцати дняхъ пути отъ Кано, находится Соккату, столица имперіи Феллатовъ, многочислѣннѣйшій изъ всѣхъ городовъ, которые Клаппертонъ видѣлъ въ Африкѣ. Въ Соккату мы встрѣчаемъ опять все признаки общественнаго порядка, съ прочими установленными обычаями, дѣятельностью и суетностью. Что касается до торговли, то она въ этомъ городѣ не столько цвѣтуща какъ въ Кано; но и здѣсь видна сильная склонность къ промышленности: ремесла и земледѣліе идутъ своимъ чередомъ, хлѣбъ собирается въ изобиліи, есть посѣвы индиго и хлопчатой бумаги, есть красильни, ткацкіе станы, кожевни, и прочая.

О земляхъ, находящихся между Соккату и знаменитымъ Томбукту, куда обыкновенно отправляются караваны, нѣтъ подробныхъ свѣдѣній. Бекстонъ говоритъ, будто по рѣкѣ между Хаусой и Мушгреліей ходитъ больше судовъ нежели между Розеттой и Каиромъ: это показываетъ, что туземцы совершенно способны къ тому просвѣщенію, которымъ такъ пламенно желаютъ ихъ облагодѣтельствовать Англичане посредствомъ своихъ издѣлій.

Но довольно. По изложеннымъ фактамъ, читатели уже

дана видать, что предпріятія просвятить Африку съ намѣреніемъ уничтожить торговлю неграми, нельзя назвать донъ-кихотовскою мечтою. Если, усилія Англіи увѣнчаются успѣхомъ, то человечество не будетъ въ накладе. И почему знать! быть-можетъ, Великобританія найдетъ для себя новую Остъ-Индію во внутренности неизвѣстнаго нынче материка.

=

ВАЗАРИ.

=

БЮГРАФІЯ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БУОНАРОТИ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Послѣдователи знаменитаго Джотто напрасно хотѣли удивить свѣтъ чудесами, которыя можетъ произвести человеческій умъ подражая природѣ : всѣ усилія трудолюбивыхъ художниковъ оставались тщетными, и они такъ же далеки были отъ истины какъ ночь отъ дня. Наконецъ Богъ послалъ человечеству всемірнаго генія, который достигъ до возможнаго совершенства вдругъ три искусства, живопись, ваяніе, архитектуру. Сверхъ-того этому счастливому смертному дарованы были способности къ философіи и талантъ поэтической, такъ, что въ одномъ человѣкѣ соединились всѣ предметы, наиболѣе уважаемые людьми. Тоскана, за свои прежніе труды на поприщѣ художествъ, удостоилась чести считать его въ числѣ своихъ гражданъ.

Шестаго марта 1474 года, въ воскресенье, около осьмаго часу ночи, подъ вліяніемъ счастливаго созвѣздія, родился въ Казентино Микель-Анджело, сынъ благородной и благородной женщины и Лодовика Буонароти-Симони, который, говорятъ, происходилъ отъ весьма древней фамиліи графовъ Капосскихъ. Обстоятельства, сопровождавшія его

рожденіе, напередъ, казалось, возвышали о будущихъ подвигахъ Микеля въ мирѣ искусства. Лодовико Буонароти былъ въ то время подестою въ Кіузи и Капрессъ, близъ Верни. Прослуживъ положенный срокъ, онъ возвратился во Флоренцію и послалъ новорожденного сына на воспитаніе за три мили оттуда, въ Сеттиньяно, гдѣ у Лодовика было наследственное помѣстье. Сеттиньяно извѣстно своими каменоломнями, которыя привлекали къ себѣ множество ваятелей и каменосъщцевъ. Жена одного изъ нихъ была кормилицей знаменитаго младенца, и это обстоятельство имѣло большое вліяніе на судьбу его: однажды, въ шутку, Микель-Анджело самъ сказалъ, что если въ немъ есть какой-нибудь прокъ, такъ онъ обязанъ имъ благодатному климату Ареццо, гдѣ, вмѣстѣ съ молокомъ кормилицы, получилъ онъ рѣзецъ и молотъ скульптора.

Семейство Лодовика Буонароти, благодаря плодовитости жены его, увеличивалось съ каждымъ годомъ; но какъ имѣніе не получало такого же приращенія, то отецъ принужденъ былъ записывать своихъ сыновей въ купцы или отдавать ихъ на суконныя и шелковыя фабрики. Чтò касается до Микеля, то его послали къ Франческу Урбинскому учиться грамматикѣ. Рѣшительная наклонность къ живописи тогда уже обнаруживалась въ ребенкѣ: несмотря на запрещеніе, онъ посвящалъ ей всѣ часы, свободные отъ занятій, хотя и терпѣлъ за то строгіе выговоры отъ отца и родственниковъ, которые считали живопись предметомъ недостойнымъ знатной фамиліи. Въ то время Микель-Анджело подружился съ однимъ изъ учениковъ Доменика Гирландайо, Франческомъ Граначчи, который, замѣтивъ въ своемъ другѣ счастливыя дарованія къ живописи, охотно доставлялъ ему модели своего учителя, извѣстнѣйшаго тогда живописца въ Италіи. Наконецъ Лодовико увидѣлъ, что ему не переупрямить своего сына, и, по совету друзей, рѣшился отдать его въ мастерскую Доменика Гирландайо. Микель-Анджелу было въ то время четырнадцать лѣтъ. Вотъ условіе, которое отецъ его заключилъ съ Гирландайо.

«Тысяча-четыреста-осемьдесятъ-осьмого года, апрѣля новаго дня. Я Лодовико, сынъ Ліонарда ди-Буонароти, отъ-

даг своего сына Микель-Анджело, на три слѣдующіе года, Доменику и Давиду, сынамъ Томмазо ди-Куррадо, съ тѣмъ условіемъ, что, во все это время, упомянутый сынъ мой, Микель-Анджело, имѣетъ жить вмѣстѣ съ вышереченными Доменикомъ и Давидомъ, для обученія живописному ремеслу и для исполненія всего того, что учителя его будутъ ему приказывать. Вышереченные же Доменико и Давидъ обязуются, ввродолженіи означенныхъ трехъ лѣтъ, выдать сыну моему, Микелю, въ вознагражденіе, двадцать четыре флорина, а именно, въ первый годъ шесть флориновъ, во второй годъ осемь флориновъ, и въ третій годъ десять флориновъ.»

Я нарочно привожу этотъ контрактъ, говоритъ Вазари, чтобы показать основательность всѣхъ своихъ извѣстій о жизни Микель-Анджело. Никто короче меня не былъ знакомъ съ знаменитымъ художникомъ: я велъ съ нимъ постоянную переписку, былъ его искреннимъ другомъ и первымъ слугой.

Скоро Микель-Анджело блистательно обнаружилъ свои дарованія, и Доменико былъ принужденъ согласиться, что новый ученикъ его, не только обогналъ своихъ молодыхъ товарищей, но нерѣдко сравнивался и съ самимъ учителемъ. Одинъ изъ воспитанниковъ скопировалъ нѣсколько женскихъ фигуръ съ картинъ Гирландайо: Микель-Анджело взялъ толстое перо, поправилъ контуръ одной изъ этихъ головокъ, и рисунокъ явился въ совершеннѣйшемъ видѣ. Можно судить о геніальности ребенка, у котораго достало смелости поправлять работу учителя! Впоследствии этотъ рисунокъ принадлежалъ мнѣ, и, въ бытность свою въ Римѣ въ 1550 году, я показывалъ его Микелю. Художникъ съ удовольствіемъ взглянулъ на опытъ своей первой молодости, и сказалъ: «Да! я тогда былъ умнѣ нежели теперь на старости лѣтъ.»

Доменико расписывалъ фресками большую капеллу Santa-Maria-Novella. Въ отсутствіи его, Микель-Анджело нарисовалъ съ натуры фигуры нѣсколькихъ своихъ товарищей, а подмостки, на которыхъ они работали. Доменико, возвратившись, не могъ надобоваться на его работу, и въ восторгѣ сказалъ: «Этотъ мальчикъ знаетъ ужъ больше своего

учителя.» Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не удивляться необыкновеннымъ успѣхамъ юнаго гения, который, казалось, имѣлъ все свѣдѣнія опытнаго живописца и, съ каждымъ днемъ, дѣлалъ новыя чудеса въ искусствѣ. Мартино Тедеско выгравировалъ на мѣди «Искушеніе святаго Антонія»: лишь только гравюра появилась во Флоренціи, Микель-Анджело такъ вѣрно срисовалъ ее перомъ, что его копія нельзя было отличить отъ оригинала. Потомъ ему вздумалось написать этотъ предметъ масляными красками, и, чтобы лучше изобразить всякой родъ страшнаго безобразія, самъ онъ ходилъ на рынокъ и покупалъ тамъ рыбу, которая отличается странностью цвѣту, чешуи или формы. Наконецъ, однимъ изъ его занятій было подражаніе картинамъ древнихъ художниковъ. Въ этомъ онъ дошелъ до такой степени совершенства, что, при самомъ тщательномъ разсматриваніи, не было ни какой возможности узнать копій: онъ носилъ на себѣ все признаки древности, и привели Микель-Анджело въ большую извѣстность.

Въ то время Бертольдо, ученикъ Доната, былъ директоромъ школы живописи и ваянія, основанной Лоренцомъ Медичи въ своемъ дворцѣ и въ садахъ, близъ Площади Святаго Марка. Основатель, заботясь объ усовершенствованіи искусствъ, обогатилъ свое заведеніе драгоценнѣйшими антиками. Бертольдо былъ весьма опытный художникъ и пользовался заслуженною славой: онъ прекрасно поправилъ хоры Доната, дѣлалъ бронзовыя пушки и многія мелкія вещи; никто изъ Флорентинцевъ не могъ быть соперникомъ его въ этомъ искусствѣ. Но теперь Бертольдо уже устарѣлъ, и не имѣлъ силъ дѣлательно заниматься работами. Лоренцо, которому было больно видѣть, что во Флоренціи нѣтъ искусныхъ ваятелей, просилъ Доменико Гирландайо выбрать изъ своей школы лучшихъ учениковъ, общая образованіе изъ нихъ отличныхъ художниковъ, которые со-временемъ составятъ честь и славу Флоренціи. Доменико отправилъ къ нему Микель-Анджело и Франческа Граначчи. Они нашли въ садахъ Лоренцовыхъ молодаго Торреджино, который льпилъ съ антиковъ, данныхъ старикомъ Бертольдо. Микель-Анджело немедленно принялся за ту же работу, и его первые успѣхи привели въ восхищеніе Лоренца Мо-

дечи. Черезъ нѣсколько дней художникъ началъ снимать на мраморъ коню съ античной головы фауна, у которой носъ и ротъ были повреждены временемъ. Микель-Анджело до тѣхъ норъ еще не бралъ въ руки рѣзца; онъ однакожь былъ столько отваженъ, что пополнилъ тѣ, чего не доставало въ оригиналь: его фаунъ явился съ носомъ и съ прекрасными зубами во рту. Любуясь на эту работу, Лоренцо сказалъ въ шутку: «Ты позабылъ, молодой человекъ, что у стариковъ всегда недочетъ въ зубахъ.» Микель-Анджело тотчасъ схватился, и не успѣлъ еще Лоренцо выйти изъ комнаты, какъ тотъ выколотилъ одинъ зубъ у своего фауна и очень натурально отдѣлалъ пустое мѣсто, оставшееся въ деснѣ. Съ той минуты Лоренцо рѣшился покровительствовать Микелю, и послалъ сказать Лодовику, что онъ готовъ быть отцомъ его сыну. Лодовико охотно согласился на предложеніе: Лоренцо отвелъ Микелю квартиру въ своемъ собственномъ домѣ, и молодой художникъ былъ допущенъ даже ко столу его, гдѣ всегда собиралось нѣсколько извѣстныхъ людей. Микелю было пятнадцать или шестнадцать лѣтъ въ то время. Черезъ четыре года, 1492, благодѣтель его умеръ. Получая отъ него по пяти червонцевъ въ мѣсяцъ, Микель-Анджело помогалъ этими деньгами отцу своему, которому онъ сверхъ-того выхлопоталъ мѣсто въ таможенѣ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вся вообще ученики, работавшіе у Лоренцо, также получали жалованье, по мѣрѣ своихъ заслугъ и способностей.

Живя въ домѣ Медичи, Микель-Анджело работалъ очень прилежно, изучалъ картины Масаччю, находящіяся въ монастырѣ del Carmine, и, по совѣту умнаго писателя Полициано, сдѣлалъ изъ мрамору барельефъ, представляющій сраженіе Геркулеса съ centaурами. Достоинство этого барельефа таково, что почти невѣроятно, какъ онъ могъ выйти изъ-подъ рѣзца столь молодаго ваятеля. Блестательные успѣхи Микеля возбудили противъ него зависть Торреджано, котораго онъ совершенно затмилъ, былъ такъ раздосадованъ, что однажды нанесъ ему жестокой ударъ кулакомъ по лицу. Его за это выслали изъ Флоренціи; но у Микеля на всю жизнь остался на лицѣ слѣдъ Торреджано-вой злобы.

Послѣ смерти Лоренца, художникъ возвратился къ отцу, и, чтобы разогнать свое горе, сдѣлалъ мраморную статую Геркулеса, въ двадцать четыре фута, которая нѣсколько лѣтъ хранилась во дворцѣ Строцци, а потомъ была отправлена во Францію, къ королю Франциску. Между-тѣмъ Петръ Медичи, сынъ и наследникъ Лоренца, часто присылалъ за Микель-Анджеломъ, который, по своимъ свидѣніямъ и вкусу, былъ необходимъ ему при покупкѣ древнихъ камней и другихъ рѣдкостей. Однажды, зимою, выпалъ во Флоренціи большой снѣгъ: Петру Медичи вздумалось сдѣлать у себя во дворцѣ снѣговую статую, и Микель-Анджело выполнилъ это порученіе. Около той же эпохи онъ вырѣзалъ изъ дерева Распятіе для церкви Святаго Духа, по просьбѣ пріора, который оказывалъ ему разныя услуги,—отвозъ для него мастерскую въ монастырской больницѣ и доставлялъ труны для изученія анатоміи.

За нѣсколько недѣль до изгнанія фамиліи Медичи изъ Флоренціи, Микель-Анджело, предвидѣвшій несчастія, какихъ надлежало опасаться отъ высокомерія и дурнаго правленія Петра, удалился сперва въ Болонью, а потомъ въ Венецію. Но въ Венеціи художникамъ тогда нечего было дѣлать: онъ переехалъ опять въ Болонью, и наэтотъ разъ случай какъ-нельзя лучше помогъ ему. Мессеръ Джованни Бендивольи издалъ законъ, по которому всѣ иностранцы, пріѣзжающіе въ городъ, обязывались имѣть паспорта, а въ противномъ случаѣ должны были заплатить штрафъ. Микель-Анджело имѣлъ неосторожность не взять паспорта, и былъ приговоренъ къ штрафу. Онъ не могъ внести требуемой суммы, и увидѣлъ себя въ самомъ затруднительномъ положеніи; но одинъ членъ Совѣта Шестнадцати, Альдовранди, выручилъ его изъ бѣды и продержалъ у себя вѣченимъ цѣлаго года. Однажды Альдовранди повелъ Микеля къ памятнику святаго Доминика, работы Джованни Пизано и Николо даи'Арка. Для полноты монумента недоставало еще двухъ фигуръ, и мессеръ Альдовранди спросилъ у художника, не можетъ ли онъ изваять святаго Петронія и ангела съ факеломъ. Тотъ отвѣчалъ, что можетъ, и съ усердіемъ взялся за работу. Скоро объ статуи были окончены, и

составляютъ лучшее украшеніе памятника. Альдобранди заплатилъ за нихъ тридцать червонцевъ.

Уже годъ Микель-Анджело жилъ въ Болоньѣ. Местерь Альдобранди чрезвычайно любилъ его и, очарованный прекраснымъ выговоромъ молодаго человека, часто заставлялъ его читать себѣ Данте, Петрарку, Боккаччо, и другихъ итальянскихъ поэтовъ. Но Микель-Анджело видѣлъ, что время его въ Болоньѣ гибнетъ по-пустому, и рѣшился возвратиться въ Флоренцію. Здѣсь онъ изваялъ изъ мрамору изображеніе святаго Іоанна и подарилъ его Лоренцу, сыну Петра-Франческа Медичи. Вскорѣ послѣ того онъ сдѣлалъ еще статую сплщаго купидона, во весь ростъ. Лоренцо, увидѣвъ эту работу, удивился изящной отдѣлкѣ и сказалъ художнику: «Если зарыть тѣло купидона въ землю, и придать ему признаки древности, то въ Римъ навѣрное пріймутъ его за настоящій антикъ и заплатятъ тебѣ вдвое дороже чѣмъ во Флоренціи.» Говорятъ, будто Микель-Анджело воспользовался словами Лоренцо Медичи; но это не достоверно. Купидонъ дѣйствительно былъ зарытъ и выданъ въ Римъ за древнее произведеніе; однако жъ многіе утверждаютъ, что плутовство это принадлежитъ, не самому Микель-Анджелу, а Балдассару Миланскому, который обманулъ нѣзъ кардинала Санъ-Джорджо. Впослѣдствіи все открылось, и кардиналъ, раздраженный своею недалковидностью, вѣскалъ заплаченныхъ за купидона деньги, а статую отослалъ назадъ во Флоренцію. Какъ бы то ни было, эта исторія увеличила извѣстность Микель-Анджела: его вызвали въ Римъ, и онъ тамъ прожилъ около года у того жъ самаго кардинала, не получая впрочемъ ни какихъ закъзовъ, потому что его эмненція былъ большой невѣждъ. Зато Микель имѣлъ случай познакомиться въ это время съ кардинальскимъ цырюльникомъ, который корчилъ нѣзъ себя знатока въ иснуствахъ и даже малѣвалъ кое-что водяными красками. Микель-Анджело далъ ему картонъ, представляющій Святаго Франциска, и цырюльникъ довольно акуратно выполнилъ эту картину, попавшую впослѣдствіи въ церковь Святаго Петра à Montorio. Въ то же время Микель-Анджело сдѣлалъ, по заказу римскаго дворянина, Джакою Галли; двѣ мраморныя статуи, Купидона, величнною

въ натуру, и Бахуса, въ десять палъмъ вышиной. Бахусъ держитъ въ правой рукѣ чашу, а въ лѣвой кожу тигра и виноградную кисть, которую украдкой обрываетъ маленькій сатиръ. Тѣло Бахуса представляетъ удивительную смѣсь стройности молодого мужчины съ нѣжно-округленными формами женщины.

Кардиналъ де-Сенъ-Дени, котораго иначе называютъ Руанскимъ, поручилъ Микелю изваять изъ мрамору изображеніе Богоматери при тѣлѣ Спасителя. Художникъ показалъ въ этой композиціи всю силу и могущество своего таланта. Ликъ умирающаго Спасителя исполненъ неподражаемой красоты; Его божественное тѣло, мускулы, жилы, положеніе рукъ и ногъ, все это передано съ непостижимою вѣрностью. Трудно представить, какимъ образомъ простому смертному удалось извлечь изъ грубаго и бездушнаго мрамору такое созданіе. Только на одной этой группѣ Микель-Анджело и вырѣзалъ свое имя: вотъ, что было къ тому поводомъ. Однажды художникъ вошелъ въ капеллу Дѣвы Маріи della Febbre, гдѣ стояло его произведеніе, и увидѣлъ, что около него собралось нѣсколько Миланцевъ. Одинъ спрашивалъ, кто ваятель чудной группы, а другой отвѣчалъ: «Землякъ нашъ Гоббо.» Микель-Анджело промолчалъ, но въ ту же ночь пришелъ въ капеллу со свячей и инструментами, и вырѣзалъ свое имя на поясъ Богоматери.

Слава Микель-Анджела упрочилась; объ его новомъ произведеніи неслась повсюду громкая молва; но нашлись и такіе люди, которые утверждали, будто-бы ликъ Богоматери представленъ слишкомъ молодежавымъ, всравненіи съ ликомъ Спасителя. Эти невѣжды не понимали, что женщины чистыя и непорочныя должны надолго сохранять свѣжесть молодости, и что напротивъ-того Иисусъ Христосъ страдалъ и умеръ какъ человекъ.

Одинъ изъ друзей художника звалъ его пріѣхать скорѣй во Флоренцію, уведомляя, что онъ можетъ получить тамъ отъ гонфалоніера Петра Содерини огромную глыбу мрамору, которая была прежде дана Симону Фіезоле, но испорчена этимъ художникомъ. Содерини не зналъ кому отдать работу: онъ имѣлъ въ виду Леонарда да-Винчи и Андрея Контуцчи-де-Монте-Сансовино. Въ это время

двѣ къ себѣ Микель-Анджело, и вызвался сдѣлать статую, не прибавляя къ глыбѣ ни куска мрамору. Глыба имѣла въ вышину пятьдесятъ четыре фута : Симонъ Фіезоле хотѣлъ сдѣлать изъ нея колоссальную статую, но не сужаясь, и принужденъ былъ оставить работу. Содерини хотѣлъ принять предложеніе Микель-Анджело, и художникъ тотчасъ изготовилъ восковую модель, представляющую молодого Давида съ пращею. Онъ велѣлъ устроить для себя мастерскую въ церкви Святой Марин del-Fiore, и занялся работой, не впуская къ себѣ никого. Статуя была скоро окончена; но мраморъ находился въ такомъ жалкомъ видѣ, что, при всемъ искусствѣ Микель-Анджело, на немъ остались слѣды Симонова рѣзца. Какъ бы то ни было, о трудѣ новаго ваятеля можно сказать, что Микель-Анджело возвратилъ жизнь мертвецу. Джуліано и Антоніо дел-Галло, посредствомъ весьма замысловатой машины, въ 1504 году благополучно перенесли этотъ огромный камень на Площадь de'Siglogi. Спустя нѣсколько времени, художникъ хотѣлъ сдѣлать въ статуѣ нѣсколько маловажныхъ поправокъ, и для того устроилъ при ней подмости. Когда пришелъ туда самъ гонфалоніере. Онъ началъ критиковать статую, и говорилъ между прочимъ, что у Давидшикомъ толстѣ носъ. Микель-Анджело замѣтилъ, что гонфалоніере стоитъ близко къ статуѣ и, слѣдовательно, не можетъ судить основательно о произведеніи, глядя на него снизу. Художникъ тотчасъ вскочилъ на подмости, притворился, будто бы поправляетъ замѣченный недостатокъ, а между тѣмъ искуснымъ образомъ смелъ пыль съ носа Давида на носъ близорукаго критика, и потомъ, сойдя наземь, спросилъ : — Ну что? какъ вы теперь думаете о статуѣ? — « Безумно ! удивительно ! отвѣчалъ Содерини : вы возвратили мрамору жизнь. » Микель-Анджело вдоволь посмѣялся надъ гонфалоніеромъ. Статуя Давида затмила все древнія и новогреческія и римскія, произведенія ваятельнаго искусства. Содерини заплатилъ художнику четыреста скудовъ, и велѣлъ ему еще бронзовую статую Давида, которую отослать во Францію. Въ то же время Микель-Анджело сдѣлалъ изъ мрамору два круглые барельефа, одинъ для Тадео Таденъ, а другой для Бартоломео Питти, вмѣсто котораго

онъ попалъ однако жъ, черезъ ера Мирата. Петръ да Луиджи Гвиччарини. После-того Микель-Анджело изваялъ изъ мрамору статую Святаго Матея, для церкви Святой Марин del-Fiore, и, наконецъ, по заказу фламандскихъ купцовъ, сдѣлалъ изъ бронзы круглый барельефъ, изображающій Мадонну: купцы заплатили ему сто скудоу и отослали барельефъ въ свое отечество.

Черезъ нѣсколько времени Микель-Анджело, по порученію одного богатаго любителя, Флорентинца Аньоло Дони, написалъ круглую картину: изобразилъ въ ней Богоматерь стоящую на коленяхъ и держащую въ объятіяхъ Божественнаго Младенца, котораго она передаетъ Святому Иосифу. Богородица съ восхищеніемъ смотритъ на красоту своего Сына, и приглашаетъ старца, котораго лицо исполнено выраженія благоговѣйной нѣжности и просьбы раздѣлить ея драгоценное бремя. Глубина картины украшена маленькими ангелами въ различныхъ положеніяхъ. Изъ всѣхъ картинъ, написанныхъ Микелемъ масляными красками, это произведеніе можно считать самымъ лучшимъ. Художникъ послалъ ея къ Дони и требовалъ семидесяти червонцевъ. Аньоло зналъ, что картина стоить гораздо болѣе, но, какъ человекъ расчетливый, далъ только сорокъ червонцевъ, говоря, будто по его мнѣнію, очень довольно и этой цѣны. Микель-Анджело возвратилъ деньги, и, въ наказаніе скупцу, запросилъ съ него сто червонцевъ, нето требовалъ обратно своей картины. Тогда Аньоло отвѣчалъ, что онъ согласенъ заплатить семьдесятъ, но Микеля такъ разсердило его скряжничество, что онъ удвоилъ сумму и сталъ требовать ста сорока червонцевъ.

Когда Леонардо да-Винчи занимался картономъ боьшого сраженія, которое онъ долженъ былъ написать на одной изъ стѣнъ въ залѣ совѣта, Петръ Содерани, уже имавшій высокое мнѣніе о дарованіяхъ Микель-Анджело, поручилъ ему расписать фресками часть залы, составлявшую pendant къ работѣ Леонарда. Микель-Анджело взялъ сюжетъ изъ византской войны. Ему отвели мастерскую въ госпиталѣ Tintori à Sant'-Onofrio: тамъ онъ началъ свой знаменитый картошь, и не пускалъ къ себѣ ни кого, пока не кончилъ рабо-

ти. Художникъ изобразилъ флорентинскихъ солдатъ, кувившихся въ жаркій дождь въ рѣкѣ Арно. Вдругъ появляется неприятель, барабанщики бьютъ сборъ, трубачи возвышаютъ трѣвогу. Солдаты поспѣшно выходятъ изъ воды, собираются на крутой берегъ, вооружаются, и спѣшатъ на помощь къ своимъ товарищамъ, которые между-тѣмъ открыли уже сраженіе. Одинъ старикъ, съ вѣнкомъ изъ плетущу на головѣ, слыша барабанный бой и шумные крики войны, теропливо схватываетъ сапоги, но, при всѣхъ усилияхъ, не можетъ натянуть ихъ на мокрыя ноги; прочіе солдаты представлены также въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: ракурсы превосходны. Ни одна группа не похожа на другую: здѣсь фигуры и черты лицъ только обозначены, тамъ онѣ выражены густыми массами тѣни и свѣту. Вся живописцы, видѣвшіе это произведение, дивились генію Микель-Анджело, и думали, что ни какой смертный съ нимъ не сравнится. Знаменитый картонъ, выставленный въ залѣ папы, послужилъ образцомъ многимъ флорентинскимъ и чужеземнымъ художникамъ: его изучали Аристотель да-Санъ-Галло, другъ Микель-Анджело, Ридольфо Гирландайо, Рафаэль Урбинскій, Франческо Граватчи, Баччо Бандинелли, Алонсо Беругветта, Андреа дель-Сарто, Франчя Биджіо, Джакомо Сансовино, Россо, Матурино, Лоренцетто, Триболо, Джакомо да-Понторно, и Перино дель-Вага, которые впоследствии сдѣлались сами великими мастерами. Потомъ картонъ перенесли во дворецъ Медичи, гдѣ онъ, во время болѣзни герцога Юліана, былъ оборванъ на нѣсколько лоскутковъ и растащенъ по разнымъ частямъ. Часть этихъ лоскутковъ досталась мантуанскому воякину Уберту Стронци, который хранилъ ихъ съ величайшимъ благоговѣніемъ.

Этотъ картонъ, группа Мадонны и колоссальная статуя Давида, такъ прославили Микель-Анджело, которому было всего двадцать девять лѣтъ отроду, что папа Юлій II рѣшился заказать ему свой надгробный памятникъ. Министры Юліа выдали художнику сто скудовъ на путевыя издержки: онъ отправился въ Римъ; но, по прибытіи туда, прожилъ нѣсколько мѣсяцовъ безъ всякаго дѣла, потому что его салтанство не давало работы. Наконецъ, одинокъ и гдѣ, Юлій рѣ-

еще не было исполнено приготовления, Микель не распустилъ памятникъ, и хотѣлъ даже перестроить за-ново царюкъ Святаго Петра, чтобы поставить въ ней это произведеніе. Микель-Анджело немедленно возхалъ съ двумя товарищами въ Каррару добывать мраморъ. Во Флоренціи ему выдали тысячу скудовъ, и этими деньгами онъ содержалъ себя въ Каррарѣ около осьми мѣсяцевъ. При видѣ огромныхъ глыбъ, таившихся въ каррарскихъ каменоломняхъ, Микель-Анджело не-разъ приходила въ голову мысль сдѣлать колоссальную статую въ родѣ тѣхъ, какія дошли до насъ отъ древнихъ художниковъ. Добытый мраморъ перевезенъ былъ моремъ въ Римъ, гдѣ загромодили имъ половину Петровской Площади. Для папы построили подъемный мостъ, сообщавшійся съ дворцовой галереей, и Юлій часто приходилъ любоваться на работу Микель-Анджело, который зато возбуждалъ противъ себя цѣлую стаю завистниковъ, наперерывъ старавшихся вредить ему. Вскорѣ художникъ окончилъ четыре статуи, и сдѣлалъ проекты другихъ осьми фигуръ, назначенныхъ для мавзолея. Памятникъ долженъ былъ имѣть четырехугольную продолговатую форму, около ста пятнадцати футовъ въ длину и семидесяти семи въ ширину. Въшняя часть украшалась нишами, и онъ отдѣлялся одна отъ другой драпированными фигурами, поддерживающими энтаблементъ. Каждая фигура должна была держать скованнаго невольника : въ этихъ невольникахъ олицетворялись завоеванныя папою земли ; другія фигуры назначались служить эмблемами искусствъ, подчиненныхъ владычеству смерти, такъ же какъ и самъ папа, который поощрялъ ихъ. На энтаблементѣ предполагалось поставить четыре колоссальныя статуи, изображающія Жизнь дѣтельную, Жизнь созерцательную, Святаго Павла и Моисея. Саркофагъ хотѣлъ художникъ поставить также на двухъ фигурахъ, изъ которыхъ одна изображала бы Небо, радостно принимающее душу Юлія, удостоенную вѣчнаго блаженства, а другая Землю, оплакивающую смерть первосвященника. Внутренность мавзолея представляла небольшую ротонду, въ центрѣ которой предполагалось помѣстить огромный саркофагъ. Наконецъ весь памятникъ долженъ былъ заключать въ себя сборокъ статуй, но считая дѣтскихъ фи-

друзья и других украшений. Микель-Анджело велел перевезти несколько кусков мрамору во Флоренцію, гдѣ располагалъ прожить лето. Двѣ неподобныя статуи невольничка, отданные еще въ Римъ, художникъ подарилъ Руберту Страцци, у котораго лежалъ онъ во время болѣзни. Эти невольники были потомъ отправлены къ Франциску I, и поставлены въ вилланскомъ замкѣ. Изъ осьми статуй; начатыхъ въ Римѣ, художникъ окончилъ только одну, — «Побѣду, раздавливающую пльщика». Родственникъ Буонароти, Леокардо, подарилъ эту группу герцогу Козимъ Медичи, который поставилъ ее въ большой залъ своего дворца. Вскорѣ Микель-Анджело окончилъ еще статую, «Моисей», которую справедливо можно считать образцовымъ произведеніемъ скульптуры. Законодатель представленъ въ сидящемъ положеніи; правую руку положилъ онъ на скрижали закона, лѣвою поддерживаетъ свою голову; его лицо, спокойное и вмѣстѣ грозное, поражаетъ зрителя своимъ божественнымъ величіемъ; нельзя также не удивляться красотѣ и совершенству мускуловъ, рукъ, коленъ и ногъ этой фигуры. Точно видите избранный сосудъ Божій, и не замечаете въ немъ ничего человѣческаго. Къ несчастію, великолѣпный проектъ мавзолея, по разнымъ причинамъ, должно было оставить: многіе обвиняютъ въ томъ красоту самого Юлія.

Пока Микель-Анджело занимался работами для памятника, привезли моремъ изъ Каррары послѣдній мраморъ и сложили на площади Святаго Петра. Надобно было расплатиться съ хозяевами судовъ: Микель-Анджело, по обыкновенію, пошелъ къ папѣ за деньгами; но его святѣйшество на этотъ разъ былъ слишкомъ озабоченъ болонскими дѣлами, и художникъ рѣшился заплатить изъ своего кошелька, надеясь, что ему скоро выдадутъ деньги. Черезъ несколько времени, онъ опять пришелъ во дворецъ, но встрѣтилъ тѣ же препятствія: комнатный слуга папы сказалъ, что ему не приказано никого впускать. — Но знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь? спросилъ одинъ кардиналъ, стоявшій въ папской передней. «Очень знаю, отвѣчалъ кардиналъ: да я долженъ исполнять приказанія начальничаго въ его святѣйшества». Микель-Анджело, правящій

тогда во всѣхъ знатныхъ домахъ, былъ очень радоса-
ванъ этимъ отъѣздомъ, и сказалъ камердинеру : «Если
папа меня потребуешь, то доложи, что я уѣхалъ изъ Ри-
ма.» Возвратившись домой въ два часа ночи, онъ велѣлъ
слугамъ распродать весь свои вещи жидамъ и ѣхать во
Флоренцію, а самъ, дѣйствительно, тотчасъ ускорилъ изъ
Рима и остановился уже въ Поджибонци, на граница флорен-
тинскихъ владѣній. Едва онъ туда пріѣхалъ, какъ пять
курьеровъ, одинъ за другимъ, привезли ему отъ Юлія са-
мья строжайшія повелѣнія воротиться немедленно въ Римъ,
подъ опасеніемъ папской опалы. Эти угрозы не подѣйстви-
вали однако жъ на художника; просьбы также были на-
прасны : посланные могли только того добиться, что онъ
написалъ къ папѣ письмо, въ которомъ просилъ извиненія
въ самовольномъ отъѣздѣ, но въ то же время Микель, на
подъ какимъ видомъ, не соглашался на возвращеніе, и приба-
вилъ въ письмѣ своемъ, что какъ папа, въ награду за его
привязанность и услуги, поступилъ съ нимъ какъ съ него-
длемъ, то пусть же его святѣйшество ищетъ себѣ другаго
художника. Микель-Анджело прожилъ во Флоренціи три мѣ-
сяца, и трудился въ то время надъ картономъ для большой
залы совета. Петръ Содерини очень желалъ удержать его
при себѣ, чтобы видѣть окончаніе этого прекраснаго пре-
пріятія; но Юліій написалъ три грозныя письма, въ
которыхъ настоятельно требовалъ выдачи бѣглеца. Для
избѣжанія папскаго гнѣву, Микель-Анджело хотѣлъ-было,
говорять, уѣхать въ Константинополь, куда приглашалъ
его султанъ черезъ францисканскихъ монаховъ, чтобы по-
строить мостъ, который долженъ былъ соединить Констан-
тинополь съ Перою; да Петръ Содерини кое-какъ угово-
рилъ художника возвратиться въ Римъ, а для большей без-
опасности отправилъ его въ качествѣ флорентинскаго посла
и поручилъ своему брату, кардиналу Содерини, лично пред-
ставить новаго дипломата папѣ.

(Другіе приписываютъ внезапное удаленіе Микель-Андже-
ла изъ Рима совсѣмъ инымъ обстоятельствомъ. Говорятъ,
будто-бы папа Юліій, вопреки обыкновенію Буонароти не
показывать никому своихъ статуй, пока онъ не будетъ бо-
вершено отдѣланъ, хотѣлъ непременно видѣть работы Ми-

... ..

пада, подкупилъ его работникомъ. и несколько разъ, не-
редавшись, приходилъ въ мастерскую, когда его тамъ не
было: Микель узналъ эту проделку, спрятался однажды
въ темномъ углу высокихъ подмостокъ, и, когда папа во-
шелъ въ мастерскую, оттолкнулъ съ лѣсовъ тяжелыя доски:
это такъ перепугало Юлія, что онъ безъ оглядки бросился
бѣжать вонъ.)

Отправленный теперь въ званіи посланника, онъ при-
былъ, для свиданія съ папой, въ Болонью. Кардиналъ Се-
дерини былъ боленъ и не могъ представить его Юлію. Дѣ-
ло поручили одному епископу. Лишь-только художникъ пе-
реступилъ черезъ порогъ дворца, придворные повели его
къ папѣ. «Насилу-то мы сподобились тебя видѣть, скажешь
ему Юлію сердито: вмѣсто того чтобы явиться къ намъ по
первому призыву, ты самихъ насъ заставилъ ѣхать къ себѣ
навстрѣчу.» Папа разумѣлъ подъ этимъ, что Болонья ближе
отъ Флоренціи нежели Римъ. Микель-Анджело, почтитель-
нымъ, но твердымъ голосомъ, началъ просить прощенія,
и сказалъ, что вся его вина состоитъ только въ томъ,
что онъ не могъ снести незаслуженнаго униженія, которому
подвергся во дворцѣ Юлія. «Простите ему, ваше святѣй-
шество, простодушно вмѣшался епископъ, представлявшій
Микеля: художники — народъ глупый, ничего не смѣляютъ
крошъ своего ремесла.» Почтенный прелатъ думалъ, что онъ
привелъ самый убѣдительный аргументъ въ оправданіе Мике-
ля; но Юлію, негодуя на эту выходку, прогналъ нескуснаго
адвоката, сказавъ: «Какъ ты смѣешь оскорблять этого
человѣка, когда и мы не говоримъ ему ничего обиднаго?
Ступай вонъ, глупецъ!» Бѣднаго церемоніймейстера
очень неласково выпроводили изъ комнаты. Утоливъ свой
гнѣвъ, папа наконецъ далъ художнику благословеніе, щедро
осыпалъ его подарками, удержалъ при себѣ въ Болонью,
и заказалъ ему изъ бронзы свою статую въ тридцать фу-
товъ вышины.

Франчя, искусный золотыхъ дѣлъ мастеръ и живопи-
сецъ, не выдавшій до тѣхъ поръ ни одного произведе-
нія Буонаротти, выхлопоталъ себѣ дозволеніе посмотреть
на эту фигуру, когда Микель-Анджело занимался ея отдѣл-

ной. Художникъ спросилъ у Франччи, какъ она ему кажется. Франччи, не задумавшись, отвѣчалъ, что Микель-Анджело работаетъ на безподобномъ матеріалѣ, и такой отзывъ, относящійся только къ бронзѣ, естественнымъ образомъ былъ очень не по вкусу Буонароти. «Папа Юлій, давъ мнѣ эту бронзу, возразилъ онъ Франччи; одолжилъ меня столько же, сколько тебя одолжаютъ купцы, у которыхъ ты покупаешь краски.» И, потому обращаясь къ молодымъ господамъ, которые тутъ же стояли, онъ прибавилъ: «Франччи вовсе не понимаетъ дѣла.» Сынъ золотыхъ дѣлъ мастера, молодой человекъ очень красивой наружности, обидѣлся этими словами, выступилъ впередъ и хотѣлъ говорить; но Микель-Анджело взялъ его за руку и сказалъ: «Отецъ твой большой мастеръ дѣлать прекрасныхъ живыхъ болвановъ, но рѣшительно не умѣетъ рисовать ихъ.»

Буонароти оканчивалъ гипсовую модель Юліевой статуи, когда папа собрался ѣхать изъ Болоньи въ Римъ. Передъ отъездомъ, Юлій пожелалъ ее видѣть. Первосвященникъ былъ изображенъ въ величественномъ и грозномъ положеніи; правая рука его была поднята, но такъ, что казалось труднымъ рѣшить, для благословенія ли или для проклятiя, и, когда Юлій спросилъ объ этомъ у Микель-Анджело тотъ отвѣчалъ, что она вразумляетъ народъ болонскій, и велѣвая быть благоразумнымъ. Левой рукъ еще не было дано ни какого употребленія; художникъ предложилъ изобразить ее съ книгой. «Зачѣмъ это? отвѣчалъ папа: я не изъ ученыхъ! Изобрази ее лучше съ саблею.»

Юлій поставилъ Микель-Анджелу тысячу скудовъ на отдалку своей статуи. Она была поставлена въ большой виаддукъ при главномъ входѣ въ церковь святаго Петронія; но, когда мартія Бентивольи вошла во Флоренцію, башенная чертлужница разбила вдребезги это образцовое произведеніе. Уцѣлѣвшіе осколки куплены герцогомъ феррарскимъ Альфонсомъ, который отдалъ изъ нихъ пушку, названную, по имени дамы Giulia. Впрочемъ голова статуи осталась цѣлою, и Альфонсо хранилъ ее въ своемъ кабинетѣ.

Пока Микель-Анджело занимался своей работой въ Бо-

диль, Браманте и Рафаэль Урбинскій, пользуясь его откровенностью, убедили Юлія не строить себя за живо могильный монумента, говоря, будто это сопратитъ драгоценные дни его святѣйшества. Вместо того, Браманте и Рафаэль посоветовали папѣ поручить Буонаротти расписать дворцовую капеллу, построенную Сикстомъ IV. Цѣль этой проделки заключалась въ томъ, чтобы довести Микель-Анджело до отчаянія отнятіемъ у него работы, которая должна была обезсмертить его имя: завистники полагали, будто въ живописи Буонаротти всегда станетъ ниже Рафаэля, а если бы онъ успѣлъ отличиться и на этомъ поприщѣ, то они считались какъ-нибудь возбудить противъ него гнѣвъ папы и отдѣлаться отъ опаснаго соперника.

Такимъ образомъ, по возвращеніи въ Римъ, Микель-Анджело тотчасъ получилъ приказаніе оставить начатый капитанникъ и расписывать Сикстову Капеллу. Художникъ принималъ всю трудность порученія, и хотѣлъ отъ него уклониться, отговариваясь незнаніемъ фресковой живописи и приличнаго употребленія красокъ; но всѣ его отговорки только-лишь раздражали желѣзную волю Юлія, котораго сверхъ-того тайно подстрекали и завистники Буонаротти, особливо Браманте. Наконецъ Микель-Анджело увидѣлъ, что всякое сопротивленіе бесполезно, и, чтобы опять не разсердить папы, котораго характеръ былъ вообще очень крутъ, скрѣпя сердце рѣшился повиноваться.

Архитектору Браманте велѣли сдѣлать подмостки, нужныя для этихъ работъ: Браманте вздумалъ пробить дыры въ сводѣ капеллы, и, протаскивъ въ нихъ кавалеты, устроить такимъ образомъ полъ. «Но какъ же вы послѣ задѣлите эти дыры, когда работа будетъ окончена?» спросилъ у него Микель-Анджело. — «Объ этомъ еще подумается», отвѣтилъ архитекторъ: впрочемъ иначе нельзя.» Микель-Анджело увидѣлъ, что Браманте не смыслилъ архитектуры, или не хочетъ взяться за дѣло какъ слѣдуетъ, пошелъ прямо къ папѣ, и сказалъ, что подмостки никуда не годятся. Юлій, въ присутствіи самаго Браманте, позволилъ супередѣлать ихъ какъ онъ хочетъ. Художникъ устроилъ подмостки на простыхъ откосахъ, не испортивъ ни своду

ни ствѣтъ : это въслѣдствіи пореналъ у него Браманте. Матеріалы, заготовленныя архитекторомъ , были подарены подрядчику , котораго онъ нанялъ для постройки подмостковъ , и этотъ бѣдный человекъ , продавши весь хламъ , составилъ очень изрядное приданое своей дочери.

Когда Микель-Анджело сдѣлалъ рисунки для своей живописи , папа , взглянувъ на нихъ , тотчасъ же велѣлъ уничтожить старыя фрески , писанныя во времена Сикста , и отпустилъ Микель-Анджелу пятнадцать тысячъ червонцевъ на исполненіе новыхъ проектовъ .

Совершенно незнакомый съ секретомъ фресковой живописи , Буонаротти пригласилъ изъ Флоренціи лучшихъ мастеровъ въ этомъ родѣ , чтобы изучить ихъ приемы . По его вызову пріѣхали Граначчи , Джуліано Буджардини , Джакомо ди-Сандро , старшій Индако , Аньоло ди-Доннинно и Аристотель ди-Санъ-Галло . Микель-Анджело нашелъ всѣхъ этихъ художниковъ людьми очень способными , но не былъ доволенъ ихъ работой , и , въ одинъ день , разомъ уничтожилъ все , что они написали , потомъ заперся въ своей мастерской , и не хотѣлъ болѣе слышать о помощникахъ , запретилъ даже пускать ихъ къ себѣ въ домъ . Бѣдные Флорентинцы ждали , чѣмъ это кончится , но , видя , что штука тянется слишкомъ долго , отправились со стыдомъ во-своихъ .

Такимъ образомъ Буонаротти одинъ принялся за дѣло , и , по обыкновенію , никому не позволялъ видѣть своей работы . Любопытство публики увеличивалось съ каждымъ мгно-віемъ , но , на этотъ разъ , и самъ папа не хотѣлъ мѣшать живописцу . Третья часть свода была ужъ готова , какъ-вдругъ нѣкоторые мѣста , подверженныя вліянію сѣвернаго вѣтру , покрылись плѣсенью . Это произошло отъ свойства римской извести , которая , въ смѣшеніи съ травертиномъ , очень медленно сохнетъ и нерѣдко плѣсневѣетъ , ежели составъ штукатурки слишкомъ сыръ . Микель-Анджело , въ отчаяніи , хотѣлъ-было отказаться отъ дальнейшей работы ; но святѣйшій отецъ прислалъ къ нему Джуліана ди-Санъ-Галло , который успокоилъ художника , объяснивъ ему причину плѣсени и сообщивъ средства ее вывести .

Какъ-скоро расписываніе свода дошло до половины, папа, востоянно наблюдавшій работу, рывнулся показать ее публикѣ, не дожидаясь совершеннаго окончанія. Весь Римъ бросился за нимъ въ капеллу; самъ Юлій вошелъ туда прежде чѣмъ успѣли смести соръ съ подмостокъ. Въ это время Рафаэль пользовался большою извѣстностью, блистательно показавъ свой талантъ двумя картинами, «Сивиллы» и «Пророки», написанными для церкви della Pace. Браманте, его родственникъ и другъ, просилъ папу поручить Рафаэлю остальную работу въ капеллѣ; но Микель-Анджело, благо- временно свѣдавъ объ этой интригѣ, пожаловался Юлію, и напрямикъ высказалъ Браманте весь его плутни и промахи при построеніи церкви Святаго Петра. Папа искренно любилъ Буонароти и позволилъ ему продолжать работу. Вторая половина свода была расписана втеченіи двадцати мѣсяцовъ: художникъ совершилъ этотъ трудъ безъ всякаго помощника, даже безъ краскотера. Между-тѣмъ Юлій безпрестанно торопилъ его. «Когда же ты кончишь?» спросилъ онъ однажды у Буонароти. — «Когда буду вполне доволенъ своей работой», отвѣчалъ этотъ. — «Но вѣдь надобно, чтобъ и я былъ доволенъ, возразилъ папа: и притомъ доволенъ какъ-можно скорѣе; нето, я велю тебя сбросить съ подмостокъ.» Микель-Анджело очень хорошо зналъ, что Юлій не любитъ шутить, и тотчасъ приказалъ разломать подмости. Въ день Всѣхъ Святыхъ капелла была наконецъ отворена, и Юлій совершилъ въ ней первую литургію, при многочисленномъ стеченіи народу.

По примѣру своихъ предшественниковъ, Микель-Анджело хотѣлъ сдѣлать кой-какія поправки во фрескахъ на-сухо: онъ думалъ придать имъ побольше великолѣпія, раскрасивъ некоторыя мѣста драпировки и углубленій ультрамариномъ, и покрывъ поволокою; но затрудненія, съ которыми сопряжено устройство подмостокъ, были причиной, что фрески остались въ первоначальномъ видѣ. Юлій, которому также хотѣлось, чтобы Микель-Анджело занялся этими улучшеніями, говорилъ, что, безъ нихъ, капелла кажется слишкомъ бѣдною. «Ваше святѣйшество, отвѣчалъ художникъ: люди, здѣсь написанные, не щеголяли золотомъ въ

свое время; я изображалъ не богачей, а святыхъ, прозирающихъ суету и сокровища міра.»

Опишемъ теперь эти чудные фрески. Вершина свода, то, что можно называть собственно потолкомъ, представляетъ рядъ сюжетовъ изъ Ветхаго Завета; въ двѣнадцати спускахъ къ стѣнамъ, изображены Сивиллы и Пророки, величиной въ тридцать осемь съ половиною футовъ; а закругленные части свода, надъ окнами, украшены фигурами, которыя не столь важны.

Картины, занимающія длину потолка, отдѣлены одна отъ другой полосами, которыя служатъ имъ какъ-бы рамами. Въ первой картинѣ изображенъ Богъ, отдѣляющій свѣтъ отъ тьмы; во второй Всемогущій, поддерживаемый маленькими ангелами, творитъ солнце и луну; въ третьей картинѣ, Сотвореніе Адама и Господь среди сонма ангеловъ; даже, Ева, сотворенная изъ ребра спящаго супруга. Потомъ слѣдуетъ композиція, раздѣленная на двѣ части: въ одной, Змій вручаетъ Евву запрещенный плодъ, а та передаетъ его Адаму; въ другой, Адамъ и Ева, изгнанные изъ раю, со страхомъ и трепетомъ бѣгутъ отъ очей Божіихъ: положеніе этихъ фигуръ прекрасно выражаетъ стыдъ, ужасъ, раскаяніе и желаніе пощады. Въ трехъ послѣднихъ отдѣленіяхъ потолка представлены Жертвоприношеніе Каина и Авеля, Потопъ, и Ной, упившійся виномъ и осмѣиваемый Хамомъ, тогда какъ Сямъ и Яфетъ стараются прикрыть наготу спящаго родителя.

Въ двѣнадцати спускахъ свода къ стѣнамъ, написаны семь Пророковъ и пять Сивиллъ. Вся эти фигуры прекрасны: положенія ихъ разнообразны, драпировка прелестна. Первымъ въ ряду пророковъ представленъ Іеремія. Онъ сидитъ заложивъ ногу на ногу, облокотясь на козлы и опираясь бородой на руку, отчего голова его нѣсколько наклонилась. Все въ этой фигурѣ выражаетъ характеръ человека задумчиваго, глубоко опечаленнаго нечестіемъ своего народа. Подъ пророка видны два ребенка и старая сивилла, которая подноситъ книгу къ своимъ помраченнымъ глазамъ. Езекииль представленъ со свиткомъ: онъ держитъ его въ

рукъ и хотеть, кажется, говорить; позади, два мальчика съ книгами и свилла, размышляющая что ей писать, пока одинъ изъ малютокъ раздуваетъ головешку, чтобъ зажечь лампаду. Ионъ написанъ погруженнымъ въ чтеніе румоніи. Захарія торопливо ищетъ какого-то мѣста въ книгѣ. Исаія сидитъ въ размышленіи: ноги его скрещены; одной рукой онъ хотеть заложить въ книгѣ мѣсто, на которомъ остановился, другой подпираетъ голову; сзади, двое дѣтей, и пророкъ, кажется, намѣренъ позвать одного къ себѣ. Довольно изучить одну эту фигуру, чтобъ понять истинныя начала художества и сдѣлаться хорошимъ живописцемъ. Подлѣ пророка изображена еще прекрасная фигура старой свиллы съ двумя малютками. Даніилъ, представленный молодымъ человѣкомъ, вписываетъ что-то изъ манускрипта въ большую книгу, которую держитъ стоящій передъ нимъ мальчикъ. Наконецъ, нельзя ничего выдумать превосходнѣе фигуры Свиллы Ливійской, которая закрываетъ книгу и поднимается съ мѣста. На четырехъ спускахъ свода, соответствующихъ угламъ потолка, написаны слѣдующіе предметы: на первомъ, Давидъ, въ присутствіи изумленныхъ воиновъ отсѣкающій голову у побѣжденнаго Голіаѳа; на второмъ, Юдией, вручающая служанкѣ корзину съ головой Олоферна; на третьемъ, чудесное избавленіе Евреевъ отъ узвленія змѣями въ пустынь; на четвертомъ, наказаніе Амана.

Нѣтъ ни какой возможности оцѣнить вполне все это удивительное произведеніе живописи: надобно разсыпаться въ похвалахъ на каждой строкѣ, впасть въ утомительное однообразіе. Довольно сказать, что высочайшій геній творчества водилъ рукою Микель-Анджело. Зрители были въ восторгѣ, а папа заплатилъ художнику съ приличною щедростью. Вообще Юлій II очень любилъ Буонароти, и если по-временамъ обходился съ нимъ не совсемъ ласково, зато послѣ каждой вспышки награждалъ его по-царски. Такъ однажды Микель-Анджело пришелъ просить денегъ на возздуку во Флоренцію, гдѣ ему нужно было написать фигуру Святаго Іоанна. «А когда же ты кончишь капеллу?» спросилъ папа. — «Когда будетъ можно, святой отецъ», вродостодушно отвѣчалъ Буонароти. Папа схватилъ трость

ъ, удерживъ его, закричалъ : «Когда можно! когда можно!...
дольше ты отъ такихъ ответовъ!» Микель-Анджело не-
скорой бѣжать домой, и уже хотѣлъ-было тотчасъ скакать
въ Флоренцію, какъ вдругъ къ нему является папскій камер-
рѣй, и подаетъ отъ имени его святѣйшества нѣтъ сотъ ску-
даль. Бушароти, узнавъ крутой характеръ Юлія, наконецъ
сталъ свѣтаться надъ всеми подобными вспышками его гнаву,
тѣмъ болѣе, что оны были выгодны для художника, и что
папа вообще старался сохранить себѣ его дружбу.

=

ВАЗАРИ.

=

БИОГРАФІЯ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БУОНАРОТИ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Передъ смертью, папа Юлій II опять задумалъ соорудить въ надгробный памятникъ, и поручилъ заботу объ этомъ кардиналамъ Санти-Кваттро и Аджиненсе. Планъ мавзолея былъ ужъ не такъ огроменъ какъ прежній. Микель-Анджело усердно принялся за работу, въ надеждѣ не встрѣтить передъ собою ни какого препятствія къ окончанію, но вышло на-противъ: при самомъ началѣ художникъ испыталъ множество несправностей, и клевета обвинила его даже въ негодности къ папѣ, а преемникъ Юлія, Леонъ X, желая обогатить Флоренцію чудесами искусства, какія могъ произвести геній Микель-Анджело, приказалъ ему бросить мавзолей своего предшественника и заняться, вмѣсто того, украшеніемъ фасада къ церкви Святаго Лаврентія, сооруженнаго фамилією Медичи. Микель-Анджело употребилъ все, чтобы отстранить отъ себя это новое порученіе, ссылаясь на обязательство, заключенное съ кардиналами Санти-Кват-

тро и Аджиненсе, но папа отвѣчалъ, что все это пустяки, что кардиналы сами разрѣшаютъ его отъ обязательства, что онъ такъ же удобно можетъ заниматься памятникомъ Юлія во Флоренціи, и бѣдный Микель-Анджело, побѣжденный настойчивостію папы, со слезами на глазахъ уѣхалъ изъ Рима.

Леонъ X хотѣлъ раздѣлить постройку лаврентіевскаго фасада между нѣсколькими художниками, и назначилъ въ помощь Буонароти пять мастеровъ, — Баччо д'Анжело, Антонио да-Санъ-Галло, Андреа и Джакомо Сансовина, и Рафаэля Урбинскаго. Но Микель-Анджело былъ не такой чловѣкъ, чтобъ ужиться съ этой ватагой, и всѣ помощники ретировались отъ него, какъ скоро онъ представилъ свой планъ. Тогда наступило время ѣхать въ Каррару за мраморомъ. Буонароти хотѣлъ привезти нужное количество этого матеріала и для Юліева памятника, который онъ надѣялся кончить во Флоренціи. Джакомо Сальвиати получилъ приказъ отпустить ему тысячу скудовъ. Микель-Анджело пришелъ за деньгами, но случилось такъ, что Сальвиати былъ въ то время занятъ другими дѣлами, и художникъ не разсудилъ ни дожидаться ни просить назначенія себя вторичной аудіенціи, а уѣхалъ въ Каррару безъ денегъ. Сальвиати, узнавъ объ этомъ, принужденъ былъ послать ихъ съ курьеромъ, и наказалъ посланному взять съ Буонароти росписку; но Микель-Анджело отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ обыкновенія давать росписки въ деньгахъ, отпускаемыхъ ему папою, и что курьеръ можетъ взять назадъ привезенную сумму. Тотъ не посмѣлъ возражать, и уѣхалъ, оставивъ деньги безъ росписки.

Вскорѣ Микель-Анджело получилъ извѣстіе о дошедшемъ до Леона X свѣдѣніи, что въ флорентійскихъ владѣніяхъ, въ Серавенцѣ, на самой высокой вершинѣ горъ Піетра-Санта, извѣстной подъ названіемъ Altissimo, можно добывать мраморъ, который не уступаетъ, ни въ красотѣ ни въ добротѣ, каррарскому. Буонароти зналъ это и самъ, но хотѣлъ, кажется, удружить пріятелю своему, каррарскому помещику, маркизу Альберниго, или, можетъ-статься, боялся значительной потери времени, сопряженной съ разработкою се-

расширивших каменоломень. Какъ бы то ни было, онъ едва-ли отправился въ Саравенцу, хотя далъ напередъ записать, сколько трудовъ и издержекъ будутъ стоить эти работы. Надлежало устроить дорогу черезъ утесы на нѣсколько миль, и укрепить болотистыя мѣста сваами; но папа не хотѣлъ ничего слышать, и Микель-Анджело, изъ уваженія ему, потерялъ много драгоценныхъ годовъ, наживъ въ то же время смертельнаго врага въ маркизѣ Альберто, который не могъ безъ неудовольствія видѣть, что переставъ зайти черезъ его владѣнія. Впрочемъ матеріалы, добытые въ Саравенцѣ, остались на-мѣсть, и уже тринадцать лѣтъ спустя, герцогъ Козма Медичи приказалъ окончить дорогу, чтобы перевезти ихъ на морской берегъ.

По возвращеніи во Флоренцію, Микель-Анджело сдѣлалъ нѣсколько оконъ для нижняго жилья дворца Медичи, гдѣ была палата, украшенная его картинами. Между-тѣмъ папа Левъ X умеръ, и это перервало работы надъ церковью святаго Лаврентія; деньги же, назначенныя на добычу мрамору изъ серавецкихъ каменоломень, пошли на издержки Вардской войны.

Восшествіе на престолъ Адріана VI привело въ отчаяніе нѣкоторыхъ римскихъ и флорентинскихъ художниковъ. Микель-Анджело, въ царствованіе этого папы, занимался нѣкоторыми фигурами Юліева мавзолея. Вскорѣ однако жъ Адрианъ умеръ, и при Климентѣ VII снова оживилась дѣятельность живописцевъ, ваятелей и архитекторовъ. Климентъ прислалъ Буонаротти въ Римъ, и совѣтовался съ нимъ о постройкѣ библиотеки и ризницы при церкви Святаго Лаврентія.

Въ это время Микель-Анджело потерпѣлъ множество несправедливостей отъ герцога урбинскаго, племянника папы Климента II. Герцогъ обвинялъ его въ томъ, будто бы онъ, получивъ шестнадцать тысячъ скудовъ на постройку Юліева мавзолея, жилъ во Флоренціи для собственнаго удовольствія. По прибытіи въ Римъ, Микель-Анджело разсказалъ объ этомъ Клименту, и тотъ совѣтовалъ ему собрать герцога агентовъ и сдѣлать съ ними смоту полуденныхъ и вечернихъ дождей; папа не сомнѣвался, что Микель-

Анджело совершенно правъ. Впрочемъ дѣло не пошло далѣ. Микель-Анджело возвратился во Флоренцію, давъ Князю слово окончить библіотеку и ризницу лаврентіевской церкви, гдѣ хотѣли поставить гробницы Лоренцо и Юліана Медичи. Ризница должна была замѣнить собою старое извѣденіе Брунелески. Микель-Анджело, при постройкѣ ея, принялъ два ордена, и, какъ въ общей формѣ, такъ и въ соразмѣрности орнаментовъ, значительно удалился отъ обыкновенныхъ правилъ. Это нововведеніе имѣло успѣхъ, который подстрекнулъ художниковъ слѣдовать примѣру Буонароти; но подражатели, какъ всегда случается, вѣдши въ крайности, которыя чуть не сбили съ толку искусства. За всѣмъ тѣмъ надо благодарить Микель-Анджело, что онъ освободилъ архитектуру отъ оковъ рутины. Еще блистательнѣе обнаружилась его новыя правила при постройкѣ библіотеки: едва ли можно выдумать что-нибудь прелестнѣе этого зданія, на которое любуешься какъ на диво.

Но скоро нахлынула на Римъ партія конетабля Бурбона, и Флорентинцы снова изгнали фамилію Медичи. Советъ Десяти, приготовляясь къ продолжительной оборонѣ, нашелъ нужнымъ поправить флорентинскія укрѣпленія, и поручилъ это Микель-Анджелу. Художникъ укрѣпилъ городъ во многихъ мѣстахъ, окружилъ гору San-Miniato бастионами, и употребилъ на это каштановое и дубовое дерево, а не дернъ и кирпичи, какъ водилось прежде. Флорентинское правительство отправило его въ Феррару для изученія новаго рода укрѣпленій, какія употреблялъ тамонній герцогъ Альфонсъ I. Альфонсъ принялъ Буонароти чрезвычайно ласково, и на прощанье просилъ его прислать что-нибудь своей работы. Микель-Анджело охотно далъ слово, и, по возвращеніи во Флоренцію, несмотря на кучу занятій, принялся писать для Альфонса картину, представляющую Леду. Во время осады онъ провелъ пол-года на горѣ San-Miniato, которая была такъ важна, что если бы неприятелю удалось овладѣть ею, то городъ бы непременно погибъ.

Между тѣмъ художникъ втайнѣ трудился надъ изваяніемъ семи статуй для лаврентіевской ризницы. Эти статуи представляютъ Богоматерь, Лоренцо и Юліана Медичи, Утроб-

ною Зарю, Сумерки, День, и Ночь. Богоматерь одной рукой поддерживает у себя на коленяхъ Иисуса, а другою открываетъ грудь, которую, наклонившись, полнота къ устамъ Божественнаго Младенца: статуя прекрасная, но неконченная. Зато нельзя найти словъ, чтобы воскресить во достоинствѣ превосходящую фигуру Лоренцо, въ чертахъ котораго выражены мудрость и спокойное размыслие, или изобразить совершенства статуи Юліана, котораго глаза, носъ, ротъ, волосы, шея, руки, мышцы, колѣни, ноги, представляютъ столько красотъ, что никогда не устанешь на нихъ любоваться. Утренняя Заря въ состояніи разогнать облака самой мрачной задумчивости, а съ удивительной, неподражаемой Ночью нельзя сравнить ни одного антика и ни одной новѣйшей статуи. Едва ли найдется когда-нибудь ваятель, который бы осмѣлился, не скажу презойти, даже подражать, этому дивному созданію. Поэты призывствовали появленіе Микель-Анджеловой Ночи множествомъ стиховъ. Къ-сожалѣнію ненависть, искони существующая между фортуной и гениемъ, не позволила художнику окончить своей работы: въ противномъ случаѣ искусство стало бы выше натуры.

Виродолженіи шести мѣсяцовъ Флоренція довольно счастливо выдерживала осаду, но вдругъ городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ: граждане потеряли надежду на постороннюю помощь, средства къ оборонѣ день ото дня становились затруднительнѣе. Предвидя бѣду, Микель-Анджело рѣшился удалиться въ Венецію. Онъ тайно увѣзъ съ ученикомъ своимъ Антонио Мини и съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Пилото. На всѣхъ троихъ были фуфайки изъ бумажной матеріи, туго набитыя деньгами. По прибытіи въ Феррару, они остановились въ гостиницѣ и рѣшились здѣсь отдохнуть, предполагая, что никто ихъ не узнаетъ. Но герцогъ Альфонсъ заранѣе далъ всѣмъ трактирщикамъ приказаніе доносить себя объ иностранцахъ, которые будутъ у нихъ останавливаться. Узнавъ такимъ образомъ о прибытіи Буонароти, онъ тотчасъ отправилъ къ нему некоторыхъ изъ своихъ царедворцевъ съ приглашеніемъ переселиться во дворецъ. Микель-Анджело принужденъ былъ съговорить за этими господами. Альфонсъ осматривалъ его бо-

гатыми подержани и уговаривалъ остаться въ Феррарѣ, обѣщая положить ему хорошее жалованье. Буонаротти не согласился, Герцогъ просилъ его не уязвлять по-крайней-мѣрѣ во время военныхъ дѣйствій, и снова дѣлалъ самыя блестящія предложенія. Микель-Анджело благодарилъ за всѣ эти милости, но не хотѣлъ уступить Альфонсу въ великодушїи, и оборотясь къ своимъ дорожнымъ товарищамъ, сказалъ герцогу: «Мы привезли въ Феррару десять тысячъ скудовъ: если эти деньги могутъ быть вамъ полезны, мы отдаемъ ихъ и себя въ полное ваше распоряженіе.» Тогда Альфонсъ показалъ художнику всѣ сокровища своего дворца и между прочимъ портретъ свой, писанный Тиціаномъ. Микель-Анджело расхвалилъ это произведеніе, но, несмотря ни на какія усилія герцога, воротился въ свою гостиницу. Чтобъ отмстить за себя, Альфонсъ послалъ къ трактирщику все нужное для хорошаго приему Микель-Анджела, и велѣлъ не брать съ него ни копѣйки, когда онъ отправится изъ Феррары. Буонаротти похалъ въ Венецію. Тамъшніе вельможи также хотѣли удержать его, но онъ ни подъ какимъ видомъ не согласился прожить долго въ ихъ городѣ, увѣренный, что Венеціанцы не знаютъ толку въ искусствахъ. Онъ помѣщался въ Джудеккиа, и, говорятъ, составилъ здѣсь, по просьбѣ дожа Гритти, планъ моста Риальто. Между-тѣмъ Флоренція громогласно призывала художника къ себѣ. Къ нему прислали охранную грамоту и умоляли заняться продолженіемъ работъ, начатыхъ съ такимъ усердіемъ. Любовь къ отечеству превозмогла всѣ другія чувства: Буонаротти отправился во Флоренцію, и на дорогѣ неоднократно подвергался опасности потерять жизнь. Первымъ трудомъ его, по прїѣздѣ на-мѣсто, было укрѣпленіе савиниатской колокольни, которая сдѣлалась мишенью для неприятельской артиллерїи, потому что съ этого пункта Флорентинцы, вооруженные двумя пушками, всего болѣе вредили осаждающему войску. Уже во многихъ мѣстахъ оказались проломы, и колокольня едва не падала; но Микель-Анджело такъ укрѣпилъ ее, что она существуетъ и до-сихъ-поръ. Наконецъ, однако жъ, Флоренція покорилась царю. Баччо Валори получилъ повелѣніе арестовать главныхъ виновниковъ мятежа, и выдать ихъ начальнику сборовъ.

Зная свою участь, Микель-Анджело спрятался въ домъ одного изъ своихъ друзей. Но когда прошла первая вспышка гнева, папа велѣлъ сказать художнику, чтобы онъ ничего не боялся, выдалъ ему положенное жалованье, и снова поручилъ работы при лаврентіевской церкви, которыми между-тѣмъ завѣдывалъ мессеръ Джованбаттиста Фиджованни, старшій слуга фамиліи Медичи и пріоръ этой церкви. Микель-Анджело успокоился, и, чтобы войти въ дружбу у Баччо Валори, изваялъ для него прекрасную мраморную статую Аполлона въ осемнадцать футовъ вышиной. Впрочемъ эта статуя не совсемъ кончена.

Во время осады города Микель-Анджело дописалъ картину, назначенную для герцога феррарскаго. Опасаясь, чтобы она не сдѣлалась добычею побѣдителя, Альфонсъ послалъ къ художнику одного изъ своихъ придворныхъ. Микель-Анджело вѣжливо принялъ этого посланника, и показалъ ему большую картину, гдѣ была изображена Леда, обнимающая Юпитера въ видѣ лебедя. Посмотрѣвъ на прекрасное произведение, велемудрый синьоръ сказалъ: «Что же это за важная штука! — «А какое ваше ремесло?» спросилъ у него художникъ. — «Я купецъ,» отвѣчалъ посланный, давая этимъ знать, что онъ презираетъ промышленность Флорентинцевъ. Микель-Анджело понялъ его намѣреніе и сказалъ: «Въ такомъ случаѣ убирайтесь же вонъ, господинъ купецъ! не то вы сдѣласте очень невыгодную покупку для своего патрона.» Художникъ подарилъ картину ученику своему Антонію Мини, который хлопоталъ тогда о приданомъ для двухъ сестеръ. Мини отвезъ ее во Францію вмѣстѣ съ рисунками, картонами и моделями, полученными также отъ Буонаротти. Леда была тотчасъ продана, а все прочее, по случаю его скорой смерти, раскрадено и пропало.

Микель-Анджело счелъ нужнымъ совершенно примириться съ папой, и похвалъ для этого въ Римъ. Климентъ VII простилъ художника, и велѣлъ ему возвратиться во Флоренцію для окончанія библіотеки и ризницы святаго Лаврентія. Чтобы скорѣе отдѣлать ризницу, Микель-Анджело вызвалъ къ себѣ Триболо, Рафаэло де-Монтелупо и Джованни д'Аньоло. Онъ поручилъ имъ сдѣлать четыре статуи

по его моделировать, а самъ исключительно занялся работами въ библиотекѣ, которой потолокъ, также по его модели, отдѣлывали флорентинскіе вѣители Карота и Тассо. Юпитры библиотекы вѣрены были опытнымъ мастерамъ Баттиста дель-Чинкве и Чапино. Джіованни Удинскій, съ учениками и другими флорентинскими художниками, занимался лѣпкой трибуны.

Въ это время Климентъ VII пригласилъ Микель-Андже-ла въ Римъ, и поручилъ ему расписать двѣ оконечности Сикстовой капеллы, которой сводъ былъ украшенъ художникомъ еще при Юліи. Климентъ желалъ, чтобы на одной сторонѣ былъ изображенъ Страшный Судъ, а на другой Паденіе возмущившихся ангеловъ: папа зналъ, что у Микель-Анджело давно сдѣланы эскизы этихъ сюжетовъ.

Буонароти хотѣлъ-было ужъ начать картоны Страшнаго Суда, какъ вдругъ повѣренные герцога урбинскаго снова объявили на него претензію о шестнадцати тысячахъ скудовъ, которые будто бы онъ получилъ на мавзолей Юліи и употребилъ для собственныхъ своихъ надобностей, не выполнивъ обязательства. Дѣло кончилось заключеніемъ новаго договору между герцогомъ и Микель-Анджеломъ. На этотъ разъ положили ограничить памятникъ Юліи однимъ фасадомъ, примыкающимъ къ стѣнѣ церкви: Буонароти обязался поставить на немъ шесть статуй своей работы. По особой статьѣ контракта, папа имѣлъ право располагать художникомъ четыре мѣсяца въ году, во Флоренціи или въ другомъ городѣ. Но и этотъ договоръ также не былъ выполненъ: Климентъ VII, желая обратить въ свою пользу послѣдніе проблески генія Микель-Анджело, заставилъ его трудиться надъ картономъ Страшнаго Суда, и художникъ только урывками могъ заниматься статуями для мавзолея.

Навошець, въ 1533 году, Климентъ VII скончался: Буонароти думалъ, что теперь онъ безпрепятственно будетъ продолжать памятникъ; но Павелъ III, по востествіи на шпанскій престолъ, тотчасъ вызвалъ его къ себѣ, и сдѣлавъ ему благосклонный приемъ, просилъ, чтобы великій художникъ посвятилъ ему, Павлу, всѣ свои дарованія. Буо-

протѣ объявлять, что это не возможно, потому что, по условию договора, онъ обязанъ окончить мавзолей Юлія. Папа вспыхнулъ отъ гнѣва. «Какъ! сказалъ онъ: я мечтаю это уже тридцать лѣтъ, и неужели теперь, когда мѣни сдѣлали папою, мнѣ не удовлетворить своему желанію! Я изорву твой контрактъ и заставлю тебя повиноваться!» Буонароти, съ отчаянія, хотѣлъ-было ухватить изъ Рима, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь кончить памятникъ; но саразливое опасеніе непріятностей со стороны раздраженнаго папы заставило его отказаться отъ этого намѣренія, и онъ остался, въ надеждѣ, что со-временемъ уговоритъ Павла, или что папа умретъ отъ старости, и тогда онъ будетъ совершенно свободенъ.

Однажды Павелъ III пришелъ съ десятью кардиналами въ мастерскую Микель-Анджело, и восхитился красотой статуй, приготовленныхъ для Юліева памятника. Одинъ изъ кардиналовъ замѣтилъ, что довольно будетъ и статуя Моисея для прославленія навѣкъ имени Юлія. Между-тѣмъ папа разсматривалъ картоны Страшнаго Суда и, плѣнамъ ими, началъ снова просить Буонароти, чтобы онъ работалъ только для его святѣйшества. Папа вызвался даже уговорить герцога урбинскаго довольствоваться тремя статуями собственной работы Микель-Анджело, а остальные три чтобъ были сдѣланы по его рисункамъ другими артистами. И въ самомъ дѣлѣ онъ выхлопоталъ у герцоговыхъ агентовъ новый договоръ, по которому Микель обязался заплатить неустойку за три остальные статуи, положивъ сверхъ-того въ банкъ тысячу пять сотъ восемьдесятъ червонцевъ на окончаніе мавзолея. Въ этомъ последнемъ обезпеченіи не настояло ни какой надобности, но художникъ былъ готовъ согласиться на все, съ радости, что выпутался изъ такой длинной и непріятной исторіи. Затѣмъ Юліевъ мавзолей оконченъ слѣдующимъ образомъ въ церкви Сантаго Петра in-Vincoli.

Четыре невольника, входившіе въ первую композицію, замѣнены другими фигурами съ разными архитектурными упрощеніями. Ниши, въ которыхъ, по первому плану, предполагалось поставить эмблематическія изображенія Юліе-

дыхъ побѣдъ, украшены теперь статуями, представляющими Жизнь дѣятельную и Жизнь созерцательную. Между ними поставлена превосходная статуя Моисея. Жизнь созерцательная, изображенная въ видѣ Лиз, дочери Лавана, держитъ въ одной рукѣ зеркало, въ ознаменованіе, что вся наша дѣятельность должна быть совершаема обдуманно, а въ другой цвѣточную гирлянду, въ знакъ того, что добродѣтель должна быть вѣнцомъ человѣческихъ поступковъ. Жизнь созерцательная представлена въ образѣ Рахили : ея согнутое колено, положеніе головы, и руки, воздѣтыя къ небесамъ, показываютъ, къ какой цѣли стремятся вся ея мысли. Статуя папы, вышедшая изъ-подъ рѣзца Мазо дель-Боско, представлена лежащею на второмъ ярусѣ мавзолея. Ниже, во впадинѣ, поставлена группа Богоматери съ младенцемъ Иисусомъ, изваянная по модели Микель-Анджело, Скераномъ да-Сеттиньяно. Въ двухъ другихъ боковыхъ впадинахъ, надъ Жизнью дѣятельною и Жизнью созерцательною, видны Пророкъ и Сивилла, двѣ большія статуи, представленныя сидящими, работы Рафаэло де-Монтелупо : Микель-Анджело былъ недоволенъ ими. Карнизъ съ гербомъ папы и два мраморные кандебра довершаютъ мавзолей. Какъ этотъ памятникъ поставленъ передъ хорами, то Микель-Анджело, для удобства монаховъ, велѣлъ надъ статуями Пророка и Сивиллы пробить окошко, чтобы можно было видѣть особу, совершающую богослуженіе. Вообще монументъ этотъ производитъ довольно хорошій эффектъ, но чрезвычайно далекъ отъ перваго плана Микель-Анджела.

Теперь возвратимся къ Павлу III. Онъ требовалъ, чтобы Буонароти продолжалъ работы въ сикстинской капеллѣ, и хотѣлъ, вмѣсто герба Юлія II, помѣстить въ ней свой собственный. Но Микель-Анджело возсталъ противъ этого и доказывалъ Павлу, что онъ не долженъ присвоивать себѣ чести, принадлежащей его предшественникамъ. Папа нимало не оскорбился, а напротивъ получилъ высокое понятіе о чловѣкѣ, который осмѣлился высказать ему истину.

Едва ли нужно утомлять читателя подробными описаніями фрески «Страшный Судъ», съ которой есть столько

грамеръ илюзий. Неложивъ одна главная части этой огромной композиціи, гдѣ Микель-Анджело старался представить всевозможныя положенія человеческого тѣла. Занятый исключительно побужденіемъ трудности въ изображеніи человеческихъ формъ, онъ мало обратилъ вниманія на колоритъ и нѣкоторыя другія условія живописи: зато указалъ стезю, по которой живопись должна идти къ совершенству.

Микель-Анджело почти окончилъ Страшный Судъ, когда пришелъ къ нему Павелъ III съ своимъ церемоніймейстеромъ Біаджо да-Чесена, и въ разговоръ спросилъ у этого сановника, какъ онъ думаетъ о картинѣ. Чесена отвѣчалъ, что предметъ, избранный художникомъ, не соответствуетъ святости мѣста, что гораздо приличнѣе было бы эту кучу нагихъ фигуръ помѣстить въ какой-нибудь банѣ, чѣмъ въ капеллѣ его святѣйшества. Микель-Анджело, разсердился, и какъ скоро папа вышелъ, онъ написалъ самого мессеръ Біаджо въ числѣ демоновъ. Церемоніймейстеръ жаловался папѣ, просилъ художника стереть эту фигуру, но все было напрасно, и бѣдный мессеръ Біаджо перешелъ въ потомство подъ видомъ чорта. Павелъ III спросилъ у него, въ какомъ мѣстѣ онъ нарисованъ. «Въ аду, ваше святѣйшество,» отвѣчалъ тотъ. — «Ну такъ нечего дѣлать! возразилъ папа: иное дѣло, если бѣ въ чистилищѣ, а изъ аду nulla est redemptio, нѣтъ уже выхода.»

Трудно себя представить, съ какой удивительной силой выражены въ этой картинѣ отчаяніе отверженныхъ отъ лица Божія и радость избранныхъ. Художникъ какъ-будто олицетворилъ стихъ Данта:

Merti li morti, et i vivi parean vivi.

Можно сказать, что онъ превзошелъ самого себя въ выраженіи этой мысли, и былъ глубоко проникнутъ ужасомъ страшнаго дня, въ который нечестивые получаютъ возмездіе за дѣла свои. Нѣкоторыя нагія фигуры держатъ орудія страданія Спасителя, крестъ, столбъ, копьѣ, гвозди, и терзающій вѣнецъ. Иисусъ Христосъ возсѣдаетъ на престолѣ и спокойно смотритъ на грѣшниковъ. Подлѣ него Богоматерь

съ трезвотомъ слушають приговоръ, обуждающій три сдѣланныхъ мужи. Воздугъ стоятъ пророки, апостолы, и между ними Адамъ, протещъ вождь народовъ, представившій на судъ, и Святой Петръ, учитель религiи, виновнаго которой они должны быть судимы. Святой Варооломей показывается кожу, которую съ него содрали; Святой Лаврентiй и множество другихъ святыхъ мужей и жемъ приветствуютъ другъ друга съ полученiемъ вѣчнаго блаженства. Выше семь ангеловъ, о которыхъ говоритъ евангелистъ Иоаннъ, трубятъ въ трубу: грозный видъ ихъ внушаетъ ужасъ. Семь смертныхъ грѣховъ, въ видъ демоновъ, увлекають въ адъ души, порывающiяся на небо; мертвые встають изъ гробовъ и облакаются плотью. Далѣе виднѣтъ Харонъ съ своей лодкой, безжалостно поражающiй весломъ злополучныхъ путниковъ, которыхъ приводятъ къ нему демоны. Нельзя надивиться разнообразiю демонскихъ фигуръ и головъ: а съ какимъ искусствомъ Микель-Анджело выразилъ, въ лицахъ грѣшниковъ, угрызенiя совѣсти и страхъ наказанiя! какая гармонiя царствуетъ во всей картинѣ! Кажется, будто она задумана и написана за одинъ прiемъ, въ одинъ день. Физиономiи лицъ представляютъ весь человѣческiя страсти: съ перваго взгляду вы узнаете завистника, сластолюбца, скупца. Безъ-сомнѣнiя, Микель-Анджело глубоко изучилъ сердце человѣческое, прежде чѣмъ принялся за эту великую живописную поэмъ. Не говоримъ уже о достоинствахъ техническихъ: самый искусный и опытный живописецъ затрепещеть, рассматривая эти смѣлые контуры, эти удивительные ракурсы. Чувства невольна цѣпенють передъ дивнымъ созданиемъ генiя.

Микель-Анджело выставилъ свой Страшный Судъ въ день Рождества Христова, въ 1541 году, послѣ осмилѣтней работы.

Павелъ III поручилъ Антонию да-санъ-Галло построить капеллу, и изъявилъ желанiе, чтобы Буонароти написалъ въ ней двѣ большiя фрески. Художникъ выполнилъ волю его святѣйшества. Одна изъ этихъ фресокъ представляетъ Обращенiе Святаго Павла: между двумя группами людей виднѣтъ Иисусъ Христосъ, призывающiй апостола.

унизилъ его лошадю ; искутанный конь тащитъ за собой язовъ, который напрасно старается удержать его; инопольные изъ воиновъ хотятъ поднять Павла, другіе разбѣжались, поражаемые страхомъ. На второй фрескѣ изображено Распятіе Святаго Петра : мученикъ распростертъ на деревѣ головой внизъ ; палачи приподнимаютъ крестъ, чтобы вдруть его въ землю.

Въ этихъ композиціяхъ Микель-Анджело старался только достигнуть совершенства въ главномъ сюжетѣ искусства, не заботясь о постороннихъ украшеніяхъ, каковы пейзажи, деревья, и прочая : художникъ какъ-будто боялся унижить свой геній подобными мелочами. Онъ нѣсколько разъ жаловался на трудности, которыя долженъ былъ побѣдить въ этихъ картинахъ. « Живопись, особенно фрески, нелгудтъ старику, » говорилъ онъ. Однако жъ работы въ Павловской капеллѣ продолжались успѣшно. Перино дель-Вага, по порученію Микаля и по его рисункамъ, началъ было украшать сводъ капеллы лѣпкой и другими орнаментами, но эта мысль, одобренная вначалѣ Павломъ, затянута въ даль и не была приведена въ исполненіе.

Павелъ III задумалъ укрѣпить Борго и совѣтовался о томъ съ нѣкоторыми вельможами и Антоніемъ да-Санъ-Галло. На совѣтъ призвали и Микель-Анджело, вспомнивъ, что онъ укрѣпилъ гору Санъ-Миніато во время осады Флоренціи. Художникъ долго отказывался, однако жъ принужденъ былъ подать голосъ. Онъ смѣло высказалъ свое мнѣніе, совершенно притивуположное мыслямъ Санъ-Галло и нѣкоторыхъ другихъ членовъ совѣта. Задѣтый за живое, Санъ-Галло отвѣчалъ, что Буонароти можетъ судить о живописи и ваиніи, но ничего не смыслить въ построеніи крепостей. Микель-Анджело увѣрялъ напротивъ, что его познанія въ живописи и ваиніи очень незначительны, а въ фортификаціи онъ давно уже показалъ больше искусства, чѣмъ Антоніо да-Санъ-Галло, и потому, въ присутствіи нѣсколькихъ вышеслѣдъ, вычислилъ всѣ промахи своего противника. Ссора съ минуты на минуту становилась живѣе, такъ что Павелъ наконецъ долженъ былъ сказать, чтобы спорщики замолчали. Черезъ нѣсколько времени Микель-Анджело представилъ

своей планъ укрѣпленія Борго: вслѣдъ за тѣмъ планъ Санъ-Галло былъ отмененъ, и ему отказали также въ постройку дверей при церкви Святаго Духа.

Старость оставила дѣятельность кисти Буонароти, но гений его не могъ оставаться въ праздности. Микель-Анджело началъ мраморную группу изъ четырехъ фигуръ, представляющую Спасителя, снятаго со креста, и Богоматерь съ Никодимомъ и одною изъ Марій, поддерживающую его на колыняхъ. Художникъ говорилъ, что онъ дѣлаетъ эту группу для препровожденія времени и потому что механическій трудъ полезенъ его здоровью. Онъ хотѣлъ украсить ею церковь, въ которой назначилъ свою могилу, но къ-несчастью это превосходное созданіе осталось неоконченнымъ.

По смерти Антонія да Санъ-Галло, случившейся въ 1546, папа не зналъ, кому поручить работы при построеніи великоколоннаго храма Святаго Петра, и наконецъ, рѣшился возложить ихъ на Микель-Анджело, который сначала очень сильно отказывался отъ этого порученія, говоря, что онъ не архитекторъ, но напоследокъ долженъ былъ уступить требованіямъ папы.

Однажды Микель-Анджело пришелъ въ церковь взглянуть на деревянную модель своего предшественника, и засталъ тамъ приверженцовъ Антонія да-Санъ-Галло, которые, осыпавъ его поздравленіями съ новой должностію, сказали между прочимъ, что модель знаменитаго Санъ-Галло — необозримое поле, гдѣ всегда найдется мѣсто для пастбища. «Да,» отвѣчалъ Микель-Анджело, и потомъ разсказывалъ своимъ пріятелямъ, что модель его предшественника точно необозримое пастбище для овецъ и быковъ, которые ничего не смыслятъ въ искусствахъ. По мнѣнію Микель-Анджело, композиція Санъ-Галло была слишкомъ загромождена колоннами и пирамидами, которые заслоняли зрѣніе отъ свѣту, и не обнаруживала въ себѣ ни прекраснаго античнаго стиля, ни вкуса новаго времени. Буонароти сказалъ, что храмъ обойдется тремястами тысячъ скудо дешевле и досидеть на пятьдесятъ годовъ ранее срока, предположеннаго прежнимъ архитекторомъ, но, съ своей

тѣмъ будетъ несравненно великолѣпнѣе и красивѣе. Слово эти оправдались на-дѣль. Микель-Анджело сдѣлалъ новую модель, которая стоила всего двадцать пять скудовъ и была готова въ пятнадцать дней, тогда какъ модель Санъ-Галло обошлась болѣе чѣмъ въ четыре тысячи скудовъ и архитекторъ работалъ надъ нею нѣсколько лѣтъ. Легко было догадаться, что подобное знаніе представляло бы архитектору незначительный источникъ доходовъ, изъ котораго онъ могъ черпать огромные барыши, не приводя дѣла къ окончанію. Такое безстыдство поразило честнаго художника, и онъ, еще не вступая въ должность, сказалъ строителямъ, чтобъ они постарались удалить его отъ этого мѣста, а въ противномъ случаѣ онъ ихъ самихъ заставитъ убраться. Слова эти не могли не взбѣсить жадной сволочи, и общая ненависть росла со дня на день, когда Микель-Анджело началъ передѣлывать все по-своему.

Наконецъ Павелъ III, издалъ указъ, которымъ возвелъ Буонароти въ должность главнаго зодчаго при храмѣ Святаго Петра, и предоставилъ ему полное право строить, перестраивать, увеличивать, и перемѣнять все по своему произволу, словомъ, неограниченно располагать людьми и матеріалами. Микель-Анджело отвѣчалъ на это подвигомъ безкорыстія: онъ потребовалъ, чтобы въ указъ прибавлено было, что художникъ безденежно исправляетъ свою должность. Папа нѣсколько разъ присылалъ къ нему богатые подарки взаменъ жалованья, но Алессандро Руффини, камерарій Павла III, и Пьетро Джованни Алиотти, епископъ фортійскій, уваряютъ, что Буонароти отъ всего отказывался.

Новая модель храма была одобрена папой и всеми людьми со вкусомъ къ изящному. Микель-Анджело укрѣпилъ четыре большія каменные массы, которыя предшественники его Браманте и Антоніо да-Санъ-Галло, оставили какъ неспособныя поддерживать куполь; сдѣлалъ двѣ улиткообразныя лѣстницы, по которымъ вьючныя лошади могли безъ всякаго труда всходить наверхъ сводовъ, и кончили большой эстаблементъ во внутренности зданія, полуокруживъ двухъ окошекъ, раздѣленія сводовъ, которые къ нимъ при-

иждаютъ, и вершины этихъ раздѣленій съ принадлежащими къ нимъ окошками. Вместо осьми капеллъ, предположенныхъ по плану Браманте, Балдассара Перуцци, Рафаэля Урбинскаго и Антонія да-Санъ-Галло, онъ рѣшился построить только три капеллы, а въ заключеніе занялся всѣми частями храма, которыя требовали еще какихъ-нибудь перемѣнъ, и, своею благоразумною предусмотрительностью, привелъ дело въ такое положеніе, что новымъ архитекторамъ уже нечего больше было выдумывать.

Жители Рима желали возвратить Капитолію блескъ, которымъ отличался онъ въ древности. Микель-Анджело взялся удовлетворить ихъ желанію, и составилъ планъ удивительнаго великолѣпія и красоты. Онъ началъ съ того, что заложилъ зданіе, извѣстное подъ названіемъ «Сенаторскаго Дворца». Спереди онъ построилъ лѣстницу съ балюстрадаю, ведущую въ нижній ярусъ. Передъ входомъ красуются двѣ античныя статуи, Тибръ и Ниль, величиною въ пятьдесятъ четыре фута, на изящныхъ пьедесталахъ; между ними сдѣлана глубокая ниша, въ которой предполагалось поставить статую Юпитера. На южной сторонѣ, построены такъ называемый «Дворецъ Хранителей», обравующій собою край до капитолія и отличающійся богатѣйшѣмъ фасадомъ съ портиками на прекрасныхъ колоннахъ и съ нишами, гдѣ также предполагалось помѣстить нѣсколько статуй. На северной сторонѣ, возлѣ церкви degl'Agaselli, назначено было воздвигнуть другой такой же дворецъ, котораго главную лѣстницу и террасу должны были украшать тоже статуи. Посреди площади, въ центрѣ между этихъ трехъ зданій, на овальномъ пьедесталѣ, возвышается бронзовый всадникъ, статуя Марка Аврелія, которую Павелъ III перенесъ съ Площади Иоанна Латранскаго, гдѣ она была поставлена Сикстомъ IV. Микель-Анджело не успѣлъ заживо кончить Капитолія: по смерти его, работы были поручены римскому дворянину Томмазу де-Каваліери.

Павелъ III возложилъ на Буонароти построить заглавную, составляющую вершину дворца Фарнезе. Художникъ отдалъ деревянный образецъ той самой величины, какой требовало зданіе, и выставилъ его, на судъ публики, на од-

вожъ изъ угловъ дворца. Папа и все жители Рима были въ восторгъ : энтаблементъ Буонароти причислили къ изящнѣйшимъ произведеніямъ зодчества. Послѣ смерти Антонія да-Санъ-Галло, завѣдывавшаго постройкой дворца Фарнезе, Микель-Анджело вступилъ во все права его по работамъ при этомъ зданіи. Онъ сдѣлалъ надъ главнымъ входомъ большое окошко съ папскимъ гербомъ и прекрасными мраморными колоннами, окончилъ все орнаменты, и значительно увеличилъ главную дворцовую залу. Между-тѣмъ, изъ развалинъ Антониновыхъ тельцовъ вырыли, древнюю группу Геркулеса, укрощающаго быка и окруженнаго разными лицами и животными. Микель-Анджело вздумалъ возобновить эту статую и предложилъ перевести ее ддятого на мѣсто, гдѣ назначено быть второй дворцовой площади : онъ хотѣлъ украсить ею фонтанъ, находящійся посерединѣ этого двора. Видъ, въ такомъ случаѣ, былъ бы восхитительный : дворъ открывался на Strada Giulia и на мостъ, построенный черезъ Тибръ, такъ что провзжая съ Campo di Fiore, къ которому обращены главныя ворота дворца Фарнезе, можно бы было обнять однимъ взглядомъ первый дворъ, фонтанъ среди втораго двора, Strada Giulia, тибрскій мостъ, и наконецъ Farnesina съ ея садами. Мысль вполне достойная Павла III и Буонароти.

Когда папа согласился на возобновленіе группы, Микель-Анджело просилъ поручить эту работу Вильгельму делья-Порта, молодому миланскому ваятелю, котораго рекомендовалъ ему фра Бастіано Венеціанскій. Просьба Буонароти была исполнена, и Вильгельмъ, по его предстательству, получилъ еще одну хорошую должность, но впоследствии оказался неблагодарнымъ къ своему знаменитому покровителю, и сдѣлался даже врагомъ его. По смерти Павла въ 1549 году, родственникъ его кардиналъ Фарнезе поручилъ фра Вильгельму воздвигнуть великолѣпный памятникъ умершему папѣ. Молодой художникъ хотѣлъ поставить этотъ мавзолей въ церкви Святаго Петра, подъ куполомъ, въ первой аркѣ; но какъ такое помѣщеніе могло повредить гармоніи зданія, то Микель-Анджело благоразумно воспротивился плану Вильгельма, и за это-то Миланецъ сталъ ненавидѣть его; болагая, что Буонароти дѣйствуетъ такимъ образомъ изъ

зависти. После онъ самъ убѣдился въ справедливости замѣчаній Микель-Анджело, однако жъ, когда въ 1550 году, при папѣ Юліи III, предложено было помѣстить Павлову гробницу, по совѣту Микель-Анджело, въ одной изъ нишъ, гдѣ стоитъ теперь колонна degli Spiritati, то онъ не согласился на это и, своимъ упорствомъ, произвелъ только то, что мавзолей Павла не былъ воздвигнутъ.

Между-тѣмъ приверженцы Антонія да-Санъ-Галло, у которыхъ такъ неожиданно была отнята прибыльная постройка церкви Святаго Петра, всячески старались вредить Микель-Анджело и разглашали вездѣ, будто онъ только испортилъ церковь. Въмѣсто отвѣту на клеветы, Юлій III подтвердилъ указъ Павла III.

Около этого времени были напечатаны во Флоренціи мои «Биографіи живописцевъ, ваятелей и архитекторовъ», въ которыхъ не упоминалось ни объ одномъ изъ живыхъ художниковъ, кромѣ Буонароти. Когда я поднесъ экземпляръ этой книги Микель-Анджело, онъ принялъ ее съ большимъ удовольствіемъ, прочиталъ очень внимательно, и отвѣчалъ мнѣ лестнымъ сонетомъ.

При отъѣздѣ моемъ во Флоренцію, великій художникъ долженъ былъ приняться за работы въ церкви Святаго Петра à Montorio, гдѣ Юлій III хотѣлъ устроить особый приделъ съ мавзолеями своему дядѣ кардиналу де' Монти и прадеду Фабіано. Я сказалъ другу моему мессеръ Бинду Алтовити, тогдашнему флорентинскому консулу, что хорошо бы было уговорить папу отменить эти работы и приложить ихъ планъ къ церкви Святаго Іоанна de' Fiorentini. Въ подкрѣпленіе я прибавилъ, что самъ Микель-Анджело охотно согласится на это, какъ на единственное средство привести къ окончанію церковь Святаго Іоанна. Мысль моя очень понравилась мессеръ Бинду: онъ немедленно сообщилъ ее папѣ, и его святѣйшество изъявилъ согласіе помѣстить предположенныя гробницы въ храмъ Святаго Іоанна, вѣря, что тогда Флорентинцы непременно примутся за окончаніе своей церкви. Биндо присовокупилъ, что ежели папѣ угодно будетъ взять на себя сооруженіе большой капеллы, то остальные шесть капеллъ построить сами не-

гоціанты, и дѣло пойдетъ безостановочно. Юлій согласился на это. Отправившись въ церковь Святаго Петра à Montorio, онъ пригласилъ къ себѣ Микель-Анджело, и вотъ что Буонароти писалъ ко мнѣ объ окончаніи этого дѣла въ письмѣ отъ перваго августа, 1550 года, принадлежащемъ къ числу отвѣтовъ, которыми онъ, смотря по надобности, удостоивалъ мои ежедневныя къ нему письма изъ Флоренціи :

«Любезный другъ, мессеръ Джорджо, я оттого ничего не писалъ къ вамъ о работахъ въ церкви Святаго Петра à Montorio, что папа не хотѣлъ ничего слышать объ этомъ; кому же мнѣ было извѣстно, что особа, которую вы здѣсь оставили, уведомляетъ васъ обо всѣхъ подробностяхъ. Но теперь я долженъ сказать вамъ, что вчера поутру, по возвращеніи изъ Монторіо, его святѣйшество призвалъ меня къ себѣ. Я встрѣтилъ его на мосту, и мы долго разговаривали о двухъ мавзолеяхъ. Наконецъ папа сказалъ мнѣ, что онъ рѣшился поставить ихъ въ церкви Святаго Іоанна de' Fiorentini, и я вполне одобрилъ его мысль, разсчитывая, что такимъ образомъ наконецъ достроятъ эту церковь.

«Что касается до трехъ писемъ, которыя я отъ васъ получилъ, то мое перо не въ состояніи отвѣчать на всѣ ваши прекрасныя комплименты. Если бы я имѣлъ хоть часть тѣхъ достоинствъ, какія вы мнѣ приписываете, я почелъ бы себя счастливымъ, единственно потому что вы находите меня человѣкомъ годнымъ на что-нибудь. Но это болѣе не удивляетъ меня, съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что вы оживляете мертвыхъ, продолжаете жизнь живыхъ, или, въ гнѣвъ своемъ, поражаете смертью злодѣевъ. Взаключеніе увѣряю васъ, что я навсегда вашъ

«Микель-Анджело Буонароти, въ Римѣ.»

Флорентинцы начали собирать сумму на построеніе церкви Святаго Іоанна, но тутъ возникли нѣкоторыя затрудненія, и дѣло пошло въ-проводочку. Между-тѣмъ я съ Амманато занимался въ Каррарѣ добываніемъ мрамору, котораго большая часть отправлялась въ Римъ. Съ однимъ изъ транспортровъ долженъ былъ ѣхать и Амманато. Я послалъ съ

нимъ письмо къ Микель-Анджелу, въ которомъ просилъ художника окончательно переговорить съ папой о мѣстѣ для памятниковъ и, тотчасъ послѣ рѣшенія, заложить фундаментъ. Буонароти отвѣчалъ мнѣ слѣдующее :

«Любезный другъ, мессеръ Джорджо, какъ скоро Бартоломео прѣвхалъ сюда, я отправился къ папѣ и узналъ, что онъ ужъ опять переменилъ свои мысли и хочетъ поставить гробницы въ Монторіо. Поэтому я сталъ хлопотать только о каменщикѣ для церкви Святаго Петра. Tante Cose издумалъ рекомендовать мнѣ своего. Чтобы не раздражать человека, который повелѣваетъ вѣтрами, я поспѣшилъ ретироваться: боялся, по легкомысленности, попасть въ просакъ. Довольно, что теперь нечего больше думать о церкви Святаго Іоанна. Будьте здоровы и возвращайтесь скорѣе сюда. Тридцатаго октября, 1550».

Подъ прозвищемъ Tante Cose Микель-Анджело разумѣлъ епископа форлійскаго, который совался судить и рѣдить обо всемъ. Въ званіи папскаго камерарія, онъ завѣдывалъ медалями, камелями, бронзами, картинами, рисунками, и требовалъ, чтобы все отъ него зависѣло. Микель-Анджело бѣгалъ отъ этого человека какъ отъ чумы, и всегда боялся, какъ говорить въ этомъ письмѣ, попасть съ нимъ въ просакъ.

Въ концѣ 1550 года, когда я возвратился въ Римъ, шайка Антонія да-Санъ-Галло опять возобновила свое гоненіе на Микель-Анджела, и убѣдила Юлія III созвать въ церкви Святаго Петра совѣтъ, на которомъ администраторы этого храма должны были, какъ дважды два четыре, доказать папѣ, что Буонароти испортилъ все зданіе. Обвиненія состояли въ томъ, что Микель-Анджело велѣлъ пробить въ трехъ капеллахъ только по одному окошку. Хулители не догадывались, что хотѣлъ сдѣлать онъ въ самомъ сводѣ, и увѣрили стараго кардинала Сальвиати и Марчелло Корвино, бывшаго послѣ папою, будто во внутренности храма будетъ очень темно. Когда собраніе было открыто, Юлія III объявили художнику, въ чемъ его обвиняютъ.

«Мнѣ хотѣлось бы самому видѣть и выслушать обвинителей,» сказалъ Микель-Анджело.—Мы здѣсь, отвѣчалъ кар-

дизайн Марчелло.—«Такъ не угодно ли вамъ знать, монсеньоръ, что надъ этими тремя окнами будутъ еще три окна въ сводъ», продолжалъ Буонаротти.—Вы объ этомъ ничего мнѣ не говорили, замѣтилъ кардиналъ.—«Да я и не считаю за нужное докладывать вамъ обо всемъ, что я хочу или долженъ дѣлать, возразилъ художникъ. Ваша обязанность — доставлять деньги и удалять злонамѣренныхъ людей; а что касается до строенія, это ужъ мое дѣло.» И потомъ обращаясь къ папѣ, Микель-Анджело прибавилъ: «Вашему святѣйшеству не безъизвѣстно, изъ какихъ выгодъ я работаю. Если всѣ эти труды не принесутъ пользы моей душѣ, такъ я по-пустому теряю время.» — Не безпокойся: ты много дѣлешь и для души и для тѣла, отвѣчалъ папа, искренно любившій художника.

Такимъ образомъ Микель-Анджело побѣдоносно вышелъ изъ этой борьбы, и она только лишь увеличила расположеніе къ нему Юлія. Папа приказалъ художнику явиться къ себѣ на другой день вмѣстѣ со мною, и принялъ его очень ласково. Вообще, съ этихъ поръ, онъ оказывалъ особенное благоволеніе къ Буонаротти. Такъ однажды, находясь у фонтана *Acqua-Vergine*, его святѣйшество принудилъ художника сѣсть подлѣ себя, между-тѣмъ какъ двѣнадцать кардиналовъ должны были стоять. Они долго разговаривали. Юлій просилъ Микель-Анджела сдѣлать модель фасада для дворца, который хотѣлъ онъ построить возлѣ церкви *Sau-Rosso*. При дѣланіи этой модели, Буонаротти не сообразовался ни съ древнимъ ни съ новымъ стилемъ, и явилъ непостижимую влодовитость въ изобрѣтеніи. Эта оригинальная модель принадлежала послѣ герцогу Козмъ, которому подарилъ ее папа Пій IV.

Юлій III не только покровительствовалъ Буонаротти противъ кардиналовъ и прочихъ враговъ его, но еще требовалъ, чтобы всѣ, самыя опытныя, художники безпрекословно повиновались совѣтамъ Микель-Анджела. Впослѣдствіи вниманіе Юлія къ великому мастеру увеличилось до такой степени, что онъ не хотѣлъ обременять его по-пустыкамъ ни какими, даже довольно легкими работами, изъ опасенія разстроить здоровье старца.

Еще при Павль III, Микель-Анджело началъ поправлять въ Римъ мостъ Santa-Maria, который уже разваливался. Въ царствованіе Юлія III, придворные его святѣйшества начали совѣщаться о средствахъ привести къ окончанію эти работы. Нанни ди-Баччьо-Биджіо увѣрялъ, что онъ какъ нельзя лучше обработаетъ дѣло въ самое короткое время и безъ важныхъ издержекъ. Папу извѣстили, что Микель-Анджело, по старости, не обращалъ должнаго вниманія на это предпріятіе, и Юлій III уполномочилъ своихъ повѣренныхъ предоставить поправку моста другому архитектору, кого они признаютъ способнымъ. Повѣренные, не сказавъ ни слова Буонароти, выбрали Нанни, и отдали мостъ въ полное его распоряженіе. Вся передѣлка этого архитектора ограничилась тѣмъ, что онъ покрылъ мостъ разными орнаментами и придалъ ему видъ новой постройки. Но черезъ пять лѣтъ, въ 1557 году, наводненіе разрушило произведеніе Нанни, и тогда поздно раскаялись, что не послѣдовали совѣтамъ Микель-Анджело, который не разъ предсказывалъ это несчастіе.

Здѣсь я долженъ податься на нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ 1554 году герцогъ Козма вызвалъ меня во Флоренцію. Отвѣздъ мой былъ очень непріятенъ Микель-Анджелу, котораго тогда неутомимо преслѣдовали враги. Мы съ нимъ вели исправную переписку. Въ апрѣль того же года я извѣстилъ Микеля, что у племянника его Ліонарда, родился сынъ, и что при крещеніи этого младенца, которому суждено было продолжать фамилію Буонароти, присутствовали многія знатныя дамы. Микель-Анджело отвѣчалъ мнѣ :

«Любезный другъ Джорджо, письмо ваше читалъ я съ особеннымъ удовольствіемъ, видя, что вы не забываете бѣднаго старика. Такъ вы были на крестинахъ новорожденнаго Буонароти? Очень вамъ благодаренъ за подробное описаніе этого праздника, но признаюсь, мнѣ не нравится его пышность: зачѣмъ веселиться, когда всѣ плачутъ? Ліонарду не слѣдовало бы такъ радоваться при рожденіи младенца, и онъ поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, если бы поберегъ эту веселость на случай смерти того, кто хорошо жилъ. Не удивляйтесь, что я замедлилъ отвѣтомъ на пись-

не ваше : не хочу быть похожимъ на лавочника. Кстати скажу вамъ, что если я заслуживаю хоть одной похвалы изъ тѣхъ, какими вы осыпали меня въ последнемъ письмѣ, то я долженъ посвятить вамъ всего себя, душою и тѣломъ, и то уплачу вамъ развѣ самую малую часть своего долга. Съ каждой минутой узнаю я, что дѣлаюсь вашимъ несостоятельнымъ должникомъ. Старость не позволяетъ мнѣ расквитаться съ вами въ этой жизни : подождите ужъ до будущей. Нового здѣсь нѣтъ ничего.»

При Павль III, герцогъ Козма прислалъ въ Римъ Триболо, чтобъ уговорить Буонароти возвратиться во Флоренцію для окончанія лаврентіевской ризницы. Микель-Анджело отвѣчалъ, что старость и слабое здоровье не позволяютъ ему выѣхать изъ Рима. Триболо хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ собрать свѣдѣнія о лѣстницѣ, для которой Буонароти некогда велѣлъ обтесать множество камней ; но модель лѣстницы была потеряна, и художникъ, несмотря на всѣ просьбы Триболо, умолявшаго его именемъ герцога рассказать планъ этой постройки, всегда отвѣчалъ, что ничего не помнитъ. Наконецъ герцогъ Козма обратился ко мнѣ, полагая, что Буонароти, по дружбѣ со мною, не откажется отъ некоторыхъ объясненій. Я написалъ къ Микель-Анджелу, что выполненіе этой работы возложено на меня, и что я вѣдуюсь окончить ее со всѣмъ стараніемъ и добросовѣстностію. Вотъ его отвѣтъ отъ двадцать-осьмага сентября 1555 :

«Любезный другъ, мессеръ Джоржьо, будьте увѣрены, я не заставилъ бы такъ долго себя просить, если бы въ самомъ дѣлѣ могъ что-нибудь припомнить о лѣстницѣ лаврентіевской библіотеки. Мнѣ мерещится, словно во снѣ, какая-то лѣстница, но я не увѣренъ, чтобы этотъ глупый призракъ былъ именно та лѣстница, которою я некогда занимался. Помнится, я хотѣлъ взять нѣсколько овальныхъ коробковъ высотой въ палецъ, но различной ширины и длины ; самый большой коробокъ я думалъ положить непосредственно на поможсть въ такомъ разстояніи отъ двери, въ какомъ было нужно по соразмѣрности съ предполагаемой крутизной или отлогостью лѣстницы ; на него я ставилъ другой коробокъ

по-меньше, потомъ третій еще меньше, четвертый еще меньше, и такъ далѣе, постепенно восходя вверхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ удаляясь отъ двери. Последняя ступенька должна была быть одинаковой величины съ дверью, и здѣсь предполагалось сдѣлать какъ-бы два крыла, по одному на каждой сторонѣ лѣстницы. Эти крылья, отъ середины до помосту, должны были вмѣстѣ съ лѣстницей удаляться отъ стѣны на три пальмы, такъ, чтобы самое основаніе не было ничѣмъ занято, а оставалось открытымъ со всѣхъ сторонъ. Я чувствую, что пишу къ вамъ глупо и безтолково; но вы сами придумаете что надобно дѣлать.»

Почти въ это же время Микель-Анджело увѣдомилъ меня о кончинѣ Юлія III, и жаловался, что, съ восшествіемъ на папскій престолъ кардинала Марчелло, шайка Антоніа дэ-Санъ-Галло опять начинаетъ его преслѣдовать. Герцогъ Козма опечаленный этимъ извѣстіемъ, поручилъ мнѣ написать къ Буонароти, что ему всего лучше пріѣхать во Флоренцію; что его свѣтлость готовъ предоставить знаменитому художнику всѣ возможныя выгоды, не требуя для себя ничего кромѣ совѣтовъ. Герцогъ даже собственноручно писалъ объ этомъ къ Микель-Анджелу; но между-тѣмъ новый папа умеръ, а преемникъ его, Павелъ IV, сдѣлалъ художнику самыя блистательныя предложенія и просилъ его окончить храмъ Святаго Петра. Поэтому Буонароти счелъ долгомъ остаться въ Римъ, и извинялся передъ герцогомъ, что не могъ выполнить его желанія. Вотъ что онъ писалъ ко мнѣ въ это время:

«Любезный другъ, мессеръ Джорджо, свидѣтельствуюсь Богомъ, что я совершенно противъ воли, десять лѣтъ тому назадъ, по требованію Павла III, принялъ на себя сооруженіе храма Святаго Петра. Конечно, если бы работы шли такъ успѣшно какъ онъ были начаты при этомъ папѣ, то я ужъ могъ бы теперь отправиться во Флоренцію, чего очень желаю. Но отъ недостатку въ деньгахъ дѣло затянудось какъ нарочно въ такое время, когда мы дошли до самыхъ важныхъ и трудныхъ частей зданія. Вѣчный стыдъ покрываетъ меня, ежели я брошу работу; а притомъ и грѣшно было бы погубить плодъ десяти-лѣтнихъ трудовъ, предпри-

нѣтъкъ единственно изъ любви къ Богу. Вдоху въ эти подробности дѣятого, чтобы отвѣчать на письма ваше и герцога, который обходится со мною такъ благосклонно. Приношу благодареніе Богу и его свѣтлости. Но я удался отъ своего предмета : память стала очень плоха и писать сдѣлалось до крайности трудно, тѣмъ болѣе что это не мое ремесло. Взаключеніе намѣкну вамъ только, какія могутъ выйти послѣдствія, если я теперь оставлю сооруженіе храма : бездѣльники восторжествуютъ, а великій памятникъ, можетъ-статься, никогда не будетъ оконченъ.»

Микель-Анджело продолжалъ со мной переносываться и всегда повторялъ, что у него только одно желаніе— умереть спокойно. Онъ не могъ уѣхать изъ Рима, потому что тамъ находилось его имѣніе, стоившее нѣсколько тысячъ скудовъ; сверхъ-того онъ страдалъ каменною болѣзью и слабостью, спутницей старости. Онъ просилъ меня навизитъ его передъ герцогомъ, и увѣрить его свѣтлость, что если бы была хоть малѣйшая возможность, то онъ непременно пріѣхалъ бы во Флоренцію. Буонароти очень любилъ Козму, и я полагаю, что если бы онъ пріѣхалъ, то остался бы тамъ навсегда.

Мало-по-малу работы въ церкви Святаго Петра доведены были до такой точки, что не требовалось больше никакихъ измѣненій. Въ это время извѣстили Буонароти, что Павелъ IV хочетъ заставить его сдѣлать нѣкоторыя поправки въ картинѣ Страшный Судъ, гдѣ было много нагихъ фигуръ, оскорблявшихъ приличіе. «Скажите папѣ, чтобы онъ не беспокоился объ этой бездѣлицѣ, а потрудился бы лучше исправить людей; отвѣчалъ художникъ : это не такъ-то легко, какъ поправлять живопись.»

Въ томъ же 1556 году Микель-Анджело лишился вѣрнаго слуги своего Урбино, котораго онъ взялъ къ себѣ еще въ 1530 году, послѣ флорентинской осады, когда любимый ученикъ его Антоніо Мини уѣхалъ во Францію. Урбино безотлучно жилъ при Буонароти двадцать шесть лѣтъ. Микель-Анджело щедро награждалъ этого ученика и любилъ его такъ, что, во время болѣзни, днемъ и ночью сидѣлъ у его постели. Тотчасъ послѣ смерти Урбино, я писалъ къ знаме-

никому художнику и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ :

«Любезный другъ, мессеръ Джорджо, знаю, что я напишу дурно, но все же мнѣ надо сказать что-нибудь въ отвѣтъ на ваше письмо. Смерть Урбино есть для меня величайшее благодѣяніе Божіе, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предметъ самой глубокой печали. Говорю — благодѣяніе, потому что Урбино научилъ меня не только умереть безъ страха, но даже желать смерти. Онъ жилъ со мной двадцать шесть лѣтъ, и всегда велъ себя безукоризненно, какъ самый вѣрный и исправный слуга. Я обогатилъ его, считалъ подпорою своей старости, и вотъ мы разстались съ нимъ до свиданія на томъ свѣтѣ. Образъ его смерти служить залогомъ его вѣчнаго блаженства. Урбино не сожалѣлъ о жизни, а горевалъ только о томъ, что оставляетъ меня, дряхлаго и обремененнаго разными недугами старика, на распутіяхъ нашего гордаго и лукаваго міра. Теперь однѣ бѣды и напасти остались мнѣ въ этой юдоли плача : большая и лучшая часть меня самогo послѣдовала за другомъ. Не забывайте меня.»

Кромъ церкви Святаго Петра, Микель-Анджело, при Павлѣ IV, трудился надъ укрѣпленіями Рима, вмѣстѣ съ Салюстіемъ Перуцци, который строилъ главный входъ въ крѣпость Святаго Ангела. Сверхъ-того, ему было поручено распредѣлять по-мѣстамъ статуй этого зданія, и поправлять модели ваятелей. Когда французское войско подступило къ стѣнамъ Рима, онъ тайно удалился въ сполетскія горы, и прожилъ нѣсколько времени съ новымъ своимъ помощникомъ, Антоніемъ Францезе де-Кастель-Дуранте, котораго умирая рекомендовалъ ему Урбино. Въ это время я послалъ къ Микель-Анджелу экземпляръ одной книги флорентинскаго гражданина Карла Ленцони, которую тогда издавалъ Козимо Бартоли. Микель-Анджело отвѣчалъ :

«Любезный другъ, мессеръ Джорджо, я получилъ присланную вами маленькую книжку мессеръ Козима, и спѣшу благодарить васъ за такое ко мнѣ вниманіе. На этихъ дняхъ, съ большимъ трудомъ и издержками, но также и съ величайшимъ удовольствіемъ, посѣтилъ я пустыни въ сполетскихъ горахъ. Воротившись въ Римъ, я принесъ только

половину себя, потому что свобода, миръ, счастье, существуютъ только въ уединеніи. На этотъ разъ мнѣ нечего болѣе писать къ вамъ. Очень радъ, что вы здоровы и довольны. Не забывайте меня. Осемнадцатаго сентября, 1556.»

Микель-Анджело, для собственнаго удовольствія, посвящалъ нѣсколько часовъ каждый день той группѣ изъ четырехъ фигуръ, о которой мы говорили выше. Но мраморъ былъ очень дуренъ, и художникъ наконецъ, потерявъ терпѣніе, разбилъ эту группу. Впрочемъ Микель-Анджело никогда не бывалъ доволенъ своими произведеніями, и въ этомъ-то должно искать настоящей причины несчастія, что онъ, въ своемъ зрѣломъ возрастѣ, окончилъ очень немного статуй: лучшія и совсѣмъ отдѣланныя статуи, напримѣръ группа Богоматери и умирающаго Христа, Давидъ флорентинскій, и Бахусъ, относятся къ его юности. Онъ совершенно окончены, и представляютъ такіе образчики искусства, въ которыхъ нельзя перемѣнить ничего безъ вреда цѣлому. Но другія статуи Микель-Анджело, напримѣръ Ночь, Утренняя Заря, Юліанъ и Лоренцо Медичи, Моисей, Рахиль, Лія, и прочая, остались неконченными. Буонароти говаривалъ, что если бы было можно отдавать свои произведенія публикѣ только тогда, когда самъ будешь ими доволенъ, то отъ него не дождались бы ни одной статуи. При малѣйшемъ несовершенствѣ въ начатой работѣ, онъ бросалъ ее и принимался за другую. Въ это время съ нимъ сблизился флорентинскій ваятель, Тиберіо Кальканьи, рекомендованный ему Франческомъ Бандини и Донатомъ Джанноти. Однажды Тиберіо спросилъ у Микель-Анджело, что заставило его разбить свою прелестную группу. Буонароти отвѣчалъ, что во всемъ виноватъ Урбино, который безпрестанно понуждалъ его окончить эту работу, отчего онъ однажды второпяхъ откололъ кусокъ мрамору отъ локтя Мадонны. Микель-Анджело прибавилъ, что съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ свое произведеніе, и ужъ давно бы разбилъ его на мелкія части, если бы Антонио, новый его слуга, не выпросилъ себя этой группы. Тиберіо, желавшій имѣть что-нибудь изъ работъ Микель-Анджело, просилъ Франческа Бандини достать ему этотъ обломокъ. Бандини досталъ, съ условіемъ, чтобы

Тиберию заплатилъ за него Антонию двести скудовъ золотомъ. Буонароти съ своей стороны позволилъ поправить группу по своимъ моделямъ, и Тиберию принялся-было за работу, но вскорѣ умеръ, и группа осталась по-прежнему неконченною.

Когда архитекторъ Пирро Лигоріо вступилъ въ службу къ Павлу IV, Микель-Анджело снова подвергся преслѣдованіямъ завистниковъ, которые начали утверждать, что онъ на-старости выжилъ изъ ума и сдѣлался настоящимъ ребенкомъ. Въ негодованіи на эту низость, Буонароти хотѣлъ-было ѣхать во Флоренцію; но старческія болѣзни опять удержали его въ Римѣ: ему былъ тогда осемьдесятъ первый годъ. Съ этихъ поръ онъ, въ отвѣтахъ на мои письма, всегда присылалъ советы, и я получилъ ихъ премножество. Нельзя было не замѣтить, что мысль о смерти глубоко враздалась въ душу Буонароти. Вотъ одно изъ его тогдашнихъ писемъ:

«Дай Богъ, Вазари, чтобы я прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Вѣрно, вы меня осуждаете, что я затѣялъ на старости сочинять советы; но я занимаюсь такимъ ребячествомъ потому единственно, что многіе утверждаютъ, будто я сталъ ребенкомъ. Вижу по письму вашему, какъ вы меня любите. Будьте увѣрены, что я и самъ, вмѣстѣ съ вами, желаю, чтобы кости мои покоились возлѣ праха отцовъ моихъ; но вы знаете, что отъѣздъ мой изъ Рима остановитъ сооруженіе церкви Святаго Петра, а это было бы непростительно. Подождемъ, пока зданіе дойдетъ до того, что въ немъ нельзя будетъ дѣлать ни какихъ переменъ: тогда, авось, я удовлетворю вашему желанію, тѣмъ болѣе, что, можетъ-быть, и грѣшно такъ долго томить негодаевъ, которые съ нетерпѣніемъ дожидаются моего отъѣзду.»

Вмѣстѣ съ охотою къ стихотворству, Микель-Анджело, утомленный преслѣдованіями завистниковъ, сдѣлался очень набожнымъ и уже мало заботился объ искусствѣ. Отвѣчая на письмо, приведенное выше, я, по порученію герцога Козмы, снова звалъ его на родину. Буонароти всегда былъ готовъ ѣхать, но старость такъ одолевала его, что онъ не имѣлъ силы пуститься въ дорогу.

Между-тѣмъ работы въ церкви Святаго Петра шли очень медленно. Микель-Анджело построилъ большую часть фриза и двойныя колонны, окружающія энтаблементъ, на которомъ долженъ былъ лежать куполь, но тутъ встрѣтились остановки и затрудненія. Друзья художника, кардиналъ де-Карри, Донато Джавноти, Франческо Бандини, Томмазо де Каваліери, Лоттино, уговаривали его сдѣлать модель того, что еще оставалось построить. Микель-Анджело долго не могъ рѣшиться, наконецъ самъ начертилъ планы и профили зданія, и сдѣлалъ маленькую глиняную модель, по которой Джованни Францезе построилъ большую модель изъ дерева, употребивъ на эту работу около году. Микель-Анджело лично наблюдалъ за постройкою. Въ этой модели, всѣ части зданія, колонны, базисы, капители, двери, окна, карнизы, уступы, словомъ, всѣ малѣйшія подробности, представлены съ удивительною точностію и соразмѣрно съ натурой. Она заслужила всеобщее одобреніе. Окончивъ ее, Буонароти занимался производствомъ работъ при церкви до самой смерти Павла IV. Преемникъ этого папы, Пій IV, осыпалъ его своими милостями, подтвердилъ указъ Павла III, приказалъ выдать часть пенсіи; отнятую у него Павломъ IV, и надѣлалъ ему множество порученій, а особенно заставлялъ трудиться надъ храмомъ Петра. Кроме-того, Пій IV заказалъ Микель-Анджелу рисунокъ для памятника своему брату, маркизу Мариньяно, назначеннаго въ миланскій соборъ, и поручилъ вышолнить этотъ рисунокъ другу Буонароти, опытному ваятелю, кавалеру Ліону Ліони д'Аречцо.

Въ это время кавалеръ Ліони вырѣзалъ медаль, на которой съ одной стороны былъ представленъ портретъ Микель-Анджела, а съ другой слѣпецъ, ведомый собакою, и подъ нимъ надпись: *Dosebo iniquos vias tuas, et impiii ad te convertentur*, *Укажу неправымъ твой путь, и нечестивые къ тебѣ обратятся.* Знаменитому художнику очень понравилась эта медаль, и, въ благодарность, онъ подарилъ Ліони нѣсколько рисунковъ своей работы и восковую модель Геркулеса, умерщвляющаго Антея. Есть только четыре портрета Микель-Анджела: одинъ работы живописца Бужардино, другой Джакомо дель-Конте; третій портретъ —

бронзовый бюстъ слѣпанный Даніеллою Риччарелли, а четвертый — медаль кавалера Ліона, о которой мы сейчасъ говорили.

Въ тотъ же годъ Іоаннъ Медичи, сынъ герцога Козмы, отправился въ Римъ для полученія кардинальской шапки изъ рукъ Пія IV. Въмѣстѣ съ Іоанномъ поѣхалъ и я, взявъ съ собою, по его приказанію, деревянную модель герцогскаго дворца во Флоренціи и рисунки апартаментовъ, которые только-что были мною отдѣланы. Микель-Анджело очень хотѣлось имѣть понятіе объ этихъ работахъ. Въ одной части дворца я написалъ «Исторію неба» и басни о Сатурнѣ, Аписѣ, Церерѣ, Юпитерѣ, Геркулесѣ. По именамъ этихъ божествъ назывались и залы въ этой половинѣ дворца; прочія же комнаты были названы по именамъ знаменитыхъ людей изъ фамиліи Медичи, какъ напримѣръ, Козмы старшаго, Лоренца, Леона X, Климента VII, синьора Іоанна, герцога Александра, герцога Козмы, которыхъ портреты были писаны всѣ съ натуры. Я читалъ Микель-Анджело разговоръ, сочиненный мною для объясненія этихъ композицій, и художникъ слушалъ меня съ удовольствіемъ.

Спустя нѣсколько времени пріѣхалъ въ Римъ и самъ герцогъ Козма съ супругой. Микель-Анджело тотчасъ явился къ своему высокому покровителю. Герцогъ принималъ его очень благосклонно и, посадивъ возлѣ себя, совѣтовался о разныхъ своихъ предпріятіяхъ, а также о картинахъ и статуяхъ, заказанныхъ его свѣтлостью во Флоренціи. Буонароти жалѣлъ отъ души, что не могъ быть полезнымъ ему на самомъ дѣлѣ. Въ разговорѣ, герцогъ между-прочимъ сказалъ, что онъ нашелъ средство дѣлать разныя вещи изъ порфиру, и какъ Микель-Анджело не хотѣлъ вѣрить этому, то Козма подарилъ ему порфировую головку работы ваятеля Франческа дель-Тадда. Сынъ герцога, Франческо Медичи, также съ большимъ уваженіемъ обходился съ Буонароти, и всегда говорилъ съ нимъ не иначе какъ съ открытою головою. Микель-Анджело очень досадовалъ, что дурное здоровье не позволяетъ ему сдѣлать что-нибудь для Франческа, и хотѣлъ купить нѣсколько прекрасныхъ антиковъ, чтобъ отослать ихъ къ нему во Флоренцію.

Около этого жъ времени Пій IV заказалъ Микель-Анджело рисунокъ для воротъ своего имени. Буонароти, вмѣсто одного, представилъ ему три рисунка. Папа выбралъ тотъ, котораго исполненіе было дешевле. Онъ располагалъ нововъсть весь римскія ворота, и Микель-Анджело приготовилъ множество моделей по этому случаю.

Пій IV вздумалъ превратить Діоклеціановы Бани въ новую церковь Святой Маріи degli Angioli. Многіе архитекторы представили планы, но Микель-Анджело одержалъ верхъ надъ всѣми: его проектъ изумилъ папу, прелатовъ и всѣхъ придворныхъ. Буонароти придумалъ, не разрушая каменныхъ стѣнъ древняго зданія, соорудить изъ нихъ величественную церковь, чего не пришло въ голову ни одному архитектору.

Флорентинцы давно помышляли серьезно приняться за работы въ церкви Святаго Іоанна на Strada Giulia. Члены богатѣйшихъ фамилій вызвались содѣйствовать своимъ капиталомъ къ окончанію этого храма. Значительная сумма была уже собрана: оставалось только рѣшить вопросъ, можно ли слѣдовать прежнему плану или сочинить новый. Выбравъ последнее, Флорентинцы назначили трехъ администраторовъ, Франческа Бандини, Уберта Убальдини и Томмазо де'Барди, которые съ своей стороны обратились къ Микель-Анджело и просили его составить планъ, говоря, что Флоренціи было бы стыдно не достроить церкви, на которую ужъ потрачено такъ много денегъ, а между-тѣмъ она точно останется недостроенною, если маститый художникъ не возьметъ на себя управлять предпріятіемъ. Микель-Анджело обѣщалъ сдѣлать что будетъ въ силахъ: онъ всегда любилъ свою родину и подѣ-старость охотно занимался священными зданіями, какъ равно и всѣмъ относящимся къ религіи. При Буонароти былъ тогда флорентинскій ваятель Тиберіо Кальканьи, пылкій молодой человекъ, посвятившій себя изученію архитектуры, тотъ самый, которому Микель-Анджело позволилъ окончить свою разбитую группу Богоматери и мраморный бюстъ Брута, начатый по просьбѣ мессеръ Доната Джаннотти для кардинала Рядольфи. Во время переговоровъ о флорентинской цер-

кви Святаго Иоанна, Буонароти заставлялъ его чертить архитектурные рисунки, которыхъ самъ, по старости, не могъ дѣлать съ надлежащей отчетливостью. Онъ послалъ Тиберію во Флоренцію снять планъ съ церкви, и потомъ, при его помощи, сдѣлалъ пять разныхъ моделей, предоставивъ самимъ Флорентинцамъ выбрать изъ нихъ одну, которая будетъ имъ больше по вкусу или по деньгамъ. Изумленные Флорентинцы просили-было, чтобы онъ самъ сдѣлалъ выборъ, но Микель-Анджело рѣшительно отказался, и они единодушно выбрали самую богатѣйшую. Тогда Буонароти сказалъ, что ежели имъ удастся построить такую церковь, то Флоренція будетъ имѣть храмъ, какого не было ни у Грековъ ни у Римлянъ. Флорентинцы поручили главное управленіе постройкою Микель-Анджелу, а самую постройку Тиберію. Молодой человекъ немедленно принялся отдѣлывать на-чисто планъ. Микель-Анджело наблюдалъ въ особенности за профилями, и велѣлъ ему вылѣпить глиняную модель, величиной въ осемь палмъ. Тиберію кончилъ ее въ десять дней, и Флорентинцамъ такъ понравилось это произведеніе, что они тотчасъ заказали Тиберію еще модель деревянную. Наконецъ приступили къ постройкѣ, но скоро опять оказался недостатокъ въ деньгахъ, и работа остановилась къ величайшему неудовольствію художника. Буонароти поручилъ Тиберію достроить капеллу при церкви Святой Маріи Maggiore, начатую кардиналомъ Санта-Фіоре; но, къ несчастію, и это не было выполнено за смертию обѣихъ художниковъ и кардинала.

Семнадцать лѣтъ Микель-Анджело завѣдывалъ работами при церкви Святаго Петра. Завистники неутомимо старались оттереть его отъ этого мѣста, и видя неудачу въ своихъ усиліяхъ, вздумали непрерывными оскорбленіями довести художника до того, чтобы онъ возненавидѣлъ свои занятія. По смерти главнаго надзирателя за работами Чезаре де-Кастель-Дуранте, Микель-Анджело назначилъ временно на его мѣсто Лунджи Гаэта; но комиссары, дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ Нанни ди-Баччьо-Биджіо, отставили этого способнаго молодого человека. Буонароти разсердился и хотѣлъ отказаться отъ всякаго участія въ строеніи. Клеветники тотчасъ воспользовались этимъ: начали раз-

глашать, что онъ проситъ отставки, что надобно замѣнить его другимъ архитекторомъ. Епископъ Ферратино первый повѣрилъ слухамъ, и въ свою очередь убѣдилъ кардинала де-Карпи, будто Микель-Анджело въ самомъ дѣлѣ не хочетъ болѣе заниматься церковью. Выведенный изъ терпѣнія, Буонаротти послалъ къ Ферратину Даниелла Риччарелли-де-Волтерре, и тотъ объяснилъ епископу нелѣпость всѣхъ этихъ сплетней. Ферратино повѣрилъ, но, съ своей стороны, изъявилъ неудовольствіе, что Буонаротти не уведомилъ его о своихъ намѣреніяхъ, и прибавилъ къ этому, что во всякомъ случаѣ не бесполезно будетъ назначить ему преемника, напримѣръ Даниелла, котораго Буонаротти, конечно, съ удовольствіемъ согласится принять. Потомъ епископъ созвалъ комиссаровъ и, отъ имени Буонаротти, объявилъ имъ, что преемникъ ужъ выбранъ, но, вмѣсто Риччарелли, назвалъ любимца своего Нанни ди-Баччьо-Биджіо. Нанни тотчасъ вступилъ въ должность и началъ съ того, что принялся строить возлѣ папскихъ конюшенъ деревянный мостъ, назначенный для перевозки матеріаловъ, но вовсе къ тому негодный и, слѣдственно, бесполезный. Разгнѣванный всѣмъ этимъ Буонаротти кинулся къ папѣ. «Ваше святѣйшество, сказалъ онъ ему: комиссары назначили мнѣ Богъ знаетъ какого-то преемника. Ежели я здѣсь не нуженъ, такъ лучше мнѣ ѣхать во Флоренцію и тамъ спокойно дожить свой вѣкъ посреди семейства, подъ покровительствомъ великаго герцога, который давно приглашаетъ меня къ себѣ. Надѣюсь, что ваше святѣйшество позволите мнѣ удалиться.» Папа, успокоивъ художника, приказалъ ему явиться къ себѣ въ Арачелли. Между-тѣмъ комиссарамъ вѣрно было дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Они утверждали, будто-бы храмъ разваливается отъ непростительныхъ ошибокъ, которыя надѣлалъ Микель-Анджело. Папа назначилъ Габрію Сарчибеллоне изслѣдовать этотъ доносъ. Габрію ясно увидѣлъ, что всѣ обвиненія сущая клевета и выдумки, и вслѣдствіе того Нанни былъ съ безчасіемъ отставленъ и изгнанъ.

Такимъ образомъ Микель-Анджело торжествовалъ надъ всеми просками завистниковъ, которые заграждали ему дорогу. Провидѣніе, покровительствовавшее Буонаротти,

при жизни, хотѣло, казалось, и послѣ смерти его сохранить во всей чистотѣ произведеніе знаменитаго художника : ПИИ IV не вѣлѣлъ дѣлать ни какихъ перемѣнъ въ его планѣ, а ПИИ V именно приказалъ, чтобы во всемъ слѣдовали увѣщаніямъ Буонаротти. Пирро Лагорію, при малѣйшемъ покушеніи сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ, былъ тотчасъ же отставленъ отъ должности. Въ 1566 году, мнѣ возложилъ на меня смотрѣть, чтобы злонамѣренныя люди не препятствовали точному исполненію плановъ Микель-Анджело, и епископъ Ферратино, начальникъ строителей, получилъ отъ его святѣйшества приказъ выполнять все мои предписанія.

За годъ до смерти Буонаротти, которую было не трудно предвидѣть, герцогъ Козма Медичи, по совѣту моему, тайно вступилъ въ сношеніе съ папой о томъ, чтобы сдѣлана была опись имѣнію художника, его рисункамъ, картонамъ, моделямъ, планамъ и деньгамъ. Это было единственнымъ средствомъ спасти все, что касалось до строенія церкви Святаго Петра и сооруженія ризницы, библіотеки и фасада церкви Святаго Лаврентія : безъ такой ищры, многое могло бы навсегда погибнуть.

Племянникъ Микель-Анджело, Ліонардо Буонаротти, какъ будто предчувствуя скорую смерть своего знаменитаго дяди, собирався прѣхать въ Римъ въ началѣ великаго поста. Художникъ, мучимый медленной лихорадкой, писалъ къ нему, чтобы онъ спѣшилъ съ нимъ увидѣться. Между-тѣмъ болѣзнь его быстро усиливалась, несмотря на все попеченія врача Федерико Донати. Въ присутствіи Федерико и нѣкоторыхъ другихъ особъ, Микель-Анджело продиктовалъ свое завѣщаніе. Оно состояло изъ слѣдующихъ немногихъ словъ : «Вавыщаваю душу мою Богу, тѣло земль, имѣніе ближайшимъ родственникамъ.» Буонаротти умеръ семнадцатаго февраля, 1563 года, въ двадцать третьемъ часу : онъ жилъ осемьдесятъ осемь лѣтъ одиннадцать мѣсяцовъ и пятнадцать дней.

Микель-Анджело всего себя посвятилъ искусствамъ. Природа создала его живописцемъ. Онъ до страсти любилъ анатомію и основательно изучилъ формы мускуловъ и жилъ,

хъ отношенія къ костямъ и назначеніе въ человѣческомъ тѣлѣ при образованіи разныхъ движеній. Сверхъ-того онъ изучалъ и организацію различныхъ животныхъ, особенно лошадей. Онъ проповѣдывалъ, что человекъ, исключительно занимающійся одною частью искусства, такъ же далеко отъ совершенства, какъ тотъ, кто хватается вдругъ за все. Живописецъ, ваятель и архитекторъ, далеко опередившій всѣхъ древнихъ художниковъ, онъ съ величайшею легкостью выполнялъ самыя трудныя вещи.

Современники умѣли цѣнить заслуги великаго художника. Юлій II, Леонъ X, Климентъ VII, Павелъ III, Юлій III, Павелъ IV и Пій IV всегда хотѣли имѣть его при себѣ. Султанъ Солиманъ, Францискъ I, Карлъ V, венеціанскіе вельможи, и герцогъ тосканскій Козма Медичи, предлагали ему огромныя суммы. Всѣ благоговѣли передъ его гениемъ.

Микель-Анджело былъ одаренъ необычайно пылкимъ воображеніемъ, и часто рука его не могла выразить тѣхъ великихъ и страшныхъ мыслей, которыя рождались въ его головѣ. Поэтому-то послѣ Микель-Анджело осталось столько неоконченныхъ произведеній; поэтому же онъ, не задолго передъ смертю, сжегъ множество рисунковъ, эскизовъ и картоновъ: потеря важная, отнимающая у насъ возможность видѣть дорогу, по которой онъ достигалъ совершенства. Впрочемъ у меня уцѣлѣли нѣкоторые изъ его пробныхъ рисунковъ. Они показываютъ, что великій мастеръ по десяти и двѣнадцати разъ чертилъ изнова одну и ту же голову, чтобъ добиться набонецъ до того выраженія, какое онъ хотѣлъ придать ей. «Надобно имѣть компасъ въ глазу, а не въ рукѣ,» было поговоркой Микель-Анджело.

Микель-Анджело любилъ жизнь уединенную, посвященную размышленіямъ. Его напрасно обвиняли въ гордости и мизантропіи: гению нужны покой и досугъ, такъ же какъ твердость и сила воли. Микель-Анджело умѣлъ приобрести и навсегда сохранить дружбу многихъ знатныхъ особъ и важнѣйшихъ ученыхъ своего времени. Кардиналъ Индигитъ Медичи оказывалъ ему особенное уваженіе: узнавъ, что художнику понравилась прекрасная турецкая лошадь,

стоявшая на его конюшнѣ, кардиналъ тотчасъ подарилъ ее Микель-Анджело вмѣстѣ съ конюхою, который за нею ухаживалъ. Кроме этого прелата, въ числѣ друзей Буонароти были кардиналы Поло, Фарнезе, Санта-Кроче, Ридольфи, Маффеи, Бембо, Карпи, Клавдіо, Толомей, и множество другихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, которыхъ долго было бы исчислять. Нельзя однако жъ не упомянуть о его кумѣ, Октавіанѣ Медичи, у котораго Буонароти принималъ отъ купели одного изъ дѣтей, о Биндо Альтовати, которому онъ подарилъ картонъ Ноя, сдѣланный для сикстинской капеллы, о Лоренцо Ридольфи, Аннибалѣ Каро, и Джованнѣ-Франческо Лотини-де-Волтерре. Но болѣе всѣхъ Микель-Анджело уважалъ мессеръ Томмазо де'Каваліери, римскаго дворянина, страстнаго любителя художествъ. Онъ училъ его рисованью и подарилъ ему множество превосходныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ краснымъ и чернымъ карандашомъ, между прочимъ рисунокъ Ганнмеда, похищеннаго Юпитеровымъ орломъ, Паденіе Фазтона, Пляску дѣтей, и Прометей, привязаннаго къ скалѣ, съ коршуномъ, терзающимъ его сердце. Сверхъ-того Буонароти сдѣлалъ въ картонъ портретъ самого Томмазо, единственный портретъ во всю его жизнь, потому что онъ терпѣть не могъ подражать рабски природѣ, ежели она не представляла совершенной красоты. Мессеръ Томмазо удержалъ за собой большую часть картоновъ, которые Микель-Анджело нарисовалъ для фра Себастьяно Венеціанскаго. Вообще послѣ Буонароти осталось довольно много рисунковъ. У кардинала ди-Чези есть рисунокъ, изображающій Благовѣщеніе: кардиналъ Марчелло Мантуанскій написалъ съ него картину, поставленную въ мраморной капеллѣ, которую онъ построилъ въ Римѣ, при церкви della Pace. Марчелло воспользовался также и другимъ рисункомъ Благовѣщенія, принадлежавшимъ герцогу Козмѣ Медичи, которому подарилъ его племянникъ Микель-Анджело, Ліонардо. У герцога Козмы былъ также эскизъ «Христосъ въ вертоградѣ» и множество другихъ эскизовъ и картоновъ Буонароти, не считая группы «Побѣда, раздавливающая змѣя», и четырехъ неконченныхъ статуй, представляющихъ узниковъ. Всѣ эти фигуры могутъ служить урокомъ, какъ должно

приниматься за кусок мрамору, чтобы слѣзать изъ него статую, не испортивъ матеріала. Возьмите какую-нибудь исковую или другую модель, и положите ее въ сосудъ съ водою. Приподнимая эту модель постепенно на гладкую поверхность воды, вы, натурально, увидите сперва самыя выпуклыя части, а впадины явятся вамъ тогда уже, когда модель совсѣмъ будетъ вынута. Такъ должно поступать и въ скульптурѣ: начинайте самыя выпуклыми частями и переходите послѣдовательно къ тѣмъ, которыя менѣе выпуклы.

Микель-Анджело очень любилъ учениковъ своихъ Джакомо Сансовино, Россо, Понтормо, Даниелло Риччарелли и, особенно, Джорджо Вазари. Нѣкоторые утверждали, будто онъ скрывалъ отъ нихъ тайны своего искусства; это не правда: художникъ всегда охотно подавалъ совѣты молодымъ людямъ, только не былъ счастливъ въ ученикахъ, и рѣдко попадалъ на такихъ, которые могли воспользоваться его уроками. Пиетро Урбано имѣлъ прекрасныя дарованія, но не хотѣлъ прилежно работать. Антонио Минни трудился очень усердно, но душа его не была согрѣта священнымъ огнемъ, а на холодномъ воскѣ скоро ли выдавишь отпечатокъ? Асканьо де-Рипа-Трансоне не щадилъ ни какихъ усилій, чтобы слѣзаться искуснымъ художникомъ, но чѣмъ же онъ кончилъ? Нѣсколько лѣтъ пачкалъ картину съ картона Микель-Анджело, и напослѣдокъ всѣ надежды на него разлетѣлись какъ мыльные пузыри. Сжалившись надъ бѣдненькой, Буонароти нѣсколько разъ помогалъ ему своею кистью, но заботы его остались тщетными.

Микель-Анджело часто говорилъ мнѣ, что ему хотѣлось бы написать для своихъ учениковъ книгу объ анатоміи, но что онъ не надѣется хорошо изложить предмета. Впрочемъ онъ умѣлъ ясно передавать свои мысли, потому что много читалъ италіянскихъ писателей, особенно Данта и Петрарку. Мадригалы и сонеты Буонароти довольно замѣчательны. Мессеръ Бенедетто Варки прислалъ въ флорентинскую академію цѣлую диссертацию на одинъ изъ его советовъ. Микель-Анджело сочинилъ ихъ множество въ честь знаменитой маркизы Пескара, которая, съ своей стороны, отвѣчала ему стихами и прозою, и часто пріѣзжала изъ Витербо

въ Римъ, побесѣдовать съ знаменитымъ художникомъ. Она получила отъ него нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны Богородица съ Превъщавшимъ Младенцемъ и маленькими ангелами, Христосъ на крестѣ, и Самаритянка, встрѣтившая Спасителя у колодца.

Микель-Анджело любилъ читать Священное Писаніе, и глубоко уважалъ сочиненія краснорѣчиваго проповѣдника Иеронима Савонарола.

Красоты природы приводили его въ восхищеніе. Онъ обращалъ ихъ на пользу искусства, но выбиралъ только то, что признавалъ совершеннѣйшимъ, и никогда не обращалъ своихъ мыслей къ сладострастнымъ предметамъ, оправдывая строгость своихъ нравовъ воздержною жизнью. Преданный искусству, онъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ умѣлъ довольствоваться кускомъ хлѣба и нѣсколькими каплями вина; такой же образъ жизни велъ и подъ старость. Онъ былъ богатъ, но всегда жилъ очень умеренно, рѣдко приглашалъ друга къ столу своему, и ни отъ кого не хотѣлъ брать подарковъ, чтобы не навязывать себѣ скучныхъ знакомствъ; былъ чрезвычайно дѣятеленъ, спалъ мало, и нерѣдко, проснувшись ночью, садился работать.

Напрасно говорятъ, что Микель-Анджело былъ скупъ: нѣкоторыя черты его жизни свидѣтельствуютъ о его щедрости. Мы уже говорили, что онъ подарилъ множество дорогихъ рисунковъ Томмазу де'Каваліери, фра Себастьяну и Антоніо Мини. Флорентинскій дворянинъ Герардо Перрини также получилъ отъ него кучу прекрасныхъ головокъ, рисованныхъ чернымъ карандашомъ. Для маркиза дель-Васто онъ сдѣлалъ картонъ *Noli me tangere*, съ котораго Понтормо написалъ превосходную картину; Бартоломею Веттини подарилъ картонъ — Венеру, обнимающую Купидона; слугѣ своему Антоніо отдалъ разбитую группу. Какъ же послѣ этого называть Буонароти скупымъ? Какой скряга даромъ отдаетъ вещи, за которыя можно выручить огромную сумму денегъ? Микель-Анджело помогалъ многимъ несчастнымъ, выдавалъ замужъ бѣдныхъ дѣвицъ, и обогащалъ близкихъ себѣ людей. Однажды онъ сказалъ слугѣ своему Урбино: «Что ты станешь дѣлать, когда я умру?» — «Най-

къ другому мастеру,» отвѣчалъ тотъ. — «Блудный Урбанъ! вскричалъ Микель-Анджело: нѣтъ, я не хочу, чтобы ты терпѣлъ нужду.» И въ ту же минуту далъ ему двѣ тысячи скудоу : недобрость не очень обыкновенная. Больше всего художникъ былъ добръ къ племяннику своему Лионардо : казалось, что онъ давалъ ему разомъ по четыре тысячи скудоу.

Память у Буонароти была превосходная : увидявъ предметъ однажды, онъ ужъ никогда не позабывалъ его, и употреблялъ приличнымъ образомъ для искусства. Во всѣхъ его произведеніяхъ не найдете двухъ сходныхъ фигуръ. Разъ, — еще въ молодыхъ лѣтахъ, — онъ очень забавно доказалъ превосходство своей памяти. Нѣсколько художниковъ за ужиномъ побились объ закладъ, кто вѣрнѣе нарисуетъ изъ памяти каракули, какими мальчишки пачкаютъ стѣны, и Микель-Анджело, припомнивъ одну затѣйливую фигуру въ этомъ родѣ, тотчасъ начертилъ ее съ такой вѣрностью, какъ-будто каракуля была у него передъ глазами : дѣло не столь легкое для художника, привыкшаго писать однѣ совершенныя фигуры.

Микель-Анджело былъ вообще терпѣливъ и скроменъ; но нерѣдко у него срывались съ языка весьма колкія и зашкловатыя остроты. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Одинъ живописецъ получилъ много денегъ за плохую картину. Когда спросили Микель-Анджела о дарованіяхъ этого художника, онъ отвѣчалъ : «NN будетъ самымъ жалкимъ баднягой, если разбогатеетъ.»

Одинъ доминиканецъ просилъ Буонароти дать какую-нибудь работу ваятелю, котораго тотъ и самъ зналъ съ противоположной стороны. Микель-Анджело согласился, но послѣ провадалъ, что доминиканецъ обратился къ нему съ этой просьбой единственно въ той надеждѣ, что получить отказъ. «Торвать не могу людей, нохожихъ на жолобъ съ двумя устьями,» сказалъ художникъ.

Какой-то живописецъ написалъ быка, и этотъ быкъ составлялъ лучшую часть картины. Микель-Анджела спросили о причинѣ такой странности. «Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, отвѣчалъ художникъ : всякой хорошо написать свой портретъ.»

Одинъ ваятель, собираясь выставить новую статую, хлопоталъ о томъ, чтобъ придать больше свѣту своей мастерской. «Напрасно такъ суетишься, сказалъ ему Микель-Анджело: чѣмъ свѣтлѣе, тѣмъ хуже для тебя и для твоей статуи.»

Въ комиссары при храмъ Святаго Петра назначили одного синьора, который хвалился, что совершенно понимаетъ Витрувія, и смѣло судилъ обо всемъ. Кто-то сказалъ по этому случаю Микель-Анджелу: «Теперь у васъ будетъ очень умный комиссаръ.»—«Ума-то въ немъ довольно, отвѣчалъ Буонароти: да разсудку мало.»

Одинъ живописецъ склѣилъ свою картину изъ чужихъ рисунковъ. Микель-Анджело спросилъ, что думаетъ онъ объ этой рапсодіи. «Картина не дурна, отвѣчалъ художникъ: но когда наступитъ страшный судъ и каждый возьметъ принадлежащую себѣ часть, тогда на этомъ бѣдномъ полотнѣ ничего не останется.»

«Отчего вы не женились? спросилъ художника одинъ пасторъ. Теперь у васъ были бы дѣти, достойные наследники вашихъ произведеній?»—«У меня есть жена, отвѣчалъ Микель-Анджело: злая и безотвязная; это — мое искусство, и, кажется, я довольно имѣю дѣтей отъэтой жены. Посмотрите на Лоренца, сына Бартолуччо Гиберти: вѣдь бѣда бы ему, ежели бы не двери въ церкви Святаго Іоанна! Дѣти и племянники распродали и промотали его имѣніе, а двери навѣрное проживутъ долго.»

Однажды Юлій III послалъ меня къ Микель-Анджелу въ самую полночь за рисункомъ. Онъ трудился въ это время надъ группою, которую нослъ разбилъ. Услышавъ мой стукъ у воротъ, художникъ оставилъ свою работу, и самъ вышелъ ко мнѣ съ фонаремъ. Я сказалъ причину поздняго посещенія, и Буонароти велѣлъ Урбину отыскать рисунокъ, котораго спрашивалъ папа. Между-тѣмъ мы говорили о разныхъ разностяхъ, и я обратилъ глаза на фигуру одной, еще неотдѣланной, ноги. Буонароти какъ-будто ненарочно выронилъ фонарь и, приказавъ Урбину засвѣтить огня, самъ вышелъ со мной изъ мастерской, и сказалъ: «Я ужъ такъ старъ, что смерть часто дергаетъ меня за полу и принуж-

дать идти съ собою: тѣло мое упадетъ какъ этотъ фонарь, и вся жизнь погаснетъ какъ эта свѣчка.

Микель-Анджело любилъ одного живописца, по имени Минигеллу, который былъ очень посредственный мастеръ, но зато большой весельчакъ и добрякъ. Онъ часто прихаживалъ къ Буонароти просить, чтобы тотъ нарисовалъ ему какого-нибудь святаго, и Микель-Анджело, нерѣдко отказывавшій даже царственнымъ особамъ, всегда выполнялъ просьбы этого странствующаго художника, бросалъ собственную работу, и, слушая рассказы объ его похожденияхъ, принимался чертить для него незатѣйливые рисунки, сообразные со вкусомъ сельскихъ жителей, для которыхъ писалъ Минигелла.

Еще Микель-Анджело любилъ одного рѣзчика, Тополино, который считалъ себя отличнымъ ваятелемъ, но въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о скульптурѣ. Тополино нѣсколько лѣтъ жилъ въ каррарскихъ горахъ, и смотрѣлъ за работниками, добывающими мраморъ для Буонароти. Отправляя къ нему эти матеріалы, онъ не забывалъ прикладывать три или четыре болванчика своего издѣлія. По возвращеніи въ Римъ, Тополино сдѣлалъ статую Меркурія и хотѣлъ знать отзывъ о ней Микель-Анджела. «Ты спятилъ съ ума, бѣдный мой Тополино, сказалъ ему Буонароти: что у тебя за страсть портить такую пропасть мрамору? Смотри: твой Меркурій отъ коленъ до пятокъ короче по-крайней-мѣрѣ двумя футами противъ туловища.» — «О! ежели только въ этомъ все дѣло, такъ мы сейчасъ поправимся», отвѣчалъ Тополино, и лишь только Микель-Анджело ушелъ, онъ окарналъ ступни своему Меркурію, и напялилъ на его ноги длинные сапоги, которые, обхвативъ болванки, совершенно скрыли суставы. Микель-Анджело чрезвычайно изумился такой находчивости, которая, конечно, не вдругъ прійдетъ и опытному художнику.

Занимаясь памятникомъ Юлія II, Микель-Анджело велѣлъ какому-то каменщику сдѣлать одну фигуру, и, отдавая ему мраморъ, сказалъ: «Здѣсь убавь, тутъ выровняй, эту сторону выполируй.» Каменщикъ въ-точности исполнилъ приказъ, и, самъ не зная что дѣлаетъ, сдѣлалъ фигуру, какая была нужна художнику. «Ну что жъ ты задумалъ

ся!» спросилъ у него Микель-Анджело, когда тотъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на свою работу. «Да нѣтъ-то кѣтъ яудъ отвѣчалъ каменщикъ : я очень вамъ благодаренъ.» — «За что?» спросилъ Буонароти. — «Какъ за что? Выходитъ, что я умѣю дѣлать статуи, а мнѣ этого и не грезилось.»

Микель-Анджело былъ здороваго и крѣпкаго сложенія; темпераментъ имѣлъ сухой и нервическій. Въ младенчествѣ онъ часто бывалъ боленъ, и носъ выдержалъ также двѣ жестокия болѣзни; при всемъ томъ онъ никогда не чувствовалъ себя неспособнымъ къ перенесенію величайшихъ трудовъ. Въ старости, его сильно мучила каменная болѣзнь; врачъ Реальдо Коломбо нѣсколько лѣтъ облегчалъ эти страданія. Микель-Анджело былъ средняго росту, началъ имѣлъ широкія, все части тѣла правильныя. Подъ конецъ жизни, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ носилъ башмаки изъ собачьей кожи на босую ногу. Голову онъ имѣлъ круглую, лобъ широкій и четырехугольный, пересѣкаемый семью правильными линіями, виски вышуклые, уши длинноватыя, носъ расплющенный (отъ удара, который нанесъ ему Торреджано), глаза небольшіе роговиднаго цвѣту, исшешренныя желтыши и лазоревыми искрами; брови негустыя, губы тонкія, подбородокъ соразмѣрный съ прочими частями лица, волосы черныя, бороду также черную съ просѣдью, но не густую.

Микель-Анджело, безъ сомнѣнія, былъ посланъ въ міръ съ тѣмъ, чтобы служить образцомъ для людей, посвятившихъ себя искусству. Его жизнь и произведенія указали дорогу, по которой должны идти истинные художники. Я не перестану благодарить Бога, что родился во время Буонароти и имѣлъ счастье пользоваться его дружбой и наставленіями.

Тѣло Микель-Анджела, тотчасъ послѣ его смерти, при многочисленномъ стеченіи народу вынесено было въ церковь Sant' Apostolo. Пана имѣлъ намѣреніе похоронить его въ базиликѣ Святаго Петра; но герцогъ Козма, согласно съ желаніемъ самого Буонароти, вытребовалъ драгоценныя останки его во Флоренцію, и тамъ блистательнымъ образомъ почтилъ память великаго челоуька. Попеченіями Мюнара Буонароти, приѣхавшаго въ Римъ на ночтовыхъ, тѣло только было уложено въ туюкъ и отправлено подъ видомъ товара,

чтобы предупредить волненіе, какое могло произойти между народами въ случаѣ торжественнаго вывозу тѣла изъ Рима. Во Флоренціи узнали о смерти Микель-Анджело еще до прибытія трупа. Тотчасъ, по приглашенію президента академіи Винченціо Бортини, собрались живописцы, ваятели и архитекторы, и президентъ напомнилъ собранію, что, по академическому уставу, художники обязаны воздавать послѣдній долгъ всемъ своимъ собратамъ. Присутствующие изъявили готовность содѣйствовать къ великодушному погребенію Микель-Анджело, который при жизни имѣлъ титулъ перваго академика. Съ согласія президента, выбрано было четыре депутата, Аньоло Бронцино, Джорджо Вазари, Бенвенуто Челлини и Бартоломео Амманати, которыхъ уполномочили располагать церемоніей и для того подчинили имъ всѣхъ прочихъ членовъ академіи. Старьки и молодые люди отличались при этомъ равнымъ усердіемъ. Положено было послать депутацію къ герцогу, и просить его согласія на погребеніе тѣла Микель-Анджело въ фамильной церкви Медичи, Святаго Лаврентія, гдѣ находится бѣльшая часть его произведеній. Сверхъ-того рѣшили просить герцога, чтобы онъ позволилъ славному проповѣднику мессеръ Бенедетто Барки произнести надгробную рѣчь надъ прахомъ Буонароти. Вслѣдствіе того, президентъ академіи написалъ къ герцогу слѣдующій докладъ.

«Академія живописи и ваянія рѣшила почтить, съ соизволенія вашей свѣтлости, память Микель-Анджело Буонароти, какъ въ воздаяніе долга, которымъ обязаны ему все общество и каждый изъ академиковъ порознь, за прославленіе общаго ихъ отечества, такъ и въ залогъ признательности за великія и достопамятныя услуги, которыя онъ, возвышенностью и совершенствомъ своихъ произведеній, оказалъ живописи, ваянію и архитектурѣ. Чтобы достойнымъ образомъ отдать подобающую честь знаменитому мужу, Академія считаетъ обязанностью употребить всѣ средства, якія имѣются въ ея распоряженіи, и, докладывая объ этомъ вашей свѣтлости, покорнѣйше просятъ вашего соизволенія и вособія. Я, съ своей стороны, по званію президента, считю нужнымъ присовокупить, что представляемый при семъ планъ нахожу достойнымъ благородныхъ и признатель-

ныхъ сердець, которыя единодушно занимались его составленіемъ. Мнѣ извѣстно, что ваша свѣтлость охотно удостоиваете художниковъ своего высокаго покровительства: вы подобны тихой, спокойной пристани, въ которой они находятъ безопасное для себя убежище; вы превосходите въ этомъ даже своихъ великихъ предковъ, всегда осыпавшихъ благодѣяніями людей даровитыхъ. Знаменитый Лоренцо приказалъ на свой счетъ воздвигнуть статую славному Джотто, и богатую мраморную гробницу Фра Филиппу. Это внушило мнѣ смѣлость умолять вашу свѣтлость о милостивомъ согласіи на просьбу Академіи, которая горитъ нетерпѣливымъ желаніемъ почтить память Микель-Анджело, достойнаго воспитанника школы, основанной щедротами Лоренца Великолепнаго. Согласіе ваше доставитъ неизяснимое удовольствіе членамъ Академіи и всей публикѣ, поощритъ художниковъ, и послужитъ къ тому, что вся Италія узнаетъ великодушіе вашей свѣтлости. Да продлитъ Господь Богъ на многія лѣта жизнь вашу, драгоценную для всѣхъ вашихъ подданныхъ и особенно для художниковъ, наслаждающихся вашими неисчерпаемыми благодѣяніями!»

Герцогъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

«Почтенный президентъ, рвеніе Академіи надлежащимъ образомъ почтить память Микель-Анджело Буонароти, переселившагося изъ сей жизни въ лучшій міръ, значительно облегчаетъ печаль нашу о смерти великаго человѣка. Намъ не только пріятно изъявить свое согласіе на все, чего домогается Академія въ своей просьбѣ, но мы пріймемъ и съ своей стороны мѣры, чтобы тѣло Микель-Анджело, согласно собственному его желанію, перевезено было изъ Рима во Флоренцію. Прилагаемое при семъ предписаніе Академіи должно еще больше воодушевить ея членовъ къ прославленію талантовъ великаго художника. Да сохранитъ васъ Господь Богъ.»

Вотъ просьба, о которой упоминаетъ герцогъ:

«Свѣтлѣйшій, и прочая. Академія, процвѣтающая нодъ неизрѣченными щедротами вашей свѣтлости, узнавъ о милостивыхъ распоряженіяхъ вашихъ къ перевезенію во Флоренцію тѣла Микель-Анджело Буонароти, единодушно рѣшилась устроить ему великодушное погребеніе. Академія

не безызвѣстна благосклонность ваша къ этому великому художнику и его преданность къ вашей особѣ. Вслѣдствіе того члены Академіи, обращаясь къ безконечнымъ щедростямъ вашимъ, осмѣливаются испрашивать дозволенія похоронить Микель-Анджела Буонароти въ церкви Святаго Лаврентія, сооруженной великими предками вашей свѣтлости и украшенной его превосходными произведеніями. Съ тѣмъ вмѣстѣ академики умоляютъ вашу свѣтлость поручить мессеръ Бенедетту Варки сочинить и произнести при погребеніи надгробную рѣчь, на что онъ, Варки, уже изъявилъ согласіе, ежели только это не противно будетъ вашей свѣтлости. Наконецъ академики осмѣливаются всепокорнѣе просить васъ отдать повелѣнія, какія изволите признать нужными для великолѣпія похоронъ, ибо средства самой Академіи весьма ограничены. Всѣ пункты сего прошенія представляются вашей свѣтлости съ одобренія и согласія президента Академіи, достопочтеннаго мессеръ Винченціо Баргини.»

Герцогъ отвѣчалъ на эту просьбу:

«Почтенные члены Академіи, намъ весьма пріятно изъять полное соизволеніе на вашу просьбу, столь сообразную съ тѣмъ высокимъ мнѣніемъ, какое мы имѣемъ въ достоинствахъ Микель-Анджела Буонароти. Приводите въ исполненіе все что вами приготовлено для погребенія его тела; мы же, съ своей стороны, не оставимъ дать нужную помощь. Относительно надгробнаго слова предписано мессеръ Бенедетту Варки, а директоръ госпиталя имѣетъ принять на себя прочія распоряженія. Будьте благополучны.»

Вотъ что писалъ герцогъ къ проповѣднику Варки:

«Дражайшій мессеръ Бенедетто, уваженіе наше къ рѣдкимъ талантамъ Микель-Анджела Буонароти заставляетъ насъ желать, чтобы его памяти возданы были всѣ возможные почести. Вы сдѣлаете намъ удовольствіе, ежели, изъ преданности къ нашей особѣ, возьмете на себя трудъ сочинить надгробную рѣчь, которая имѣетъ быть произнесена въ день его погребенія. Мы желаемъ, чтобы вы произнесли ее сами. Будьте благополучны.»

Между-тѣмъ Ліонардо Буонароти, какъ уже сказано было выше, отправился въ Римъ и вывезъ оттуда тѣло Ми-

кель-Анджело. Гробъ съ драгоценными останками привезенъ во Флоренцію въ субботу второй недели великаго поста. На другой день, одиннадцатаго марта, вся живописцы, ваятели и архитекторы, тихо собрались къ церкви Святаго Петра Maggiore, и покрыли одръ бархатомъ, вышитымъ золотомъ. Въ полночь, старшіе и почетнѣйшіе художники взяли зажженные свѣчи, а молодые подняли на плеча носилки и понесли тѣло въ церковь Святаго Креста, гдѣ было рѣшено поставить его на первый случай въ капеллу dell'Assunta. Такимъ образомъ хотѣли изгнать народнаго стеченія и сохранить все до-времени въ тайнѣ, но, при видѣ печальной процессіи, тайна открылась, новость разнеслась по цѣлому городу, и въ одну минуту церковь Святаго Креста окружена была безчисленнымъ множествомъ народу, такъ что академики едва могли пробраться въ капеллу. Духовенство торжественно встрѣтило покойника. Его положили въ ризницѣ, и президентъ академіи снялъ гробовую крышку, желая въ послѣдній разъ взглянуть на лицо великаго мужа, черты котораго уже вышли изъ его памяти, потому что онъ видѣлъ Буонароти еще въ молодыхъ лѣтахъ. Тогда уже миновало двадцать два дня послѣ смерти Микель-Анджело, и можно было думать, что трупъ началъ портиться, но, къ общему изумленію, на немъ не оказалось еще признаковъ гнѣнія: покойникъ какъ-будто наслаждался тихимъ и пріятнымъ сномъ; лицо его было блѣдно, но еще совершенно свѣжо: казалось, что онъ только сейчасъ выпустилъ дыханіе.

Отложили похороны до четырнадцатаго іюля. Распорядители церемоніи рѣшились придать ей болѣе художническій нежели пышный характеръ.

«Мы воздаемъ послѣдній долгъ великому генію, котораго вся жизнь была посвящена искусствамъ, говорили они. Поприще, на которомъ онъ подвизался, принадлежитъ также и намъ; а мы богаче талантами, нежели золотомъ: кчему же расточать бесполезную пышность? Благоговѣніе свое къ памяти великаго учителя мы должны засвидѣтельствовать не тщетнымъ великолѣпіемъ, а красотой нашихъ произведеній, плодами нашихъ талантовъ и опытности: искусство должно быть почтено искусствомъ.»

Впрочемъ вышность и величавіе, при помощи герцога, не были забыты, и похороны Микель-Анджело сопровождались такимъ же блескомъ, какъ высоко было достоинство произведенія, которыми ихъ украсили академики.

Посреди церкви Святаго Лаврентія, воздвигли четырехугольный катафалкъ, вышиною во сто шестьдесятъ осемь, длиною въ шестьдесятъ шесть, и шириною въ пятьдесятъ четыре фута. На пьедесталѣ этого катафалка, ивышемъ въ высоту двѣнадцать футовъ, были помѣщены двѣ лежащія фигуры, олицетворенія рѣкъ Арно и Тибра. Арно держалъ въ рукъ рогъ изобилія, наполненный цвѣтами и плодами, а Тибръ, протягивая руку, показывалъ цвѣты и плоды, которые унази въ нее изъ рогу изобилія Арно. Аллегорія эта значила, что Римъ воспользовался сокровищами Флоренціи, то есть, что Микель-Анджело большую часть своей жизни провелъ въ Римѣ и тамъ создалъ свои удивительныя произведенія. Подлѣ статуи Арно былъ левъ, подлѣ Тибра Ремъ и Ромулъ, питаемые волчицею. Эти двѣ флоссальныя группы были необыкновенной красоты. Тибръ вышелъ изъ-подъ рѣзца Джованни де-Кастелло, ученика Бандинелли, а Арно сдѣланъ Баттистою, сыномъ Бенедетто, ученикомъ Амманато.

Послѣ этого пьедестала слѣдовала вторая часть катафалка, состоявшая изъ большаго четырехугольника въ тридцать три фута окруженнаго карнизомъ. Каждая сторона этого четырехугольника была украшена по-серединѣ картиной. На картинѣ, обращенной къ двумъ статуямъ, изображенъ былъ Лоренцо Медичи, принимающій въ своемъ саду молодаго Микель-Анджела: ее писали Мирабелло и Джироламо дель-КрочиФиссайо. Вторая картина, которая приходилась насупротивъ боковыхъ церковныхъ дверей, представляла папу Климента VII встрѣчающаго Микель-Анджела послѣ флорентинской осады. Всѣ думали, что папа сердитъ на художника, но, вмѣсто того, Климентъ оказалъ ему знаки искренняго уваженія и поручилъ работу въ церкви Святаго Лаврентія. Эта самая сцена представлена и въ картинѣ. Позади художника маленькіе гени держатъ модели зданія и назначенныхъ для украшенія его статуй. По свидѣтельству Палоано, картина эта была написана фламандскимъ худож-

никомъ Федерико. На третьей сторонѣ, обращенной къ алтарю, была слѣдующая надпись на латинскомъ языкѣ, сочиненная ученымъ Петромъ Веттори :

«Общество живописцевъ, архитекторовъ и ваятелей, при покровительствѣ и пособіи герцога Козмы, творца всякихъ милостей, принявъ въ уваженіе безпримѣрныя достоинства Микель-Анджело Буонаротти, и признавая всю пользу, которую получило оно отъ его прекрасныхъ произведеній, потщилось воздать свою благодарность величайшему изъ вѣкъ живописцевъ, архитекторовъ и ваятелей, когда-либо существовавшихъ, и, въ изъявленіе того, ревностно соорудило въ честь ему себѣ монументъ».

Эту надпись держали два маленькіе геніи, съ опущенными факелами, оплакивающіе потерю, которую понесли искусства. На четвертой картинѣ, противъ дверей, обращенныхъ къ оградѣ, былъ изображенъ Микель-Анджело, укрѣпляющій, во время осады Флоренціи, гору Санъ-Миніато. Картина эта писана Лоренцомъ Шіорини, ученикомъ Бронцино, молодымъ человѣкомъ съ большими дарованіями.

По угламъ четырехугольника, который мы теперь описали, находились группы фигуръ въ величину больше натуры. Въ группѣ, обращенной къ алтарю, представленъ былъ Геній въ видѣ стройнаго юноши съ двумя маленькими крылышками на маковкѣ головы. Онъ попираетъ ногами смертельнаго врага своего, Невѣжество. Группу эту дѣлалъ Винченціо Данти. Вторая группа, стоявшая насупротивъ новой ризницы, представляла Христіанское Благочестіе, раздавливающее Порокъ : работа молодаго даровитаго скульптора Валеріо Чіоли. Третья группа, возлѣ старой ризницы, отличалась превосходной статуей Минервы или Искусства. Подъ ногами Минервы валяется Зависть, безобразная женщина, съ глазами тигрицы, съ ядовитымъ взглядомъ, съ змѣной въ рукѣ и змѣями на головѣ. Эту группу изваялъ Лаццаро Каламекъ, юноша съ блестящимъ способностями. На четвертомъ углу, противъ органа и главныхъ церковныхъ дверей, поставлена была группа Андрея Каламека, дяди Лаццаро, ученика Амманато. Главная фигура ея изображала Прилежаніе, въ видѣ гордаго и сильнаго юноши, съ большими крыльями для означенія быстроты успѣховъ : полъ

показанъ его *Дявельность* или Праздность, олицетворенная въ формѣ неповоротливой, извѣженной и сонливой женщины.

Эти четыре группы вмѣстѣ производили чудесный эффектъ. На четырехугольникъ, вокругъ котораго онѣ были разставлены, возвышался другой меньшій четырехугольникъ около двадцати четырехъ футовъ въ высоту. По угламъ его находились четыре статуи, Живопись, Архитектура, Ваяніе и Поэзія; а каждый изъ четырехъ боковъ былъ украшенъ картиной. Одна представляла Микель-Анджело, подающаго папѣ Шю IV модель купола Святаго Петра: работа флорентинскаго живописца Франчи. Статуя Архитектуры стояла на лѣвой сторонѣ: ее дѣлалъ Джованни, сынъ Бенедетта де-Кастелло. На другой картинѣ, обращенной къ боковымъ дверямъ, ученики Ридольфо прекрасно изобразили Микель-Анджело, пишущаго свой Страшный Судъ. Направо стояла статуя Живописи, произведеніе Баттисты дель-Кавальере. Въ третьей картинѣ, надъ латинскою надписью, о которой мы говорили выше, изображенъ былъ Микель-Анджело, разговаривающій съ женщиною, въ рукахъ ея досочка съ надписью: *Simili sub imagine formata*. Эта картина, богатая изобрѣтеніемъ и вкусомъ, написана Андреемъ дель-Минга. При ней находилась статуя Ваянія, работы Антонія Лоренци. Въ четвертой картинѣ, Поэзія пишетъ одно изъ стихотвореній Микель-Анджело; ее окружаютъ девять музъ, изображенныхъ во всей пышности, какую придаютъ имъ поэты, и переть ними Аполлонъ, держащій въ одной рукѣ лиру, а въ другой вѣнокъ, назначенный для Микель-Анджело. Картину эту писалъ Джованмарія Буттери; находившаяся же возлѣ нея статуя Поэзіи вышла изъ-подъ рѣзца Доменика Поггини, скульптора, медаліера, литейщика и стихотворца.

Украшенный такимъ образомъ катафалкъ имѣлъ болѣе сходство съ мавзолеемъ Августа въ Римѣ, а еще болѣе съ септизоніумомъ Севера, находящимся подлѣ Антонинovýchъ Бань. Онъ, какъ изъ описанія нашего видно, состоялъ изъ трехъ частей, которыя лежали одна на другой и, постепенно уменьшаясь, представляли всѣ вмѣстѣ роль пирамиды, у подошвы которой были вырѣзаны сло-

ва : Sic ars extolitur arte, *Такъ искусство возвышается искусствомъ.*

На верхней плоскости стояла другая пирамида пятидесяти четырехъ футовъ въ вышину. При подошвѣ ея, на двухъ фасадахъ, обращенныхъ къ главному входу въ церковь и къ алтарю, въ двухъ эллипсисахъ, изображена была голова Микель-Анджела, снятая съ природы художникомъ Санти-Булльони, а вверху находился шаръ, въ который, кажется хотѣли положить прахъ Микель-Анджела, и надъ которымъ возвышалась фигура летящей Славы, величиною въ натуру, съ трубой, приложенною къ губамъ : произведение Заноби Ластрикатти, который былъ проводителемъ при церемоніи и, несмотря на эту хлопотливую должность, хотѣлъ такъ почтить память великаго художника собственными трудами.

Всю внутренность церкви обтянули чернымъ сукномъ, отверстія придѣловъ украсили картинами. Первый придѣлъ, между главнымъ алтаремъ и старою ризницей, былъ украшенъ поэтической композиціей, представляющей Микель-Анджела въ Елисейскихъ Поляхъ. Съ правой стороны, его окружаютъ знаменитѣйшіе живописцы и ваятели древности, Пракситель съ своимъ Сатиромъ, Апеллесъ съ съ портретомъ Александра Великаго, Зевксисъ съ виноградною кистью, обманувшею птицъ, Парривій съ занавѣсомъ, обманувшемъ самого Зевксиса. По лѣвую руку, стоятъ славнѣйшіе изъ новыхъ художниковъ со времени Чимабуэ. Между ними легко узнать Джотто по досчечкѣ, на которой онъ въ молодости написалъ портретъ Данта; Массаччо по его собственному портрету; Донателло по его Zuccone di Campanile; Филиппа Брунелески по его куполу Святой Маріи del Fiore. Другіе художники изображены безъ атрибутовъ, напримѣръ, фра Филиппо, Таддео Гадди, Паоло Уччелло, фра Джованъ Аньоло, Джакомо Понтормо, Франческо Сальвиати, и прочая. Выраженіе лицъ во всѣхъ фигурахъ одно и то же : удивленіе и любовь къ новому обитателю элизіума. Они принимаютъ его какъ у Данта поэтъ принимаютъ Виргилія. Самая идея этой картины взята у Данта вмѣстѣ съ надписью : Tutti l'ammiran, tutti onor gli fanno,

Возле вазу удивляются, есть его чествуютъ. Она написана Александромъ Аллори, ученикомъ Бронцино.

На картинѣ, стоящей въ отверстіи придела Святыхъ Тайнъ, былъ нарисованъ Микель-Анджело, окруженный дѣтьми и юношами, составляющими Школу Искусствъ. Они подносятъ ему первые опыты трудовъ своихъ въ живописи и ваяніи, а онъ раскрываетъ передъ ними тайны искусства, возбуждая ихъ благоговѣйное вниманіе къ своей рѣчи. Эту мастерскую композицію выполнилъ Баттиста, ученикъ Понтормо. Внизу картины написаны слѣдующіе стихи :

*Tu pater, et rerum inventor, tu patria nobis
Sappeditas praecepta, tuis ex, inclyte, chartis.*

Недалеко отъ главныхъ церковныхъ дверей, почти возле органа, была поставлена третья картина въ тридцать шесть футовъ вышины и въ двадцать четыре ширины. Сюжетъ композиціи — благосклонный приѣмъ, оказанный Буонаротти Юліемъ III. Папа принимаетъ художника въ Vigna Giulia, и приглашаетъ его сѣсть подле себя, между-тѣмъ какъ кардиналы, епископы и другіе царедворцы присутствуютъ при этой аудіенціи стоя. Молодой Джакомо Цукки, ученикъ Джорджо Вазари, обнаружилъ въ этой картинѣ силу опытнаго художника.

На той же сторонѣ церкви, немного подалѣе отъ органа, висѣла четвертая картина, въ которой Джованни Страда, искусный фламандскій живописецъ, изобразилъ почести, оказанныя Микель-Анджелу венеціанскимъ дожемъ Андреемъ Гритти, когда Буонаротти, во время осады Флоренціи, жилъ въ Джудеккѣ.

Пятая картина находилась между главнымъ алтаремъ и новой ризницей. Ее писалъ Санти Тити, молодой даровитый художникъ. Сюжетъ — уваженіе, которое питалъ къ Буонаротти принцъ Франческо Медичи. Мы уже выше сказали, что, за три года до смерти Микель-Анджела, Франческо пріѣзжалъ въ Римъ. Принимая художника, онъ выѣзжалъ къ нему навстрѣчу, самъ подалъ ему стулъ, и слушалъ его стоя, съ открытою головою и со всеми знаками вниманія и сыновняго почтенія. Возле принца, мальчикъ

держитъ герцогскую корону; восторженъ стоитъ соседній Принцъ и Микель-Анджело какъ живые.

Въ слѣдующей затѣмъ картинѣ, Бернардо Тинтиньо Вубиталонти, любимый живописецъ герцога, остроумно синтезировалъ рѣш трехъ главныхъ частей свѣта, ознаменовавша смерть великаго художника и утѣшавшій Арно въ общей потерѣ. Эти рѣш — Нилъ, Гангъ и По. Возлѣ Нила живописцы крокодилъ и вѣнокъ изъ колосовъ, символъ плодородія страны, орошаемой Ниломъ. Гангъ изображенъ съ трисомъ и гирляндой изъ драгоценныхъ камней. По отличается отъ другихъ лебедемъ и гагатовымъ вѣнкомъ. Все онѣ приведены въ Тоскану Славою, которая паритъ въ воздухъ, и окружаютъ Арно, увѣнчанный кипарисомъ: въ одной рукѣ у него опрокинута урна, въ другой кипарисная вѣтвь; при ногахъ лежитъ левъ. Вверху большое оаміе, куда летитъ душа Буонароти, въ видѣ маленькаго гениа. Подпись: *Vivens orbe, peto laudibus aethera.*

По сторонамъ этой картины, на пьедесталахъ, возвышались двѣ группы, поддерживая откинутый отъ нея занавѣсъ. Группа, что стояла на правой сторонѣ, представляла Вулкана, держащаго въ рукѣ зажженную свѣчу и поправащаго ногами Ненависть, къ которой обращенъ стихъ: *Surge quid propegas, odium crudelle? Jaceto.* Группа на лѣвой сторонѣ изображала Аглаю, одну изъ трехъ грацій, означающую Стройность: она держитъ въ рукѣ лилію, цвѣтокъ, посвященный граціямъ, и который, говорятъ, употреблялся при похоронахъ. Подъ ногами Аглан барахтается обезьяна, эмблема Безобразія. Надъ обезьяной девизъ: *Vivus et extinctus docuit sic sternere turpe.*

Подъ рѣсками написаны были слѣдующіе два стиха:

*Venimus, Arne, tuo conbixa ex vulnere moesta
Flumina, ut ereptum mundo ploremus honorem.*

Эта картина — одна изъ лучшихъ: творецъ ея тѣмъ болѣе заслуживаетъ всякой похвалы, что ему не дѣлали ни какаго порученія, и трудъ его былъ добровольною дѣлю памяти великаго чловѣка.

Далѣе, у боковыхъ дверей, стояла седьмая картина, на которой молодой Томмазо Санъ-Фрїанно изобразилъ сцену,

какъ: Седерлинъ, отграничить Микель-Анджело, подлинникомъ на шапъ Юлиана II.

Наконецъ — самая картина, красованіе Стефана Пьери, улитка Брандимо. На ней были представлены Микель-Анджело и герцога Козма, они сидятъ въ дворцовой залѣ и дружески между собой разговариваютъ.

Въ промежуткахъ между картинами нарисованы: были скульпры Смерти съ разными атрибутами и дознами. Въ одной композиціи Смерть съ досадою бросила свое косу на землю; внизу слова: *Subit dura necessitas*. Воадъ Смерти вешной шаръ и стебелень лицъ съ тремя цвѣтками; разрывъный по-серединѣ. Эта аллегорія выдумана Александромъ Аллори. Но самую замѣчательною, изъ всѣхъ фигуръ Смерти, была признана композиція Вавари. Въ ней Смерть представлена разпростертою на землѣ: въ чистотѣ, съ пальномъ въ руцѣ, попираетъ ее ногами, и съ презрѣніемъ повертеть, что на-перекоръ неумольной судьбѣ, Микель-Анджело никогда не умиралъ. Мысль эта выражена девизомъ: *Vicit incluta virtus*.

Буенкроти употребили печатъ съ изображеніемъ тронъ перешитенныхъ между собою круговъ: вьролтиа, омиаотъ тьмой смой, существующей между живописью, валиемъ и архитектурою. Художники замѣтали крути время корч илии, идеая тмѣ показать, что Микель-Анджело достигъ высочайшей степени совершенства во всѣхъ трехъ искусствахъ, и прибавили девизъ: *Tergeminis tollit hec omnia*.

Бронзовая каеэдра, на которой Варки произнесъ надгробную рѣчь, ничѣмъ не была обита. Она отличалась прекрасными барельефами Донателла, и постороннія украшенія только обезобразили бы ее. Но на другой каеэдрѣ, которая стояла противъ этой и была еще неокончена, поставили большую картину «Слава» или «Почестъ», въ видѣ прекраснаго молодаго челоуька, держащаго въ правой рукѣ трубу, и попирающаго ногами Время и Смерть: произведеііе перузскаго ваятеля Винченціо Данти.

Блескъ свѣчей увеличивалъ великолѣпіе всѣхъ украшеній. Безчисленное множество народу собралось присутствовать при церемоніи. Наконецъ, подѣ прикрытіемъ герцогской гвардіи, вошелъ въ церковь президентъ академіи со

всехъ и восторженнѣйшихъ живописцевъ, ваятелей и архитекторовъ. Они расположились между катедра́льн. и вѣнчанск. церквей; гдѣ стояли икъ: величавыя и дворчанство. Нравомъ торжественное и служеніе заупокойной миссы. Поездъ шель; Фаринъ изомель на шаседру и произрель красноречивую надгробную рать; въ которой были описаны гаданталъ, жизнь и произведенія Микель-Анджело Буонароти. Рать эта впоследствии начечатана, гдѣ же накаръ и другая, сочиненная молодикъ ученымъ, Ліонардомъ Сальвати. Дворчаніи храма, по приказанію герцога, несколько недель осматривель на-мѣстѣ, и церковь всакій день наполняель толкми любознательныхъ италель: Флоренціи и окрестныхъ земель.

Мы не приводимъ латинскихъ и италійскихъ стиховъ, сочиненныхъ въ честь Микель-Анджело; они новель бы напоминть собой царль томъ. Герцогъ Козма Медичи, немедленно отвель прекрасное мѣсто для памятника Микель-Анджело, въ церкви Святого Креста, и выдалъ нужное количество мрамору племяннику его Ліонарду. Джорджо Вазари съдѣль рисунокъ иazole и поручиль его выдѣлть искусному, ваятелю Баттиста Лоренци. Мавзоль украмель тремя статуями Живописи, Архитектуры и Воини; первую дѣлель тотъ же Баттиста Лоренци, вторую Валеріо Чигли, третью Джованни дель-Опера. Вся надержка на сооруженіе этого памятника приняль на себя Ліонаро Буонароти.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

КРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

ЧУВШЕ СВАДНОЕ.

XI.

Недостатки и пороки шерсти.

Многіе недостатки шерсти уже понятны изъ обзора хорошихъ ея качествъ, потому что эти недостатки не что иное какъ измѣненія или отклоненія отъ надлежащаго, хорошаго ея образованія. Мы видѣли, что доброкачественность шерсти зависитъ иногда отъ формы шерстинокъ, а иногда отъ самой ихъ сущности или состава: такъ же точно и недостатки шерсти могутъ быть слѣдствіемъ, или дурнаго образованія шерстинокъ, или измѣненія въ самой ихъ ткани. Повторимъ, однако же, что форма, принимаемая шерстинками во время ихъ росту, не можетъ быть разсматриваемъ отдѣльно отъ ихъ ткани, потому что зависитъ непосредственно отъ ихъ состава.

Къ недостаткамъ формы, кромѣ толщины шерсти, преимущественно принадлежатъ неправильныя изгибы, которые бываютъ, или сжаты и слишкомъ стянуты къ основанію, или большіе и угловатые, или наконецъ слишкомъ вытянутые при недостаточной длинѣ шерстинокъ, такъ, что такая шерсть не можетъ быть причислена собственно къ длиннымъ разборамъ, хотя, по расправленнымъ изгибамъ, и подходитъ къ нимъ своей формой. Часто, при неправильности извилинъ, шерстинки сохраняютъ параллельное направленіе въ ростъ: тогда порокъ этотъ не препятствуетъ образованію хорошаго, плотно закрытаго руна, но, означая дурной характеръ шерсти, всегда уменьшаетъ ея цѣнность. Случается, однако жъ, что неправильное образование изгибовъ шерстинокъ переходитъ въ настоящій порокъ, обнаруживающійся такъ-называемыми скручиваніемъ и узловатостью. Шерсть называется «скрученною» тогда, когда шерстинки, одаренныя неправильными, угловатыми, крутоизогнутыми изгибами, слишкомъ тѣсно между собою соединяются, и, вмѣсто того чтобы до конца оставаться въ параллельномъ направленіи одна къ другой, близъ верхушекъ сцѣпляются между собою изгибами, которые захватываются какъ крючки, и, спутавшись, почти связываются. Пучечки, образуемые такими шерстинами, переплетаются между собою и образуютъ на поверхности руна множество спирально-скрученныхъ концовъ. Такое руно не можетъ быть раздѣляемо пальцами до кожи. Если же насильственно раздѣлять между собою косицы и составляющіе ихъ пучечки, то шерстинки перерываются близъ концовъ, которые связаны въ настоящіе крѣпкіе узлы, ясно слышимые на-ощупь. Послѣ мытья въ твердой водѣ, порокъ этотъ усиливается до того, что шерстины уже вовсе не могутъ быть отдѣляемы между собою, и потому обработываніе такой шерсти, вообще затруднительное, дѣлается почти вовсе невозможнымъ на машинахъ.

Порокъ этотъ обыкновенно оказывается въ рунахъ очень жидкихъ, и, почти исключительно, въ стадахъ облагороженныхъ; однако жъ, по мнѣнію, некоторыхъ овцеводовъ, онъ можетъ развиваться и у чистыхъ мериносовъ, но, впрочемъ, это бываетъ очень рѣдко. Основная причина этого порока

состоитъ въ жесткости; дружнее составъ шерстинки, который придаетъ изгибамъ неправильную, угловатую, заостренную форму; естественно, что, при такомъ неправильномъ образовании, шерстинки принимаютъ, болѣе или менѣе, косвенныя направленія въ разныхъ стороны, и, будучи тверды, не могутъ равно ложиться одна на другую, а скатываются своими угловатыми изгибами. Къ большому развитію этого порока очень много содействуетъ то обстоятельство, что онъ обыкновенно составляетъ принадлежность легкихъ рунъ, въ которыхъ воздухъ, свѣтъ и влага проникаютъ свободно; и, изсушая жиръ, увеличиваютъ такъ хрупкость шерстинокъ. Это доказывается особенно тѣмъ, что порокъ этотъ значительно уменьшается, если одержимыя имъ животныя, въ теплое время года, не выпускаются на пастбище, а кормятся въ овчарняхъ, гдѣ предохранены отъ вреднаго вліанія вѣтру и пыли. Особенно часто, и въ высокой степени развитія, оказывалось скручиваніе въ улучшенныхъ стадахъ тогда, когда облагораживаніе ихъ и доведеніе шерсти до вышей тонны производено слишкомъ скоро, посредствомъ самыхъ тонкорунныхъ барановъ. Чтобы повѣсть это обстоятельство, надобно вспомнить, что въ шерстинахъ простыхъ русскихъ овецъ почти вовсе нѣтъ жиру, который составляетъ особую принадлежность мериносовыхъ рунъ, но-крайней-мѣрѣ нѣтъ въ такомъ количествѣ какъ у мериносовъ. Если толстыя шерстины простой породы слишкомъ скоро принимаютъ высокую тоннну, то замечено, что соответственное преобразование устройства кожи животныкъ иногда замедляется и, такъ сказать, отстаетъ въ своемъ развитіи; вследствие этого замедленія кожа не отдѣляетъ столько жиру, сколько необходимо для овлаживанія и приданія подлежащей мягкости шерстинкамъ, которыя, несмотря на высокую тоннну свою, остаются жесткими и оттого получаютъ неправильныя, угловатыя изгибы, принимаютъ косвенныя направленія, и сплываются. Изъ этого ходу дѣла видно, что, при слишкомъ поспышномъ облагораживаніи простыхъ породъ, шерсть ихъ, получая высшую тонность, не можетъ быть такъ мягка, какъ бываетъ у настоящихъ промныхъ мериносовъ, и потому-то причина, состоящая въ маломъ количествѣ отдѣляемаго ке-

лово, жирно, пружина; въ самоуширу пружина, къ доушности
костей до тѣхъ шерсть; кожа; до совершенна оной шерсть
внутриной переобразованіе всего мѣт. организма; ...

«Воспоминаніе» шерсть; къ скручиванію, пѣбарушивается
одинъ; ахиллѣ; это состоитъ въ томъ, что, мѣт. мѣт.
къ шерсть; (с) которыхъ они рождаются, оная шерсть значи-
тельную пружинитъ; такъ что, если какъ растъ; нуль; на распрям-
леніе; выпустить; то они опять окружаются; съ силою и ве-
село; какъ пружины. Позже, во время подростанія, они
понижаются не теряя спиральной своей формы. Вмѣстѣ съ
тѣмъ; замѣтна округлость руна; и если внимательно рассмо-
треть шерсть; то легко замѣтитъ на шерстинкахъ выпря-
вленныя, изогнутыя; угловатыя изгибы. Въ зале-
женности; пальцы; разлуги; скручиваніе; оказывается не
прямое; какъ послѣ; первой; стрижки; и то всегда станемъ
оною кожей; откуда распространяется внизъ; по мѣт.
тѣмъ; и по; обранъ; искрививъ лучшія; отгнѣненія; руна, оно
достигаетъ; мѣт. замѣтъ; частей; тлуовица. Въ первой,
мѣт. значительной, степени; этого; порока, поверхность; ру-
на; блѣдная; неровная, получаетъ; впадины; на тѣхъ мѣ-
стахъ; гдѣ; шерстины; и; косички; больше; спущаны; и; отпо-
станулись; и; осели; и; образуетъ; возвышенности; на тѣхъ
мѣстахъ; которые; мѣт. поражены; этимъ; извращеніемъ.
Вследствіи; съ; совершеннымъ; равнѣіемъ; порока, все ру-
но; покрывается; маленькими; твердыми; узелками; и; то-
гда; шерсть; мало; годна; къ; употребленію; ...

Скручиваніе; составляетъ; порока; тѣмъ; больше; неприятный,
что; оно; скоро; распространяется; по; всему; руно; и; сильно; раз-
вѣдывается; если; одержимы; мѣт. овцы; и; бараны; которые;
между; собою; совокупляются. Основывается; на; жесткости; и
сидкости; руны; животныхъ; подверженныя; этому; пороку,
и; не; только; тонны; къ; шерсти, много; ошело; для; шко-
ронія; его; употребленія; самыхъ; густо-шерстныхъ; обыкно-
венно; шерсть; тонны; барановъ; но; бѣт. частью; шер-
ва; жесткости; своей; дѣли; потому; что; шерсть; такъ; барановъ;
обыкновенно; одарена; сильною; упругостью; которая;
скоро; можетъ; поддаваться; къ; увеличенію; порока; нѣтъ;
къ; его; увеличенію. Какъ; османная; шерсть; скрутиванія;
состоитъ; въ; слишкомъ; жесткомъ; оухомъ; и; хрупкомъ; составѣ;

въ шерстяной нити, въ процесѣ работы отъ того несправильнаго
дѣйствія, которое даетъ шерстинкамъ извѣстную изогнутость
и, для употребленія этого порока, сдѣлать употребленію
бараньяго самой чистой крови, омытыхъ тонкою, сла-
биною, весьма мягкой шерстью, съ изгибами извѣстными,
растянутыми; и тогда можно будетъ надѣяться, что пороки
этого уничтожатся въ первомъ или во второмъ поколѣніи.

Къ порокамъ формы шерстинокъ принадлежатъ слабая
и плоская шерсть, которой шерстинки, вмѣсто формы кру-
лой, принимаютъ плоскую, угловатую форму. Подъ вѣзломъ
на нижней части ороговѣвъ нѣрѣдко встрѣчаются шерстин-
ки, которыя имѣютъ эту сжатую форму отъ лежанія на нѣкъ
животныхъ, и тогда онѣ не составляютъ порока, который
означается распространеніемъ сжатыхъ, плоскихъ шерстинокъ
по всему руну или, по крайней мѣрѣ, по большей его части.
Плоская шерсть, не обладающая достаточною гибкостью, худо
прядется, даетъ нить слабую и ткани не прочныя, плохо сра-
живающіяся; особенно погрѣшаетъ она тѣмъ, что лишена
лоску, имѣетъ грязный цвѣтъ, и потому краски на ней вы-
ходятъ худо.

Весьма важный порокъ составляетъ неуровненность шер-
сти, какъ въ отношеніи мѣры собственнаго діаметра раз-
ныхъ точекъ шерстинокъ, такъ и относительно разныхъ час-
тей руна. Изъ смеси шерсти неровнаго образованія и тон-
кости, нельзя спрядеть ровной, хорошей нити, а потому и
ткань, изъ нея приготовляемая, не будетъ имѣть ни гладкой,
ровной, лоснящейся поверхности, ни той крѣпости, кото-
рая присвоена тканямъ, выдѣлываемымъ изъ совершенно
уровненнаго матеріала. Неуровненность руновъ и самихъ шер-
стинокъ особенно присвоена шлѣнкамъ, но порокъ этотъ
свойственъ и пороку инфантадо, у которой шерстинки къ
концамъ обыкновенно бываютъ толще.

Порокъ, относящійся частью къ формѣ, частью же къ со-
ставу шерстинокъ, составляютъ жесткіе или ломкіе. Онъ об-
наруживается на пятой или шестой части шерстинки, считая
отъ ея верхушки. Начиная съ конца внизъ на пальцахъ или на
ладони, шерстинки загибаются, мертвеютъ и затвердѣваютъ
какъ щетка, такъ что если водить рукою по руну, она вы-
зывается на-опушь какъ твердая щетка. Затвердѣвшая часть

почти всякая изгибовъ и гибкости, нѣзгъ форму и твердость: мягкой шерстины, и обыкновенно гораздо толще чѣмъ шерстинки; здоровая часть шерстинки. Нѣрѣдко случается, что эти заостренные концы, почти омертвѣлые, расщеплены въ длину на два и даже на три части. Порокъ этотъ, какъ уже было показано при разсмотрѣннн сильнаго вліянія жаровъ на руно, действительно часто происходитъ тогда, когда овцы, особенно же ягнята, тотчасъ послѣ стрижки, подвергаются сильному зною, который иссушаетъ чрезвычайно нѣжные, чувствительныя концы шерстинъ, предохраненныя до стрижки, отъ вліянія всякъ вредныхъ наружныхъ условій посредствомъ плотнаго, непроницаемаго, густаго руна. Подобное вредное вліяніе, но въ меньшей степени, оказываетъ на остриженныхъ, особенно молодыхъ; ягнятъ; холодный вѣтеръ и мокрота. Если порокъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ только наружнымъ условіямъ, то онъ, по прекращеніи ихъ дѣйствія, на слѣдующій годъ совершенно исчезаетъ; но иногда онъ составляетъ принадлежность породы, что особенно встрѣчается въ племенахъ облагоороженныхъ, не достигнувшихъ еще до высокой степени улучшенія, какъ у плѣнокъ первыхъ двухъ или трехъ поколѣній: въ этомъ случаѣ онъ проходитъ при дѣйствіи постепеннаго облагоороживанія, если употребляемые бараны будутъ кровныхъ, благородныхъ, породъ. Такая шерсть тогда только годна къ выдѣлыванію тканей, когда омертвѣлые концы, въ которыхъ мюзгъ или жиръ высохъ и принялъ твердое состояніе, отрѣжутся, что фабриканту причиняетъ значительный ущербъ въ вѣсъ и хлопотливую работу.

Въ отношеніи къ составу шерстинокъ, шерсть, въ противоположность надлежащей, присвоенной себѣ крѣпости и растяжимости, бываетъ слаба и ломка, такъ, что при самомъ незначительномъ усилии растянуть ее, разрывается: иногда она рвется или ломается даже при простомъ расправленіи изгибовъ. Порокъ этотъ присвоенъ шерсти больныхъ, внутреннихъ животныхъ; и шерсти, выросшей послѣ смерти овцы на снятой шкурѣ; впрочемъ и лучшая шерсть теряетъ свою крѣпость, если, послѣ стрижки, будетъ сложена вблизи сырага; и оттого подвергнется некоторой степени гнилости.

Въ порокахъ этой же категоріи относится вялость шерсти или слишкомъ малая степень ея упругости, отчего она плохо сваливается, и слишкомъ большая упругость, доходящая до степени жесткости, которая причиною, что шерсть обрабатывается съ затрудненіемъ и что вытканныя изъ нея сукна слишкомъ сильно сбываются при валяніи. Ткани изъ такой, слишкомъ упругой, жесткой шерсти, всегда очень жестки на-ощупъ и видомъ гораздо хуже чѣмъ должны бы быть по тонкости употребленной шерсти. Оба эти порока, вялость и излишняя упругость, познаются по образованію изгибовъ шерстинъ и по явленіямъ, оказывающимся при ихъ разрываніи.

Кромѣ-того случается еще, что шерсть бываетъ жестка, негибка, трудно обрабатывается, мало имѣетъ упругости, и потому худо сваливается, отчего и изготовляемые изъ нея ткани остаются жидки. Порокъ этотъ познается по малой гибкости шерстинъ и растянутымъ ихъ изгибамъ.

Весьма неприятный недостатокъ шерсти есть отсутствіе въ ней лоску, познаваемое по наружному виду и непроясвляемости шерстинъ, если ихъ разсматривать противъ свѣту. Ткани, выдѣлываемыя изъ такой шерсти, также лишены лоску, и, при окрашиваніи, весь цвѣтъ выходитъ на нихъ дурно, съ недостаточною свѣжестью и яркостью; даже черный цвѣтъ такихъ тканей не имѣетъ надлежащей черноты и лоску, несмотря на самую тщательную отдѣлку суконъ.

Въ противоположность параллельному направленію шерстинокъ, присвоенному каждому хорошему руно съ шерстинками однообразно-правильнаго образованія, иногда оказывается, что онъ, особенно при различной толщинѣ и неправильныхъ изгибахъ, принимаютъ въ ростъ неправильныя направленія, переходя изъ одной косички въ другую, что означаютъ выраженіемъ «спутанное руно.» Порокъ этотъ у благородныхъ, кровныхъ животныхъ почти никогда не встрѣчается, но присвоенъ плѣнкамъ, находящимся еще на низкой степени облагороживанія, и особенно если улучшение было производимо баранами слишкомъ тонкими въ сравненіи съ простыми матками: тогда благородныя отцовскія и простыя материнскія шерстинки, имѣющія раз-

личную толщину и различной жары и образования кустовъ и произрастающія въ рунахъ смѣшанно между собою, не отдѣляются въ правильныя параллельныя косицы, но перемѣшиваются между собою въ безпорядкѣ. Такая шерсть, по неуровненности своей, плохо обрабатывается и еще хуже красится, при чемъ и цвѣта выходятъ обыкновенно не яркіе и свѣжіе, а мутные и безъ лоску.

Съ этимъ порокомъ сходствуетъ войлоко-образное руно, то есть, такое, въ которомъ шерстинки, отъ самаго основанія своего, при выхожденіи изъ кожи, разрастаются врознь во всѣ стороны, и такъ путаются и сплетаются между собою, что надъ кожею сбиваются въ видѣ войлока. Сбитое изъ такой войлокъ руно, при некоторомъ усилии, разрывается, но косицы его вовсе не могутъ быть отдѣляемы одна отъ другой пальцами, какъ концы руна правильнаго устройства. Иногда этотъ порокъ оказывается въ нижнихъ частяхъ руна, на тѣхъ мѣстахъ тѣла, которыя подмачиваются во время лежанія овецъ; но случается, что онъ распространяется и по всему руно. Причина этого измѣненія не заключается, однако жъ, въ неправильныхъ изгибахъ шерстинокъ, которыя, напротивъ, въ сбитыхъ мѣстахъ почти совсѣмъ расправлены, такъ, что шерстинки болѣе или менѣе прямы, но происходитъ вѣроятно отъ измѣненія самой кожи животныхъ и зависящаго оттого состоянія лужевицъ, которыя, будучи сдвигаемы изъ надлежащаго положенія, лишаются правильнаго своего размѣщенія, и, пробираясь черезъ поры, принявшія неправильное положеніе, сами, сообразно тому, направляются въ разныя стороны. Потому-то порокъ этотъ, скрывающійся въ самой организаціи животныхъ, очень легко становится потомственнымъ и передается отъ родителей дѣтямъ. Некоторые овцеводы полагаютъ, что и содержаніе овецъ имѣетъ вліяніе на развитіе войлоко-образнаго руна. Такъ иные утверждаютъ, что сбиваніе руна въ войлокъ происходитъ тогда, когда, при дурномъ, скудномъ содержаніи овецъ, некоторая часть шерстинокъ вылезаетъ, и, оставаясь между здоровыми шерстинками, спутывается и сплетается съ ними въ разныхъ направленіяхъ. Однако жъ этому, объясненію противурѣчитъ опытъ; мнѣ случалось видѣть, что, на хорошо корм-

животныхъ, обитающихъ въ войлокѣ шерстяныхъ, въ исполненіи, распавленія дугибы, были на животныхъ и совершенно здоровы, и всѣ находились въ соединеніи съ кожей дуконцами, такъ, что послѣ стрижки такова руна оставалась на мѣстѣ корешки обнаруживали разнообразное спутанное направленіе во всѣ стороны съ самаго мѣста къ выходу изъ кожи. Другіе овцеводы полагаютъ, что на образованіе войлоко-образнаго руна имѣютъ значительное вліяніе содержаніе овецъ въ слишкомъ тѣплыхъ, сухихъ овчарняхъ, выстроенныхъ изъ гонимой и не структуренныхъ известкою, особенно если животныя изъ такихъ помѣщеній часто выпускаются на морозъ, или долго стоятъ близъ холодныхъ, каменныхъ стѣнъ такихъ овчаренъ. Если принять въ соображеніе, что мѣстное измѣненіе руна въ войлокъ случается всегда на тѣхъ частяхъ, которыя при лежаніи животныхъ подмачиваются, то приведенная причина заслуживаетъ вниманія. Шерсть, считающаяся видъ войлока, ни къ какому издѣлю не годна, и потому нижняя часть такихъ рунъ вся обрѣзывается, а въ дѣло употребляются только верхніе концы, если они достаточно правильнаго образованія. У мериносовъ порокъ этотъ встречается очень, очень рѣдко; чаще обнаруживается онъ у шлеюкъ, находящихся на низкой степени облагораживанія, и особенно часто у простыхъ овецъ.

Слишкомъ скудный, равно какъ и слишкомъ сильный кормъ овецъ, оказываетъ одинаково дурное вліяніе на качество ихъ шерсти, и часто дѣлаетъ ее вовсе не годною къ употребленію или, по-крайней-мѣрѣ, бываетъ причиною дурнаго качества выдѣлываемыхъ изъ нея тканей. Къ такимъ измѣненіямъ, происходящимъ отъ содержанія, принадлежатъ оскуднѣніе руна, — такъ называемая «изголодавшая» шерсть. Если овцы кормятся очень скудно, или получаютъ только мало питательную пищу, напримеръ, одну солому, и въ недостаточномъ количествѣ, такъ, что оны значительную часть искуждаютъ, то почти всѣ питательныя части, находящіяся въ организмѣ изъ корму, идутъ для поддержанія существованія однихъ важныхъ, жизненныхъ органовъ. Въ такомъ случаѣ шерсть достается чрезвычайно малая доля ея частей. Какъ растенія въ скудной почвѣ остаются

ся скудными и тонкими стеблемъ, такъ и шерстинки, вырастающія на животномъ при голодномъ его состоянїи, оскудвѣваютъ, дѣлаются тоньше, и измѣняются въ прочностн своего состава, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаются значительной части свойственнаго себѣ жиру. Такая шерсть, оскудѣвшая и вѣсохшая отъ недостаточнаго питанія, означается названіемъ «изголодавшей», названіемъ, котораго заслуживаетъ, какъ по произрастанію на истощенныхъ голодомъ животныхъ, такъ и по собственному оскудвѣнію отъ недостаточнаго прилива питанія. Съ-виду она кажется тоньше обыкновенной шерсти, снятой съ хорошо содеранныхъ овецъ, но, послѣ мытья, разбухаетъ и дѣлается толще, между-тѣмъ какъ послѣдняя, по очищеніи отъ облекающаго ее вѣту, дѣлается тоньше. Кромѣ-того, изголодавшая шерсть всегда слаба составомъ, недовольно крѣпка, суха, ломка и, обыкновенно, почти вовсе лишена упругости, почему и не годна ни на какія порядочныя издѣлія.

Если недостатокъ въ производимомъ кормѣ доходитъ до такой крайности, что животныя только-что живы, то шерсть останавливается вовсе въ своемъ ростѣ и лишается почти всей своей жизненности, что бываетъ также и во время сильныхъ, изнурительныхъ болѣзней. Въ такомъ случаѣ, кожа животныхъ покрывается высохшею кожецею, отдѣляющеюся въ видѣ небольшихъ пластинокъ, похожихъ на чешую; потъ или жиръ шерсти сгущается, и наконецъ высыхаетъ, осѣдая кусочками на шерстинкахъ и покровахъ. Когда животное начинаетъ оправляться отъ болѣзни, или вдругъ помѣстится на сытную, обильную пищу, то верхнія, омертвѣлыя части шерстинокъ лишаются связи со вновь-образующимися нижними, здоровыми частями, которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, подрастаютъ съ нѣкоторою силою, и, совершенно отдѣлившись, поднимаются, отчего руно выливается клочками. Это видно весьма часто на простыхъ овцахъ, содержимыхъ зимою въ холодныхъ помѣщеніяхъ, на скудномъ корму, которыхъ руно, весной, при наступленіи теплой погоды и появленіи сытнаго корму на пастбищахъ, почти цѣликомъ отстаетъ отъ кожи животныхъ. Этотъ случайный порокъ, зависящій единственно отъ скуднаго и холоднаго содержанія

простых русских овец; случался у них почти наследственной принадлежностью породы. У мериносов, содержащихся зимою в теплых помещениях и на хорошей корму, руно сходит таким образом не иначе как разве носом изнурительных болезней.

Если овцы были кормлены дурно, такъ, что шерсть отъ того пострадала въ своемъ ростѣ, но не совсемъ еще омертвѣла; а случалась изголодавшею, и если, съ такого дурнаго корму, оны вдругъ будутъ помѣщены на очень сытную пищу, то нижняя часть шерстинокъ, подрастающая подъ вліяніемъ обильнаго питанія, одаренная надлежащею жизненностью и присвоенною себѣ тонкостью, видимо отдѣляется отъ верхней части, такъ, что на мѣстѣ соединенія изголодавшей и здоровой частей, образуется какъ-бы переломъ. Такого образованія шерсть называется «двурослою.» Порокъ этотъ можетъ случиться, если овцы болѣли, но не такъ тяжело, чтобы шерсть омертвѣла и вылезла. Шерстинки двурослой шерсти состоятъ обыкновенно изъ трехъ частей, изъ которыхъ верхняя, здоровая, потолще; потомъ слѣдуетъ тонкая, какъ-бы высохшая, изголодавшая часть, которая, посредствомъ втораго перелома, переходитъ въ нижнюю, болѣе толстую, здоровую часть. Естественно, что приготовляемая изъ такой шерсти ткани бывають весьма плохаго качества и чрезвычайно легко рвутся, потому что шерстинки, на изголодавшихъ мѣстахъ и переломахъ, лишены всякой крѣпости, и рвутся при вѣлѣишемъ напряженіи.

Противуположные изголодавшей шерсти пороки соединяетъ въ себѣ руно съ откормленныхъ на убой овецъ, которыхъ шерсть дѣлается длиннѣе, толще, пряже и вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ мягкость и гибкость, какъ и большую часть своей упругости, особенно если откармливаемыя животныя содержатся въ весьма теплыхъ помѣщеніяхъ. Изъ этого видно, какъ важно для успешнаго ходу тонкоруннаго овцеводства и производства одаренной всеми хорошими качествами шерсти, надлежащее, соответственное цѣли, содержание и кормъ овецъ.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ пороковъ, иногда оказываются въ рунахъ тонкорунныхъ овецъ различнаго образованія

волосы, отличающиеся, какъ толщиною, такъ и формою, отъ остальныхъ шерстяныхъ. Волосы этихъ животныхъ три различныхъ вида.

Одни изъ нихъ щетинистаго свойства, совершенно прямы, гладки, тверды и толсты, коротки, къ концу заострены, и лоснящаяся благо цвѣту. Они не такъ глубоко проникаютъ въ кожу своими корнями какъ шерстинки, сидятъ слабо, глядясь своими луковицами близъ поверхности покрововъ, и вовсе не входятъ въ составъ косицы, а пролирастаютъ отдѣльно, по-одиначкѣ. Въ рунахъ породы инфантадо и вообще всѣхъ испанскихъ племенъ мериносока, щетинистые волосы встрѣчаются почти какъ родовая принадлежность на всѣхъ частяхъ тѣла, не исключая и локотокъ; у саксонскихъ же мериносовъ, они произрастаютъ развѣ только на головахъ и нижней части окороковъ, во въ самомъ рунахъ никогда не встрѣчаются. Присутствіе этихъ щетинистыхъ и шилообразныхъ волосъ мало вредитъ руно, потому что они не соединены съ концами, а примычаны къ стриженной шерсти, какъ чуждые, постороннія частицы, и, при обработываніи шерсти, довольно легко выпадаютъ. Вредъ ими причиняемый состоитъ преимущественно въ надрасномъ увеличиваніи вѣса шерсти.

Другаго роду туневидные волосы, произрастающіе въ рунахъ, суть такъ называемые «собачьи волосы», которые составляютъ гораздо болѣе вредный порокъ чѣмъ щетинистые. Они формою сходствуютъ съ шерстинами простыхъ русскихъ овецъ, почти совсѣмъ прямы, или едва волнообразно изогнуты. Они длиннѣе щетинистыхъ волосъ, такъ, что часто торчатъ выше поверхности руна, а толщиною превосходятъ остальныхъ шерстинокъ; какъ дуло этихъ волосъ очень мало объемисто, а стѣнки, сравнительно, толсты, такъ они одарены большою твердостью, входятъ въ составъ косицы, и тѣсно съ нею соединяются, такъ, что при обработываніи шерсти не вываливаются изъ руна, и потому могутъ быть отдѣлены отъ шерсти только посредствомъ вытаскиванія ихъ по-одиначкѣ, что составляетъ весьма затруднительную, копоткую работу. По этой причинѣ, собачьи волосы, считаются весьма вредною примесью къ шерсти въ отношеніи къ выдѣлываемымъ изъ нея продуктамъ.

шерстяныя; они представляют из себя тупую, плоскую массу, которую можно назвать волосом; они не имеют ни цвета, ни запаха, ни вкуса; они не принимают ни влаги, ни какой краски. Собачья шерсть, особенно белая, представляет из себя руно, которое находится у собаки, у которой она находится на боку; шерсть эта часто въ такомъ количестве, что, наизявляя уши, выстилаетъ, по все на длину хвостной перети. У саксонскаго порода собака; волосы составляютъ длиннѣе весьма рѣдкое, состоящее иногда на заднихъ окорокахъ животныхъ въ тѣхъ случаяхъ, которые еще близки къ породе дикой собаки или въ племенахъ смешаннаго происхождения, особенно въ тѣхъ, которыхъ облагораживание производится посредствомъ скрещиванія французскаго, англошотландскаго, и англошотландскаго породъ.

Третій родъ тупыхъ волосъ, портищихъ руно, состоитъ изъ такъ называемыхъ «соединителей» или связанныхъ волосъ, которые получили названіе свое оттого, что пробѣгаютъ руно по всемъ направленіямъ, и проходя на своемъ пути поперѣчь косицъ; связываютъ ихъ между собою. Уже по неправильнымъ направленіямъ, въ которыхъ эти волосы разрастаются во все стороны по руно, они отличаются отъ тѣхъ настоящихъ шерстинъ, которыя корнемъ происходятъ въ одной косицѣ, а стволомъ присоединяются къ соседственной, и, такимъ образомъ, производятъ сдѣленіе всехъ косицъ руна; но кромѣ неправильнаго направленія, эти «соединители» гораздо толще настоящихъ шерстинъ, а изгибы ихъ всегда имѣютъ отличительную форму: неправильны, растянуты или угловаты, и сжаты въ основаніи; къ концамъ же изгибы вовсе исчезаютъ и волосы эти вытягиваются въ прямая острія, которыя наощупь очень жестки. Они познаются легко, если распротертыми пальцами, впущенными до кожи, прочесать руно снизу вверхъ: тогда они остаются на пальцахъ въ видѣ связочекъ, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ хорошихъ настоящихъ шерстинъ, которыя, будучи ими перенутаны и перевязаны, вмѣстѣ съ ними вырываются. Этотъ родъ тупыхъ волосъ встрѣчается болѣею частью у шленокъ, и исчезаетъ вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ихъ облагораживаніемъ; но нерѣдко они оказываются и у животныхъ породы ин-

сантило, совершить поуровненные ряды, приращивающе на болышомъ-извѣстной, складчатой коже; необилуетъ вообще рѣдкогого ряду тунелдыны волосны, изъ которыхъ верьде два вида составивста погли необилуду; наследственную принадлежность ихъ породѣ.

Если соединители и собачьи волосы находятся на руна въ болышомъ количествѣ, и, въ пробльковешному распревлѣнїю своихъ изгибовъ, или сами по себѣ; длиннѣ настоящей шерсти, то они иногда выходятъ выше поверхности руна (что уже было сказано при разсмотрѣнїи исландскихъ овецъ), и перешутываются между собою въ видѣ сѣти, которая покрываетъ все руно. Иногда тунелдыные волосы концами соединяются между собою въ отдѣльныя остроконечныя связочки, которыя торчатъ по всей поверхности руна. При мутьѣ, эти волосы сбиваются въ жидкій войлокъ, и потому примышляная или шерсть вообще мало годна къ какому-либо употребленїю.

БАРОНЪ Ф. В. УНГЕРНЪ-ЦТТЕРНБЕРГЪ.

НОВАЯ МАШИНА

ДЛЯ ПРЯЖИ ШЕЛКУ, ИЗОБРЕТЕННАЯ, НА ПЕТРОВСКОМЪ ОСТРОВУ,
А. О. ГРАФЪМЪ.

Часто говорятъ, и почти всегда удивляются, что во всякомъ дѣлѣ самая простая идея приходитъ въ голову послѣдняя. Но самая простая идея, это — идея самая остроумная! Вся чуда природы основаны на самыхъ простыхъ идеяхъ. Настоящая польза, настоящая красота, и настоящее искусство, состоятъ въ простотѣ. Прямая, совершенно горизонтальная желѣзная дорога, на которой огонь и водяной паръ ровно и быстро передвигаютъ огромныя массы тяжестей — идея, безспорно, гораздо простѣе кривой и извилистой дороги, покрытой сотнями мелкихъ повозокъ и усталыхъ животныхъ. Но едва-ли со времени Колумбова яйца въ чьей-либо головѣ родилась идея простѣе той, на которой основанъ одинъ владѣлецъ шелкопрядильной фабрики, находящейся на Петровскомъ Острову, чтобы замѣнить нынѣшнія многосложныя машины этого труднаго производства другими болѣе удобнымъ снарядомъ. Это — самое удивительное, именно потому что оно самое простое, изобрѣтеніе нашего изобрѣтательнаго времени!

Нѣтъ ничего труднѣе для человека какъ скинуть съ себя что-какой-нибудь старинной идеи, переданной ему предками. Онъ вѣчный рабъ ея. По привыкѣ къ ней съ дѣтскихъ лѣтъ, ему кажется, что это — идея самая естественная, са-

мая простая, что дѣло иначе быть не можетъ въ природѣ, что ему предоставлено судьбою только улучшать и совершенствовать то, что уже выдуманно, не выходя изъ проведенной вѣками колеи. Пусть выдумка прядцовъ первоначально основана на обременительномъ и ложномъ началѣ: онъ этого не примѣчаетъ, и вѣчно будетъ ухищряться, чтобы изъ того же самаго начала извлечь для себя самые прибыльные плоды, не подозревая, что, можетъ-быть, въ природѣ, лежитъ возлѣ другое, болѣе богатое, начало, которое сдѣлало бы весь его ухищренія ненужными, если бы онъ догадался употребить его въ дѣло.

Эта великая истина особенно примѣняется къ прядильному искусству, едва-ли не важнѣйшему изъ всѣхъ искусствъ, потому что оно одѣваетъ человѣка.

Не извѣстно, кто первый выдумалъ веретено. Но, съ тѣхъ поръ, человѣчество стало рабомъ идеи веретена, оно закабалитъ себя ей, и до-сихъ-поръ увѣрено, что безъ веретена нельзя скрутить нитки. Шпуля — то же веретено, только немножко удобнѣе и обладающее болѣею крутящею силой и быстротою. Новѣйшія прядильныя ухищренія все безъ изъятія — болѣе или менѣе остроумныя видоизмѣненія веретена. Эти многосложныя и замысловатыя машины, на которыя гений механики излилъ сокровища своихъ соображеній и которыя изумляютъ насъ своей огромностью, своимъ чудеснымъ устройствомъ, быстротою и ровностью своего исполнскаго дѣйствія, эти машины — тоже не что иное какъ обыкновенное веретено, умноженное во сто тысячъ разъ. Какая сила нужна для приведенія, въ ровное дѣйствіе, такой массы вертящихся палочекъ! Какіхъ издержекъ стоить одно ихъ устройство! И какимъ неудобствамъ подвержено одно поддержаніе такихъ сложныхъ и нѣжныхъ снарядовъ въ исправности!....

А между-тѣмъ, какъ теперь оазывается, веретено вовсе не было нужно человѣку: можно прясть безъ веретена, безъ всѣхъ этихъ дорогихъ и затруднительныхъ выдумокъ, еще лучше, еще легче, быстрые и ровные. Какъ?.... Это секретъ Андрея Осиповича Графа! Мы не въ правѣ обнаруживать его тайны; однако жъ можемъ сказать, что все вы знаете

этотъ способъ , всѣ тысячу разъ употребляли его за недостаткомъ въ веретень , и никому изъ васъ не впаало на умъ , что его можно употребить въ основаніе прядильныхъ снарядовъ съ невѣроятною пользою , преобразовать при его помощи все прядильное искусство , низвергнуть всѣ эти гигантскія филатуры , сдѣлать быстрое и обширное производство прекраснѣйшихъ нитокъ домашнимъ дѣломъ всякаго семейства , обогатиться и обогатить цѣлыя области въ короткое время и почти безъ издержекъ . Вы презираете этотъ удивительный способъ , потому что онъ вамъ кажется глупѣе даже веретена , котораго онъ и былъ предшественникомъ на землѣ . Веретено изобрѣтено , чтобы замѣнить его . Познанія чловѣка въ механикѣ не позволяли тогда ему выдумать ничего лучше , и онъ оставилъ свой первый , простой , самый натуральный , способъ превращенія волоконъ въ нитки для этой нехитрой , и даже довольно неестественной выдумки . Но теперь , при нынѣшнихъ механическихъ средствахъ , мы можемъ возвратиться на великій путь природы , къ прядильной методѣ перваго чловѣка , и воспользоваться всеми ея преимуществами .

На какомъ началъ основана идея веретена? Каждый въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ . Веретено есть тяжесть , или двигатель , привязанный къ извѣстному числу волоконъ , съ тѣмъ чтобы , закрутивъ этого двигателя , заставить волокна закрутиться однѣ около другихъ и образовать изъ нихъ нитку . Сколько оборотовъ сдѣлаетъ веретено , столько и закрутовъ получится въ волокнахъ . Это обстоятельство чрезвычайно важно . Посредствомъ различныхъ механизмовъ , довели веретено до такой быстроты , что оно дѣлаетъ до 4,500 поворотовъ въ минуту , но никакъ не достигли того , чтобы оно произвело въ ниткѣ больше закрутовъ нежели сколько было поворотовъ веретена . Какъ ни вертите его , а изъ этого неудобства никакъ нельзя вернуться : на каждый закрутъ нуженъ особый поворотъ ! Если для образованія одного фута нитки нужно 500 или 1000 закрутовъ въ волокнахъ , то нужно столько же и поворотовъ въ веретень ; сила , приводящая веретена въ движеніе , дробится по точному числу веретень и закрутовъ : чѣмъ быстрѣе вертятся веретена , тѣмъ болѣе требуется

дѣйствующей силы, и съ помощію всей возможной быстроты можно сберечь много времени, но нельзя получить ни какой экономіи въ силѣ. Оттого прядильное производство съ веретенами обходится очень дорого. Оттого оно часто утравиваетъ цѣну матеріалу, передѣлываемаго въ нитки. Начало очевидно ложно.

Въ прядильной методѣ перваго челоуька, которой такъ удачно послѣдовалъ господинъ Графъ, напротивъ, всякій поворотъ, двигателя, на которомъ лежатъ волокна, можетъ закручивать ихъ тысячу разъ. Польза очевидна. Машина, построенная господиномъ Графомъ по этой методѣ, представлена была имъ на разсмотрѣніе Императорской Академіи Наукъ и привела въ изумленіе это ученое сословіе, когда каждый поворотъ двигателя дѣлалъ только пятьсотъ закрутовъ. Если бы столь знающіе судьи торжественно не засвидѣтельствовали истинны факта, если бы мы сами не видѣли этой удивительно простой машины и ея волшебнаго производства, то можно было бы почестъ дѣло за баснословное : машина господина Графа, на произведеііе равнаго числа закрутовъ, требуетъ только одной-двадцатой части той двигательной силы, какая нужна лучшимъ нынѣшнимъ прядильнымъ снарядамъ. Но это очень понятно. Двигатель, вмѣсто 4500 оборотовъ въ минуту, на которые издерживается огромная сила, поворачивается только 30 разъ, но каждый разъ онъ производитъ въ ниткѣ 1000 закрутовъ: следовательно, онъ ей даетъ 30,000 закрутовъ въ минуту, издерживая силъ не болѣе четверти двигательной силы. Числа 4,500 оборотовъ веретена и закрутовъ нитки въ минуту могли бы достигнуть только самыя отличныя Англійскія машины для пряжи хлопчатой бумаги. Обыкновенныя, италіанскія шелкопрядильныя мельницы, дѣйствующія также веретеними, дѣлаютъ не болѣе полторы тысяччи поворотовъ и закрутовъ. Но этому уже можно видѣть несравненное превосходство машины господина Графа передъ нынѣшними прядильными способами. Но она затмѣваетъ ихъ еще и въ другихъ, не менѣе важныхъ, отношеніяхъ.

Если войти въ нынѣшнія шелкопрядильныя мануфактуры, ужасъ и удивленіе обнимаютъ зрителя : огромныя залы

запрожжены безконечными и чрезвычайно сложными машинами. Шелковичные коконы состоятъ, какъ известно, изъ клубковъ плотно накрученнаго червемъ волокна, паутиной топины. Десять, пятнадцать, двадцать и болѣе такихъ волоконъ нужны для составленія одной тоненькой ниточки, скрученной въ одну сторону, и называемой *уткомъ*. Двѣ такихъ ниточки, скрученныя потомъ вмѣстѣ въ другую сторону, образуютъ болѣе крѣпкую нитку, известную въ торговлѣ подъ именемъ *основы*, или *органсина*. Отъ кокона до основы, шелкъ долженъ пройти черезъ пять различныхъ и весьма затруднительныхъ производствъ, размѣщаемыхъ обыкновенно въ отдаленныхъ залахъ : это значитъ, что нынѣшній шелкопрядильный процессъ требуетъ пяти механическихъ приборовъ, пяти родовъ работниковъ, пяти двигательныхъ силъ, пяти помѣщеній, пяти отопленій, пяти освѣщеній, пяти надзоровъ, и прочая, и прочая. Не мудро послѣ этого, что шелкъ такъ дорогъ! Для одного пуда основы нужно коконовъ на 70 или 80. рублей серебромъ, а пудъ этихъ ниточекъ стоить въ торговлѣ отъ 280 до 320 рублей серебромъ. Нѣкто Neville недавно придумалъ новый механизмъ, чтобы сократить эти пять производствъ въ три: конечно, это уже была бы большая выгода, но, по-несчастью, машины Невилля, на которыя онъ получилъ привилегіи въ Англіи и во Франціи, такъ сложны, такъ нѣжно устроены, такъ дорого обходятся и такъ трудно починиваются, что нѣтъ ни какой возможности употребить ихъ въ большомъ шдѣ, для обширнаго прядильнаго предпріятія.

Господину Графу было предоставлено произвести коренной переворотъ во всемъ этомъ процессѣ : удивительное дѣло! его простой снарядъ, дотога простой, что въ нѣсколькихъ словахъ можно было бы дать совершенно ясное понятіе обо всемъ его устройствѣ, соединяетъ въ себя всѣ эти пять запутанныхъ операций на пространствѣ двухъ квадратныхъ аршиновъ! Въ этомъ волшебномъ ящикѣ, который можно удобно помѣстить на ломберномъ столикѣ, съ одного конца развиваются коконы паутиными, едва приметными волокнами, съ другой выходитъ уже готовая нитка основы, или органсина, превосходно скрученная въ двѣ противоположныя стороны. И весь снарядъ

стоить, по оценкѣ Академіи Наукъ, не болѣе пятнадцати рублей серебромъ : каждый столяръ можетъ сдѣлать его съ помощію своихъ обыкновенныхъ инструментовъ ; каждый крестьянинъ, занимающійся шелководствомъ, можетъ имѣть его въ своемъ хозяйствѣ ; всякой ребенокъ можетъ привести его въ дѣйствіе и, почти безъ труда, повертывая только рукоятку, прясть на немъ безконечную нитку основы, неуступающую красотой, ровностью и прочностью нѣдѣліямъ превосходнѣйшихъ прядильныхъ машинъ Великобританіи. Пряжа, выдѣланная господиномъ Графомъ на этой машинѣ, была представлена здѣшнимъ фабрикантамъ шелковыхъ матерій и, по свидѣтельству Академіи Наукъ, оценена ими въ 320 рублей серебромъ за пудъ : эта цѣна дается только за самыя лучшія нитки для основы, соединяющія въ себя самую большую прочность съ самымъ меньшимъ вѣсомъ.

Изъ этого уже можно предвидѣть, какое вліяніе должно оказать блистательное изобрѣтеніе господина Графа на всю шелковую промышленность. Пудъ прекраснѣйшей основы, обдѣланной по его способу, не можетъ обойтись шелкопрядильному заводчику дороже 100 рублей серебромъ : если онъ возьметъ себѣ даже сорокъ или пятьдесятъ процентовъ барыша, то и тогда фабрикантъ шелковыхъ тканей можетъ приобрести этотъ пудъ нитокъ за 140 или за 150 рублей серебромъ, то есть за половину нынѣшней цѣны. Слѣдовательно, цѣна гладкихъ шелковыхъ матерій должна будетъ необходимо понизиться до половины, несмотря на эти огромные барыши, предоставленные здѣсь шелкопрядильному заводчику. Императоръ Юстиніанъ заплатилъ за первое шелковое платье для своей супруги вѣсомъ золота, равнымъ вѣсу ткани, вѣроятно очень простой. Прійдетъ время, что гробнапчи и левантинны будутъ стоить не дороже хорошихъ ситцевъ.

Свѣтъ давно уже ходилъ бы весь въ шелку, если бы прядильное искусство прежде было основано на томъ же естественномъ началѣ, которое господинъ Графъ употребилъ теперь въ дѣло съ такимъ неизмовѣрнымъ успѣхомъ. Италія, Франція, Испанія, Португалія, Турція и наши южныя об-

ласти, въ состояніи доставить шелку на цѣлое полушарье; во до-сихъ-поръ шелководство встрѣчало страшное затрудненіе въ мучительномъ процессѣ пражки коконовъ съ помощію веретенъ: почти не было ни какой выгоды заниматься воспитаніемъ червей; коконы продаются за безцѣнокъ шелкопрядильнымъ заводчикамъ; товаръ получаетъ высокую цѣну уже въ передѣлкѣ, и весь барышъ остается въ рукахъ фабрикантовъ. Оттого, почти вездѣ шелку производилось очень мало въ сравненіи съ природными удобствами страны къ этой промышленности. Съ другой стороны, трудность передѣлки дѣлала и самое шелкопрядильное искусство, во многихъ мѣстахъ недоступнымъ для промышленниковъ: не будучи въ состояніи употребить значительныхъ капиталовъ на дорогія и многосложныя машины и не умѣя обращаться съ ними, они мучительно производили дурную пражу по кое-какимъ способамъ, и продавали ее по низкимъ цѣнамъ, отчего и сами не получали большаго барыша и не могли поощрить дѣятельности шелководовъ. Такъ, напримѣръ, нашъ закавказскій шелкъ-сырецъ, выдѣлываемый туземными прядильщиками изъ коконовъ, ничѣмъ не уступающихъ лучшимъ италіянскимъ, продается на нижегородскихъ ярмаркахъ не болѣе какъ по 400 и по 500 рублей ассигнаціями, и то съ большимъ трудомъ. Стоитъ ли послѣ этого хлопотать о шелководствѣ? Но какія благодѣтельныя послѣдствія можетъ, и будетъ, имѣть изобрѣтеніе господина Графа для благословенныхъ странъ, предназначенныхъ самою природою къ воспитанію шелковичныхъ червей! Съ какимъ рвеніемъ займется тамъ этимъ дѣломъ всякой сельскій хозяинъ, когда столь простая и столь дешевая машинка дастъ ему возможность при-дѣлать своимъ коконамъ высокую цѣнность передѣлкою ихъ въ прекрасную пражу; когда это маленькое орудіе освободитъ его отъ ига прядильщиковъ, поглощающихъ теперь своими неискусными способами весь его законные барыши; когда всякій поселянинъ будетъ въ состояніи, въ свободное отъ другихъ работъ время, производить у себя дома, вѣдь, не менѣе совершенное того, какое теперь доставляють торговль однѣ только богатые прядильныя заведенія?... Станемъ говорить о себѣ. Эта маленькая машинка мо-

жесть сделаться преобразовательницею обширныхъ областей нашего собственного отечества ; можетъ создать въ нихъ цѣлую новую промышленность , покрыть нагія степи тутовыми плантаціями , разлить дѣятельность , жизнь и довольство въ земледѣльческомъ классѣ , поощрить ткацкое искусство въ другомъ , и сберечь огромные капиталы для народнаго богатства. Наши южныя области въ состояніи производить гораздо болѣе шелку , нежели сколько нужно для внутренняго потребленія. Между-тѣмъ мы ежегодно выписываемъ на три милліона рублей серебромъ пряденаго италіянскаго шелку , единственно потому что нашъ отечественный , по причинѣ дурной пряжи , не годенъ къ употребленію : онъ , какъ мы сказали , продается по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ , не доставляетъ приличныхъ барышей первому производителю , и тотъ не старается производить его въ достаточномъ количествѣ. Но стоить только снабдить эти области тѣмъ простымъ и легкимъ средствомъ превращать его въ прекрасную пряжу , какой нынче представляется , и три милліона рублей серебромъ ежегодно останутся въ государствѣ. Отъ Петра Великаго до нашихъ временъ , правительство не щадило ни какихъ усилій и пожертвованій чтобы распространить у насъ шелководство : всѣ мѣры оказались тщетными , потому что грубое состояніе туземнаго прядильнаго искусства съ одной стороны , и дорогое производство хорошей пряжи на выписныхъ машинахъ съ другой , постоянно лишали шелководу приличнаго вознагражденія за его трудъ. Несмотря на льготы и другія великодушныя поощренія , сельскому хозяину невыгодно было воспитывать червей , и мы всегда покупали шелкъ у иностранцевъ , тогда какъ могли бы , не только удовлетворить свои нужды отечественнымъ шелкомъ , но и вывозить часть его за границу.

Упустить ли нынче Россія превосходный случай достигнуть того , на что она уже сделала столько пожертвованій? Конечно , нѣтъ. Великое изобрѣтеніе состоялось между нами : оно , безъ сомнѣнія , обратится на пользу и славу нашего отечества .

Изъ заключенія Императорской Академіи Наукъ о во-

ной шелькопрядильной машинѣ господина Графа видно, что изобрѣтатель намѣренъ взять на нее привиллегію. Нѣтъ ничего законнѣе этого намѣренія. Но полная перемѣна основнаго начала во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ составляетъ нѣтъ выше того, что обыкновенно называютъ «изобрѣтеніемъ»: это — переворотъ; и когда эта перемѣна начала случается такой важной части какъ производство одежды, то она, вѣдшемъ вѣкъ, не можетъ быть смѣшана съ обыкновенными изобрѣтеніями. Жакаровъ станокъ названъ былъ благодѣяніемъ человечеству. Открытіе господина Графа, въ неизмѣримой степени, выше и полезнѣе механизма, изданнаго Жакаромъ. Теперь оно примѣнено имъ только къ пряжѣ шелку; но въ этомъ открытіи заключается важная и великая механическая истина, которая должна преобразовать все прядильное искусство: она состоитъ въ томъ, что, оставивъ систему веретенъ, и следуя методу, указываемой челоуьку самой природою, мы можемъ готовить, для нашей одежды, то же самое количество пряжи съ помощію только одной-двадцатой части силы, какъ употребляемой нами; что всякій поворотъ двигателя можетъ образовать на ниткѣ 1000 закрутовъ; что въ одну минуту времени можно сдѣлать 30,000 такихъ закрутовъ, или 8 сажень ровно и превосходно скрученной нитки, и что эти безцѣнные выгоды получаются посредствомъ самаго простаго снаряда, который, будучи устроенъ на двѣ нитки, то есть, производя 16 сажень въ минуту, или двѣ версты пряжи въ часъ, занимаетъ въ комнатѣ мѣста только двѣ квадратныхъ аршина и стоить не болѣе 15 рублей серебромъ. Сообразите, исчислите только, удивительныя преимущества этой методы: въ ткани голландскаго полотна обыкновенно полагается 100 нитокъ на 1 дюймъ длины, то есть, 1000 дюймовъ нитки въ 1 квадратномъ дюймѣ, или 9,000 аршинъ нитки въ одномъ квадратномъ аршинѣ; выходятъ, что мальчикъ, или женщина, приводящая въ движеніе простейшій снарядъ господина Графа, можетъ въ три часа времени изготовить пряжи на квадратный аршинъ тонкаго полотна. А въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и Академія Наукъ признала эту истину, что благодѣтельное начало, употребленное теперь господиномъ Графомъ для пряжи

шелку, можетъ очень легко быть распространено на пряжу шерсти, льну, хлопчатой бумаги, конопли и всякихъ волоконъ. Положимъ теперь, что изобрѣтатель возьметъ привилегію; онъ, конечно, будетъ вознагражденъ большими барышами за свое открытіе: но какую пользу получить отъ этой десяти-лѣтней монополіи Россія, государство, въ которомъ совершилось такое важное открытіе? Она не только не получитъ ни какой пользы, но еще, рѣшительно можно сказать, понесетъ чувствительный вредъ. Между-тѣмъ какъ секретъ будетъ скрытъ отъ нея втеченіи десяти лѣтъ, онъ можетъ быть проданъ промышленникамъ Англій, Франціи и Италіи. Тамъ произойдетъ благодѣтельный переворотъ въ прядильномъ искусствѣ, а Россія всё останется при старой системѣ веретенъ, исключая одного заведенія, принадлежащаго самому изобрѣтателю. Тамъ цѣны на прядильные товары значительно понизятся, а у насъ останутся прежнія, и когда, послѣ десяти лѣтъ, мы узнаемъ тайну и получимъ право пользоваться ея выгодами, то уже будемъ не въ состояніи выдержать соперничества съ иностранными прядильщиками, обогнавшими насъ въ дѣлѣ: они завалятъ насъ своими дешевыми издѣліями, и русскій производитель, не находя для себя немедленной выгоды отъ новаго способу производства, не покажетъ нужнаго къ нему усердія. Италія и Франція одного сырцу-шелку производятъ въ годъ на 300,000,000 франковъ. Англія, потому что ея индійскій шелкъ прядется на-мѣсть такъ же дурно какъ и нашъ русскій, принуждена покупать ежегодно на 80,000,000 франковъ италіанскаго шелку. Пока у насъ будетъ обогащаться одно прядильное заведеніе, Италія и Франція, принявъ методу господина Графа, выиграютъ ежегодно 50,000,000 франковъ издержекъ на одной обдѣлкѣ сырцу въ шелковыхъ мельницахъ, а индійскій шелкъ, по причинѣ несдыханной дешевизны работы на-мѣсть, наводнитъ собою черезъ Англію всѣ сѣверные рынки. Въ этой перспективѣ, для Россіи, матери великаго открытія, не видно ничего кромѣ убытковъ. Если десяти-лѣтнія монополіи, называемыя привилегіями изобрѣтателей, совершенно справедливы, и даже весьма благодѣтельны, когда дѣло идетъ объ обыкновенныхъ изобрѣтеніяхъ, относящихся къ предметамъ ис-

кусочки, роскоши или мелких удобствъ, то нельзя сказать, чтобы они были такъ же хороши въ случаѣхъ важныхъ открытій, касающихся первой потребности жизни и чести роднаго богатства государствъ. Здѣсь первымъ монополистомъ имѣетъ право быть та земля, гдѣ сдѣлано открытiе, а не тотъ человекъ, который его сдѣлалъ. Справедливость не терпитъ ни какого ущерба отъ этого правила: въ такихъ случаяхъ открытiя покупаютъ самими государствами и становятся ихъ народною собственностью; изобретатель всегда получаетъ приличную награду, гений должно поощрять. Вотъ почему было бы чрезвычайно желательно, чтобы дивное открытiе господина Графа, торжественно одобренное первымъ ученымъ сословіемъ Россiи, могло также сдѣлаться народнымъ русскимъ открытiемъ, съ условiемъ для изобретателя приложить его еще къ пряжѣ шерсти, льну и хлопчатой бумаги. Не дѣлая ни какихъ невозможныхъ сравненiй, можно сказать по совѣсти, что это открытiе несомнѣнно важнѣе, для челоуѣчества, всѣхъ дагерротиповъ, элекротиповъ, и другихъ потѣшныхъ выдумовъ.

Вотъ, что, между прочимъ, сказано объ немъ въ ученомъ, и безпристрастномъ заключенiи академiи, состоявшемся седьмого мая 1841 года и обнародованномъ въ *Journal de Saint-Petersbourg*, № 298.

«Положимъ, какъ это и есть въ самомъ дѣлѣ, что нить шелковой основы, или органсину, требуетъ 500 закрутокъ на одинъ футъ своей длины. Въ нынѣшней системѣ нужно для этого 500 поворотовъ веретена.

«Надобно согласиться, что веретено должно вертѣться очень быстро и повернуться много миллионъ разъ, пока она испрядетъ нить, достаточную на одно женское платье.

«Отсюда необходимость невѣроятной быстроты вращенiя веретень. Въ шелковыхъ мельницахъ они поворачиваются обыкновенно отъ 1,200 до 1,500 разъ въ минуту; въ бумажныхъ придвальныхъ, 4,000 разъ и болѣе. И притѣмъ нужно, чтобы каждая нить имѣла свое веретено.

«Сколько опытовъ, какихъ удивительныхъ усовершенствованiй»

ствования механики, нужно было чтобы довести веретена до такой быстроты, чтобы устроить, приладить и уронить ихъ съ той точностью, какой требуетъ столь нѣжное и тонкое производство!

«Присовокупимъ, что тутъ еще необходима одна, общая, двигательная сила, которая должна разливаться по всамъ частямъ механизма съ величайшею ровностью, чтобы придать совершенно одинаковое движеніе этому непомѣрному множеству веретенъ, доходящему въ большихъ прядильныхъ заведеніяхъ до 80,000 и до 100,000.

«Весьма замѣчательно, что, и въ наукахъ и въ промышленности, люди всегда упорно держатся однажды принятыхъ идей и способовъ, разнообразя ихъ до безконечности, но полагаютъ невозможнымъ измѣнить ихъ основное начало.

«Такимъ образомъ, кажется, что никто донынѣ и не пытался измѣнить старинное начало, на которомъ издревле основалось искусство прядь шелкъ, хотя примѣненія его были очень обширны и разнообразны.

«Господинъ Графъ, напротивъ, употребилъ здѣсь въ дѣло одну изъ тѣхъ счастливыхъ идей, которыя поражаютъ умъ своей простотою и обширностью своего будущаго приложенія. Глядя на его прядильный снарядъ, спрашиваешь самого себя, какъ это тысячи людей давно не попали на ту же самую идею! Между тѣмъ тщетно станете искать въ исторіи изобрѣтеній: она не представляетъ намъ ничего подобнаго.

«Описывать подробности устройства такого снаряда нѣтъ никакой возможности: это значило бы подвергнуть опасности денежные выгоды изобрѣтателя, потому всякой легко подхватилъ бы это устройство даже безъ рисунковъ и безъ модели.

«Довольно сказать, что господинъ Графъ вовсе не употребляетъ веретенъ; что множество нитокъ крутится у него на одной оси; и что при всемъ томъ каждый поворотъ образуетъ по крайней мѣрѣ 500 закрутокъ на нит-

въ, тогда какъ, по прежнему способу, для 500 закрутовъ нужно было 500 поворотовъ.

«Поэтому прядильная машина господина Графа такъ необыкновенно проста, что всякій ремесленникъ, ничего не смыслящій въ механику, и даже всякій поселянинъ, со своими домашними средствами, можетъ ее построить и употреблять съ полнымъ успѣхомъ.

«Извѣстно, что нить шелковой основы, состоитъ изъ двухъ ниточекъ, скрученныхъ сперва отдѣльно, въ одну сторону, а потомъ вмѣстѣ, въ другую. Машина господина Графа крутитъ основу въ обѣ стороны за-разъ!

«Новое начало, на которомъ она основана, примѣнено изобрѣтателемъ до-сихъ-поръ къ одной только пряжѣ шелку. Но его прилежаніе и усердіе, безъ-сомнѣнія, поставятъ въ возможность приложить тотъ же самый способъ къ пряжѣ хлопчатой бумаги, льну, шерсти и шелковой пакли.

«Машина господина Графа соединяетъ въ себя все удобства, нужныя для введенія ея въ общее употребленіе.

«Со всеми своими принадлежностями она можетъ быть построена за пятнадцать рублей серебромъ.

«Отнынѣ самъ шелководъ будетъ въ состояніи разматывать коконы и въ одинъ присѣсть прясть, по своему усмотрѣнію, утокъ или основу.

«Шелкъ, пряденый по новому способу, ни сколько не уступаетъ прекраснѣйшимъ иностраннымъ шелкамъ: это признано здѣшними шелковыми фабрикантами, которые пудъ утка, произведеннаго господиномъ Графомъ, оцѣнили въ 280, а пудъ основы, или органсину, въ 320 рублей серебромъ.

«Снарядъ господина Графа былъ представленъ Академіи въ самомъ началѣ изобрѣтенія; когда мы его видѣли, и сами прями на немъ, онъ дѣлалъ уже по 1000 закрутовъ при каждомъ поворотѣ, то есть, по 30,000 въ минуту; но мы слышали отъ тѣхъ, которые прями на немъ послѣ насъ, что изобрѣтатель довелъ его до 40,000 закрутовъ въ минуту и надѣется довести до 50,000.

«Положительно можно сказать, что, съ начала шелководства донинѣ, не изобрѣтено, какъ кажется, ничего полезнѣе этого прядильнаго снаряда»; и прочая.

Этихъ выцисокъ довольно для оффиціального подтвержденія истины того, что мы здѣсь сказали объ удивительныхъ преимуществахъ новой прядильной методы: читатели постигнуть всю важность подобнаго открытія и всю обширность поприща, которое открываетъ оно капиталистамъ къ чрезвычайно прибыльнымъ и полезнымъ предпріятіямъ. Советуемъ познакомиться съ изобрѣтателемъ, человекомъ очень любезнымъ и гостепріимнымъ, чтобы видѣть это механическое чудо. Онъ живетъ на Петровскомъ Островѣ, на дачѣ господина полковника Соболевскаго.

=

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

=

ЧТЕНИЕ ОСЬМОЕ.

=

XII.

Мытье шерсти.

Руно, въ томъ состояніи, въ какомъ оно произрастаетъ на овцахъ, не можетъ быть подвергаемо обработыванію, потому что оно тогда покрыто значительнымъ количествомъ жиру или жироподобнаго, маслянистаго вещества, къ которому прилипаетъ пыль, придающая руно больше или меньше грязный цвѣтъ. Чтобы освободить шерсть отъ этого жиру и пыли, подвергаютъ ее промыванію. Тогда руно дѣлается совершенно чистымъ, получаетъ свойственную себѣ бѣлизну, лоскъ, и настоящій свой вѣсъ, который, при немътомъ состояніи шерсти, значительно увеличивается и напрасно возвышаетъ издержки на перевозку товара, не говоря уже о томъ, что покупщику нельзя оценить грязную шерсть по ея настоящему достоинству. Въ отпускной заграничной торговлѣ шерстью, очищеніе ея тѣмъ больше необходимо, что, безъ этого, пошлина, платимая съ вѣсу, взималась бы и за прилипшую къ шерсти грязь, а не-

на товара значительно возвысилась бы единственно отъ неопытнаго его состоянія. По всемъ-вѣдѣніямъ причинамъ, мытье шерсти есть дѣйствіе очень важное : отъ надлежащаго его исполненія зависитъ какъ годность ея къ дальнѣйшей обработкѣ, такъ и хорошій наружный видъ, по которому она цѣнится въ торговлѣ, къ выгодѣ или убытку производителя.

Между-тѣмъ большая часть нашихъ овцеводовъ продаетъ шерсть невымытою. Это причиняетъ имъ неизбѣжныя потери, потому что покупщики, не будучи въ состояніи разсчесть съ достовѣрностью, сколько убавится въ вѣсъ шерсти черезъ отдѣленіе отъ нея нечистотъ, естественнымъ образомъ предполагаютъ ихъ больше, чѣмъ дѣйствительно смывается, и, чтобы не ошибиться въ надлежащемъ количествѣ мытой шерсти, а вслѣдствіе того и не быть самымъ въ убыткѣ, всегда цѣнятъ ее ниже настоящей цѣны. Обычай продавать шерсть невымытою господствуетъ до-сихъ-поръ у французскихъ овцеводовъ; напротивъ-того въ Испаніи, Германіи, Англии и другихъ странахъ, шерсть доставляется въ торговлю не иначе какъ въ очищенномъ видѣ.

Шерсть моется или на самыхъ овцахъ передъ стрижкою и въ такомъ случаѣ получаетъ въ торговлѣ названіе «перегонной шерсти», или послѣ стрижки и хозяйственной сортировки, въ особыхъ, учрежденныхъ на то, заведеніяхъ. Хотя оба способа имѣютъ своихъ защитниковъ и порицателей, однако жъ первый, мытье руна на овцахъ, найденъ лучшимъ, и потому входитъ во всеобщее употребленіе. Впрочемъ у насъ моютъ шерсть болѣе послѣ стрижки, считая мытье ея на самихъ животныхъ хлопотливымъ. Разсмотримъ оба способа со всеми приписываемыми каждому изъ нихъ выгодами и невыгодами.

Въ Испаніи, первоначальномъ отечествѣ мериносовъ, вся шерсть моется послѣ стрижки, и потому австрійскій овцеводъ Петри, а за нимъ и другіе, отдають этому способу преимущество передъ мытьемъ на овцахъ. Мнѣніе свое они основываютъ на томъ, что при мытьѣ состриженной шерсти, мериносы не погружаются въ холодную воду, и, следовательно, здоровье ихъ не терпитъ отъ сырости, которая,

проникнуть въ густое руно , не скоро исчезаетъ , особенно если тотчасъ послѣ мытья случится дождливая погода. Кроме того, отъ вліянія мокроты густое руно такъ тяжелеетъ, что животныя крайне истомляются подъ своею ношею ; и многія изъ нихъ умираютъ отъ простуды и отъ истощенія силъ, особенно тѣ, которыя были мыты въ болѣзненномъ или дряхломъ состояніи. Наконецъ , по мнѣнію поборниковъ испанскаго способа , шерсть посредствомъ холодной воды не освобождается ни отъ жиру ни отъ прилипшихъ къ нему нечистотъ и пыли. Они утверждаютъ напротивъ, что только мытьемъ послѣ стрижки и въ теплой водѣ , достигается вполнѣ цѣль этого дѣйствія.

Изъ всѣхъ преимуществъ мытья руна послѣ стрижки одно только заслуживаетъ нѣкотораго вниманія , именно то, что овцы не подвергаются при этомъ простудѣ, отъ которой дѣйствительно нѣкоторыя, слабыя и болѣзненные, животныя умираютъ. Впрочемъ, опасность для жизни овецъ вовсе не такъ значительна какъ говорятъ , потому что у насъ , отъ мытья шерсти на овцахъ, едва ли умираетъ изъ двухъ сотъ одна, и то развѣ какая-нибудь больная, которая и безъ того уже должна бы была поступить въ бракъ ; здоровыя же переносятъ это дѣйствіе безъ всякаго вреда, и затѣмъ, сохраненіе нѣсколькихъ дряхлыхъ животныхъ не составляетъ особенной выгоды этого способа.

Важнѣе было бы, если бъ было справедливо, увѣреніе Петри и нѣкоторыхъ овцеводовъ , что шерсть на овцахъ не освобождается отъ своего жиру посредствомъ мытья въ холодной водѣ. Господинъ Петри утверждаетъ это, основываясь на опытахъ. Но саксонскіе овцеводы, тоже опытами, доказываютъ противное. Чтобы понять причину такого страннаго противурѣчія , надобно вспомнить , что каждая изъ спорящихъ сторонъ говоритъ объ особой породѣ мериносовъ : Петри и испанскіе овцеводы основываютъ свое мнѣніе на наблюденіяхъ надъ породою инфантадо ; другіе напротивъ дѣлали свои опыты надъ электоральными мериносами. Ежели вспомнить, что жиръ этихъ послѣднихъ составляетъ болѣе мягкую, маслянистую или, правильнѣе, мылообразную, и въ холодной водѣ легко растворимую, массу,

то само собою окажется, что саксонскіе овцеводы правы, утверждая по опытамъ, что мытье руна на овцахъ холодною водою достаточно для надлежащаго очищенія его отъ поту и грязи. Но, съ другой стороны, этотъ способъ будетъ совершенно бесполезенъ для очищенія шерсти настоящихъ испанскихъ породъ, которыхъ руно овлаживается жиромъ смолистымъ, трудно или вовсе нераспускаемымъ въ холодной водѣ: потому-то Испанцы и нашли необходимымъ мыть шерсть своихъ мериносовъ послѣ стрижки, употребляя при этомъ горячую воду, которая одна въ состояніи очистить ее отъ жира смолистаго, рѣшительно противустоящаго дѣйствию холодной воды. Въ Испаніи мытье шерсти послѣ стрижки производится слѣдующимъ образомъ.

По прибытіи стада къ стригальному заведенію, овчарь или покушникъ раздѣляетъ шерсть на каждой овцѣ на четыре сорта, означая ихъ проводимыми по руно краснымъ карандашомъ линіями. Первый, лучшій разборъ, по испанской сортировкѣ «прима», составляется изъ шерсти со спины, боковъ, лопатокъ и крестца; второй разборъ, «секунда», изъ шерсти съ верхней части окороковъ, брюха, шеи и груди; третій, «терція», съ нижней и внутренней части окороковъ и ляжекъ, съ верхней части переднихъ ногъ, подгрудья, затылка, головы и хвоста; наконецъ четвертый разборъ, называемый «кальда», составляетъ бракъ, и снимается съ нижнихъ частей ногъ и подъ брюхомъ, а также поступаютъ сюда всѣ очень загрязненные, отъ лежанія и подмочки пострадавшіе, клочья. Стрижка начинается съ четвертаго разбора и послѣдовательно переходитъ къ третьему, потомъ ко второму, и наконецъ къ первому, которымъ и оканчивается. Каждый разборъ складывается въ особую кучу, и моется особенцо. Сортировка шерсти во время стрижки необходима, потому что безъ нея руно, подвергаемое мытью, можетъ такъ спутаться, что потомъ будетъ очень трудно, а во многихъ случаяхъ и совсѣмъ невозможно, сортировать его.

Прежде чѣмъ состриженная шерсть поступитъ въ мытье, ее подвергаютъ выколачиванію, котораго цѣль состоитъ въ

очищеніи руна отъ примышанныхъ къ нему щетинистыхъ волосъ, пыли и кусковъ грязи. Для этого шерсть раскладывается по сортамъ, на деревянныхъ или проволочныхъ рѣшоткахъ, и выколачивается палочками, спутанные же комки растягиваются руками, и оттого щетинистые волосы, кусочки грязи и другія мелкія нечистоты, проваливаются черезъ рѣшотку. Если же тутъ между прочимъ будутъ слишкомъ грязные клочки, то они отдѣляются, для вторичнаго очищенія и особеннаго мытья.

Выколоченная шерсть складывается, по разборамъ, въ большихъ каменныхъ бассейнахъ, и обливается горячей водою, которой теплота должна быть не ниже $+ 45^{\circ}$ и не выше $+ 55^{\circ}$ по Реомюрову термометру. Если вода холоднѣе $+ 40^{\circ}$, то она плохо растворяетъ смолистый жиръ испанской шерсти; если же теплота ея превышаетъ $+ 55^{\circ}$ и достигаетъ $+ 60^{\circ}$ или выше, то она портитъ шерсть, которая отъ слишкомъ горячей воды стягивается, скручивается, и теряетъ свойственную себѣ мягкость и гибкость. Впрочемъ, когда шерсть весьма нечиста и жиръ ея очень смолистъ, то, для надлежащаго ея очищенія, надобно употреблять воду по-теплѣе, градусовъ до шестидесяти. Бассейны должны быть совершенно наполнены водою и, для удержанія теплоты, прикрыты досками. Шерсть мокнетъ въ нихъ отъ пятнадцати до тридцати минутъ, смотря по степени ея нечистоты, потомъ разминается руками, пока жиръ совсѣмъ не отстанетъ, и, наконецъ, вынимается изъ бассейна, выжимается также руками, и накладывается въ плетенныя корзины, въ которыхъ ее топчутъ ногами, чтобы вода, напитанная жиромъ и нечистотой, лучше стекала. Эта вода, болѣе или менѣе окрашенная, собирается въ особое помещеніе, отстаивается, и потомъ, слитая съ отстою, вновь нагревается для вторичнаго употребленія на мочку шерсти.

Послѣ вымачиванія и мытья въ горячей водѣ, шерсть поступаетъ въ полосканье, производимое въ водѣ холодной. Для этого вываливается она изъ корзины въ неширокій, обложенный камнемъ и запираемый шлюзомъ, каналъ, въ который проведена чистая текущая вода изъ рѣки или пруда, стоящаго выше. Работникъ разбиваетъ шерсть руками и,

переполоскавъ, спускаетъ черезъ шлюзъ въ каменный бассейнъ, въ которомъ другой работникъ переминаетъ ее ногами, чтобы вода какъ можно лучше проникала во всю клочку и шерсть чище обмывалась. Потомъ спускаютъ ее въ другой, нижній, каналъ, въ которомъ нѣсколько человекъ, расположенныхъ въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго, повторяютъ ту же работу, и, растягивая шерсть руками, полощутъ тщательно всѣ отдѣльные, разорванные при мытьѣ, клочки. Такимъ образомъ шерсть передается внизъ по каналу и наконецъ достигаетъ проволочной рѣшотки, которою онъ загороженъ. Тутъ работникъ ловитъ ее частями, и, выжавъ руками воду, сбрасываетъ въ корзины, а другой относитъ и разстиляетъ на досчатой наклонной плоскости, гдѣ вода совершенно стекаетъ съ шерсти. Господинъ Петри совѣтуетъ вынутую изъ воды промытую шерсть выдавливать въ прессъ, и увѣряетъ, что въ такомъ случаѣ не нужно разстилатъ ее на наклонной плоскости, чѣмъ, следовательно, ускоряется ходъ всей операціи.

Когда шерсть освободится отъ воды, и немного провянетъ, ее, для окончательнаго высушиванія, разстилаютъ на чистомъ лугу, какъ можно ровнѣе и рыхлѣе, такъ, чтобы вѣтеръ и солнечные лучи имѣли доступъ ко всѣмъ ея частямъ. Шерсть совершенно просыхаетъ, смотря по погодѣ, въ три или четыре дня. Каждое утро ее переворачиваютъ, а въ дождь не убираютъ, но оставляютъ на лугу, и это не только не причиняетъ ей ни какого вреда, но, по увѣренію Петри, придаетъ ей весьма бѣлый цвѣтъ, не уменьшая ея крѣпости и упругости. Впрочемъ можно сушить шерсть и въ тѣни подъ крышею. Сухая шерсть складывается въ мешки и свозится въ кладовыя.

Чѣмъ мягче вода, тѣмъ лучше и скорѣе мочится шерсть: чѣмъ вода тверже, тѣмъ бѣлизна шерсти будетъ мутнѣе. При такомъ мытьѣ шерсти, она теряетъ около пятнадцати процентовъ своего вѣсу, а при послѣдующемъ затѣмъ фабричномъ или химическомъ мытьѣ, отходитъ только отъ десяти до пятнадцати процентовъ.

Какъ мытье шерсти испанскихъ меринесовъ, или такъ называемыхъ у насъ инфантадо, можетъ быть производи-

но съ успѣхомъ только посредствомъ предварительнаго намачиванія ея въ горячей водѣ, потому что въ холодной водѣ смолистый ея жиръ и приставшая къ нему пыль и нечистоты не отдѣляются, то изъ этого видно, что избраннѣйшій испанскими овцеводами способъ очищенія действительно для нихъ самый лучшій, наиболѣе приспособленный къ свойствамъ ихъ шерсти, какъ равно и сортировка ихъ стада, по которой оставляются на племя однѣ крыжкія, самыя густошерстныя животныя, совершенно принаровлены къ кочевому образу жизни испанскихъ мериносовъ. Затѣмъ очень естественно, что этотъ способъ предпочитается господиномъ Петри и всѣми тѣми овцеводами, которые разводятъ породу инфантадо. Но, съ другой стороны, онъ требуетъ особаго недешеваго заведенія, которое для владельцевъ немногочисленныхъ стада составляетъ значительный расходъ; сверхъ того, шерсть чрезвычайно легко можетъ быть испорчена въ мытьѣ, если пошла въ слишкомъ горячую воду, или же мочка можетъ быть недостаточна, если вода была не довольно тепла, не говоря уже о расходахъ, которыхъ требуетъ ея нагрѣваніе. Когда смолистая шерсть въ первомъ мытьѣ не хорошо очищена отъ жиру, то послѣдующее фабричное мытье бываетъ затруднительно, а при опариваніи ея въ слишкомъ горячей водѣ, она такъ повреждается, что ни какими средствами нельзя возстановить утраченныхъ ею хорошихъ качествъ. Потому шерсть, мытая въ холодной водѣ, на животныхъ, предпочитается фабрикантами, хотя бы она была и не такъ бѣла.

Конечно, расходы на заведеніе уменьшатся, если шерсть мыть въ корзинахъ, опуская ихъ въ котель съ теплою водою на четверть часа или больше, смотря по надобности, потомъ повторить эту мочку еще разъ, и наконецъ вышлоскать шерсть въ прудъ или въ рѣкъ, не вынимая изъ корзины. Но и такимъ образомъ нельзя предохранить шерсти отъ порчи, если вода слишкомъ горяча, такъ точно какъ не достигнешь хорошей бѣлизны, если вода недостаточно тепла. Это затрудненіе въ мытьѣ шерсти составляетъ одно изъ обстоятельствъ, по которымъ саксонская или электоральная порода предпочитается породѣ инфантадо, и раз-

ведется много ее повсеместно, даже въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Во всехъ германскихъ стадахъ, составленныхъ изъ альпскаго народа, принято мыть шерсть на овцахъ, потому что жиръ ея удобно растворяется въ холодной водѣ. Главныя выгоды этого способа очищенія состоятъ въ томъ, что овцеводу не нужно учреждать почти ни какихъ особыхъ, съ значительными расходами сопряженныхъ, заведеній, въ которыхъ, при всехъ осторожностяхъ, шерсть нередко портится или плохо вымывается, между-тѣмъ какъ, при холодномъ очищеніи, цѣль мытья достигается безъ всякихъ опасеній насчетъ порчи шерсти и скорѣе. Далѣе, овцеводъ избѣгаетъ хлопотливаго сушенія шерсти, при чемъ она, особенно у насъ, въ мокрые годы, могла бы пролежать подъ дождемъ недели съ четыре, если нѣтъ особой сушильни. Кроме того нельзя упустить изъ виду, что, при такомъ мытьѣ, отойдетъ процентовъ до десяти больше вѣсу; чѣмъ при холодномъ: убыль для производителя, которая едва ли вознаградится покушниками, привыкшими платить извѣстныя цѣны за мытую шерсть, все равно, въ холодной или теплой водѣ она очищена. Фабриканты предпочитаютъ мытую въ холодной водѣ шерсть, потому что она никогда не можетъ быть испорчена, а главнѣйше по той причинѣ, что въ фабричномъ или химическомъ мытьѣ она несравненно лучше, легче и скорѣе очищается, чѣмъ мытая первоначально въ теплой водѣ по испанскому способу, которой ни какими средствами нельзя придать бѣлизны и лоску, если она случайно была повреждена. Кроме того, мытая на овцахъ шерсть достается фабриканту отъ овцевода въ цѣльныхъ рунахъ, и потому весьма удобно можетъ быть сортируема по видамъ и желанію каждаго, между-тѣмъ какъ мытую по испанскому способу шерсть онъ получаетъ спутанною, весьма неудобною къ сортировкѣ, отчего для избѣжанія значительныхъ расходовъ, онъ долженъ довольствоваться хозяйственною сортировкою, часто отъ небрежности овцеводовъ очень неправильною и не ответственною его намѣреніямъ для выдѣлыванія преннущественно производимыхъ имъ тканей. Наконецъ, важная выгода, доставляемая холоднымъ мытьемъ, какъ овцеводу,

нать и торбыцу и фабриканту, состоитъ въ томъ, что посредствомъ этого способа не весь жиръ смывается съ шерсти, а некоторая его часть остается въ дуплѣ шерстинки, отчего руно дольше можетъ сохраниться безъ порчи, хотя господинъ Петри и утверждаетъ противное.

Напрасно способъ мытья шерсти холодной водой на животномъ упрекаютъ въ томъ, будто бы погруженіемъ овецъ въ воду подвергается опасности жизнь ихъ. Какъ мытье бываетъ въ самое теплое время года, то отъ него не замѣтно ни какого вреда, если принять мѣры для отвращенія излишняго терзанія животныхъ. Конечно, не безъ того, чтобы послѣ мытья не убыло нѣсколькихъ слабыхъ, болезненныхъ, дряхлыхъ овецъ, которыя дѣлаются жертвами холоднаго купанья; но если были употреблены всѣ мѣры для сохраненія ихъ здоровья и дѣйствительно соблюдались всѣ нужныя для того условія, то убыль эта весьма незначительна и не можетъ быть принята ни въ какомъ соображеніи, какъ я въ томъ убѣждаюсь ежегодно.

Мытье шерсти на овцахъ раздѣляется тоже на два различныя дѣйствія: на намачиваніе овецъ въ холодной водѣ, и собственно на мытье или полосканье шерсти. При обоихъ дѣйствіяхъ главная потребность состоитъ въ мягкой водѣ, несодержащей въ себѣ ни кислыхъ солей съ известковымъ или желѣзнымъ основаніемъ, ни вяжущаго или дубильнаго начала. Особенно вредна эта послѣдняя примѣсь, которая сообщается водѣ, если она протекаетъ черезъ большіе дубовые лѣса, гдѣ падаютъ въ нее листья, а еще болѣе если по болотистымъ берегамъ ручья растутъ много ивы и ольхи, которыхъ корни и листья содержатъ въ себѣ значительное количество дубильнаго вещества. Вблизи такихъ мѣстъ вода не годна для мытья шерсти, потому что окрашиваетъ ее въ болѣе или менѣе темный цвѣтъ, и дѣлаетъ неспособною принять краски. Какъ примѣсь эта нелегко уничтожается, то не должно употреблять такой воды, прежде нежели она протечетъ на значительное пространство черезъ другія мѣстности, особенно по глинистой почвѣ. Столь же вредна желѣзистая вода, обыкновенно содержащая въ себѣ желѣзный купоросъ или углекислосое желѣзо: она даетъ шерсти

мутный видъ и красноватый ржавый цвѣтъ. Примѣсь желѣзныхъ солей, часто находимыхъ въ водахъ болотистыхъ мѣстностей, познается посредствомъ прибавленія къ водѣ настойки дубовой коры, отъ которой она дѣлается темною и даетъ черноватый осадокъ; и на оборотъ, порча воды отъ примѣси дубильнаго начала всего лучше открывается прибавленіемъ къ испытываемой водѣ раствору желѣзнаго купоросу, производящаго въ ней тотъ же темный осадокъ, но одинаковымъ причинамъ.

Не менѣе вредна собственно такъ-называемая твердая вода, содержащая въ себѣ нѣкоторое количество извести, растворенной посредствомъ избытку угольной кислоты. Отъ нея шерсть получаетъ мутный цвѣтъ и дѣлается жесткою на-ощупь. Причина этого явленія состоитъ въ томъ, что часть угольной кислоты вступаетъ въ соединеніе съ щелочью, содержащеюся въ потѣ шерсти, отчего жиръ дѣлается нерастворимымъ въ водѣ и, вмѣстѣ съ осажденною известковою солью, облекаетъ шерстинки въ видѣ коры. Это могъ замѣтить всякой, купаясь въ такой твердой водѣ: если въ ней мыть волосы мыломъ, то они не только не дѣлаются мягче, какъ бы слѣдовало, но становятся еще жестче на-ощупь, потому что отъ соединенія поташу, содержащагося въ мылѣ, съ избыточною углекислою известковою солью, известь вмѣстѣ съ жиромъ садится на волосахъ. Часто ключевая вода бываетъ этого качества. Примѣсь углекислой извести однако жъ легко уничтожается, если воду подвергнуть на недѣлю вліянію воздуха и солнечнаго свѣту, отъ дѣйствія которыхъ улетаетъ часть угольной кислоты, а известь потомъ садится на дно: въ такомъ случаѣ вода дѣлается мягкой и совершенно годною для мытья шерсти.

Если находящаяся въ распоряженіи овцевода вода такого качества, что ее вовсе нельзя очистить или только съ трудомъ можно сдѣлать мягкой, то лучше всего употреблять собираемую въ стоячемъ прудѣ весеннюю и дождевую воду, которая всегда мягка, только при этомъ надобно соблюдать ту предосторожность, чтобы вода не была слишкомъ мутна отъ смѣшенія съ глинистыми частицами или тиною. Такая дождевая вода стоячихъ прудовъ, по своей мягкости, есть самая лучшая для мытья шерсти.

Для надлежащаго успѣху въ мочку и мытьѣ необходимо, чтобы температура воды и воздуха была достаточно теп-ла, безъ чего трудно достигнуть хорошей, чистой бѣлизны шерсти. При одинаковыхъ условіяхъ, мытьѣ будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ теплѣе время. Потому должно приступать къ этому дѣлу не прежде какъ по наступленіи постоянно теплой погоды, смотря по году, въ концѣ мая или въ первой половинѣ іюня; откладывать же мытьѣ до конца іюня, следовательно до начала самаго жаркаго времени, какъ совѣтуетъ Петри, весьма неудобно по той причинѣ, что въ такомъ случаѣ только-что остриженные овцы, которыхъ кожа такъ чувствительна къ жару, что отъ него нерѣдко ювцы шерсти засыхаютъ и вовсе мертвѣютъ, подвергались бы вліянію самыхъ жгучихъ лѣтнихъ жаровъ.

Кромѣ мягкости и надлежащей степени теплоты воды, способствуютъ хорошему мытью шерсти различныя постороннія примѣси; къ которымъ относятся, во-первыхъ, собственный потъ шерсти намачиваемыхъ животныхъ и ихъ изверженія, растворяющіяся въ водѣ. Опытномъ доказано, что если въ бассейнѣ мочить нѣсколько овецъ одну за другою, то вода исподоволь пріобрѣтаетъ мыльное или щелочное свойство, и дѣлается способнѣе къ растворенію жиру и грязи, несмотря что будетъ грязна и мутна. Точныя разысканія показали, что вода небольшихъ стоячихъ прудовъ, въ которыхъ ежегодно намачивали значительное число овецъ, содержала въ себѣ много щелочей, и, посредствомъ этой примѣси, пріобрѣтала способность удобнѣе растворять жиръ шерсти. Щелочи эти сообщаются ей изъ изверженій и самаго поту шерсти намачиваемыхъ животныхъ: образуя, въ смѣси съ жиромъ, мыльный составъ, онѣ способствуютъ растворенію жиру въ водѣ. Этимъ объясняется, почему, при намачиваніи овецъ въ небольшихъ прудахъ и бассейнахъ, руно первыхъ поступающихъ въ мочку животныхъ вымывается не такъ чисто, какъ руно послѣднихъ, и по этой же причинѣ справедливо совѣтуютъ самыхъ жирношерстныхъ овецъ намачивать прежде и не перемѣнять желтобурой жидкости чистой водою. Наконецъ, чтобы водѣ, определяемой для намачиванія овецъ, съ самаго начала сообщить способствующую хорошему

мытью щелочность, въ иныхъ мѣстахъ въ мочильные бассейны или пруды бросаютъ нѣсколько возовъ овечьяго помету, сколько можно освобожденнаго отъ соломы: онъ, кромѣ мягкости и щелочности, сообщаетъ водѣ и нѣкоторую теплоту. Другіе, однако жъ, отвергаютъ этотъ способъ, какъ и вообще мочку овецъ въ очень замутившейся и окрашившейся отъ поту водѣ, по той причинѣ, что нечистоты въ такомъ случаѣ проникаютъ внутрь руна, и очень загрязняютъ чистую шерсть до самой кожи животныхъ, отчего послѣдующее мытье или полосканье шерсти значительно затрудняется.

Во-вторыхъ, къ примѣсямъ, употребляемымъ въ водѣ при намачиваніи овецъ, принадлежитъ выхваленная для этой цѣли валяльная глина, которая есть вездѣ въ нашихъ среднихъ и полуденныхъ губерніяхъ. Она дѣйствительно сильно вбираетъ въ себя жиръ, почему натираемое ею руно хорошо очищается и получается очень бѣлый цвѣтъ; но употребленіе ея сопряжено съ лишними хлопотами и издержками, а выгоды отъ того нѣтъ ни какихъ, и, напротивъ, шерсть отъ этого лишаясь всего своего жиру, теряетъ мягкость, дѣлается жесткою на-ощупъ, и плохо сохраняется отъ порчи насъкомьми.

То же можно сказать и о корнѣ мыльной травы (*Soropgia officinalis*), который еще недавно предлагали какъ средство, очищающее шерсть. Употребленіе этого корня влечетъ за собой значительныя хлопоты и издержки, невознаграждаемыя покупателями и тѣмъ больше излишнія, что одна чистая, мягкая вода всегда достаточна для хорошаго мытья. Потому-то всѣ искусственныя примѣси справедливо почитаются ненужными.

Если овцеводъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи хорошей, мягкой воды, то легко сдѣлать способною къ мытью даже самую жесткую воду, подвергнувъ ее, въ выкопанномъ на берегу рѣки или пруда бассейнѣ, вліянію воздуха и солнечныхъ лучей втеченіи недѣли или болѣе. Если же это средство окажется недостаточнымъ для отдѣленія отъ воды известковыхъ частей, то можно прибавить въ нее нѣ-

сколько воевъ золь, и тогда вода самая жесткая сдѣлается мѣткою и способною къ чистому мытью шерсти.

Простѣйшій способъ намачиванія овецъ состоитъ въ томъ, что стадо подгоняють къ пруду, и заставляють овецъ, одну за другою, спрыгнуть съ крутаго берегу, аршина въ два вышиною, такъ, чтобы онѣ совсѣмъ погружались въ воду. Потомъ принуждаютъ ихъ переплыть поперекъ черезъ весь прудъ или, если онъ очень широкъ, то нѣсколько, черезъ уголъ пруда, до другаго берега, гдѣ бы имъ удобно было выходить. Какъ отъ одного такого купанья густое руно недовольно хорошо промокаетъ, то обыкновенно, послѣ короткаго отдыха, заставляютъ овецъ переплыть то же пространство въ другой и даже въ третій разъ, пока все руно не намочится до кожи. Способъ этотъ, какъ легко вообразить, очень утомителенъ для животныхъ. Конечно, они вообще безъ труда переплываютъ прудъ въ пятьдесятъ аршинъ ширины, но слабѣйшія животныя, которыхъ въ стадѣ всегда съищется нѣкоторое число, замѣтно отстають даже при первомъ плаваніи, а особенно затрудняются въ этомъ бараны и валухи, отягчаемые рогами своими часто до такой степени, что, проплывъ шаговъ съ двадцать, уже тонуть. Для того, при прогонѣ стада черезъ прудъ, необходимо по всему проплываемому пространству разставлять на лодкахъ нѣсколько человекъ, которые бы, руками, шестью и тульми крючьями, направляли крѣпкихъ животныхъ и поддерживали слабыхъ и усталыхъ. Но, какъ, при всемъ присмотрѣ и пособіи, трудно однако жъ избѣгнуть какого-нибудь несчастія, то этотъ способъ, утомительный для овецъ и людей, улучшенъ слѣдующимъ образомъ.

Съ берегу пруда устраивается на сваяхъ досчатый помостъ, шириною аршина въ три или въ четыре, обнесенный загородкою въ полтора аршина вышиною, чтобы загоняемыя туда овцы не могли черезъ нея перепрыгивать. Помостъ этотъ простирается надъ водою до глубины аршинъ трехъ, и надводная часть его должна быть возвышена аршина на два или на два съ половиною, чтобы овцы, прыгая съ высоты въ сдѣланныя тутъ дверцы въ загородкѣ, не ударялись объ дно, а свободно и совершенно погру-

жались въ воду съ головою. Начиная аршинъ на три отъ помосту, вбивается въ воду два ряда тонкихъ столбовъ поперекъ черезъ весь прудъ или, если онъ очень широкъ, то наискось черезъ уголь пруда, такъ, чтобы между обоими рядами оставалась плавательная дорожка въ полтора аршина ширины и длиною аршинъ въ сорокъ или пятьдесятъ. Въ разстояніи трехъ четвертей аршина отъ каждаго ряда столбовъ, со внешней стороны, вбивается другой рядъ. Верхушки всѣхъ столбовъ должны быть на одномъ уровнѣ съ поверхностью воды. Каждый рядъ, для прочности, связывается во всю длину перекладинами, а на тѣхъ двухъ рядахъ, которые ближе между собою, дѣлается досчатая настилка такъ что образуются двѣ скамьи и между ними свободная плавательная дорожка. Другой конецъ плавательной дорожки долженъ примыкать къ противоположному берегу, гдѣ выходить овцамъ. Берегъ долженъ быть отлогій, а если случится крутизна, то, для удобнаго выхода, надобно прокопать дорогу, аршина въ четыре шириною, и какъ можно больше отлогую, чтобы мокрая, отяжелѣвшія отъ воды, овцы могли выходить безъ утомленія. Гдѣ дно пруда глинистое или иловатое, тамъ выходъ надобно усыпать крупнымъ рѣчнымъ пескомъ, начиная съ того мѣста въ воду, на которомъ овцы будутъ доставать ногами до дна. Сверхъ того, выходъ этотъ долженъ сообщаться съ сухимъ лугомъ, на которомъ овцы, послѣ купанья, собираются и пасутся, пока не поступятъ въ окончательное мытье.

Устроивши такимъ образомъ удобную купальню, пригоняютъ намачиваемое стадо на помостъ, и со всѣхъ сторонъ окружаютъ его обыкновенными подвижными загородками. На помостъ, возмъ дверецъ, отворяющихся на воду, ставятся два овчара, которые выпускаютъ туда овецъ по одному, и первыхъ толкаютъ съ помосту въ воду, а остальные ужъ сами прыгаютъ. Какъ, послѣ первыхъ кинувшихся въ воду овецъ, остальные всегда съ нетерпѣніемъ рвутся за ними, то на помостъ, особенно сзади, нужно разставить нѣсколько человекъ, которые бы препятствовали другимъ овцамъ напирать на переднихъ, и предохраняли ихъ отъ сильнаго давленія между собою и отъ прижатія къ загородкамъ.

Внизу, на прищипающемся къ помосту концѣ каждой скамьи, становится по одному работнику, вооруженному длиннымъ шестомъ, котораго конецъ крючкообразно загнутъ. Об обязанность этихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы каждую срыпнувшую въ воду овцу, какъ скоро она вынырнетъ наружу, провожать на дорожку, поддерживая ее, если надобность того требуетъ. На скамьяхъ, во всю длину плавательной дорожки, разсажены два ряда женщинъ, одна отъ другой на аршинъ разстоянія, ногами въ воду, которыя подхватываютъ плывущихъ овецъ подъ мордами, и передаютъ ихъ одна другой вдоль всей дорожки до другаго конца. Во время этого плаванія овецъ между двумя рядами женщинъ, эти послѣднія погружаютъ все туловище ихъ въ воду и руками разминаютъ ихъ шерсть, особенно тѣ части, которыя болѣе грязны; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ намачиваютъ и головы животныхъ, постоянно поддерживая ихъ подъ мордами. Надсмотрщикъ, наблюдающій за порядкомъ дѣла, ходитъ по одной скамьѣ позади женщинъ: ему слѣдуетъ смотреть, чтобы женщины какъ можно лучше проминали руно на всѣхъ частяхъ туловища, а особенное вниманіе онъ долженъ обращать на то, чтобы моющія постоянно держали морды овецъ надъ поверхностью воды и не погружали ихъ въ воду, какъ онѣ это часто дѣлаютъ отъ невнимательности, и тѣмъ потопляютъ животныхъ или, по-крайней-мѣрѣ, сильно ихъ терзаютъ.

Проплывъ черезъ всю плавательную дорожку, овцы поодначкѣ достигаютъ выходу, который, отъ самой воды до заросшаго дерномъ берега, настигается соломой. При выходѣ изъ воды, густое руно животныхъ часто бываетъ такъ напитано водою, что они ношу свою едва тащутъ, и съ трудомъ, шатаясь, выкарабкиваются на самый отлогій берегъ. Чтобы облегчить имъ это шествіе, у выходу, помещается нѣсколько дѣвочекъ, которыя очень отяжелѣвшимъ помогаютъ выходить, и руками выжимаютъ изъ руна воду, пока животное не пойдетъ безъ затрудненія. Обыкновенно нѣсколько слабыхъ овецъ или такихъ, которыхъ морды, по невнимательности работницъ, были часто погружены въ воду, по выходѣ на берегъ шатаются и падаютъ отъ усталости: ихъ поднимаютъ поставленные

туть двѣ женщины, и кладутъ для отдыха второну на оолому, выжавъ предварительно воду изъ ихъ руна. Черезъ четверть часа или, много, черезъ полчаса отдохновенія, животныя эти оправляются и бѣгутъ къ прочимъ на лугъ.

Руно выходящихъ изъ намачиванія овецъ должно быть совершенно проникнуто водою до кожи, а грязь, покрывавшая поверхность руна, должна отстать, такъ чтобы овцы выходили изъ перваго купанья почти бѣлыми.

Этотъ способъ намачиванія, выполняющій всѣ нужныя условія, не требуетъ большихъ издержекъ, идетъ очень успешно, и безъ затрудненія допускаетъ надзоръ за точностию исполненія; почему и принятъ въ большей части германскихъ овчарень.

Есть однако жъ случаи, при которыхъ онъ не годится, а именно, если вода въ прудъ такъ жестка, что требуетъ предварительнаго отстаиванія, или если имѣешь только ключевую воду, которая такъ холодна, что должно ее подвергнуть предварительному нагрѣванію на солнцѣ. Равнымъ образомъ можетъ быть затрудненіе, если берега пруда такъ застроены, что выходящія изъ воды овцы не могутъ быть выгоняемы прямо на сухой лугъ, или если они такъ круты, что нельзя сдѣлать удобнаго отлогого выхода.

Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, ниже плотины пруда или ключевой воды, выкапываютъ въ землѣ продолговатый бассейнъ, котораго стѣны и дно обкладываются досками; если же мѣстность не позволяетъ вырыть бассейнъ въ землѣ, то дѣлаютъ его изъ досокъ надъ землею, такъ, чтобы онъ по произволу могъ быть наполняемъ водою изъ находящагося выше его пруда или источника. У одного конца бассейнъ долженъ быть снабженъ шлюзомъ для спуска воды, если надобность потребуетъ обновить ее. Въ выконанномъ въ землѣ бассейнъ дѣлается для овецъ такой же выходъ, какъ въ прудъ; въ досчатый же должно ихъ сажать и вынимать оттуда руками. Смотря по числу намачиваемыхъ овецъ, величина бассейна бываетъ разная: для намачиванія пяти сотъ штукъ въ день будетъ достаточно бассейнъ въ тридцать аршинъ длины и шесть аршинъ ширины. Впрочемъ онъ

непременно долженъ прилетать къ сухому лугу, на которомъ могли бы помѣститься выходящія изъ ючки овцы, и какъ поэтому иногда встрѣчается надобность удалить его на нѣкоторое разстояніе отъ плотины или источника, то вода въ такомъ случаѣ проводится въ него деревянными жолобами на козлахъ.

При намачиваніи въ бассейнѣ особенно имѣютъ мѣсто тѣ споспѣшествующія растворенію жиру и нечистотъ примѣси, о которыхъ было говорено выше. Если вода очень жестка, то въ бассейнѣ можно распушить нѣкоторое количество золы или бросить туда нѣсколько возовъ свѣжаго овечьяго навозу: в то и другое самую жесткую воду сдѣлаетъ тотчасъ мягкой и совершенно способною къ предназначенному употребленію. Валяльной же глины или сопряженнаго съ издержками корня мыльной травы, ни въ какомъ случаѣ, не должно употреблять, потому что зола или навозъ гораздо дешевле и болѣе соответствующиы условіямъ мытья; особенно же споспѣшествуетъ хорошему размачиванію жиру и нечистотъ обильное накопленіе въ бассейнѣ собственнаго поту намачиваемыхъ животныхъ.

Если бы случилось, что овцеводу нужно предпринять намачиваніе своихъ овецъ въ большой рѣкѣ, то такая же плавательная дорожка, какъ въ прудахъ, устраивается вдоль по берегу, немного дугообразно, такъ чтобы скамьи были поставлены параллельно теченію. Тогда овцы вводятся въ дорожку съ нижняго конца, и проплываютъ ее, при непрерывномъ разминаніи руна, противъ теченія, что споспѣшествуетъ скорѣйшему отдѣленію грязи. Можетъ однако жъ случиться, что вода въ рѣкѣ слишкомъ холодна или дно такъ каменисто, либо теченіе такъ быстро, что устройство плавательной дорожки въ руслѣ было бы сопряжено съ затрудненіями, не вознаграждая ихъ хорошимъ мытьемъ. Въ такихъ случаяхъ лучше всего на какомъ нибудь отлогомъ мѣстѣ берега, соединяющемъ въ себѣ прочія нужныя условія, выкопать каналъ, который однимъ концомъ начинался бы отъ рѣки, и, описавъ дугу по берегу, изливался бы другимъ концомъ опять въ рѣку. Для наполненія этого канала водою по произволу, необходимо начало и истокъ его снаб-

дять небольшими шлюзами. Въ каналъ холодная-рѣчная вода можетъ согрѣваться на солнцѣ, чему особенно способствуетъ прибавленіе къ ней навозу.

Послѣ намачиванія руна, когда грязь совершенно отмокаетъ, овцы подвергаются вторичному, чистому промыванію до совершенной бѣлизны. Намоченныя овцы не должны ходить слишкомъ долгое время, прежде чѣмъ приступлено будетъ къ окончательному ихъ мытью, чтобы шерсть на поверхности руна не успѣла высохнуть, и размягченныя нечистоты не присохли бы вновь къ шерстинкамъ, что затруднило бы послѣдующее окончательное мытье. Для того обыкновенно утромъ намачиваютъ столько овецъ, сколько ихъ послѣ полудня можетъ поступить въ мытье, а намачиваемыхъ вечеромъ моютъ утромъ. Времени, которое должно составлять промежутокъ между намачиваніемъ и мытьемъ, нельзя опредѣлить безусловно, потому что оно зависитъ отъ степени теплоты воздуха и господствующаго вѣтру. Чѣмъ теплѣе и вѣтреннѣе погода, тѣмъ скорѣе просыхаетъ руно, и тѣмъ скорѣе должно приступить къ мытью, которое производится тогда, когда руно провянетъ, но на поверхности еще сыро.

Для окончательнаго мытья потребна чистая вода, какъ можно менѣе пловатая, но по-возможности мягкая, какъ и для намачиванія. Если прудъ довольно великъ, такъ что вода отъ намачиванія не загрязнилась, то лучше всего окончательное мытье производить въ томъ же простомъ заведеніи, въ которомъ сдѣлана мочка. Для этого заставляютъ овецъ спрыгнуть въ воду съ того же помосту, и точно такимъ же образомъ провожаютъ ихъ по плавательной дорожкѣ между скамьями, черезъ двойной рядъ женщинъ, которыя руками проминаютъ все части руна, погружая все туловище овецъ въ воду. Приемы и предосторожности тутъ соблюдаются тѣ же, какъ при намачиваніи, но промываніе должно производить съ бѣльшею тщательностью, чтобы овцы изъ этого послѣдняго купанія выходили совершенно бѣлыми. Особенно чисто будетъ мытье, если его производить въ текучей водѣ, которая впрочемъ должна быть мягка и не очень холодна; но и въ прудахъ достаточнаго размера, со-

ответственно числу обмываемых овецъ, мытье бываетъ очень чистое.

Кромѣ того, мытье иногда производится слѣдующимъ, самымъ простымъ, образомъ, въ чистой рѣчкѣ, безъ всякаго предварительнаго устройства. Два человека становятся по поясъ въ воду, и моютъ передаваемыхъ по-одначкѣ съ берегу овецъ, а обмывши, сдаютъ ихъ другому работнику, который принимаетъ чистыхъ животныхъ для прогону на сухой лугъ. Смотря по количеству обмываемыхъ овецъ, число паръ, занимающихся мытьемъ, какъ и число перелатчиковъ и приѣмщиковъ, бываетъ больше или меньше. Способъ этотъ очень удовлетворителенъ, но невыгодно то, что при немъ надобно много рукъ, и что надзоръ за приемами и дѣйствіями работниковъ труденъ.

Гораздо легче и удобнѣе производится мытье овецъ посредствомъ обливанія ихъ сверху, что безъ всякаго затрудненія допускаетъ хорошій надзоръ со стороны хозяина. Это мытье учреждается подъ мельничнымъ спускомъ или по-ниже пруда, составляемаго ключевою водою, которая изъ него проводится жолобомъ въ то мѣсто, гдѣ, по обстоятельствамъ или мѣстнымъ удобствамъ, располагаютъ предпринять мытье. Если количество обмываемыхъ овецъ значительно и воды достаточно, то изъ мельничнаго спуска проводятъ ее въ большой жолобъ, располагаемый параллельно съ плотиною или близъ луга, на козлахъ, и въ жолобъ этомъ дѣлаютъ нѣсколько, по произволу запираемыхъ, отверстій, изъ которыхъ вода низвергается водопадами. Такимъ образомъ можно обмывать столько овецъ разомъ, сколько будетъ этихъ водопадовъ, полагая толщину струи каждаго въ квадратный вершокъ. Подъ каждымъ водопадомъ ставятся двѣ работницы, которымъ третья подводитъ по одной овцѣ для обмыванія. Онѣ подставляютъ животное подъ падающую струю по-переменно всѣми частями тѣла, начиная съ брюха, окороковъ и ногъ, и оканчивая боками, спиною, шею и головою, а въ то же время трутъ и разминаютъ руно руками, какъ при другихъ способахъ мытья, чтобы его совершенно освободить отъ приставшей грязи. Мытье весьма облегчается, когда животныя могутъ быть поставлены

по брюхо въ воду, что и весьма легко слышать подъ каждаымъ мельничнымъ спускомъ. Если бы шерсть при этомъ спуталась, какъ иногда случается отъ паденія струи сверху и растиранія руна руками, то весьма хорошо, послѣ мытья овецъ, заставить ихъ переплыть черезъ небольшой прудъ или погрузить на нѣсколько секундъ въ воду. Впрочемъ, при паденіи струи не выше какъ на аршинъ, этого быть не можетъ. Главныя выгоды такого способа мытья состоятъ въ томъ, что текущая изъ пруда вода постоянно остается чистою и мытье можетъ быть устроено совершенно по мѣстнымъ удобствамъ, въ отдаленіи отъ пруда, близъ сухаго луга, гдѣ можно расположить жолобъ въ выходящемъ направленіи.

По какому бы способу овцы ни были мыты, прямо изъ купанья должно ихъ гнать на чистый сухой лугъ, и всячески смотрѣть, чтобы онъ, во время просыханія руна, не запачкался. Для того отнюдь не должно гнать ихъ послѣ мытья по пыльнымъ или грязнымъ дорогамъ, ни пасты ихъ на пахатномъ полѣ, а давать имъ пастбище, покрытое естественнымъ дерномъ, или паръ, заростшій густою травой, на которой нѣтъ пыли. Кроме того, надобно обращать особенное вниманіе, чтобы руно не сохло слишкомъ поспѣшно, потому что, отъ излишне скорого высыханія, концы косицъ слипаются между собою и портятъ красоту шерсти, придавая ей видъ скрученной или даже узловатой; сверхъ того, при поспѣшномъ просыханіи, шерсть теряетъ свойственную себѣ мягкость, и дѣлается жесткою на-ощупъ. Хорошей просушкѣ благоприятствуетъ, если овцы были мыты поутру или передъ вечеромъ: тогда безъ опасенія можно ихъ пустить прямо на лугъ, гдѣ, при умѣренной теплотѣ, утренней или вечерней, просыханіе руна будетъ совершаться съ надлежащею медленностью. Если же овцы мыты въ полдень, во время жару, то должно ихъ сначала помѣстить въ тѣни, пока стечетъ вся вода и поверхность руна проявится. Въ противномъ случаѣ, отъ жгучихъ лучей солнца, какъ и отъ рѣзкаго теплаго вѣтру, просушиваніе будетъ происходить слишкомъ скоро со вредомъ для шерсти.

Если нѣтъ тѣнистыхъ луговъ, то овецъ, мытыхъ въ

подденъ, дунне вето законеть въ овчарню, саравъ каде-
вель дъ нѣтъ толстую подстилку изъ хорошей соломы, по-
возможности сухой, чистыиной и неравъденной, мынца-
ни, чтобы кусочки ея и нѣтъ не поргали руна; при чемъ
также отворить всѣ двери и ворота для свободнаго пропуску
свѣжаго воздуха. То же самое соблюдается и при походе
мытыхъ овецъ въ овчарню. Тутъ, особенно въ первый день,
пока руно еще сыро, надобно тщательно смотреть, чтобы
овцы не терлись около глинистыхъ стѣнъ строения или не
пачкались другимъ какии-нибудь образомъ. Далее должно
наблюдать, чтобы мытыя овцы не сбивались въ плотныя
кучи и не жались между собою при проходѣ въ ворота,
потому что сырое руно отъ этого путается, принимаетъ
дурной видъ, и впоследствии, послѣ стрижки, труднѣе сор-
тируется.

Советъ некоторыхъ овцеводовъ вовсе не позволять сы-
рымъ овцамъ до просыханія руна ложиться, чтобы онъ не
зачакали шерсти, сопряженъ съ такими затрудненіями въ
исполненіи и съ такой мукою для животныхъ, утомленныхъ
уже мытьемъ, что онъ рѣшительно отвергается. Эта новая
мука тѣмъ болѣе не нужна, что хорошая толстая подстилка
легко принимаетъ въ себя всѣ изверженія, и совершенно
предохраняетъ овецъ отъ начканья, особенно если въ это
время давать имъ мало сочнаго, свѣжаго корму, а день или
два кормить ихъ сѣномъ или, по-крайней-мѣрѣ, провялен-
ною травою, отчего изверженія бывають суше и въ мень-
шемъ количествѣ.

Некоторые овцеводы советуютъ не стричь овецъ съ не-
мало послѣ совершеннаго просохнутія руна, и втеченіи
этого времени запирають ихъ на-ночь въ теплыхъ овчар-
няхъ, чтобы онъ потѣли и оттого появлялся въ шерсти
новый жиръ, увеличивающій весь ея. Но это, кромѣ мучи-
тельности для бѣдныхъ животныхъ и непохвальности для
самыхъ производителей, потому что предполагаетъ умыселъ
обмануть покупателей, вредно даже и для самой шерсти,
которая оттого терлетъ свою бѣлизну, лоскъ, и покрываетъ
мутнымъ и непріятнымъ цвѣтомъ.

При мытьи руна на овцахъ, трудно опредѣлить съ точ-
ностью, сколько шерсть терлетъ въ весь отъ очищенія,

потому что это зависит частью отъ содержанія овецъ, а частью отъ того, до какой степени оны были грязны или какъ чисто вымыты. У овецъ, которыя хорошо содержались, потеря въ весь шерсти отъ мытья простирается до сорока или пятидесяти процентовъ; напротивъ, ежели содержаніе было дурное, неопрятное, и въ руны находилось много жиру, какъ случается у породы инфантадо, то утрата можетъ простираться до пятидесяти-пяти процентовъ и даже далѣе. Вообще, однако жъ, потерю въ весь шерсти отъ мытья можно принять въ сорокъ-пять или пятьдесятъ процентовъ, не больше.

БАРОНЪ О. В. УЙГЕРНЪ-ИШТЕРИЗЕРЪ.

=

V.

КРИТИКА.

ОБЪ ИПОКРАТЪ И ЕГО УЧЕНІИ. *Новое прагматическое сочиненіе.* Санктпетербургъ, 1810.

Первый взглядъ на эту книгу ясно уже показываетъ, что тутъ работали двѣ руки и два различныя знанія латинскаго языка, оба ограниченныя, но особенно одно изъ нихъ. Чтобы составить ее, не нужно было знать греческій языкъ, и авторъ книги самъ сознается, что онъ не знаетъ его: довольно взять какое-нибудь изданіе Иппократовыхъ сочиненій съ латинскимъ переводомъ и обыкновеннымъ въ предисловіи извѣстіемъ о жизни и трудахъ Иппократа, — и дѣйствительно, здѣсь взято какое изданіе Пирера, съ стариннымъ латинскимъ переводомъ Фезіуса, — дать кому-нибудь немощно лучше знающему латинскій языкъ перевести нѣсколько общихъ мѣстъ объ Иппократѣ изъ предисловія, нѣсколько главъ изъ его сочиненій, — и очевидно дано это сдѣлать не врачу, — и потомъ безъ надлежащаго понятія о классической древности, ея исторіи, медицинѣ, литературѣ, в сочиненіяхъ, которыя тутъ приводятся, искажать этотъ переводъ своими, неудачными и совершенно произвольными, переправками, прибавленіями, и пропусками. Отсюда, въ этой книгѣ, все —

путаница, противорѣчіе, повтореніе. Отсюда эта безконечная цѣпь гротескныхъ промаховъ противъ литературы, исторіи, медицины и латинскаго языка. Отсюда, безъ всякой пользы и нужды для читателей, это безчисленное множество въ русскомъ текстѣ латинскихъ словъ и фразъ, которыя переводчикъ не-врачъ писалъ всегда для автора въ скобкахъ, какъ скоро не былъ увѣренъ въ настоящемъ ихъ значеніи, и которыя, или такъ и остались въ печати, или получили отъ автора другія, болѣею частью превратныя, толкованія. Отсюда эти библіотеки M. S., и эти дивныя «напримѣры», — «въ самыхъ лучшихъ изданіяхъ Иппократовыхъ твореній это осьмое отдѣленіе вовсе не находится, напримѣръ, in optimis quoque Codd. MSS. aphorismi hi additi non leguntur» (стр. 171), и эти двойныя заглавія многихъ параграфовъ, по-русски и по-латыни, каковы — «Въ какой мѣрѣ достойна уваженія Иппократова анатомія? quanti Hippocratis anatonen, oporteat, aestimari?» (стр. 109), — «Физиологическіе Иппократовы догматы, dogmata Hippocratis physiologica» (*sic!*), и прочая, и прочая. Отсюда Гриммъ называется Гриммъ, и въ статьѣ подъ заглавіемъ «Извѣстнѣйшіе новѣйшіе писателя о жизни Иппократа» осталось это непостижимое указаніе на его сочиненіе: «Въ 1781 году, Jo. Frid. Carol. Grimm, in versione operum Hippocratis germanica. Altenb.» (стр. 6), указаніе, буквально выписанное изъ латинскаго предисловія къ сочиненіямъ Иппократа. Отсюда и весь прочій заглавія шестнадцати сочиненій, приведенныхъ въ этомъ списокѣ, которыми авторъ будто-бы руководствовался (стр. ij), между-тѣмъ какъ мы увидимъ, что онъ не знакомъ ни съ однимъ изъ нихъ, кромѣ Пирера, и еще, можетъ-быть, Куртъ-Шпренгеля: это такъ вѣрно, что и списокъ заключается Пиреромъ, то есть, 1806 годомъ и автору уже не извѣстно ни одно заглавіе подлѣе его, даже не извѣстенъ Геккеръ и его *Geschichte der*

Heilkunde, nach den Quellen bearbeitet, Berlin, 1822. Отсюда наконецъ и это непостижимое объясненіе слова сатириазмъ, — «сатириазмъ (болѣзненное половое возбужденіе)», — вставка, явственно прибавленная самимъ авторомъ книги какъ врачомъ, къ переводу его сотрудника, не-врача. Нѣтъ сомнѣній, что писать такимъ образомъ «прагматическія сочиненія» — это очень нетрудное.

Авторъ пишетъ *жизнь Иппократа*, даетъ это торжественное заглавіе первому отдѣленію своей книги, хочетъ сообщить намъ «прагматическую» біографію великаго врача древности, и, послѣ нѣсколькихъ общихъ чѣсть, перемышанныхъ парадоксами, онъ же объявляетъ, что ничего не скажетъ намъ о *многихъ великихъ дѣлахъ* своего героя, *потому, что они известны всему просвѣщенному міру* (стр. 19). Хороша біографія! Въ сущности, изъ всей этой біографіи, занимающей шестьдесятъ шесть страницъ, объ Иппократѣ узнаемъ только то, что онъ *сто десять лѣтъ* жилъ, съ бородой былъ, въ *шляпѣ* ходилъ, медицину училъ, а домикъ у него на островѣ Ко имѣлся такой прочный, что онъ и теперь еще тамъ существуетъ.

Біографія начинается положительнымъ увѣреніемъ, что о жизни Иппократа нѣтъ ни какихъ достовѣрныхъ свѣдѣній: и это — единственное положеніе во всей книгѣ, носящее на себѣ печать строгой истины. О жизни Иппократа дотога ничего не извѣстно, что нѣкоторые даже сомнѣвались, жилъ ли онъ когда-нибудь на свѣтѣ. Самъ онъ ничего не сообщилъ о себѣ. Ближайшіе къ его вѣку писатели только упомянули объ немъ мимоходомъ. Изъ писемъ Иппократа и другихъ, которыя помѣщены въ собраніяхъ его сочиненій, можно было бы кое-что заимствовать для его біографіи, но эта переписка — поздняя и грубая поддѣлка шарлатановъ. Въ дошедшіе до насъ рассказы объ его родословной,

επίστησθαι, или искусство, τέχνη, и составляли «службу» этого бога, какъ подражаніе ему. Всѣ его слуги или «святые люди» были врачи, и врачи ученые и человеколюбивые по положенію. Иппократъ, изъ Эскулаповичей, какъ выражается объ немъ Платонъ, былъ такой же «святой человекъ» или «врачъ», какъ всѣ его одноплеменники, принявшіе посвященіе : слѣдовательно онъ долженъ былъ исполнить въ своемъ капищѣ обрядъ предписанной присяги ; и если онъ произнесъ и подписалъ ту присягу, которая находится въ члѣ его сочиненій, то она дѣлаетъ величайшую честь нравственности всего сословія Асклепиадовъ, «слугъ бога», или Эскулаповыхъ «жрецовъ», которое отъ своихъ собратьевъ требовало такихъ обѣтовъ, а не лично нравственности Иппократа, который только подписалъ общую клятвенную форму и не извѣстно, какъ исполнялъ ея предписанія. Онъ могъ быть человекъ неукоризненной нравственности: но смѣшно же такъ превратно понимать вещи, чтобы превозносить до небесъ благородство души Иппократа и безпощадно поносить Эскулаповыхъ «жрецовъ» именно на основаніи документа, который ровно ничего не доказываетъ въ пользу Иппократа, а «жрецамъ» приноситъ истинную честь.

Блѣдный Иппократъ! подлежащее прагматическое сочиненіе производитъ его еще и въ величайшіе философы: для чего?.... для того что слово philosophos принималъ въ простомъ и буквальномъ значеніи *любопытный*, и сказалъ въ одномъ мѣстѣ, что *врачъ любопытный* (philosophos) *есть существо богоподобное*, то есть, подобное любопытному Эскулапу, а прагматическому сочиненію показалось, будто онъ говоритъ о *врачъ-философѣ*! И вотъ оно принялось прославлять его страшнымъ философомъ. Впрочемъ, не оно первое такъ возвеличило Иппократа : весьма справедливо замѣтилъ Геккеръ, что комментаторы и энтузіасты полагали, будто они обидятъ «отца рачіональной медици-

ны», если не представлять его великимъ философомъ, между тѣмъ какъ самъ онъ вовсе не дорожилъ этою честью. Мы осмѣлимся прибавить, что онъ даже былъ врагъ философіи въ медицинѣ и преслѣдовалъ школу квидскаго капища именно за то, что она увлекалась тогдашними философическими теоріями и отступала отъ старинной, заповѣдной медицины Эскулаповыхъ капищъ.

Иппократъ—философъ!?!... Этотъ человѣкъ испыталъ судьбу всѣхъ счастливыхъ людей: онъ никогда не былъ понятъ настоящимъ образомъ, благодаря преувеличеніямъ своихъ раболѣпныхъ поклонниковъ. Ихъ энтузіазмъ провозгласилъ его между прочимъ и «отцомъ медицины»: этотъ незаслуженный титулъ безотчетно повторяютъ еще и нынче, постоянно увѣряя, будто до него медицина была..... *въ грубомъ младенчествѣ*, какъ выражается гдѣ-то прагматическое сочиненіе, и находилась въ рукахъ эмпириковъ и шарлатановъ. Такой парадоксъ долженъ бы по-крайней-мѣрѣ теперь уступить мѣсто понятію, болѣе согласному съ исторіею греческой образованности. Иппократъ былъ отцомъ, не медицины, а просто своей, иппократической школы, которой его дарованія, его краснорѣчіе и, особенно, согласный съ вѣрою духъ его ученія, доставилъ блистательную побѣду надъ ея соперницами. Когда онъ явился, Греція находилась уже на высочайшей степени своего умственного развитія: никогда геній ея не воспарялъ выше; никогда ея ученая дѣятельность не была горяче и не имѣла лучшаго направленія. Это былъ золотой вѣкъ Греціи, вѣкъ Перикла, вѣкъ Сократа, вѣкъ Платона, вѣкъ изысканія истины и анализа. Когда Иппократъ началъ преподавать въ школѣ, семинаріи или академіи коскаго капища, медицина, такъ же какъ и философія, находилась уже въ полномъ цвѣтѣ и ея состояніе никогда потомъ не было болѣе блестящее. Греція была покрыта Эскулаповыми капищами,

которые воздвигались всегда въ мѣстахъ самыхъ здоровыхъ, имѣли свои бани, ванны, ипфирмаріи, целебную воду, часто даже ключи минеральныхъ водъ, были окружены рощами и садами, устроены едва-ли не лучше множества нынѣшнихъ больницъ и гошпиталей, и управляемы «святыми людьми», или жрецами, то есть, врачами, изъ Асклеіадовъ, самаго просвѣщеннаго, въ то время, и самаго нравственнаго во всей Греціи сословія. Это сословіе пользовалось безпредѣльнымъ уваженіемъ народа и философовъ, и изъ него, вѣрно еще при жизни Иппократа, вышелъ Аристотель, лучший древній естествоиспытатель. При значительнѣйшихъ этого роду религіозно-врачебныхъ заведеніяхъ, асклеіае, существовали семинаріи для Эскулаповичей: четыре изъ этихъ медицинскихъ школъ, эпидаврская, кипдская, коская и аргосская, славились на весь греческій міръ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе и неосновательнѣе возгласовъ, безотчетно повторяемыхъ почти во всехъ новѣйшихъ исторіяхъ врачебнаго искусства, противъ такъ называемыхъ жрецовъ Эскулапа: сочинители этихъ книгъ, можетъ-быть, прекрасно знаютъ медицину, но ужъ навѣрное имъ не дается ясное понятіе о древности, о самыхъ почтенныхъ ея учрежденіяхъ. Зачѣмъ ругаете вы этихъ жрецовъ? Древность на нихъ не жаловалась: она, напротивъ, чрезвычайно почитала ихъ сословіе, сословіе Асклеіадовъ, доколѣ оно не погасло. И эта благородная каста умѣла своимъ благоразуміемъ (доказательство — «Присяга» Иппократа) и своимъ примѣрнымъ поведеніемъ постоянно поддерживать полное къ себѣ довѣріе и уваженіе всехъ классовъ народа въ самую просвѣщенную эпоху Греціи, когда безчисленныя философическія школы распространяли повсюду страсть къ разсужденію, разбору и насмѣлкѣ. Эскулаповичи, Асклеіады, «слуги» ученаго бога и страждущаго человѣчества, «святые люди», «врачи», которыхъ произвольно унижаете вы обиднымъ прозваніемъ «жре-

ношъ» и браните наравнѣ со всеми «жрецами», неавтентичными вашей протестантской философіи, никакъ не должны быть смѣшиваемы со служителями алтарей другихъ языческихъ боговъ. Ихъ сословіе можно скорее сравнить съ однимъ изъ тѣхъ почтенныхъ сословій на Западѣ, которыя соединяютъ въ себѣ полудуховное званіе со службою страждущему человечеству. Эскулаповичи, слуги бога, или врачи, кроме изученія своей «святой науки», своего капищнаго ремесла, своего заветнаго знанія, *epistémè*, которое и самъ Иппократъ называетъ *святынею* (*ta hierà*), словомъ кроме изученія медицины, занимались также философіей, математикою, естественною исторіей и другими науками. Чтò это говорите вы о какомъ-то «жреческомъ духѣ», отъ котораго будто-бы освободилъ медицину Иппократъ? Можно ли разсудительно жаловаться на враждебный истинной наукѣ духъ такого сословія «жрецовъ», которое повсюду заводитъ при своихъ капищахъ врачебныя семинаріи, содержитъ многія знаменитыя училища, настоящія медико-хирургическія академіи, имѣетъ такія школы какъ косская, киндская, эпидаврская, такихъ профессоровъ какъ Эврифонъ или Иппократъ, такія медицинскія бібліотеки какъ та, которую будто-бы сжегъ коварно въ Ко мнимый «отецъ медицины»? Да и кому преподавалъ Иппократъ, для кого писалъ онъ свои трактаты, и эти афоризмы, своды храмовыхъ наблюденій надъ больными? Онъ преподавалъ своимъ, роднымъ Эскулаповичамъ, «святымъ людямъ»; писалъ исключительно для нихъ. Онъ ведетъ войну съ киндскою школою, но ведетъ ее прилично, осторожно, почти всегда одними только памѣтками, потому что киндскіе профессора, хоть и вольнодумцы, философы, еретики противъ стариннаго заповѣднаго ученія капищъ, однако жъ такіе же «святые люди» какъ и самъ онъ и служатъ одному и тому же божеству. Онъ охотно описываетъ болѣзни по

храмовымъ и своимъ наблюденіямъ, но очень рѣдко говорить о лекарствахъ и способъ ихъ леченія, потому что это секретъ сословія, который сообщается только изустно. *Это дѣла святыхъ*, говоритъ онъ въ своемъ «Законѣ», и только святымъ людямъ показывается, а профанамъ нельзя, прежде чѣмъ они будутъ посвящены въ святыню *tês epistêmês*, то есть, знанія, именно, капищнаго знанія. Иппократъ, не только не составлялъ контраста съ своимъ сословіемъ, но былъ, напротивъ, истиннымъ представителемъ его стариннаго и кореннаго образа мыслей, дѣйствования и ученія. Чтò такое вся его книга «О Старинной медицинѣ», если не защита завѣтнаго капищнаго способу леченія, состоявшаго въ строгой діетѣ, наружныхъ и внутреннихъ очищеніяхъ тѣла, внушеніи больному, при помощи религиозныхъ средствъ, совершеннаго душевнаго спокойствія и теплой вѣры въ помощь божества, приличной пищѣ, здоровомъ воздухѣ, иногда питьѣ минеральныхъ водъ, съ предоставленіемъ цѣлительной силѣ природы довершить остальное, между-тѣмъ какъ «святой человекъ» долженъ былъ наблюдать одну *общую форму болѣзни* и только въ явно необходимомъ случаѣ помогать природѣ лекарствами, составляющими завѣтную тайну сословія. Въ одну изъ книгъ, приписываемыхъ Иппократу, даже и внесено впослѣдствіи это основное правило капищнаго врачеванія: *pousôn physies iêtroi, исцѣлители болѣзней—природныя силы человека*. Хотя самъ Иппократъ нигдѣ не высказалъ его такъ рѣзко, изъ благоразумія или по уваженію къ законамъ сословія, однако жъ въ этихъ трехъ словахъ содержится вся сущность его ученія. Это—чисто иппократическое правило.

Иппократъ и всѣ Асклепіады были точно такіе же врачи какихъ мы видимъ и до-сихъ-поръ на Востокъ: они собственно были хирурги, а не доктора медицины; хирургія составляла главное ихъ знаніе и личное ремесло, а врачеваніе болѣзней относилось къ капищамъ или

производилось по ихъ завѣтной методѣ, въ которой діета, очищеніе тѣла, душевное спокойствіе и цѣлительная сила природы играли первыя роли. При этой системѣ медицины Греція была здорова какъ рыба и сословіе получало большіе доходы; и Иппократъ старается вездѣ, не двинуть впередъ медицину посредствомъ новаго ученія, не усовершенствовать ее введеніемъ новаго способу леченія, а возвратить къ старинному и завѣтному пути, которому она всегда слѣдовала при капищахъ Эскулапа. Въ его время медицина находилась уже въ томъ критическомъ положеніи, въ какомъ мы видѣли ее въ Европѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія: слава тогдашнихъ философій оказывала на нее чрезвычайное вліяніе; страсть къ философствованію обуяла Асклепіадовъ, какъ и прочія ученыя сословія; умозрѣніе замѣнило опытъ, наблюденія и всѣ капищныя преданія, и среди Эскулаповичей явились новыя медицинскія ученія. Особенно отличалась на этомъ поприщѣ квидская школа: философія, которую Иппократъ презрительно называетъ доха, «мнѣніемъ, умствованіемъ, умозрѣніемъ», совершенно овладѣла ею. Эта школа, которая была ближе къ нынѣшней медицинѣ чѣмъ Иппократова, и которой до-сихъ-поръ не отдано справедливости, оставила коренное капищное наблюденіе одной только общей формы болѣзни: она начала обращать вниманіе на частныя симптомы, дѣлать, подраздѣлять и классифицировать болѣзни, употреблять частыя и сильныя лекарственныя средства, основывая выводы свои объ ихъ дѣйствіи и пользѣ на философскихъ теоріяхъ о природѣ, бывшихъ тогда въ быстромъ ходу, болѣе довѣрять лекарствамъ чѣмъ діетѣ и врачебной силѣ природы, и даже популяризировать медицину, допуская къ ней профановъ и людей, не вступившихъ правильно въ сословіе Асклепіадовъ. Это послѣднее обстоятельство, свойственное, какъ кажется, не одной квидской школѣ, но и многимъ другимъ, было причиною

размноженія вольнопрактикующихъ шарлатановъ, надъ которыми внутренняя полиція привилегированнаго религіей врачебнаго сословія не имѣла ни какой власти. Вотъ почему Иппократъ, въ своемъ Lex, и изъявляетъ желаніе, чтобы противъ такихъ врачей былъ изданъ законъ, и чтобы они подлежали суду не одного только общественнаго мнѣнія. Онъ возстаетъ противъ всѣхъ нововведеній, допущенныхъ философическимъ вольнодумствомъ своихъ собратьевъ, книдскихъ, и другихъ; объявляетъ медицину *святымъ дѣломъ*, требуетъ чтобы она «показывалась» только *святымъ людямъ*, принявшимъ «посвященіе» въ тайны капишной науки, *crîstême*, гонитъ прочь профановъ, настаиваетъ, чтобы врачи учились своему дѣлу съ дѣтства, какъ это всегда водилось при храмахъ въ блаженномъ сословіи Эскулаповичей, и по своему пристрастію къ заповѣдной старинѣ утверждаетъ даже, будто-бы тотъ, кто съ раннихъ лѣтъ не станетъ изучать медицины, по обычаю предковъ, никогда и знать ее не будетъ. Иппократъ, говорятъ намъ между-тѣмъ, освободилъ медицину отъ стѣснительныхъ узъ «жреческаго духа»!... А онъ именно старался вновь подчинить ее этому духу, потому что она, благодаря философіи, повсюду уже выходила изъ-подъ его спасительнаго вліянія. Да и съ какой стати было освобождать! Духъ капищъ ученаго бога, для науки, былъ хорошъ, превосходенъ: оппозиція ему со стороны Иппократа была бы совершенно смѣшна и вредна. Любопытно также было бы посмотреть, чѣмъ кончились бы для него попытки подобнаго возстанія, явнаго или тайнаго, противъ учреждений, освященныхъ религіей: въ то самое время, въ Афинахъ, Сократа безъ церемоніи попотчивали ядомъ единственно за *неблагонамѣренное направленіе* его ученія, будто-бы подкапывавшее вѣру боговъ. Изъ Иппократа хотятъ сдѣлать Лютера своего ордена, между-тѣмъ какъ онъ желалъ быть его Лойолою!... Онъ твердо стоитъ за старину. Вся книга его «о Старинной медици-

идея есть не что иное какъ протестъ противъ павыхъ медицинскихъ ученій и опаснаго вліянія философіи на медицину. протестъ, направленный преимущественно противъ киндской школы: онъ удивляется тому, какъ много старинна, при всей своей грубости, открыла удивительно вѣрнаго и полезнаго просто здравымъ «толкомъ», *logismô*, и вездѣ старается отвлечь медицину отъ напрасныхъ тонкостей, возвратить ее къ врачующей силѣ природы, къ діетѣ, о которой, не забудьте, отецъ его, старинный Асклепиадъ, написалъ пѣлую книгу. къ наблюденію одной общей формы болѣзней, и къ древней, испытанной методѣ ихъ леченія. Невозможно ничего сказать яснѣе и рѣзче противъ философіи, нежели какъ говоритъ Иппократъ: «*Epistémé* (святое, завѣтное знаніе) и *doxa* (умствование, произвольные выводы, философія), это двѣ разныя вещи; первое дѣлають насъ знающими, второе невѣждами. *Epistémé* (завѣтное знаніе) поставляетъ въ возможность знать, а *doxa* (философія) въ невозможность знать; и какъ эта *epistémé*, это завѣтное знаніе — дѣла святыхъ, то.... и прочая. Не странно ли, послѣ этого, видѣть, какъ прагматическое сочиненіе жалуетъ Иппократа въ отчаянные философы, судя объ его образѣ мыслей по грубому латинскому переводу, котораго оно хорошо не понимаетъ? Цельсъ, который нѣсколько лучше зналъ древность, положительнѣе говоритъ, что Иппократъ первый освободилъ медицину, не отъ «скоморошества жрецовъ», а отъ философіи (*ab studio sapientiae disciplinae hanc liberauit*).

Поэтому, онъ также не былъ, не могъ быть, «отцомъ» какой медицины. Онъ засталъ уже эту науку въ самомъ блестящемъ видѣ. Медицина гимназій находилась въ то время также въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и соперничествовала съ медициною капищъ: онъ заимствовалъ другъ у друга, и быстро шли объ по пути усовершенствованій. Медицина страдала тогда, не «грубымъ»

младенчествомъ», а уже избыткомъ учености : она подружилась съ философiей, умствовала, и создавала новыя врачебныя теорiи. Самыя первыя слова Иппократовой книги «О старинной медицинѣ», показываютъ, что въ его время много писали и разсуждали о медицинѣ. Слѣдовательно, не онъ далъ ей ученое начало : онъ далъ только перевѣсъ коской медицинскою школою, и отъ него пошла секта иппократистовъ, которая подавила всѣ другія теорiи его чистымъ эскулаповскимъ ученiемъ. Онъ былъ только дѣятельнымъ и краснорѣчивымъ возстановителемъ этого драгоценнаго для древнихъ ученiя, которое онъ защищалъ всеми силами, старался возвратитъ къ первобытной простотѣ и очистить отъ философическихъ дохое. Надобно однако жъ сознаться, что эти усилiя не принесли прочной пользы наукъ : какъ ни удерживалъ онъ медицину отъ смѣшенiя съ философiей, а непреодолимое стремленiе въка всё-таки увлекло ее въ общiй потокъ. Оба его сына и зять предалися платонизму, который тогда былъ въ модѣ, и стали догматиками. Вся секта иппократистовъ пошла тѣмъ же опаснымъ путемъ, и между-тѣмъ какъ глава школы терпѣть не могъ философъ, которыхъ онъ называлъ «софистами», ея приверженцы слѣдовали разнымъ философическимъ ученiямъ, толковали по нимъ его книги, и его самого хотѣли выдать за великаго философа. Если у него встрѣчается ученiе объ элементахъ, пущенное въ ходъ еще Эмпедокломъ, это значитъ, что онъ невольно долженъ былъ принять его : оно уже было такъ глубоко укоренено въ капищной медицинѣ, что Иппократъ не посмѣлъ изгнать его ; но зато онъ старался истолковать его самымъ простымъ образомъ, превративъ «элементы» въ простыя «свойства» или «силы» тѣла.

Прагматическое сочиненiе, которому слѣдовало бы знать все это, къ сожалѣнiю, вовсе незнакомо съ классическою древностью и ея литературою. Мы имѣемъ

перестное доказательство этой истины въ томъ, какъ оно читало Фукидида и Плутарха. Вы помните, какъ подробно, даже слишкомъ подробно, рассказываетъ Фукидидъ исторію оскверненія въ одну ночь всѣхъ гермесовъ въ Аѣинахъ, обвиненіе Алкивіада въ этой шалости по проискамъ его враговъ, продолжительное слѣдствіе, заочный судъ, приговоръ, бѣгство его изъ арміи, соединеніе съ врагами отечества, мщеніе, длинный рядъ несчастій Аѣинянъ на сушѣ и на морѣ, униженіе Аѣинъ, и, наконецъ, великій переворотъ, предавшій республику въ руки олигархіи, всё по милости этихъ ничтожныхъ гермесовъ, которые были просто маленькіеobeliski, стоявшіе у воротъ каждаго частнаго дому для предохраненія жителей его отъ дурнаго глаза. Это составляетъ главную, самую драматическую, и самую любопытную, часть обширнаго творенія Фукидида. Плутархъ, въ жизни Алкивіада, заимствовалъ у великаго историка извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, и сократилъ его рассказъ по размѣрамъ своей рамки. Вы помните также, какъ онъ же, Фукидидъ, описываетъ борьбу Спарты съ Аѣинами: это предметъ всей его исторіи. Посмотримъ теперь классическую эрудицію прагматическаго сочиненія:

«Въ доказательство того, съ какою мстительностью и ожесточеніемъ Греки преслѣдовали людей, обличенныхъ въ святотатствъ и неуваженіи къ ихъ храмамъ и божествамъ, я (замѣтьте это я) приведу слѣдующіе примѣры: *Плутархъ рассказываетъ*, что они приговорили къ смерти полководца своего, любимца народа, Алкивіада, за то, что онъ (?) обломалъ статуи Меркурія, Гермелы (Hermes), а Фукидидъ упоминаетъ, что Спартианцы вели кровопролитную войну съ Аѣинянами за то, что Килонъ поработилъ замокъ въ Дельфахъ.»

Фукидидъ только «упоминаетъ о кровопролитной войнѣ» Спартианцевъ съ Аѣинянами, а Плутархъ рассказываетъ, что Аѣиняне приговорили Алкивіада къ смерти за

то, что онъ обломалъ *статуи гермены!*... Какъ же прагматическое сочиненіе, которое отыскивало въ Фукидидѣ такую мелкую вещь какъ *упомянутое окровопротливой войны*, не примѣтило того, что дѣло о гермесахъ или, какъ оно говоритъ, *герменахъ*, и его послѣдствія, занимаютъ больше четверти творенія этого историка? Зачѣмъ обратилось оно отъ Фукидида, отъ свидѣтеля, отъ источника, къ Плутарху, писателю, втораго вѣка нашей эры, который, слѣдовательно, не можетъ быть свидѣтелемъ по этому дѣлу? Не ясно ли, что оно незнакомо ни съ Фукидидомъ ни даже съ Плутархомъ?

Прагматическое сочиненіе хочетъ этимъ и другими столь же учеными доводами доказать, что Иппократъ не могъ быть святотатцемъ. Оно взяло все это изъ нѣмецкой книги. Одни уже *гермены*, явственно происходящіе отъ нѣмецкаго множественнаго числа *die Hermen*, показываютъ, что это — переводъ, хотя прагматическое сочиненіе говоритъ: *и приведу примѣры!*... Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на *я*, все оправданіе *нравственности* Иппократа, по извѣстному обвиненію его древностью въ святотатственномъ сожженіи храмовой бібліотеки, оправданіе совершенно смѣшное, основанное на подложномъ свидѣтельствѣ о почестяхъ, будто-бы оказанныхъ ему Аѣинами и Аргосомъ, цѣлкомъ взято изъ Шпренгеля и только разведено фразами, перепутано, и искажено. Впрочемъ, это оправданіе можетъ просто быть взято изъ какого-нибудь лексикона, потому что тѣ же самые неудачные доводы въ пользу Иппократа, и почти всегда одними и тѣми же словами, повторяются во многихъ этого рода собраніяхъ статей.

Такъ перепутано все въ этой книгѣ.

Посмотримъ біографію Иппократа.

Составленіе подробнаго и точнаго жизнеописанія Иппократа, говоритъ авторъ, *сопряжено съ величайшими затрудненіями.* (§ 1). Современные ему писате-

ли о жизни его ничего не писали. Самъ онъ, будучи чуждъ самохвальства, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ ничего не упоминаетъ о томъ, изъ чего бы можно было извлечь вѣрныя свѣдѣнія для описанія его жизни и дѣлъ. Даже Галенъ мало оставилъ свѣдѣній объ его жизни и не сдѣлалъ ни какого различія между справедливыми и ложными на этотъ счетъ показаніями.

Замѣтьте хорошенько : современники ничего не сказали о жизни Иппократа; самъ онъ ничего не говоритъ о себѣ, и изъ Галена нельзя взять ничего вѣрнаго. Теперь слѣдуетъ параграфъ второй : «*Источники, изъ которыхъ, КРОМЪ сочиненій Иппократа и Галлена, можно заимствовать ВѢРНЫЯ свѣдѣнія, относящіяся до (!) жизни Иппократа, суть слѣдующія*», и прочая.

И это не единственный примѣръ такихъ странныхъ противорѣчій : поминутно, въ одномъ мѣстѣ говорится, что ничего не извѣстно, нѣтъ ни какихъ свѣдѣній, а черезъ нѣсколько страницъ находите : *есть исторически свидѣльствуютъ единогласно!... или : по свидѣтельству древнихъ и НОВѢЙШИХЪ писателей!... Въ одномъ мѣстѣ (стр. 73), прагматическое сочиненіе ссылается даже на свидѣтельство Сократа : По свидѣтельству Сократа!...» А Сократъ ничего не писалъ!*

И какіе это хочетъ намъ показать авторъ источники вѣрныхъ свѣдѣній о жизни Иппократа? — кромѣ самого Иппократа, у котораго ровно ничего нѣтъ, и Галена, у котораго нѣтъ ничего вѣрнаго. Читатель приходитъ въ изумленіе, видя списокъ источниковъ вѣрныхъ свѣдѣній о жизни человека, умершаго за четыре столѣтія до Рождества Христова, состоящій изъ одного безыменнаго сказанія, состряпаннаго не извѣстно кѣмъ, когда, по какимъ матеріаламъ, и наполненаго грубыми баснями, и изъ именъ трехъ византійскихъ компиляторовъ!

Далѣе : *Иппократъ родился въ 458 году до Рожд.*
Г. XLVII. — Отд. V.

дества Христова изъ знатной фамилии (?) Асклепиадовъ, отъ предка Небра, отца Гераклида и матери Пракситеи, и сверхъ-того ведетъ происхождение своего рода по отцу отъ Эскулапа, а по матери отъ Геркулеса, какъ это видно (§ 5) изъ нисходящей родословной линіи, по свидѣтельству Мейбомя (!?). — Иппократъ родился, по свидѣтельству всѣхъ (?) историковъ, за 500 лѣтъ до Р. Х. (только-что было сказано : за 458 лѣтъ), на островъ Косъ, то есть, Ко, гдѣ еще показываютъ, какъ драгоценный памятникъ, домикъ, гдѣ онъ будто бы жилъ (§ 6).

Медицина находилась тогда, по мнѣнію автора, которому вовсе не было извѣстно, что Асклепиады и тѣ, кого онъ называетъ «жрецами» — однѣ и тѣ же лица, медицина находилась тогда въ ужаснѣйшемъ положеніи, была жертвою скоморошества жрецовъ; но къ преобразованію ея наиболѣе послужили предпріятія и попытки.... чьи бы вы думали?... попытки философовъ усовершенствовать медицину!.... для чего, какъ автору лично извѣстно, они входили въ сношеніе съ Асклепиадами (жрецами) и вмѣстѣ съ ними разсуждали объ этомъ предметѣ публично, и среди народа, въ преддверіи Эскулапова храма, какъ самое удобное для жрецовъ мѣсто. Такія собственныя стремленія философовъ и Асклепиадовъ (жрецовъ) къ усовершенствованію медицины принудили жрецовъ (Асклепиадовъ) разорвать завѣсу, закрывавшую ихъ тайны и невѣжество, чтобы не быть ниже Асклепиадовъ (жрецовъ), потому что эти скоморохи-жрецы были такіе горькіе невѣжды въ медицинѣ, что они составляли и вырѣзывали на колоннахъ своихъ храмовъ или на мѣдныхъ доскахъ надписи, въ которыхъ изображались САМЫЯ ВѢРНЫЯ исторіи болѣзней и ихъ же счастливыхъ излеченій, произведенныхъ, разумеется, ими, скоморохами-жрецами, и съ помощію ихъ нелѣпыхъ и вредныхъ способовъ леченія. И это, по ве-

въжеству сказанныхъ скомороховъ-жрецовъ, велось у нихъ съ самыхъ давнихъ временъ. А надписи тѣ, со- державшія въ себѣ самыя вѣрныя изображенія исторій болѣзней и ихъ счастливыхъ излеченій, хранились въ храмахъ. А изъ тѣхъ исторій, самыхъ вѣрныхъ, по- тому что онѣ составлялись певѣждами, скоморохами, авторъ слѣлалъ (на страницѣ 23) первое орудіе къ усовершенствованію медицины, для котораго на слѣ- дующей страницѣ философы сходятся со жрецами, въ преддверіи Эскулапова храма, чтобы разорвать завѣ- су, закрывавшую ихъ невѣжество, и тутъ же расхо- дятся. На мѣсто ихъ является «отецъ медицины», Ип- пократъ.

Отецъ медицины учился ей у своего отца, дѣда ме- дицины, знаменитаго врача, Гераклида, и у другихъ знаменитыхъ профессоровъ, косскихъ, то есть, ко- скихъ или койскихъ врачей, Геродика, Продика (Геро- дикъ и Продикъ одно и то же лицо), Георгія Лентина, Демокрита (§ 8), и, по смерти своихъ родителей, предприималъ (?) нѣсколько разъ (?) заграничныя пу- тешествія, не съ тою цѣлію, чтобы, по примѣру шарлатановъ, порицать все полезное (§ 9).

Онъ горячо любилъ медицинскую науку и любилъ страждущее челоувѣчество, и наконецъ рѣшился (?) по- ложить первое (?) основаніе рациональной медицинскоѣ наукѣ, и для исполненія этого великаго предпріятія путешествовалъ (!?), но тогда уже, какъ довольно образовалъ въ медицину двухъ своихъ сыновей, Тесса- ла и Дракона, и зятя своего Полиба. Вотъ чѣмъ ру- ководствовался Иппократъ въ доведеніи медицинскоѣ науки до такого совершенства, чтобъ она была по- лезна челоувѣчеству! (§§ 12 и 13).

По возвращеніи своемъ на родину, Иппократъ осно- валъ (?) на островъ Косъ, то есть Ко, медицинскую школу. Наконецъ, послѣ многолѣтней и счастливой своей практики и науки (?) началъ писать медицинскія

сочиненія (§ 14). Нравственность Иппократа такъ была чиста, такъ высока и поучительна, что она составляетъ предметъ ежедневнаго размышленія автора и возбуждаетъ въ немъ усерднѣйшее желаніе быть ему подобнымъ (§ 19 и многіе другіе). Въ доказательство, какъ безкорыстенъ, и какъ силенъ былъ Иппократъ въ медицинскои наукѣ, авторъ приводитъ подложное письмо его къ Артарксерксу съ отказомъ ѣхать въ Персію для спасенія народа и особенно войска, которые чума необыкновеннымъ образомъ истребляла (§ 20). Иппократъ узнаетъ болѣзнь царя македонскаго Пердикка, вылечиваетъ его (§ 24) и вылечиваетъ Демокрита. Въ сочиненіяхъ его нѣтъ ни одного мѣста, въ которомъ бы онъ поносилъ неблагодарнымъ и оскорбительнымъ образомъ недостатки бывшей до него медицинскои науки и врачей (§ 25). — Онъ былъ гражданиномъ самой высокой нравственности (§ 26); скромность, откровенность и прямота въ дѣлахъ были отличительными свойствами его (§ 29), а человеколюбіе и щедрота къ больнымъ превосходятъ всякое описаніе (§ 30). Какъ человекъ-философъ (!) онъ имѣлъ въ себѣ нѣчто таинственное и непостижимое, былъ необыкновенно скромнъ и умѣренъ, во всемъ честенъ и справедливъ, во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ умѣлъ соединять въ себѣ величіе, смиреніе, твердость духа и нѣжность. Въ одеждѣ и во всемъ его обхожденіи обнаруживались простота и скромность. Рѣчь Иппократа была кратка, но выразительна; онъ говорилъ мало и болтуновъ не любилъ, и прочая, всё въ этомъ же родѣ (§ 36). Онъ желалъ, чтобы всякой врачъ былъ безъ прикуды и преисполнилъ благопрістойности (§ 38), училъ иногда выпрашивать у окружающихъ больного, не знаютъ ли они какого либо средства (§ 40), и требовалъ, чтобы врачи изучали медицину съ самыхъ юныхъ своихъ лѣтъ (§ 42).

Иппократъ жилъ сто десять лѣтъ (§ 48): въ пар-

врачъ 32 онъ жилъ сто девять лѣтъ, а по свидѣтельству другихъ параграфовъ, сто пять, и сто четыре; медицинскою же практикою занимался сто два года. Онъ съ семи лѣтъ былъ неразлучнымъ спутникомъ и помощникомъ своего отца во всѣхъ его практическихъ занятіяхъ. На пятнадцатомъ году своей жизни, во время Пелопонезской Войны, онъ сдѣлался уже извѣстнымъ врачомъ. На тридцатомъ году отъ роду онъ славился уже, какъ великій врачъ, во всей Большой и Малой Азіи. На тридцать-первомъ году онъ былъ отцомъ двухъ сыновей и имѣлъ зятя, которыхъ всѣхъ епмъ онъ воспитывалъ. И такъ, Иппократъ занимался медицинскою практикою сто два года, пользовался именемъ и славяго и самостоятельнаго врача девяносто четыре года (§ 49.). Первые сочиненія (?) онъ началъ писать тогда уже, когда перешелъ за семидесятый годъ своей жизни (§ 50).

Послѣ всего сказаннаго объ Иппократѣ, его наукѣ и высокой нравственности, основанной на богопочитаніи, любви къ ближнему, челоѣкколюбіи и самоотверженіи, авторъ считаетъ должнымъ сказать съ благоговѣніемъ, что Иппократъ былъ гений, свыше вдохновенный и созданный на пользу челоѣчества (§ 67). И, несмотря на то, Булѣ, въ 1804 году, доказывалъ, что не извѣстны ни время, въ которое жилъ Иппократъ, ни родъ его, ни мѣсто рожденія; что жизнь его есть рядъ басенъ; что Иппократа никогда не существовало, что слово Иппократъ есть названіе собраній врачевныхъ книгъ, а не челоѣки, и прочая (§ 58). Авторъ ужасно негодуетъ на чудака Булѣ, и спрашиваетъ: Скажите, какое зло можетъ быть для науки и для челоѣчества, когда бы и дѣйствительно слово «Иппократъ» было не имя челоѣка, а названіе книгъ! когда бы Иппократа и никогда не существовало!... если дѣла и поведеніе такъ высоки и поучительны, что они болѣе двадцати двухъ вѣковъ служатъ удивленіемъ и

образцом для врачей и людей всякаго класса и возраста (§ 59), и если авторъ прагматическаго сочиненія считаетъ особеннымъ счастьемъ писать объ Иппократѣ и самымъ пріятнымъ наслажденіемъ въ жизни говорить и думать о немъ! (§ 68).

Странное наслажденіе — говорить о томъ, что для насъ не понятно!

О томъ, что Иппократъ ходилъ въ шляпъ вы уже знаете. Авторъ сообщаетъ еще любопытныя свѣдѣнія объ его голосѣ, разговорѣ и скромности съ женщинами. Вы спрашиваете: откуда почерпнуты всѣ эти извѣстія? Въ отвѣтъ, авторъ представляетъ вамъ въ началѣ прагматическаго сочиненія списокъ *источниковъ*, которыми онъ будто-бы «руководствовался». Весь списокъ *источниковъ* состоитъ изъ сочиненій новѣйшихъ писателей, и въ число этихъ несомнѣнныхъ авторитетовъ онъ вноситъ разные краткіе курсы исторіи медицины, даже жалкій лексиконъ медицинскихъ ученыхъ, Кестнера. Какъ-будто писатели шестнадцатаго, семнадцатаго и осемнадцатаго столѣтій могутъ быть свидѣтелями объ Иппократѣ! Какъ-будто какой-нибудь Мейбомій (не извѣстно даже, который изъ четырехъ) можетъ сообщить изыскателю *родословную линію, нисходящую отъ Эскулапа!* (§ 5.). Между-тѣмъ на нихъ-то вѣроятно ссылается прагматическое сочиненіе въ безпрерывныхъ возгласахъ своихъ: *По свидѣтельству всѣхъ историковъ!.... По единогласному показанію большинства достовѣрныхъ писателей!....* не приводя ни словъ этихъ свидѣтелей, ни мѣстъ, откуда имъ взяты эти показанія (§§ 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 20, 45, 48, и другіе).

Въ другомъ списокѣ *источниковъ вѣрныхъ свѣдѣній о жизни Иппократа*, авторъ показываетъ четырехъ писателей, Сорана, и трехъ Византійцевъ, Стефана, Сиддаса и Цецеса, котораго онъ называетъ *Чечесомъ*. И ни

съ однихъ въ стихъ страдальхъ историческохъ: онъ даже не справляется.

Въ данныхъ сочиненій Иппократа обыкновенно упоминаютъ, составленное не известно кѣмъ и когда, сказаніе *О жизни и радѣ Иппократа, по Сорану*. Следовательно, это сказаніе не могло бы назваться «вѣрнымъ свидѣніемъ» даже и въ такомъ случаѣ, когда бы мы знали, кто былъ этотъ Соранъ и предположили, что онъ заслуживалъ нашего довѣрія. Но и этого Сорана никто не знаетъ. Были два Сорана, известные эвезские врачи. Первый изъ нихъ, жившій во время Адриана и Траяна, около семи столѣтій послѣ Иппократа, не могъ быть поставщикомъ матеріаловъ для этого сказанія: Галенъ и Аврелианъ съ уваженіемъ отзываются объ его сочиненіяхъ и приводятъ ихъ названія, но они нигдѣ не говорятъ, чтобы этотъ Соранъ писалъ что-нибудь объ Иппократѣ. Другой Соранъ, предшественникъ Орибазія и Аэція, дѣйствительно писалъ *О житіяхъ и сектахъ врачей*: сочинитель сказанія могъ читать его рукопись и заимствовать изъ нея нѣкоторыя мѣста, но твореніе этого втораго Сорана до насъ не дошло, и мы не знаемъ, въ какой степени самъ онъ былъ достоинъ вѣры и вниманія нашего. Во всякомъ случаѣ рассказы его никогда не могли бѣ быть признаны источникомъ вѣрныхъ свидѣній объ Иппократѣ, потому что онъ жилъ въ четвертомъ столѣтїи, следовательно, около осьми сотъ лѣтъ послѣ него. Но и безъ того онъ не стоить уваженія: упоминаетъ о сочиненіяхъ, которыхъ онъ не могъ читать, которыя пропали за нѣсколько вѣковъ до него, — и какія притомъ сочиненія!.. на *Врачебную родословную Андреа Медика*, современника Птоломеевъ, шарлатана, наволиившаго фармакологию магическими и суевѣрными средствами, — ссылается на астронома Зратъсеена, жившаго спустя два столѣтїя послѣ Иппократа, на Апполлодера, писателя втораго столѣтїя, на Истомана, неизвестнаго автора неизвестной книги *Объ Иппо-*

красивостейъ ея, и наконецъ свидѣтельствуется Сораномъ Коскимъ, Ферекидомъ и Аріемъ Тарсеполемъ, которые жили не извѣстно когда и не оставили по себѣ ни какихъ сочиненій. Каковы источники, таково и сказаніе : оно наполнено грубыми вымыслами, легкомысленными сплетнями, подробностями противорѣчивыми логикѣ, исторіи и себѣ самимъ. Это скорѣе дитская сказка чѣмъ біографическій разсказъ.

Кто же таковы почтенные Византійцы, Свидасъ, Стефанъ и Цецесъ? Компиляторы, безъ критики и таланту, которые просто сократили это смѣшное сказаніе. И при томъ Стефанъ, изъ котораго прагматическое сочиненіе заимствуетъ *вѣрная свѣдѣнія о жизни Иппократа*, не поговоритъ объ немъ ни одного слова : онъ говоритъ только объ его предкахъ! Вотъ его слова : «Ке, городъ и островъ. А отъ него получили названіе врачъ Иппократъ и Эрасистратъ. А Иппократъ былъ изъ роду Небра. А Небрь былъ самый знаменитый изъ Асклепидовъ : *чтдъ васодительствовала и Писа*; а отъ него родился Гнозидикъ ; отъ Гнозидика Иппократъ и Эній и Подалиръ. Отъ Иппократа Гераклидъ, и отъ него же знаменитый Иппократъ, оставившій удивительныя сочиненія. и Все!

У Цецеса, объ Иппократѣ находится около двадцати пяти дрянныхъ стиховъ, занятыхъ большою частью простымъ перечисленіемъ именъ его предковъ, учителей, сыновей, и вѣхъ учителей. О жизни его Цецесъ сообщаетъ всего одно только обстоятельство; но оно наноситъ жестокой ударъ нравственности Иппократа. Цецесъ-то положительно и увѣряетъ, что онъ, будучи слѣдатель бібліотекаремъ въ Ке, съелъ книги и лица въ бѣгъ въ Грецію. О! если бы прагматическое сочиненіе прежде знало объ этомъ!... Отдѣлалъ бы одно прекрасное свѣдѣніе! Теперь ужъ нечего давать : его свѣдѣнія о жизни Иппократа признано, *свѣдѣніе*. Изъ двадцати четырехъ стиховъ Цецеса нельзя вывести ничего...

Гераклид : они заключаютъ въ себя слѣдующее сухое и холодное извѣстiе : Онъ былъ современникъ Артемидору и Продикку, училъ медицину, написалъ пятьдесятъ при сотнѣтихъ, умеръ на сто-четвертомъ году отъ роду и похороненъ между Лариссою и Гиртономъ.

Теперь, вотъ вѣрные свѣдѣнiя Свидаса :

«*Иппократъ*, съ острова Ко, врачъ, сынъ Гераклида, былъ весьма искусенъ въ медицинскоѣ наукѣ. Предпочитается дядю своему, отцу Гераклиду, хотъ и называется одинаковымъ именемъ, за то, что былъ, какъ-бы звѣдаюю медицины, необходимой для жизни. Онъ — изъ потомковъ Хриза и сына его, Элава, также врачей. Сначала учился онъ у отца своего, а потомъ у Гераклида (Продика), изъ Салимбрии, да у Гериаса, оратора и философа; а нѣкоторые говорятъ, у Демокрита изъ Абдары. Рассказываютъ, будто Иппократъ въ юности путешествовалъ къ нему. Нѣкоторые же думаютъ, будто онъ былъ ученикъ и Продика. Жилъ въ Македонiи и былъ любимъ царемъ Пердиккою. А сыновей имѣлъ двухъ, Фессала и Дракона. Умеръ на сто-четвертомъ году жизни. Похороненъ въ Лариссѣ, что въ Фессалии. Сочинялъ много и сталъ вездѣ знаменитъ, потому что великій царь персскiй, по имени Артаксерксъ, письмомъ къ Гистану, искалъ помощи въ искусствѣ Иппократа. (Слѣдуетъ подложное письмо къ Гистану.) Сочиненiя его извѣстны всѣмъ врачамъ, и такъ ими цѣнятся, что они считаютъ ихъ за небесный подарокъ, а не за человѣческiя рѣчи.»

Что все тутъ можно найти вѣрнаго, или даже невѣрнаго, для жизни Иппократа? При всей помощи «думать» да «рассказываютъ», мы узнаемъ только одну вещь: его учителя и сыновей, и то, что извѣстно вслѣдствiе и безъ этихъ писателей, а именно, что онъ жилъ, писалъ о медицинѣ, и умеръ : когда?..... никто не знаетъ!

Посмотрим писателей, более близких къ его вѣку. Сократъ и Платонъ жили въ одно время съ нимъ, но были значительно моложе его. У Платона, въ «Протагорѣ», Сократъ говоритъ Иппократу, Аполлодору сыну : «Скажи, Иппократъ : если бѣ ты обратился къ твоему соименнику, Иппократу, что въ Ко, изъ Эскулаповичей, и далъ ему за себя денегъ, и у тебя бы спросили, кому ты приносишь деньги, принося ихъ Иппократу, что бы отвѣчалъ ты? — «Что я привошу ихъ ему какъ врачу.» — Съ какою цѣлью? — «Чтобы сдѣлаться самому врачомъ.» Это мѣсто — единственное дошедшее до насъ доказательство, что Иппократъ былъ современникъ Сократа, и что въ то время, когда Платонъ писалъ, сочиненія Иппократа были уже весьма извѣстны въ Греціи. Въ «Федрѣ», и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ заходитъ рѣчь о медицинѣ, Платонъ часто произноситъ имя Иппократа, и Тиршъ замѣтилъ, что онъ иногда даже говоритъ его словами. Определеніе медицины у него — чисто иппократическое : «Медицина состоитъ въ познаніи того, что въ тѣлѣ человѣческомъ требуетъ пополненія и очищенія.» Это сходство мыслей и словъ Платона и Иппократа особенно относится къ книгамъ объ афоризмахъ, о предсказаніяхъ, и о діетѣ въ острыхъ болѣзняхъ : эти книги, слѣдовательно, подлинно Иппократовы. Къ нимъ должно еще присоединить книгу «О Старинной медицинѣ», потому что ея мысли проявляются въ Платоновой «Федрѣ». Сократъ спрашиваетъ Федра : «Не думаешь ли ты, что можно понять до извѣстной степени природу души не изучая природы всего созданнаго?» Федръ отвѣчаетъ : «Если вѣрять Иппократу, изъ Эскулаповичей, то нельзя понять природы тѣла иначе какъ по этой методѣ.» — «Это очень хорошо, мой другъ, возражаетъ Сократъ, что Иппократъ такъ говоритъ : но, кромѣ его, должно спрашивать расудокъ и несмотрѣть, согласенъ ли онъ съ нимъ,» и прочая.

Аристофанъ, второй современникъ, въ комедіи *Theophrastou*, заставляетъ Эврипида клясться эонромъ, въ которомъ обитаетъ Юпитерь, а Мнесилохъ ему говоритъ : «Клянись лучше Иппократовой клятвой!» И тотъ клянется всѣми богами. Къ Иппократу самому этотъ намѣкъ вовсе не относится. Не известно даже, о какомъ говоритъ онъ Иппократъ, котораго клятва, какъ кажется, сдѣлалась-было пословицею. Если рѣчь идетъ о той клятвѣ, которую мы знаемъ, то она неизбежно должна быть гораздо старѣе нашего Иппократа: иначе какъ могла бы она такъ скоро сдѣлаться пословицей и попасть въ комедію Аристофана? Надобно думать, что подъ названіемъ *клятвы Иппократа* Греки того времени вообще разумѣли клятву Эскулаповичей, клятву всѣми богами и богинями. Почему названа она Иппократовой, это другой вопросъ : можетъ-статься, она впервые сочинена была Иппократомъ Старымъ, знаменитымъ дѣдомъ нашего. А впрочемъ это имя было довольно обыкновенное. Въ собраніи такъ называемыхъ Иппократовыхъ сочиненій, между которыми, какъ известно, есть множество книгъ, принадлежащихъ разнымъ древнимъ врачамъ, навѣрное находятся труды двухъ или трехъ Иппократовъ.

Ктесіасъ, врачъ кидійской школы, тоже изъ Эскулаповичей, жилъ около временъ Иппократа. Участвовать въ походѣ Кира Младшаго, онъ прожилъ семьнадцать лѣтъ плѣнникомъ въ Персіи и пользовался довѣренностью Артаксеркса. Во время Галена еще существовали его сочиненія; нынче они затеряны, и только отрывки ихъ уцѣлѣли, въ собраніи Фотія. Изъ этихъ отрывковъ видно, что Ктесіасъ зналъ сочиненія Иппократа и славу его практики. Какъ воспитанникъ соперничающей школы, онъ вездѣ, гдѣ только было можно, вооружался противъ его ученія. Галенъ приводитъ образчики его критики, въдой, но справедливой.

Аристотель, ученикъ Платона, былъ самъ изъ Эскулаповичей. Быть-можетъ онъ еще засталъ Иппократа въ живыхъ. Не удивительно, что у Аристотеля, членъ одного и того же сословія съ Иппократомъ, одинаковыя выраженія и мысли попадаются еще чаще чѣмъ у Платона. Онъ притомъ зналъ и его сочиненія, и въ одномъ мѣстѣ даже называетъ его по имени, но присовокупляетъ эти замѣчательныя слова: «Говоря *селедкій Иппократъ* разумемъ подъ этой похвалою не человека, а врача» (Polit. VII, 4). Сохрани насъ, Господи, быть клеветниками на Иппократа: но этотъ отзывъ Аристотеля, Эскулаповича, собрата, всегда поражалъ насъ непріятными мыслями о нравственности знаменитаго коскато профессора. Чтò значить это принужденное и подозрительное молчаніе всѣхъ современниковъ о жизни и дѣйствіяхъ Иппократа, тогда какъ всѣ охотно говорятъ объ его медицинской славы? Почему Аристотель избегаетъ называть его по имени, и, назвавъ однажды съ похвалою, тотчасъ старается оговорить ее двусмысленно и не очень выгодно для похваленнаго? Этотъ человекъ, или былъ лицо загадочное даже для своихъ современниковъ и ближайшаго потомства, или сдѣлалъ что-то недоброе! Всѣ, какъ-будто удерживаются говорить объ немъ только изъ уваженія къ его генію или, скорѣе, къ званію его «святаго человека» и Асклепада. Позднѣйшіе писатели гораздо откровеннѣе: положимъ, и мы даже въ томъ увѣрены, что сожженіе библиотеки—басня, клевета Книдійцевъ; но въ древности было общее преданіе, что онъ бѣжалъ изъ своего отечества и скрылся у Македонцевъ. Варронъ и Плиній, люди умные и ученые, которые знали, чтò говорить, безъ обвинковъ приняли это преданіе. Оно прошло черезъ всѣ вѣка древности, до самого Цепеса. Благоразумныя наставленія, которыя Иппократъ даетъ врачамъ касательно ихъ поведенія, ничего не доказываютъ въ его пользу. Онъ училъ при храмѣ, и долженъ былъ учить

такъ, какъ требовало сословіе. Эти наставленія онъ слышалъ отъ своихъ учителей и только повторялъ ихъ. Прагматическое сочиненіе, очень слабое въ латинскомъ языкѣ, приводитъ въ доказательство *благородства души* Иппократа выраженіе Цицерона насчетъ его, *medicus nobilissimus*, и переводитъ эти слова : *благороднѣйшій врачъ*. Оно здѣсь, какъ и вездѣ, жестоко ошибается : слова Цицерона значатъ — *лучшій, превосходнѣйшій* врачъ, и съ благородствомъ души не имѣютъ ни какой связи. Но оставимъ это. Кажется, что для біографическихъ выгодъ Иппократа, дѣйствительно, всего лучше слѣдовать примѣру его современниковъ : ничего не говорить объ его жизни.

Плутархъ во многихъ мѣстахъ упоминаетъ объ Иппократѣ, называетъ по имени двухъ учениковъ его, Аполлонія и Діоксиппа Коскаго, и иногда приводитъ его мнѣнія. (*De Plac. philos*, V, 18; *De Prof. in veritate*, и прочая.)

Наконецъ, какъ видно изъ Галена, *Diocles Carystius*, котораго древность назвала *вторымъ по времени и по славы* великимъ врачомъ своимъ, порицаетъ ученіе Иппократа касательно отношенія разныхъ болѣзней къ временамъ года и состоянію температуры; *Mnesitheus Atheniensis*, жившій вскорѣ послѣ Иппократа, подражаетъ его ученію. Герофилъ черезъ сто двадцать лѣтъ послѣ него пишетъ комментарий на его сочиненія : эти комментарий были въ рукахъ Галена, и Галенъ не извлекъ изъ нихъ ничего о жизни Иппократа!

Вотъ вся цѣпь свидѣтельствъ объ Иппократѣ. Изъ нихъ мы убѣждаемся только въ томъ, что онъ дѣйствительно принадлежалъ къ почтенному сословію Эскулаповичей, жилъ во времена Сократа, и училъ за деньги, на зло прагматическому сочиненію, которое утверждаетъ, будто онъ не зналъ *интересу и не развѣзжалъ по городу въ коляскѣ какъ модный салонпрактикующій докторъ*; что, уча за деньги и

«не развѣзжая по городу», онъ не могъ быть богатъ и щедръ; что онъ написалъ нѣсколько сочиненій, сдѣлавшихся вскорѣ извѣстными, и пользовался славой великаго врача; и что когда въ его время говорили *великій Иппократъ*, то подъ этою похвалою разумѣли только врача, а не человѣка. Непріятно, но правда, и дѣлать нечего. Больше рѣшительно нѣтъ ни какихъ объ немъ подробностей, кромѣ, можетъ-быть, того, что въ древности всегда существовало преданіе о бѣгствѣ его изъ отечества въ сѣверную Грецію, бѣгствѣ, котораго настоящей причины никто не знаетъ, и что очень умные и ученые люди вѣрили этому преданію. Все прочее — выдумка.

Многіе старались, по упоминаніямъ Платона, опредѣлить годъ рожденія Иппократа. Это пустая затѣя. Въ вымышленныхъ разговорахъ не можетъ быть соблюдена точная хронологія всѣхъ обстоятельствъ, на которыя намѣкаютъ дѣйствующія лица.

Преданіе о томъ, будто Иппократъ жилъ около ста десяти лѣтъ, явственный вымыселъ иппократистовъ, которые хотѣли только показать этимъ, какъ чудесна медицина ихъ учителя: она заставляетъ жить болѣе ста лѣтъ!

Родословная его, отъ Эскулапа и Геркулеса, и отъ Небра, благороднѣйшаго изъ потомковъ Эскулана, не стоить ни какого вниманія. Это плодъ хвастовства иппократистовъ, выдумка совершенно въ духѣ классическаго шарлатанства.

Разсказъ о томъ, будто онъ началъ практиковать съ третьяго года своей жизни и будто на тридцать-первомъ году было у него два сына, уже искусные въ медицину, и зять, — этотъ не постижимый разсказъ прагматическаго сочиненія въ состояніи изумить всѣхъ читателей. У древнихъ Грековъ воспитаніе продолжалось до тридцати лѣтъ, и законъ запрещалъ имъ всту-

пять въ бракъ прежде тридцати семи лѣтъ. Это известно всенному.

О пребываніи Иппократа при дворѣ Пердикки Второго и остроумномъ угаданіи его жестокой болѣзни прагматическое сочиненіе можетъ рассказывать что угодно, но это старая шутка. Та же самая исторія рассказывается объ Эрасистратѣ, угадавшемъ по пульсу царя Селевка, что страданія его происходятъ отъ любви къ одной фавориткѣ. Ни о страсти царя Пердикки къ Филѣ (Phylis: прагматическое сочиненіе превращаетъ ее въ *Филу*), ни объ его болѣзни, ни объ исцѣленіи Иппократомъ и Эвриономъ, не упоминаетъ исторія.

Подвигъ, оказанный Иппократомъ въ истребленіи афинской чумы — нелѣпая сплетня иппократистовъ, старая, возобновленная древними невѣждами исторія о знаменитомъ врачѣ Акронѣ, который будто-бы оказалъ Афинянамъ ту же самую услугу. Ничего не бывало! Фукидидъ положительно говоритъ, что чума шла своимъ порядкомъ, и ни какія, ни *человѣческія* ни *божественныя*, средства не могли остановить ея свирѣпости. «Врачи не знали, говоритъ онъ, какія употреблять лекарства, и сами по большей части умирали, потому что имѣли больше сношеній съ народомъ.» Если бы тутъ находился такой знаменитый врачъ какъ *великій* Иппократъ, то Фукидидъ, современникъ, конечно не забылъ бы упомянуть объ немъ въ этомъ мѣстѣ. И позволительно ли, во врачебной книгѣ, въ наше время, повторять скажу о томъ, будто-бы чуму можно остановить зажженными кострами? А если чума не была остановлена, если, какъ видно изъ Фукидида, Иппократа тутъ не было, то что тогда значатъ эти почести, будто-бы оказанныя великому врачу-спасителю благодарными Афинянами? и этотъ декретъ ихъ въ пользу Иппократа? и эта забавная рѣчь сына его, Фессала? и это, во время чумы, пришедшее изъ Персіи приглашеніе вѣхать къ царю Арта-

дверкою и спасти его войско? и это великодушно-смѣшной отказъ Иппократа : не побѣду!.... вы, дикари, фризи Грековъ, Агриманъ побори васъ итѣхъ!.... я богатъ, и моя правдивость не позволяетъ мнѣ ѣхать въ Персію, когда у меня есть деньги. Такова сущность этого смѣшного письма, хотя слова—другія. Не явные ли это подлоги? Кто имъ вѣрить?... Всѣ эти легенды съ давняго времени присоединяются къ собранію сочиненій Иппократовыхъ; ихъ знали Варронъ и Плиній, но еще Катонъ смѣялся надъ ними. Аэцій и авторъ книги De Theiaca ad Pisonem присоединяютъ къ нимъ еще подробное описаніе того, какъ Иппократъ зажигалъ большіе костры въ горахъ и вѣшалъ вѣнки изъ душистыхъ цвѣтовъ, а Актуарій приводитъ даже рецептъ антидота Иппократова противъ чумы. Необдуманнѣйшій энтузіазмъ вводитъ людей въ большія странности! Прагматическому сочиненію можетъ—статься извѣстно, а можетъ и нѣтъ, что въ 1652 году Faber Castrinovidagensis открылъ въ Иппократовыхъ сочиненіяхъ и рецептъ для составленія философскаго камня *.

Еще одно, краткое, но необходимое, замѣчаніе насчетъ чумы. *Иллирійцы прислали почетное посольство къ Иппократу съ просьбою, чтобъ онъ поспѣшилъ къ нимъ для прекращенія чумы, которая всю эту страну опустошала ужаснымъ образомъ. Причиною отказа его было опасеніе его, что чума можетъ быть скоро занесена тѣми же вѣтрами въ Фессалію и всю Грецію (§ 27).* Это не справедливо : ходъ аеинской чумы былъ не таковъ. Не черезъ Иллирію, Фессалію и Віотію перешла она въ Аттику : «а прежде всего началась въ Эіопію, чѣдъ выше Египта, говоритъ Фукидидъ: оттуда сошла внизъ въ Египетъ и Ливію и въ огромную землю Царя, и потомъ вдругъ перешла въ городъ Аен-

* См. Chr. Democriti, Krankheit und Arznei, 1736, Frankf.

нягъ. И прежде всего заразила людей въ Пирей : поэтому они думали , что Пелопонезцы отравили колодцы , — водопроводы тамъ еще не были устроены , — но скоро язва перешла и въ верхній городъ , и тогда уже умирали отъ нея въ болъшемъ числѣ».

Для полноты всякихъ басней , прагматическое сочиненіе приводитъ еще преданіе о дочери Иппократа , обращенной Діаною въ ужасное чудовище . Она окружена безчисленными , самыми драгоценными сокровищами ; но прежній прекрасный свой видъ можетъ получить не прежде , какъ когда кто-либо изъ рыцарей (!) а не кто другой , поцѣлуетъ ее съ любовію въ самую уста . (§ 55). И прагматическое сочиненіе употребляетъ все свое остроуміе , чтобы объяснить тайну сущности этой выдумки . Наконецъ оно разобрало ее , добилось въ ней до смысла : Діана , это — многообразная болъзнь , дочь Иппократа — медицина , а смѣльчакъ — тотъ врачъ , который будетъ имѣть смѣлость и терпѣніе проникнуть тайны медицины , безъ отвращенія ко всѣмъ ужасамъ , съ которыми сопряжено познаніе этихъ тайнъ . Чтò же ! прагматическое сочиненіе и не подозреваетъ , что это смѣшное преданіе относится къ дочери , вовсе не того Иппократа , о которомъ оно размышляетъ съ благоговѣніемъ , а другаго Иппократа , прежняго владѣтеля острововъ Станкьой и Лонго ! Эта сказка принадлежитъ легковѣрному Mandevyle , который даже отъ-души сожалѣетъ , что ему не удалось видѣть этого чудовища въ сто тоазовъ длины . (Itiner., сар. 6.)

Оправданіе Иппократа , будто-бы обвиняемаго въ безбожій , просто такое же недоумѣніе какъ все прочее въ этой прагматической книгѣ . Въ книгѣ о падучей болъзни и о сложеніи женщинъ , внесенныхъ въ собраніе сочиненій Иппократа , но все ему не принадлежащихъ , находятся насмѣшки надъ народными суевѣрїями , надъ очищенїями , продавцами амулетовъ , и такъ

дальше. Основываясь на этомъ, Иоаннъ Mosheim въ семнадцатомъ столѣтїи, Gundling (а не Gundlindius) и Karl Dreylicourt въ осемнадцатомъ, были главными обвинителями Иппократа въ безбожїи. Fabricius и Stephanus Bellunensis опровергали это странное мнѣнїе, а Triller, Göelicke и Андрей Schmidt старались даже подвести религіозныя правила Иппократа подъ начала Священнаго Писанїя. Споръ былъ основанъ на недоразумѣнїи и упалъ самъ собою. Если бы прагматическое же сочиненїе, при этомъ случаѣ, прочтало хоть нѣсколько страницъ Триллера и Гёликке, то оно бы не ссылалось на авторитетъ такихъ чудовищныхъ книгъ. А если бы оно хорошенько поняло съ самаго начала, что Асклеиады и эти знаменитые «жрецы» были одно и то же, что Иппократъ былъ самъ «святой чловѣкъ» Эскулапа и принадлежалъ къ этому врачебно-духовному братству, или сословію, что врачебное искусство было частью религіи у Грековъ, священнымъ учрежденїемъ господствующей вѣры, что духовное лицо не можетъ насмѣхаться надъ обрядами, каковы бы они ни были, и что въ вѣкъ Сократа такія шутки оканчивались очень дурно для острослововъ, то оно и не начинало бы пустаго оправданїя въ невозможномъ преступленїи. Хотя около временъ Иппократа уже было много мелкихъ вольнопрактикующихъ врачей, большею частью шарлатановъ, независящихъ отъ полицїи капищъ Эскулапа, однако жъ главное и особенно уважаемое всѣми врачебное сословіе составляли служители этого божества, главная медицинская практика, въ храмахъ и въ городѣ, производилась Асклеиадами, наследственною духовно-врачебною братьею, сословіемъ, въ которое никто не проникалъ безъ формальнаго посвященїя въ «оргїи» его завѣтнаго званїя, *epistêmê*, и отъ котораго, проникнувъ туда, надобно было потомъ зависть. Настоящее искусство и настоящая наука были тамъ. Довѣріе общества къ этимъ священнымъ заведенїямъ бы-

ло непоколебимо, доколѣ все знаніе языческой вѣры не начало разрушаться отъ дѣйствія философіи: Иппократъ и другіе члены сословія, какъ уже сказано, писали свои врачебныя руководства для нихъ, для капищной медицины, и сообразуясь съ ея духомъ; писали для служителей божества и ихъ науки, а не для публики: этою идеей надобно глубоко проникнуться приступая къ чтенію Иппократа; тогда только ученіе его становится понятнымъ, его правила совершенно естественными. Даже и то, что онъ говоритъ о примѣрномъ поведеніи и *благопристойной наружности* врача, должно быть понимаемо въ смыслѣ важности и святости сословія, а не личной нравственности учителя: это катихизисъ братства. Врачи жили обыкновенно возлѣ капищъ; хотя многіе изъ нихъ бывали въ отлучкѣ для практики и смѣшивались съ обществомъ, однако жъ и тѣ не отставали отъ капищъ, центровъ сословія, и сами посылали туда своихъ больныхъ. Кажется, что одна только хирургія составляла ихъ виѣшнюю практику, а настоящія болѣзни, особенно когда пациентъ былъ богатъ и могъ сдѣлать хорошій подарокъ асклеію, отсылались туда: при ихъ крѣпко экспектативной медицинѣ, число пациентовъ въ храмахъ не могло быть значительно. На инкубациахъ, или проявленія божества больному, не должно смотрѣть какъ на «скоморошество», но какъ на врачебное средство внушенія душевнаго спокойствія и полного довѣрія къ лекарству при помощи религіи, потому что религія сливалась у Грековъ со всѣми обстоятельствами жизни. Самый невѣрующій врачъ не могъ не считать, по чистой совѣсти, этого средства необходимымъ съ такимъ суевѣрнымъ народомъ какъ древніе Греки. Но лучшіе языческіе врачи и самъ Иппократъ также твердо вѣровали въ помощь Эскулапа какъ нынѣшніе восточные въ силу Алкорана, тамъ, гдѣ искусство было не достаточно. У Эліама (XII, 1) есть письмо Аспазія къ Периклу, вымышленное;

писанное очень поздно, но писанное еще въ виду нравовъ этого страннаго міра, въ которомъ философія и ханжество держались объ-руку, возвышенное одѣвалось въ плащъ смѣшнаго, и изящное купалось въ лужахъ грязи; но это письмо даетъ хорошее понятіе о томъ, какъ производились инкубаціи, по-крайней-мѣрѣ во время его сочинителя. Разные виды этого таинственнаго леченія имѣли различныя названія : видѣніе лекарства составляло *теорему*; явленіе бога во снѣ называлось *крема-токене*, а сонъ, имѣвшій образъ происшествія, былъ *аллегорія*, подлежащая толкованію самихъ «слугъ бога».

«АСПАЗІЯ ПЕРИКЛУ ЖЕЛАЕТЪ ЗДОРОВЬЯ.

«Подалирь ! (сынъ Эскулапа) Подалирь ! наученный любовью искусству лечить, ты, который посвятилъ свою науку любви, благодарю тебя! Аѣины еще увидятъ меня красавицей; я ничего не утратила изъ моихъ прелестей, и Периклъ снова найдетъ свою Аспазію такой, какою онъ любилъ. Подалирь ! еще разъ благодарю тебя ! И ты, любезный Периклъ, благодари его также. Я не хотѣла писать къ тебѣ, не удостовѣрившись въ моемъ исцѣленіи. Сейчас ты узнаешь все мое путешествіе. Я послѣдовала въ точности совѣту Пократеса, этого мудраго и искуснаго врача, и поехала сначала въ Мемфисъ, чтобы посвятить храмъ Изиды, но безъ всякаго успѣху. Я видѣла богиню, и ея сына Оруса, сядящихъ на тронѣ, поддерживаемомъ двумя львами; себесты обвиваютъ ихъ алтари, на которыхъ утромъ курится ладонъ, въ полдень мирра, вечеромъ кифъ. Меня увѣрили, что юный Александръ незадолго приходилъ въ этотъ храмъ мечтать, въ надеждѣ получить откровеніе лекарства для своего друга Птолемея, и что мольбы его скоро исполнились. Я же, какъ и онъ, спала въ этомъ храмѣ и не исцѣлилась. Изъ Мемфиса я отправилась далѣе и прибыла въ Патрасъ : тамъ въ храмѣ я видѣла богиню (здоровья, дочь Эскулапа), Гигію, не въ томъ видѣ, какъ Аристофанъ представляетъ намъ ее, когда она исцѣляетъ Плутона, не стройную и легкую, не въ воздушномъ облаченіи и короткой туникѣ, не съ вѣткою въ рукахъ, на которую бросается

зрѣй, но.... въ видѣ таинственнаго пяти-угольника! Сначала я сдѣлала набожный ходъ къ ключу, и, положивъ жертву къ ногамъ доброй богини, по приказанію ея служителей посмотрѣлась въ зеркало, плававшее на поверхности воды, и не была исцѣлена. На ночь мы поѣхали въ Пергамію и оттуда въ Герину; но боги, казалось, также спали, какъ и унылая Аспазія. Вдругъ слышу имя Подалира и, на вопросъ мой, узнаю, что его храмъ въ Лакератъ: я спѣшу туда, немедленно по пріѣздѣ иду купаться въ рѣкъ Альтоносъ и намащаю себя душистыми бальсами, которые Зосимъ, нашъ другъ, отдалъ мнѣ въ храмъ Меркурія въ тотъ день, какъ я оставила Аены. Наконецъ я начала молиться, чтобъ сподобиться отвѣтовъ бога, и вечеромъ легла на бараньей кожѣ, подлѣ колонны. Скоро я пришла въ то состояніе, когда уже не бодрствуешь, но и сонъ еще не совсѣмъ овладѣлъ чувствами, и мнѣ казалось, будто слабый свѣтъ разливается около меня. Повѣришь ли? такъ! божій Эскулапъ явился мнѣ съ двумя дочерьми своими, окруженный свѣтлымъ облакомъ, и обѣщалъ мнѣ исцѣленіе. Тогда я крѣпко заснула, и къ разсвѣту увидѣла Киприду. Киприда, вѣрный другъ Подалира, явилась мнѣ сама: я узнала ее, хотя она приняла на себя образъ голубя*. Она явилась, и меня исцѣлила. Подалиръ, Эскулапъ и Киприда! всякой депъ вамъ будетъ возноситься энміамъ изъ рукъ Аспазіи и моего любезнаго Перикла. Теперь я расскажу тебѣ сонъ одной Даваянки, спавшей подлѣ меня. Она страдала грудями, и вотъ ея сонъ: она видѣла юнаго бога Гарпократа, лежащаго на морѣ, въ пеленкахъ съ головы до ногъ; онъ казался слабымъ, кричалъ какъ дитя, и просилъ сосать у больной. Послѣ того ей приснилось, будто ягценокъ сосалъ ея грудь. Сонъ объяснили: онъ назначалъ употребленіе какого-то растенія; въ ожиданіи исполненія, ей предписали питаться варенымъ виноградомъ. Но довольно о снахъ, мудрый Периклъ: ты можешь-быть смѣешься. Какъ хочешь, а то не сонъ, что я исцѣлилась и люблю тебя. Прощай!»

* Верно, и Подалиръ, и Эскулапъ съ дочерьми, явился ей въ подобіи же видѣ: она увидѣла змѣю, собаку, или другихъ эмблематическихкихъ животныхъ, а «слуги боговъ» сказали, что это — оуп!

Эскулапъ, какъ увѣряли Павсанія въ эгейскомъ храмѣ этого бога, былъ олицетвореніе воздуха, а отецъ его Аполлонъ — олицетвореніе солнца, управляющаго временами года и сообщающаго атмосферѣ ея вѣтровыя свойства. Отсюда и выборъ мѣстъ съ самымъ воздухомъ для капищъ Эскулапа, и эта важность воздуха и временъ года въ старообрядномъ ученіи Иппократа. Отправление больного въ храмъ Эскулапа, часто даже отдаленный, равнялось нашимъ путешествіямъ къ минеральнымъ водамъ или просто за границу для воздуха и переменъ образа жизни. Въ Карльсбадѣ и Крѣйцнахъ, у Грековъ, были бы непременно храмы Эскулапа: неужели же по этому случаю мы произвели бы тамошнихъ почтенныхъ докторовъ въ жрецы и скоморохи? Ксенофонтъ и Павсаній говорятъ, что врачи слѣдовали на войну за арміей и, на полѣ сраженія, находились возлѣ полководца, и Павсаній называетъ ихъ положительно *theou douloi*, *слугами бога*. Въ Аѳинахъ было много этихъ слугъ бога, и Платонъ даетъ имъ эпитетъ *komproi Asklepiadaí*, *благонристойные Эскулаповичи*: такъ видно, у нихъ была своя книга *De decenti ornatu* и такая же присяга, какъ та, которую выдаютъ намъ за плодъ высокой нравственности Иппократа!

Мы уже сказали, что заслуги Иппократа относительно къ медицинѣ чрезвычайно преувеличены: одинъ только недостатокъ въ нужныхъ познаніяхъ можетъ приходиться въ неописанный восторгъ при его имени. Задолго до него искусство получило ученое направленіе и большая дѣятельность господствовала въ полезномъ сословіи «слугъ бога». Эврифонъ, редакторъ книжныхъ врачебныхъ афоризмовъ, *Cnidiae gnomae*, предшествовалъ Иппократу: Галенъ, Руфъ и Целій, ссылаются на его сочиненія; Платонъ Комикъ упоминаетъ объ немъ, какъ о знаменитомъ современномъ врачѣ, и описываетъ Кипесіаса, послѣ болѣзней груди,

сухимъ какъ скелеть : грудь его полна гною, ноги сухи какъ тростникъ, и все тѣло покрыто эсхарами, выжженными Эврифономъ. При дворѣ Артаксеркса Перваго былъ Аполлоній, искусный Асклепιάдъ, родомъ съ острова Ко. При Артаксерксѣ Мнемонъ славился Ктесіасъ, современникъ Иппократа, тоже Эскулаповичъ. Дворъ македонскій былъ наполненъ врачами. Въ Афинахъ были нѣкогда весьма знаменитые врачи, Асрон, Archidamos, Ariston, оставившій особенную микстуру противъ ломоты, Demokedes изъ Кротоны, современникъ Пизагора, Epicharmos, врачъ, поэтъ и философъ, соотечественникъ Иппократа, ученикъ Пизагора. Далѣе, известны Nocrates, Prodicus, Philetas, Metrodorus, Cleophanes, и множество другихъ. Эта тма врачей, которыхъ искусство и слава не подвержены сомнѣнію, вся, или опередила Иппократа или была ему современна. Зачѣмъ же мы станемъ обвинять въ медицинскомъ невѣжествѣ вѣкъ, который произвелъ ихъ? Во время Галена Эврифоновы гномы, это древнее сочиненіе книдійской школы, еще существовали : онъ приводитъ изъ него раздѣленіе болѣзней. Эврифонъ писалъ и другія сочиненія, и школа Иппократа приняла ихъ. Такимъ образомъ во второй книгѣ «О болѣзняхъ» есть отрывокъ, слово въ слово одинаковый съ помѣщеннымъ у Галена, который заимствовалъ его изъ Эврифона : значить, Иппократъ Гераклидовичъ изволилъ присвоить себѣ чужое добро, а это очень не похвально. Въ книгѣ, приписанной Иппократу, о сложеніи костей, отрывокъ, начинающійся словами — «Большія вены такъ расположены», приведенъ тоже слово въ слово у Аристотеля, который говоритъ, что это — трудъ одного кипрскаго врача : школа Иппократова видно нашла его довольно хорошимъ, что посягнула на хищничество! Подобныхъ доказательствъ тогдашней дѣятельности въ медицинской литературѣ можно представить много : самъ Иппократъ упоминаетъ въ разныхъ

мѣстахъ о медицинскихъ писателяхъ того времени. Во многихъ мѣстахъ онъ очень вразумительно ссылается на сочиненія древнихъ и приводитъ ихъ мысли. Еще разительнѣе видно цвѣтущее съ давняго времени состояніе науки изъ твореній современниковъ или предшественниковъ Иппократа : мы находимъ въ нихъ ссылки на множество сочиненій, не дошедшихъ до насъ. Авторъ книги *De Articulationibus* ссылается на трактатъ о *тренияхъ*, общаетъ изложить строеніе желѣзъ, объяснить леченіе искривленій позвоночнаго столба, показать соединеніе артерій съ венами, ихъ происхожденіе и дѣйствіе. Авторъ второй книги *Предсказаній* упоминаетъ о сочиненіи объ эмпиѣ, объ острыхъ болѣзняхъ, о лихорадкахъ, являющихся безъ явныхъ причинъ, объ офталміяхъ, и прочая. Авторъ книги *De Affectionibus* безпрестанно ссылается на свои творенія о эмпиѣ, о чахоткѣ, о женскихъ болѣзняхъ, о глазахъ, о лихорадкѣ *tertiana*, *quartana*, и на какое-то фармакологическое сочиненіе. Авторъ четвертой книги «О Болѣзняхъ», книгъ о человѣческой природѣ, о врачѣ, объ искусствѣ, дѣлаетъ множество ссылокъ на разные сочиненія, теперь погибшія. Куда скрылась эта масса книгъ, которая бы могла составить огромныя библіотеки? За это надо поблагодарить мессеръ Иппократа : его превеличенная слава сдѣлала чрезвычайный вредъ наукъ ; всѣ покупали только его сочиненія ; съ сочиненій другихъ, нѣкогда знаменитыхъ, врачей-наблюдателей мало дѣлалось списковъ, и эти драгоценныя рукописи постепенно всѣ уничтожились, по равнодушію къ нимъ иппократистовъ, тогда какъ мы безспорно нашли бы въ нихъ много замѣчаній вѣрнѣе и важнѣе Иппократовыхъ. О самомъ собраніи сочиненій Иппократа можно положить такую дилемму : или всѣ сочиненія, приписанныя Иппократу, ему принадлежатъ, или только самое малое число ихъ, допускаемое строгою критикою. Если справедливо первое, то Иппократъ считалъ сча-

стиемъ и высочайшимъ наслажденіемъ жизни безсовѣстно обирать чужія книги : не могъ же онъ одинъ написать этой массы книгъ, на которыя непрерывно дѣлаются ссылки! Если же справедливо второе, то еще яснѣе становится та истина, что не одному ему принадлежитъ честь такъ называемой реформы медицины: многія сочиненія, приписанныя Иппократу, но не ему принадлежація, не уступаютъ въ достоинствахъ лучшимъ твореніямъ великаго учителя и, безъ всякаго сомнѣнія, или современны имъ или еще древнѣе. Строгий разборъ коллекціи Иппократовыхъ твореній, этого ядра врачебной литературы, надѣлавшаго столько вреда и нѣсколько пользы роду человѣческому, могъ бы показать намъ любопытныя подробности постепеннаго развитія медицины въ разныхъ школахъ древней Греціи, если бъ мы знали имя автора каждаго трактата, входящаго въ составъ этой древней Медицинской Библіотеки. А кто безъ критики, безъ знанія дѣла, безъ всякаго понятія о ходѣ наукъ въ древности, приписываетъ Иппократу пятьдесятъ семь сочиненій, увѣряя себя, будто *вѣрность и точность ихъ опредѣлены вѣсти писателями*, тотъ не судья въ этомъ дѣлѣ.

Въ то же время, среди этой ученой дѣятельности древней греческой медицины, мы находимъ боренія школъ, ученые пренія учителей между собою. Иппократъ критикуетъ творенія Эврифона, врачей, лечившихъ Иппосеена въ Лариссѣ, и Эвдема, мнѣнія Продяка, Писоклеса, и такъ далѣе. Авторъ четвертой книги «О Болѣзняхъ» возстаетъ на мнѣніе врачей, утверждающихъ, будто питье проходитъ въ дыхательное горло. Авторъ книги De Affectionibus internis обвиняетъ тѣхъ, которые думаютъ, будто появленіе песку въ мочѣ показываетъ камень въ пузырь, и, слѣдовательно, тутъ вмѣстѣ съ другими и Иппократъ подвергается его обвиненію. Ктесіасъ осмѣиваетъ Иппократа за *reductio ossis femoris*, Диоклесъ за тридцать-третій

афоризмъ второго отдѣленія. Трактаты о переломахъ, о сочлененіяхъ, и другіе, являются въ видѣ простран- ныхъ полемикъ противъ различныхъ методъ.

Если философія наносила вредъ медицинѣ своими умо- зрительными ипотезами, зато она была въ состояніи при- несть ей большую пользу своими опытыми наблюде- ніями. Въ кругъ ея входили тогда естественныя нау- ки, анатомія, физиологія, и даже значительная часть патологіи, извѣстная нынче подъ именемъ этиологіи. Анатомія философовъ должна была обратить на себя все вниманіе Иппократа: но онъ не хотѣлъ воспользо- ваться ихъ открытіями, не имѣлъ самъ ни какого по- нятія о внутреннемъ устройствѣ тѣла, и, положивъ пра- виломъ наружное наблюденіе общаго типа болѣзней, на долгое время отвлекъ отъ анатоміи всю свою шко- лу. Между-тѣмъ Алькмеонъ изъ Кротоны, за пять сотъ лѣтъ до Рождества Христова, разсѣкаетъ животныхъ. Поэма Эмпедокла о природѣ обнаруживаетъ въ немъ физиологическія свѣдѣнія. Діогену изъ Аполлоніи при- надлежитъ трактатъ «О Природѣ» съ описаніемъ венъ и слѣдами понятія объ артеріяхъ: Аристотель зналъ это сочиненіе, а слова Плутарха доказываютъ, что Діо- гену было извѣстно различіе сосудовъ (De Plac. IV, 5). Наконецъ, Демокритъ, философъ и врачъ, котораго будто-бы лечилъ Иппократъ: древность прославляла его какъ опытнаго анатома, разсѣкавшаго животныхъ съ цѣлію открыть путь къ леченію внутреннихъ неду- говъ; какъ писателя, котораго слогъ подобенъ голосу Юпитера (Sext. Empiric.), какъ основателя лечеб- ной терминологіи; которую объясняли Гегесіанаксъ и Каллимахъ. Целій зналъ еще девять его сочиненій. Какъ же всѣмъ этимъ воспользовался Иппократъ? Срамъ сказать: отвергая все, что носило тогда имя фи- лософіи, онъ утверждаетъ, будто анатомія нужнее живописцу чѣмъ врачу! «Нѣкоторые утверждаютъ, буд- то не возможно знать медицины, не зная человѣка. Но

этирачи пахнутъ философіей (*teinei ex philosophian*), — наиримѣрь Эмпедокла и другихъ, — которые, разсуждая о природѣ, начинаютъ съ того, что такое — человѣкъ, какъ онъ образуется, какъ происходитъ его первоначальное устройство. *Что касается до меня, то я думаю, что все, что софисты (то есть, философы) и врачи говорили и писали объ этомъ устройствѣ, менѣе принадлежитъ врачебному искусству чѣмъ живописи*. (*De Prisc. medic.*) Послѣ этого можно пожелать, что книдская школа не восторжествовала въ борьбѣ съ «отцомъ рациональной медицины». У ея послѣдователей мы конечно нашли бы больше той «философіи», которую отвергалъ Иппократъ, то есть, анатоміи и физиологіи, и подъ вліяніемъ этой школы медицина быть-можетъ двинулась бы гораздо скорѣе по пути настоящей рациональной науки.

Посмотримъ теперь Иппократово ученіе о болѣзняхъ, отъ котораго прагматическое сочиненіе въ такомъ восторгѣ, и за которое оно объявляетъ своему кумиру *удивленіе и благодарность* отъ имени *всѣхъ въковъ*.

Скучный и бесполезный вопросъ объ элементахъ можетъ быть оставленъ всторонѣ: мы уже сказали объ немъ нѣсколько словъ прежде. Прочія общія мысли о природѣ также ни сколько не любопытны: всѣ онѣ находятся у философовъ, жившихъ до Иппократа. Онѣ уже засталъ ихъ въ медицинѣ. Механизмъ отравленій былъ ему не извѣстенъ. Приступимъ прямо къ жидкостямъ, или сокамъ, которыхъ тоже онъ не выдумалъ, хотя его и провозглашали первымъ гуморалистомъ древности.

Если соки находятся въ правильномъ смѣшеніи (*сгнѣзѣннѣ*), то человѣкъ здоровъ: слѣдовательно болѣзнь есть нарушение правильности смѣшенія соковъ. Вслучаѣ разстройства этой правильности, одно изъ свойствъ соковъ изолируется, отдѣляется отъ прочихъ, и, бродя по тѣлу, измѣняетъ соки, и произведетъ признаки бо-

лѣзни. Для уничтоженія этой *причины будущей болѣзни*, «врожденная теплота», то есть, сама природа, должна переварить свойства соковъ. Ея силою, соки собираются въ одно мѣсто, дѣлаются гуще, тягуче, въ нихъ образуется осадокъ, и наконецъ, дѣйствуя другъ на друга, они какъ-бы перевариваются вмѣстѣ. (De Prisc. med. 19). Это составляетъ *переварку* Иппократа, *coctio, perastmos*, процессъ необходимый чтобы отнять у соковъ раздражающее свойство. Осадокъ, злокачественная непереваренная матерія, или гной, слѣдовательно существуютъ въ тѣлѣ, еще до болѣзни: природныя силы его, или возвратившееся къ правильности смѣшеніе соковъ, коротко сказать, природа, сама непременно выгонитъ эту матерію изъ тѣла посредствомъ *болѣзни*. Но матерія, выгоняемая силою природы, на путяхъ къ выходу острымъ своимъ свойствомъ привела бы въ раздраженіе всѣ органы. Для этого, она должна сдѣлаться, или мы должны сдѣлать ее, *удобной къ выходу*, *teabilis, euron*.

Кто невидитъ, что эта теорія, въ которой проявляется и ученіе о теплотѣ, двигавшей тогда весь міръ, не что иное какъ ученый фундаментъ, подведенный подъ простонародное понятіе всѣхъ странъ, что въ тѣлѣ почти всегда есть злокачественная матерія, а болѣзнь только выгоняетъ ее; что, поэтому, болѣзнь, не только неизбежна, но даже полезна: не надобно трогать ее, пусть выйдетъ вся матерія, чтобы тѣло очистилось! Какъ простонародное и самое первое понятіе людей о болѣзни, оно по-необходимости было и основаніемъ старинной капищной медицины, къ правиламъ которой Иппократъ старался возвратитъ науку, увлекаемую философіей въ противную сторону. Изъ этой идеи о пользѣ болѣзней для тѣла естественно происходятъ всѣ прочія первоначальныя, священныя, правила Эскулапа, его капищъ, и Иппократа, а именно спокойное наблюденіе одной только общей формы болѣзни и терпѣ-

ливое выжиданіе дѣйствія самой природы, съ маленькимъ и осторожнымъ пособіемъ со стороны искусства. Сравнивается : гдѣ же тутъ преобразование ? или гдѣ тутъ новое ?....

Усплія тѣла изгнать матерію Иппократъ назвалъ *кризисомъ*, *crisis*, и различалъ два вида его, — *критическое изверженіе* жидкостей кожею, верхомъ, и низомъ, *критическій переносъ*, *apostasis*. Гдѣ нѣтъ приличной дороги для выхода матеріи, или матерія не сдѣлалась удобною къ выходу, а усплія тѣла стремятся ее выпнать, тамъ она бросается на какой нибудь органъ. Иппократъ зналъ три такихъ перехода, — рожу, антовою огонь и опухоль сочлененій. Критическіе дни различны, по различію болѣзней, возрастовъ и временъ года, но постоянны въ извѣстныхъ общихъ формахъ страданія и при одинаковыхъ условіяхъ возрастовъ. Такъ думалъ Иппократъ, и послѣдователи его положительно утверждали, будто ему принадлежитъ слава правильнаго означенія критическихъ дней въ острыхъ болѣзняхъ, по которому дни 3, 4, 7, 14, 20 и 28 должно считать здѣсь рѣшительными. Не отвергая, что Иппократъ могъ привести въ большую правильность ученіе о критическихъ дняхъ и подкрѣпить ихъ авторитетомъ наблюденій, нельзя однако жъ не видѣть, что самое ученіе существовало еще до него : числа 4 и 7 играли большую роль у Пинеагора, у Египтянъ и у сирійскихъ мистиковъ. Идея безспорно — не его, потому что и въ наблюденіяхъ, приводимыхъ самимъ Иппократомъ для поддержанія этой мысли, вѣроятіе пришедшей изъ Сиріи вмѣстѣ съ богопочитаемъ Эскулапа, мы находимъ сильное опроверженіе ея. Въ сочиненіяхъ его разсѣяно около двухъ сотъ наблюденій. Изъ своду ихъ, числа дней 7, 14, 20 и 40, оказываются постояннѣе прочихъ, но это только въ 75 случаяхъ изъ 200. Изъ такихъ результатовъ нельзя было создать новой теоріи критическихъ дней : это толь-

ко плохое доказательство идеи, существовавшей прежде и поддерживаемой по пристрастию къ старинѣ.

Прогностика составляла одну изъ самыхъ важныхъ частей ученія Иппократа. Это не было, какъ нынче, простое предсказаніе будущаго въ болѣзни: прогностика «святаго челоуѣка» заключала въ себя мысль о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Иппократъ, не знакомый ни съ измѣненіями органовъ въ болѣзни, ни съ существомъ и качественными признаками ея, принималъ ее за что-то самобытное, имѣющее свой ходъ, развитіе и окончаніе. Одни общіе признаки составляли основаніе его прогностики: названіе, сущность и органъ болѣзни ничего не значили въ его глазахъ. Этой системѣ конечно слѣдовалъ еще самъ богъ Эскулапъ, потому что иной, основанной на подробностяхъ, онъ и не могъ слѣдовать, а безъ нея незачто было бы ему помышлять въ боги. Такая прогностика—первый шагъ эмпирической медицины къ достоинству науки. И что бы безъ нея была медицина Иппократа? Наборъ фактовъ безъ связи и общаго значенія! Но, съ другой стороны, внутреннее достоинство такой прогностики слишкомъ ничтожно: это не болѣе какъ наблюденія измѣненій въ исходящихъ изъ тѣла жидкостяхъ, описаніе знаковъ, предвѣщающихъ исходъ болѣзни, изученіе критическихъ движеній и свойствъ вещества, извергаемаго кризисомъ. Рядъ феноменовъ, которыхъ причины не считаютъ нужнымъ отъискивать, могутъ въ известной степени опредѣлить заранее пути выхода недуга и самопомощь искусства, но болѣзнь все-таки останется: чѣмъ-то общимъ, непонятнымъ, отвлеченнымъ, когда частности излишни для науки. Сословіе «слугъ бога» и сами знали эту прогностичну: храмовые врачи записывали и собирали признаки, предвѣщающіе исходъ болѣзни и, чтобы удивлять толпу пророчествомъ, изучали ихъ, дѣлали изъ нихъ выводы. Древній народъ, какъ и нынѣшній, съ изумленіемъ слушалъ предсказан-

ни и по нимъ судить о свѣдѣнiяхъ, умѣ и могуществѣ врачей. Съ другой стороны Иппократова прогностика носитъ на себѣ печать тогдашней дiететики палестръ, изъ которой медицина почерпнула многое еще до Иппократа. Выраженiе лица и глазъ больного, подробности формы и полноты шеи, груди и оконечностей его, качества потовъ, изверженiй, дыханiя и аппетита, признаки общiе и поверхностныя, поставлены въ параллель въ больномъ и здоровомъ челоуѣкѣ, какъ двѣ картины одна противъ другой, для сличенiя. И чѣмъ болѣе разницы въ этихъ признакахъ у больного съ здоровымъ, тѣмъ хуже будетъ предсказанiе для пациента, тѣмъ сильнѣе предшествовавшiя причины, тѣмъ рѣшительнѣе должны быть мѣры врачебной помощи.

Въ практической медицинѣ Иппократа господствуютъ двѣ идеи, — увѣренность въ цѣлебную силу природы, и польза подчиненiя болѣзни дiететическимъ мѣрамъ, — хотя и смѣшно было бы думать, будто Иппократъ и Асклепiады употребляли только эти два средства для леченiя людей. Если мы не видимъ всѣхъ способовъ, какими они дѣйствовали, то это относится къ тайнамъ касты: потому-то онъ и полагалъ правдомъ, что должно учиться искусству съ дѣтскихъ лѣтъ. Онъ положительно говоритъ, что леченiе производится силами челоуѣческаго тѣла и средствами искусства. «Врачебное искусство состоитъ изъ трехъ, — болѣзни, больного и врача. Врачъ есть жрецъ искусства и, вмѣстѣ съ нимъ, больной долженъ уничтожать болѣзнь» (Epid. I.). Это спокойное наблюденiе болѣзни, болѣею частью безъ врачебной помощи, отличительный типъ практики Иппократа въ его сочиненiяхъ, есть только глазной обманъ; сословіе и его богъ умерли бы съ голоду при такой методѣ: лекарственныя средства, которыми дѣйствовало тогда искусство, тутъ не досказаны. Но мы должны принимать эту медицину въ томъ видѣ, въ какомъ учитель оставилъ ее намъ въ сво-

ихъ сочиненіяхъ, въ видѣ *иппократическомъ*, если не *Иппократовомъ*. Поэтому медицина у Иппократа удивительно проста и лечение ограничивается единственно діететическимъ содержаніемъ больнаго, наблюденіемъ критическихъ движеній и ожиданіемъ кризиса. Діететическое содержаніе, по его книгамъ, важнѣе всѣхъ лекарствъ въ мірѣ, хотя и нигдѣ не объяснено, какую должно предписывать діету въ различныхъ болѣзняхъ : это опять секретъ касты, которому надо учиться съ раннихъ лѣтъ, у своихъ. « Я твердо увѣренъ, говоритъ онъ въ книгѣ «О Старинной медицинѣ», что всякій врачъ долженъ изучить природу больнаго, и тщательно изслѣдовать, — если онъ хочетъ выполнить свои обязанности, — каковы были отношенія чловѣка къ пищѣ, питью, къ роду его жнзни, и какое вліяніе всякая вещь имѣетъ на него. » И въ томъ же трактатѣ онъ доказываетъ, что медицина есть не болѣе какъ наука о діетѣ; доказываетъ это постепеннымъ ходомъ ея образованія и тѣмъ, что «никто бы не нуждался въ медицинѣ, если бы одно и то же содержаніе было равно прилично для болѣзни и здоровья».

Мнѣніе наше о достоинствѣ нынѣшней медицинны — не тайна Асклепиадовъ : всѣ его знаютъ. Какъ науку мы ставимъ ее очень низко; мы даже не ставимъ ее въ число наукъ, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ ничего достовѣрнаго, нѣтъ и науки: тамъ только можетъ быть разглагольствованіе. Мы вполне раздѣляемъ убѣжденіе геніальнаго Артура Юнга и другихъ столь же умныхъ и совѣстливыхъ врачей, что, въ общей массѣ чловѣчества, медицина, если взять среднее число ея успѣховъ и ея печальныхъ ошибокъ, не дѣлаетъ ни какой разницы въ итогѣ смертности : въ сложности, столько же умираетъ людей при самой ученой медицинѣ, сколько и въ отсутствіи всякой медицинны. Недавно всѣ мы видѣли въ печати отчетъ о дѣйствиіи медицинны въ одной области, снабженной множествомъ отличнѣйшихъ врачей; изъ 60,000

человѣкъ, получившихъ втеченіи года пособіе отъ врачебной науки, умерло 2,000, слѣдовательно, 1 изъ 30: это обыкновенная смертность той страны! На нынѣшнюю Англію должно всегда обращать взоръ при сужденіи объ этомъ вопросѣ: она представляетъ намъ фактъ удивительный, ясно показывающій, что медицина не имѣетъ ни какого вліянія на общую смертность. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, нигдѣ врачебная часть не находится въ такомъ жалкомъ положеніи, нигдѣ нѣтъ болѣе злоупотребленій по этой части, какъ въ Англіи; и привсемъ томъ въ Англіи, вѣроятно отъ развитія довольства въ низшихъ классахъ общества, умираетъ теперь 1 изъ 54, а еще въ прошломъ столѣтіи смертность тамъ была такая же, какъ и вездѣ на Западѣ, при пособіяхъ самой «усовершенствованной» медицины, 1 изъ 33, 32 или 30. Медицина Иппократа, которая не давала лекарствъ, навѣрное не хуже медицины Англичанъ, которая отпускаетъ имъ лекарства невѣроятными количествами. Совѣсть всякаго изъ насъ, врача и не врача, говоритъ, что она даже несравненно лучше. Унижать Иппократовъ способъ леченія въ пользу нашихъ методъ было бы смѣшно и несправедливо: во-первыхъ, мы не знаемъ, увеличивалась ли отъ него общая смертность; во-вторыхъ, нѣтъ ни какой вѣроятности, чтобы онъ дѣлалъ какую-нибудь разницу въ итогѣ погребеній, когда наши, ученые, способы леченія не дѣлаютъ ни какой. При нынѣшней невѣрности средствъ врачебнаго искусства, метода капищъ, должно сказать по совѣсти, заслуживаетъ даже предпочтенія: здоровый воздухъ, душевное спокойствіе, внутреннія очищенія тѣла, строгая діета и терпѣливое наблюденіе врачующаго дѣйствія самой природы, при самомъ простомъ и осторожномъ пособіи со стороны искусства—лучше всѣхъ теорій. Но не съ этой точки зрѣнія долженъ смотреть врачъ на медицину Иппократа. Наука не можетъ оставаться вѣчно въ

нынѣшнемъ своемъ положеніи : она должна стремиться къ достовѣрности, должна употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть ея, и есть надежда, что она современемъ достигнетъ ея и займетъ почетную степень настоящаго знанія, полезнаго всему человѣчеству, если ей откроютъ и укажутъ вѣрные пути къ этой великой цѣли. Сложивъ руки надъ болѣзною, наблюдая ходъ ея, и ничего не дѣлая, наука никогда не двинется впередъ и человѣчество не получитъ ни какой пользы. Такая метода не можетъ служить образцомъ нашему вѣку. Однихъ она дѣйствительно спасетъ; другихъ повергнетъ въ могилу, между-тѣмъ какъ *настоящее* искусство, къ которому всѣ вѣка обязаны стремиться, могло бы сохранить имъ жизнь и здоровье. Если метода Иппократа такъ превосходна, такъ удивительна, какъ прагматическому сочиненію кажется, такъ зачѣмъ же оно изобрѣтаетъ новые способы леченія? Что значить такое противурѣчіе?....

Если болѣзнь есть, какъ думаетъ Иппократъ, рядъ явленій, необходимыхъ для изгнанія изъ тѣла какой-нибудь матеріи, и полезныхъ тѣлу, то, безъ всякаго сомнѣнія, врачъ былъ бы безсовѣстенъ, если бы онъ вздумалъ нарушать ходъ этихъ явленій. Но посмотрите, что изъ этого выходитъ : весною, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи, съ появленіемъ холодовъ, показывается *ignis sacer* (лихорадка) и нарывы; они доходятъ до того, что мясо, кости и сухія жилы истребляются, вся голова и лицо покрываются глубокими язвами, цѣлыя руки, плеча, бедра, и берцы, исчезаютъ вплоть до костей. А Иппократъ видитъ, наблюдаетъ это, и ничего не хочетъ предпринять, въ полной увѣренности, что нарывы необходимы для изверженія гною изъ тѣла! (Epid. III, 2.) Медицинскія средства, о которыхъ онъ заблагоразсудилъ упомянуть въ своихъ сочиненіяхъ, слишкомъ ограничены и не заслуживаютъ нынче ни какого вниманія. Въ первой книгѣ «Эпидемій» онъ

приводить четырнадцать исторій болѣзней, и только одному больному сдѣлано *cluzma* и *suppositorium*, одному *suppositorium*, а двумъ вложены пессаріи: прочіе оставлены безъ явнаго врачебнаго пособія, несмотря на самыя сильныя показанія его необходимости.

И эти-то сочиненія предлагаетъ прагматическое сочиненіе нашему вѣку какъ образцы врачебной науки и литературы? «Сочиненія его суть произведеніе ума свыше человѣческаго!» Другіе энтузіасты сказали объ нихъ еще болѣе, но Павелъ Амманъ давно уже назвалъ подобные отзывы весьма справедливо — *mendacium epopte*, а Гёликке — *insania*, тотъ самый Гёликке, котораго сочиненіемъ авторъ будто-бы пользовался для своего панегирика Иппократу. «Онъ былъ великій наблюдатель, и всѣ Иппократовы исторіи болѣзней и наблюденія пользуются между врачами самую высокую довѣренностію и послужили основаніемъ къ составленію медицинскихъ правилъ!» (стр. 114.) Для кого это написано? какихъ врачей прагматическое сочиненіе хочетъ увѣрить, будто-бы наблюденія Иппократа пользуются между ними самую высокую довѣренностію? Правда, онъ наблюдалъ, но это были бесполезныя наблюденія безпорядковъ въ тѣлѣ, которыхъ причины онъ не отыскивалъ; самое мѣсто страданія часто не извѣстно ему, и всѣ частныя наблюденія его ограничиваются описаніемъ боли, тива болѣзни, ея силы, критическихъ движеній, измѣненія вѣзту, густоты и количества жидкостей, извергаемыхъ изъ тѣла, наконецъ описаніемъ порядку симптомовъ, которые онъ считалъ необходимыми для здоровья, не зная того, что эти симптомы имѣли бы другой видъ, если бъ онъ лечилъ больнаго. О родѣ діеты больнаго, объ условіяхъ его содержанія, о существенныхъ при-
знакахъ и подробностяхъ измѣненной органовъ, у него нѣтъ ни слова. Чтѣ же можно вывести изъ такихъ наблюденій? Възето подробной діагностики, онъ назы-

ваетъ болѣзнь по большой части именемъ общимъ, генерическимъ, прибавляя къ нему иногда качественный эпитетъ, напримѣръ, лихорадка, сильная, страшная, febris fortis, vehemens. Изъ такой діагностики столько же можно понять, о какой именно болѣзни говоритъ онъ, какъ по словамъ *дерево, зеленое, великое*, узнать, о какомъ деревѣ вы хотите говорить. Но прагматическое сочиненіе именно такія описанія и находитъ удивительными: оно ставитъ Иппократу въ заслугу, что онъ *вовсе отвергалъ подробныя раздѣленія болѣзней и мелочныя ихъ подраздѣленія!* (стр. 113.) Послѣ такого описанія болѣзни онъ, обыкновенно, говоритъ о погодѣ, о критическихъ дняхъ, изверженіяхъ, бредѣ и исходѣ болѣзни. Это списокъ умершихъ безъ помощи, составленный подѣ тщательнымъ надзоромъ врача, ожидающаго часъ смерти. Стоитъ разъ прочесть «Эпидеміи», чтобы увѣриться въ этомъ и *увидѣть, какъ-бы повѣрку на опытъ, высокаго и удивительнаго Иппократова ученія* (стр. 96). Изъ 42 больныхъ, которыхъ исторіи приведены въ первой и третьей книгахъ «Эпидемій», у 34 была febris vehemens, hoc est, ignis, у 1 angina, у 1 volvulus, у 1 вѣроятно воспаленіе въ груди, у 5 какія-то неопредѣленныя болѣзни. Критическихъ изверженій и переносовъ тутъ находится семь видовъ: кровью разрѣшилась болѣзнь у 4, потомъ у 11, рвотою у 1, нарывомъ у 1, мокротою у 2, мочою у 6, низомъ у 3. О прочихъ не сказано ни слова. Изъ врачебныхъ пособій, у 3 назначены cluzma, у 5 balanus, у 1 capitis lotio, у 1 venaesectio и fomenta, и еще можно подозрѣвать, что двумъ больнымъ даны были слабительныя. О прочихъ молчаніе. Изъ 43 умерло 23!

Вотъ доказательства, что *Иппократова медицинская практика проста, немногосложна, рациональна, основана на законахъ природы человѣческаго организма. По такимъ чистымъ началамъ своимъ она естествен-*

но должна быть благотворительна для больныхъ, что и оправдалось опытами многихъ въковъ!» (стр. 120).

Послѣ этихъ доказательствъ, и послѣ всего, что мы сказали, не странно ли читать въ врачебной книгѣ, будто Иппократъ первый обработалъ семіологию самымъ положительнымъ образомъ, далъ ей вѣрность и поставилъ на самую высокую степень значенія? (стр. 116). Кто? Иппократъ? Да какъ могъ онъ это сдѣлать, не зная ни анатоміи ни физиологіи, и руководствуясь въ наблюденіяхъ ложнымъ ученіемъ о перевариваніи соковъ и кризисъ? Сто разъ сказали всѣ новѣйшіе писатели, и само прагматическое сочиненіе только-что созналось, что онъ вовсе и не искалъ частныхъ признаковъ въ болѣзняхъ. Онъ только считаетъ дни и по общимъ признакамъ ждетъ извѣстнаго виду кризиса. Да и въ этихъ общностяхъ какая смѣсь! Ходъ и типъ болѣзней различны, причины не извѣстны, кризисы неправильны, cruditas продолжается, а болѣзнь проходитъ; въ другихъ случаяхъ кризисъ правиленъ, а больной умираетъ, и Иппократъ въ изумленіи говоритъ: *alvus bona, urina bona. Aeger moritur!* Противурѣчія на каждомъ шагу. Въ другихъ мѣстахъ значеніе признаковъ совсѣмъ не вѣрно.

Иппократъ обработалъ семіологию самымъ положительнымъ образомъ!!!.... Это можно объяснить только посредствомъ Египтянъ (*Arabos*). Вы не понимаете, что это значитъ. Прагматическое сочиненіе предѣлывая предисловіе Пирера, нашло у него, что Иппократовы книги возбуждали къ себѣ чрезвычайное удивленіе у Аравитянъ, *arud Arabos*, и приняло ихъ за араповъ. Сомнѣваясь въ томъ, чтобы арапы были въ самомъ дѣлѣ такой ученый народъ, оно въ переводѣ вмѣсто ихъ поставило Египтянъ, ихъ сосѣдей, а загадочное слово *Arabos* заключило въ скобки. Послѣ того, оно продолжаетъ искажать своего автора прибавленіями и преувеличеніями: «По смерти Иппокра-

«та, наука его находилась и находится въ величайшемъ уваженіи у Египтянъ (Arabos), Итальянцевъ, Испанцевъ, Французовъ, Англичанъ, Бельгійцевъ, Русскихъ и народовъ всего, какъ просвѣщеннаго, такъ и спавашаго въ невѣжество, міра. Въ награду за изобрѣтеніе (!) имъ отлично высокой и полезной для чело-вѣчества науки, дано ему общепринятое (!?) имя «divinus venex, подь которымъ ОДНИМЪ онъ нынѣ всегда извѣстенъ (!!??). Словомъ, Иппократъ, былъ врачъ, философъ и человекъ своего вѣка — великій и неподражаемый.» Это не вѣроятно, однако жъ совершенно вѣрно съ подлинникомъ.

Между-тѣмъ, безспорно тѣ, что просвѣщенные народы всего міра были бы настоящіе Египтяне (Arabos), если бы, въ наше время, среди девятнадцатаго столѣтія, они такъ удивлялись Иппократу, и стоили бы даже названія «Лапландцевъ (Arabos)», если бы вздумали слѣдовать его медицинѣ. Развѣ они уже забыли, сколько вреда имъ и наукъ сдѣлалъ Иппократъ? Легко можно вообразить, сколько людей было жертвою леченія, основаннаго на «Афоризмахъ» и нѣкоторыхъ другихъ книгахъ Иппократа! сколько умерло отъ лихорадокъ въ средніе и даже новые вѣка, оттого что, по его книгамъ, ихъ вовсе не должно лечить! Смертельныя воспаленія желудка отъ леченія рвотырвотой, по идеѣ Иппократа, до-сихъ-поръ не рѣдки. Извѣстная острая болѣзнь, въ которыхъ рвотныя лекарства необходимы, по его же ученію, были для врачей смертельными, пока Сайденемъ наконецъ не возсталъ противъ его методы. Сколько вопіющихъ несправедливостей надѣлали судилищана основаніи Иппократовыхъ словъ, что зародышъ осьми мѣсяцевъ «sua patiga» не можетъ жить! Сколько нелѣпыхъ книгъ породила эта Иппократова медицина! Стыдно сказать, что ученый споръ въ медицинской литературѣ отомъ, изъ которой руки пускать кровь въ воспаленіи груди, продолжался двѣ тысячи лѣтъ, и что правитель-

ства должны были нѣсколько разъ вмѣшиваться въ рѣшеніе такого вопроса. И что поддерживало эту жалкую ученую войну? Одно двусмысленное слово Иппократа! Еще смѣшнѣе знаменитый ученый споръ о составленіи охумелліс по Иппократу, споръ окончившійся только со мертвою послѣдняго изъ спорщиковъ. Сколько драгоценныхъ наблюденій могли бы мы имѣть, если бы эпидеміи, отъ возобновленія наукъ до 1820 года, не описывались такъ дурно, такъ безпорядочно и неопредѣленно, какъ это дѣлали изъ слѣпаго подражанія «Эпидеміямъ» Иппократа!

Время, мѣсто, и терпѣніе читателей, не позволяютъ намъ распространяться болѣе объ этихъ предметахъ. До-сихъ-поръ указали мы едва на сотую долю тѣхъ парадоксовъ, преувеличеній, невѣрностей, и жестокихъ промаховъ, которыми изобилуютъ первые полтора ста страницъ новаго «прагматическаго сочиненія». Авторъ его справедливо говоритъ въ посвященіи: «Подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ вовсе не было!»... потому что здѣсь что слово то несогласіе или съ самою простою истиною, или логикою, или съ наукою, или со скромностью. Такъ напримѣръ, откинувъ главную страницу, въ самыхъ первыхъ строкахъ книги вы уже находите слова — «Я имѣлъ множество случаевъ къ усовершенствованію себя по УЧЕНОЙ медицинской части!..» И тутъ же авторъ увѣряетъ, будто на русскомъ языкѣ нѣтъ переводу трехъ главнѣйшихъ книгъ Иппократа, когда его Libri isagogici переведены и изданы покойнымъ докторомъ Мудровымъ!

Несмотря на усталость читателей, нельзя не поговорить объ этомъ новомъ переводѣ.

Можно себя представить, каковъ долженъ быть переводъ мыслей и выраженій одного изъ древнѣйшихъ классическихъ писателей, когда перо чуждое всѣхъ ученыхъ пріемовъ, безъ уваженія къ точности въ словахъ и не зная подлинника, принимается за такой

нѣжный и темный предметъ, для разоблаченія котораго нужна вся пронизательность искусной критики текстовъ, вся опытность твердаго эллиниста, все трудолюбіе тщательнаго изслѣдователя древности, все знаніе, не только тонкостей греческаго языка, но и особенныхъ тонкостей языка знаменитаго коскаго Асклепіада.

Въ этой прагматической книгѣ переведены три, такъ называемыя, Иппократовы сочиненія, «Присяга», «Законъ», и «Афоризмы». О «Присягѣ» мы уже говорили: она логически не можетъ быть сочиненіемъ Иппократа. Отъ слушателей своихъ онъ, частный членъ благоустроеннаго сословія, не въ правѣ былъ принимать ни какой присяги: присягу принимали капиша, начальство ордена. Самъ, на званіе врача, онъ долженъ былъ подписать существующую въ капищахъ форму. Само содержаніе ея ясно указываетъ на внутреннія полицейскія мѣры сословія, принятыя для собственной его пользы: вести себя благопристойно, не соблазнять женщинъ, и прочая, въ домахъ, посѣщаемыхъ по приглашенію къ больному, не разбалтывать чужихъ домашнихъ тайнъ, учить и воспитывать дѣтей своего наставника даромъ, не брать съ этихъ учениковъ *записей*, въ томъ, что по окончаніи науки, за сообщенныя учителемъ тайны ремесла, они будутъ отдавать ему часть барышей своихъ отъ практики, не вмѣшиваться въ операциіи съ камнемъ, потому что эти опасныя операциіи, очевидно, поручены были особенному отдѣленію сословія; и прочая. Если бы эта присяга сочинена была Иппократомъ, то она служила бы доказательствомъ только того, что онъ былъ жаденъ, бралъ съ учениковъ своихъ барышническія «записи», *syngraphê*, заставлялъ ихъ подписывать кабалу на себя самихъ, и дѣлалъ исключеніе изъ этого мерзкаго правила только въ пользу дѣтей своего учителя. Тогда и слова Платона, положенныя въ уста Сократу, — *если бы ты снесъ*

Иппократу, что въ Ко, изъ Эскулаповичей, сумму денегъ, съ тѣмъ чтобы онъ научилъ тебя медицину, и прочая, — приняли бы очень невыгодный смыслъ для киръ Иппократа: они бы значили, что «святой человекъ» не знавшій интересу, какъ увѣряетъ прагматическое сочиненіе, для вѣщей безопасности бралъ также съ учениковъ деньги и впередъ. Но мы уже показали, что когда еще Иппократъ жилъ въ Ко, объ Иппократовой присягѣ зналъ Аристофанъ въ Аѣинахъ, и это выраженіе было уже поговоркой: слѣдовательно, начало ей дано какимъ-то древнимъ Иппократомъ, жившимъ гораздо прежде. Оставимъ эту «Присягу». Нельзя однако жъ не замѣтить въ числѣ непрерывныхъ противорѣчій и преувеличеній прагматическаго сочиненія, что на страницѣ 158 само оно представляетъ (изъ Пирера) списокъ писателей, которые доказывали *подложность* Иппократовой «Присяги», и тутъ еще, въ этомъ списокѣ, прежній двукратный *Gundlindius* (вмѣсто *Gundling*), является въ новомъ видѣ, *Gundlinginus*: а, на страницѣ 85, та же самая «Присяга» уже давно причислена къ Иппократовымъ сочиненіямъ, «которыхъ вѣрность и точность опредѣлены ВСѢМИ писателями»!

Въ списокѣ же тѣхъ, которые приписывали сочиненіе «Присяги» Иппократу, поставлены какіе-то господа *Toezius* и *Opsarocus*, вѣрно *Opsoroeus*, переводчикъ «Присяги», «Афоризмовъ», и прочая (Франкфуртъ, 1587).

Далѣе, въ своемъ разсужденіи о подлинности «Афоризмовъ», авторъ, имѣвшій «множество случаевъ усовершенствовать себя по ученой медицинской части», между прочимъ, положительно утверждаетъ, что «не только *Эроціанъ* и *Галенъ*», которые, замѣтите, жили во второмъ вѣкѣ, «но и свидетельства самыхъ древнихъ истолкователей, какія сохранились до нашихъ временъ, какъ-то *Орибазія*, — *Орибазій* жилъ въ

исходъ четвертаго вѣка, — «Филотея», то есть, Фило-тея, — Philotheus, греческій монахъ, жилъ въ седьмомъ столѣтїи, — и «Палладія», — Палладій, жилъ тоже въ седьмомъ вѣкѣ, — *доказываютъ* (!), что афоризмы написаны Иппократомъ». Это даетъ понятіе обо всемъ разсужденїи.

Переводъ трехъ книгъ Иппократа сдѣланъ по изданію Пирера, котораго текстъ принадлежитъ къ самымъ дурнымъ, — безъ сличенія съ другими изданіями, — и прямо по латинскому переводу Фезіуса, старинному, тяжелому, мѣстами темному отъ механической буквальности, часто невѣрному отъ недостатку въ критикѣ и ясныхъ понятіяхъ о духѣ Иппократа и о древности: разумѣется, что тутъ же, этотъ самый старинный переводъ, по привычкѣ прагматическаго сочиненія къ безотчетнымъ похваламъ и къ инерболамъ, провозглашенъ *самымъ* лучшимъ, *самымъ* превосходнѣйшимъ, *всеобще* почитаемый *всѣми* за удивительнѣйшій изъ *всѣхъ* переводовъ.

Русскій переводъ трехъ Иппократовыхъ книгъ, который мы находимъ въ прагматическомъ сочиненїи, явственно принадлежитъ другому перу и притомъ не-врачу. Мы сказали въ началѣ статьи, каковымъ образомъ составилаь эта книжка: всякой, кто хоть немножко обращался съ литературными работами и знаетъ употребительнѣйшіе процессы книгодѣля, съ перваго взгляду на страницы прагматическаго сочиненія убѣждается, что тутъ работали двѣ различныя руки: одна, принадлежащая не-врачу, знающему посредственно латинскій языкъ, но незнакомому съ медицинскими терминами, подготовляла переводъ, съ латинскаго, трехъ Иппократовыхъ книгъ и разныхъ мѣстъ изъ Пирерова предисловія, оставляя въ скобкахъ все неоновыя для себя выраженія подлинника; другая, принадлежащая врачу, но еще менѣе искусная въ дѣлѣ, портила все это, прибавляла, убавляла, переста-

навивала, раздувала фразы шперболами, дописывала къ словамъ ошибочныя объясненія, и даже позволяла себѣ передѣлывать Иппократа. Отсюда такая каша промаховъ и противорѣчій.

Образчикъ переводу «Афоризмовъ» читатели уже видѣли въ началѣ статьи: мы тамъ указали на тотъ афоризмъ (стр. 200), гдѣ между прочимъ къ слову *satiri-riazmъ*, механически выставленному переводчикомъ неврачомъ, прагматическое сочиненіе прибавило свое странное объясненіе, — *болъзненноз половое побужденіе*. Такъ переведена вся книга «Афоризмовъ». Но какъ прагматическое сочиненіе должно быть почитаемо только издателемъ переводу, то совершенно несправедливо было бы преслѣдовать его за чужіе погрѣшности: мы обратимся къ тому, кто переводилъ, и замѣтимъ ему, что никакъ нельзя переводить, — *de videndi acie, о быстромъ зрѣніи* (стр. 89), — *oratio ad aram, scilicet Minervae, ad Thessalos, ab Hippocrate dicta, рѣчь, произнесенная Иппократомъ къ жертвеннику* (вмѣсто: у жертвенника) *Минервы и* (это и не нужно) *къ Тессалійцамъ* (стр. 91), — *de significatione mortis et vitae, secundum cursum lunae, о значеніи жизни и смерти* (стр. 92). Такихъ погрѣшностей очень много.

Надобно было также избѣгать двусмысленностей и неправильныхъ словосочиненій: они довольно часто до того запутываютъ смыслъ афоризмовъ, что эти изреченія не могутъ принести ни какой пользы. Напримеръ:

«Однако же опасно и излишне истощать тѣло.» (I, 3.)

«Во время жестокихъ пароксизмовъ, пищу вовсе запрещать и давать ее было бы опасно.» (I, 41).

«При появленіи глухоты въ лихорадкѣ, она (?) излечается кровотеченіемъ изъ носа или поносомъ.» (IV, 60).

«Сильное и видимое бѣненіе въ ранахъ артерій, предвѣщаетъ кровотеченіе. (VII. 21.)

«Молодые люди, имѣющіе испражненія низомъ влажные (?), гораздо легче излечаются отъ болѣзней, чѣмъ тѣ, у которыхъ они сухи (?), но въ старости излеченіе тѣхъ (какихъ?) болѣзней труднѣе». (II, 53.)

«Южные вѣтры притупляютъ слухъ.... Когда же вѣтры дуютъ тѣ же, то припадки присоединятся къ болѣзнямъ.» (III, 5.) Надобно было такъ выразить мысль Иппократа: Когда бы ни господствовали южные вѣтры, всегда въ болѣзняхъ показываются тѣ припадки, которые выше описаны.

«Если густая, мутная, малоколичественная, съ малою лихорадкою урина».... (IV, 69.)

«Ворчаніе и боли въ поясницѣ.».... (IV, 73).

«Обнаженіе кости съ рожеею опасно». (VII, 19.)

«Излеченіе долговременнаго истеченія крови чрезъ отверстія венъ, если оно (?) совершенно пропадаетъ, можетъ навлечь за собою водяную.» (17, 12, и многіе другіе.)

Переводчику не-врачу и весьма простиительно быть слабымъ въ медицинской терминологіи. Но онъ уже слишкомъ слабъ: это видно на каждой страницѣ. Слова *ulcus* нельзя переводить рана, вмѣсто язва (V, 22. 17, 45); *vena frontalis recta* (*veine droite du front*) значитъ, не правая лобная вена (V, 68), а прямая; слово *aestivus* не значитъ весенній (II 25), а лѣтній; *agrypnia* не есть чрезмѣрное бдѣніе (II. 3), а бессонница; *morbus peracutus* не есть болѣзнь сильная (I, 7) или жестокая (III, 9), а болѣзнь очень острая, то есть, разрѣшающаяся въ продолженіи семи дней; *aste* не значитъ жестокость болѣзни (I, 8, 9, 10), а точка высшаго ея развитія, высшій періодъ; слова *diaphragma* нельзя переводитъ

зрудообразная преграда (VII, 54); *ophthalmia sicca*, противоположная *lippitudini aridae*, о которой Иппократъ говоритъ въ книгѣ «О воздухѣ», и Цельсъ въ началѣ второй книги, не значить — сухое воспаление глазъ: *lippitudo* показываетъ, что оно не есть сухое; *stranguria* не значить собственно *задержание мочи* (III, 22, 31); *alphi*, веснушки, нельзя переводить *мѣлкя сыти*, а *plurimae pustulae ulcerosae purulentaeque*, многіе гноющіе пузырьки (III, 20); *febres continuae et causi* не есть горячки *продолжительныя и перемежающіяся* (III, 21); *os ileum* не *сѣдалищная кость* (V, 47); *leucophlegmasia* не *обрюзглость тѣла*; *de fetatione et superfetatione* не можетъ значить о *родахъ одного и двухъ младенцевъ* (стр. 90), и прочая, и прочая.

Переводчикъ не соблюлъ нужной точности въ переводѣ, а прагматическое сочиненіе вовсе не сообразило, что въ этого рода наставленіяхъ первое достоинство — точность. Иппократъ писалъ такимъ слогомъ, котораго краткость и сила превосходитъ всѣ извѣстные виды лаконизмовъ. Тутъ нельзя пропускать словъ, какъ это дѣлаетъ переводчикъ, а тѣмъ менѣе замѣнять ихъ произвольно другими или дополнять мысль автора, выраженную сжато и коротко, своими странными догадками, какъ это позволилъ себѣ издатель прагматическаго сочиненія. Въ переводѣ афоризмовъ часто пропущена связь между отдѣльными предложеніями, напримѣръ въ отдѣленіи первомъ между Афоризмами 5 и 6, 6 и 7, 22 и 23, въ отдѣленіи шестомъ между афоризмами 55 и 66, и такъ далѣе. Иногда выпущенъ эпитетъ, опредѣляющій значеніе термина: напримѣръ (VI, 18) вмѣсто «*Глубокія раны пузыря..... не излечимы,*» переведено: «*Раны пузыря.....* Та же ошибка въ переводѣ слѣдующаго афоризма. Въ иныхъ пропущены названія болѣзней, лекарствъ, и прочая: напримѣръ, (VI, 31) пропущено одно изъ лекарствъ противъ глазныхъ воспаленій, *теплая припарки, fofus*, пропускъ чрезвы-

чайно важный, потому что этот афоризмъ Иппократа былъ прямою причиною несчастнаго исходу глазныхъ воспаленій въ продолженіи многихъ вѣковъ; (III, 20) пропущено названіе болѣзни, *fitotes*; (IV, 69) пропущено существительное, выражающее время болѣзни, къ которому относится наблюденіе, и черезъ это весь афоризмъ потерялъ свое достоинство. Многія мѣста переведены слишкомъ положительно, или отъ пропуска словъ, или оттого что прагматическому сочиненію вдумалось дополнять Иппократа своими странными мыслями, заставляя его говорить то, объ чемъ тотъ и не мечталъ. Отсюда происходятъ частыя противорѣчія переведенныхъ афоризмовъ съ тѣми мѣстами Иппократовыхъ сочиненій, гдѣ та же самая мысль выражена другими словами или только пояснена. Напримѣръ, афоризмъ 59 (IV) переведенъ такъ: «*Чистая трехдневная перемежающаяся лихорадка разрывается не позже какъ послѣ семи переводовъ*». У Иппократа же (*Præceptioes Coacas* I, 213) сказано, что эта болѣзнь иногда разрывается послѣ девяти пароксизмовъ! Противорѣчія бы не было, если бъ не пропустили при переводѣ афоризма словъ *по большей части*. Также слишкомъ положительно переведено (V, 48): «*Обыкновенно мальчики лежатъ въ правой а дѣвочки въ лѣвой сторонѣ матки*»; здѣсь слову *mallois* дано неправильное значеніе. «*Кровь, натурально излившаяся въ нижнюю часть живота, неминуемо переходитъ въ зной*» (VI, 20): кромѣ того что *praeter naturam* переведено наоборотъ, *натурально*, — а *in ventrem* нижнюю часть живота, прагматическое сочиненіе мысль Иппократа растолковало съ совершеннымъ незнаемъ ученія этого врача; Иппократъ не думалъ такъ ошибочно, чтобы кровь неминуемо переходила въ зной; въ сочиненіи «*О Болѣзняхъ*» (X, 42 — 49) та же мысль изложена подробно и описаны болѣзненные процессы, доводящіе въ такихъ случаяхъ до нагноенія *внутренности*, а

не кровь. Такихъ совершенно ложныхъ поясненій и произвольныхъ пополненій можно найти довольно много въ переводъ «Афоризмовъ», не считая *болъзненнаго половаго побужденія*. Вотъ одинъ примѣръ, но зато хорошій (VII, 79): «Кровавая рвота производитъ чахотку и гнойное изверженіе изъ легкихъ. За чахоткою слѣдуетъ насморкъ головы (!), и прочая. Кто узнаетъ тутъ Иппократово описаніе періодовъ чахотки! Иппократъ принималъ за первый періодъ этой болъзни кровохарканіе, изверженіе крови верхомъ (sanguinis eructum), за второй — гнойную мокроту, за третій — изнурительныя отдѣленія (colliquatio), за четвертый — выпаденіе волосъ (fluxio e capite). Во многихъ мѣстахъ онъ описываетъ послѣдовательность этихъ періодовъ. Авторъ же прагматическаго сочиненія назначаетъ первымъ періодомъ то (VII, 15) *кровопусканіе* (!) то *кровоавую рвоту* (VII, 79), третьимъ *поносъ* (VII 16), четвертымъ *насморкъ головы* (!)... Это — не постижимо!

Наконецъ переводчикъ «Афоризмовъ» не обратилъ вниманія на то, что Иппократъ писалъ въ то время, когда техническій языкъ былъ въ самомъ несовершенномъ состояніи. Эпитеты его иногда взяты метафорически, названія болъзней общи, общіе термины патологіи часто загадочны. Надобно хорошо знать іоническій діалектъ и всѣ сочиненія Иппократа, чтобы отличить мѣста, гдѣ эти недостатки попадаютъ. На латинскіе переводы нельзя полагаться. Напримѣръ, *thanatôdes*, полатыни *lethalis*, не всегда значитъ *смертельный*: иначе, во многихъ афоризмахъ не будетъ смыслу, какъ это и случилось въ переводѣ. *Koros*, *korôdes*, переводятъ буквально *lassus*, *lassitudo*, но это не значитъ *усталый*, *усталость*: нельзя же сказать *лихорадки усталый*, *febres lassae*, или *лихорадки усталости*, *febres lassitudinis*, о которыхъ говорится въ «Эпидеміяхъ». О словѣ *phyma*, наростъ, мы говорили въ послѣдній разъ: оно значитъ все, что нарастаетъ; а что именно нарастаетъ,

то надо угадать, и съ большимъ искусствомъ. Оно не соответствуетъ латинскому tubercula : очень странно видѣть, что оно переводится, то *шишки по тѣлу*, то *наросты въ членосоединеніяхъ*, то *опухолы*. Слова phthisis, spasmus, catastasis, и нѣкоторыя другія, имѣютъ тоже свои оттънки въ значеніяхъ, смотря по смыслу, въ какомъ гдѣ употребляются.

Эти общія замѣчанія достаточны для скромнаго и трудолюбиваго переводчика, который безъ-сомнѣнія согласится съ нами въ ихъ основательности. Теперь мы обратимъ вниманіе переводчика на то, какъ бы слѣдовало перевести *нѣкоторые афоризмы* : всѣхъ мы разбирать не можемъ, потому что, по отмѣткамъ, которыя мы сдѣлали при сличеніи съ подлинникомъ, около трехъ сотъ афоризмовъ, то есть, двѣ трети всего Иппократова сочиненія, требуютъ совсѣмъ новаго перевода.

I, 6. «*Для сильныхъ болѣзней сильныя средства.*»
 Слѣдовало перевести : «*Но (пропущено), въ самыхъ сильныхъ болѣзняхъ, нужно самое строгое леченіе, соблюдаемое во всей точности.*»

I, 10. «*Въ болѣзни, которая съ самаго начала развивается во всей своей силѣ, назначать тотчасъ діету самую малопитательную.*» Въ подлинникъ сказано : «*И такъ, если близокъ періодъ высшаго развитія болѣзни, то больные должны вдругъ перейти на діету тощую.*»

I, 14. «*Въ пожилыхъ людяхъ мало теплоты, и потому они должны употреблять не много горячительныхъ веществъ; большое количество ихъ можетъ убить старика.*» Надобно было сказать, согласно съ теоріею жизни по Иппократу : «*Но у стариковъ остается мало теплоты; поэтому они довольствуются малымъ питаніемъ; отъ избытку его теплота легко бы исчезла.*»

I, 19. «*Въ больницахъ, періодически ожесточающихся, ничего не давать, ничего не предпринимать, и, до наступленія пароксизмовъ, прекращать всякое леченіе.*» Совсѣмъ не то; скрадена великая мысль Иппократа, доказывающая, что онъ имѣлъ понятіе объ истинной и ложной слабости. Вотъ, что значитъ этотъ афоризмъ: «*Больнымъ, находящимся въ періодическомъ ожесточеніи болѣзни не должно давать (didonai) пищи, и ничѣмъ не должно побуждаться къ этому (то есть, какъ бы ни были искусительны признаки слабости, назначающіе питаніе); но передъ переломомъ болѣзни должно убавлять пишу.*»

I, 20. «*Во время переломовъ болѣзни, или уже и по окончаніи ихъ, не должно производить ни какого новаго въ тѣлѣ движенія ни лекарствами, ни другими какими либо раздраженіями, но оставить все въ совершенномъ спокойствіи.*» Иппократъ принималъ известные виды кризиса, смотря по различію болѣзней и по возрасту больного. Видъ, время появленія, количество, мѣсто, качества критическаго изверженія, были имъ определяемы; правильный во всѣхъ признакахъ кризисъ назывался совершеннымъ, crisis perfecta, болѣзнь послѣ такого перелома болѣзнію совершенно рѣшеною, morbus exquisite judicatus. На основаніи этихъ положеній Иппократъ говоритъ: «*Правильныхъ критическихъ движеній и совершенныхъ критическихъ изверженій не должно ни побуждать ни вновь производить очищающими и другими раздражающими средствами, но переждать.*»

I, 24. «*Въ острыхъ больницахъ и особенно въ началѣ ихъ рѣдко должно предписывать слабительныя, и прочая, и авторъ прагматическаго сочиненія дѣлаетъ слѣдующее глубокомысленное замѣчаніе: «Этому афоризму весьма важенъ и достоинъ подражанія; но онъ не всѣми исполняется» (!). Это замѣчаніе достойно времени Симфоріана и ванъ-Гельмонта! Разумѣется, не всѣми исполняется: афоризмъ значитъ совсѣмъ*

противное! «Въ острыхъ болѣзняхъ рѣдко, и то въ началѣ ихъ, можно употреблять слабительныя»: а слабительныя Иппократа были изъ класса острыхъ наркотическихъ растений, которыя имѣютъ самымъ важнымъ противопоказаніемъ своимъ воспалительное свойство болѣзни; острыми же болѣзнями Иппократъ называлъ воспаления, — обстоятельство, къ сожалѣнію, не известное прагматическому сочиненію. Нынче слабительныя образованныхъ врачей состоятъ изъ охлаждающихъ лекарствъ, которыхъ употребленіе необходимо во все продолженіе болѣзни.

II, 8. «Если, послѣ болѣзни, употребленная съ аппетитомъ пища не придастъ силъ, то это значитъ, что должно увеличить количества пищи и питья.» У Иппократа сказано совсѣмъ наоборотъ: «Если кто послѣ болѣзни не укрѣпляется пищей, употребленной съ аппетитомъ, то это значитъ, что онъ слишкомъ много употребляетъ пищи.» Та же самая ошибка въ переводѣ афоризма VI, 41.

II, 9. «Если нужно тѣло очистить, то приготовте къ тому изпражнения пути свободные и легкіе.» Не о приготовленіи путей говоритъ Иппократъ, а о приготовленіи критическихъ матерій къ изверженію.

II, 11. «Жидкою пищею скорѣе препомянешься (?), чѣмъ твердою.» Должно понимать наоборотъ: не *перепомняешься*, отъ чего послѣ болѣзни будешь опять боленъ, а *укрѣпишься*! Та же мысль видна и въ 32 афоризмѣ, въ переводѣ котораго сказано: «Вообще, болѣзнь, которыя, въ началѣ болѣзней, гдѣтъ съ аппетитомъ, но безъ пользы для себя, напоследокъ терпятъ аппетитъ, но кто лишается аппетита въ началѣ болѣзни, а получаетъ его впоследствии, тѣ скорѣе издравливаются», а между-тѣмъ смыслъ подлинника совершенно противоположенъ: «Случается, что болѣзнь, когда уже можно позволять имъ пищу (слад-

ательно, въ началѣ выздоровленія, а не въ началѣ болѣзни), съ жадностью принимаютъ пищу, и при всей этой пищѣ не поправляются, и прочая.

II, 40. «*Охриплость и застарѣлыя насморки у очень старыхъ людей не созрѣваютъ.*» Какъ же можетъ «созрѣть» охриплость? Ясно, что этотъ афоризмъ принадлежитъ къ предыдущему, гдѣ сказано, что болѣзни стариковъ оканчиваются со смертію. Малый запасъ врожденной теплоты не достаточенъ, чтобы довести болѣзни ихъ до «переваренія» болѣзненной матеріи, необходимаго для хорошаго исходу болѣзни.

II, 43. «*Удушанные, и разбитые параличемъ, хотя еще не умершіе, никогда не возвращаются къ жизни (какъ же это?... да вѣдь они еще не умирали!) когда показалась у нихъ гниа около рта.*» Дѣло идетъ, не о разбитыхъ параличемъ, *kataloumenoi*, а объ *утопшихъ*, *kataloumenoi*. Текстъ Пирера ошибоченъ. Прагматическое сочиненіе утверждаетъ, будто оно сличало тексты!

II, 50. Иппократъ говоритъ : «*Даже, хотя бы то, къ чему есть старая привычка, было и хуже, всё-таки привычное дѣлаетъ менѣе вреда. А потому должно возвращаться къ привычнымъ вещамъ.*» (*Est ergo assuetum usus suscipiendus*). Въмѣсто этого, въ переводѣ слышно заключеніе, противное смыслу всего разсужденія: «*А потому должно ко всему приучаться постепенно!*» То же должно сказать и о слѣдующемъ афоризмѣ, который служитъ продолженіемъ двумъ предыдущимъ.

III, 4. «*Во всякое время года, если въ одинъ и тотъ же день то холодъ, то жаръ, осенью должно ожидать появленія болѣзней.*»

III, 31. Здѣсь старики страдаютъ *членоснаемыми* болѣзнями въ почкахъ (?).

«*Мелантоликамъ или черножелчнымъ людямъ дѣлаетъ слабительныя въ большомъ количествѣ (!!).*»

Здѣсь начинается странное прибавленіе прагматическаго сочиненія; два слова Иппократа, *tanantia prostitheis*, смыслъ перетолкованы въ аллопатическомъ смыслѣ: *наблюдая притомъ правило, чтобы дѣйствовать на больнаго противными ей средствами» (!?)*. Это ужъ явная выходка противъ гомеопатовъ! Прагматическое сочиненіе хотѣло убить ихъ поддѣльнымъ афоризмомъ. Ничего этого нѣтъ въ подлинникѣ. Афоризмъ имѣетъ связь съ предъидущимъ. Сказавъ, что чахоточныхъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ очищать верхомъ, но ослабѣвшихъ грудью должно уже очищать низомъ, Иппократъ продолжаетъ: «Даже и меланхоликовъ надо очищать *побольше и почаще* низомъ, потому что и здѣсь *противное полезно*, «то есть, противное очищенію верхомъ, или рвотному, о которомъ была рѣчь въ седьмомъ афоризмѣ. Даже и въ латинскомъ переводѣ ясно сказано — *contrariâ purgandi viâ*. И изъ этого «низомъ» выведена цѣлая теорія аллопатическаго леченія, о которой здѣсь нѣтъ и рѣчи. Смыслъ!

IV, 13. Иппократъ учитъ, что предъ употребленіемъ чемерицы должно ослизить тѣло питательными веществами. По переводу должно, напротивъ, предъ употребленіемъ рвотнаго наполнять желудокъ больнаго, который трудно переноситъ рвоту, избыточною пищею!

IV. 21. Противорѣчіе между началомъ и заключеніемъ: «Черныя испражненія низомъ всегда опасны, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дурнѣе цвѣтъ испражненія. Но это не такъ велико, если испражненія больнаго частью не чернаго цвѣта». Иппократъ говоритъ: «Черныя изверженія низомъ.... опасны. Еще болѣе опасности, если въ изверженіяхъ показывается много дурныхъ цвѣтовъ въ одно время. Но этотъ признакъ лучше, если это производятъ слабительныя и если изверженія состоятъ изъ различныхъ цвѣтовъ недурныхъ».

IV, 43. «Ожесточеніе больнаго на третій день, показывающее въ лихорадкахъ не перемежающихся опас-

носье, съ перемежающимися мучениями». Иппократъ неоднократно говоритъ : «Дихораданъ непеременима-краса-опасно, если черезъ три дни онъ ожесточается, но если бы онъ не начинали перемежаться, это называется, что онъ не опасенъ». (Cf. Praesot. I, 266, 267).

VI, 82. «Если въ свищъ мочевого канала сдѣлается стужоля, перейдетъ въ нагноеніе и прорвется, то свищъ излечится». Слово *fistula urinaria* переведено свищъ мочевого канала (выраженіе времени переводчиковъ Рихтера) и названіе органа принято за терминъ болѣзни!

IV, 69. Холодъ или дрожь обыкновенно начинается у женщинъ отъ поясницы, и простирается вдоль спины къ головѣ, у мужчинъ холодъ находится болѣе сзади, чѣмъ спереди, какъ-то отъ локтей, или сзади лашекъ. Мужчины имѣютъ кожу рѣдкую, что доказываютъ волосы». Подлинникъ вовсе непонятъ; тамъ сказано : «Дрожь начинается по большей части съ поясницы и черезъ спину идетъ къ головѣ; да и у мужчинъ болѣе отъ задней части тѣла чѣмъ отъ передней, напримѣръ, отъ локтей и бедръ : да и самая эта кожа рѣдка, что доказываютъ волосы».

IV, 72, содержитъ въ себѣ мысль, противорѣчащую наблюденіямъ Иппократа : У страдающихъ желтухою не бываетъ вѣтровъ». Но Иппократъ подъ словомъ *icterici* разуметь не болѣзнь, а желчное сложеніе!

VI, 7. «Болѣзни живота, соединенныя со вздутіемъ его и вѣтрами, не такъ опасны, какъ тѣ, въ которой нѣтъ этихъ явленій. Въ подлинникѣ, ни о болѣзняхъ, ни о вздутіи, ни о вѣтрахъ, ни о явленіяхъ, ни объ опасностяхъ, нѣтъ и рѣчи. Тамъ сказано: «Боли, около желудка бывающія, поверхностныя глухи, а не-поверхностныя по-силъве.» Можно ли изобрѣсть такую вещь!

VI, 49: «Подарителскіе воспалительныя прилидки, состояющіяся въ теченіи сорока дней со времени прекращенія воспаления.» Такъ если воспаление кончилось, то воспалительныя явленія окончатся только черезъ сорокъ дней!.... И прагматическое сочиненіе не приняло даже такого промаху своего переводчика?... Но подумайте только, что въ афоризмъ тринадцатомъ седьмаго отдѣленія оно приняло ardores, лихорадочный жаръ, за *лѣтніе жары*!.... а въ семдесятъ-девятomъ fluxio сочло за *флюсь*!..... выпаденіе волосъ за *насморкъ*, и еще за *насморкъ головы*!!!!....

Въ самомъ началѣ книги авторъ говоритъ, однакожъ, что онъ посвятилъ *девятнадцать лѣтъ* жизни на тщательное изученіе Иппократа, и изучалъ его *въ то самое время*, какъ великіе полководцы изучали Юлія Цезаря, и по ихъ примѣру.

Въ предъидущемъ разборѣ прагматическаго сочиненія «О Гансманнѣ и Гомеопатіи», на страницѣ 48, вмѣсто *Артуръ Юнгъ* должно читать *Томасъ Юнгъ*. Кромѣ этой явственной опіски, есть еще некоторыя, впрочемъ маловажныя, опечатки: напримѣръ, на страницѣ 6, послѣ слова принималъ, пропущено *онъ*; въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто *соасае* выставлено *соасае, егъс* вмѣсто *егго*, и т. п. При этомъ случаѣ нельзя не указать также на нѣсколько опечатокъ въ статьѣ того же отдѣленія въ польской книжкѣ. На страницѣ 75, возмъ словъ — *и во многихъ мѣстахъ*, выставлена ошибочная ссыла на страницу 4-ю: должно быть — стр. 31. На страницѣ 83, вмѣсто *боль плеча*, надобно читать *боль лица*, и, въ другомъ мѣстѣ этихъ выписокъ, вмѣсто *боли* — *бѣли*. На страницѣ 92 и 93, латинское рукописное *m* корректора наборщикъ принялъ за русское *m*, и въ двухъ мѣстахъ поставлены неправильныя аббревіаціи *N. T.* вмѣсто *N. M.* На страницѣ 66, вмѣсто *предназначенной* должно быть — *предназначаемой*. И прочая.

ОПИСАНІЕ ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ 1808 И 1809 ГОДАХЪ,
по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ Ми-
хайловскимъ-Давыдовскимъ. Санктпетербургъ, 1841.

При поселеніи Руси, или Норманновъ, на землѣ нынѣшней Россіи, Финляндія была, безъ-сомнѣнія, тотчасъ занята альдейгоборгскимъ конунгомъ, или «ладожскимъ княземъ», и составляла часть Гардарика, сдѣлавшагося подвластнымъ Рѣржку, Роегек; Гардарика, то есть, древняго торговаго союза съверныхъ городовъ, Ладоги, Новгорода, Бело-озера, Ростова, Мурома, Пскова, Полоцка. Но первый же наследникъ Рѣрека, Helge (Олеги), оставилъ это безпокойное владѣніе: Русь перешла на югъ

Т. XLVII. — Отд. V. 7

и основала главное свое владычество въ Кіевъ, простирая завоеванія за Дунай, на которомъ сынъ Игоря (Ingvar) и Ольги (Helga) уже намѣренъ былъ учредить центръ новой русской имперіи. Гардарикъ, Gardar-rike, то есть, союзъ или *государство городовъ*, и притомъ городовъ разноплеменныхъ, которые сохранили свои муниципальные права, и гдѣ, какъ кажется, конунги норманнской Руси пользовались только такою же властью какъ и въ самой Скандинавіи, былъ почти забытъ самодержавными обладателями *матери русскихъ городовъ*, Кіева. При отцѣ Владиміра (Waldemar) Великаго, Полоцкъ сдѣлался даже добычею новаго нашествія Норманновъ подъ предводительствомъ Регнвальда, или Рогволода, и Новгородъ, какъ видно изъ Нестора, былъ безъ конунга, безъ князя: ни одинъ изъ сыновей Святослава не хотѣлъ быть правителемъ Гардарика*. Въ Ладогъ, кіевскіе великіе конунги держали только *арловъ*, которыхъ переписчики нашей лѣтописи превратили въ *карловъ* и *каровъ*. Финляндія сдѣлалась поприщемъ почти ежегодныхъ набѣговъ свейскихъ конунговъ, но всё-еще оставалась за Гардарикомъ, потому что первая христіанская вѣра, введенная въ Финляндію, была греческая, и впоследствии еще, гораздо позже, Новгородцы въ спорахъ своихъ со Швеціею о границахъ, называли эту область «древнимъ достояніемъ русскихъ князей». Съ тринадцатаго вѣка до самаго Фридрихстагскаго мира, рѣдко проходило двадцать пять лѣтъ и почти никогда не проходило пятидесяти, чтобы между Россіей и Швеціей не возникало распрей за Финляндію: этотъ край постоянно страдалъ подъ тяжестью *блудствій*, неразлучныхъ съ военными дѣйствіями. Императору Александру суждено было возвратитъ Россіи «древ-

* Святославъ, навѣрное, также назывался Helge, въ честь Олагу: Helge, что значитъ *Святъ*, и *Святославъ*—одно и то же имя. *Второй* есть второй славянской переводъ имени *Олеги*, Helge; переводъ *измѣстскій*

все достояніе русскихъ князей». Покореніемъ Финляндіи былъ пресѣкъ поводы къ безконечнымъ бранямъ между двумя сосѣдними государствами. Съ окончаніемъ этой войны, достопамятной во многихъ отношеніяхъ, положеніе сѣверныхъ державъ получило новый видъ. Но, при всей важности, Финляндская война, происходившая въ одно время съ великими переворотами, потрясавшими Европу, донинѣ была покрыта неизвѣстностью. Борьба Русскихъ со Шведами и съ Финнами, въ дебряхъ отдаленнаго сѣвера, за пустыни, лежащія внѣ круга политическихъ событій, казалась незначительною въ такое время, когда всѣ земли, отъ устьевъ Дуная до Лиссабона, оглашались громомъ оружія и сильныя арміи бились въ Валахіи, Австріи, Испаніи и Португаліи. Впослѣдствіи, другія страшныя войны заставили даже и забыть объ этой борьбѣ. Генералъ Михайловскій-Данилевскій, подаривъ насъ превосходнымъ ея описаніемъ, оказалъ новую важную услугу исторіи. Онъ присоединилъ еще одно прекрасное твореніе къ ряду тѣхъ, которыя доставили ему европейскую славу. Источниками, какъ всегда, служили автору военные архивы : сверхъ-того онъ пользовался показаніями русскихъ, шведскихъ и финскихъ писателей, и свидѣтельствами ветерановъ, участвовавшихъ въ этой войнѣ.

Петербургскій и стокгольмскій дворы, договорами 1780 и 1800 годовъ, приняли на себя взаимное обязательство «содержать Балтійское Море закрытымъ и неприкосновеннымъ отъ всякаго враждебнаго противъ него покушенія постороннихъ державъ, употребляя всѣ возможные способы къ защитѣ береговъ его отъ стѣсненій и насилій.» Пренебреженіе этихъ договоровъ сдѣлалось потомъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ къ открытію непріятельскихъ дѣйствій въ Финляндіи. После заключенія тильзитскаго мира, Императоръ Александръ предложилъ шведскому королю Густаву IV

свое посредничество къ примиренію его съ Наполеономъ; но пылкій Густавъ торжественно, съ ирочашеніемъ Святыхъ Тайнъ, произнесъ—было клятву скорее пасть съ оружіемъ въ рукахъ нежели помириться съ похитителемъ престола Бурбоновъ.

«Послѣ тильзитскаго мира Россія предложила также Англіи посредничество свое къ миру съ Франціею. Отвѣтомъ Англіи было внезапное, безъ объявленія войны, нападеніе на Копенгагенъ и овладѣніе датскимъ флотомъ. Императоръ Александръ потребовалъ удовлетворенія, повелевая извѣстить лондонскій дворъ, что онъ не перенесетъ равнодушно оскорбленія, нанесеннаго датскому королю, древнему союзнику Россіи, соединенному съ нею родствомъ и дружбою. Тогда же, 24 сентября 1807 года, Государь сообщилъ шведскому королю о своемъ рѣшеніи, вызывая его дѣйствовать заодно съ Россіею и приступить къ исполненію договоровъ 1780 и 1800 годовъ о содержаніи Балтійскаго Моря закрытымъ. Силою этихъ постановленій, Государь признавалъ себя, не только въ правѣ, но и въ обязанности, требовать содѣйствія Швеціи противъ Англіи. Король шведскій не отрицалъ обязанностей, на немъ лежавшихъ, но отказался отъ всякаго содѣйствія, доколѣ войска французскія не удалятся отъ береговъ Балтійскаго Моря и гавани нѣмецкой земли не будутъ открыты англійской торговлѣ, утверждая, что трактаты не могутъ уже имѣть дѣйствія, измѣнившись въ сущности своей тѣмъ, что нѣкоторыя гавани Балтійскаго Моря заняты войсками Наполеона.»

Между-тѣмъ произошелъ разрывъ между Россіею и Англіею, и Государь узналъ, что шведскій король, сблизившись съ Англичанами, которые обшались ему Норвегію, несмотря на свой мнимый «неуралитетъ» готовится къ нападенію вмѣстѣ съ ними на Данію, чтобы силою и страхомъ принудить ее къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Наполеона. На повторительныя приглашенія Россіи закрыть Балтійское Море и дѣйствовать дружно противъ Англіи, Швеція долго не от-

начала. Императоръ Александръ призналъ, что пользы его имперіи будутъ пренебрежены, если онъ оставитъ Швецію въ этихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ Россіи, и что, по истощеніи другихъ средствъ, надлежитъ употребить силу и принужденіе. Такимъ образомъ, въ началѣ февраля, вдругъ дано было повелѣніе войскамъ вступить въ Финляндію и, какъ сказано въ деклараціи, «дѣйствовать для охраненія безопасности имперіи». Корпусъ, въ числѣ двадцати четырехъ тысячъ человекъ, состоялъ подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи графа Буксгевдена, которому поручено было занять какъ-можно болѣе пространства земли. Впродолженіи февраля и марта, русская армія дѣйствовала съ величайшимъ успѣхомъ. Жители Ловизы приняли нашихъ солдатъ безъ всякой неприязни. Передъ Гельсингфорсомъ войско также не встрѣтило почти ни какого сопротивленія : гарнизонъ, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, убѣжалъ въ Свеаборгъ, и графъ Орловъ-Денисовъ безпрепятственно вошелъ въ городъ. Февраля двадцать-пятого, графъ Буксгевденъ перенесъ главную квартиру въ Тавастгусъ, который также сдакъ безъ бою, потому что шведскій главнокомандующій, графъ Клингспоръ, получивъ отъ короля повелѣніе отступить, не смѣлъ начать сраженія. Въ Тавастгусъ составленъ былъ операціонный планъ, и театръ войны раздѣлился на двѣ части. Князь Багратионъ и Тучковъ обратились противъ графа Клингспора, отступавшаго по берегу Ботническаго Залива, а графъ Буксгевденъ пошелъ въ южную Финляндію, съ намѣреніемъ овладѣть Свеаборгомъ и Гангудомъ. Обѣ наши арміи въ самое короткое время сдѣлали огромныя пріобрѣтенія. Къ концу марта, вся Финляндія, за исключеніемъ улеаборгской области, покорила русскому оружію; главнѣйшіе острова на Балтійскомъ Морѣ были заняты русскими войсками. Самое сильное сопротивленіе встрѣчено въ неприступномъ Свеаборгѣ; но и эта крѣпость,

силью орудія и искусными марши главкомаандующаго, вскорѣ приведена въ такое состояніе, что комендантъ ея увидѣлъ себя въ невозможности защищаться долге. Графъ Буксгевденъ писалъ къ военному министру, отъ двадцать-четвертаго марта, о присылкѣ побольше денегъ «для секретныхъ расходовъ», безъ которыхъ неприступныя крѣпости не скоро падаютъ, и графъ Аракчеевъ отвѣчалъ ему, отъ осьмага апрѣля: «Государь Императоръ надѣется, что если стараніемъ и опытностію вашею сила золотого пороху ослабила уже нѣсколько пружину военную, то и окончательное уничтоженіе оной должно, кажется, исполниться». Словомъ, благоразумный комендантъ Кронстедтъ согласился принять предложенную себѣ конвенцію, которою положено сидѣть Свеаборгъ русскимъ войскамъ, «если въ полдень двадцать-втораго апрѣля не придетъ изъ Стокгольма подкрѣпленіе, по-крайней-мѣрѣ изъ пяти линейныхъ кораблей.» Авторъ, который всѣ эти обстоятельства описываетъ съ благородною откровенностію истиннаго величественнаго историка, замѣчаетъ нѣсколько далѣе: «Изъ переписки графа Буксгевдена можно вывести догадки, что и къ покоренію Свартгольма (6 марта) были употреблены такія же средства, какія и противъ Свеаборга, но вѣрныхъ доказательствъ на то въ дѣлахъ не находится».

Между-тѣмъ, какъ скоро пришло въ Стокгольмъ извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ Финляндію и о быстромъ занятіи ими этого края, король приказалъ арестовать русскаго посланника Алопеуса, вмѣстѣ съ его чиновниками, и опечатать бумаги посольства. Это послышанное между просвѣщенными народами насилье дало совершенно другой оборотъ политикѣ. Девятокъ-порѣ занятіе Финляндіи, по объявленію самой Россіи, было только престыгъ военнымъ занятіемъ, иррочно предосторожности для безопасности имперіи, а

за захваченіемъ, но, послѣ такого поступка съ непри-
косновеннымъ лицомъ послѣ, Императоръ Александръ
сообщилъ всѣмъ дворамъ, что арестованіемъ его по-
слѣдника и опечатаніемъ дѣлъ миссіи нанесено оскор-
бленіе достоинству русскаго престола, обижена не од-
на Россія, а всѣ европейскія державы, и что отнынѣ
вся занятая часть Финляндіи признается завоеванною
и, по праву формальнаго покоренія, навсегда присое-
диняется къ россійской имперіи. Шестнадцатаго мар-
та, послѣдовало формальное объявленіе войны, а двад-
цатаго издавъ манифестъ о приведеніи жителей Фин-
ляндіи къ присягѣ на вѣрноподданство. Впрочемъ,
шведскій король еще прежде этого самъ объявилъ вой-
ну Россіи. Неукротимый, восторженный, Густавъ IV
призывалъ къ оружію все народонаселеніе отъ осмь-
надцати до двадцати-пяти-лѣтняго возрасту, повелѣлъ
усилить строеніе кораблей и гребныхъ судовъ, устано-
вилъ чрезвычайный налогъ; но великодушное возстаніе
его противъ Наполеона и тѣхъ, кого почиталъ онъ со-
юзниками императора Французовъ, не нашло себѣ от-
голоску въ народѣ. Густавъ рѣшительно почиталъ се-
бя за избранное свыше орудіе, за вдохновеннаго за-
щитника законности престоловъ: народъ, напротивъ,
смотрѣлъ на него какъ на слабоумнаго, который, не
размѣряя своихъ силъ, съ горстью воиновъ и безъ гро-
ша денегъ начинаетъ войну съ четырьмя державами
вдругъ, съ Франціей, Пруссіей, Даніей и Россіей, и
ведетъ Швецію въ неминуемую погибель. Шведы, не-
только не оскорблялись, но даже радовались, при из-
вѣстіяхъ объ успѣхахъ русскаго оружія въ Финляндіи,
и съ нетерпѣніемъ ждали насъ въ Стокгольмъ, чтобы
поскорѣе окончить свои расчеты съ королемъ, кото-
рый явно дѣйствовалъ вопреки здравому разуму. Не-
винованіе правительству его прекратилось. Не удивит-
тельно послѣ этого, почему даже естественныя спосо-
бы обороны не были употреблены надлежащимъ обра-

зомъ. Впрочемъ Швеція ни въ какомъ случаѣ не могла, въ тогдашнее время, выставить противъ насъ значительнаго количества войска : главные силы ея стояли на норвежской границѣ и въ Сканин, готовясь встрѣтить Французовъ и Датчанъ, угрожавшихъ высадкою.

Однако жъ въ послѣдующіе мѣсяцы усѣвки русскаго оружія не соответствовали блестящему началу. Къ первому апрѣля числительная сила русской арміи въ Финляндіи простиралась до двадцати-трехъ тысячъ рядовыхъ ; но изъ нихъ только восемь тысячъ было въ строю. Графъ Каменскій съ главными силами стоялъ противъ Свеаборга, въ ожиданіи сдачи крѣпости ; князю Багратіону поручено было имѣть въ наблюденіи пространство отъ Або до Вазы и Тавастгуса. Всѣ военныя дѣйствія были сосредоточены на сѣверъ, у Тучкова, которому главнокомандующій приказывалъ тѣснить графа Клингспора, продолжавшаго отступать. Въ короткое время полководцы наши, одинъ за другимъ, потерпѣли значительныя неудачи. Сперва шведскій главнокомандующій опрокинулъ Кульнева при Сикаюки, гдѣ русскій генералъ, стѣсненный превосходствомъ непріятельскихъ силъ, былъ обращенъ назадъ, потерявъ убитыми и ранеными до трехъ сотъ пятидесяти человекъ, — потеря важная, потому что сикаюкское дѣло разсѣяло выгодное предубѣжденіе Финновъ о превосходствѣ русскихъ силъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Булатовъ, который долженъ былъ соединиться съ Тучковымъ при Сикаюки, потерпѣлъ сильное пораженіе при Револакскъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ окружилъ его непріятель, успѣвшій преградить соединеніе русскихъ генераловъ. Послѣдствія револакскаго дѣла отозвались для насъ очень неблагопріятно. Для Шведовъ это дѣло было переходомъ отъ строго оборонительной системы къ наступительной. Ослабѣвшее мужество въ непріятельскихъ войскахъ оживилось ; народонаселеніе, до тѣхъ поръ

удерживаемое въ повиновеніи страхомъ оружія, поднялось противъ завоевателей. Графъ Клингспоръ по всѣмъ мѣстамъ разсылалъ прокламаціи для возмущенія народу. Подводы, отправленныя къ Тучкову, были атакованы, и большая часть ихъ разграблена; лѣса наполнились вооруженными поселянами; проѣздъ курьеровъ сдѣлался опаснымъ и наконецъ невозможнымъ. Восстаніе распространилось вплоть до Таммерфорса.

Между-тѣмъ графъ Клингспоръ, немедленно послѣ револакской побѣды, отрядилъ полковника Сандельса на куопійскую дорогу, навстрѣчу полковнику Обухову, шедшему изъ Куопіо для соединенія съ Булатовымъ. Не имѣя извѣстія о револакскомъ дѣлѣ, ни о предписаніяхъ возвратиться назадъ, Обуховъ продолжалъ маршъ. При Пулхилло Шведы окружили его, требовали сдачи, и, получивъ отказъ, двинулись со всѣхъ сторонъ въ атаку. Послѣ кровопролитнаго сраженія, побѣда склонилась на сторону Шведовъ: они захватили весь отрядъ и бывшія при немъ тяжести. Поразивъ Обухова, полковникъ Сандельсъ, съ партизанами впереди, двинулся къ Куопіо, гдѣ находились наши команды, госпитали и запасы. Онъ не встрѣтилъ нигдѣ сопротивленія, распространилъ тревогу повсей восточной Финляндіи, призывалъ жителей къ оружію, и разсылавъ пылкія прокламаціи, написанныя самимъ шведскимъ королемъ. Крестьяне вооружались дубинами, косами, всѣмъ чѣмъ могли, разъѣзжали какъ герои Иліады на телѣгахъ, скакали верхомъ по всѣмъ дорогамъ. Начальники небольшихъ русскихъ командъ въ саволакской области, не видя возможности сопротивляться, оставляли свои посты.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ сѣверной и восточной Финляндіи въ концѣ апрѣля. Въ то же самое время шведское оружіе торжествовало и на мятыхъ нами островахъ: мы были вытѣснены съ

Готланда и Аландских Острововъ. Но все эти неудачи вознаградились приобретениемъ Свеаборга. Падень двадцать-перваго апрѣля наступилъ, помощи изъ Швеціи не явилась, главнокомандующій потребовалъ исполненія конвенціи, и графъ Кронстедтъ прислалъ удовлетворительный отвѣтъ. Семь тысячъ пять сотъ человекъ защитниковъ неприступной крѣпости, двѣ тысячи пушекъ, сто десять военныхъ судовъ, огромное количество военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, и страшная твердыня, которой и взять бы нельзя, если бы тамъ не было людей, для сдачи, достались въ наши руки.

«Такъ совершилось покореніе сѣвернаго Гибралтара. Въ Швеціи сперва не хотѣли вѣрить паденію крѣпости, почтавшейся неприступною, терялись въ догадкахъ о причинахъ ея паденія, и называли пріобрѣтеніе ея Русскими истологическою загадкою. Въ первомъ порывѣ гнѣва, Густавъ IV обвинилъ комманданта, и сказалъ : «Я прежде зналъ, что Кронстедтъ личный мнѣ врагъ, но я не полагалъ его врагомъ Швеціи!» Надъ чиновниками, подписавшими конвенцію, нарядили въ Стокгольмъ судъ; дѣйствія его были однако прекращены по желанію нашего двора, изъясненному послѣ Фридриксгамскаго мира.»

Въ концѣ мая, при открытіи весенняго походу, графъ Буксгевденъ съ главными силами находился въ южной Финляндіи, чтобы отражать высадки. Мѣсто Тучкомъ въ сѣверной Финляндіи заступилъ Раевскій и сталъ у Гамле-Карлеби. Барклай-де-Толли выступалъ отъ Нейшлота въ Куопіо, имѣя повелѣніе очистить саволакскую область. Затруднительнѣе всѣхъ было положеніе Раевского, противъ котораго обращены были главныя силы Шведовъ : онъ могъ быть въ одно время атакованъ съ фронта графомъ Клинкспоромъ, и десантными войсками съ тылу. Поднимая опасность своего положенія, Раевскій немедленно испрашивалъ разрѣшенія слѣду-

дуть, но главнокомандующій не соглашался, повторяя, что отступление может имѣть вредныя слѣдствія на движенія Барклая-де-Толли. Долго однако жъ Шведля не тревыхалъ Раевского : графъ Клингспоръ, по различнымъ причинамъ, не воспользовался своимъ многолюдствомъ, и шесть недель простоялъ въ бездѣйствіи. Въ скодь май, шведскій главнокомандующій, двоекратный чинъ Раевскій, открылъ наступательныя дѣйствія. Получивъ объ этомъ донесеніе, Раевскій узналъ въ то же время, что шведскія легкія войска показались у Перхо, въ тылу нашего праваго крыла. Это обстоятельство повело къ заключенію, что непріятель намеренъ дѣйствовать лѣвымъ флангомъ на Лапну, лежащій при соединеніи четырехъ дорогъ. Поэтому Раевскій почелъ невозможнымъ держаться долже у Гамле-Карлеби, и перваго іюня отвелъ свой корпусъ назадъ, остановившись на позиціи у Лилькиро, въ семнадцать верстахъ отъ Вазы. Къ отступленію побудилъ его также недостатокъ въ продовольствіи, котораго оставалось только на четыре дня, а хлѣба ни за какія деньги купить было нельзя. Прибывъ въ Лилькиро, Раевскій послалъ въ Лапну генераль-маіора Козачковскаго, въ Вазъ приказалъ оставаться Демидову, а Нью-Карлеби велѣлъ занять авангардомъ Янковичу. Обстоятельства часъ отъ часу становились затруднительнѣе. Шведскій партизанъ Фьяндтъ дѣятельно производилъ набѣги съ тылу : онъ захватилъ русскій магазинъ въ Перхо и взбунтовалъ весь тамошній край. Подводы Раевского были перехватываемы, курьеры убиваемы. Двадцатаго іюня графъ Клингспоръ атаковалъ авангардъ Янковича, и въ то же время Бергенстраль высадилъ до двухъ тысячъ человекъ близъ Вазы, намереваясь овладѣть этимъ городомъ. Обманувъ Демидова ложными маневрами, непріятель безпрепятственно утвердился въ Вазѣ. Завязалось упорное дѣло. Каждую улицу и каждый домъ принадлежалъ брагу приступомъ : бой продолжался нѣжъ

часовъ. Жители сражались за-одно съ неприятелемъ, стрѣляя по насъ изъ оконъ вмѣстѣ съ засѣвшими въ домахъ солдатами. Наконецъ неприятель долженъ былъ сдаться. Но вмѣстѣ съ покушеніемъ Швадовъ на Вазу, по всему морскому побережью до Кристианстада, гдѣ стоялъ графъ Орловъ-Денисовъ, вспыхнулъ бунтъ, возженный прокламаціями короля. Предполагая, что это обстоятельство озаботитъ Раевского насчетъ лѣваго его крыла, графъ Клингспоръ обратился на Лаппо, гдѣ стоялъ Козачковскій, составляя оконечность праваго нашего фланга. Если бы графъ Клингспоръ овладѣлъ Лаппомъ, то онъ отбросилъ бы Раевского къ морю и открылъ себѣ свободный путь въ Таммерфорсъ и Тавастгусъ. Въ этомъ критическомъ положеніи, Раевскій всю надежду возлагалъ на Барклая-де-Толли, которому главнокомандующій поручилъ теперь соединиться съ сѣверной арміей. Но, при исполненіи воли графа Буксгевдена, Барклая-де-Толли встрѣтилъ непреодолимые препятствія. Съ одной стороны тѣснилъ его Сандельсъ, съ другой безпрестанно безпокойно возстаніе жителей, которое главнокомандующій, въ донесеніяхъ своихъ къ Императору Александру, называлъ «войною вандейскою». Вынужденный этими обстоятельствами, Барклая-де-Толли предпочелъ, скорѣе всѣми силами удерживать Куопіо нежели идти противъ графа Клингспора». Такимъ образомъ Раевскій былъ оставленъ на произволъ судьбы.

Между-тѣмъ графъ Клингспоръ, продолжалъ наступленіе изъ Нью-Карлеби къ Лаппо, и достигъ Нидергерме. Раевскій, всё-еще поджидавшій Барклая-де-Толли, отступилъ изъ Лаппо къ Сальми, куда примыкаетъ дорога изъ Куопіо. Но вскорѣ дошло до него извѣстіе, что надобно отложить надежду на содѣйствіе Барклая-де-Толли, и вмѣстѣ получено было повелѣніе отвѣститься на бой, котораго успѣхъ графъ Буксгевденъ

считалъ необходимымъ для удержанія непріятеля. Исполняя повеленіе, Раевскій двадцать шестаго іюня двинулся на Лаппо. Здѣсь онъ хотѣлъ выжидать развитія предпріятій графа Клингспора, который вообще дѣйствовалъ съ величайшей медленностью и осторожностью.

7. «Перваго іюля графъ Клингспоръ подошелъ къ Лаппо. Хотя отъ взятыхъ наканунѣ двухъ плѣнныхъ, Раевскій зналъ о намѣреніи Шведовъ атаковать его, однако жъ не хотѣлъ отступать, не удостоверяясь собственными глазами въ силахъ непріятельскихъ. Передовые посты наши были атакованы и въ порядкѣ отступили къ позиціи. На другой день, въ два часа по полудни, Шведы приблизились къ позиціи, имѣя еще половину войскъ назади, по причинѣ испортившейся переправы. Они разсыпали стрѣлковъ и открыли пушечную пальбу. Люди храбрые, но неискусные въ маневрахъ, въ умънь вести сраженіе, они долго колебались въ выборѣ пункта, куда обратить свои усилія, и наконецъ положили дѣйствовать на оба наши фланга. Одна колонна пошла на лѣво, къ Сторбю, другая лѣсами въ обходъ нашего праваго крыла. Убѣдясь, что имѣетъ дѣло со всѣми почти силами графа Клингспора, и желая стать на дорогу, по которой, въ случаѣ нужды, надлежало отступить, Раевскій перемѣнилъ фронтъ въ виду непріятеля и подъ огнемъ его. По увѣренію очевидцовъ и самихъ Шведовъ, движеніе было совершено съ примѣрнымъ порядкомъ. Лѣвый флангъ уперся въ деревню Ліухтари, правый въ лѣсъ, гдѣ вскорѣ завязалось дѣло съ шедшею въ обходъ нашъ колонною. Шведы начали стронуться параллельно новой позиціи Раевского; загремѣла канонада, и стрѣлки вошли въ дѣло, какъ вдругъ въ тылу нашемъ поднялось пламя зажегшии жителями деревни, черезъ которую велъ единственный путь отступленія. То было главною причиною, побудившею Раевского прекратить сраженіе и отдать приказъ отступать, что и исполнено какъ-будто на учебномъ мѣстѣ. Графъ Клингспоръ или, справедливѣе, Адлеркрейцъ, распорядившій дѣломъ, преслѣдовалъ слабо. Раевскій остановился на ночь въ десяти верстахъ, потерявъ

убытниця и равнинни зюстораста человека. Шведы провозгласили дѣло полъ Лаппо генеральнымъ сраженіемъ и славою его какъ знаменитую побѣду.

«Въ слѣдующіе дни Раевскій отступилъ еще на два побольшіе перехода, къ Сальми, въ намѣреніи держаться на крѣпкой позиціи, которую занималъ передъ лаппскимъ дѣломъ, и тѣмъ выиграть время для полученія разрѣшенія отъ главнокомандующаго, которому писалъ, что не только не въ состояніи, какъ было приказано, дѣйствовать наступательно и дать графу Клингспоръ сраженіе, но даже не находитъ средствъ обороняться съ усвѣхомъ. Надежда возможности хоть на нѣсколько дней остановиться при Сальми, была непродолжительна. Вскорѣ по прибытіи туда, явился Раевскій, что графъ Клингспоръ хочетъ атаковать его съ фронта, и въ то же время обходить слева проселочною дорогою, ведущею прямо изъ Лаппо въ Алаво, изъ тылъ нашъ и на единственный путь сообщеній съ южною Финляндіею. Полагая себя слишкомъ слабымъ чтобы выдержать нападеніе съ фронта и отбить обходящія его войска, Раевскій отступилъ, шестаго іюля, изъ Сальми въ Алаво, а Янковичу велѣлъ отойти изъ Линдулакса въ Саріярви, чтобы находиться между нимъ и Барклай-де-Толли, стоявшимъ въ Куопіо. Графъ Клингспоръ довольствовался добровольнымъ отступленіемъ Раевского, не пошелъ за нимъ со-всеми силами, и ограничился наблюденіемъ его посредствомъ авангарда и удержаніемъ за собою центрального пункта, Лаппо. Прекратить наступленіе, обѣщавшее ему успѣхъ, по превосходству въ числѣ, были поблательными причинами: ожиданіе изъ Швеціи обѣщанныхъ пособій, долженствовавшихъ выйти на берегъ въ Ваа; опасеніе, что, во время движенія за Раевскимъ, Барклай-де-Толли выступитъ изъ Куопіо на Линдулаксъ и ударитъ въ тылъ Шведовъ; и надежда, безъ сраженія и потерь солдатъ, которыми шведскіе генералы во весь походъ крайне дорожили, заставить Раевского отступить, действуя на его сообщеніяхъ партизанами и народною войною. Последствія оправдали соображенія графа Клингспора, въ такой степени, что на короткое время, безъ кровопролитія, преданъ былъ во власть его почти весь край до Тавастгуса.»

Вскорѣ послѣ дѣла при Ланне, шведскіе партизаны овладѣли перевозными лодками и пресѣкли снабженіе дощ. Они сожигали мосты, заваливали дороги, закрывали наши подводы, курьеровъ, проходившія малыми командами, учреждали засады. Истребить партизановъ не было ни какой возможности : разсыпаясь, они укрывались въ недоступныхъ мѣстахъ. Всѣ жители были съ ними въ заговоръ. Въ нѣсколько дней партизаны отрѣзали Раевскому всѣ сообщенія и подвозы, отняли возможность быть въ сношеніяхъ съ главнокомандующимъ и получать свѣдѣнія о томъ, что вокругъ него происходитъ. Съ другой стороны, Раевскій имѣлъ противъ себя съ фронту всѣ силы графа Клингспора, и ожидалъ съ часу на часъ его наступленія, а между тѣмъ продовольствіе оскудѣвало. Не получая провіанту, солдаты ходили по окрестностямъ добывать себѣ пропитаніе, скребли землю, доискивались картофеля, кореньевъ, грибовъ. Въэтомъ крайнемъ положеніи, Раевскій, одиннадцатаго іюля, собралъ военный совѣтъ, на которомъ единогласно рѣшено отступить къ Тавастгусу. На другой день послѣ совѣщанія, Раевскій двинулся съ своимъ корпусомъ изъ Алаво, и на первомъ переходѣ встрѣтилъ отправленнаго изъ Або счастливаго преемника своего, которому судьба предоставила честь исправить трехъ-мѣсячныя неудачи, отбросить непріятеля до Торнео, и потомъ поразить его въ нѣдрахъ самой Швеціи. То былъ графъ Каменскій.

Еще при Суворовѣ онъ обратилъ на себя вниманіе своею неустрашимостью. Впослѣдствіи, онъ отлично служилъ въ первыхъ войнахъ Александра съ Наполеономъ. Умный, образованный, самонадѣянный, врагъ совѣтовъ : таковъ былъ Каменскій въ 1808 году, когда, тридцати двухъ лѣтъ отроду, явился онъ на поля славны съ властью и надеждами начальника корпуса. Во время предъидущихъ дѣйствій онъ стоялъ въ Гель-

сингфорсъ, и оттуда, двѣнадцатаго іюля, посланъ былъ принять начальство вмѣсто Раевского. Ему не дали ни какого особеннаго наставленія или операціоннаго плана, но, просто, ведѣли идти и побѣдить. Главнокомандующій написалъ къ нему только : «Глаза всей арміи обращены на вашу корпусъ!»

Слѣдуя изъ Гельсингфорса къ мѣсту своего назначенія, Каменскій едва не былъ схваченъ шведскими партизанами. Ускользнувъ проселками отъ плѣну, онъ встрѣтилъ Раевского на второмъ переходѣ отъ Алаво, и одобрилъ положеніе военнаго совѣта объ отступленіи. Каменскій продолжилъ отступление еще на сто верстъ и остановился на высотѣ Таммерфорса, между озерами Ланге и Паяна. Маршъ его совершался спокойно, потому что, со времени отступления отъ Алаво, Шведы не преслѣдовали нашей арміи. Бездѣйствіе непріятелей дало графу Каменскому возможность достигнуть цѣли предпринятаго отступления, то есть, устроить корпусъ и его продовольствіе. Распорядительность устранила неудобства добыванія припасовъ. За наличныя деньги и расписки, Каменскій снабдилъ войско хлѣбомъ и учредилъ магазины. Въ двѣ недѣли выполнилъ онъ недостатки въ полкахъ, и, къ первому августа, сосредоточивъ корпусъ у Ямса, могъ уже выступить противъ непріятеля, имѣя подъ ружьемъ до десяти съ половиною тысячъ человекъ и тридцать осемь орудій. У непріятеля было четырнадцать тысячъ человекъ и пятьдесятъ девять орудій. Но сверхъ-того Шведы имѣли весьма сильное подкрѣпленіе въ вооруженныхъ крестьянахъ, которыхъ число безпрестанно возрастало.

Несмотря на такой перевѣсъ шведской арміи, графъ Каменскій постоянно одерживалъ верхъ надъ непріателемъ. Жестокое сраженіе при куортанскомъ озерѣ, происходившее двадцатаго августа, было первымъ

важнымъ подвигомъ будущаго полководца. Это сраженіе дало благопріятный оборотъ всему предпріятію. Вслѣдъ за тѣмъ, другая битва при Сальми, кончившаяся рѣшительною побѣдою, доставила нашимъ войскамъ то превосходство, какое они имѣли при первыхъ своихъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи. Молва о куортанской побѣдѣ и отступленіи Шведовъ отъ Сальми быстро пронеслась по Финляндіи и распространила во всемъ краѣ совершенный упадокъ духа : народное возстаніе начало утихать и вскорѣ совсѣмъ прекратилось.

Черезъ два дня послѣ куортанскаго дѣла, двадцать-втораго августа, графъ Каменскій пришелъ въ Лаппо, откуда намѣренъ былъ преслѣдовать непріятеля, дѣйствуя отрядами на Нью-Карлеби и Гамле-Карлеби. Двадцать-шестаго онъ выступилъ изъ Лаппо по вазской дорогѣ, а двадцать-девятаго, послѣ слабой перестрѣлки съ шведскимъ арріергардомъ, занялъ Иллистаро. Соединившись здѣсь съ отрядомъ Ушакова, онъ двинулся въ Лилькиро, въ намѣреніи сблизиться съ непріятелемъ, узнать въ точности его положеніе, и избрать рѣшительную мѣру. Но, въ Лилькиро, Каменскій уже не засталъ графа Клингспора, который, послѣ пораженія при Сальми, продолжалъ отступать и обратился на Оравайсъ. Поручивъ Раевскому овладѣть Вазою, графъ Каменскій быстро пошелъ къ Оравайсу. Здѣсь, втораго сентября произошло сраженіе, достопамятнѣйшее изъ всѣхъ въ этомъ знаменитомъ походѣ.

«На разсвѣтъ этого памятнаго дня, графъ Клингспоръ стоялъ близъ Оравайса, тамъ, гдѣ Ботнической Заливъ образуетъ небольшую губу, по которой пролегаетъ дорога изъ Вазы въ Нью-Карлеби. На поворотъ дороги была укрепленная позиція, а передъ нею рѣчка, протекающая черезъ болота, поросшія мелкимъ кустарникомъ. Шведы прѣмькали правымъ крыломъ къ утесистому берегу моря, гдѣ было у нихъ нѣсколько канонерскихъ лодокъ, пришедшихъ

изъ Улеборга. Въ центрѣ, на отлогомъ возвышеніи, по обѣимъ сторонамъ дороги, стояли баттарен. Отсюда тянулись шанцы по полямъ и лугамъ до возвышеній и утесовъ, прикрывающихъ лѣвый флангъ, который оканчивался въ дремучемъ лѣсу, заваленномъ засѣками. Въ разныхъ мѣстахъ находились засѣки, оберегаемыя стрѣлками. Нельзя было приблизиться къ позиціи иначе, какъ подъ картежными выстрѣлами, очищавшими ровное и открытое мѣсто, гдѣ надлежало намъ проходить къ непріятельской позиціи. Шведскій авангардъ былъ расположенъ въ полторы версты отъ позиціи, подлѣ озера и по обѣимъ берегамъ вытекающей изъ него рѣчки; за мостомъ стояла баттарей. Непріятельскія войска состояли изъ Шведовъ и Финновъ. Шведами командовалъ Фегезакъ; подъ его начальствомъ были полки упландскій, гельсингскій, вестманландскій и вестроботническій; въ финскихъ, предводимыхъ Адлеркрейцомъ, полки остроботническій, саволакскій, часть бьернеборгскаго и корельскіе стрѣлки. Конница состояла изъ двухъ эскадроновъ конной гвардіи и нюландскихъ драгунъ; всего было подъ ружьемъ до семи тысячъ человекъ, кромѣ вооруженныхъ крестьянъ.

«Русскихъ было до шести тысячъ человекъ, а именно, во-первыхъ, авангардъ Кульнева, полки съвскій и третій егерскій, два эскадрона гусаровъ и казаки; во-вторыхъ, за нимъ въ четырехъ верстахъ стоялъ отрядъ Демидова, полки пермскій и петровскій; въ-третьихъ, резервъ, полки моголевскій и литовскій, баталіонъ двадцать-пятого егерскаго, эскадронъ польскихъ улановъ и полуэскадронъ гусаровъ, находился въ пятнадцати верстахъ назадъ. Въ такомъ расположеніи стояло русское войско поутру втораго сентября. Кульневъ имѣлъ приказаніе отбросить шведскіе передовые посты за мостъ, начавъ дѣло въ десять часовъ, но черезъ рѣчку не переходитъ и ожидать графа Каменскаго, не хотѣвшаго, по усталости войскъ, выступать рано. Кульневъ завязалъ перестрѣлку двумя часами прежде назначеннаго времени, когда графъ Каменскій еще не трогался съ резервомъ. Непріятельскіе посты, стоявшіе впереди озера и рѣчки, были сбиты и отошли на другой берегъ, преслѣду-

ные до моста. Перейдя через мостъ Шведы остановились. Кульневъ послалъ обходить озеро справа. Для противудѣйствія ему, непріятель стягивалъ и осадилъ назадъ баталіонъ третьяго егерскаго полка, находившійся на нашемъ лѣвомъ крылѣ; но отраженный туда баталіонъ съвскаго полка возстановилъ дѣло; послѣ чего вся цѣпь нашихъ стрѣлковъ перебежала черезъ мостъ и въ бродъ. Видя упорство нападенія, графъ Клингсборъ приказалъ авангарду отступать. Кульневъ слѣдовалъ за непріятелемъ, но подходя къ позиціи, остановился, когда противъ лѣваго крыла его сдѣлана была высадка съ капонерскихъ лодокъ. Въ то же время шведскій авангардъ умножилъ спустившимися съ позиціи войсками. Непріятель съ крикомъ ударилъ въ штыки на нашъ правый флангъ. Кульневъ долженъ былъ уступить и послалъ просить Демидова ускорить прибытіемъ на поле сраженія. Демидовъ былъ уже близко. Полки отряда его, петровскій и пермскій, подкрѣпили сражающихся. Перевѣсъ склонился на нашу сторону; непріятель отступилъ къ позиціи, провожаемый выстрѣлами четырехъ орудій, стоявшихъ на большой дорогѣ. По лѣвую сторону ея находилась пятый егерскій полкъ, по правую съвскій, еще правѣ полки петровскій и пермскій. Вся войска наши были разсыпаны въ стрѣлки, подвигались по-немногу впередъ, и начинали обходить позицію справа.

«Желая воспользоваться своимъ превосходствомъ въ числѣ, Шведы, дѣйствуя съ высотъ баттареями, очищавшими равнину передъ фронтомъ, ударили на наше правое крыло и двинули колонны изъ окоповъ на большую дорогу, въ намѣреніи прорвать центръ Кульнева и отрѣзать его отъ праваго фланга. Наши обратились назадъ. Въ ту минуту пріѣхалъ графъ Каменскій, не предваренный Кульневымъ о началѣ дѣла и узнавшій о возгорѣвшемся сраженіи по канонадѣ, услышанной имъ за пятнадцать верстъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ ночевалъ резервъ. Онъ послалъ за шедшими въ головѣ резерва баталіономъ двадцать-пятого егерскаго полка и двумя ротами могилевскаго, и, по прибытіи ихъ, приказалъ имъ удерживать центръ во что бы то ни стало; осталь-

нымъ войскамъ резерва вѣльно было спѣшить и стать у мосту, гдѣ поутру началось дѣло.

«Съ обѣихъ сторонъ сраженіе продолжалось по всей линіи упорно. То перестрѣливался, то дѣйствуя штыками, войска попеременно отступали и подавались впередъ; артиллерія не умолкала. Мѣстоположеніе допускало дѣйствовать одними стрѣлками, а потому бой разсыпнымъ строемъ произвелъ неминуемое разсыпаніе силъ, и, продолжаясь долго, охладилъ жаръ, необходимый для успѣха атаки. Солдаты устали; патроны истощались; огонь нашъ становился слабѣе. Шведскіе генералы увидѣли наступленіе благопріятной для нихъ минуты, двинули съ позиціи резервъ на большую дорогу, колоннами ударили въ штыки на нашъ центръ, и опрокинули его. Наши фланги, растянутые на большомъ пространствѣ въ стрѣлкахъ, побѣжали, опасаясь быть отрѣзанными отъ центра, подавшагося назадъ. Вся наша боевая линія была въ полномъ отступленіи, а Шведы и Финны, оглашая воздухъ радостными восклицаніями, быстро подавались впередъ пожинать плоды побѣды, казавшейся имъ несомнѣнною.

«Графъ Каменскій былъ возлѣ баталіона двадцать-пятого егерскаго полка и двухъ ротъ могилевскаго, ставшихъ твердою стѣною впереди мосту, между-тѣмъ пока полки сѣвскій, петровскій, пермскій и третій егерскій собирались и устроивались, кучками давая отпоръ. Всѣ полагали сраженіе конченнымъ и проиграннымъ. Одинъ Каменскій не отчаявался. Для возобновленія дѣла, ждалъ онъ прибытія запоздавшихъ выступленіемъ литовскаго полку, шести ротъ могилевскаго, гродненскихъ гусаровъ и польскихъ улановъ. Одинъ адъютантъ за другимъ носились ускорять маршъ. Когда эти войска пришли, Каменскій привѣтствовалъ ихъ словами: «Покажемъ Шведамъ, каковы Русскіе. Не выйдемъ отсюда живыми, не разбивши Шведовъ впухъ! Ружья на перевѣсь! За мной! Съ нами Богъ! Впередъ! ура!» — Ура! раздавалось въ рядахъ.—Ударили въ барабаны, и войска, перейдя черезъ мостъ, какъ отчаянныя бросились на неприятеля, овладѣвшаго полемъ сраженія. Началась рѣзня,

а не битва. Удивленный внезапною атакою, непріятель обратился вспять. «Впередъ, ребята, коли!» кричалъ графъ Каменскій. Офицеры и солдаты кидались на Шведовъ, вырывая изъ рукъ ихъ ружья. За резервомъ шли другіе собравшіеся полки. Непріятель отступалъ, а потомъ побѣжалъ къ позиціи; наши преслѣдовали его въ свою очередь воплями и выстрѣлами, часто устремляясь на бѣгу въ штыки.

«Достигнувъ своей позиціи, Шведы открыли пальбу изъ баттарей. Темнота осенняго вечера и туманъ не раздѣляли сражавшихся. Каменскій не хотѣлъ довольствоваться поверхностью, не утвердившею за нимъ побѣды. Онъ самъ остался въ центрѣ, поруча лѣвое крыло Ушакову, а правое Демидову, приказавъ ему обойти лѣвый флангъ шведской позиціи. Между-тѣмъ по всей линіи, во мракъ и мглу, кипѣлъ ружейный и пушечный огонь. Демидовъ добрался до мѣста своего назначенія въ десять часовъ, проходя засѣки, камни и густой лѣсъ. Получивъ извѣстіе о совершеніи обхода, графъ Каменскій далъ повелѣніе къ общей атакъ, или приступу на позицію. Войско бросилось на непріятельскіе шанцы и баттарей. Графъ Клингспоръ не рѣшился выдерживать ручнаго бою, и, увидѣвъ приближеніе штурмовыхъ колоннъ, велѣлъ отступать. Наши овладѣли баттарейми, а Шведы и Финны побѣжали въ беспорядочныхъ толпахъ. Ихъ преслѣдовали двѣ версты за Оравайсъ. Невозможно было итти далѣе: полки едва двигались отъ усталости. Только Кульневъ пошелъ за непріателемъ, остановившимся позади сожженнаго мосту, въ пяти верстахъ отъ Оравайса.

«Сраженіе подъ Оравайсомъ было самое кровопролитное продолженіи всей войны и лишило Финновъ надежды на помощь Швеціи; съ тѣхъ поръ финское войско брело за шведскими знаменами уныло и грустно, не сомнѣваясь въ безвозвратной гибели дѣла, за которое оно сражалось полъ-года.»

Двадцатаго сентября русскія войска вступили уже

въ Гамле-Карлеби. Такимъ образомъ, ровно въ двадцать дней, считая отъ куортанскаго сраженія до занятія Гамле-Карлеби, вся вазская губернія, благодаря неуспынной дѣятельности графа Каменскаго, была покорена русскому оружію.

Разгнѣванный неудачею въ своихъ предпріятіяхъ, при извѣстіи о побѣдѣ Каменскаго подъ Оравайсомъ, шведскій король отправилъ въ Финляндію все войско, находившіяся на Аландѣ, и свою гвардію, подъ начальствомъ генерала Вейе. Но и этотъ полководецъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе: разбитое войско его снова должно было возвратиться на Аландскіе Острова.

Между-тѣмъ Буксгевденъ, постоянно имѣвшій главную квартиру въ Гельсингфорсѣ, узналъ объ успѣхѣ русскаго оружія на сѣверѣ, и счелъ за нужное отправиться къ театру военныхъ дѣйствій. Двѣнадцатаго сентября прибылъ онъ въ Гамле-Карлеби. Въ это время дѣла наши были въ самомъ благопріятномъ положеніи. Военныя силы увеличились новыми подкрѣпленіями, блистательныя побѣды Каменскаго навели страхъ на Шведовъ, а между-тѣмъ правительство въ Швецію, гдѣ неудовольствія на короля ежедневно увеличивались, болѣе и болѣе ослабѣвало. Узнавъ о пріѣздѣ русскаго главнокомандующаго, графъ Клингспоръ предложилъ ему заключить перемиріе. Буксгевденъ изъявилъ согласіе на вызовъ, и сентября семнадцатаго, въ Локто, заключено было перемиріе на неопредѣленное время, съ обязательствомъ извѣстить другъ друга предварительно за восемь дней о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Но комитетъ министровъ, уполномоченный въ то время отдавать Высочайшія повелѣнія отъ имени Императора, который находился въ Эрфуртѣ, не одобрилъ распоряженій главнокомандующаго, и двукрат-

нымъ повелѣніемъ предписалъ прервать перемиріе, замедлявшее торжество русскаго оружія.

Въ октябрѣ военныя дѣйствія начались снова. Шведскаго главнокомандующаго, графа Клингспора, смѣнилъ Клеркеръ. Каменскій, получившій опять начальство надъ войскомъ, вскорѣ привелъ непріятеля въ самое отчаянное положеніе. Вытѣснивъ Шведовъ изъ позиціи при Пихаіюки, онъ заставилъ ихъ прибѣгнуть къ переговорамъ. Генераль Адлеркрейцъ, по повелѣнію Клеркера, предложилъ Каменскому прекратить военныя дѣйствія, уступая намъ Брагестедтъ и Улеборгъ, но требуя для очищенія Улеборга четырнадцать дней. Каменскій имѣлъ отъ главнокомандующаго тайное повелѣніе не отвергать предложеній непріятеля о перемиріи, и согласился прекратить дѣйствія. Причинами тайнаго повелѣнія о перемиріи были скудость въ продовольствіи и труды, переносимые войсками при обходахъ позицій, гдѣ надлежало итти по каменистымъ мѣстамъ и топкимъ болотамъ. Пятаго ноября открылись переговоры въ Олькіюки, и седьмаго заключена конвенція. Этой конвенціей окончился походъ 1808 года. Вся Финляндія была завоевана, по границу ея со Швеціею. Главнымъ орудіемъ успѣховъ былъ графъ Каменскій: его смѣлыя и быстрыя движенія ниспровергли всѣ расчеты шведскихъ генераловъ. Обходя непріятеля мѣстами, почитавшимися за неприступныя, куда съ міровданія не ступала нога человѣческая, Каменскій одолевалъ и природу, и голодь, и непріятеля, потому что онъ каждую пядь земли пріобрѣталъ выигромъ или маневромъ. Онъ лично устремлялся въ опасныя мѣста, самъ бывалъ въ трудныхъ переходахъ передъ колоннами, терпѣлъ нужду за-одно съ солдатами, и тогда только былъ доволенъ, когда могъ доставить товарищамъ побѣду и жизненныя удобства. Вообще походъ Каменскаго въ Финляндіи, говоритъ авторъ,

должно причислить къ самымъ блистательнымъ воинскимъ подвигамъ. Каменскій затмилъ всѣхъ генераловъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи въ 1808 году. Вскорѣ послѣ олькіюкской конвенціи, онъ уѣхалъ въ Петербургъ для поправленія здоровья, и, прощаясь съ войскомъ, сказалъ : «Мы завоевали Финляндію; сохраните ее.»

Въ началѣ 1809, вся Финляндія занята была Русскими, но основаніе непріятельскихъ войскъ осталось неприкосновеннымъ. Армія Густава IV, защищавшая Финляндію, была побѣждена, но она еще существовала и сохраняла составъ свой. Поэтому театръ войны рѣшено перенести на шведскій берегъ, и генераль Кноррингъ, заступившій мѣсто главнокомандующаго послѣ увольненія графа Буксгевдена, получилъ повелѣніе переправить армію черезъ Ботнической Заливъ. Это предпріятіе Кноррингъ считалъ чрезвычайно затруднительнымъ, даже невозможнымъ. Такого же мнѣнія были и прочіе генералы. Барклай-де-Толли, которому предписывалось двинуться изъ Вазы къ Умео, отвѣчалъ, что «итти рѣшительно нельзя»; графъ Шуваловъ, получившій повелѣніе отправиться изъ Улеборга на Торнео, говорилъ, что «люди пропадутъ съ голоду». Но всѣ эти затрудненія опровергнуты графомъ Аракчеевымъ, посланнымъ изъ Петербурга съ Высочайшимъ повелѣніемъ непременно двинуть войска черезъ Ботнической Заливъ и съ ними вмѣстѣ отправиться въ походъ. Благодаря его распоряженіямъ, великая мысль Императора Александра, перенести русскія знамена на шведскій берегъ, была приведена въ исполненіе.

Между-тѣмъ олькіюкская конвенція, заставившая Шведовъ очистить Финляндію, произвела весьма невыгодное впечатлѣніе въ Стокгольмѣ. Еще прежде роптали тамъ за изнурительные походы, предпринимаемые

для защиты Финляндии, коверомъ никакъ нельзя было зашиять, да и не стоило: теперь ропотъ страшно усилился, и со всехъ сторонъ сыпались проклятія на правительство. Англійскіе министры, видя неудачу короля во всехъ его предпріятіяхъ, сами наконецъ совѣтовали ему отстать отъ союза и заключить съ Россіею отдѣльный миръ. Несчастный Густавъ IV былъ оставленъ на произволъ собственной судьбы своей. Когда онъ еще мечталъ о средствахъ выпутаться одинъ, безъ чужой помощи, изъ затруднительнаго положенія, вдругъ вслыхнулъ бунтъ въ одномъ изъ корпусовъ, стоявшемъ на норвежской границѣ; волненіе вскорѣ отразилось въ Стокгольмѣ, и кончилось сверженіемъ Густава съ престола. Правленіе принялъ герцогъ Сюдерманландскій.

Во время этихъ переворотовъ, Русскими покорены Аландскіе Острова, куда отправленъ былъ съ своимъ отрядомъ князь Багратионъ. Шведы не сомнѣвались, что наша армія будетъ продолжать побѣдоносное шествіе до Стокгольма, и новое правительство сочло не-обходимымъ употребить всѣ усилія для заключенія мира. Шестаго марта, черезъ пять дней послѣ вступленія въ управленіе шведскимъ государствомъ, герцогъ Сюдерманландскій послалъ къ Императору Александру своего адъютанта Спальдинга съ письмомъ, въ которомъ, извѣщая о причинахъ, побудившихъ его принять на себя правленіе, изъявлялъ онъ желаніе заключить перемиріе на неопредѣленное время. Къ открытію переговоровъ о мирѣ препятствовало то обстоятельство, что герцогъ Сюдерманландскій еще не былъ признанъ сеймомъ и, безъ согласія его, не могъ договариваться объ уступкѣ Финляндіи, то есть, трети всего шведскаго королевства. Съ отвѣдомъ на письмо герцога, Готсударь отправилъ Алопеуса, который долженъ былъ объявить, что Россійскій Императоръ не вмѣшивается

не внутреннія для Швеціи, а только личное нахождение съ нею въ принятыхъ сношеніяхъ. Сказаніемъ повидки Алопеуса въ Стокгольмъ было некотораго изъясненія желанія шведскаго правительства заключить перемиріе и потому уже начать переговоры о мирѣ, которые, дѣйствительно, снуета четыре мѣсяца начались въ Фридрихгамъ.

«Для заключенія мира прибыли въ Фридрихгамъ уполномоченные, съ русской стороны, канцлеръ графъ Румяновъ и камергеръ Алопеусъ, съ шведской баронъ Стедингъ и Скіольдебрандтъ. Первое совѣщаніе происходило четвертаго августа. Императоръ Александръ требовалъ отъ Швеціи: во-первыхъ, заключить миръ не съ одною Россіею, но и съ ея союзниками; во-вторыхъ, приступить къ континентальной системѣ; и въ-третьихъ, отказаться въ пользу Россіи отъ Финляндіи и Аландскихъ Острововъ. На первую статью шведскіе полномочные отвѣчали довольно удовлетворительно. На вторую дѣлали они возраженія, подававшія однако жъ надежду на соглашеніе. Уступкъ Финляндіи они не противурѣчили, но касательно Аландскихъ Острововъ баронъ Стедингъ съ жаромъ отвѣчалъ; что, при отъѣздѣ его изъ Стокгольма, никому тамъ не приходило на мысль, что требованія наши могутъ распространиться даже на присоединеніе этихъ острововъ къ Россіи, что изъ всѣхъ отзывовъ нашихъ заключали въ Швеціи о желаніи Россіи пріобрѣсть только Финляндію, что Аландскіе Острова вдревне почитались не принадлежащими къ Финляндіи, что послѣ уступки ихъ никто въ Стокгольмъ не останется спокоенъ и столица Швеціи подвергнется явной опасности. Графъ Румяновъ отвѣчалъ, что Императоръ Александръ никогда не имѣлъ ни какихъ притязаній на Финляндію, но вынужденный начать войну и продолжая ее успѣшно, соволѣетъ при заключеніи мира съ Швеціею опредѣлить новыя границы, назначая, какую часть изъ завоеванныхъ оружіемъ его земель присоединяетъ онъ къ своей державѣ. Баронъ Стедингъ возразилъ, что требованіе наше Аландскихъ Острововъ было столь мало предвѣдомо въ Сток-

показъ, что даже въ данномъ ему наставленіи не упомянуто о томъ, и что, не имѣя права рѣшиться на самовольное дѣйствіе, онъ проситъ позволенія послать курьера въ Стокгольмъ за повелѣніями. Получивъ на то согласіе, баронъ Стедингъ условился съ графомъ Румянцовымъ, впредь до возвращенія курьера, войти въ подробныя сужденія о другихъ статьяхъ мира.»

Но графъ Румянцовъ настаивалъ, чтобы, для большаго ясности переговоровъ, графъ Каменній усилилъ свои военныя дѣйствія и явился на шведскомъ берегу заливъ. Въ самомъ дѣлѣ, блистательныя дѣйствія его въ Вестро-ботнии, и совсѣмъ неожиданныя Шведами победы Русскихъ при Севарѣ и Ратанѣ, мигомъ рѣшили недоумѣніе стокгольмскаго двора. Баронъ Стедингъ получилъ повелѣніе подписать миръ на условіяхъ, предложенныхъ Россіею.

Такъ кончились достопамятные походы 1808 и 1809 годовъ. Императоръ Александръ чрезвычайно высоко цѣнилъ, въ политическомъ отношеніи, обладаніе Финляндіей, несмотря на бѣдность и скудное народонаселеніе этого края. Дѣйствительно, пріобрѣтенное Россіей владѣніе, огражденное съ одной стороны Свеаборгомъ и другими крѣпостями и обезпеченное положеніемъ Аландскихъ Острововъ, весьма важнымъ для морской силы, съ другой окруженное Ботническимъ Заливомъ и большими рѣками Торнео и Муонио, составило самую твердую ограду отечества. Владѣя всеми портами и пристанями въ Финскомъ Заливѣ, на Аландскихъ Островахъ и во всей восточной части Ботническаго Залива до Торнео, въ странѣ обитаемой народомъ трудолюбивымъ, воинственнымъ, привыкшимъ къ мореходной промышленности, русская торговля получила большее развитіе, купеческое мореплаваніе новую дѣятельность, флотъ новыя силы, армія приращеніе въ храбрыхъ воинахъ. А главное, обезопасенъ Петербургъ:

доказательствомъ этого служитъ отечественная война 1812 года. Швеція непременно присоединилась бы къ Наполеону, если бы Финляндія не была у ней завоевана прежде нашествія его на Россію.

Мы изложили цѣль этихъ происшествій очень сокращенно. Книга генерала Данилевскаго заключаетъ въ себя болѣе пяти сотъ страницъ, и сначала до конца оживлена тѣмъ невыразимымъ интересомъ, который онъ всегда умѣетъ придать своимъ свѣтлымъ, живымъ, драматическимъ описаніямъ кампаній, и который составляетъ печать истиннаго таланта. Тѣ, которые еще ее не читали, должны прочесть непременно.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ИЮНЬ, 1841.

НОВЫЕ КНИГИ И БРОШЮРЫ.

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ. *Издание книгопродавца А. Смирдина. Томъ второй. СПб.-бургъ, въ тип. Бородина, 1841, въ-8, стр. 696, съ десятью гравированными на стали портретами и десятью картинками.*

Долго ждалъ Смирдинъ, долго терпѣлъ онъ отъ несправности англійскихъ гравировъ, которые были заманы портреты и картинки для этого великолѣпнаго тома; но, зато, онъ теперь имѣеть удовольствіе выдавать многочисленнымъ покупателямъ перваго тома второй томъ, столь же достойный своего предшественника.

Литературное достоинство въ такой дѣлѣ — дело второстепенное, но и оно не упущено изъ виду: этотъ второй томъ, такъ же какъ первый, составленъ изъ статей, совершенно достойныхъ такъ имени, который подъ нимъ подписаны. Неутѣный *Smirdin*, какъ это называютъ въ англійскихъ журналахъ, выполнилъ и эту обязанность на себя обязанность блистательнымъ образомъ.

Это такъ пріятно видѣть, что, въ нынѣшнее бесплодное время, не будъ удивительнаго Кукольникова романа, не будъ этой чудесной «Эвелины», которая теперь такъ воскищаетъ публику, мы не знали бы даже, существуетъ ли еще наша язвическая словесность.

Первая статья принадлежит, нынче уже покойному, Александру Семеновичу Шишкову. Оправдывая Монтанезо выраженіе, что «молодость смотритъ впередъ, а старость назадъ», маститый президентъ Русской Академіи увлекся воспоминаніями про былое и рассказалъ, своимъ обыкновеннымъ слогаомъ, какъ его старинный пріятель, Сергей Лаврентіевичъ Львовъ, былъ укушенъ паукою въ царствованіе императрицы Екатерины, и леталъ съ Гарреномъ на аэростатъ въ царствованіе Александра. Последний достопамятный подвигъ Львова, по словамъ автора, былъ предпринятъ съ намѣреніемъ обратить на себя милостивое вниманіе Государя, но дѣло кончилось только эпиграмами:

«Генераль Львовъ
Леталъ до облаковъ,
Просить боговъ
О заплатъ за него долговъ.»

По словамъ автора, Сергей Лаврентіевичъ Львовъ считался большимъ острякомъ въ свое время. Однажды, въ разговоръ о службѣ его подъ начальствомъ Суворова въ Австріи, кто-то спросилъ, храбро ли Австрійцы дерутся съ Турками. «О! прехрабро! отвѣчалъ Львовъ. Разъ случилось сраженіе въ лѣсу, и одинъ изъ нихъ закричалъ товарищамъ: — Эй, братцы! я поймалъ Турка. — Ну, хорошо! отвѣчаютъ ть: веди его къ намъ. — Да онъ нейдетъ! — Ну, такъ ты самъ поди сюда. — Да онъ не пускаетъ!»

Къ статьѣ приложена картинка Карла Павловича Брюлова. На ней представлена императрица Екатерина, сидящая передъ зеркаломъ въ кругу придворныхъ вельможъ.

За этой статьѣю слѣдуетъ одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній другаго Мастора русской словесности, Мины Андреевича Крылова. Въ ясный вечеръ долгой и ослепительной жизни, геній великаго баснописца окинулъ еще разъ взглядомъ нашу литературу, улыбнулся, и бросилъ ей предоступную притчу:

КУКУШКА И ПЯТУХЪ.

«Какъ, милый Пятушокъ, поешь ты громко, ваще!
— А ты, Кукушечка, мой оветъ,
Какъ тавешь плавно и протажо!

... а вывостъ пишу у востъ шкой востыцы вить!
 Ты, мой шумецъ, вѣкъ сидеть я востона!
 — А ты, красавица, божусь,
 Дидь-только замолчишь, то жду я, не дождусь.
 Чтобъ начала ты снова!....
 Отколь такой берется голосокъ?....
 И чисть, и иженъ, и высокъ!....
 Да вы ужь родомъ такъ : собою не велички,
 А иженъ... что твоей соловей!
 — Спасибо, кумъ. Зато, по совѣсти моей,
 Поешь ты лучше райской втлочки!
 — На всѣхъ ссылаюсь въ атомъ я,
 Тутъ воробей, случась, примолвилъ мнѣ : друзья!
 Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
 Все ваша музыка плоха!

—
 За что же, не боюсь грѣха,
 Кукушка хвалить мѣтуха?....
 Зато, что хвалить овъ кукушку!»

Надобно непременно видѣть, послѣ этой басни, премилую, презлую картинку, которая къ ней приложена. Мысль умнаго поэта очень забавно выражена умнымъ карандашомъ господина Степанова и придастъ ей новую занимательность.

Послѣ басни, мы имѣемъ «Официальный объѣдъ», рассказъ Загоскина. Дѣйствіе происходитъ въ уздномъ городѣ, и дѣйствующія лица — пресмышнія лица; подобныхъ сдѣлать никто лучше Загоскина не умѣетъ у насъ рассказывать.

За этой статьей слѣдуетъ повѣсть Ѳ. В. Булгарина, въ которой также главная сцена — объѣдъ. Она называется «Побѣда отъ объѣда», и авторъ старался выразить въ ней духъ прошлаго вѣка. Уже изъ однихъ надписей главъ брызжетъ его обыкновенное остроуміе: «Человѣчество четырнадцатаго класса», «Нуль съ душою и бездушная цифра», «Рикометы, или смѣхъ и горе», «Планы и надежды безнадежнаго», «Заря счастья на блюде»: Конечъ всему дѣлу вѣнецъ». Читатели этого журнала знаютъ, что, каковы бы ни были его внутреннія достоинства, всё-таки имѣетъ онъ одно достоинство, которое состоитъ въ томъ, что онъ не принадлежить къ широтамъ въ мнѣніяхъ своихъ о дѣрба-

нихъ писателей : о немъ эти однажды отозвался съ по-
крешнею похвалою, въ конѣ однажды призналъ и уважилъ
талантъ, тому всегда зналъ цѣну, оказывая уваженіе къ
его имени, quand même! Журналъ этотъ, въ давнопрошед-
шіе годы, неоднократно отдавалъ справедливость остроу-
мію, таланту и заслугамъ господина Булгарина въ нашей
литературѣ, и теперь еще отдаетъ ее такъ же охотно какъ и
тогда. Онъ даже думаетъ, что тѣ изъ журналовъ, которые
такъ страстно и съ такимъ ожесточеніемъ унижаютъ его да-
рованія, труды и заслуги, унижаютъ только самихъ себя. Они
исчезнутъ, а господинъ Булгаринъ всё-таки останется въ
литературѣ и въ рукахъ читателей. Зачѣмъ не быть справед-
ливымъ ? это такъ легко, при отсутствіи зависти !.... Новая
повѣсть господина Булгарина, по мнѣнію нашему, понравит-
ся всѣмъ читателямъ, и всякой изъ нихъ конечно скажетъ:
жаль, что господинъ Булгаринъ иногда, по страсти, пишетъ
такія вещи, которыя никому не могутъ нравиться !....

Послѣ «Побѣды отъ объѣда» господинъ Массальскій разска-
залъ по-обыкновенію о русской старинѣ, и по-обыкновенію
очень занимательно, а господинъ Вельтманъ и до-сихъ-поръ
продолжаетъ вспоминать о Молдавіи. Онъ вспоминаетъ
просто и пріятно, но у него, знаете, есть свой конекъ, — пре-
тензія на оригинальность, — достоинство чрезвычайно труд-
ное къ достиженію съ помощію Молдавіи, особенно когда
уже въ сотый разъ потчиваютъ ею читателей. Ну, теперь
ужъ довольно Молдавіи : нельзя ли перейти въ Валахію?

Господинъ Надеждинъ тоже вспоминаетъ, и всё о своемъ
путешествіи за границу. Въ этотъ разъ онъ вспомнилъ объ
исторіи, которую слышалъ въ Италіи. Исторія очень не-
дурна, и разсказана занимательно, несмотря что авторъ, въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ, приостанавливаетъ движеніе дѣйствій
лишними тирадами.

П. П. Каменскій написалъ повѣсть «Іаковъ Молѣ». Дѣло
идетъ объ истребленіи ордена Тамплиеровъ, правивше
Темплиаріакъ, при королѣ Филіппѣ IV. Въ этомъ историче-
скомъ разсказѣ много интересу, повѣсть читается съ боль-
шимъ удовольствіемъ, и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что авторъ
обладаетъ прекраснымъ, неподдѣльнымъ талантомъ, силь-
нымъ чувствомъ, даромъ портретировать вродствъ: во...

словъ и словъ!... Ради декоративности! нельзя ли наконецъ отказаться отъ этой напыщенности, отъ этого высокаго слогу, отъ этой вышедшей изъ моды риторики? Вѣдь это — настоящій эмсокий слогъ! Не риторика ли, напримеръ, такое начало?

«Золотой пеленой легли лучи заходящаго солнца на вершину Сіона.

«Но ни зрѣлище отходящаго свѣтила небеснаго, ни видъ торжественной горы Сіона, ни свѣжесть вечерняго воздуха, ничто не вызвало сына племени Іудова изъ душевныхъ стѣнъ его жилища.

«Съ жадностью очи Малха смотрѣли на золото, обманомъ и хитростію добытое: то была лхва съ нищаго пилигрима; бѣдѣвка крестовосца; то были ядовитые плоды кровавой платы, тридцати сребренниковъ, перращенные корыстью отверженнаго молока.

«Злато пересыпалось въ рукахъ Малха, блистало мертвыми блескомъ и въ кучкахъ ложилось на раскннутой полѣ его одежды.»

Такимъ слогомъ написана почти вся повесть. Иногда только авторъ, утомленный усиленными раздувать свои фразы, обращается къ простотѣ: но это *иногда* и доказываетъ, что онъ могъ бы писать просто; и потому не понятно, какой лежонъ прельщаетъ его этимъ «златомъ» напыщенности, этимъ удовольствіемъ дѣлать изъ всякой мысли своей, часто стройной и граціозной какъ нимфа, матушку-купчиху, подъ жирными прелестями которой ломаются балки. Какъ бы хорошъ былъ «Яковъ Молѣ, если бъ онъ былъ написанъ натурально!... Ну, теперь ужъ довольно высокимъ слогомъ: нельзя ли, такъ, запросто безъ церемоній?... Вѣдь мы все здѣсь — свои!

Въ разсказъ господина Панаева, «Приспѣвіе 1812 года», сюжетъ взятъ изъ отечественной войны, и одушевленъ чувствами патріотизма.

Книга замочается повестью покойнаго Верекича: и вотъ где торжественно оправдывается заглавіе послѣдней главы: новость господина Булгарина — «Хорошій конецъ весну дедушницъ!» Александръ Филипповичъ Смирдинъ не могъ безбѣднѣе окончить втораго тома «Сва русскихъ литераторовъ» какъ этимъ простымъ, живымъ, трогательнымъ

разсказомъ Веревкина, «Любовь петербургской барыни». Тутъ есть, и умъ, и вкусъ, и острога, и изящество изреченій, и поэзія, и истинно художественная отдача ереси: и при всемъ томъ какъ это просто! Слеза на глазахъ, улыбка на губахъ, грусть и удовольствіе въ сердцѣ, не оставляютъ читателя во все продолженіе этой прелестной «предсмертной» повѣсти молодого писателя.

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНІЯ ПЕТРА СТЕПАНОВИЧА СЫНА СТОЛБЕКОВА, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVIII вѣка. Сочиненіе Основьяненка. Часть первая. СПб.-бургъ, въ тип. Фишера, 1841, въ-8., стр. 184.

Кто хочетъ прочитать романъ господина Основьяненка, и сказать мнѣ, что въ немъ заключается?..... потому что я, послѣ послѣдняго его романа, далъ себѣ слово не читать болѣе твореній этого изящнаго писателя. Ну, кто хочетъ?... Никто.... Я, право, не знаю, что дѣлать!

Такъ подождемъ второй части, и тогда мы поговоримъ объ этомъ романѣ: можетъ-быть, найдется между-тѣмъ челевѣкъ, одаренный высокимъ чувствомъ саможертвованія, который согласится прочитать его.

МОЗАИСТЫ, сочиненіе Ж. Занда, перевелъ Михаилъ Р***. СПб.-бургъ, въ тип. Карла Крайя, 1841, въ-12, стр. 224.

«Ты упрекаешь меня, мой милый, что я всё разсказываю такія повѣсти, которыя печально оканчиваются, или такія длинныя исторіи, что ты засыпашь, не прочитавши и половины.»

— Да! ma chère madame d'Udevant, я рѣшительно засыпаю съ нѣкотораго времени вполонинѣ вашихъ длинныхъ исторій! Это можетъ-быть не вѣжливо сказать вамъ, но, что же дѣлать, у меня такая натура: лишь-только возьму въ руки книгу, наполненную общими мѣстами или высокопарной бессмыслицей, неестественными эффеентами или соизнанми, я тотчасъ засыпаю! И теперь отъ первыхъ осьмидесяти страницъ вашихъ «Мозаистовъ» мнѣ такъ хочется спать, что.... прощайте!.... спокойной ночи!.... я уже сплю, сожалѣя, во всякомъ случаѣ, что господина Михайла Р***, переводчика, какъ видно, не безъ таланта,

не обратили своего вниманія на что-нибудь особеннаго въ этой длинной и вѣлой исторіи.

ОТБЛЕСКИ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МИНИАТЮРЬ. Съ четырнадцатью литографированными картинками. Сп.-бургъ, въ тип. Греча, 1841, стр. 99.

Это книжка такого рода, что прежде всего надобно взять англійскій футъ, и измѣрить ее: три дюйма съ половиной въ длину, два и три четверти въ ширину. Такой книжки я сроду не видывалъ! И надобно еще случится, что мой экземпляръ оклеенъ алымъ гроднапемъ. Въ этомъ нарядѣ, онъ страхъ походитъ на божью коровку. Но вѣдь это — «Отблески Петербурга въ миниатюрѣ»: следовательно и книжка должна быть миниатюрная. Подъ алою гроднаплевою оберткою — листокъ цвѣту *vert-de-gris*; потомъ бѣлая страница; потомъ картинки, или, правильнѣе, «картиночки», и не совсѣмъ дурныя. Далѣе начинается текстъ книжки. Это письмо какаго-то Саши, котораго паненька привезъ изъ Твери въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ, в который пишетъ къ своей сестрицѣ изъ Петербурга въ Тверь, какъ онъ пріѣхалъ, гдѣ былъ и что видѣлъ. Саша — человекъ преученный, знаетъ все техническіе термины, судить обо всемъ какъ старшій наблюдатель, и говоритъ съ важностію Аристарха.

Мы осмотрѣли въ подробностяхъ строящійся Исаіевскій Соборъ, который до сихъ поръ я видѣлъ только мимоходомъ. Большая часть ея уже окончена, такъ что можно судить о величественномъ видѣ этого аданія, одного изъ величайшихъ въ цѣломъ мірѣ. Храмъ украшенъ съ четырехъ сторонъ портиками, съ гранитными колоннами, единственными въ свѣтъ по величаву; стѣны заложены сверху сарма мраморомъ; главный куполъ обвесенъ также гранитною колоннадою; теперь строятся четыре малые купола, и вроеся бронзовая крыша главнаго купола. Говорятъ, что къ фронтонамъ заготовляются прекрасныя бронзовые барельефы.

Шорокъ былъ сильнѣйшій, и притомъ съ пронзительнымъ вѣтромъ, такъ что мы не могли часто останавливаться и все разглядывать. При этомъ же случивъ мы осмотрѣли единственный въ своемъ родѣ памятникъ Петра Великаго, извѣстный тебѣ по картинкамъ, которыя одна же даюць о красотѣ этого монумента весьма слабое понятіе: величественнаго статуя Петра не могу себя представить ничего.

Самая потеха бываетъ въ театры и на гулянья, тамъ же объ игрѣ Асенковой, хвалятъ или бранятъ создателя, восхищенъ искусствомъ Таллиони, прѣняется ея гранціей, утверждаетъ, что Легать есть «главный изъ всѣхъ площадныхъ знаменитостей», и прочая, и прочая. Во всемъ этомъ нечего читать ни маленькимъ ни большимъ дѣтямъ.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ КУКЛЫ. *Повѣсти для маленькихъ дѣвушекъ, взятая съ французскаго* Б. К. Е. Самогоровъшъ. *СП.-бургъ, въ тип. Бородина, 1841., въ-12., стр. 157.*

Господинъ Б. К. Е. Самогоровъ «взялъ съ французскаго» эти повѣсти «для маленькихъ дѣвушекъ»: если я не ошибусь, то «маленькія дѣвушки» должны быть двоюччичи? Книжка начинается тѣмъ, что госпожа Карелина, съ дочерью своею Аннушкой и тремя Аннушкиными пріятельницами, на-пикнутъ празднику вербнаго воскресенія, бесѣдуютъ о подаркахъ, которые получаютъ вавтра въ эти дѣлочки. Всѣ онѣ напередъ знаютъ назначенные себѣ подарки: одна была Аннушка не знаетъ, что ей подарятъ. Наконецъ госпожа Карелина, по неотступному убѣжденію Аннушки, объявляетъ, что она принасла своей дочери книжку. — Какую книжку? — Госпожа Карелина не сказываетъ. — Кто ее написалъ? — Госпожа Карелина таинственно отвѣчаетъ, что Аннушка узнаетъ послѣ. — «Бьюсь объ закладъ», говоритъ Аннушка: бьюсь объ закладъ, что вы сами ее написали, и потому не хотите сказать именно автора, *ИБО* въ прошедшіе годы вы никогда ни скрывали имени создателя. — Послѣ этого великолѣпнаго *ибо*, госпожа Карелина принуждена разорвать завѣсу тайны и признаться, что она принасла для Аннушки книжку, которую господинъ Б. К. Е. Самогоровъ «взялъ» съ французскаго, потому что это самая умная изъ всѣхъ возможныхъ книжекъ. Изданіе ужасное.

ИСТОРИЯ ЛѢСНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ. *Съ присовокупленіемъ очерка исторіи каравельныхъ лѣсовъ Россіи. Сочиненіе барона В. Врангеля. Издано по Высочайшему повелѣнію. СП.-бургъ, 1841, въ тип. Фишера, въ-8, стр. 152.*

До Петра Великаго, въ Россіи не существовало ни какого управленія по лѣсной части: важность ея въ государствѣ

ночь оттопленіи еще не была достигнута; предъ нами никакъ не подозревали, что можетъ наступить время, когда Россія будетъ нуждаться въ деревѣ, и съ-плеча валяли дручія чащи, которыя были покрыты многія мѣста ихъ отечества. Петръ Великій, создавая флотъ и столицу, строилъ новыя зданія и прокладывая дороги, первый почувствовалъ необходимость завести особенный надзоръ за лѣсами. Спѣша каждый свой планъ сопровождать исполненіемъ, онъ не замедлилъ привести и эту важную мысль въ дѣло. Прежде всего было обращено вниманіе на губерніи, прилежащія къ петербургской; потомъ, и на всю имперію: изданіе въ 1722 году *Оберъ-вальдмейстерской инструкціи* положило начало систематическому управленію по лѣсной части во всемъ государствѣ. Этой инструкціей, и дополненіемъ къ ней, вся лѣса въ Россіи были раздѣлены на *заповѣдныя* и *незаповѣдныя*. Къ заповѣднымъ причислялись дубъ, вязъ, ильмъ, ясень, сосна толще двѣнадцати вершковъ въ комлѣ, и прочая. Ихъ запрещалось рубить по системамъ рѣкъ Волги, Оки, Дона, Днѣпра, Западной Двины, Ладожскаго Озера и Ильменя, на пространствахъ, отъ большихъ рѣкъ, пятидесяти, а отъ малыхъ, двадцати верствъ, въ чьихъ бы дачахъ ни росли эти деревья. Для завѣдыванія всею лѣсною частью былъ назначенъ *оберъ-вальдмейстеръ*, состоявшій въ зависимости отъ адмиралтействъ-коллегіи, а подъ нимъ находились *вальдмейстеры*, имѣвшіе непосредственный надзоръ за лѣсами. Нарушенія *оберъ-вальдмейстерской* инструкціи влекли за собой строгія наказанія: за каждый самовольно срубленный пень взыскивалось пять рублей штрафа; за умышленный поджогъ лѣсу определена была смерть, а *вальдмейстеры* и надсмотрщики, уличенные въ преступленіи или въ потворствѣ, наказывались вырѣзываніемъ ноздрей и ссылкой на каторгу. Но, какъ ни полезно было для Россіи это новое узаконеніе, въ практикѣ оно оказалось очень стѣснительнымъ. По обширности пространствахъ, на которыхъ запрещалась порубка лѣсу, въ Россіи почти совсѣмъ не оставалось *незаповѣдныхъ* лѣсовъ. Сверхъ-того въ многихъ мѣстахъ не было ни какой возможности доставлять деревья въ адмиралтейства, и следовательно запрещеніе тамъ не приносило ни какой

посланы. Наконецъ, въ Петровой системѣ управленія лѣсами была и вредная сторона : чиновники получали жалованья лишь штрафныхъ денегъ, а это давало имъ поводъ къ несправедливымъ штрафованіямъ и придирамъ, не говоря уже объ убыткахъ и затрудненіяхъ, которые они дѣлали жителямъ проволочкою при отводѣ лѣсовъ на срубку. Все эти неудобства обратили на себя вниманіе правительства, и, въ царствованіе Екатерины Первой, вышла новая инструкция, которою пространство заповѣдныхъ лѣсовъ было уменьшено, вальдмейстеры и вальдмейстерскія конторы уничтожены, а надзоръ за лѣсами ввѣренъ воеводамъ и губернаторамъ, подъ главнымъ начальствомъ адмиралтействъ-коллегии. Этотъ новый порядокъ также оказался неудобнымъ : при разсмотрѣніи лѣсныхъ описей увидѣли, что въ заповѣдныхъ лѣсахъ меньше годныхъ деревьевъ чѣмъ въ незаповѣдныхъ, а между-тѣмъ вновь заведенное управленіе, воеводы и губернаторы, подало поводъ еще къ большимъ злоупотребленіямъ. По этой причинѣ императрица Анна, въ 1730^{мъ} году, возстановила оберъ-вальдмейстерскую инструкцію Петра Перваго и притомъ увеличила наказанія за самовольную порубку деревьевъ : по ея указу, виновный подвергался, въ первый разъ штрафу десяти рублей за каждое дерево, во второй штрафу сорока рублей за каждое дерево, а въ третій кнуту и каторжной работѣ на десять лѣтъ. Этотъ же періодъ времени ознаменованъ и первыми попытками мѣръ къ воспитанію и размноженію полезныхъ лѣсовъ въ Россіи. Для этого были выписаны ученые германскіе форштмейстеры, считавшіеся людьми, сведущими въ лѣсномъ хозяйствѣ. Имъ было поручено примѣнять правила науки къ дѣлу и распространять ихъ въ народъ. Но благая цѣль и тутъ не была достигнута : германскіе форштмейстеры пріѣхали къ намъ съ своей теоріей, выведенной изъ наблюденій надъ германскими лѣсами, и когда эту теорію начали обращать въ законъ для лѣсовъ русскихъ, то на новѣрку вышло, что ученость ихъ годится только для Германіи, или вовсе никуда не годится.

Въ царствованіе Екатерины Второй взглядъ правительства на лѣсную часть совсѣмъ измѣнился. До тѣхъ поръ цѣлью заботъ была цѣльва одного флота; теперь, напротивъ, опредѣлили, что для флота довольно собирать пи-

тую часть казенныхъ лѣсовъ : остальные четыре части обратили въ пользу общей казны государства, и начали изъ нихъ извлекать доходы. Такимъ образомъ въ лѣсномъ управленіи обнаружилось преобладаніе финансовой цѣли, и оно вообще приняло видъ болѣе сообразный съ возрастающимъ просвѣщеніемъ и съ развитіемъ государственной жизни. Въ отношеніи къ частнымъ лѣсамъ теперь было допущено полное и исключительное пользованіе по праву владельцевъ. Императоръ Павелъ обратилъ вниманіе на управленіе лѣсной частью, и, между другими полезными распоряженіями, учредилъ въ 1798 году лѣсной департаментъ, который былъ подчиненъ адмиралтействъ-коллегии, а потомъ, въ 1802 году, съ учрежденіемъ министерствъ, вошелъ въ составъ министерства финансовъ. Со всемъ тѣмъ въ управленіи лѣсами было еще одно весьма важное неудобство : всѣ вообще лѣса, корабельные и не-корабельные, подлежали одному и тому же начальству, тогда какъ они имѣютъ два совершенно разныя назначенія. Наконецъ, въ 1828 году, учрежденъ департаментъ корабельныхъ лѣсовъ, составляющій часть морскаго министерства. Тогда двѣ отрасли государственнаго управленія, не имѣющія ни какой связи между собою, раздѣлились : корабельные лѣса вверены по-принадлежности морскому министру, а прочіе остались въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, и оттуда въ 1837 году перешли во вновь учрежденное министерство государственныхъ имуществъ.

Книга барона Врангеля написана дѣльно, основательно и ясно. О пользѣ ея говорить нечего.

==

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Берлинѣ учреждается особенный журналъ, посвященный исключительно Россіи, подъ заглавіемъ «*Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, herausgegeben von A. Ergat.*» Господа Риттеръ, Шоттъ и Фарнгагенъ-Энзе — главные его сотрудники. Обширность земель и разнообразіе племенъ, составляющихъ колоссальную Россійскую Имперію. Быстрые успѣхи, которые отечество наше оказало и продолжаетъ оказывать по всемъ частямъ наукъ, словесности, искусствъ, и промышленности, важныя открытія, сдѣланныя въ послѣдніе годы нашими учеными, ежедневно возбуждаютъ въ иностранцахъ болѣе и болѣе желанія короче знакомиться съ Россіей. Съ другой стороны ложныя понятія, которыя они получаютъ объ ней черезъ путешественниковъ и газетныхъ корреспондентовъ, требуютъ необходимаго противодѣйствія извѣстій точныхъ и основательныхъ. Это подало мысль къ основанію въ Берлинѣ новаго журнала, который, при обоюдномъ содѣйствіи германскихъ и русскихъ ученыхъ, вполне соответствовалъ бы этимъ двумъ цѣлямъ и былъ ученымъ органомъ Россіи. Онъ будетъ состоятъ изъ разборовъ примѣчательнѣйшихъ русскихъ книгъ, изъ переводовъ любопытнѣйшихъ статей, появляющихся въ нашихъ журналахъ, и изъ оригинальныхъ разсужденій о разныхъ предметахъ, касающихся Россіи: тѣ изъ русскихъ, которые пожелали бы помѣщать въ немъ труды свои объ отечественной исторіи или различныхъ вопросахъ точныхъ и естественныхъ наукъ, художествъ, промышленности, торговли, новыхъ открытій, и такъ далѣе, могутъ препровождать ихъ въ канцелярію господина министра финансовъ, которая будетъ отправлять ихъ въ Берлинъ. Журналъ будетъ состоятъ изъ четырехъ отдѣленій: I. Физическія и математическія науки; II. Исторія. III. Промышленность и торговля. IV. Общіе литературные предметы. Изданіе будетъ трехъ-мѣсячное; книжки должны заключать въ себя отъ десяти до двадцати печатныхъ листовъ, съ картами и рисунками. Подписная цѣна на весь годъ, за четыре книжки, 5 $\frac{1}{3}$ прусскихъ талеровъ на-мѣсть. Подписываться можно въ газетныхъ экспедиціяхъ почтамтовъ или у книгопродавцевъ, торгующихъ иностранными книгами.

1841.

НОВЫЯ КНИГА.

СТИХОТВОРЕНІЯ Льва Ибрагимова. Казань, въ тип. Университетской, 1841, въ-8., стр. 58.

Поэты!.... гдѣ ихъ нѣтъ!.... и гдѣ оннестъ?.... И, увѣ! оба эти восклицанія такъ справедливы, что, произнесши ихъ, и говорить нечего. Но, какъ бы то ни было, если, при всемъ множествѣ поэтовъ, кое-гдѣ ихъ нѣтъ, зато другія земли могутъ быть счастливѣе нашей. Въ далекой сторонѣ, на краю вселенной, у рифейскихъ утесовъ, въ Великихъ Болгарахъ, гдѣ люди ходятъ въ сапогахъ, есть дѣйствительно одинъ поэтъ, при всемъ множествѣ тамъ поэтовъ. Онъ шумитъ какъ Волга, звенитъ какъ колокольчикъ, поетъ какъ жаворонокъ, порхаетъ какъ кузнечикъ, живетъ въ зарѣ, играетъ съ радугой, спускается на землю по лучу, пьетъ медъ изъ *золотыхъ* чашечекъ цвѣтовъ, пьетъ любовь изъ «очей дѣвъ *младыхъ*», поэзію же пьетъ онъ изъ Пушкина. Господинъ Ибрагимовъ, увѣрю васъ — поэтъ прензрядный! Это собраніе его стиховъ читается быстро и съ удовольствіемъ, несмотря что стихи уже не читаются.

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

«Подъ окошкомъ сижу,
И въ окошко гляжу
Вдаль съ тоскою.
Тройка скачетъ, летитъ,

Г. XLVII. — Отъ. VI.

3

Колокольчикъ звенить
 Подъ дугою.
 Не звени, не гуди,
 Мою грусть не буди,
 Колокольчикъ!
 Ты не радостью мнѣ
 На чужой сторонѣ
 Завываешь;
 Ты печаль лишь одну
 И родную страну
 Вспоминаешь!...
 Помню я, — ты звенѣлъ,
 Какъ я къ милымъ лѣтѣлъ
 Въ край родимый!
 Скоро ль вновь зазвенишь?...
 Скоро ль ты полетишь,
 Мое сердце,
 Въ ту страну, гдѣ опять
 Такъ готова обнять
 Тебя радость?...»

Впрочемъ талантъ господина Ибрагимова извѣстенъ читателямъ этого журнала. Для одной изъ его прелестныхъ русскихъ пѣсней, *Ты душа ль моя, красна дѣвица*, некогда здѣсь напечатанной, Николай Ивановичъ Бахметевъ сочинилъ восхитительную мелодію, и эта пѣсня, какъ извѣстно, теперь въ большой модѣ въ петербургскихъ гостиныхъ.

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.
Часть четвертая. Сп.-бургъ, 1844, въ тип. Императорской Россійской Академіи, въ-8, стр. 197.

Это послѣдній плодъ того достопочтеннаго, маститаго направленія, которое такъ долго и такъ усердно сообщалъ Россійской Академіи покойный президентъ ея, Александръ Семеновичъ Шишковъ. Четвертая часть «Трудовъ» состоитъ изъ восьми статей. Три изъ нихъ принадлежатъ изящному и остроумному перу знаменитаго Б. М. Федорова, и одна изъ этихъ трехъ статей — «Жизнеописаніе Ломоносова», которое русскіе читатели хорошо знаютъ изъ другихъ источниковъ, а двѣ — стихотворенія. Эти стихотворенія блестятъ той неподражаемою

и удивительно полезною поэзіей, съ которою публика давно уже познакомилась въ разныхъ детскихъ твореніяхъ Б. М. Фадорова. Одно изъ нихъ научаетъ, что не все люди видятъ одно и то же, но иной видитъ больше, а иной меньше:

«Одинъ здѣсь видитъ домъ свой, садъ,
Другой, достигнувъ возвышенья,
Объемлетъ взоромъ целый градъ,
.....
Иной же съ горныхъ вершинъ
Зрѣтъ область всю, взоръ въ даль простра,
.....
Иной же выше востекаетъ
.....
Еще иной.....»

И такъ далѣе.

Изъ пяти остальныхъ статей, одна «О языкѣ жившихъ некогда въ Мекленбургѣи Ободритскихъ Вендовъ», переведена съ нѣмецкаго; другая, самая значительная, составлена изъ перепечатанія вышедшей въ 1836 году брошюры В. М. Перовщикова, «О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ», съ весьма незначительными измѣненіями, сдѣланными самимъ авторомъ; третья — коротенькое «Мнѣніе о сочиненіи господина Данковскаго, *Грамматика всѣхъ словенскихъ и греческихъ нарѣчій*», В. М. Перовщикова и А. Х. Востокова. Сочинители этой статейки совершенно согласны съ мнѣніемъ господина Данковскаго, что языки греческій и словенскій суть родные братья, но никакъ не могутъ согласиться съ нимъ въ томъ, чтобы словенскій языкъ былъ отцомъ языка греческаго, потому что исторія народовъ греческаго и словенскаго, по ихъ убѣжденію, довольно известна имъ отъ самой глубокой древности. Въ такомъ случаѣ, должно искренно сожалѣть, что сочинители статейки ужъ не потрудились указать тутъ же на источники, изъ которыхъ мы тоже могли бы узнать исторію народовъ греческаго и словенскаго отъ самой глубокой древности. Имя и исторію славянскаго, или словенскаго, народа мы знаемъ только отъ шестатаго столѣтія по Рождеству Христову. Исторія и имя греческаго народа становятся извѣстными намъ только отъ того времени, когда Эллины уже об-

ладяютъ и мѣстномъ своихъ собственныхъ городовъ въ Греціи, на ея островахъ и берегахъ Малой Азіи, долго снустяжались истребленія тамъ владычества Пелазговъ; когда они уже имѣютъ флоты, промышленность, торговлю и ученую музыкальную поэзію. Но когда и откуда пришли Эллины въ Грецію, этого никто не знаетъ. Известно только, что они пришли туда *съ сѣвера*; а гдѣ жили они на сѣверѣ, что тамъ дѣлали, отъ какого племени происходили, какъ имъ приводились *Словене*, какъ далеко или близко отъ нихъ обрѣтались, все это покрыто для насъ непроницаемымъ мракомъ. Касательно *роднаго братства* между языками греческимъ и словенскимъ, ученые сочинители статейки такъ же ошибаются, какъ и въ томъ, что они говорятъ объ исторіи и языкахъ вообще. Филологически можно доказать, что древняя Европа занята была нѣкогда преимущественно двумя группами родственныхъ первобытныхъ поколѣній: языки одной изъ этихъ группъ отличались общими окончаніями на *os, us, as, si, es*, языки другой общими окончаніями на *or, ur, ar, ir, er*: къ первой группѣ относились языки Эллиновъ, Латиновъ, Литвиновъ, Пруссовъ и другихъ нынче исчезнувшихъ народовъ; ко второй языки Умбро Тусковъ, въ верхней Италіи, и, далѣе, Германцевъ, до самой Скандинавіи. Эти общія окончанія — ихъ коренная характеристика; она не повторяется нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ, и поэтому можетъ служить довольно хорошимъ руководствомъ при разборѣ происхожденія европейскихъ языковъ. Исторія ихъ потомъ намъ показываетъ, что чѣмъ болѣе смѣшивались между собою поколѣнія, тѣмъ болѣе языки ихъ, въ этихъ потрясеніяхъ, теряли свои общія окончанія, такъ, что языки безъ общихъ окончаній, каковы между прочимъ и славянскій, должны быть признаны, въ Европѣ, смѣсью языковъ множества различныхъ поколѣній, непрерывно сливавшихся въ новые политическіе народы въ переворотахъ, покрытыхъ нынче неизвѣстностью. Изъ устройства языка Эллиновъ мы ясно видимъ, что они первоначально принадлежали къ группѣ тѣхъ туземныхъ поколѣній Европы, которыхъ языки имѣли общія окончанія на *z*: одинъ обломокъ этой группы, вѣроятно выброшенный переворотами изъ общаго гнѣзда, изъ средней Европы, мы видимъ

и дошелъ на северъ, въ народахъ литовскомъ и прусскомъ; другой двинулся на югъ, и занялъ владѣнія Пеласговъ въ Греціи; третій основался въ Лацію въ средней Италиі. Языки изъ группы съ окончаніемъ на г исчезли въ верхней Италиі, но сохранились еще отчасти въ древнемъ отечествѣ Германцевъ и на Исландіи. Я можетъ быть родной братъ S, потому что тутъ по-крайней-мѣрѣ замѣтна одинаковая система, но языкъ славянскій, лишенный всякаго следа этой системы, вовсе не имѣетъ права браться съ ними. Все это значить, что славянскій языкъ не можетъ быть ни *отцомъ* ни *роднымъ братомъ* греческаго, а развѣ только его троюроднымъ племянникомъ. Но оставимъ эти вопросы. Томикъ оканчивается двумя статейками, изъготовленными, какъ кажется, для буквы *Д* Энциклопедическаго Лексикона почтеннымъ его главнымъ редакторомъ, Д. И. Языковымъ, *Дѣти болгарскіе* и *Дѣлки*.

ПРОКИ ИЗЪ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ ВѢТХАГО ЗАВѢТА, читанные воспитанникамъ *Института Корпуса Горныхъ Инженеровъ*, священникомъ Дмитріемъ Абрюцкимъ. *СП.-бургъ, 1840, въ тип. И. Россійской Академіи, въ 8., стр. 168.*

Самое заглавіе этой книги говоритъ о несомнѣнномъ ея достоинствѣ. Мы можемъ только прибавить, что она написана хорошимъ слогомъ и отличается яснымъ расположеніемъ и искуснымъ выборомъ событій, направленнымъ къ тому, чтобы впечатлѣть въ молодыхъ умахъ святыя истины вѣры, а въ сердцахъ посѣять сѣмена благочестія. Отецъ Дмитрій Абрюцкій, изданіемъ своей книги, сдѣлалъ важный подарокъ юношеству: это — одно изъ лучшихъ краткихъ руководствъ по части священной исторіи.

РАЗГОВОРЫ СЪ ДѢТЬМИ О ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. *СП.-бургъ, 1841, въ тип. императорской російской академіи, въ 12., стр. 156.*

О естественной исторіи? Мнѣ кажется, что если бы господа А. Фотонасьевъ разговаривалъ съ дѣтьми объ естественной исторіи, то это было бы гораздо пріятнѣе, и имъ, и грам-

взгляды. Данное сказано, что *слова вступают во взаимность*. Эта истина блистательно подтверждается «Разговорами съ дѣтми о естественной исторіи». Господинъ Афонасьевъ, рѣшившись поговорить съ дѣтми о млекопитающихъ, рассказываетъ имъ про собакъ, кошекъ, коровъ, барановъ, козы, рысей, и только : о прочихъ онъ не упоминаетъ ни пол-слова. Ну, да онъ того мнѣнія, что трудъ его «долженъ служить для дѣтей *вступленіемъ въ тотъ дивный и великолѣпный храмъ, который мы во всемъ природою*», а какъ собаки, кошки, коровы, бараны, козы цѣлси явственно составляютъ *предисловіе къ животному царству*, то все въ порядкѣ. Авторъ обещаетъ дать дѣтямъ десять такихъ же книжечекъ, «*приспособляя тонъ и языкъ приличный и сообразный съ назначенною (назначенною?) цѣлью*». Это намѣреніе, безспорно, дѣлаетъ ему великую честь; но зачѣмъ же, если онъ рѣшился «*приспособлять тонъ и языкъ приличный*», зачѣмъ онъ пишетъ такіа, напримеръ, фразы : «Такъ какъ вся породы животныхъ одарены свойственнымъ имъ (не себѣ ли?) *инстинктомъ*, и какъ каждое *недѣлимое*, въ своемъ родѣ, имѣетъ особенное врожденное свойство, болѣе или менѣе приспособленное къ его *организму* и развитое природою, или возмѣтаніемъ, то было бы несообразно требовать отъ всѣхъ животныхъ одного и того же.» Поймутъ ли тутъ что-нибудь дѣти? По-крайней-мѣрѣ, тѣ дѣти, съ которыми господинъ Афонасьевъ говорилъ о естественной исторіи, очевидно, ничего не поняли. При одномъ случаѣ, вполонинъ «Разговоровъ» о млекопитающихъ, какая-то дѣвочка наконецъ догадалась спросить, что же это такое — млекопитающее; но когда господинъ Афонасьевъ, въ отвѣтъ ей, пустился разсуждать объ *инстинктахъ, недѣлимыхъ, организмахъ*, и такъ далѣе, всѣ дѣти примолкли. А когда господинъ Афонасьевъ кончилъ свою ученую рѣчь, та же дѣвочка, не обративъ на нее вниманія, спросила, отчего у кошки глаза свѣтятся въ темнотѣ. Господинъ Афонасьевъ отвѣчалъ ей на это, что тутъ, вѣроятно, *участвуетъ электричество*. Это такъ озадачило дѣтей, что они совершенно отказались отъ желанія знать причину свѣченія кошачьихъ глазъ въ темнотѣ и завели рѣчь о другомъ. Евгенийъ, естественный испытатель не по лѣ-

тань, спросила, вѣдь въ лѣтъ, это великодушное животное, помещенъ въ одинъ родъ съ кошкою; Господинъ Афонасьевъ, приспособля тань и языкъ приличій, дѣлъ ему почувствовать, что классификація не удажна въ отношеніи дѣла. Тутъ все дѣти хотѣли спросить, что такое — классификація, но господинъ Афонасьевъ, не останавливаясь, продолжалъ, что она «основывается единственно по образованію зубовъ и костей *тѣхъ и другихъ*».

— Тѣхъ и другихъ? воскликнули дѣти. Мосей Афонасьевъ, да вы намъ не называли прежде ни *тѣхъ*, ни *другихъ*: о комъ же вы говорите?

Но господинъ Афонасьевъ не любитъ, чтобы его прерывали. Обращаясь къ естественному испытателю Евгению, онъ прибавилъ на-отрѣзъ:

— Впрочемъ, ты еще *такъ молодъ* что не можешь понять важности этихъ признаковъ, ХОТЯ *глубокое изученіе ихъ доставило безсмертіе Кювѣ*.

Этого хотя дѣти ни къ чему не могли «приспособить», и ранили между собою, что это должна быть бессмыслица, а между-тѣмъ господинъ Афонасьевъ продолжалъ:

— Въ наше время, благодаря этому знаменитому ученому, нѣтъ ни одного настоящаго натуралиста, который бы не могъ сказать съ увѣренностью: покажите мнѣ зубъ какаго хотите животнаго, и я вамъ выскажу всю исторію сего существа, хотя никогда не видалъ его.

— Мосей Афонасьевъ, спросила Лидія: а что за животное *Сей*?

Авторъ сталъ въ тупикъ.

— *Сей*, мой другъ, это.... это.... такъ сказать....

— Птица? подхватила Лидія.

— Какая птица! съ досадою воскликнулъ господинъ Афонасьевъ. Это.... это.... Постой, я тебѣ объясню примѣрами. Это.... примѣромъ сказать.... это....

Какъ ни «приспособлялся» господинъ Афонасьевъ «тонъ и языкъ приличный и соразбный съ назначенною цѣлю», онъ рѣшительно не могъ объяснить дѣтямъ, что такое «*Сей*».

— Впрочемъ ты еще тебѣ молода, сказала она, заключеніе, что не можешь понимать, что такое *Cей*, даже глубокое наученіе его доставило безсмертіе автору грамматики. Въ наше время нѣтъ ни одного грамматика, который бы не могъ сказать съ увѣренностью: «Покажите мнѣ каждаго хотите ребенка: я тотчасъ, съ помощью *Cей*, скажу вамъ, мальчикъ ли онъ, или дѣвочка.» Естественныиытатель можетъ затрудниться, грамматикъ никогда. Если къ ребенку можно приложить *Cей*, онъ торжественно говоритъ — это мальчикъ; если *Cія*, онъ говоритъ — это дѣвочка, никогда не ошибается.

— Такъ ты *Cей*, Евгенийъ? сказала Лидія съ удивленіемъ.

— А ты *Cія*, мой другъ, отвѣчалъ ей братецъ.

— Фи! Какое гадкое слово!.... вскричала дѣвочка. Я буду плакать!

— Не плачь, мой другъ, нѣжно промолвилъ господинъ Афонасьевъ: я тебѣ дамъ конфетовъ. А между-тѣмъ послушайте, дѣти, какія любопытныя вещи расскажу я вамъ о львахъ, приспособляя приличный тонъ и языкъ. «Звѣринные бои на аренахъ, бывшіе въ большой модѣ у Римлянъ, истребили на нашемъ материкѣ породу львовъ; потому проконсулы мало-по-малу извели ее и въ Азіи; они присылали этихъ животныхъ въ Римъ, гдѣ народъ только и спрашивалъ *rapem et circenses*.

Дѣти убѣжали къ маменькѣ, крича:

— Матапа! матапа! москѣ Афонасьевъ говоритъ съ нами по-чухонски!

— Москѣ Афонасьевъ, важно сказала госпожа Славская, вставая съ дивана: что вы это обижаете моихъ дѣтей?

— Я, сударыня! вскричалъ господинъ Афонасьевъ съ изумленіемъ: чѣмъ же я ихъ обижаю? Я говорю съ ними по-латыни! Я рассказывалъ имъ презабавную басню объ истребленіи львовъ Римлянами для своихъ игрницъ въ Европѣ, гдѣ львовъ тогда уже не было, и въ Азіи, гдѣ они есть и до-сихъ-поръ, приспособляя тонъ и языкъ совершенно приличный и сообразный съ назначенною целью. Если ваши дѣти не понимаютъ по-латыни, то, извините, я не могу разговаривать съ ними о естественной исторіи. Мое почтеніе, сударыня!

ОПИСАНІЕ ПАМЯТНИКОВЪ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи. Съ снимками съ рукописей. Составлено Сергіемъ Строевымъ. Москва, 1841, въ тип. Селенцовскаго, въ-8., стр. 171, снимковъ 7.

Въ послѣднихъ годахъ прошедшаго десяти-лѣтія явилась въ Австріи книга въ томъ же родѣ, подъ заглавіемъ Reise nach Italien, Палацкаго, въ двухъ частяхъ, въ-4. Какъ Богемецъ, господинъ Палацкій, при обозрѣніи библіотекъ южной Европы, обращалъ преимущественно вниманіе свое на рукописи, относящіяся къ исторіи Богеміи и народовъ сербскаго корня. Это сочиненіе чрезвычайно любопытно для славянскаго филолога, и если оно гораздо болѣе удовлетворяетъ ученаго читателя нежели то, которое теперь лежитъ передъ нами, зато трудъ покойнаго Сергія Строева, недавно изданный въ Москвѣ, заслуживаетъ особеннаго любопытства и благодарности соревнователей нашей отечественной исторіи.

Тогда какъ господинъ Палацкій производилъ свои славянскія изысканія въ италіянскихъ библіотекахъ, покойный Сергій Строевъ обозрѣвалъ съ русской стороны рѣдкости некоторыхъ библіотекъ Германіи и Франціи. Обозрѣніе это было болѣею частью очень поверхностно: по-крайней-мѣрѣ въ отмѣткахъ, оставленныхъ авторомъ, очень рѣдко встрѣчаются удовлетворительныя описанія и разборы виданныхъ рукописей. При всемъ томъ, и эти бѣглыя отмѣтки очень полезны, какъ первое основаніе другаго, болѣе тщательнаго, обозрѣнія будущими путешественниками, и другаго болѣе ученаго разбору тѣхъ же рукописей.

На славянскія рукописи, писанныя кирилловскимъ и глаголическимъ почерками, и хранящіяся въ Королевской Парижской Библіотекѣ, Французы часто смотрѣли какъ на книги восточныя: даже объ извѣстномъ ренскомъ славянскомъ евангеліи, на которомъ присягали при коронованіи французскіе короли отъ Франциска I до Людовика XVI, говорили, будто оно писано, одна половина на языкъ *восточномъ*, а другая на *индійскомъ*.

Покойный Сергій Строевъ осмотрѣлъ двадцать пять би-

блжтены. До его: наблденнмъ, болге прочнмъ облднмъ славянскнмъ румянскнмъ Каролевская въ Парнжъ, Каролевская въ Берннн, н Императорская въ Вннъ; нтеомъ монхевская, вольфенбюттельская н дреденевская. Рейсская замъчательна только свонмъ знаменатъмъ свонге. Дамъ, писаннмъ, до половины кнрнлловскнмн, а съ половины до конца глаголическнмн буквамн. Всъхъ рукопнсей, описаннхъ господнномъ Строевымъ, семьдесятъ двъ. Изъ ннхъ тридцать шесть духовнаго содержання: это — евангелн, цълнннн или въ частяхъ, жнтнн н дяннн апостолавъ, псалтырн, чети-мннен, н тому подобное; древнншнн изъ ннхъ относятся къ четырнадцатому столътню. Историческнхъ н статнстнческихъ рукопнсей семнадцать. Изъ числа нхъ, болге всего замъчательна вторая часть Воскресенской Лътоннн. Эта лътоннн была подарена патрнархомъ Ннкономъ Воскресенскому Монастырю, которнн онъ основалъ н въ которомъ жнлъ. Первая часть ея сохранилась, н нздана въ 1794 году здншнею академнєю наукъ, вторая потомъ найдена въ Сннодальной Бнблнотекъ; та же вторая часть открыта н господнномъ Строевымъ въ Парнжъ: она совершенно согласна съ сннодальной. Въ ней заключается описанне происшествнй со времени княженнн Юванна, сына Калнты, до Васнлн IV, то есть, съ 1364 по 1541 годъ. Замъчательны еще два экземпляръ лътонннн, относящейся къ исторнн Казанскаго Царства, одннъ въ бернннской, другой въ дреденевской бнблнотекахъ; описанне Снбнрн въ концъ семнадцатаго вька, съ повъствованнємъ о покореннн ея Ермакомъ, хранящееся въ бернннской бнблнотекъ; наконецъ степенннн н разрядннн книги. Прочнн суть грамматнкн, словарн, н другнн менге важнннн сочиненнн. Въ «Пнрбавленнн» помъщено описанне нъкоторыхъ памятникввъ славнано-русской жнвонннн.

ИСТОРНЯ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ ВЪ РОССИИ въ началъ XVII вьлка. Д. Бутурлнна. Часть вторая. С.П.-бургъ, 1841. въ тнп. Бородина н К°, въ-8., стр. 296, н въ приложенннхъ 126.

Продолженне сочиненнн, котораго первый томъ вышолъ въ началъ 1839 года, а слъдующнн томы еще выйдутъ въ

предбудущимъ времени. Въ этой второй частѣ писателя происшествія, случившіяся съ времени: вступленія на престолъ Василія Шуйскаго до формальнаго объявленія войны Смишляндомъ, 1606 — 1608. Книга, почтенному, возвращаетъ вся прязнами важнаго историческаго творенія. Любопытныя разныя акты и документы, приложенныя къ тексту: Изъ нихъ между прочимъ видно, какою доверенностью пользовался молодой воевода, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, и въ какихъ отношеніяхъ къ нему былъ «намецъ Яковъ Понтусовъ Делагардъ». Въ концѣ книги авторъ приложилъ планъ осады Сергіецкой Лавры: вещь любопытная въ высочайшей степени; теперь повѣстическое описаніе этой осады Карамзинымъ сдѣлалось вдвое занимательнѣе. Въ 1839 году, говоря о выходѣ перваго тома, мы уже сказали, что займемся рассмотрѣніемъ этой книги, когда выйдутъ послѣдующія части.

—

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

=

ОПЫТЪ АЛФАВИТНАГО УКАЗАТЕЛЯ КЪ РУССКИМЪ ПЕРИОДИЧЕСКИМЪ ИЗДАВАНІЯМЪ, составленный Иваномъ Быстровымъ. Часть историческая. Выпускъ первый. СПб.-бургъ, 1841, въ тпл. Санктпетербургскаго Губернскаго Правленія, въ-8., стр. 117.

Перелистывая наши журналы, господинъ Быстровъ замѣтилъ, что они заключаютъ въ себѣ пропасть учености, толкуютъ обо всѣхъ вещахъ возможныхъ и даже о нѣкоторыхъ другихъ, все объясняютъ, отъ іероглифовъ до любовнаго приключенія, случившагося съ какимъ-нибудь прапорщикомъ въ войну съ Турками или Персіянами. Чтобы свѣтъ не потонулъ въ этой безднѣ мудрости, въ этомъ лабиринтѣ всемірной эрудиціи, господинъ Быстровъ рѣшился дать ему въ руки спасительную нить Ариадны въ

образе этого «Опыта», но ограничили на первый раз указаніемъ силой, относящихся къ исторіи со вспомогательными ея науками. Такимъ образомъ въ первый выпускъ его «Указателя» вошли собственно исторія, географія, хронологія, книгоописанія, археологія, нумизматика, дипломатика, родословныя книги, геральдика, учрежденіе орденовъ, и прочая. Это — для историковъ. Другой выпускъ посвятить онъ другого роду ученыхъ, а третій третьяго. Господинъ Быстровъ въ особенности хотѣлъ, какъ кажется, вызвать этимъ указателемъ изъ могилы такіе журналы, о существованіи которыхъ Россія никогда не знала: онъ вноситъ въ свои алфавитныя реестры статьи изъ «Парижскаго Щепетильника», изъ «Уединеннаго Пошехонца», и изъ «Санктпетербургскаго Зрителя», творенія господина Бориса Федорова, незабвеннаго журнала, котораго всего-на-все вышла только одна книжка, и пропускаетъ другіе журналы, которые доставили читателямъ богатый запасъ прекрасныхъ свѣдѣній. Исполненіе очень не удачно: авторъ, очевидно, не изучалъ *индексовъ* классическихъ семнадцатаго и осемнадцатаго столѣтій, лучшихъ образцовъ для подобнаго труда: онъ совсѣмъ чуждъ ученыхъ библиографическихъ приемовъ и рубитъ статьи топоромъ. Ошибочныхъ указаній можно также открыть у него довольно много, не справляясь даже съ подлинниками: напримѣръ, на одного Апраксина онъ дѣлаетъ два указанія: «*Апраксинъ, графъ О. М., генералъ-адмиралъ*», и «*Апраксинъ, братъ царицы Маріи (не Маріи, а Марѳы) Матвѣевны, супруги царя Феодора Алексѣевича*», не подозревая, что это одинъ и тотъ же человекъ, графъ Феодоръ Матвѣевичъ, вѣрный слуга и любимецъ Петра Великаго. Хорошій, искусно и тщательно составленный аналитическій указатель примѣчательнѣйшихъ статей нашихъ журналовъ, конечно, былъ бы для насъ очень полезною и важною книгою, потому что, по нерасположенію нашему къ многотѣмнымъ трудамъ, по привычкѣ нашей отдѣлываться отъ самыхъ важныхъ своихъ идей статейками, большая часть лучшей нашей литературы заключается въ журналахъ. Но такой указатель, какъ этотъ «Опытъ», едва ли можетъ къ чему-нибудь пригодиться. Господинъ Быстровъ знаетъ русскую поговорку: *дѣло мастера боитъ*

срѣдѣ Шу; такъ вступъ «Омьръ» неже показывають, что анталитическіе указатели совсѣмъ не болтъя господина Басотрова!

ОТЧЕТЪ КОМИТЕТА, ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННАГО ВЪ МОСКВѢ ДЛЯ РАЗВОРА И ПРИЗРѢНІЯ ПРОСЯЩИХЪ МИЛОСТЫНИ, за 1840 годъ. Москва, 1841, въ тип. Степанова; въ-8., стр. 47.

Брошюрка, внушающая и грустное и пріятное чувство: грустное, потому что нельзя не вздохнуть при видѣ цифръ, показывающихъ число людей, которые, несчастливи или пороками, доведены до унижительной необходимости просить милостыни; пріятное, потому что невозможно видѣть, безъ умиленія, заботливости объ нихъ правительства и частныхъ благотворителей.

Изъ «Отчета комитета» видно, что въ его вѣдѣніи, впродолженіи 1840 году, было 5,888 человекъ нищихъ. Большая часть этихъ нищихъ, именно 1,091, возвращены помѣщикамъ, 1,047 отданы въ домъ московскаго городского общества, 1,013 возвращены на родину; изъ прочихъ, нѣкоторые переданы тѣмъ вѣдомствамъ, къ которымъ они принадлежали, другіе опредѣлены къ мѣстамъ и на службу, помѣщены въ богадѣльни, отданы на поручительство, или отпущены, потому что хорошо вели себя и долго содержались; наконецъ 205 человекъ умерли, а одинъ отставной солдатъ принятъ на попеченіе своимъ прежнимъ помѣщикомъ.

Мѣры, принимаемыя Комитетомъ для прекращенія и предупрежденія нищенства, состоятъ въ леченіи, выдачѣ разныхъ вѣсобиѣ, снабженіи пищею, топливомъ, приданымъ, доставленіи работы, и прочая. Для снабженія пищею, какъ и въ Петербургѣ, учреждено нѣсколько столовъ въ разныхъ частяхъ города. Средства, которыми принимаются эти мѣры, состоятъ изъ суммъ, отпускаемыхъ правительствомъ, и изъ добровольныхъ приношеній разныхъ обществъ и лицъ. Нельзя въ этомъ отношеніи не упомянуть съ уваженіемъ именъ купцовъ Воробьева, Чижева, Блохина и Истомина, надворнаго совѣтника Голубкова, майора Ахльбаса,

из почетного гражданина Страхова, который, одной, концертомъ въ 10,475 рублей ассигнаціями. Концертъ Виз-Тана, данный въ пользу казны комитета, принесъ ей 5,662 рубль ассигнаціями.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

=

— Вотъ программа, заданная всеми литераторами въ началѣ прошедшаго мѣсяца на пользу Смирдина, и уже напечатанная во всѣхъ нашихъ журналахъ, безъ различія литературныхъ партій: она должна возбудить особенное участіе въ читателяхъ этого журнала, котораго Смирдинъ некогда былъ основателемъ.

РУССКАЯ БЕСѢДА.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ,

ИЗДАВАЕМОЕ

въ пользу А. Ф. Смирдина.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ РУССКОЙ ПУБЛИКѢ.

«Всей читающей русской публикѣ извѣстны предпримчивость и усердіе почтеннаго нашего книгопродавца-издателя, А. Ф. Смирдина, на пользу литературы и просвѣщенія въ нашемъ любовномъ отечествѣ. Имя его останется навсегда памятнымъ въ исторіи нашего развитія и русской умственной дѣятельности. Онъ былъ нашимъ Александромъ Манучини, нашимъ Генрихомъ Этьенномъ, нашимъ Мурресомъ, нашимъ Коттею. Не много найдется именъ въ исторіи европейскаго книгопечатанія, которымъ можно было бы сравнить съ именемъ нашего Смирдина; и, несмотря на то, къ пользѣ, принесенной имъ посредствомъ издательской и книгопродавческой предпримчивости, и посредствомъ поощ-

протѣй; доставлявшихъ имъ талантъ и ученаму трудолюбію.

«Долго патриотизмъ, безкорыстіе и великодушіе Смирдина были двигателями и душою нашей литературы. Долго, съ удивительными усердіемъ и рвѣніемъ, можно сказать, безпримѣрными забвеніемъ своихъ выгодъ, служилъ онъ русской публикѣ, жаждающей чтенія хорошихъ книгъ, и удовлетворялъ всѣмъ сословіямъ посредствомъ доступныхъ всякому изданій.

«Смирдинъ первый оживилъ у насъ литературу благородною оценкою труда, первый не захотѣлъ пользоваться обыкновенною безпечностью таланта, и первый сталъ его вознаграждать прибылью, получаемою отъ изданія его твореній. Все это необыкновенное движеніе въ нашей литературѣ, втеченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ; было слѣдствіемъ его дѣятельности, его благороднаго образа мыслей, его усердія къ умственной славы Россіи, и того неограниченнаго довѣрія, которое умѣлъ онъ, своею честностью, внушить къ себѣ всему пишущему и читающему классу. Пушкинъ прекрасно называлъ его — *libraire-gentilhomme*.

«Впродолженіе этого времени Смирдинъ издавалъ различныхъ сочиненій цѣною болѣе чѣмъ на *десять милліоновъ рублей* ассигнаціями. За одну бумагу и за печатаніе этихъ изданій заплатилъ онъ 1.959,092 рубля, и писателямъ, за право изданія, выдалъ 1.370,535 рублей почетнаго вознагражденія. Онъ издалъ труды болѣе чѣмъ *семидесяти* русскихъ писателей, въ числѣ которыхъ должно упомянуть Державина, Карамзина, И. А. Крылова, В. А. Жуковскаго, А. С. Пушкина; Марлинскаго, Батюшкова, А. В. Давыдова, И. И. Козлова; Баратынскаго, Норона, Мурашевскаго, Литке, Врангеля, Бутурлина, Загоскина, Бягичева, князя Одоевскаго, Перовскаго (Негорьальскаго), Глинка, Кнелъницкаго, Бровенскаго, господина Зонтага, Семеновскаго, Греча, Булгарина, Арсеньева, Неллинова, Шенниковскаго, госпожи Жуковой, Фунса, Вейдемейера, Продолинскаго, Кукольника, Катенина, Даян (Козака Луганскаго), Сегина, Хавскаго, Нарыжскаго, и прочая, и прочая.

«Кромѣ-того Смирдинъ основалъ известный во всей Росіи

сн журналъ «Библиотека для Чтенія,» и поддерживалъ другіе, предпринималъ великолѣпные и любопытные сборники, въ которыхъ сочиненіями своими участвовала вся русскіе писатели, издавалъ географическія карты, атласы, и тому подобно: словомъ, этотъ истинно полезный книгопродавецъ былъ центромъ и надомомъ всего, что трудится, пишеть и читаетъ въ Россіи. Каждый другъ отечественнаго просвѣщенія отдастъ и будетъ всегда отдавать ему дань вполне заслуженной похвалы и благодарности.

«Неужели ты самъ, которые ему столько обязаны, неужели русскіе таланты и русская читающая публика, не поддержать такого челоука *теперь*, когда критическое состояніе книжной торговли, огромныя потери, испытанныя имъ отъ дурнаго хода чужихъ дѣлъ и отъ собственнаго своего безкорыстія, поставили его въ затруднительное положеніе и остановили его полезную дѣятельность?....

«Нѣтъ, этому не бывать на Руси! Образцовое и незабвенное усердіе, съ какимъ Смирдинъ такъ долго и такъ честно служилъ русской публикѣ и русской литературѣ, будутъ немедленно награждены ими, какъ скоро они узнаютъ, что непредвидимыя несчастія сдѣлали для него подобное награжденіе нужнымъ и необходимымъ. Въ исторіи русской литературы не будетъ сказано, что ихъ равнодушіе и неблагодарность прекратили одну изъ прекраснѣйшихъ дѣятельностей, какими только украшалось полезное поприще книгопечатанія. Потомство не упрекнетъ насъ, что этимъ прекращеніемъ, котораго такъ легко было избѣгнуть, мы остановили на два или на три десятка лѣтъ развитіе талантовъ и успѣшнѣйшій ходъ литературы. Стѣсненное положеніе Смирдина не можетъ быть продолжительно: въ огромныхъ кладовыхъ его лежитъ на миллионъ рублей важныхъ и необходимыхъ для публики сочиненій; онъ можетъ удовлетворить всѣ требованія библиотекъ, лишь-только необходимая помощь дастъ ему возможность перенести нынѣшній кризисъ книжной торговли; онъ скоро будетъ въ состояніи окончить многія прекрасныя предпріятія, и съ лихвою воздать публикѣ за эту благородную помощь цѣлымъ рядомъ дешевыхъ изданій книгъ, наиболее ею требуемыхъ.»

«Окажемъ же ему нужную помощь! Литература принесетъ ему свою дань благодарности, публика свое доказательство искренняго уваженія: Всѣмъ предложеній, безъ начателя, всѣ русскіе литераторы съ радостію отдають, въ его пользу, лучшіе изъ своихъ неизданныхъ трудовъ. Русская публика, съ такимъ же чувствомъ, поспышитъ купить эти труды, также на его пользу, въ знакъ признательности и уваженія къ своему историческому слугѣ, къ своему усердному и дѣятельному книгопродавцу. Въ немъ бьется русское сердце, кому дорога слава русскаго ума, кто любитъ отечественное просвѣщеніе и литературу своего языка; тотъ не отстанетъ отъ добраго дѣла на пользу добраго, благороднаго и необходимаго человѣка!

«Изъ этихъ трудовъ, состоящихъ большею частью изъ новостей и разсказовъ, составятся теперь въ родѣ Новостель, три тома, которые выйдутъ въ свѣтъ, постепенно, перваго октября, перваго декабря и перваго января. Сохраненія ихъ не должны расхваливать тѣ статьи, которыя упоминаются въ нихъ оставленія, но кажется, что это собраніе статей вовсе не будетъ лишено занимательности для русскіхъ читателей. Изданіе приняла на себя типографія Императорской Академіи Наукъ.

«Имена Гг. подписавшихся, будутъ напечатаны, для памяти ссыланъ и лрукамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ТРЕХЪ ТОМОВЪ

РУССКОЙ ВЕСЕЛДЫ,

10 рублей серебромъ.

(За пересылку ничего не прилагается.)

Съ нынѣшняго же числа подписка принимается въ конторахъ журналовъ:

Библиотека для Чтенія,

Санктпетербургскія Вѣдомости,

Сѣверная Пчела,

Отечественныя Записки, и

Въ конторѣ Мадка.

Можно также подписываться и въ Газетной Санктпетербургской Печатной Экспедиціи.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ.

Въ четырнадцатомъ номеръ «Друга здравія», нынѣшняго года, помѣщено извлеченіе изъ записки господина Кабата, читанной въ засѣданіи Общества Русскихъ Врачей. Заглавіе этой статьи: *О примѣненіи электро-гальванизма къ леченію катаракты.*

Въ началѣ своей статьи господинъ Кабатъ говоритъ, будто онъ вмѣстѣ со мною дѣлалъ опыты въ главномъ отдѣленіи Второго Военносухопутнаго Госпиталя надъ примѣненіемъ гальванизма къ леченію катаракты и другихъ органическихъ болѣзней. Правда, я участвовалъ въ двухъ случаяхъ; но можно ли назвать *опытомъ*, и, еще болѣе, можно ли описывать подъ именемъ *наблюденія*, простую неудавшуюся попытку, въ одномъ случаѣ надъ рыловымъ Митловымъ, а въ другомъ (тепная вода) надъ жандармомъ Агафоновымъ? И притомъ оба эти случая не принадлежатъ, по моему мнѣнію, къ органическимъ болѣзнямъ.

Далѣе, въ описаніи гальваническаго снаряда, котораго вообще понять трудно, сказано, будто въ употребленномъ мною у солдата Агафорова снарядѣ кубки соединились своими одноименными полюсами. Это также не справедливо: неоднородные, а противоположные полюсы были въ этомъ случаѣ соединены между собою. Господинъ Кабатъ, не зная почему, называетъ совсѣмъ наоборотъ цинковый полюсъ кубковаго аппарата положительнымъ, а мѣдный отрицательнымъ, и читатель, изъ словъ его, — *этотъ аппаратъ сообщался съ показателемъ, означавшимъ дѣйствіе гальванизма*, — навѣрное не узнаетъ, что дѣло идетъ о соединеніи гальванической цѣпи съ мультипликаторомъ Нобли.

Первый случай былъ, какъ я уже сказалъ, простою попыткой, сдѣланною по неудавшемуся плану, потому что черезъ глазъ Митлова не прошло ни сколько гальваническаго тока. Рука больного была соединена съ мѣднымъ полю-

сомъ, а къ лезвию была проволока цинковый полюсъ; поставитель мультиспектатора принципъ, потому въ движенье; убедившись такимъ образомъ, что снарядъ заряженъ, я отъложилъ проволоку, соединяющую дрыкъ большого съ цинковымъ полюсомъ, и отъ аппарата, и отъ языка; потомъ я соединилъ конецъ свободной проволоки съ катарактною иглою, которую господинъ Кабатъ долженъ былъ ввести черезъ роговую оболочку въ центръ катаракты; другой конецъ проволоки я держалъ въ рукѣ въ готовности, чтобы тотчасъ послѣ введенія иглы въ глазъ соединить съ цинковымъ полюсомъ; но по причинѣ чрезвычайной подвижности глаза она была введена только послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ и тотчасъ же выскочила отъ неосторожнаго движенія больнаго. Такимъ образомъ я и не имѣлъ времени привести проволоку въ сообщеніе съ цинковымъ полюсомъ. Этимъ все и кончилось. Трудно повѣрить, что эту-то неудачную попытку господинъ Кабатъ вздумалъ описывать какъ произведенный «опытъ»!

Второй случай описанъ неполно. Господинъ Кабатъ ничего не упоминаетъ о томъ, что, въ началѣ опыта, мѣднѣйшій, и потомъ цинковый полюсъ, соединенъ былъ съ иглою, находившеюся въ глазу Агафонова; а это обстоятельство очень важно, именно, въ отношеніи къ явленіямъ и *«значительнымъ переменамъ»* въ глазу, которыя вѣрно были бы не таковы, если бы на глазъ дѣйствовалъ одинъ только цинковый полюсъ.

При означеніи времени, господинъ Кабатъ считаетъ и то время, когда гальваническая цѣпь еще не была соединена.

Третій, — вмѣстѣ первый и послѣдній, — опытъ господина Кабата надъ примѣненіемъ гальванизма къ леченію катаракты былъ имъ произведенъ, какъ онъ говорятъ, въ присутствіи господина президента Шлегеля. Господинъ Кабатъ сдѣлалъ этотъ опытъ надъ правымъ глазомъ рждоваго Кругликова: у него была *cataracta capsulo-lenticularis* и вмѣстѣ легочная чахотка въ послѣдней степени. Описание и этого единственнаго опыта не достаточно. Съ какою частью тела привелъ господинъ Кабатъ въ сообщеніе мѣднѣйшій полюсъ снаряда?.... Объ этомъ у него не сказано ни

Слова: Гальваническая токъ предельно слабъ, но въ четыре съ половиною минуты, и, несмотря на то, воздѣйствіе въ глаза состоитъ не было, такъ, что гальваническая уже на десятый день не болѣе повторять операцію. При разсѣченіи трупа (болѣе уверъ въладѣние члѣвков), кружемякъ и жгати глаза найдены были въ жидкомъ, воднистомъ состояніи. Не удивительно, что столь-то единственныи случай, изъ котораго легко можно вывести совсемъ другія заключенія, подаетъ господину Набату поводъ бороться противъ гальванизма и гнать его изъ области терапіи?... И кто изъ читателей, зная теперь настоящія подробности дѣла, повѣритъ, что изъ такихъ-то трехъ разсказанныхъ, ничтожныхъ, неправильно понятыхъ и еще хуже описанныхъ, наблюдений господинъ Набатъ смѣло дѣлаетъ вотъ какое заключеніе: *Дѣйствіе гальванизма на болѣзнь глаза есть травматическое, и не можетъ быть употреблено съ пользою!...*

Докторъ медицины Круземъ.

=

VII.

СМЪСЪ.

КАЛОТИЩЪ, или *Свѣтопечатная бумага господина Тальбота*. До-сихъ-поръ мы имѣли только *овытопись*; теперь имѣемъ еще и *свѣтопечатъ* или, какъ господинъ Тальботъ называетъ, *благопечатъ*. Объ этомъ ужъ было извѣщено въ четвертомъ номерѣ Библіотеки для Чтенія (*Смѣсь*, стр. 78). Кромѣ другихъ заслугъ, Тальботу принадлежитъ честь открытія важнаго факта, состоящаго въ томъ, что одной минуты, часто одного мгновенія, достаточно для снятія яду или портрета посредствомъ солнечнаго луча на бумагу, приготовленную надлежащимъ образомъ: бумага остается чистою, рисунокъ совершенно невидимымъ, но онъ, когда угодно, можетъ быть выведенъ наружу при помощи цвѣтныхъ стеколъ или другихъ простыхъ операций. Бумага господина Тальбота, какъ мы предсказывали съ самаго начала, нынче совершенно замѣнила процессъ, придуманный Дагерромъ: она не только даетъ всѣ тѣ же самыя результаты въ отношеніи къ красотѣ свѣтописныхъ рисунковъ, но еще имѣетъ многія важныя преимущества передъ металлическими досками Дагерра, не говоря уже о дешевизнѣ матеріалу и чрезвычайной легкости способу, въ которомъ не нужны ни меркуріальные ни іодовыя цѣры.

Вотъ какъ готовится бумага, которую господинъ Тальботъ называетъ *калотиломъ*, то есть, «благопечатною» бумагою.

Раствори 100 грановъ азотнокислаго серебра (адскаго камня) въ 6 унціяхъ чистой воды, и обмой этимъ растворомъ листокъ чистой бѣлой бумаги : надо сдѣлать какой-нибудь знакъ на той сторонѣ листка, которая обмыта, чтобы можно было потомъ узнать ее ; послѣ-того обсуши тихонько листокъ, и погрузи его на двѣ минуты въ растворъ 500 грановъ іодистаго поташу въ пинть чистой воды. Эту іодную бумагу, обмывъ, и высушивъ хорошенько, можно спрятать въ портфель на неопредѣленное время.

Возьми потомъ раствору изъ 100 гранъ адскаго камня въ 2 унціяхъ воды, съ примѣсью къ нимъ шестой по объему части уксуной кислоты и раствору кислоты (или экстракту) чернильныхъ орѣховъ въ водѣ, и смѣшай оба эти раствора вмѣстѣ, въ равныхъ объемахъ, подливая ихъ одинъ въ другой тихонько, сначала малыми количествами. Получится растворъ *чернильно-азотнокислаго серебра*. Этимъ растворомъ надобно обмыть, при свѣтѣ свѣчи, приготовленный прежде листокъ «іодной бумаги». Бумага остается мокрою полъ-минуты ; потомъ слегка обсушивается некаменной (типографской) бумагою и осторожно сушится передъ огнемъ. Калотипъ готовъ.

Имя эту «благонечатную» бумагу, вамъ остается только положить ее въ камеру-обскуру, не болѣе какъ на одну минуту, потомъ вынуть и спрятать въ портфель. Когда захотите, чтобы невидимый рисунокъ вдругъ вышелъ изъ этого листка бѣлой бумаги какъ-бы по волшебному знаку, вамъ отойти только обмыть его вторично тѣмъ же растворомъ чернильно-азотнокислаго серебра и слегка согрѣть передъ огнемъ : картина явится со всеми своими подробностями ; одной или двухъ минутъ времени достаточно, чтобы придать ей удивительную красоту и величайшее совершенство.

Чтобы эта картина не почернѣла отъ дневнаго свѣту и навсегда осталась въ томъ же видѣ, надобно потомъ обмыть ее водою, смочить растворомъ 100 грановъ бромистаго потассія въ 8 или 10 унціяхъ воды, оставить минуту или двѣ мокрою, опять обмыть водою, и высушить.

Такъ утвержденная навсегда картинка представляетъ то важное преимущество, что она остается прозрачною, а это

позволяетъ *отпечатываться* съ нея прекрасныя копія, — и вотъ почему бумага и названа «*благопечатною*.» Стоить только на полученную картинку положить другой листокъ благопечатной или калотипной бумаги, прижать его крѣпко къ ней и выставить на свѣтъ : еще лучше, вмѣсто благопечатной, взять листокъ простой свѣтописной бумаги ; снятіе копій потребуетъ тогда нѣсколько болѣе времени, но зато копія будетъ красивѣе. Картинка даетъ обыкновенно нѣсколько отлично хорошихъ копій ; потомъ она блѣднѣетъ и какъ-будто исчезаетъ ; но ее можно возобновить, и это, безспорно, одно изъ удивительнѣйшихъ свойствъ калотипа. Возобновленіе картинки производится посредствомъ новаго омовенія ея растворомъ чернильно-азотнокислаго серебра, легкой сушки, и новаго утвержденія воскресшаго рисунка бромистымъ потассіемъ ; послѣ чего можно приступить къ вторичному печатанію копій.

Господинъ Тальботъ обѣщаетъ вскорѣ сообщить еще простѣйшій способъ употребленія калотипа.

Надобно замѣтить, что можно также оставлять эту бумагу въ камерѣ-обскуры гораздо меньше одной минуты : достаточно нѣсколькихъ секундъ ; тогда, вынувъ листокъ оттуда, надобно положить его подъ желтое или красное стекло, и выставить на солнечный свѣтъ, который уже, самъ, безъ подлинника, допишетъ подробности картины, и бумага не сколько не почеркнетъ. Это свойство окрашенныхъ стеколъ, приложенныхъ къ Тальботовой бумагѣ, открыто почти въ то же самое время и во Франціи господиномъ Эдмондомъ Векрелемъ, а господа Gaudin и Lereboursъ съ успѣхомъ применили его недавно и къ металлическимъ доскамъ дагерротипа. Оно очень важно въ томъ отношеніи, что позволяетъ снимать хорошія картинки съ такихъ предметовъ, которые не болѣе одного мгновенія остаются совершенно неподвижными.

ПРЕВОСХОДНѢЙШІЙ ИЗЪ ВСѢХЪ ТЕЛЕСКОПОВЪ. *Открытие сэръ Дэвида Брустера.* Кому не извѣстно знаменитое имя этого британскаго ученаго ! Sir David Brewster, sir John Herschel, и докторъ Faraday, это три свѣтила первой величины на горизонтѣ наукъ въ Англіи.

Ну, такъ вотъ что сэръ Дэвидъ Брустеръ говорилъ на послѣднемъ сѣздѣ англійскихъ ученыхъ : «Такимъ образомъ, мы открыли способъ, дозволяющій, не только распознавать самыя блѣдныя и слабыя цвѣта, неприимтныя для глаза другимъ путемъ, но даже видѣть издали мелчайшіе предметы, которыхъ нельзя различить съ помощію лучшихъ телескоповъ.» Какой же это способъ? спросите вы. А вотъ какой : станьте задомъ къ отдаленнымъ предметамъ, которые желаете наблюдать, разстаньте немножко ноги, согнитесь дугою, или съ три пошиба.... (nota bene : полы платья надобно засучить).... и смотрите ; смотрите прямо въ промежутокъ между вашими ногами. Кроме шутокъ : это и есть лучший изъ всѣхъ возможныхъ телескоповъ ; и сверхъ-того, какъ вы видите, самый дешевый и совершенно натуральный. «Согласенъ, говоритъ сэръ Дэвидъ, что это положеніе не совсемъ удобно для наблюдателя!» И вы тоже конечно согласитесь, что, при всей своей интересности, это положеніе даже и очень не удобно. Такъ вотъ другой способъ устроить себя лучший изъ всѣхъ телескоповъ : поставьте одну ногу на столъ, и смотрите изъ-подъ нея, или согните одну руку въ видъ ушка кружки и смотрите въ это отверстіе, смотрите себя подъ мышку. Тысячи средствъ можно придумать для той же цѣли : вся сила въ томъ, чтобы голова была обращена внизъ во время наблюденія ; тогда, всѣ цвѣта *предстоящихъ* или, если угодно, *застоящихъ*, предметовъ становятся ярче, живѣе, разительнѣе, — какъ это давно уже извѣстно живописцамъ, — и, на примѣръ, отдаленныя горы, которыя, пока голова стоитъ прямо, кажутся вамъ неясною чертою, массою, подернутою туманомъ, явятся зрѣнію вашему такъ чисто, какъ-будто-бы онѣ находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ глаза и освѣщены были солнцемъ. Совершенно то же самое бываетъ, когда вы посмотрите на нихъ *воспаленнымъ* глазомъ : сэръ Дэвидъ положительно удостоверяется въ этомъ, будучи недавно боленъ глазами. Следовательно, опрокидываніе головы вверхъ-дномъ служить здѣсь только къ тому чтобы произвести въ глазахъ на минуту, истинное воспаленіе ; другими словами : цвѣта становятся ярче, отдаленныя предметы являются близкими, чисто и

простою освѣщенными, и человекъ имѣеть безъ всякаго издержекъ лучшій изъ всѣхъ возможныхъ телескоповъ, всякой разъ какъ въ глаза набѣгаетъ много крови. Это ведетъ къ заключенію, что явленіе цвѣтовъ или, по крайней-мѣрѣ, усиленіе ихъ яркости, есть процессъ, происходящій въ нашемъ глазѣ, а не во внешней природѣ, процессъ чисто физиологическій, и, поэтому, физиологическая теорія цвѣтовъ, за которую всѣмъ своимъ геніемъ стоялъ Гёте, не такая глупая теорія, какъ до-сихъ-поръ казалось физикамъ.

Но, послѣ этого открытія сэръ Девида Брустера, когда набѣжавшіе кровью или, какъ говорятъ доктора, «воспаленные» глаза — лучшій изъ всѣхъ возможныхъ телескоповъ, то тѣмъ самымъ глазами больницы — лучшія изъ всѣхъ возможныхъ обсерваторій!

ОТКРЫТІЕ САТУРНОВЫХЪ КОЛЕЦЪ ОКОЛО СОЛНЦА И ОКОЛО ЗЕМЛИ. Вотъ это ужъ, кажется, просто шутка!.... Нѣтъ ничего обманчивѣе какъ цифры, когда онѣ основаны на недоказанномъ предположеніи. Между-тѣмъ, очень умные люди, одни изъ первыхъ европейскихъ астрономовъ, господъ Агаго, Кетелетъ, Шалесъ, Бессель, Эрманъ, Богуславскій, (*Astronomische Nachrichten*, Т. XVI и XVIII; Institut, 1840 и 1841), и другіе, уже нѣсколько лѣтъ доказывають математически, и, кажется, доказали, что около солнца есть, существуютъ, и вѣчно вертятся, такія же кольца, какія существуютъ и вертятся около Сатурна: одни говорятъ, два кольца; другіе спорятъ съ ними, и говорятъ, одно. Очень хорошо: но сатурновыя кольца мы видимъ въ простой Фраунгоферовскій телескопъ; видимъ даже тѣнь, бросаемую ими на поверхность планеты: почему жъ мы не видимъ солнечныхъ колецъ, не только въ этотъ телескопъ, но даже согнувшись въ три погибели и засучивъ полы, въ лучшій изъ всѣхъ возможныхъ телескоповъ? На это есть причина: кольцо или кольца, существующія около солнца, прозрачны; солнечные лучи сквозь нихъ проходятъ, и дѣлають ихъ для насъ невидимыми: эти кольца собственно состоятъ изъ скопленія мыльныхъ пузырей, непримѣтныхъ для нашего глаза, но которые *периодически* сыплются на

насъ, на землю, въ видѣ падающихъ звездъ, всякой разѣ нѣкъ земля, въ своемъ теченіи, перерываесть и разбиваесть собою эти солнечныя кушанья, сотканныя изъ *астероидовъ* или *планетойдовъ*, то есть, Богъ вѣсть изъ чего, — изъ какихъ-то крошечныхъ, легниихъ и пустыихъ тѣлъ, которыя ни звезды ни планеты, а что-то *звѣздоходное*, потому что являются въ нашемъ воздухѣ въ видѣ падающихъ звездъ и другихъ метеоровъ, и *планетойдное*, потому что, подобно нашей землѣ, текутъ около солнца. Читателямъ нашимъ извѣстно, что это предположеніе первый пустилъ въ ходъ господинъ Араго, стараясь объяснить *періодическое* появленіе падающихъ звездъ въ большихъ количествахъ, послѣ двухъ знаменитыхъ огненныхъ дождей, примѣченныхъ въ 1833 и 1834 годахъ въ Америкѣ: онъ полагалъ, что столь обильнаго паденія звездъ ежегодно, и всегда въ одни и тѣже дни, нельзя понять иначе какъ допустивъ, что около солнца непрерывно текутъ *облака* какихъ-то невидимыхъ шариковъ, о которыя земля, на пути своемъ около этого свѣтила, толкается каждый годъ въ опредѣленные времена. Но если они, подобно землѣ, текутъ около солнца, описывая такой же кругъ какъ и она, то какъ же земля можетъ объ нихъ толкаться? Возраженіе съ перваго взгляду кажется основательнымъ, но, съ помощію другаго маленькаго предположенія, можно уладить дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что кругъ, описываемый около солнца этими незримыми тѣлами, имѣетъ очень эллиптическую форму, и что эта продолговатая орбита, въ которой они текутъ, гораздо уже земной орбиты, но зато гораздо длиннѣе: тогда земля, естественно, будетъ перерывать ихъ продолговатую орбиту, по обѣимъ ея оконечностямъ, въ четырехъ мѣстахъ, четыре раза въ годъ, именно, по два раза средю: напримѣръ, два раза весною, и потомъ, черезъ полгода, опять два раза осенью. Съ тѣхъ поръ какъ падающія звезды обратили на себя вниманіе звѣздоходовъ, съ тѣхъ поръ какъ пріимѣтили ихъ періодическія вторженія въ нашу атмосферу, многіе ученые усердно занялись отыскиваніемъ, въ исторіи и въ метеорологическихъ запискахъ, всѣхъ упомянутыхъ о появленіяхъ этихъ воздушныхъ огней въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ: господа Quetlet и

Славяне отличались особеннымъ трудолюбиемъ на этомъ поприщѣ, и они уже составили длинныя списки замѣченныхъ въ разныхъ мѣстахъ появленій падающихъ звѣздъ меченіи многихъ столѣтій. Изъ списковъ оказывается, что падающія звѣзды, дѣйствительно, сыплются въ необыкновенномъ количествѣ четыре раза въ годъ, всегда по два раза сряду, и всегда вторые два раза черезъ полгода послѣ первыхъ, а именно, около 9 февраля и 12 мая весною, и около 9 августа и 12 ноября осенью (по новому стилю). Собирая такіе факты, нѣкоторые думали, что это — явный признакъ существованія двухъ различныхъ колець астероидовъ около солнца; но другіе стараются доказать, что это, напротивъ, явный признакъ существованія только одного кольца, узкаго и очень длиннаго, выходящаго обоими концами за земную орбиту, отъ чего земля и должна пересѣкать его по два раза сряду въ равныя промежутки времени. Въ самомъ дѣлѣ, 9-ое февраля составляетъ ровно полгода съ 9 августа и 12-ое мая ровно полгода съ 12 ноября. Но въ нѣкоторыхъ летописяхъ среднихъ вѣковъ упоминается, что появленія падающихъ звѣздъ, случающіяся нынче около 12 мая (всегда по новому стилю), происходили въ то время нѣсколько раньше, именно въ концѣ апрѣля. Это можно объяснить третьимъ маленькимъ предположеніемъ: видно, точки пересѣченія земной орбиты съ орбитою, въ которой текутъ облака этихъ маленькихъ тѣлъ, постепенно подвигаются впередъ; видно, продолговатая орбита этихъ тѣлъ сама тихонько вращается около солнца. Какъ предполагаемый поясъ или поясы, окружающіе солнце, вѣроятно состоятъ изъ облакъ маленькихъ тѣлъ, и эти облака носятся кучами, то и не удивительно, что въ иной разъ земля пройдетъ въ промежуткѣ между двумя облаками и падающія звѣзды, или вовсе не посыплются въ нашъ воздухъ, или посыплются въ маломъ количествѣ. Словомъ, все объясняется какъ нельзя лучше, если только падающія звѣзды проникаютъ въ нашъ воздухъ изъ пространствъ, лежащихъ за предѣлами земной атмосферы, а не зарождаются въ самомъ воздухѣ, что еще вовсе не доказано. Многіе факты, такъ же хорошо извѣстные какъ и періодическое ихъ возвращеніе, заставляютъ напротивъ

думать, что падуція звѣзды состоятъ изъ тѣсной связи съ другими явленіями атмосферы и въ ней берутъ свое начало. Но предположимъ, что онѣ приходятъ извнѣ: тогда нельзя не допустить, что, когда земля вдругъ вторгается въ облако этихъ легкихъ тѣлъ, одна часть ихъ должна опрокинуться въ ся воздухъ, въ которомъ они возгораются и исчезаютъ въ видѣ обильнаго дождя падуціхъ звѣздъ, вылетающихъ какъ-бы изъ одной точки; другая должна быть увлечена силою земнаго притяженія, и образовать вокругъ нашего шара вертящееся колесо, или кольцо, изъ тѣхъ же невидимыхъ астероидовъ или планетондовъ. Это неизбежно. Если такое кольцо существуетъ около солнца и земля прорѣзываетъ его четырежды въ годъ на пути своемъ, то оно по-необходимости существуетъ и около земли. Изъ него-то вѣроятно и перепадаютъ въ нашъ воздухъ будишія падуція звѣзды, тѣ блестяшія сироты, которыя одиноко появляются почти каждую ночь, внѣ урочнаго времени четырехъ главныхъ паденій. Этого земнаго кольца мы не видимъ, такъ же какъ и солнечнаго, по причинѣ прозрачности составляющихъ его астероидовъ: но солнечные лучи, проходя черезъ прозрачныя тѣла, теряютъ свою теплотворную силу, и, слѣдовательно, какъ бы эти тѣла тонки и прозрачны ни были, всё-таки столь огромное множество ихъ должно скрадывать отъ насъ, не только солнечную теплоту, но порой и самое солнце: когда земля съ своимъ кольцомъ проникаетъ въ облако солнечнаго кольца, страшная суматоха должна подниматься тогда между астероидами и она, большими массами становясь между землею и солнцемъ, заслоняютъ отъ насъ благотворное свѣтило или, по крайней-мѣрѣ, поглощаютъ его теплоту. Этотъ простой выводъ, по мнѣнію господъ Бесселя, Эрмана и Богуславскаго, совершенно оправдывается наблюденіями. Кому не известно, что между 3 и 17 февраля и около 12 мая (по новому стилю) *всегда* бываютъ холода? Если бы кто сомнѣвался въ этой истинѣ, тотъ можетъ убѣдиться въ ней, разсматривая метеорологическія наблюденія за прошедшіе годы: эти летописи состоянія воздуха показываютъ также, что въ то же самое время солнце часто пропадало, какъ-будто было чѣмъ-то заслоняемо.

Что же следует заключить? — Что всему виноваты падающія звѣзды. Это обыкновенно случается въ наукахъ съ тѣми феноменами, которые по какому-нибудь поводу дѣлаются модными. Лѣтъ осемь тому назадъ, никто не обращалъ вниманія на падающія звѣзды: теперь все объясняется ими, впродъ до распоряженія. Безъ падающихъ звѣздъ, нынче нѣтъ спасенія въ ученomъ свѣтѣ. Надобно только помнить одно, а именно, что вся ихъ нынѣшняя теорія, столь остроумная и столь удобная для многихъ объясненій, основана на весьма недоказанномъ предположеніи, отъ котораго судьба ея зависитъ вполне: если падающія звѣзды дѣйствительно падаютъ въ воздухъ *извнѣ*, такъ все понятно; а нѣтъ, такъ нѣтъ.

ПОДЗЕМНАЯ ДОРОГА ИЗЪ ЛОМБАРДІИ ВЪ РЕСПУБЛИКУ СЕМИ ОБЩИНЪ. *Sette Comuni*, маленькая, неизвѣстная республика, состоящая подъ покровительствомъ Австріи, лежитъ въ неприступныхъ горахъ, недалеко отъ Виченцы и Баессано, между Ломбардіей и италіянскимъ Тиродемъ. Асіаго — главный городокъ этого забытаго, но очень любопытнаго края. Республика Семи Общинъ управляется сама собою, выбираетъ своихъ правителей, судей и приходскихъ священниковъ, имѣетъ свое войско, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ жандармовъ. За покровительство Австріи, она платитъ дань, не дорого, пять сотъ рублей въ годъ, а, для отвращенія внутреннихъ несогласій, посылаетъ апелляціонныя дѣла свои, на рѣшеніе, въ падуанскія судилыща.

Птица, чтобъ перелетѣть изъ Виченцы въ первое селеніе республики Семи Общинъ, употребитъ меньше часу; но человѣку дай Богъ добраться и въ цѣлый день, и то если онъ вооружитъ себя окованной обувью, потому что дорога лежитъ по опаснымъ стремнинамъ и дѣлаетъ предалекіе повороты. Экипажамъ нѣтъ ни какого доступа: мулы замѣняютъ лошадей во всѣхъ главныхъ мѣстечкахъ республики, — Асіаго, Арсіеро и Галльо. Но ежели погода хороша, то вы можете отправиться другою дорогою, и это будетъ гораздо короче: только напередъ знайте, что вамъ придется странствовать удивительнымъ *земноводнымъ* путемъ, по которо-

му, в среду дня, ходить не иначе какъ съ компаніею. Два путешественника, Ламберти и Мерсей, недавно совершили такую прогулку, и мы перескажемъ вамъ что они видели.

«Желаніе извѣдать этотъ чудный родъ путешествія заставило насъ рѣшиться, говоритъ Мерсей. Мы съѣхали на карреттану, и, часа черезъ три, были уже въ Бассано, передъ трактиромъ Луны. Бассано — маленькій городишко, построенный у водошвы горъ, на возвышеніи, господствующемъ надъ узкой долиной, по которой катится Brenta. Можетъ-быть, овъ и поправился бы мнѣ или моему товарищу, но мы не имѣли времени его подробно осматривать. Было ужъ поздно, а намъ хотѣлось почевать въ Вальстанъ, и отсюда на другой день отправиться земноводной дорогою въ республику Семи Общинъ. Поэтому мы только проехали черезъ Бассано, не обративъ на него ни какого вниманія. За Бассано дорога спускается въ долину Brentы или, вѣрнѣе, въ ровъ, по которому, между дикими скалами, разбросано нѣсколько бѣдныхъ селеній. Съ наступленіемъ ночи, добрались мы до деревушки Карпенедо. Жители засуетились и окружили насъ. Товарищъ мой нашелъ въ нихъ большое сходство съ бандитами, и очень жалѣлъ, что оставилъ въ Виченцѣ свои пистолеты. Опорядочномъ ужинѣ нечего было и думать: утоливъ кое-какъ голодъ, мы легли на своихъ плащахъ въхижинъ одного крестьянина, и цѣлую ночь слышали вой или гулъ, раздающійся по-сосѣдству.

Между Карпенедо и Вальстанъей Brenta превращается въ разъяренный потокъ, который судорожно мечется въ своемъ руслѣ, разбивается объ огромныя скалы, падаетъ въ пропасти, и возникаетъ опять наверхъ въ видѣ пѣны. Мы переправились черезъ нее по двумъ длиннымъ бревнамъ съ нѣсколькими донечками, что здѣсь называется мостомъ. По ту сторону, высокія горы стоятъ какъ стѣна. «Неужели намъ на нихъ карабкаться?» въ испугъ спросилъ мой пріятель, который только-что оправлялся послѣ болѣзни. Одинъ изъ проводниковъ тряхнулъ головою въ знакъ отрицанія, и указалъ на пещеру, которая вѣла передъ нами внизу скалы. «Вотъ наша дорога!» сказалъ онъ. — «Какъ! вскричалъ мой пріятель: намъ надобно подниматься по ручью; кото-

рый вытѣмаетъ изъ этого подземелья?... А гдѣ жѣ лодка?»
— «Обойдемся и безъ лодки,» отвѣчалъ проводникъ. И въ то же время два молодца схватили меня и моего товарища, посадили насъ верхомъ къ себѣ на плеча, смѣло вошли въ ручей, и пустились въ темное подземелье, говоря только, чтобы мы берегли свои головы, потому что сводъ подземелья здѣсь очень низменъ. Такимъ образомъ мы нѣсколько времени подвигались впередъ, при помощи блѣдныхъ и синеватыхъ лучей свѣту, проникавшихъ черезъ отверстіе пещеры. Потомъ, проводники наши вдругъ сдѣлали поворотъ, взошли на нѣсколько ступенекъ, и спустили насъ на каменное возвышеніе, которое не было залито водой. Мы спѣшили оправиться отъ страннаго впечатлѣнія, которое произвела на насъ эта первая часть дороги; но одинъ изъ проводниковъ между-тѣмъ вынулъ изъ кармана огниву и конецъ смоленой веревки, высѣкъ огня, зажегъ факель и, сунувъ мнѣ въ руку полу своего платья, велѣлъ крѣпко держаться и слѣдовать за собою. Другой проводникъ сдѣлалъ то же съ моимъ товарищемъ, и мы снова отправились въ путь. Сводъ пещеры былъ здѣсь несравненно выше: иногда, мы не могли рассмотреть его. Подъ ногами нашими шумѣла вода, также невидимая. Только когда тропинка приближалась къ самому краю потока, мелкія искры свѣту начинали сверкать въ темнотѣ и означать мѣсто, гдѣ онъ протекаетъ. Долго мы шли по этому темному, обширному и безмолвному подземелью. Намъ казалось, что мы, въ безвѣтренную и беззвѣздную ночь, взбираемся на какую-нибудь высокую гору. Мы не видѣли около себя ничего, кромѣ нѣсколькихъ саженъ каменнаго грунта, по которому лежитъ наша дорога: свѣтъ факеловъ не озарялъ передъ нами болѣе ни какихъ предметовъ. Вдругъ одинъ проводникъ остановился и началъ прислушиваться. Это продолжалось минуту или двѣ. Потомъ онъ сказалъ нѣсколько словъ на мѣстномъ нарѣчій своему товарищу, и мы пошли гораздо скорѣе чѣмъ прежде.

«Съ этого мѣста дорога начала такъ же круто спускаться подъ гору, какъ сперва она поднималась въ гору. Шумъ ручья давно уже не было слышно: вокругъ насъ царствовало глубокое тишина. Проводники снова остановились,

чтобъ совѣтоваться. Одинъ взялъ большой камень и изъ всей силы бросилъ его въ пустое пространство, лежащее передъ нами. Нѣсколько секундъ не было ни какого отзвуку : наконецъ послышался глухой звукъ, подобный тому, какой пронесло отъ паденія чего-нибудь въ глубокой колодезь. Этотъ звукъ прилетѣлъ къ намъ изъ отдаленія, снизу : следовательно ручей, къ которому вела наша тропинка, распространялся подъ нами. Мы начали осторожно спускаться по мокрымъ и скользкимъ камнямъ, и скоро замѣтили у ногъ своихъ широкій бассейнъ, въ которомъ пропала наша тропинка. Естественнымъ образомъ мы стали тотчасъ искать глазами лодки для переправы черезъ это подземное озеро, котораго противоположный берегъ былъ намъ невидимъ; но проводники опять посадили насъ къ себѣ на плеча и вошли въ воду. Мѣстами, они погружались въ нее по поясъ; мѣстами, она заливала имъ всю грудь; и такое шествіе продолжалось около четверти часу : признаюсь, я съ большимъ удовольствіемъ перевелъ дыханіе, когда поставилъ ногу на противоположный берегъ. Здѣсь начались пески, какъ-будто это было побережье моря. Мы шли скорымъ шагомъ, следуя совѣтамъ проводниковъ, которые, отъ времени до времени, продолжали останавливаться и прислушиваться съ большимъ вниманіемъ. Скоро мы подошли къ другому скопу воды, находящемуся въ узкомъ пространствѣ, похожемъ на коридоръ, гдѣ пройденное нами обширное подземелье оканчивалось въ видѣ воронки. Стѣны этого длиннаго коридора круто сближаются, оставляя между собой тѣсную дорогу потоку. Очевидно, что эта щель прорыта водой, которая просачивается сквозь гору : слѣды ея видны не только на полу и стѣнахъ пещеры, но и на камняхъ, висящихъ со свода.

«Въ это время мы услышали въ потемкахъ передъ собой нѣчто похожее на гулъ отдаленнаго грома. Проводники наши, казалось, очень встревожились : они остановились, слушали, дѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, опять останавливались, и потомъ тащили насъ за собой по дурной дорогѣ, усыпанной крупнымъ булыжникомъ. Этотъ булыжникъ занесенъ сюда стремленіемъ воды; идти по немъ до крайности трудно; полу-большой жой товарищъ выбивался

изъ силъ и во-мгнутаю останавливался для отдыха. Между-тѣмъ проводники торопили насъ. «Скорѣе! скорѣе! говорилъ старшій. Вчера въ горахъ была буря; снега на Портоле распустились отъ дождей; вода прибываетъ.... Бѣда намъ, если потокъ захватитъ насъ въ подземелье!» — «Слышите, какъ онъ речетъ со стороны Галльо?» приподнявъ его товарищъ, и, въ самомъ дѣлѣ, мы слышали какой-то глухой, страшный гулъ, достигавшій до насъ отъ конца пещеры, къ которому мы подвигались. «Какъ?.... это вода речетъ такимъ страшнымъ образомъ?» — «Да, синьоре, вода. Вотъ часокъ мѣста, и она такъ нахлынетъ, что зальетъ все подземелье..... Скорѣй, скорѣй, гостода!» Мы не заставили повторять этого совѣта, и, уцѣпившись за платье проводниковъ, пустились изъ всѣхъ силъ къ отверстію. Между-тѣмъ коридоръ, по которому мы бѣжали, становился все шире. Скоро намъ показалось что-то въ родѣ широкаго луча свѣту, который, какъ-будто сквозь большую отдушину, упалъ въ подземелье. Мы остановились, чтобы отыскать причину этого оптическаго явленія; но проводники схватили насъ за руки, и, таща черезъ воду, потому что тутъ не было сухой тропинки, закричали: «Бѣгите! бѣгите! Вода ужъ близко: минуту проѣзжаемъ, такъ и воиной насъ звали!» Дѣйствительно, не успѣвъ онъ договорить, какъ вода уже поднялась намъ по колѣни, потомъ по бедра, и если бы не проводники, то страшная бѣгстрота потока неминуемо увлекла бы насъ. Общими силами мы противустали напору прибывающихъ волнъ, и, цѣпляясь руками за обломки скалы, поднялись наконецъ къ отверстію, гдѣ наводненіе уже не могло захватить насъ.

Зрѣлище, которое тутъ передъ нами открылось, было великолѣпно и удивительно. Коридоръ, откуда мы вышли, примыкалъ къ пространной пещерѣ, освѣщенной посредствомъ отдушины, которая была прямо надъ нашими головами и выходила на самую вершину горы. Небольшое пространство неба, видимое сквозь эту разсѣлину, казалось яркаго лазурнаго цвѣту, и отраженіе его во внутренности пещеры наводило голубой оттѣнокъ на самыя отдаленныя и тайныя ея углубленія. Мы увидѣли себя въ какомъ-то огромномъ фантастическомъ голубомъ гротѣ. По краямъ отверстія, въ

прислонялись кутаясь подъ нашими головами, росла сосны, которыя, на этой чрезвычайной высотѣ, можно бы было принять за дусты можжевеловника, если бы некоторыхъ изъ нихъ не опрокинуло вѣтромъ въ пещеру, гдѣ мы могли измѣрить ихъ чудовищную величину. Ниже этого лѣсу взошли, какъ-будто поддерживаемые невидимой силой, обломы горы, растрескивавшей во всехъ направленіяхъ. Между ними катились потоки, образуя сперва нѣсколько мелкихъ каскадовъ, а потомъ сливаясь въ одинъ обширный бассейнъ, въ которомъ голубое отраженіе неба чудесно перемѣнялось съ близкой павы. Шумъ этихъ подземныхъ каскадовъ былъ оглушительный, и съ каждой минутой, кажется, становился сильнѣе. «Пойдемте, пойдемте, господа! закричалъ одинъ проводникъ. Нечего терять время: вода сильна!» Онъ указалъ намъ на тоннель, изъ котораго мы вышли, и сердце мое затрепетало отъ ужаса: наивысшія волны захватили все отверстіе подземнаго ходу, и если бы мы еще были подъ его тѣсными сводами, то намъ неизбежно пришлось бы или задохнуться въ этой могилѣ, или быть изломанными и раздавленными водой объ острые камни, которые торчатъ изъ стѣнъ тоннеля.

«Но опасности наши еще не кончились. Мы должны были пробираться подъ огромными камнями, чуть державшимися надъ нашими головами, и переходить черезъ пропасты на каменныхъ сводахъ, которые такъ и тряслись подъ напоромъ воды. Пройдя двѣ трети этой дороги, проводники опять загляли свои факелы, и ввели насъ въ новую пещеру, которая перпендикулярно углубилась во внутренность горы. Мы начали спускаться; спустились долго, какъ-будто бы шли къ антиподамъ.... Вдругъ раздался возгласъ громкаго крика, и въ то же время мы увидѣли стволы нѣсколькихъ ружей. «Я это предчувствовалъ, шепнулъ мой товарищъ: мы попали на засаду бандитовъ.» И въ самомъ дѣлѣ, насъ окружило нѣсколько человекъ съ ружьями, съ саблями, съ пистолетами. Мы испугались. Ветрача повелась намъ тѣмъ больше неблаговидною, что проводники наши очень дружески обошлись съ незнакомцами. Мы начали выпоразнивать свои карманы, съ твердымъ намѣреніемъ отдать все бандитамъ, лишь бы они насъ не убивали, какъ

другъ одинъ изъ проводниковъ, широко догадываясь, что мы думаемъ, удержалъ мою руку и попыткась со смеху. «Что вы? что вы? сказали онъ: разве не видите, что это чистые стражи благочинья, *guardiani di quieto vivere?*.. Они отыскиваютъ двухъ мошенниковъ, которые обокрали лавочку въ Асиаго, и спрашиваютъ, не видали ли мы ихъ въ подземелья.» Проводникъ очень хорошо слышалъ, что успокоилъ насъ насчетъ званія и значенія незнакомаго: безъ того, мы никакъ не сочли бы ихъ за людей, пекущихся о благочинии, потому что сами они ничьимъ вовсе не благочинную наружность, а особенно одинъ, рослымъ дятломъ, съ сядой бородой, смотрѣлъ такимъ сорванцомъ, что ужасъ. Но мы были очень несправедливы къ этимъ людямъ, судя по ихъ окказіонализму.

«Честные господа *guardiani di quieto vivere*, узнавъ отъ проводниковъ, что подземная дорога залита наводненіемъ, расудили отправиться назадъ въ Асиаго и выбрали одинъ съ нами путь, черезъ ущелія горы Буссо. Спустя несколько минутъ, мы пришли къ отверстію послѣдняго подземелья и увидѣли себя на днѣ рва, между высокими скалами, которые стояли около насъ какъ стѣны. По-временамъ, когда вниманіе наше не было обращено на опасность дороги, мы съ любопытствомъ равсматривали своихъ новыхъ спутниковъ. Одинъ изъ нихъ, тотъ, о которомъ я поминулъ выше, замѣтилъ, что я на него украдкой поглядываю, и безъ дальнихъ околичностей сказалъ по-французски: «Наши военные мундиръ не такъ великолѣпны какъ ваши: у насъ полковника узнаете только вотъ по такой португезъ, да по этой кокардѣ и позументу.» — «Такъ вы полковникъ? спросилъ мой товарищъ, вытаращивъ глаза. — «*Si, signore*, отвѣчалъ тотъ: и еще больше, если прикажете: я главнокомандующій всей здѣшней арміи, — прекраснаго звѣзда вышоты, те считая волонтеровъ.» Товарищъ мой засвидѣтельствовалъ ему должное уваженіе. Разговаривая о разныхъ предметахъ съ главнокомандующимъ всѣхъ силъ республики Семи Общинъ, мы наконецъ совершенно выбрались изъ пещеры. Зрѣлище, которое тутъ открылось передъ нами, поразило меня своей странностью. Вездѣ пирамидальныя известковыя горы; бока ихъ, въ некоторыхъ мѣстахъ опу-

жены рощами, въ другихъ васаляхъ картошелевъ, въ третьихъ обращены къ топціи настобнца. Это были уже владѣнія республики Семи Общинъ, стороны бѣдной, безплодной, но чрезвычайно промышленной и воздѣланной до самыхъ вершинъ ея страшныхъ пиковъ.»

ФАБРИКАЦІЯ МОЗАИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ И НАМЕЩЕЪ ВЪ ИТАЛІИ. Одна изъ послѣднихъ книжекъ Edinburgh New Philosophical Journal нынѣшняго года, заключаетъ въ себя весьма любопытныя свѣдѣнія по части мозаики и камеевъ. Мозаика была известна въ Римѣ съ первыхъ временъ республики, но какъ тогдашними законами противъ роскоши запрещался ввозъ иностраннаго мрамору, то всѣ мозаическія картины древнихъ Римлянъ состояли изъ двухъ цвѣтовъ, бѣлаго и чернаго. Онѣ не замѣчательны въ отношеніи къ самому искусству, и могутъ заслуживать вниманія только по своей древности и изображеніямъ, какія на нихъ представлены. Во времена императоровъ мозаисты сдѣлали большіе успѣхи, потому что запрещеніе на иностранный мраморъ уничтожилось, и они стали употреблять не только натуральныя разноцвѣтные камни, но и искусственныя камнеобразныя композиціи, smalti, посредствомъ которыхъ можно представлять какіе угодно оттѣнки цвѣтовъ. Наконецъ, девятнадцатое столѣтіе возвело мозаику на высочайшую степенъ. Въ наше время мозаическія картины — въ самомъ дѣлѣ картины, составленныя изъ безчисленнаго множества маленькихъ кусочковъ разноцвѣтнаго мрамору и камнеобразныхъ составовъ, которые прикрѣпляются клѣйкой мастикой къ мѣдной доскѣ, и потомъ сглаживаются и полируются, какъ одинъ цѣльный кусокъ мрамору. Посредствомъ мозаики снимаютъ копіи съ лучшихъ живописныхъ картинъ, и такимъ образомъ упрочиваютъ ихъ на безконечное время. Римское правительство содержитъ особенную мозаическую мануфактуру. Заведеніе это помещается въ томъ самомъ отѣленіи Ватикана, гдѣ прежде была инквизиція. Надъ одной картиной трудились одиннадцать человекъ въ продолженіи двадцати лѣтъ. Число всѣхъ цвѣтовъ и тѣней въ искусственныхъ композиціяхъ простирается болѣе нежели до осьмнадцати тысячъ. Кусочки,

вставляемые въ картину, являются чрезвычайно чистыми, такъ, что самые крупные камни не болѣе одной дюймовой доле дюйма въ диаметрѣ, а по методу, введенному въ 1776 году мастеромъ Рафаэлли, равняются иногда диаметру болѣе. Ихъ готовятъ въ Венеціи, въ видѣ налочекъ, толщею съ карандашъ. Мастеръ пропускаетъ ихъ сквозь узкую трубку, которая равно бываетъ шире ствола самыхъ низкихъ травныхъ растений. Чѣмъ тоньше эти налочки, тѣмъ лучше можно представить постепенные перемены дѣтотъ, и вся работа выходитъ изящнѣе. Она требуетъ очень много времени: картина величиной въ два квадратныя дюйма, представляющая развалины, букетъ цвѣтовъ, или группу фигуръ, займетъ искуснаго художника втеченіи двухъ мѣсяцевъ и можетъ стоить отъ тридцати до полутора рубля серебромъ, смотря по работѣ; лишишь въ шесть дюймовъ въ длину и четыре въ ширину потребуетъ осьмнадцати мѣсяцевъ и будетъ стоить отъ трехъ сотъ до трехъ сотъ пятидесяти рублей; а картина, представляющая Пестумъ, осми футовъ въ вышину и двѣдцати въ ширину, сдѣлана четырьмя работниками въ три года и продана слишкомъ за шесть тысячъ триста рублей серебромъ.

Флорентинскіе мозаическія картины, извѣстныя подъ названіемъ *pietra dura*, склываются изъ настоящихъ камней. Лучшее произведеніе въ этомъ родѣ — осьмиугольный столъ, начатый мастеромъ Джакко Дятелли въ 1623 году и конченный не прежде 1649 года, хотя надъ нимъ постоянно трудились двадцать два человека. Онъ хранится въ флорентинской галерей и цѣнится въ полутора тысячу рублей серебромъ. Ниче мозаика изъ настоящихъ камней дошла до совершенства и производитъ вещи красоты удивительной. Цѣнность употребляемыхъ при этой работѣ материаловъ, къ которымъ принадлежатъ драгоценные камни и дѣлкіе дорогіе минералы, малахитъ, порфиръ, яшма, и дроядъ, значительно возвышаетъ достоинство флорентинскихъ мозаическихъ картинъ *pietra dura*, и потому онѣ продаются гораздо дороже римскихъ въ композиціи.

Недавно въ Англіи пробовали подражать флорентинскимъ мозаикамъ, утверждая на черномъ мраморѣ, добытаемомъ

въ камешкованыхъ герцога Девонширскаго, кажутся и другіе камни. Онигь увеличился успѣхомъ : картины велики и прекрасныя ; онъ не такъ прекрасенъ какъ флорентинскіе, зато несравненно дешевле.

Дѣланіе камесей или рѣзныхъ камней — также искусство очень древнее и до-сихъ-поръ процвѣтаетъ въ Римѣ. Камни бываютъ двухъ родовъ : одни изъ драгоценныхъ камней, другіе изъ раковинъ. Въ камняхъ изъ драгоценныхъ камней, цѣна вещи, кромѣ работы, разумеется, много зависитъ отъ матеріалу. Лучшими матеріалами почитаютъ восточный ониксъ, родъ агата съ параллельными, большими черными, полосками, и полупрозрачный, темный и блѣднѣй, корнелинъ. Если въ камень случится четыре или пять разноцвѣтныхъ слоевъ, то цѣна вещи значительно возвышается. Такимъ образомъ можно вырѣзать, напримеръ, на камень въ четыре слоя, голову Минервы, у которой лицо будетъ свѣтлое, грудь и шлемъ черные, перья на шлемѣ сѣрые, а поле, fond, темное.

Хорошіе мастера иначе и не работаютъ, какъ на камняхъ, которые имеютъ по-крайней-мѣрѣ два слоя совершенно различнаго цвѣту, безъ промежуточнаго оттѣнка, какъ въ германскихъ агатахъ, надъ которыми, впрочемъ, трудились многіе отличные художники. Хорошій двуцвѣтнѣйшей камешекъ, величиною около дюйма въ діаметрѣ, стѣитъ отъ волутора до двухъ сотъ рублей серебромъ. Знаменитый мастеръ этого дѣла, Джирометти, проситъ слишкомъ двадцать тысячъ серебряныхъ рублей за осемь камесей, вырѣзанныхъ на камняхъ въ нѣсколько разноцвѣтныхъ слоевъ, отъ волутора до трехъ съ половиной дюймовъ въ діаметрѣ. Для рѣзбы камесей на драгоценныхъ камняхъ, употребляютъ острые стальные инструменты и порошокъ изъ алмаза.

Берега Африки и Бразиліи изобилуютъ раковинами, у которыхъ одна сторона бѣлая, а другая желтая или оранжевая. Изъ этихъ раковинъ дѣлаютъ хорошіе камни обыкновеннымъ стальнымъ рѣзцомъ : подражаютъ древнимъ рисункамъ, вырѣзываютъ портреты, и все это выходитъ очень отчетливо. Римскіе мастера довели до совершенства рѣзбу камесей этого рода, и работы ихъ, во всякой дѣла, продаются дешево : портретъ стѣитъ тридцать рублей

серебромъ , а голову въ древнемъ януса или какою-нибудь оригинальнѣйшій рисунокъ , очень порядочно выраженный, можно купить рублей за двѣнадцать :

ВЪЗТѢ ИЪ ПЛЪВЪ И УМѢЩЕНІЕ БОЛЬШОГО КАМНА, ИЛИ КРОКОДИЛА, БЛИЗЪ МАНЬИИ. Въ 1831 году, одинъ путешественникъ, — сказано въ *American Journal of Science*, — узналъ, что въ Галагабъ, близъ Маньии, огромный крокодилъ безпрестанно пожиралъ лошадей и коровъ, прогуливающихся по берегамъ рѣки, падающей въ озеро. Разъ это чудовище осмѣлилось даже напасть на благочестиваго Индѣйца, который переправлялся черезъ рѣку верхомъ, безчинно увлекло его на дно своего водянаго жилища, и тамъ растерзало, хотя онъ, говорятъ, оказалъ весьма мужественное сопротивленіе. Наконецъ нашлись добрые люди, которые издумали, совокупными силами, освободить окрестныхъ жителей отъ такого бѣдствія. На ту пору пронесся слухъ, что крокодилъ съузилъ лошадь, которая често паслась на берегу рѣки, илѣкъ въ пяти отъ устья. Немедленно были приняты мѣры къ прегражденію ему обратнаго пути въ озеро : протанули поперекъ рѣки въ три ряда сѣти, какія употребляются для ловли буйволовъ, закрепили ихъ за береговыя деревья, а по берегамъ выставили охотниковъ съ ружьями. Между тѣмъ Индѣйцы, посредствомъ длинныхъ палокъ, старались отыскать въ рѣкѣ убѣжище каммана, и привести животное въ движеніе. Лишь-только это было достигнуто, какъ крокодилъ нырнулъ въ самую глубь къ передовой сѣти, и потомъ поплылъ назадъ. Онъ повторилъ этотъ маневръ нѣсколько разъ, и наконецъ сталъ карабкаться на берегъ. Его встрѣтили пулей. Камманъ заворчалъ какъ собака, и, нагружаясь въ воду, приступилъ къ противоположному берегу. Тамъ его встрѣтили также пулей, которая воцала чудовищу прямо въ пасть. Крокодилъ нѣсколько разъ бросался отъ одного берега къ другому, и въ это время получилъ множество ранъ ; потомъ быстро поплылъ вверхъ по рѣкѣ, пока не достигъ слишкомъ мелкаго мѣста, и наконецъ, въ бѣшенствѣ и отчаяніи, устремился на сѣти, прорвалъ двѣ изъ нихъ, но запутался зубами и лапами въ третью. Въ это

время охотники шагами на нем со всех сторон съ дробинками, которые для прохода испривились втрое больше пуль. Ихъ возили въ камняхъ такое множество, что они казались льдомъ на его тѣлѣ. Одинъ дробикъ воткнулся въ середину спины, а левый изъ нихъ ударилъ въ плечо, и большаго пошиба такъ молотомъ. Тогда потонула прокладка отъ него на берегъ, и нанесла ему послѣдній ударъ въ голову.

Была уже ночь, когда кончилась эта битва. При своемъ существованіи смаряли тѣло чудовища. Оно имѣло одиннадцать футовъ въ окружности подъ передними лапами и тринадцать околѣ желудка, который былъ особенно толстъ оттого, что крокодилъ, незадолго передъ смертью, утѣшилъ себя похлѣбью. Длина прожорливаго покойника составляла около тринадцати футовъ. По вскрытіи трупа, нашли, кромѣ другихъ частей съдвѣнной лошади, три ноги, которыя имѣли проглотить шельмонъ, не считая за нужное разжевать ихъ. Сверху того въ брюхѣ была проиастъ камышеваго, имѣла въ несколько фунтовъ. Голова крокодила была около трехъ саженъ, и была такъ толста попрыга масонъ и муршумми, что нуан сплюснулся объ кости, не сделавъ намъ ни какого вреда.

шельмонъ, видѣвъ еще меншиакишевъ. Не одни мы, Русскіе, имѣемъ квасы, меды, брагу, и множество разныхъ другихъ напитковъ, для утоленія жажды: по ту сторону земнаго шара, въ Мексикѣ, также есть свои кисельныя. «Успѣвъ собрать нѣкоторыя данныя по предмету разсѣланія алоя и приготовленія изъ него пушки, я считаю долгомъ сообщить о томъ къ всеобщему свѣдѣнію», говоритъ нѣмецкій путешественникъ Вуртгардтъ, въ *Aufenthalt und Reisen in Mexico, 1825 — 1834*. Окрестности мексиканскаго города Лермы покрыты аловыми плантациями. Когда дерево начинаетъ цвѣсти, дѣлаютъ надрѣвъ на стволѣ его, и начинаютъ оттуда всю сердцевину, и черезъ это образуется пустота, въ которую стекаетъ сокъ изъ растенія, служащій матеріаломъ для пушки, любимаго напитка мексиканцевъ. Количество этого соку иногда такъ значительно, что его выцѣживаютъ по два и по три раза въ день. Сначала онъ

отъ сладости, и имъ отъ извѣстныхъ агавовыхъ листьевъ выжимаютъ сокъ, который въ Хурасіи называютъ *медовой водою*, входящею въ составъ снѣдковъ и напитковъ; которую съ прѣсими листьями перемешиваютъ и употребляютъ. Этою водою пьютъ: Ежели броженіе было сильное и испорчено тошнотой, напитокъ называется *алмадомъ*; дулки, *фидаро* и *фидаро* съ нимъ употребляютъ съ сахаромъ, кристаллами, опію и *фаворомъ*. Мексиканцы предпочитаютъ прѣсладкій, но туземцы не могутъ употребить его. Подъ четырнадцатидесяти Бразиліи, пульке получаютъ название *миллерано*, иаде, *радио*. Въ этомъ видѣ его употребляютъ въ небольшомъ количествѣ къ *агуашиелъ*, и изъ смѣси выходитъ самыи дурный родъ пульке. Онъ очень пріятенъ въ жаркое время; на видъ жидокъ какъ вода, но бѣловатъ и не имѣетъ свойственной ей прозрачности. Ежели держать пульке въ глиняной посудѣ, то въ немъ не будетъ ни остраго вкуса ни дурнаго запаха; но туземцы перевозятъ его въ кожаныхъ мѣшкахъ, и оттого онъ скоро принимаетъ тяжелый запахъ и отвратительный вкусъ испортившагося мяса. Несмотря на это, Мексиканцы пьютъ свое пульке съ большою жадностью, и только по соседству отъ плантацій, у людей зажиточныхъ, можно найти его свѣжимъ и невопючимъ.

Заготовленіе и продажа пульке, по значительности всеобщихъ на него требованій, превратились въ особенную ветвь промышленности. Алоэвыя плантаціи, лежація близъ городовъ, приносятъ довольно большіе доходы. Добываніе соку продолжается два или три мѣсяца; каждое дерево даетъ отъ десяти до двѣнадцати ведеръ *медовой воды*; а цѣнность всего количества пульке, получаемого съ одного дерева, составляетъ до десяти или двѣнадцати пиастровъ, то есть, до тридцати съ половиной или шестнадцати рублей серебромъ.

ПРИМѢЧЕНІЯ АНГЛІЙСКАГО МИЧМАНА МЭЛЬФОРДА
ВЪ ЖИЗНѢ. Въ июнь, вечеромъ, 1839 года, *Джеманна* и *куа* якорь въ Бонка-Тигрисъ, не далеко отъ франко-англійскаго города Кантона. Мичманъ Томъ Мельфордъ находился на якорѣ, который доставили на берегъ чистыя якоря, но самъ не вышелъ и не хотѣлъ воспользоваться позволеніемъ въ прѣдѣлѣ стѣна *Небесной Имперіи*, которая сего

неоднократно допускаетъ каждый Европѣецъ гулять по окрестностямъ Кантона втеченіи цѣлыхъ трехъ дней. Мельфордъ, нашъ говорится, имѣлъ бурную молодость: онъ, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, женился въ Калмакутѣ, и вдругъ принялъ твердое намѣреніе жить какъ подобаетъ вѣрному супругу, чтобы своимъ поведеніемъ заставить забыть то, не совсемъ произвольное, обстоятельство, вслѣдствіе котораго женился онъ по настоянію своего теперешняго деверя, большаго грубіана и драгунскаго офицера. Но должно замѣтить, что Мельфордъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ чувствителенъ и добръ, какъ въ повѣсьи двадцати двухъ лѣтъ.

Молодой оболъститель не только смиренно склонилъ главу подъ ярмо супружества, но еще далъ клятву, которой отъ него вовсе не требовали, клятву никогда не заикаться про любовь другой женщины кромѣ жены, и даже отражать силою всякія женскія нападки, какъ со стороны блондинокъ, такъ и со стороны брюнетокъ.

Первымъ плодомъ брака была дочь. (Извините за подробности.) Мельфордъ, по древнему и коренному обычаю всѣхъ отцовъ, желалъ бы имѣть сына, которому уже и пріискалъ-было презвучное имя: однако жъ, нечего дѣлать, радъ былъ и дочери. Между-тѣмъ, новая беременность мистрисъ Мельфордъ подала ему новыя надежды, и онъ, въ восторгѣ, ударился объ закладъ, что на этотъ разъ родится сынъ.

Къ несчастію, въ Англіи, какъ и вездѣ, по службѣ нѣтъ отговорокъ, а Мельфордъ служилъ мичманомъ. *Джемзина* выходила въ море. Пришлось разстаться съ молодой и любимой женою. Она потребовала повторенія клятвы въ вѣрности, и Мельфордъ повторилъ, ни сколько не задумавшись.

Черезъ мѣсяцъ потомъ, *Джемзина*, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ, кинула якорь передъ Кантономъ.

Сказать правду, Мельфорду и не стоило большаго труда быть вѣрнымъ своей клятвѣ. Онъ привыкъ видѣть хорошихъ и милыхъ Англичанокъ, а тутъ, во время путешествія, когда выходилъ на берегъ, все встрѣчало дикая смуглыя, мадноцвѣтныя, татуированныя, съ носами призмислутыми, съ серыгамъ въ ноздряхъ, съ ушами жита-

кутаны донести, на голубахъ, лиловое велось, жаркую мореть, и такая убийственно по-дья.

Мельорадъ воздавалъ благодаренія природѣ за это безобразіе прекраснаго пола, и думалъ о женѣ, о дочери, о будущемъ сынѣ, котораго распорядился назвать Саменомъ. Онъ унылся при воспоминаніи о своемъ медовомъ мѣсяцѣ, и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на оригинальную картину китайскаго быту, столь достойную любовнытства. Но чтѣ до міра, и даже чтѣ до Китая, молодому супругу, разлученному со всемъ милымъ сердцу?

Нельзя уже представить себѣ большей китайщины какъ берега, передъ которымъ, съ европейскою пріятностью, покачивалась шлюбка *Джемзины*. Синія воды Чу-дзяна спокойно катятся въ море промежду двумя рядами деревень, хорошенькихъ, словно написанныхъ на фарфорѣ, а на волнахъ весь вѣкъ свой качается другое селеніе, на яйцеобразныхъ баркахъ, подъ сводами цвѣтущихъ бамбуковъ и кудрявыхъ тамарисковъ. Широкая картина замыкается на горизонтѣ синими горами, свѣтлыми и прозрачными, словно легкія облака, сквозь которыя просвѣчиваетъ заходящее солнце: взоръ разбѣгается и утопаетъ въ безконечныхъ переливахъ зелени рисовыхъ полей и садовъ. мѣстами перехваченныхъ массивными купами кактусовъ или лимонными, туловыми, банановыми и пихтовыми рощами.

Настанетъ ночь: картина терлетъ характеръ существованности и переходитъ въ область сновидній. Китай — написанный красками сонъ. Тысячи вллюминированныхъ лодокъ ширяютъ и скользятъ по рѣкѣ, словно падучія звѣзды понебу; множество искусственныхъ солнць загорается на всѣхъ кіоскахъ мандариновъ и купцовъ честной чайной компаніи Хунъ или Hong: поднебесная имперія устроиваетъ себѣ особенное, земное, небо, со своими собственными свѣтилми, и оркестръ китайскихъ гитаръ, индѣйскихъ бинговъ и гонговъ, при пронзительныхъ крикахъ сумасброднаго города, являетъ несмѣтныя скопища этихъ свѣтилъ, въ минуту разсыпавшихъ по предмѣстію и селамъ, по рѣкѣ и до моря.

Мельорада еще сильнее ододела грусть при видѣ такого

вещарик Огъ четверою языкомъ выговаривалъ пышавшаго чужаку, чтобы написать къ жене письмо и послать ей самый лучший подарокъ. Кошмаръ сурового дождя, онъ промчалъ себя и раскидал сейтъ на берегъ, потому что не хотѣлъ никому доверить доставки письма къ западной мотузъ *Hog-Lane*, находящуюся въ провинціи Кантонъ.

Въ эту пору на *Hog-Lane*'а и въ *Olimpstreet* происходили удивительныя вещи. Тридцать матросовъ и два немана съ *Джаманки* осадили Кантонъ, и въ несколько выстрѣловъ впередъ начали длинный этотъ рядъ чудовищствъ, который въ сороковомъ году произвелъ войну между китайскими богдыханомъ и королевою западнскою.

Два крабрые мичмана были въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда люди думаютъ, что Китайцы рождены на свѣтъ для ихъ потѣхи: они никогда не выдали другихъ Китайцевъ кромѣ фарфоровыхъ подъ стекломъ, которые такъ забавно киваютъ головками, когда ихъ пошевелишь, или подданныхъ, въ балетъ «*Kia-king*», которые, когда ихъ волютятъ дубиною, поднимаютъ указательныя пальцы надъ головой и кричатъ — *хи!*

Китайскихъ болванчиковъ, выдѣлывающихъ резныя штуки, они выдали много въ жизнь свою на всѣхъ морячельныхъ камняхъ въ Европѣ, и много перебили и переломали ихъ въ дѣтствѣ.

Судите же о счасти молодыхъ повѣсь, когда они, съ густымъ облакомъ портерныхъ паровъ въ головѣ, вдругъ очутились въ отечествѣ этихъ уродовъ, на ихъ родинѣ, на самой *болванщицѣ*, посреди живыхъ Китайцевъ. Будучи уверены, что позволительно разбивать эти живыя чучела какъ фарфоровыя куклы, они, идучи по *Hog-Lane*'у, шли какъ школьники передъ каждою лавкой, не миновали никакой ни одной бумажной оконницы, чтобы не проткнуть въ ней дыры пальцемъ, безпокоили чеканильщиковъ, кузнецовъ, живописцевъ, филигранщиковъ и лакировщиковъ, и, полагаясь на удивительное терпѣніе и верность своихъ жертвъ, кучерылъ, одна за другою, побили себя ломать какъ куклы, наконецъ схватили одного продавца чашекъ за длинный чубъ, и принялись его вертѣть по доблѣ волчка, какъ вертѣтъ носъ *Tittles* въ *Kia-king*.

.. Слѣзь тѣлаго торшана, даже Китайскаго, которое бы не
 имѣло предѣловъ. Купецъ, который, какъ въ триста
 шаляковъ вѣсъ трусовъ, Китайцевъ, съ стрѣлками смотрѣть
 на мудиръ английскихъ моржовъ, двенадцатый ме-
 стовой обидой до крайности, взвизгнувъ ужасное къ, и,
 схвативъ одного молодаго Англичанина за-воротъ, тор-
 шественно повалилъ его себя подъ ноги. Другой мичманъ
 въхватилъ кортика, и, вѣрно, расноролъ бы Китайцу брю-
 хо, если бы тотъ не вскочилъ съ проверотвомъ балетнаго тан-
 цора на пирамиду сандальнаго дерева, и не пустилъ въ непри-
 теля, съ высоты этой цитадели, градомъ болванчскихъ бо-
 жанчиковъ, своихъ китайскихъ боговъ. Мало того: осажде-
 нный три раза ударилъ въ висѣвшій подлѣ тамташъ, родъ ба-
 рабана. На звукъ этого набата набѣжали сосѣди, съ страшны-
 ми междометіями въ устахъ и съ палками въ обѣихъ рукахъ.
 Тридцать матросовъ *Джемзини*, которые гуляли по *Hog-*
Lane'у, прибѣжали на помощь къ мичманамъ, и носили ева-
 ка. Китайцы, съ бамбуковыми палками, и моряки, съ ангай-
 скими кулаками, которые крѣпче бамбуку, схватывались храбро;
 поле сраженія вскорѣ было усыяно щепками дубинъ, разбитыхъ о
 чугуныя ангайскія плечи, китайскими колчакими, вывѣскными
 болванчиками, черепками фарфоровой посуды, лужами лаку,
 клочками ширшъ зонтиковъ, всеми хрустками рѣдкостями,
 какія гогленскій музеумъ выставляетъ на показъ европейскимъ
 покупателямъ. На крикъ Китайцевъ изъ предѣстія, волнами
 нахлынули Китайцы изъ города, вооруженные огнестрѣльнымъ
 снарядомъ, и стали пазить въ Англичанъ своєю невинной
 артиллеріей ракетныхъ солнцъ, шутихъ и пекинскихъ бомбъ.
 Моряки, видѣвшіе Наваринъ, хохотали посреди этого негучаго
 пожару, и продолжали прикрывать свои кулаки къ узкимъ
 глазкамъ несчастныхъ Китайцевъ, плохихъ кулачныхъ бейцовъ,
 которые обрѣкидывались какъ карточныя загородки.

Такимъ образомъ *Hog-Lane* дрожалъ какъ фарфоровая
 ваза, когда Мельфордъ, съ письмомъ въ рукѣ, подошелъ къ
 почтѣ. Онъ напечаталъ важныи поцѣлуй на обожаскомъ
 штепн адреса, и поднялъ руку къ кружкѣ, чтобы опустить
 туда письмо, какъ вдругъ получилъ сильный ударъ китайской
 палицей въ голову, слабо защищаемой одной фуражкой. «Му

dear wife! Милая моя жена!» вскричалъ онъ, и безъ чувства упалъ на мостовую.

При паденіи Мельфорда раздался смертельный стонъ съ соседняго балкона, отворилась дверь, вышелъ слуга, под-
нялъ письмо, бросилъ его въ кружку, и втащилъ молодого Англичанина въ домъ за-мертво.

Въ то же время по *Hog-Lane*'у пробыжалъ знакомый вѣкъ въ Кантонъ, односложный, повелительный звукъ — «*Ли, ли, ли!* Раздайся! раздайся!» Вдали, при свѣтѣ искусственныхъ солнць, показался желтый паланкинъ губернатора или, яснѣе сказать, *Глаза* кантонскаго. Глазь, по имени Бей, былъ человекъ лѣтъ семидесяти, и, хотя кривой, однако жъ пользовался большою славою за свою дальновидность. При видѣ своего достопочтеннаго Глаза, Китайцы со страхомъ и покорностью стали какъ вкопанные, особенно когда услышали грозное восклицаніе *Фей-хи!* «Благоговѣйте передъ симъ!»

Глазь былъ трусъ, еще пуще главнокомандующаго всею поднебесною арміею, но зато онъ говорилъ по-англійски и славился своимъ односложнымъ краснорѣчіемъ. Онъ съ важностью принялся разглагольствовать передъ первымъ попавшимся матросомъ и, со слезами на глазахъ, укорялъ его за нарушение спокойствія первокласнаго града китайскаго, друга Англии. Дюжему моряку, предводителю шайки, въ первую минуту пришла-было мысль поставить послѣднее синее пятно подъ узкіе глаза Глаза, но человеконлюбіе тутъ же внушило ему умѣренность, и во-время удержало ему руку, уже готовую сжаться въ кулакъ: онъ даже уговорилъ товарищей возвратиться на корабль, и пожелалъ Глазу доброй ночи. Трубы съ китайскихъ павильіоновъ возвѣстили конецъ войны. Вскорѣ на *Hog-Lane*'ѣ водворилась тишина и ночь. Молодые Китайки, которымъ красивые мичманы, несмотря на свои проказы, внушили дружелюбное расположеніе, еще стояли нѣсколько времени за узкими слуховыми окнами, прислонясь ухомъ къ рѣшетчатой сторѣ. Не слышно было ничего кромѣ тихой воздушной гармоніи односложныхъ звуковъ *ли*, подобныхъ послѣдней пѣснѣ бенгальскихъ заблѣковъ, когда они, вечеромъ, засыпаютъ въ гудѣхъ джетьхъ манга.

Экзаменованный мандаринъ, начальникъ кантонской иностранной почты былъ мудръ и благоразуменъ какъ классическій Китаецъ. Онъ присутствовалъ въ дверяхъ при стычкѣ бамбуковыхъ палокъ съ матросскими кулаками, но важность занимаемаго мѣста не позволяла ему принимать участія въ дѣлѣ. Увидѣвъ передъ своими дверьми упавшаго Англичанина, онъ почувствовалъ подъ черепомъ взрывъ тридцати мыслей разомъ, которыя родились у него съ удивительною скоростью, краткостью и сжатостью, свойственными только Китайцамъ, народу, выражающему цѣлую фразу одною буквою. Экзаменованный мандаринъ уже предвидѣлъ цѣлую бездну несчастій, какія навлечетъ на него домъ трущъ упавшаго на порогъ человека: онъ зналъ, что такое значить уголовное слѣдствіе въ Китаѣ, гдѣ бѣднаго причастнаго къ дѣлу, какъ бы онъ ни былъ непричастенъ, въ однѣ сутки затравятъ мандаринами, ограбятъ розьбисками, разорятъ повѣстками и подписками; онъ уже видѣлъ ярость Англичанъ, видѣлъ разореніе Кантона, разрушеніе своего дому, потерю мѣста, гибель семейства, видѣлъ себя увлеченнаго въ оковахъ въ Лондонъ, видѣлъ уничтоженіе поднебесной имперіи и опійной контрабанды. Англія сожжетъ всю Азію въ отмщеніе за гибель своего моряка!

Въ первое мгновеніе мандаринъ хотѣлъ-было бросить тѣло въ подземный каналъ, которымъ доставляются товары къ городскимъ магазинамъ, но каналъ могъ вынести эту пошу на поверхность синихъ водъ гавани. Конечно, во всякомъ случаѣ, было весьма опасно спрятать трущъ въ какомъ-нибудь углу дому или предмѣстія, потому что на *Дземзинь* скоро могли замѣтить отсутствіе офицера; но благоразуміе требовало также скрыть отъ Англичанъ по крайней-мѣрѣ кровавую улику: не явившійся къ переключкѣ могъ убѣжать, утонуть, запоздать въ преслѣдованіи какой-нибудь китайской красавицы; его отсутствіе можно будетъ объяснить безъ вреда поднебесной имперіи и цвѣтущему состоянію опійной контрабанды, и безъ опасности для замаренованнаго мандарина-почтмейстера. Эти глубокія соображенія, приназь бросить письмо офицера въ кружку, и эта-же трущъ въ сини, все это родилось и исполнилось въ ту

же минуту, какъ упалъ ударенный наемно Мельфорда. Малая краткость размышлений, совнуждаятъ ея действовать!

Нѣсколько минутъ спустя, среди ночи, въ-подъ черной арки подземнаго канала вышла крытая тонкошнуромъ лодка, довольно похожая на венеціанскую гондолу, и поплыла большимъ каналомъ, къ Си-Дуню. Подъ намысомъ этой лодки, въ мертвомъ молчаніи, сидѣли мандаринъ Сампао и двое слугъ: молодой Англичанинъ, мертвый, или безчувственный, лежалъ на софѣ, и въ-подъ черныхъ, тонкихъ, словно проведенныхъ китайскою тушью, расшитъ его стражей катились крупныя слезы. Фонарь въ масляной бумагѣ освѣщаль эту печальную картину, и придавалъ ей невыразимый колоритъ. Если бъ Мельфордъ въ ту минуту пришелъ въ чувство и открылъ глаза, онъ тотчасъ же закрылъ бы ихъ опять отъ ужаса и отчаянія: его взоръ не выносилъ бы таинственнаго видѣнія, принадлежащаго безвѣстному міру.

Тѣло молодого Англичанина сохраняло неподвижность трупа. Лодка миновала осыпленную мелководьями бухту, на берегу которой стоить деревня Венъ, продолжала путь къ сѣвернымъ холмамъ, и остановилась у загороднаго дому, на берегу прекрасной рѣки, протекающей черезъ весь Китай, отъ горъ Си-Фанъ до моря. Мандаринъ Сампао указалъ перстомъ на одно изъ обнаженныхъ отъ зелени возвышеній, означающихъ близкое соседство кладбища. Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на Мельфорда... Увы! молодой человекъ по-прежнему сохранялъ ужасную неподвижность: голова его покоилась на шелковой подушкѣ, окрашенной кровью, которая по каплямъ текла съ лона, выскользнушаго изъ-подъ навязаннаго платка. Новый ужасъ объялъ мандарина при этомъ зрѣлищѣ: онъ раздраженно приказалъ мальчишкѣ шорохъ, и уже воображалъ что слышитъ громъ англійскихъ пушекъ, направленныхъ на Гуанчэу-фу (изъ этихъ трехъ словъ ученые люди сдѣлали слово *Кантонъ*.)

Мандарину Сампао, по обязанности службы, должно было явиться въ Кантонъ съ восходомъ солнца. Онъ приказалъ положить тѣло Мельфорда на берегу, передъ своимъ загороднымъ домомъ, и, давъ слугамъ подробное извѣщеніе

ше: съ восторгомъ трети слога, проносившихъ какъ вить железа подъ пилой, прибавилъ еще четвертый слогъ, весьма выразительный, въ видѣ особенно строгого приказа ннъ воротить лодку и отправиться въ городъ. Въ достоянн ей сторушъ дачи достойнаго мандарина находилось прекрасное озеро, а полуденный фасадъ дому, съ двумя откратнми въ родѣ узенькихъ бойницъ, господствовалъ надъ довольно красивымъ садомъ, окруженнымъ высокою стѣной, которая имѣла выходъ на каналъ. Передъ этою днрью, обитую мѣдью, лежали тале Мельсорта.

Жена и двѣ дочери мандарина, умиравшія со скуки въ этомъ увеселительномъ домѣ, всегда, какъ вазмываютъ малѣйшій шорокъ на каналѣ, сложи голову выбатаи къ бойницамъ восточнаго фасада: ихъ занимали самыя пустыя бездѣлицы, печальное паденіе вѣтки, шестъ трава подъ вѣтромъ, шумъ илюза, полетъ птицы. Скука не разборчива на развлеченія.

Въ этотъ вечеръ соеменьше глаза трехъ Китайцокъ всматривали на каналъ необыкновенное и весьма занимательное явленіе. Любопытство такъ сильно затворницъ, что онѣ сѣли въ садъ, и тоиія кошечки унн ихъ, снхотъ дверь, подслушали странный разговоръ двухъ слугъ. Жена мандарина, которая съ давниа перъ, безъ вѣдома своего экзавешованнаго мужа, имѣла полную власть надъ старыми слугами, приказала имъ отворить дверь. Приказъ днть въ такомъ тонѣ, что облуматься невозможно. Слуги повиновались. При видѣ мертваго человека, три Китайки заплакали навзрыдъ. Вездѣ, даме въ Китай, женщины до крайности добры, когда нтъ ни какого повода быть злыми. Удалите съ земли мужчинъ, и женщины будутъ ангелами. Правда, Мельсортъ былъ достоинъ полного участія. Никогда Китай, со времени государей Не и Ю, не видалъ на своей равн такого прекраснаго молодаго человека. Три Китайки вспоминали древнюю повесть, которую онъ читали въ дѣтствѣ: онѣ воображали нто присутствуютъ при восторженномъ торжествѣ молодаго сндозарнаго дннца Чоу, ожившаго передъ воротами Минъ-тана, квадратнаго вѣтра, восторому нтъ подобнаго въ нѣдомъ мнрѣ. Къ счастью, Мельсортъ не ожидалъ.

Три слюга, въ четвертьныя напридичу, которые мандаринъ передъ отъездомъ скизавъ слугамъ; заключали въ себѣ приказаніе тотчасъ же похоронить Англичанина, поставить на могилѣ знакъ, хранить это погребеніе въ непроходимой тайнѣ и, въ ожиданіи грядущаго, заключится въ загородномъ домѣ, вдали отъ людей докучливыхъ и любопытныхъ, которые составляютъ предположенія, и особенно вдали отъ женщинъ, которыя вышнытъвають тайны.

Несчастный Мельфордъ! кантонская почта завтра повезетъ къ женѣ его письмо, которое оканчивается словами — «Я верну тебя и, слава Богу, совершенно здоровъ»: а его сегодня же хоронятъ!

Дай-сы, послѣдняя жена мандарина Сампао, и-чылд, индиректора кантонской почты, была женщина лѣтъ тридцати, никогда прекрасная въ глазахъ своего экзаменованнаго мандарина, и могла бы быть блонурою, если бѣ имѣла волосы. Двѣ ея дочери, Ця и Ма, не походили на мать: онѣ обладали красивыми европейскими чертами лица, явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ въ Китаѣ, но дозволено обыкновеннымъ въ Кантонѣ, часто посещаемомъ англійскими офицерами, которые относятъ письма на почту въ *Hog-Lane* и оставляютъ впечатлѣніе своихъ физиономій на памяти новизанныхъ китайскихъ дамъ Кантона.

Злословіе, всемірный порокъ, изобретенный Кайномъ, жестоко извиль своимъ жаломъ бедную Дай-сы, когда, въ 1822 году, въ Кантонѣ стояли два великобританскіе корабля, *Thunderer* и *Tiger*. Въ ту пору китайскіе супруги въ *Hog-Lane*'ѣ удвоили бдительность, но ири всемъ томъ даше самъ Глазъ, несмотря на свою дальновидность, не принималъ какъ ему приставили рога ко лбу. Одинъ англійскій офицеръ, говорятъ, увезъ жену Глаза. Исторія Китая повествуетъ, что въ то время многимъ офицерамъ Западной Чули было дозволено осмотрѣть городъ во всей подробностъ, и что плодомъ такового дозволенія были самыя влчавныя беспорядки въ предвѣстной имперіи.

Впрочемъ, Дай-сы воспитала дочерей привѣрно, и настаивала на нихъ на путь истинной добродѣтели по строгимъ правиламъ Ли-дзи, или Устава о десяти тысячахъ церемоній. Никогда Ця и Ма не смѣивали на одной цѣповать съ муж-

челом, хотя бы этот мужчина был нтъ любовной братецъ, великодушный и благородный Цянь, капитанъ Барсонъ богдоханской гвардіи. Эти два прелестныя дивушки, лоскъ мѣсяцевъ года, то есть, цѣлое лѣто, проводили въ загородномъ домѣ. Тамъ она ухаживали за садомъ и изучали книгу мудраго Мынь-дзы, великаго моралиста, который постановилъ слѣдующее правило : *Чѣмъ болѣе девушка ходитъ на идолъ, тѣмъ менѣе она имѣетъ поклонниковъ.* Дай-сы приказала написать на стѣнахъ женской половины всѣ афоризмы Ли-дзи, а Ця и Ма вытвердили ихъ наизусть и повторяли передъ матерью, которая не мало гордилась ученостью своихъ дочекъ. Ничего нѣтъ проще и трогательнѣе этихъ изреченій : она даютъ совершенно ясное понятіе о Китаѣ, этомъ огромномъ озерѣ преданій, въ которомъ мудрость гниетъ за недостаткомъ истоку. Приведемъ нѣсколько такихъ изреченій на выдержку.

«Стыдливость есть мужество женщинъ.

Женщина, покупающая свой цѣпъ, покупаетъ его съ тѣмъ, чтобы перепродать.

Женщина, любящая тещу, обожаетъ мужа.

Кто засыпаетъ злословъ, просыпается оклеветаннымъ.

Грязь можетъ скрыть яхонтъ, но не замазываетъ его.

Тайна самая сокровенная та, которой никому не сообщаете.

Мать самая счастливая дочерями та, у которой нѣтъ сыновей.

Женщины самыя любопытныя опускаютъ глаза, для того чтобы на нихъ смотрѣли.

Отъ женщинъ требуются только четыре вещи :

Чтобы въ сердце у нихъ была добродѣтель,

На челѣ скромность,

На устахъ нѣжность,

Въ рукахъ рукодѣлье».

Женская часть Ли-дзи наполнена подобными высказаніями : оттого-то всѣ улицы въ Китаѣ усыпаны женскою добродѣтью и подкидываніями. Правда, что, для подкравленія этихъ правилъ, уголовные законы заключаютъ въ себя еще два

содержащих статьи : «Делушка», которая утратить добродетель до заупокоенна, будетъ продана за десять унцій серебра. — Водилова, которая не объявить джо, городовому, бездостоия своего селовиства, будутъ наказаны соотвено количеству ударовъ и пеней въ девять фунтовъ серебра». Въ Баттл-аварк-гогъ-есть еще одна добродетель, которая оселуживаетъ вниманія. Это *ожинь*, челоуколюбие. Горе тому, кто глумитъ въ святому закону *жиня*! онъ будетъ проклятъ на земль и въ небесахъ. Особенное, привилегированное, свидѣннѣ *ожиня* находится въ сердцахъ инуайскихъ женщинъ. Поэтому неслѣдуетъ удивлять отчаянная скорбь жены и дочерей мамарина, когда онъ увидѣли, что слуги хотѣтъ вести молодого челоука къ колмакъ кладовица. Въ душѣ трехъ Китайсокъ возникли въ эту минуту два чувства, противоположныя, но, по существу своему, совершенно сродныя, стыдливость и челоуколюбие. Первая добродетель повельвала имъ возвратиться въ комнаты, чтобы очиститься послѣ долгаго пребывания на земль, гдѣ дежалъ молодой мужчина; вторая поставляла имъ въ обязанность не оставлять несчастнаго иностранца, который, можетъ-быть, не умеръ, и котораго слишкомъ поспышнѣй приказъ, внушеннѣй страхомъ, можетъ положить въ землю живьемъ. Челоуколюбие восторжествовало. Эта печальная сцена не видала злонамѣренныхъ свидѣтелей : самая луна уснула возля облакъ на горь Хы-нанъ; въ садахъ не слышно было другаго шуму кромѣ нѣжнаго шелесту листьевъ *юй-дзанг-хоа*, «ночь надушающаго цвѣтка», а съ поля раздавалась только однообразная пѣсня *чуй-вынь*, бѣдной стрекозы, которая плачетъ въ темнотѣ, потому что ей уже не суждено видѣть солнца.

Двое слугъ были совершенно преданы своей госпожѣ. Они несли тѣло молодого челоука; женщины, плача, шли слѣдомъ. Нѣжная роса ночи, по капль, упала на блѣдное лицо Мельфорда, какъ-будто природа, тоже женщина, и такъ же сострадательная, хотя невидимая, желала испытать надъ несчастнымъ еще одно, несильное, лекарство. Вдругъ три Китайски иснутили слабѣй крикъ, котораго все ихъ благоразуміе невластиво было удержатъ. Слуги остановились у подножія могильнаго кургана, и съ нѣжнѣ

ніемъ и ужасомъ взглянули на молодаго Англичанина. Послышался вздохъ : словно жалоба, выметѣвшая изъ глубины могилы! словно жалоба души предка, умершаго въ вѣрь Фо! Три женщины снова призвали на помощь человеколюбіе : онъ приникли къ тѣлу молодаго челоуѣка, и увидѣли, что руки его трепещутъ съ легкими судорогами. Тутъ мандаринша и слуги быстро обмѣнялись нѣсколькими слогами, а дѣвушки закрыли лица миленькими пальчиками, такъ, чтобы насквозь было видно. Оживающій поднесъ руку ко лбу и вторично вздохнулъ, но такъ внятно, что не оставалось ни какого сомнѣнія о происхожденіи вздоху. Добрая Дай-сы сдѣлала повелительный знакъ : слуги подняли Мельфорда и поворотили на дорогу къ дому. Женщины пошли за ними, заглаживая руками свои слѣды на песокъ. Ноги ихъ были такъ малы, что почти не оставляли слѣдовъ, однако жъ Китайки нашли нужною эту роскошь предосторожностей.

Послушные короткому, нѣмому приказанію госпожи, слуги внесли Мельфорда въ домъ и, — неслыханное въ Поднебесьѣ дѣло! — положили его въ комнату Ця. Дай-сы недолго думала о выборѣ этого убѣжища, самаго надежнаго : туда, по достопочтеннымъ обычаямъ страны, никто не имѣетъ права входить. Дай-сы объявила дочерямъ, что онъ отнынѣ будутъ жить въ ея комнатѣ. Ця отвѣчала поднебесною улыбкой; Ма, по-моложе и по-застѣчивѣе, нѣжно поцѣловала мать и сестру.

Дай-сы одна вошла въ комнату, гдѣ Мельфорда положила на постель Ця. Она сняла платокъ, повязанный на голову молодаго челоуѣка, обмыла рану камфорною водою, сдѣлала новую перевязку, и поставивъ передъ постелью чашку съ водою, другую съ чаемъ, и фарфоровый ночникъ, вышла, въ полной надеждѣ на врачующую силу природы, которая отлично умѣетъ распорядиться издѣленіемъ мозага и крѣпкаго тѣла.

Мельфордъ, какъ-будто пробужденный отъ тягостнаго сна, открылъ глаза и окинулъ комнату блуждающимъ взглядомъ. Все вокругъ него было такъ странно, что онъ сначала навѣрное полагалъ, будто видитъ сонъ. Но, почувствовавъ жестокую боль въ головѣ, лихорадочный жаръ и

сильную жажду, онъ скоро возвратился къ понятію о дѣйствительной жизни, вспомнилъ ужасный ударъ, полученный на *Hog-Lane*'ѣ, и послѣднее прощаніе съ женой. Однако жъ это возвращеніе къ существенности еще нарушалось некоторыми второстепенными обстоятельствами новаго положенія. Осмотрѣвшись, молодой Англичанинъ не узналъ себя : на немъ былъ , не мундиръ , а какая-то светло-желтая ферьязь, или риза, такого страннаго покрою, что, казалось, не принадлежала ни какому извѣстному въ мірѣ народу. Въ особенности Мельфордъ, съ неподвижнымъ взоромъ , какимъ смотрятъ на страшилище, замѣтилъ луну, написанную во всю величину на груди своего светло-желтаго халата. Свѣтило имѣло черты лица совершенно китайскія : оно улыбалось двумъ сплнмъ драконамъ, которые выпускали противъ него свои красныя жала. При блѣдномъ, трепещущемъ, свѣтѣ фарфороваго ночника, луна эта была невыносима для глазъ : она, казалось, шевелилась на груди Мельфорда.

«Неужто я на лунѣ?» внутренно спросилъ себя Англичанинъ, и, при разстроенномъ состояніи своего мозга, онъ не находилъ, чтобы такая мысль была совершенно безтолкова. Но, живой ли или мертвый, во снѣ ли или на яву, онъ чувствовалъ палящую жажду : протянулъ руку къ лакированному столику, взялъ большую чашку, наполненную свежею водою, и осушилъ ее разомъ. Въ то же время онъ услышалъ произнесенные сострадательнымъ голосомъ два слова : *Poor youth!* «Бѣдный юноша!» Оживляясь прохладю выпитой воды, онъ поднялся на постели, и сталъ обираться кругомъ, въ надеждѣ открыть чувствительнаго земляка, который такъ печалится о несчастномъ братѣ. Но въ комнатѣ не было ни какого живаго существа : Мельфордъ видѣлъ лишь уродливое собраніе непонятной мебели, встуканы съ нечеловѣческими формами, обои испещренныя фигурами, птицами, цвѣтами, четвероногими и деревьями, безвѣстными на земномъ шарѣ : словно причудливыя арабски горячечнаго бреда сами собой осуществились на стѣнахъ таинственной залы. Это странное зрѣлище могло бы произвести опасное волненіе даже въ твердой душѣ и въ здоровомъ тѣлѣ : Мельфордъ почувствовалъ новый приступъ ли-

хорадки, ослабъ и упалъ на подушки; на лбу его выступилъ потъ, въ головѣ ветрѣлась бездна безсвязныхъ мыслей; потомъ оцѣпенѣннѣ оковало его съ головы до ногъ. Онъ уснулъ.

Когда Мельфордъ проснулся, блѣдный лучъ утренней за-
ри игралъ на лакированномъ столѣ съ замирающимъ све-
томъ ночника. Больной страдалъ гораздо меньше. Раны на
головѣ, не убивающія на-мѣсть, не опасны, и заживаютъ
скоро и хорошо, особенно у моряковъ. Молодой человекъ, съ
безпечностью своего возраста и званія, радовался, что чув-
ствуетъ себя живымъ и бодрымъ, а въ будущемъ онъ по-
лагался на таинственную заботливость невидимыхъ или
сверхъ-естественныхъ существъ, которыя хранили его до-
тѣхъ-поръ.

«Положимъ, что я умеръ и перешелъ на луну, говорилъ
онъ самъ себѣ: что жъ? я не вижу тутъ причины печалиться.
Я всю жизнь оставался вѣрнымъ женѣ: я чистъ передъ
совѣстью, и ничего не страшусь!»

Онъ взялъ чашку чаю, который показался ему превосход-
нымъ, несравненно лучше лондонскаго, и, сбросивъ тяже-
лую ризу, которой впрочемъ былъ обязанъ благотельнымъ
потомъ, всталъ съ постели, чтобы подробно осмотрѣть свою
обитель.

Въ Ли-дзи есть статья — «Дверь комнаты молодой дѣвуш-
ки должна быть невидима.» Китайцы, умудрившись, захо-
тели придать нравственному смыслу этого изреченія смыслъ
матеріальный. И, дѣйствительно, чужому человеку нѣтъ ни
какой возможности найти двери женской половины въ ки-
тайскомъ домѣ. Дѣвичья комната тамъ походитъ на ларчикъ,
который открывается посредствомъ потаенной пружины.
Такимъ образомъ, благодаря уставу Ли-дзи, Мельфордъ на-
прасно искалъ выхода изъ своей комнаты: четыре стѣны не
представляли ни малѣйшаго отверзтія; обои, цѣльнымъ за-
навѣсомъ покрывали ихъ безъ разрыва. Молодой человекъ
подошелъ къ окну: оно открывалось въ садъ, на красиво
округленной балконъ, похожій на большую клетку, съ же-
лѣзными прутьями, которыя были украшены и скрыты фе-
стонами выющихся растений и цвѣтовъ. Полъ этого хоро-
шенькаго кіоска былъ сквозной, рѣшетчатый, и подъ нимъ

виднѣлся небольшой прудъ, усыянный листьями нунуфара. Мельфордъ раздвинулъ лиственную загородку, которая загороживала видъ на поле, и увидѣлъ новую, невѣдомую страну: обширная долина, омываемая свѣтлою рѣкой, красовалась всѣми отбѣнками тропической зари, и кое-гдѣ, на огромныхъ разстояніяхъ, виднѣлись уединенныя *мло*, со своими фарфоровыми кровлями, и поля красного хлопчатника. На горизонтѣ синія горы сливались съ разнообразными отливами неба, и образовали родъ каймы неподвижныхъ облакъ, повѣшенныхъ между небомъ и землей.

Мельфордъ опустилъ голову на грудь и закрылъ глаза, чтобы предаться соображеніямъ. Глубокая летаргія, овладѣвшая имъ на мостовой *Hog-Lane*'а, совершенно лишила его той инстинктивной способности, посредствомъ которой мы, даже послѣ сна, определяемъ продолженіе минувшаго времени. Онъ вспомнилъ сцену на *Hog-Lane*'ѣ, но никакъ не могъ дознаться, черезъ сколько времени и въ какой день пришелъ въ себя. Только двѣ вещи были для него совершенно ясны, — паденіе подъ ударомъ китайской булавы въ многолюдной улицѣ, и возвращеніе къ жизни въ этой пустышѣ. Но сколько мраку въ этихъ двухъ лучахъ свѣту! Посреди мучительной неизвѣстности, его вдругъ встревожило воспоминаніе о женѣ. Онъ, въ раздумьѣ, сѣлъ на постель и заплакалъ, какъ плачутъ моряки, гордящіеся своей нечувствительностью.

— Бѣдная Каролина! воскликнулъ онъ сложивъ руки: бѣдная женщина!.... одна!.... двадцати лѣтъ, съ двумя дѣтьми!.... У нея теперь должно быть двое, дѣвочка и мальчикъ.... И сколько нелѣзъ теперь мальчику? Богъ знаетъ!.... Мой миленькій Семень, который, можетъ-быть, лежитъ теперь на колыняхъ матери.... О! если бъ я могъ отдать жизнь за что-нибудь, я отдалъ бы ее за минуту свиданія съ женою и дѣтьми!

И вѣрный Мельфордъ отеръ слезы китайской кисеей.

Лучи восходящаго солнца проникли сквозь оплетенную цвѣтами рѣшетку балкона, и озарили комнату Ця необыкновенно милымъ свѣтомъ. Послѣ безсонной ночи, солнце утѣшаетъ и исцѣляетъ: этотъ небесный врачъ золотитъ изголовье больного, поселяетъ радость въ его сердцѣ,

заставляетъ вѣрвать въ двѣ жизни. Ночь полна сомнѣній, страху, трепету, нравственнаго мраку, который разсѣвается при восходѣ солнца. Ясность души — дочь ясности неба. Мельфордъ вполне предался душевной радости, которую производятъ возвращеніе здоровья и первый лучъ солнца. Морякъ всегда находятъ въ своей бурной жизни сравнительныя точки для утѣшенія себя въ неприятномъ положеніи. — «Чего тутъ думать! говорилъ самъ себя Мельфордъ: здѣсь всё-таки лучше чѣмъ на скалы Каль-Имо, гдѣ меня покинули, пятнадцать лѣтъ отъ роду!»

Съ минуты на минуту комната, въ глазахъ Мельфорда, становилась болѣе и болѣе способною къ обитанію. Обои оживлялись подъ лучами солнца, словно края долины, поставленной вертикально по четыремъ стѣнамъ. На этихъ ободахъ ручейки катятъ серебряныя волны подъ воздушныя мостики; маленькіе холмы, красивыми волнами, возвышаются одинъ надъ другимъ, до самаго потолка, и по нимъ вьются бѣлокурыя кудри, или рощи, наполненныя райскими птицами; румяныя, полныя дѣти играютъ съ нанкинскими кошками у ногъ матерей, которыя узенько посматриваютъ на нихъ и улыбаются; стадо безрогихъ козъ пасется на берегу озера, сняго какъ индиго; пастухъ, съ половиною апельсина на головѣ, вмѣсто шапки, и въ золотомъ рубищѣ, потряхиваетъ палкою съ пятью бубенчиками подъ носомъ величаваго павлина. Этотъ хаосъ, при разборѣ по частямъ, былъ восхитителенъ; глаза Мельфорда, разбѣжавшись въ вихрь такихъ причудъ, не могли отъ нихъ оторваться. Комнату наполняло невыразимо пріятное благоуханіе, какъ казалось, принадлежавшее идеальному міру, изображенному на стѣнахъ; сверхъ-того, въ воздухъ этомъ было еще что-то сладостное, бальзамическое, оставляемое молодыми дѣвушками въ атмосферѣ, что-то облекающее душу дѣвственнымъ покровомъ.

— Въ этой комнатѣ очень хорошо можно жить, сказалъ Мельфордъ: лишь бы дали пообѣдать. Я чувствую аппетитъ, которымъ и доказывается, что я не такъ мертвъ, какъ полагалъ сначала. По-крайней-мѣрѣ жена будетъ довольна мной, если я когда-нибудь увижусь съ нею.... хотя въ этомъ

удиненія сохраненіе супружеской вѣрности ничуть не славно.

Сказавъ это, онъ обернулся къ балкону чтобы полюбоваться на долину, сіявшую въ полномъ блескѣ тропическаго солнца, и вздрогнулъ, увидѣвъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, женщину, которая смотрѣла на него маленькими глазками, овлаженными участіемъ.

Незнакомка была одѣта такъ же, какъ и этотъ народъ на обояхъ комнаты: казалось, она сейчасъ отделилась отъ стѣны. Единственная незакрытая часть тѣла ея была лицо; на головѣ имѣла она родъ глубокой тарелки, которая не закрывала только тоненькихъ, загнутыхъ въ кольцо, бѣлокурыхъ височковъ; изъ-подъ синяго шелковаго сарафана, доходившаго до коленъ, видѣлась длинная ярко-красная юбка; съ плечъ спадали рукава вѣжно-зеленаго цвѣту, которые непомѣрно расширились у кисти и принимали форму муфты. На лицѣ незнакомки морщины еще не напечатлѣли почтеннаго возрасту, однако жъ замѣтно было, что тропическое солнце попортило его раньше времени. При всемъ томъ она показалась Мельфорду очень привлекательною.

Молодой мичманъ сидѣлъ на постели, размахнувъ руки, вышучивъ глаза и разинувъ ротъ: онъ смотрѣлъ на это явленіе и трепеталъ всѣмъ тѣломъ, какъ неустрашимый морякъ, который ужасается всего, когда нѣтъ ни какой опасности. Женщина, не трогаясь съ мѣста, какъ автоматъ, покачала головой и три раза проговорила по-англійски — «Бѣдный юноша!»

Мельфордъ былъ убѣжденъ, что по-англійски говорятъ и на лунѣ и на всѣхъ планетахъ безконечнаго пространства, и потому нисколько не удивился этому восклицанію. Онъ тотчасъ завелъ разговоръ.

— Гдѣ я, сударыня? спросилъ онъ сложивъ руки.

— Въ Поднебесьѣ, отвѣчала незнакомка.

— Я такъ и думалъ! сказалъ про себя Мельфордъ.

— И если вы хотите жить, прибавила она: то будьте благоразумны какъ змѣя, тихи какъ черепаха, и молчаливы какъ ночь.

— Я буду всѣмъ этимъ, сударыня, если оно можетъ доставить вамъ удовольствіе.

— Будьте же спокойны : мы заботимся объ васъ, бѣдный юноша !

— О ! сударыня, говорите, говорите еще !....

— Не требуйте отъ меня невозможнаго : ротъ мой долженъ быть всегда закрытъ ; я могу открывать только руку. Притомъ я уже и такъ говорила слишкомъ много : въ нашемъ языкѣ такія длинныя слова !.... я утомилась. Мы еще увидимся ; прощайте.

Стѣна позади незнакомки раздвинулась и опять сомкнулась : она исчезла, оставивъ въ комнатѣ легкое облако благоуханія чайныхъ цвѣтовъ. Мельфордъ столько уважалъ всѣ тайны, что даже не покушался осмотрѣть стѣны : окруженный множествомъ загадокъ, гораздо менѣе понятныхъ, онъ не хотѣлъ обратить вниманія на секретный выходъ, скрытый обоями. Онъ погрузился въ бездну важныхъ размышленій. Одна мысль въ особенности привела его въ трепетъ. « О ! воскликнулъ онъ : что если эта женщина, отъ которой я завишу, и которая властна входить въ мою комнату, что если она питаетъ ко мнѣ преступную страсть ?.... О ! не бойся, моя Каролина !... во всѣхъ возможныхъ крайностяхъ я покажу себя достойнымъ.... достойнымъ моихъ дѣтей !

Мужественный мичманъ, воздѣвъ руки, призвалъ въ свидѣтели новое солнце новаго міра, и произнесъ третью клятву въ супружеской вѣрности. Между-тѣмъ онъ забылъ сознаться, что незнакомка не владѣетъ грознымъ оружіемъ побѣдоносной красоты. Добродѣтель часто бываетъ не такъ добродѣтельна, какъ думаютъ. Федра была стара и ужасно безобразна : мы всѣ могли бы быть съ ней Ипполитами. Тезей, разорившійся въ спекуляціяхъ на шкуры чудовищъ, женился на Федрѣ изъ-за денегъ. Вотъ что трагическіе поэты забыли сказать. О добродѣтель человѣческая !

Мельфордъ готовъ былъ покинуть свой плащъ при первомъ соблазнительномъ покушеніи со стороны незнакомки.

Счастливый тѣмъ, что чувствовалъ себя довольно сильнымъ противостать могуществу прелестей тридцати-лѣтней женщины, созрѣвшей подъ тропическимъ солнцемъ, добродѣтельный мичманъ сѣлъ на гладкую какъ зеркало скамейку сандалнаго дерева, стоящую въ углу балкона, подъ навѣсомъ густой зелени, усыпанной цвѣтами бѣлыхъ и синихъ

колокольчиковъ. Чтобы обнять весь видъ на долину, единственную вещь, которую могъ онъ обнимать въ настоящемъ положеніи, Мельфордъ рвалъ непрозрачный плетень листьевъ, и бросалъ ихъ пригоршнями сквозь желзную рѣшетку въ прудъ. Воздухъ и свѣтъ полялись волнами въ таинственный киоскъ, въ которомъ прежде красавица Ця, въ целомудренномъ уединеніи, какъ въ священномъ мло, распѣвала гимны во славу своихъ предковъ, аккомпанируя себя на мелодическомъ тридцати-струнномъ *люй-джунь*, инструментъ мудраго Дай-гуна, сына Чеу.

Киоскъ, какъ раскрытый глазъ, весело смотрѣлъ на маленькое озеро, садъ и необозримую долину, орошенную широкою рѣкой. Колосья зрѣлаго рису золотыми волнами веревивались на солнцѣ до самаго горизонта, какъ желтое море, ласкаемое полуденнымъ вѣтеркомъ. Рощи китайскаго перечнику гудѣли отъ неистовыхъ криковъ *чуй-вынь*, опьянѣвшихъ отъ перцу и солнечнаго зною. Дождь яркаго свѣту по-временамъ закрывалъ долину какъ-бы огромнымъ полотнищемъ, сотканнымъ изъ солнечныхъ лучей, и тогда казалось, будто дневное свѣтило разсыпается облакомъ огненныхъ брызговъ и заливаешь пожаромъ деревья, цвѣты, траву, песокъ и скалы. На берегу озера купа деревьевъ собралась въ семейный кружокъ, какъ-бы длятого, чтобъ тѣнью своею взаимно защищать другъ друга въ знойные часы дня. Само озеро накинulo на себя свое зыбкое покрывало изъ листьевъ *дзи-ту*, и подъ нимъ сохраняло свою свѣжесть. Подъ широкими сводами платановъ и эбеновыхъ деревьевъ укрывались живущіе тѣнью цвѣтушіе кусты, — *юй-лань*, бѣлая лилія; *хай-дань*, символъ скромности; *мо-ли-хоа*, китайскій ясминъ; *дзю-хоа*, долголѣтній цвѣтокъ, высоко цѣнимый поэтами и прославленный въ безсмертномъ уставѣ Ли-дзи; *бей-джи-хунь*, который въ продолженіи ста дней сохраняетъ свой алый вѣнецъ; *мо-дань*, иначе называемый *хоа-вань*, котораго цвѣтки распускаются какъ розы, и который, по своей красотѣ, заслуживаетъ быть царемъ садовъ. Вся эти восхительныя растенія были насаждены рукою красавицы Ця, и расточали свое ароматическое дыханіе концертомъ благозвоній въ честь своей покровительницы, живой розы, которая всѣхъ ихъ вѣтывала своею красотою.

Глядя въ лицо этой знойной, бальзамической, пропитанной любовью, атмосферѣ, Мельфордъ испытывалъ новыя ощущенія, вслѣдствіе опасныхъ климатовъ, расслабляющихъ того, кто защищается, и придающихъ силы тому, кто нападаетъ. Молодой человекъ по-неволѣ вдыхалъ сладкую воздушную отраву, составленную демонами изъ лучей и благоуханій. Онъ понималъ, что эта невѣдомая атмосфера наполнена опасными соблазнами и дурными наущеніями, и, взволнованный новымъ ужасомъ, даже не подумалъ благодарить благодѣтельную природу, которая только для того такъ скоро излечиваетъ раны на головѣ, чтобы еще смертельныя узлы вѣдать сердце. Однако жъ, видя себя одного, въ уединенной комнатѣ, въ домѣ безмолвномъ какъ могила, въ долину безлюдной какъ пустыня, Мельфордъ успокоился. Правда, близъ него находилась женщина, невидимая, однако жъ присутствующая, и тѣмъ болѣе опасная, что она была добра и могла, въ награду за свои попеченія, потребовать любви. Но у молодого мичмана былъ наготовѣ такой богатый запасъ комплиментовъ, что онъ, повергнувъ ихъ къ ногамъ своей покровительницы, надѣялся отдѣлаться отъ любви. Посреди размышленій о страшной опасности, какой подвергалась его супружеская вѣрность, Мельфордъ услышалъ легкій шумъ, и задрожалъ, хотя солнце, блестящій сокрушитель привидѣній, покрывало его всего какъ-бы золотомъ броней. Нѣсколько времени онъ оставался неподвижнымъ, не смѣя обернуться и взглянуть на незнакомку; но скоро любопытство подстрекнуло: онъ сошелъ съ балкона, и быстрымъ взглядомъ окинулъ комнату. Никого не было. Осталась только полоса воздуха, надушенная знакомымъ уже ароматомъ, который свидѣтельствовалъ о недавнемъ посѣщеніи незнакомки. Невидимая благотворительная рука поставила на маленькомъ столикѣ полный завтракъ, гигиенически приспособенный къ желудку выздоравливающаго пациента: тутъ были ясеневые отпрыски, вареные корешки нонуфара, рыбка жареная на булавахъ, крошечныя земляныя груши, называемыя бей-дзи, и рисовый пирожокъ. Для питья, рисовая водка и чай. Всѣ эти блюда имѣли, для Европейца, довольно странную фizioномію, однако жъ, по отлчному изяществу наружности, ясно было видно, что нева-

частный глѣбосолъ волиа убѣжденъ въ совершенствѣ своей кухни, и что самая внимательная женская заботливость обрадалась на всѣ подробности каждаго блюда, для угожденія молодому затворнику.

Мельфордъ вѣлъ съ чувствомъ, какъ матросъ послѣ кораблекрушенія. Онъ полагалъ, что учтивость и признательность поставляютъ ему долгомъ имѣть хорошиі апетиты. Каждый проглоченный кусокъ изображалъ слогъ длиннаго благодаренія, подносимаго незнакомкѣ на опорожненной фарфоровой тарелочкѣ. Мичманъ даже старался придать механизму работающихъ челюстей полный души звукъ, который бы выражалъ и передавалъ его признательность ушамъ, скрытымъ за измѣническою стѣною. По-временамъ, однако жъ, тягостная мысль упала на концы его естественной вилки, или пяти пальцевъ, и прикалывала ихъ къ тарелкѣ. «Увы! шепталъ онъ : вотъ еще новая услуга, увеличивающая правѣ этой женщины на мою признательность!» Мичманъ находился въ положеніи Уголино, пожирающаго своихъ дѣтей, для того чтобъ сохранить имъ отца. Онъ жертвовалъ собою для своей жены, дочери и обожаемаго Семена. Нѣсколько разъ вспоминалъ онъ о своемъ другѣ Бромли, который, заблудившись на охотѣ, близъ Орекоко, на границѣ владѣній племени Великаго-Змѣя, принужденъ былъ жениться на О-эй-уа-ѣ, дочери индѣйскаго князя, щеголявшей отвислыми ноздрями и цвѣтомъ лица краснымъ какъ стволъ брезильскаго дерева. Бромли покорила равноденственной любви красной О-эй-уа-и, далъ себя нататуировать, поклонился магнусама, съѣлъ котлетку Англичанина, содралъ кожу съ головъ двухъ князей Черепахи, научился играть на *читъ-читъ-куэ* какъ Чакта, засвѣчалъ огонь Совѣта, носилъ на спинѣ мѣшокъ, наполненный костями предковъ, которые никогда не были его предками, и, по смерти князя, былъ самъ избранъ въ князя, проигралъ сраженіе, и съѣденъ врагами, несмотря на должное уваженіе къ своему сану.

Молодой мичманъ, погруженный въ глубокое раздумье, вдругъ замѣтилъ коротенькую трубку, лежавшую на покрывалѣ постели, и возлѣ нея коробочку, безъ сомнѣнія наполненную наркотическимъ зельемъ, столь нѣжно любимымъ моряками. Мельфордъ, мичманъ *Джеселзипп*, былъ

слишкомъ отличный джентльменъ чтобы курить табакъ; но скука — мать всѣхъ пороковъ. Табакъ выдуманъ колодникомъ. Мельфордъ набилъ трубку, закурилъ ее на жаровнѣ, и легъ на постель.

Вскорѣ, послѣ десятой струи дыму, пущенной въ потолокъ, Мельфордъ унесся въ новѣй волшебный міръ. Передъ его открытыми большими глазами, увлажненными курительнымъ удовольствіемъ, явилось самое страшное, самое удивительное видѣніе : четыре стѣны комнаты упали, и взоръ его помчался за ними въ безконечную глубину, гдѣ онъ, волнуясь, леталъ какъ сухіе листья, уносимые вѣтромъ; самъ онъ лежалъ въ летучемъ кіоскѣ, какъ въ аэростатѣ, украшенномъ цвѣтами красныхъ колокольчиковъ ; подъ нимъ, съ величавою медленностью, вращался земной шаръ, и храбрый мичманъ, съ своей кровати, обозрѣвалъ всѣ обитающіе на немъ народы: выдвигались шпицы и башни минаретовъ и куполы пагодъ, которые быстро росли, приближались и уходили, увлекая за собой огромные города, наполненные живыми, шумящими, пестрыми волнами народу; потомъ являлись пустыни, обнаженные и блѣдныя какъ покрытый льдомъ океанъ ; а тамъ шли пирамиды, такія высокія, что Мельфордъ судорожно приподнимался на постели, чтобы онъ не задѣли его своими вершинами ; и за ними тянулись мрачныя пустыри, перерѣзанные озерами и рѣками, оглашаемые ревомъ львовъ и тигровъ, и покрытые тучами золотоперыхъ птицъ. Такой ливень картинъ способенъ утомить бронзовые глаза : вулканы валялись на цвѣтникахъ ; мирныя пастбища смѣняли поле битвы, дрожащее подъ громомъ артиллеріи; взволнованный бурей океанъ заливалъ зеленые луга и золотистыя пашни; колоннады, оживленные народомъ, измѣнялись въ безмолвныя кладбища : жизнь гналась за смертью, свѣтъ за мракомъ, печаль за радостью, шумъ за тишиной; и все это въ необъятныхъ размѣрахъ, но все явственно, чисто и разительно. Тутъ, земной шаръ, казалось, остановился, словно мельница при затихшемъ вѣтрѣ; надъ нимъ, изъ краю въ край, протянулся туманъ; облако вдругъ разорвалось съ страшнымъ трескомъ, и изъ этого хаосу возникъ Лондонъ, точно новая планета, созданная дыханіемъ Мельфорда. Мелодому мичману показалось, будто онъ стоитъ одной ногою

на высокомъ шпицѣ, занеся другую впередъ и наклонить туловище, въ положеніи статуй, чѣмъ на куполъ базилики Святаго Павла въ Лондонѣ. Дивный городъ разстился на необозримую даль; подѣ циклопическими арками моста Лондонской Башни шумѣла величавая Темза; изъ-за высокихъ зданій Сити виднѣлись зыблющіяся вершины деревьевъ; въ пропасти, подѣ ногами Мельфорда, раздвигались стѣны гигантскаго зданія Святаго Павла, мраморная гора, служившая пьедесталомъ и обсерваторіей наблюдательному мичману. Оттуда взоръ его съ стремительною быстротою пробѣжалъ по широкимъ, безконечнымъ улицамъ, которыя терлись на туманномъ краю горизонта, въ тѣни кеесинтонскаго саду. Онъ перечелъ, по одиначкѣ и всѣ вдругъ, триста колоколенъ, обелисковъ, памятниковъ, башенъ, куполовъ, всѣ эти безчисленныя каменныя массы, которыя высятся точно гигантскія столбы, поставленные для поддержанія нависшаго неба. Но, по странной прихотливости видѣнія, эта пропасть улицъ, дворцовъ, площадей, садовъ, эта столица торговаго и мануфактурнаго міра, была необитаема, пуста, печальна какъ степь. По излучинамъ рѣки тянулась длинная цѣпь кораблей, съ распущенными флагами, но палубы были пусты; большія коммерческія зданія ожидали обычнаго приходу толпы, которая на этотъ разъ не являлась; сквозь свѣтлыя окна виднѣлись только пустыя комнаты; на мостовую ложилась только неподвижная тѣнь домовъ и башенъ: эта тѣнь, въ отсутствіи солнца, была ужасна!

Вдругъ крикъ, вопль, болѣзненный стонъ, какъ ночной гулъ изъ темнаго бору, вылетѣлъ изъ глубины земли. Мельфордъ почувствовалъ, что куполъ дрожитъ подѣ его ногами: онъ взглянулъ внизъ, и, вмѣсто Лондона, увидѣлъ Калькутту, такую же необитаемую, мертвую, пустынную, съ такими же тѣнями безъ солнца, какъ Лондонъ. Посреди площади ползла длинная тѣнь человѣческаго существа, еще невидимаго, но уже готоваго тотчасъ предстать взору, который и ожидаетъ его и страшится. Существо явилось, и Мельфордъ, съ облачнаго пьедестала своего, простеръ къ нему руки; страстное восклицаніе любви клокотало въ его груди, но не могло вырваться изъ рта: онъ узналъ свою жену, свою милую, оставленную Каролину! Она шла торжест-

веннымъ шагомъ привидѣнія, съ неподвижнымъ взоромъ, съ опущенными руками, таща за собой помы савана, скрещеннаго въ видѣ свадебнаго платья; она походила на царницу гробовъ, обозрѣвающую свои владѣнія, и, казалось, веселилась тѣмъ, что во всемъ этомъ красивомъ городѣ нѣтъ ничего кромѣ безмолвія и глуши, товарищей смерти.

Мгновеніе, — и, со взрывомъ цѣлаго хора громовъ, подножіе Мельфорда обрушилось. Самъ онъ, унесенный вихремъ мраморныхъ глыбъ, крутившихся подобно быллнкамъ, пролетѣлъ безобразный и безыменный міръ, наполненный блестящими и шумомъ воды, клокочущей въ бездонныхъ пропастяхъ. Потомъ, вдругъ, лихорадочное волненіе миновало. Мельфордъ увидѣлъ и узналъ себя въ большомъ зеркалѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ комнаты, и ему казалось, будто онъ вышитъ шелками на обояхъ, посреди другихъ украшеній, драконовъ и рожъ, которыя вокругъ него гримасничали: онъ улыбнулся самъ себѣ въ зеркалѣ, хотѣлъ протянуть руки, но не могъ, — сталъ бумажный, шелковый, — былъ одѣтъ какъ мандаринъ, вшитъ, вотканъ въ обои, и сохранялъ способность движенія въ однихъ только глазахъ. Последний припадокъ опиуму, — потому что добрая мандаринша, по своему чрезвычайному *жизнь*, то есть, челоуьколюбію, въ табакъ положила немножко опиуму, для вящаго наслажденія «блднаго юноши», — послѣдній припадокъ опиуму посадилъ его на корабль, безъ мачтъ, который крушился на скалахъ изъ гагачьяго пуху: Мельфордъ терся о крутые скальные берега, садясь будилъ цѣлыя стада бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ принималъ за скамьи; мимо его прошелъ трупъ солнца, съ бородою изъ ледяныхъ сосулекъ; и вдругъ онъ видитъ открытую настежь дверь, безъ дому, входитъ въ нее, ищетъ лѣстницы и находитъ постель, открываетъ занавѣсь: тамъ лежитъ блдная старуха, мандаринша Дай-Сы; она останавливаетъ его за руку и, щелкая зубами, улыбается.... Видѣніе приходило къ худому концу, но уже начинался сонъ: послѣднія дѣйствія яду исчезли; пріятный, спокойный сонъ отразился на красивыхъ чертахъ лица молодого моряка. Послѣ столькихъ странствій и тревогъ, блдный Мельфордъ наконецъ успокоился.

Когда ничманъ проснулся, комната была освѣщена ду-

ной. Это обстоятельство повергло его въ совершенную неизвѣстность насчетъ числа проспанныхъ часовъ. Онъ принялся перебирать въ памяти свои видѣнія до самыхъ мелочныхъ подробностей, и находилъ въ этомъ занятіи большое удовольствіе. — «Клянусь честью! сказалъ онъ: я желалъ бы всегда жить такъ, какъ теперь спалъ! Вотъ существованіе!... Можетъ-быть сонъ-то и есть дѣйствительная жизнь, а дѣйствительная жизнь — сонъ.... Однако жъ, кажется, у меня въ головѣ что-то тяжело.... Да ничего! Если я теперь на лунѣ, то по-крайней-мѣрѣ наслаждаюсь прекраснымъ земнымъ свѣтомъ.»

Онъ всталъ. Свѣжій ночной воздухъ пріятно оживилъ его. Втеченіи двухъ сутокъ онъ ожилъ три раза. Вѣроятно, отъ послѣдняго дѣйствія таинственной силы опіума, Мельфорда обуяло ребяческое веселье, совсѣмъ несвойственное его характеру: онъ съѣлъ на балконѣ, и благосклонно улыбнулся долинь, которая сіяла въ лучахъ китайской луны. Въ чаду радости и удовольствія, морякъ не выдержалъ и, фальшивымъ, немножко смоленнымъ, голосомъ, запѣлъ матросскую прощальную пѣсню.

«Come all hands ahoj to the anchor:
From friends and relations we go.
Pill bubbles and cries, devil thank her,
We'll soon take another in tow».

На последнемъ словѣ перваго куплета, вдругъ его остановило привидѣніе, котораго уже нельзя было отнести къ призракамъ опійнаго чаду. На противоположномъ берегу, при свѣтѣ луны, отделилась отъ темнаго грунту деревьевъ живая человѣческая фигура, которая, какъ-будто отъ изумленія, послѣ быстрыхъ и судорожныхъ движеній, вдругъ остановилась. Мельфордъ никакъ не могъ рѣшить, къ какому полу и къ какому народу принадлежитъ это ночное привидѣніе: голова, руки, плечи, бедра, поясъ, все было оттопырено и, по легкимъ, неопредѣленнымъ, подвижнымъ формамъ, оно часто походило на дерево, котораго листьями шевелить ночной вѣтеръ. Мельфордъ на минуту остановился на этой растительной мысли, но дерево испустило два глубокіе стона, совершенно похожіе на жалобный крикъ со-

вы, и, выступивъ одной ногой впередъ, положило стрѣлу на пребольшой лукъ и прицѣлилось прямо въ грудь Мельфорда. Чтó это такое?... А вотъ чтó :

По возвращеніи въ Кантонъ, мандаринъ Сампао слышитъ пропасть неприятныхъ вѣстей. Экипажъ *Джемзины* перескалъ своего молодаго мичмана Мельфорда во всѣхъ контрактахъ хуновъ, во всѣхъ подземельяхъ *Hog-Lane*'а, и на сорока тысячахъ барокъ, на которыхъ гнѣздятся пловучіе обыватели Кантона. Капитанъ *Джемзины* потребовалъ, чтобы его непременно впустили въ городъ, и, поселясь во дворцѣ Глаза, объявилъ, что выйдетъ оттуда только съ Мельфордомъ, живымъ или мертвымъ. Глазъ бросился капитану въ ноги и поклялся священнымъ *чеу-ли* великаго *Кунъ-дзы*, что вѣсть не стапетъ, крохи не возьмемъ въ ротъ, пока не отыщеть пропавшаго мичмана, съ его краснымъ мундиромъ, кортикомъ и всѣмъ ему принадлежащимъ.

Поговоривали, что Мельфордъ убитъ передъ домою мандарина Сампао.

Сампао не успокоился и послѣ строгаго обыску, сдѣланнаго въ его домъ : онъ предчувствовалъ, что Глазъ, обрешій себя клятвою на голодную смерть, этимъ не кончитъ, и что страшная дальновидность его не замедлитъ устремить свои подозрѣнія на кладбище, гдѣ похороненъ Мельфордъ. Въ ужасъ, бѣдный мандаринъ, съ закатомъ солнца, поскакалъ обратно на дачу, взявъ съ собою сына, храбраго Цяна, который служилъ въ Пекинѣ капитаномъ лейбъ-гвардейскаго полка *Барсовъ*.

Цянь, бывшій тогда въ отпуску, не задолго до того получилъ предписаніе обревизовать бокка-тигрисскія укрѣпленія. Укрѣпленія эти состояли въ двухъ китайскихъ ширмахъ съ намалеванными чудовищами, которыя палятъ изъ пушекъ въ небывалыхъ неприятелей. Въ Китаѣ, ревизоры дѣйствительно ревизуютъ. Цянь съѣздилъ въ Бокка-Тигрисъ, подновилъ писанныя пушки, пострадавшія немного отъ сырости, и потомъ, обратно, явился къ отцу.

Цяну было двадцать пять лѣтъ : онъ былъ росту по-выше китайскаго ; въ окладъ лица его проглядывало кое-что европейскаго ; внѣшніе углы глазъ почти не поднимались вверхъ; длинныя черныя усы означали великую храбрость.

Онъ одѣвался чудесно : носилъ тонкій халатъ, голубой съ бѣлыми мушками, на головѣ шлемъ на манеръ гепидскаго, съ двумя написанными на гребнѣ глазами и павлиннымъ перомъ; за спиной у него торчалъ, въ колчанѣ, пукъ стрѣлъ, въ рукахъ лукъ. Сверхъ своихъ воинственныхъ качествъ, молодой Цянъ, родившійся отъ второй жены Сампао, отличался еще глубокимъ почтеніемъ къ родителю, необыкновеннымъ даже и въ самомъ Китаѣ, странѣ добрыхъ сыновей и безчеловѣчныхъ отцовъ. У Цяна не сходило съ языка прекрасное правило, что «Кто не любитъ родителей, тотъ никого не можетъ любить», правило, начертанное у Куи-дзы, котораго варвары изъ Западной Чуди называютъ Кон-фуціемъ.

Сампао и Цянъ, выскочивъ на берегъ, пошли на дачу въ ненарушимомъ молчаніи : таковъ обычай Китайцевъ, когда имъ нечего говорить другъ съ другомъ. Пришедши къ людскому флигелю, Сампао произнесъ острое односложное слово, подобное писку сверчка, и дверь отперлась передъ хозяйномъ. Двухъ жестовъ и еще одного слога достаточно было для спору у слугъ, гдѣ, въ которомъ мѣстѣ, похороненъ молодой Англичанинъ. Испуганные слуги не знали, что отвѣчать, и прикинулись, будто не слышатъ. Не повторяя вопросу, Сампао велѣлъ имъ идти на кладбище, и, съ сыномъ, пошелъ за ними. Тутъ слуги, напуганные взглядами и усами капитана Цяна, и догадываясь, что хозяинъ намѣренъ вырыть трупъ, котораго въ землѣ нѣтъ, упали ему въ ноги и сказали, что они сочли неумѣстнымъ похоронить Мельфорда, а бросили его тѣло, съ камнемъ на шеѣ, въ домашнее озеро. Цянъ вынулъ изъ колчана пару стрѣлъ и приготовился пронзить ими на-мѣсть обоихъ слугъ, но отецъ напомнилъ ему стихъ изъ Ли-дзи : «Не проливай крови на могилахъ!» Впрочемъ, Сампао, сначала раздраженный ослушаніемъ слугъ, черезъ минуту самъ обрадовался этому обстоятельству, потому что оно дѣлало тщетными всѣ розыски начальства на ближайшемъ къ его дому кладбищѣ. Онъ лично удостовѣрился, что земля вокругъ нигдѣ не тронута лопатой и что послѣ смерти послѣдней его жены, скромной Ъ-че, не вырыто ни одной новой могилы.

Людямъ приказано удалиться.

Для примиренія съ тѣми покойниковъ, прогнанныхъ кровавой мыслію Цяна, мандаринъ и сынъ его затанцуютъ, безъ установленнаго акомпанимента на 10. гимнъ въ честь предкамъ.

Сы хуанъ сланъ доу

Ю динъ юй тляо;

что значить :

• При моемъ обѣдѣ, мудраго средни,

Вознесется, душа моя выше небесъ.

Едва они допѣли священную пѣснь, какъ вдругъ храброго Цяна и ученаго мандарина поразило ужасомъ голосъ, отдаленный, но внятный въ тишинѣ ночи. Тутъ у отца съ сыномъ произошелъ слѣдующій, односложный, сжатый, китайскій разговоръ. « Чу? — да! — голосъ — ужасъ! — англійскій! — призракъ — аванъ-гардъ? — морякъ — тамъ — мертвый — живъ — мечь! »

Если бъ эту сжатость переняли европейскіе варвары, сколько сократилось бы глупостей въ ихъ разсужденіяхъ! Она бы очень была полезна для французской палаты депутатовъ.

Мандаринъ помѣстился за колчаномъ сына, и они пошли оба по опушкѣ роши, берегомъ озера. Такимъ образомъ, подошедши ближе къ дому, они съ достовѣрностью узнали, откуда раздается голосъ. Экзаменованный Сампао съ ужасомъ перевелъ грозные слоги пѣсни англійскихъ моряковъ. На дѣлу капитана выступилъ холодный потъ. « Студай! » кричалъ Сампао, и Цянь пошелъ.

Цянь выступилъ за опушку, дошелъ до берегу озера, и остановился насупротивъ кіоска своей сестры Ця. Если бы храбрый капитанъ увидѣлъ какъ влечь луну смердальныя враги ея, два синіе дракона, то и это не столько бы его озадачило. Для того, что онъ видѣлъ, не было названія въ китайскомъ языкѣ : на балконѣ комнаты, едо цѣ дому дремлющей сестры — мужчина!... мужчина въ желтомъ мандаринскомъ халатѣ, съ бойкостью хозяина расправляетъ руку чиню. Кисню!

Негодование заглушило въ душѣ храброго Цяна голосъ

благоразумія, и онъ пустилъ стрѣлу въ кіоскъ, въ котораго попалъ незнакомецъ.

Мельфордъ, сидя на балконѣ красавицы Ця, гдѣ мы его оставили, не испугался направленной въ него стрѣлы; однако этотъ новый родъ опасности заставилъ его омыслиться. Съ проворствомъ моряка, онъ бросился назадъ въ комнату, и, увернувшись отъ удара, замеръ внутренніи ставни.

Вскорѣ мертвая тишина въ домѣ нарушилась страшнымъ шумомъ, крикомъ, воемъ, звономъ ядъ и дребезговъ летящаго на полъ фарфору. Весь этотъ мятель покрывался визгомъ женщинъ. Комната Мельфорда дрожала какъ сенцерская кюта во время бури; стѣны трещали словно шары; болванчики на лакированныхъ столикахъ прыгали и стучались одинъ о другой какъ живые, и этотъ страшный беспорядокъ смѣшивался еще съ другимъ какимъ-то непонятнымъ звукомъ, который, казалось, раздался изъ другаго свѣта.

Что значатъ приключенія нашей прозаической и скучной городской жизни, называемой дѣйствительною, въ сравненіи съ дивными приключеніями молодыхъ мичмановъ? Мельфордъ, отважный морякъ, не дрожавшій подъ градомъ пуль, впервые испыталъ чувство, похожее на трусость. Голова его, еще вскруженная опійными видѣніями, была неспособна къ разсужденію и принятію какой-нибудь рѣшительной мѣры. Да и на что было ему рѣшиться? Онъ былъ только послушнымъ орудіемъ невѣдомой себѣ, высшей, воли.

— Надо покориться необходимости и ждать, что будетъ, сказалъ Мельфордъ, садясь на постель.

Онъ покорился и сталъ ждать.

Между-тѣмъ въ домѣ опять водворилась тишина: не слышно уже было ужасныхъ криковъ, потрясавшихъ стѣны Мельфордовой комнаты. Но эта тишина была для ожидающаго столько же загадочна какъ и предшествовавшій ей шумъ. Онъ могъ бы надѣлать множество предположеній; но къ чему бы они послужили? Предположенія основываются на известной точкѣ сходства, и почти всегда составляютъ остроумныя заблужденія дѣйствительной жи-

на. У Мальеорда они не могли осуществлять: но на него. Он осторожно открыл ставень, и лучи зари проникли в комнату. При свете блаженного света, он заметил на полу большой лист китайской бумаги, какъ-будто пресушенный окроль гайдуго шелъ въ стѣну. Мальеордъ осторожно поднялъ бумагу, и съ перваго взгляду увидѣлъ, что она писана по-англійски. Ослушавъ дѣя слезы радости, брызнувши въ сердца, при видѣ буквъ роднаго языка, онъ прочелъ посланіе :

«Вы обезчестили мою любезную дочь; вы похитили древнюю славу моего дому. Законы жиня возбраняютъ мнѣ проливать нашу кровь, но онъ не возбранитъ мнѣ закрѣсть въ двери и окна комнаты, въ которую вы внесли безчестіе и позоръ. Тамъ вы и погибнете. Моя дочь будетъ продана, какъ невольница, за десять унцій серебра : такъ повелѣваетъ законъ мудраго Дай-гуна, сына Тоу.»

«Если вы согласитесь жениться на моеи дочери и жить съ нею въ этой комнатѣ, безъ всякаго сообщенія съ людьми, уединенно какъ въ гробницѣ или въ мло, то можете найти еще отца, братьевъ и сестру, которые пріймутъ на себя попеченіе объ васъ. Если вы удержите это письмо у себя, значить, вы согласны; если бросите въ озеро, значить, вы отказываетесь. Подумайте. Вамъ спасли жизнь: будьте признательны.»

«Экземплярный мандаринъ Семмао.»

Мальеордъ три раза прочиталъ это письмо, которое возвращало его къ существованію жизни, хоть и китайской, и осматривался кругомъ какъ-бы ница заступника для советника въ столь щекотливомъ дѣлѣ. Множество протворившихъ мыслей, уничтожая одна другую, дораскидывались въ его голову; онъ поглядывалъ въ потолокъ, на обѣдъ, на озеро, на письмо; откусилъ уголь бумаги; захохоталъ, чтобы убѣдить себя, хоть на минуту, что все это пустяки. Онъ сталъ въ величавую позицію, чтобы ободриться на отъ важное предпріятіе; нахмурилъ бровь и сжалъ кулаки, воображая, что слышитъ громкія насмѣшки какихъ-то проказниковъ, которые налъ нимъ потѣшаются, или

уверенъ, мотыгами, и которыхъ удерживаетъ только тонкій шнуръ обоевъ. Мандаринъ, послѣ долгаго колебанія, сѣтъ рѣшился принять дело не въ шутку и бросилъ письмо въ озеро. Онъ сталъ въ положеніе моряка, который, получивъ приказъ спустить флагъ, взрываетъ свой корабль на воздухъ: вынулъ онъ бидонъ, держа въ руцѣ письмо, свернулъ надъ фитилемъ, и протянулъ его надъ озеромъ. «Палли» ошманделовалъ отъ него, но воспоминаніе о женѣ и дѣтихъ потянуло фитиль въ рукахъ мичмана. Онъ не бросилъ письма.

Робинсонъ Крузо, тотъ великій человекъ, который даже цѣлѣе счастье не существовать, находясь одинъ на пустой скалѣ, какъ живой островъ на мертвомъ островѣ, соскучился монологами и выдумалъ, для своего развлечения, разговоръ на двоихъ, дуо разыгрываемое двумя воображаемыми лицами, *доброе* и *злое*. Мельфордъ последовалъ примѣру, знаменитаго пустытника Океанія: онъ сталъ посредникомъ между своимъ добромъ и зломъ, выслушалъ ихъ хорошенько, и сталъ ихъ судить. Добро проиграло процессъ. Мельфордъ полагалъ себя мертвымъ, а между тѣмъ онъ жилъ; онъ считалъ себя за оставленнаго цѣлымъ святомъ, а былъ окруженъ попеченіями; онъ могъ быть схороненъ за-живо въ этой комнатѣ какъ Уголио въ башнѣ, а ему предлагаютъ въ жены дочь мандарина. Конечно, это предложеніе, будучи принято, нарушаетъ его клятвы въ супружеской вѣрности: но, увы! кромѣ женитьбы не остается другаго средства къ сохраненію себя для жены.

«Моя Китайка, сказалъ онъ, возвращаясь къ монологу: моя Китайка не красавица: цвѣтъ лица ея жестоко загорѣлый, волосы рѣдки, зубы не цѣлы; следовательно, женись на ней, я приношу пожертвованіе, за которое Каролина обязана мнѣ благодарностью. О! клянусь честию, я бросилъ бы письмо въ озеро, если бы дочь мандарина была такъ молода и прекрасна какъ моя Каролина! Я бы умеръ въ этихъ стѣнахъ. Подождемъ. Ожиданіе — дверь къ лучшему. Станемъ дѣйствовать, когда уже руки будутъ связаны. Надежда — вторая душа тѣла. Будемъ надеяться!»

Потомъ новая мысль заняла его еще на нѣсколько минутъ. Онъ хотѣлъ написать къ мандарину, чтобы оправ-

даться въ обществѣ къ пресупленію, отвараго онъ не совершалъ; хотѣлъ разсказать свое приключеніе во всей ея таинственной истинѣ. Но, обдумавъ хорошенько, онъ подумалъ, что вмѣстѣ дѣло съ существованіемъ почти баснословныхъ людей, у которыхъ есть свои предразсудки и законы, есть странныя обычая, принятые идеи, особенныя понятія о чести. Дочь мандарина ходила, одна, въ комнату иностранца: это въ Китаѣ, можетъ-быть, и недостаточный поведѣть къ тому; чтобы требовать домашняго удовлетворенія за безчестіе... «Сверхъ-того, прибавилъ онъ: за что же эта бѣдная дѣвушка и погубила себя въ глазахъ своего семейства? За то, что подала мнѣ помощь, когда я умиралъ съ голоду и жажды!... О! женюсь, женюсь на ней!... несмотря на всѣ ея недостатки, несмотря что она стара, беззуба и безволоса!...»

Онъ, конечно, продвигъ бы свои размышленія до безмечности, если бъ не былъ отвлеченъ странными звуками, которые, казалось означали начало какой-то церемоніи. Насколько тихихъ голосовъ пѣли гимнъ преданью, «*Си хуанъ*», и прочая, съ аккомпаниментомъ *ло* и *джуна*. *Ло* — родъ барабана, такъ же какъ тамтамъ; *джуна* — разбитый колоколь. Мельфордъ смѣкнулъ, что семейство мандарина хочетъ сдѣлать ему визитъ, и сталъ собирать и приводить въ порядокъ разсыянные части своего страннаго костюма, расчесалъ пальцами волосы и усы, умылъ руки зеленымъ чаемъ, придавъ себѣ видъ фешенебельнаго Китайца, сложилъ руки на портретъ луны, написанномъ на груди, и, въ этой твердой позиціи, ожидалъ гостей, какъ храбрый солдатъ ожидаетъ непріятели.

Два полога обоевъ раскрылись при двухъ проконтельныхъ слогахъ. Мельфорда окружили четверо Китайцевъ. Онъ, для чести своего народа, не отступилъ ни на шагъ. Китайцы задрожали, увидѣвъ себя носъ къ носу съ англичанинскимъ морякомъ. Младшаго сына Сампао, храбраго Цива, мы уже знаемъ. Съ нимъ были два его брата, Цинь и Нянь. Цинь, офицеръ бердышниковъ Желтаго Зимона, одѣтый въ темно-синій сарафанъ, сверхъ долгопологаго коричневаго кафтана, былъ вооруженъ бердышемъ, *дасанъ-чунь*; и щитомъ изъ индѣйскаго тростнику, назаннаго *бай*, и

те, надидишь лицо его, не заметишь было ничего особеннаго. Нань, спрячьмигъ пиншюгъ баша, служилъ въ ли-шир-бао, то есть, въ разбивавшей горы артиллерии. Онъ былъ въ саромъ бумажномъ плащѣ съ синею окантовкой. Его щетинистые усы составляли странную растительную несообразность съ добродушнѣмъ бараньяго лица.

Мельфордъ съ перваго взгляду ощутилъ храбрость своихъ непріателей. Онъ вздернулъ рукава, ожалъ кулаки подъ своей мандаринской одеждой, и приготовился усыпать полъ Китайцами, но вдругъ остановился на другой мысли. «Отсюда я выйду легко, подумаешь онъ: но потомъ куда? Когда я однимъ взмахомъ кулака убью четырехъ Китайцевъ, кто мнѣ укажетъ дорогу? На границѣ ли я, или внутри ихъ Серединнаго Государства? Куда я спасусь, прошедши даже по трупамъ тьмой китайской арміи?» Математически обсудивъ эту задачу, Мельфордъ, по-неволѣ, рѣшился на мирный договоръ.

Мандаринъ Сампао, оправившись отъ перваго страху и вида улыбку на лицѣ Мельфорда, сказалъ по-англійски:

— Какъ отцу говорить мнѣ съ вами, или какъ непріателю?

— Какъ отцу, отвѣчалъ Мельфордъ, пожимая руки чetyремъ Китайцамъ, которые всё-еще дрожали, особенно горо-разбиватель артиллеристъ.

— Согласны ли вы принять свадебное кольцо? продолжалъ мандаринъ.

— Согласенъ.

— Пойдемте же съ нами.

Китайцы снова запѣли гимнъ предкамъ. Мельфордъ прошелъ въ комнату, слабо освѣщенную оконницами изъ масляной бумаги. Тамъ, въ красныхъ, шитыхъ золотомъ, креслахъ, сидѣла женщина, опустивъ руки, закрытыя до локтей желтыми рукавами.

Мельфордъ воскрикнулъ.... Это была дѣвушка лѣтъ пятнадцати, хорошецкая, да такая хорошенькая, что хоть съ ума сойти любому Европейцу. Несмотря на чернѣй шелковый колпекъ, убранный горностаемъ мехомъ и тремя рядами нитокъ медяго жемчугу, можно было догадаться, что эта прекрасная головка обладаетъ богатѣмъ сокровищамъ тибетскихъ кудрей. Брови, точно выведенныя

италийскую тушью, придавали невыразимую мягкость чер-
тѣмъ, свѣтящимся глазамъ. Прибавьте къ этому бѣлый, глад-
кій лобъ, дѣвственныя щеки, неподражаемо выдѣленные
носъ, и ротъ, подобный знаменитому рту, прославленному
императоромъ Цангъ-Луномъ, великимъ китайскимъ по-
этомъ, который говорилъ: «О моя радость! твои зубы — какъ
являе мнѣ долу коралла, разотнѣющіеся надъ жемчугомъ!»

Урабръли Цинь, насколько ознакомились, подвелъ Мель-
форда къ прекрасной Ця, — вы догадались, что это была
она! — и дѣвушка, обхвативъ лѣвую руку и скромно поту-
шивъ глаза, надела Мельфорду на палецъ кольцо изъ слоновъ-
ной кости. Молва во все времена и во всехъ странахъ была
символомъ блаженства узниковъ брака.

Мельфордъ не могъ свести глазъ съ прекрасныхъ паль-
цевъ своей невесты. «Какія пальчики!... какова должна
быть рука!» восклицалъ онъ мысленно. Мандаринъ взялъ
глиняный горшокъ и поставилъ въ узкое углубленіе глухаго
окна. Дѣло было спѣшное, и потому свадебную церемонію
хотѣли справить вслѣдъ за сговоромъ. Мандаринъ разбилъ
горшокъ и прочелъ супругамъ стихи Ли-дзи, относящіеся къ
брачному союзу. Мельфордъ машинально подчинился всемъ
причудамъ страннаго церемоніяла, еще болѣе скучнаго въ
описаніи чѣмъ надѣлъ. Потомъ все пошло въ залу, для пир-
шества, къ которому однако жъ не была допущена ни одна
женщина. Этотъ свадебный пиръ состоялся только для ви-
ду: собесѣдники были слишкомъ взволнованы чтобы пре-
даться наслажденіямъ стола. Мельфордъ удовольствовался
блюдомъ ласточковыхъ гнѣздъ и концомъ пирога съ осе-
триной, вареной въ эссенціи слив-джуинъ. По окончаніи
стола, мандаринъ замѣтилъ Мельфорду, что свадьба его
совершена по правиламъ вѣры Фо, которая позволяетъ
жениху видѣть невесту и обязываетъ его дарить се-
мейство жены не ранее какъ по окончаніи свадебнаго пи-
ра. Этотъ послѣдній догматъ вѣры Фо поставилъ Мель-
форда въ большое затрудненіе: у него не было ничего кромѣ
золотыхъ часовъ, которыя всегда показывали время напере-
коръ солнцу, и ключика съ сердоликомъ. — «Вѣроятно, въ
устахъ вѣры Фо не означены цѣна и количество подарковъ,»
подумалъ Мельфордъ и, отвязавъ ключикъ съ сердоликомъ, съ

важностью подалъ мандарину, который принялъ его очень чувствительно. Потомъ, тесть и зятья торжественно повели Мельфорда къ дверямъ брачной спальни, и мандаринъ сдѣлать жениху знакъ, который значилъ: «Можете войти».

Въ эту роковую минуту Мельфордъ нахлыбнулся: ноги у него словно отнялись на порогѣ брачной спальни, за которымъ скрывалось клятвопреступленіе: онъ вспомнилъ свою милую жену Королину и двоекъ покинутыхъ дѣтей! Мандаринъ и его храбрые сыновья, истрезожившіе нерышачество жениха, заглянули другъ на друга косые обыкновеннаго: зловѣщія однослезныя восклицанія готовы были сорваться съ ихъ китайскихъ губъ. Но Мельфордъ сватилъ на-лету первое мгновеніе, въ которое позабылъ о Каролинѣ, поклонился новой роднѣ, отперъ дверь спальни, и вошелъ твердою ногою.

Между-тѣмъ Глазъ уже четвертыя сутки ничего не ѣлъ: онъ былъ въ бѣшенствѣ, что кантонская полиція нигдѣ не находила слѣдовъ англійскаго офицера, и грозилъ посадить на колъ всѣхъ своихъ шпионовъ, если къ ужину не представятъ краснаго чертенка живаго или мертваго, со всѣмъ ему принадлежащимъ. Глазъ боялся даже, что не доживетъ до ужина: такъ жестоко мучилъ его голодъ, на который онъ добровольно обрекъ себя единственно изъ усердія къ Англичанамъ, вѣрнымъ друзьямъ своимъ по контрабандѣ опіумомъ. Съ Глазомъ это случилось первый разъ въ его жизни: но каково же было Сыну Неба, великому богдохану, который изъ-за него уже два раза ничего не ѣлъ по пяти сутокъ сряду! Разъ, — это было въ 1813 году, — когда Глазъ еще былъ Ухомъ, то есть, первымъ аудиторомъ въ Манчжуріи, онъ надѣлалъ тамъ столько глупостей, что Сынъ Неба принужденъ былъ отрѣшнить его отъ должности предлиннымъ указомъ, который, послѣ исчезненія всѣхъ разнообразныхъ дѣйствій Уха, заключался слѣдующимъ торжественнымъ эпилогомъ: «Каюсь сердечно и прошу прощенья у неба и у земли, что этакое болвана назначилъ я своимъ Ухомъ, и объявляю, что, для очищенія светлой совѣсти своей отъ сего тяжкаго грѣха, съ завтрашняго числа я буду молиться пять дней сряду, не принимая ни какой

«пищи.» На придачу, Уху отрезали одно ухо, и отдали собакамъ. Въ другой разъ, спустя лѣтъ одиннадцать, именно въ 1824, нѣкоторые поступки его подали поводъ къ вторичному указу точно такого же содержанія. Проживъ шесть или семь лѣтъ безъ мѣста, оставшее Ухо, по протекціи младшей сестры третьей супруги Сына Неба, было наименовано Рукою, то есть, главнымъ сборщикомъ податей въ Фу-дзянь. Не болѣе какъ въ два года усердной службы, Рука перетащила столько денегъ изъ областной казны въ свои карманы, что Сыну Неба не оставалось другого средства какъ издать новый указъ, съ эпилогомъ: «Каюсь сердечно и прошу прощенія у неба и у земли, что этакого вора назначилъ я своей Рукою, и объявляю всѣмъ, что, для очищенія свѣтлой совѣсти своей отъ сего тяжкаго грѣха, съ завтрашняго же числа буду молиться пять дней сряду, «не принимая никакой пищи.» На придачу, Рукъ отсѣкли два пальца и выкололи одинъ глазъ. Но Сынъ Неба совершенно разстроилъ свой свѣтлый желудокъ по милости этого плута, и на пятый день поста торжественно поклялся, что уже никогда не опредѣлитъ его ни къ какой должности. Не прошло однако жъ двухъ лѣтъ, какъ по протекціи тетушекъ второй супруги Сына Неба, онъ же, Сынъ Неба, сдѣлалъ его кантонскимъ Глазомъ. Читая въ газетѣ извѣстіе объ его назначеніи, Сынъ Неба съ пророческимъ предчувствіемъ воскликнулъ: «Я знаю, что этотъ человекъ заставитъ меня еще разъ поститься!» Въ самомъ дѣлѣ, съ того времени контрабанда опіумомъ получила въ Кантонѣ исполинское развитіе: два сына Глаза лично сопровождали барки съ запрещеннымъ зельемъ во внутренность государства, и почтенный ихъ родитель получалъ не менѣе осьми сотъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода отъ торговли, которую ему поручено было пстробить самыми дѣйствительными мѣрами. Извѣстно, что это соблазнительное потворство и было причиною сопротивленія, оказаннаго кантонскими Англичанами запретительнымъ указамъ, присланнымъ изъ Пекина, и подало наконецъ поводъ къ войнѣ между Англією и Китаемъ. Дѣло еще не рѣшено, но кончится неминуемо тѣмъ, что, заплативъ Англичанамъ четырнадцать милліоновъ долларовъ вознагражденія, весь Китай принужденъ

будеть ничего не ѣсть двѣ недѣли за плутни ^{мань} кантонскаго Глаза.

Наступалъ часъ ужина, для котораго Глазь съ самаго утра приказалъ приготовить себѣ, изъ птичьихъ гнѣздъ, супъ въ десять тысячъ рублей, чтобы разговѣться приличнымъ своему чину образомъ. Между-тѣмъ съищикки не являлись съ англійскимъ офицеромъ, время проходило безъ всякихъ извѣстій, супъ простывалъ, восточный вѣтеръ свѣжелъ, и капитанъ *Джемзини* поднималъ паруса, чтобы отплыть къ Филиппинскимъ Островамъ, объявивъ Глазу, что если ему, до выхода корабля изъ гавайи, не случатъ Мельфорда въ цѣлости, то изъ Филиппинскихъ Острововъ онъ отправится прямо въ Калькутту и отпрапортуетъ генералъ-губернатору о такомъ похищеніи мичмана ея величества, а тамъ уже не отвѣчаетъ за послѣдствія. Глазь приходилъ въ отчаяніе, бѣсился отъ голоду и дрожалъ отъ страху: ему уже казалось, будто десять тысячъ огромныхъ кораблей выходятъ изъ Калькутты для отмщенія за это нарушеніе велико-британскаго устава о десяти тысячахъ морскихъ церемоній; онъ уже видѣлъ Кантонъ превращеннымъ въ пепель, Поднебесную Имперію поработенною Англичанами, и, что всего хуже, ввозъ опиуму объявленнымъ свободнымъ и контрабанду этимъ ядомъ прскращенною, къ великому ущербу его кармана. Чтобы разсвѣять себѣ въ горь и чѣмъ-нибудь полезнымъ наполнить томительное время безпокойнаго ожиданія, онъ уже придумалъ было, между-тѣмъ, отколотить бамбуками по пятамъ начальника кантонской полиціи передъ окнами своего дворца. Вдругъ, ворота съ улицы распахнулись, и на дворъ вошла предлинная процессія шпіоновъ, церемоніально несшихъ четыре желѣзныя покрытыя чернымъ холстомъ клятки, — въ Китаѣ, узниковъ всегда сажаютъ въ такія клятки. Черезъ минуту голова съищиковъ явился къ Глазу съ тремя кивксенами и рапортомъ на желтой бумагѣ о благополучномъ отысканіи краснаго морскаго мандарина Западной Чуди, который красный мандаринъ, послѣ долгихъ и неутомимыхъ поисковъ, захваченъ въ брачной спальнѣ дочери кантонскаго почтмейстера Сампао, въ собственномъ его загородномъ домѣ; и находится въ прилагаемыхъ у сего кляткахъ

съ своимъ ванадильнѣмъ оружіемъ, красильнѣмъ кастанонъ, и вообще всѣмъ ему принадлежащимъ, согласно предписанію, и также и со всеми прикосновенными къ дѣлу лицами обоюго пола. Первымъ движеніемъ обрадованнаго Глаза было — возвести къ небу руки и велѣть подать супъ. Благодаря Фѳ за спасеніе Кантона, Поднебесья и контрабанды опіумомъ и съ наслажденіемъ пожирая птичьи гнѣзда, Глазъ сталъ спрашивать о' подробностяхъ, и узналъ, что въ одной изъ приложенныхъ къ рапорту клятокъ сидятъ западный морской мандаринъ и его юная супруга, Ця, въ другой почтмейстеръ и его супруга, Дай-Сы, въ третьей старшій сынъ почтмейстера, капитанъ гвардейскихъ Барсовъ, въ четвертой два младшіе сына его, бердышникъ и артиллеристъ разбиватель горъ. Глазъ тотчасъ послалъ одного изъ своихъ мандариновъ въ гавань извѣстить капитана *Джемзины* объ отысканіи его мичмана и о своей готовности выдать вмѣстѣ съ офицеромъ и все семейство его похитителей, съ тѣмъ чтобы онъ, капитанъ, если угодно, и буде такъ написано въ западномъ уставѣ о морскихъ церемоніяхъ, истребилъ это семейство до тла, развѣсивъ его на мачтахъ своего корабля или содравъ съ него кожи. Но *Джемзина* была уже далеко въ моръ, и мудрость Глаза нашла, послѣ ужина, въ большемъ затрудненіи. Однако жъ онъ не потерялся, и вскорѣ принялъ такія мѣры, которыя вполне дѣлаютъ честь его прославленной дальновидности. Другой военный корабль, *Тритонъ*, пользуясь ветромъ, приготовлялся къ отплытію прямо въ Калькутту. Глазъ постигалъ всю пользу и необходимость опередить жалобы капитана *Джемзины*, которому следовало еще посѣтить Филиппинскіе Острова, и рѣшился вступить въ переговоры съ капитаномъ корабля *Тритонъ* о представленіи остъ-индскому генералъ-губернатору своего извиненія въ случившемся и отдачь ему приложенной при письмѣ одной маленькой желѣзной клячки, которую, для болѣе исправности въ доставленіи и для вѣрнѣйшаго полученія обратно о томъ свидѣнія, желательно было бы ему, Глазу, послать со своими собственными людьми; если только есть возможность отправить ихъ потомъ обратно въ Кантонъ на первомъ большомъ

корабль ея величества. Для сохранения дружескихъ связей съ Глазомъ, капитанъ *Тритона* не считалъ приличнымъ отказать ему въ этой просьбѣ. Глазъ между-тѣмъ успѣлъ тайно сообщить черезъ своего секретаря, заключенному въ кѣтку почтмейстеру о случившейся необходимости выдать его со всѣмъ семействомъ злой Западной Чуди по важнымъ государственнымъ уваженіямъ. Онъ изъявлялъ крайнее свое сожалѣніе объ ожидающей его участи, и даже готовность свою спасти его, за небольшую признательность, отъ неминуемаго съденія рыжими варварами. Послѣ долгаго и упорнаго торгу, почтмейстеръ долженъ былъ дать Глазу взятку въ тридцать пять тысячъ рублей, за освобожденіе себя и своей жены, даеще другую, тысячъ въ двадцать, за капитана Барсовъ, за бердышника и за разбивателя горъ. Что касается до прекрасной Ця, то совѣсть честнаго Глаза не дозволяла ему освободить ея за весь сокровища міра, потому что онъ поклялся возвратить молодого мичмана «со всѣмъ ему принадлежащимъ», а жена, по словамъ мудраго устава о десяти тысячахъ церемоній, принадлежитъ мужу и составляетъ точно такую же собственность его какъ халатъ и туфли.

Рѣшивъ всѣ эти обстоятельства, Глазъ приказалъ тотчасъ написать къ лорду генераль-губернатору извинительное письмо на листъ красной бумаги въ шестнадцать аршинъ длиною; вмѣсто чернаго холста, покрыть кѣтку Мельфорда и сумругъ его обойною бумагою съ изображеніями драконовъ и равныхъ чудовищъ, чтобы Англичане на корабль боялись подходить и заглядывать въ нее; и все это отправилъ съ своими чиновниками на палубу *Тритона*. Корабль въ ту же ночь снялся съ якоря и выступилъ въ море. Китайцы не отходили отъ кѣтки, и сами ухаживали за вѣрными себѣ ея содержаніемъ.

Послѣ непродолжительнаго плаванія, *Тритонъ* прибылъ въ Калькутту утромъ двадцать-девятого сентября. На корабль находилась кантонская корреспонденція съ Остѣ-Индіей и Европою, и капитанъ посвятилъ съ нею къ генераль-губернатору. Вмѣстѣ съ нимъ отправились на берегъ и Китайцы съ письмомъ въ шестнадцать аршинъ д желвою кѣткою. Лордъ генераль-губернаторъ, немало былъ удив-

дѣтъ поспѣшеніемъ на своестъ дворъ великолѣпной китайской процессіи, подвигавшейся медленно, съ большими церемоніальнѣй, и въ серединѣ которой виднѣлся родъ сундука, покрытаго разрисованными чудовищами. Но загадка вскорѣ объяснилась. Общая веселость смѣнила первое недоумѣніе. Вся отъ-души смѣялась доказательству дружбы и выдумкѣ проникательнаго кантонскаго Глаза. Прочитавъ въ шестнадцатинаришинномъ письмѣ, что въ прилагасмой кляткѣ заключается пропавшій съ корабля *Дожежмны* жолодой морской чинъ (офицеръ) по имени *Ми-ли-фо-ли-до* (Мельфордъ), «со всемъ ему принадлежащимъ», — безъ поименованія званія роду принадлежностей, — лордъ генералъ-губернаторъ, лично знавшій неутышную мистриссъ Мельфордъ, незахотѣвъ лишить ее эффекта этого китайскаго зрѣлища. Чтобы скорѣе обрадовать даму неожиданнымъ возвращеніемъ вѣрнаго супруга, онъ приказалъ той же процессіи, не вскрывая клятки, церемоніально отнести ее къ мистриссъ Мельфордъ. Процессія, въ сопровожденіи одного изъ чиновниковъ генералъ-губернатора, двинулась изъ дворца и торжественнымъ шагомъ пошла черезъ всю Калькутту къ *Elephant-street*, улицѣ, въ которой жила мистриссъ Мельфордъ.

Между-тѣмъ какъ генералъ губернаторъ принималъ посольство Глаза, кантонская корреспонденція была разобрана въ его канцеляріи, и письма, адресованныя къ калькуттскимъ жителямъ, разосланы съ курьерами по всему городу. Мистриссъ Мельфордъ, одна изъ первыхъ, получила драгоцѣнное посланіе своего вѣрнаго супруга. Она уже въ десятый разъ перечитывала эти дышущія любовью строки, и въ сотый со слезами цѣловала слова, которыми онъ оканчивался, — *Вѣрныйшій изъ мужей; Томъ Мельфордъ*, — какъ вдругъ послышался необыкновенный шумъ на улицѣ. Любопытство заставило ее подбѣжать къ окну. Она увидѣла длинное шествіе странныхъ людей, совершенно похожихъ на фигуры; написанныя на ея чайномъ ящикѣ. Въ то же время вошелъ въ гостиную чиновникъ генералъ-губернатора, и поздравилъ ее съ благополучнымъ возвращеніемъ мужа, который, послѣ письма, пропаль-было съ корабля, и отъисканъ неусыпностью кантонскаго правителя. Мистриссъ Мельфордъ вскрикнула отъ радости и, не дослушавъ рѣчи

чиновника, выжила на улицу да встраху «рабѣйшину изъ мужей», съ письмомъ его въ руку.

Китайцы собирались церемоніально сдѣлать бумажный чехоль съ клятвы, но нетерпѣливѣе обрадованной супруги не допустило ихъ до этого. Мистриссъ Мельфордъ собственными руками разорвала тонкіе обои, къ крайнему удивленію Китайцевъ, не постигавшихъ, какъ она не боится такихъ страшныхъ драконовъ, такъ живо и искусно нарисованныхъ чудовищъ..... разорвала, и что жъ увидѣла? — вѣрнѣйшаго изъ мужей рядомъ съ молодешкою и прелестною Китайкою, которой онъ уже принадлежалъ по закону великаго Фо!....

И такъ-то оправдалось мудрое изреченіе *Ли-дзи*, въ устава о десяти тысячахъ церемоній: «Никогда мужъ не долженъ много клясться въ вѣрности своей женѣ: никто не знаетъ того, что суждено его супружеской вѣрности «въ этой жизни, исполненной игры случаевъ!»

ВЫЗЫШНІЯ ИТАЛІАНСКІЯ ПѢВИЦЫ. *Шоберлехнеръ Марини. Стрепони. Фрецолини.* Одинъ музыкальный путешественникъ сообщаетъ французскимъ журналистамъ слѣдующее извѣстіе о четырехъ великихъ пѣвицахъ, которые въ эту минуту приводятъ въ восторгъ Италію.

«*Шоберлехнеръ*, родомъ изъ Петербурга, обладаетъ редкимъ и несомнѣннымъ талантомъ: годось ея чистъ, силенъ, звонокъ, глубокъ, и сверхъ-того въ немъ есть что-то важное, что-то увлекающее, трогющее душу. По-несчастію, *Шоберлехнеръ* слишкомъ страстно любитъ музыку собственно для музыки. Вопреки обычаю другихъ музыкантовъ-исполнителей, она, пѣніемъ своимъ, старается доставлять гордость не себя самой, а тѣмъ музыкальнымъ произведеніямъ, которыя ей ввѣряются. Для этого она не жалеть ни своей груди ни горла, и теперь начинаеть немножко чувствовать слѣдствія своего самопожертвованія. Обыкновенно пѣвцы и пѣвицы мало думаютъ о всеобщей гармоніи въ исполненіи вокальной музыки: имъ лишь бы похлопая за ту или другую піэсу, на которую они заранее рассчитываютъ, и, послѣ этого, они совершенно довольны. Напротивъ-того *Шоберлехнеръ* вовсе не дорожитъ такими

устахъ : она старается блести тамъ , гдѣ другіе прячутся за чужіе голоса, то есть, въ хорахъ, въ квартетахъ, квинтетахъ, и такъ даде. Чемъ больше голосовъ поютъ въ одно время, тѣмъ труднѣе пѣвцу подладиться къ товарищамъ; но госпожа Шоберлехнеръ тутъ-то именно и въ своей стихіи, ей тутъ-то и весело. Не мудроно понять, что такіе подвиги влекутъ за собой истощеніе и усталость: потому талантъ ея, уже ослабѣвшій нѣсколько, безъ сомнѣнія не будетъ такъ долговѣченъ, какъ таланты ея соперницъ, хотя съ другой стороны, это еще болѣе внушаетъ къ ней уваженія. — *Марини* хорошенькая и молоденькая женщина, только очень похожа на восковую куклу. Обладая примѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ, она въ то же время одарена превосходными вокальными средствами, и съ блестящимъ успѣхомъ побуждаетъ самыя трудныя роли; но если ухо прельщается ея пѣніемъ, зато она нисколько не шевелитъ сердца. — *Стрепони*, женщина двадцати пяти лѣтъ, уступая Марини въ красоту, превосходитъ ее въ искусствѣ. Она обращаетъ на себя вниманіе чистой и изящной методой, а болѣе всего чувствомъ и выразительностью.

«Но ежели вы хотите знать лучшее въ цѣлннкъ пѣвицъ, которыми Италия обладаетъ въ эту минуту, если вы хотите знать имя царицы всѣхъ знаменитостей, которыя мною исчислены, такъ это предестная, несравненная, очаровательная Эрминія Фреццоллини. Она пятью или шестью годами моложе самой младшей изъ своихъ соперницъ, въ тысячу разъ прекраснѣе самой прекраснѣйшей, и безспорно превосходитъ ихъ всѣхъ по таланту. Для нея поэты бросаютъ перо и дѣлаются артистами: примѣръ тому недавно показалъ Романи, авторъ оперы *Beatrice di Tenda*. Вотъ какъ онъ прославляетъ ее въ фельетонѣ одной изъ итальянскихъ газетъ: «Эрминія Фреццоллини производитъ теперь такой эффектъ въ Туринѣ, какого и сама Паста не произвела въ Венеціи: я обязанъ ей лучшими красотами своей Беатриче, красотами, какихъ я и не подозрѣвалъ въ этой оперѣ. Эрминія едва ли есть двадцать одинъ годъ отъ роду, но она уже достигла такого совершенства въ искусствѣ, и обнаруживаетъ въ себѣ такую умную, сильную, граціозную, страстную актрису,

въ глазахъ ея столько огня, въ фигурѣ столько благородства, и во всемъ столько души, что я по-сю-пору не могу опомниться отъ удивленія.... Такъ молода, и уже такъ далеко ушла на художественномъ поприщѣ! только два года училась и занималась, а уже такъ овладѣла сценою!.... Со времени несчастной Малибранъ, ни одна женщина не показала столь гибкаго, пріятнаго и драматическаго голоса; никто лучше ея не умѣлъ переходить отъ слезъ къ гнѣву, отъ порывовъ любви къ тихой покорности; никто не придавалъ такого колорита каждому слову, никто такъ хорошо не соединялъ чувства поэта съ чувствомъ музыканта. Прослушавъ, какъ она замираетъ въ каватинѣ, гремитъ въ дуэтѣ съ Филиппомъ, и заставляетъ трепетать въ квартетѣ, надобно еще видѣть и слышать, какъ она молится въ финальномъ рондо.... Сколько жизни во всѣхъ движеніяхъ! какъ она одушевляется! какъ она умѣетъ обратить въ пользу каждое ничтожное слово, каждый взглядъ, каждый жестъ. которыхъ и я, авторъ, написавшій ея ролю, не могъ ни отгадать ни придумать! Кто видѣлъ и слышалъ ее во всей длинной партіи Беатриче, тотъ навѣрное скажетъ, что Эрминія Фреццоллини — лучшее украшеніе лирическаго и драматическаго искусства въ цѣлой Италіи.» Вотъ какъ сильенъ энтузіазмъ, внушаемый этой пѣвицей поэтамъ, но я, съ своей стороны, могу сказать по совѣсти, что въ похвалахъ, которыми превозносятъ ее авторъ Беатриче, нѣтъ ни какаго преувеличенія.»

НОВЫЯ КНИГИ.

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ГРЕФА,

(на углу Невскаго Проспекта и Адмиралтейской Площади).

Французскія.

Изящная словесность.

(Цѣны на серебро.)

ARABESQUE (une), par *Roger de Beauvoir, Paul Musset, Alphonse Royer, Esquiros* etc. Paris. 2 vol. in 8. 4 rb. 30 cop.

Le même. Bruxelles. 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.

ARNAUD. Lucie, suivi d'Alonzo. Bruxelles. 1 vol. in-18. 85 cop.

ARNOULD. Adèle Launay. Bruxelles. 1 vol. in-18. 85 cop.

ARTISANS (les), illustres, par *Foucaud*, avec 250 vignettes, par *Fragonard, Baron* etc. gr. in-8, publié en 80 livr. 5 rb.

BAZANCOURT. Le Jeu d'une Coquette, suivi de Louise Delmar. Bruxelles. 1 vol. in-18. 85 cop.

BEAUVOIR. Le Neveu du Mercier, suivi du Baigneur de Dieppe. Bruxelles. 1 vol. in-18. 85 cop.

BODIA. Caliste. Bruxelles. 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.

CONSTANTINOPLE, ancienne et moderne, illustré par 96 gravures sur acier par Allom. 49 livraisons. in-4. 20 rb.

COOPER. Mercedes de Castille. Bruxelles. 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.

CORINNE, par *Mme de Staël*, édition illustrée par *Thompson, Orrin Smith*, etc. livr. 1 à 23. in-8. la livr. à 15 cop.

En souscription :

DICTIONNAIRE de la conversation à l'usage des dames et demoiselles; paraîtra en 10 volumes in-12., avec gravures et cartes coloriées; pour les 10 volumes 10 rb.

DUDRESNEL. Contes et Poésies. in-12. 85 cop.

DUFAYEL. Physiologie de l'amour. in-8. 1 rb. 70 cop.

DUMAS. Nouvelles impressions de voyage (midi de la France). Bruxelles. 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.

ENFANCE PITTORESQUE, petite galerie en actions de la vie des enfans,

T. XLVII. — Отд. VII.

8^r/₂

- illustré de 64 gravures. Cet ouvrage paraîtra en 32 livr. gr. in-8.; la livraison noire coûte 10 cop., coloriée 20 cop.; le prix de l'ouvrage complet sera en noir 3 rb. 20 cop., colorié 6 rb. 40 cop.
- FLORIAN.** Fables, illustrés par *Grandville*. Cet ouvrage paraîtra en 40 livr. gr. in-8.; la livraison coûtera 10 cop. Le prix de l'ouvrage complet sera 4 rb.
- GALERIE DE LA PRESSE.** T. III. in-4, avec 50 portraits. 8 rb.
- JARDIN DES PLANTES** (1c). Description et moeurs des mammifères de la ménagerie et du muséum d'histoire naturelle, par *Boitard*, illustré par *Andrew, Best et Leloir*; paraîtra en 50 livr. gr. in-8., la livr. coûtera 10 cop., l'ouvrage complet 5 rb.
- KEEPSAKE ENFANTIN.** Mémoires d'une jeune fille devenue grande. in-4. relié avec gravures 4 rb.
- KOCK (PAUL DE).** L'homme au trois culottes. Bruxelles. 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.
- LAVERGNE.** Pauline Butler. Bruxelles. 1 vol. in-18. 85 cop.
- MEDITERRANÉE** (1a), ses îles et ses bords, illustrée par 64 gravures sur acier, d'après les dessins de *Leitch, Temple, Allen et Irton*. 33 livraisons. in-4. 12 rb. 85 cop.
- MUSSET.** Deux mois de séparation. — Le dernier abbé. — Le teneur de livres. Bruxelles. 1 vol. in-18. 85 cop.
- PARIS-DAGUERRÉOTYPE,** Vues de Paris avec texte, livr. 53 à 60. in-4. à 10 cop.
- SÉVIENÉ (Mme de).** Lettres choisies. in-12. 1 rb. 20 cop.
- SUE.** Le commandeur de Malte. Bruxelles. 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.
- SUE (MATHILDE).** Mémoires d'une jeune fille. Bruxelles. 2 vol. in-18. 1 rb. 50 cop.
- TERNAUX.** Relation des premiers conquérants de l'Amérique. in-8. 3 rb. 40 cop.

Hayku.

- AMPÈRE.** Histoire de la formation de la langue française; littérature du midi de la France; in-8. 2 rb. 15 cop.
- AULAGNIER.** Etudes pratiques sur la navigation du centre, de l'est et du nord de la France; in-folio. 5 rb. 15 cop.
- BRUCE-WHYTE.** Histoire des langues romanes. T. I. gr. in-8. 3 rb. 40 cop.
- BULLETIN** de la société d'encouragement. Année 1840. in-4. 8 rb. 60 c.
- BURNOUF.** Méthode pour étudier la langue latine. in-8. 85 cop.

- COLLECTION DES CARTULAIRES de France. Cartulaires de l'abbaye de St. Père à Chartres. T. 1 et 2. in-4. 9 rb.**
- COINCE. Eléments de mathématiques et de cosmographie. in-8. 1 rb. 30 cop.**
- GUERARD. Histoire du droit privé des Romains. in-8. 2 rb. 30 cop.**
- INSTRUCTION PUBLIQUE EN AUTRICHE, par un diplomate étranger. in-8. 1 rb. 80.**
- L'ÉDIFICE SOCIAL, reforme électorale, ou de l'influence de la propriété territoriale, industrielle et commerciale, par *Alibert*. in-8. 1 rb.**
- LETRONNE. Fragments des poèmes géographiques de Scymus de Chio et du faux Dicéarque, restitués principalement d'après un manuscrit de la bibliothèque royale. in-8. 4 rb. 60 cop.**
- MINARD. Cours de construction des ouvrages qui établissent la navigation des rivières et canaux, texte in-4, atlas in-folio. 12 rb.**
- MUENCH. Collection de mémoires, lettres, relations, chroniques, manuscrits très rares, pour servir à l'histoire des XV, XVI et XVII siècles. Première partie. Stuttgart. in-8. 2 rb. 90 cop.**
- ORTOLAN. Législation pénale comparée. 2 vol. in-8. 2 rb. 60 cop.**
- PROGRÈS social, (du) au profit des classes populaires non indigentes, par *Farelle*. 2 vol. in-8. 5 rb. 15 cop.**
- RENDU. Cours de pédagogie pour les écoles primaires. in-12. cart. 50 cop.**
- ST. ALBIN. Logique judiciaire. in-12. 1 rb.**
- THEIL. Dictionnaire d'Homère et des Homérides. gr. in-8. livr. I-^{re}. 1 rb. 30 cop.**
- TREDOS. Philosophie de la langue française. in-8. 1 rb. 30 cop.**
- WALTER. Histoire de la procédure civile chez les Romains, traduit par Laboulaye. in-8. 1 rb. 30 cop.**

Медицина, натуральная исторія, физиологія, химія.

- AUBANEL. Recherches sur l'aliénation mentale. in-8. 1 rb. 30 cop.**
- BÉZARD. Maladies de la glande parotide. in-8. 1 rb. 30 cop.**
- CHASSAIGNAC. Des appareils orthopédiques. in-4. 1 rb. 15 cop.**
- COLIN. Cours de chimie. in-8. 2 rb. 60 cop.**
- DE FERRON. Système de classification du règne animal. in-8. 75 cop.**
- DEVAY. De la physiologie humaine. in-8. 1 rb. 60 cop.**
- D'HUC. Le médecin des femmes. in-8. 1 rb. 70 cop.**
- DUBOWITZKI. Mémoires sur la section sous-cutanée des muscles, pronateurs-fléchisseurs de la main et du doigt. in-8. 45 cop.**
- DUPUYTREN. Leçons orales de clinique chirurgicale. 3 vol. in-8. 6 rb.**
- Le même. Bruxelles. gr. in-8. 4 rb.**
- LACEPÈDE. Histoire naturelle, publiée par Desmarest. T. II. in-8, avec gravures coloriées. 4 rb.**

- LAUVERGNE.** Les forçats, considérés sous le rapport physiologique, moral et intellectuel, observés au bague de Toulon. in 8. 2 rb. 15 cop.
- MALGAIGNE.** Appareils pour le traitement des fractures. in 8. 85 cop.
- MILNE-EDWARDS.** Cours élémentaire d'histoire naturelle, avec figures. intercalées dans le texte. T. I. *Zoologie.* in-12. 2 rb.
- MOTARD.** Elémens d'hygiène générale. 2 vol. in-8. 4 rb. 60 cop.
- PIORRY.** Traité de pathologie médicale. in-8. livr. 1 à 6. 2 rb.
- RÈGNE ANIMAL,** disposé en tableaux méthodiques, par *Achille Comte.* in-folio. Ouvrage achevé en 91 tableaux renfermant 5000 figures. 31 rb. 85 cop.

Нѣмецкія.

- WABO.** Der Weinbau nach der Reihenfolge der vorkommenden Arbeiten dargestellt. 2 Hefte. gr. 8. Heidelberg 1841. geh. 1 rb. 60 cop.
- BERNARDIN ST. PIERRE.** Paul et Virginie und die Indische Hütte. Mit 400 in den Text gedruckten Vignetten und 30 grossen Bildern in feinstem Stahlstich. 9 Lieferungen. Lex. in-8. Pforzheim 1840. geh. 8 rb. 10 cop.
- BERNDT.** Abdelkader, oder 3 Jahre eines Deutschen unter den Mauren. kl. 8. Berlin 1840. geh. 1 rb. 50 cop.
- BILDER-ATLAS,** zu jedem Lehrbuche der Naturgeschichte, mit 476 Abbildungen. quer in-4. Erfurt 1841. geh. 90 cop.
- BILDER-GALLERIE,** systematische zur allgemeinen deutschen Encyclopädie. (Conversationslexicon). in-4. Carlsruhe. geh. 8 rb. 40 cop.
- BOCK.** Hand-Atlas der Anatomie des Menschen, nebst einem tabellarischen Handbuche der Anatomie. 7 Lieferungen. gr. in 8. Leipzig. 1841. geh. 9 rb. 45 cop.
- BRANDT,** dit Grierin. Militärisches Wörterbuch oder Auszug der nützlichsten französischen und deutschen Wörter, sowohl für das Militair als für die Jagd und was Pferde betrifft, nebst einigen dazu passenden Gesprächen. in-12. Berlin 1841. geh. 45 cop.
- BROCKHAUS.** Ueber den Druck Sanscritischer Werke mit latein. Buchstaben. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 80 cop.
- BRUNS.** Lehrbuch der allgemeinen Anatomie des Menschen. gr. in-8. Braunschweig 1841. geh. 2 rb. 40 cop.
- BULGARIN.** Russland in historischer, statist. geograph. und literärischer Beziehung, aus dem Russischen übersetzt von Brakel. (Ge-

- schichte) 2 Band. mit einer Karte und 3 Zeichnungen. gr. in-8. Riga 1841. 2 rb.
- CARNOT**, und neuere Befestigung, mit einem Plane. gr. in-8. Leipzig 1841. 2 rb. 10 cop.
- CHINA**, seine Zustände und Aussichten, frei nach dem Engl. von Medhurst. kl. in-8. Stuttgart 1840. geh. 1 rb 35 cop.
- CHOULANT**. Ueber den animalischen Magnetismus. kl. in-8. Dresden 1840. geh. 40 cop.
- CORDA**. Flore illustrée de médecines d'Europe, avec 25 planches colorées fol. Leipzig. rel. 18 rb.
- DAMPFKRAFT** ersetzt durch eine neue mindestens zehnmahl wohlfeilere (45 Pferde 2 rb. täglich), und dabei ganz gefahrlose Kraft. Mit Abbildung der Maschine und der dazu nöthigen Apparate, (wichtige) von der hohen Bundesversammlung mit 100,000 fl. honorirten Erfindung. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 65 cop.
- DANTZ**. Elementar-Lehre der Landwirthschafts-Wissenschaft für die Besitzer kleiner ländlicher oder bäuerlicher Güter 1 Band. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 1 rb. 80 cop.
- DIEFFENBACH**. Ueber die Durchshneidung der Sehnen und Muskeln, mit 20 lith. Tafeln. Lex. in-8. Berlin 1841. cart. 4 rb. 50 cop.
- DIECKER**. Kommentar über die gewöhnlichen Regeln der Obstbaumzucht nach Erfahrungen und deren Resultaten zur Belehrung bearbeitet. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 90 cop.
- DIETRICH ENCYCLOPAEDIE**, der Pflanzen, enthaltend die Beschreibung aller bis jetzt bekannten Pflanzen, nach dem Linneischen Pflanzensysteme geordnet. 1 Band mit 73 colorirten Kupfertafeln. in-4. Jena 1841. geb. 45 rb. 60 cop.
- ENDLICHER**. Genera Plantarum secundum ordines naturales disposito fasc. I. — XVIII. in-4. Vindobonae 1840. leg. 24 rb. 30 cop.
- ENE**, die Epistel des Quintus Horatius Flavius über die Dichtkunst. gr. in-8. Wien 1841. geh. 50 cop.
- ENKE**, Astronomische Beachtungen auf der Königlichen Sternwarte zu Berlin. 1 Band mit 5 Kupfertafeln. fol. Berlin 1840. geh. 6 rb. 75 c.
- EPP**. Schilderungen aus Ostindiens Archipel mit Abbildungen und einer Karte. gr. in 8. Heidelberg 1841. geh. 1 rb. 80 cop.
- FOX**. Beobachtungen über die Bleichsucht, aus dem Engl. von Gross. kl. in-8. Leipzig 1841. geh. 50 kop.
- GABELENTZ**. Grundzüge der Syrjanischen Grammatik. gr. in-8. Altenburg 1841. geh. 60 kop.
- GOTTSCHALK**. Bemerkungen zur Behandlung der Bleichsucht, Blasenlähmung und des nervösen Huftweh. gr. in-8. Köln 1841. geh. 40 c.
- GOULD'S** Monographie der Ramphastiden oder Tukanartigen Vögel, aus

- dem Englischen von Sturm. 1 Heft in-4. Nürnberg 1841. cart. 5 rb. 40 cop.
- HAGE.** Der Schaaflirt. histor. Roman. 2 Bde. kl. in-8. Leipzig 1840. geh. 3 rb. 20 kop.
- HEINE.** Beobachtungen über Lähmungszustände der untern Extremitäten und deren Behandlung, mit 7 Steindrucktafeln. in-4. Stuttgart 1840. geh. 2 rb. 10 cop.
- HERLOSSEN.** Das Riesengebirge, mit 30 Stahlstichen. 10 Lieferungen. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 4 rb. 50 cop.
- HERRMANN.** Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, aus dem Standpunkte der Geschichte entworfen. gr. in-8. Heidelberg 1841. 2 rb. 40 cop.
- HOOD.** Die Warmwasserheizung mit Ventilation, bis jetzt die zweckmässigste, gesündeste, gefahrloseste und wohlfeilste Heilmethode für alle Arten grosser und kleiner Gebäude, als: Kirchen, Theater, Manufacturen, Casernen, Hospitäler, Schulen, Ballsäle, Wohnhäuser, Treibhäuser aller Art u. s. w., ins Deutsche übertragen von Schmidt. mit 11 Steindrucktafeln. gr. in-8. Weimar 1841. 1 rb. 50 cop.
- HEUNEFELD.** Chemie und Medizin in ihrem engern Zusammenwirken, oder Bedeutung der neueren Fortschritte der organischen Chemie für erfahrungsmässige und speculative ärztliche Forschung in 2 Bänden. gr. in-8. Berlin 1841. 4 rb. 80 cop.
- KRAUSE.** Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen aus der Schrift und Bildwerken des Alterthums. 2 Bände mit 183 Figuren auf 36 Lithograph. Tafeln. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 8 rb. 40 cop.
- KRUGER.** Bibliographia botanica. Handbuch der botanischen Literatur in systemat. Ordnung, nebst kurzen biographischen Notizen über die botanischen Schriftsteller. gr. in-8. Berlin 1841. 2 rb. 40 cop.
- KUERS.** Ueber Einrichtung und Leitung der Thierarzneischulen zum Besten der Landwirthe und Thierärzte, und über allgemeine Einführung des guten Hufbeschlages, eine Preisschrift. gr. in-8. Berlin 1841. geh. 50 cop.
- KUERS.** Die 3 wichtigsten Jugendkrankheiten der Schaafe, die Treberkrankheit, Drehkrankheit und Lämmerlähme, und deren sichere Vorbeugung. kl. in-8. Berlin 1840. geh. 70 cop.
- KUGLER.** Handbuch der Kunstgeschichte 1 Lief. gr. in-8. Stuttgart 1841. geh. 90 cop.
- LEONHARD.** Geologie oder Naturgeschichte der Erde auf allgemeinfassliche Weise abgehandelt. 19 Abtheilungen mit Stahlstichen. gr. in-8. Stuttgart 1840. geh. 12 rb. 80 cop.
- LE SAGE.** Der hinkende Teufel. mit Illustrationen nach Tony Schmidt. 8 Hefte. Lex. in-8. Pforzheim 1840. 3 rb. 60 cop.

- LIEBERKUEHN.** Der Wiesen- und Futterbau mit 8 Steindrücken gr. in-8. Weimar 1841. 1 rb. 80 cop.
- LIEBIG.** Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie gr. in-8. Braunschweig 1841. geh. 2 rb. 70 cop.
- LINKE.** Deutschlands Flora in colorirten naturgetreuen Abbildungen. 11 Lieferungen, jede Lief. mit 16 illuminirten Abbildungen. gr. 8. Leipzig 1840. geh. 3 rb. 30 cop.
- LYELL.** Die neuen Veränderungen der unorganischen Welt. Aus dem Englischee von Hartmann. mit 33 lithographirten Tafeln. kl. in-8. Weimar 1841. 3 rb. 40 cop.
- MEISTERWERKE DER ITALIENISCHEN DICHTKUNST.** 12 Lieferungen. Lex. in-8. Halle 1840. geh. 8 rb. 10 cop.
- MEHRBACH.** Die Anwendung der erwärmten Gebläseluft im Gebiete der Metallurgie. gr. in-8. Leipzig 1840. geh. 3 rb. 60 cop.
- METZGER.** Die Getreidearten und Wiesengräser in botanischer und ökonomischer Hinsicht. gr. in-8. Heidelberg 1841. geh. 1 rb. 20 cop.
- MEYER,** Lehrbuch der Pyrotechnik, vollendetes Manuscript aus seinem Nachlasse, herausgegeben von Hoffmann. gr. in-8. Berlin 1840. 1 rb. 70 cop.
- NATURGESCHICHTE,** malerische der 3 Reiche, für Schule und Haus, mit besonderer Beziehung auf das praktische Leben, bearbeitet von Lindner unter Mitwirkung von Lachmann. 1. 2. Hest. in-4. Braunschweig 1841. geh. 1 rb. 35 cop.
- NEUBERT.** Die Hauptpunkte der allgemeinen Pathologie und Therapie. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 1 rb. 20 cop.
- PIRINGER.** Die Blennorrhoe am Menschengauge, gr. in-8. Grätz 1841. geh. 3 rb. 35 cop.
- RATKE.** Bemerkungen über den Bau des Amphioxus lanceolatus eines Fisches aus der Ordnung der Cyclostomen, mit einer Kupfer-tafel. in-4. Königsberg 1841. 1 rb. 10 cop.
- RAUDNITZ.** Die Musik als Heilmittel, oder der Einfluss der Musik auf Geist und Körper des Menschen und deren Anwendung in verschiedenen Krankheiten, nebst Anhang; Diätetik für Säuger und solche Musiker welche Blas-Instrumente behandeln. kl. 8. Prag. 1840. geh. 70 cop.
- RAUDNITZ.** Die Gebrechen des Alters, und die Art ihnen zu entgehen, oder Belehrungen um ein hohes und frohes Alter zu erreichen. kl. in-8. 1840. 1 rb. 20 cop.
- REUSS.** Die Umgebungen von Teplitz und Bilin, in Beziehung auf ihre geognostischen Verhältnisse. Ein Beitrag zur Physiographie des böhmischen Mittelgebirges. Mit 1 illum. geognost. Karte und 9 lithograph. Tafeln, gr. 8. Prag. 1840. geh. 3 rb. 60 cop.
- SILBERT.** Die vier Evangelien unsers Herrn Jesu Christi, aus der Ja-

- teinischen Vulgata, 6 Hefte. Illustrierte Ausgabe. Lex. 8. Pforzheim, 1840, geh. 9 rb.
- TAUSEND UND EINE NACHT**, Arabische Erzählungen zum erstenmale aus dem arabischen Urtext treu übersetzt von Dr. Weil, herausgegeben und mit einer Einleitung von Lewald, mit 2000 Bildern und Vignetten von Gross. I. II. III. Band. 1 Band 108 Lief. Lex. in-8. Stuttgart 1840. 19 rb. 35 cop.
- TESTAMENT (DAS NEUE)** unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi. Verdeutsch von Dr. Martin Luther, elegant in Leder gebunden mit Goldschnitt. in-4. Stuttgart 1840. 8 rb. 55 cop.
- DASSELBE**, geheftet. 5 rb. 40 cop.
- UEBER DIE COMPRIMIRTE LUFT**, als universelle Triebkraft und unentgeltliches Ersatzmittel der Dampfkraft, von Andraud und Tessin du Montay, deutsch von Schmidt mit einer lithographirten Tafel gr. in-8. Weimar 1841 80 cop.
- UFER (die), und Inseln des Mittelländischen Meeres.** In Ansichten von Sicilien, den Küsten der Barbarei, Calabrien, Malta, Gibraltar und den Jonischen Inseln. Nach der Natur gezeichnet von Leitch, Greenville, Irton und Allen. Text von Wright, nach dem engl. von Brinkmeier. 1-5 Hfst. in-4. Braunschweig 1841. geh. 2 rb. 25 cop.
- UNIVERSUM (DAS KLEINE)**, ein Bilderwerk in interessanten Ansichten, mit erklärendem Text. kl. queer in-4. 12 Lieferungen. Stuttgart 1840. geh. 3 rb. 60 cop.
- USTRALOW.** Grundriss der Geschichte Russlands für mittlere Lehranstalten, übersetzt von Brackel, mit 1 Karte von Russland und 1 Stammtafel. gr. in-8. Riga 1841. geh. 1 rb. 20 cop.
- WAITE.** Ueber das Leben und die Lehre des Ulfila. Bruchstücke eines ungedruckten Werkes aus dem Ende des 4 Jahrhunderts, im Namen der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde herausgegeben, mit einem Facsimile. in-4. Hannover 1840. geh. 1 rb. 20 c.
- WOCHER.** Allgemeine Phonologie oder natürliche Grammatik der menschlichen Sprache. gr. in-8. Stuttgart 1841. 3 rb.
- ZEITUNG (ENTOMOLOGISCHE)**, herausgegeben von dem entomologischen Vereine zu Stettin für 1841. 12 Nummern. kl. in 8. 1 rb. 35 cop.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

=

Для фортепіано.

(Цѣны на серебро.)

- СЮРИК.** Quatre masurques, oeuvre 41 (1 rb. 43 cop.).
- ШЕРНУ.** Lieder von Franz Schubert, transcrits pour le pianoforte: — Die Forelle (86 cop.). — Drang in die Ferne (57 cop.). — Gruppe aus dem Tartarus (86 cop.). — Der blinde Knabe (57 cop.). — Normanns Gesang (86 cop.). — Lied des gefangenen Jägers (86 cop.) — Schäfers Klage lied (57 cop.). — Jägers Abendlied (57 cop.).
- ДРЕЙСШОК.** Rondo militaire, oeuvre 13 (1 rb. 29 cop.).
- НАВЕРБИЕР.** Le Ruisseau, étude (1 rb. 15 cop.). — Romance sans paroles (57 cop.).
- ХЕНСЕЛТ.** La Gondole, étude (75 cop.). — Wiegenlied, étude (75 cop.).
- ЛИЗТ.** Beethoven's geistliche Lieder, transcrits pour le pianoforte, complet (2 rb. 86 cop.). — Cahier 1. Gottes Macht und Vorsehung — Bitten. — Cahier 2. Busslied. — Cahier 3. Vom Tode, — Liebe des Nächsten. — Cahier 4 Die Ehre Gottes aus der Natur.
- МАКХЕН.** Impromptu dans le style élégant (86 cop.). — Chant, sans paroles, dédié à M. Thalberg (86 cop.). — Exercices pour la main gauche seule, en six pièces caractéristiques. Oeuvre 40, dédié à M. Henselt (1 rb. 15 cop.).
- СПОНН.** Duo concertant, oeuvre 114. — Pour pianoforte et violon (2 rb. 86 cop.). — Pour pianoforte et violoncello (2 rb. 86 cop.). — Pour pianoforte et flûte (2 rb. 86 cop.).

Для флейты.

- СУССМАНН.** Études journalières, contenant 24 exercices dans tous les modes. Oeuvre 53 (3 rb. 71 cop.). — Trois duos, pour deux flûtes. Oeuvre 24, numéros 1, 2, 3 (4 rb. 57 cop.). — Trois duos, pour deux flûtes. Oeuvre 36, numéros 1, 2, 3 (4 rb. 29 cop.).

Для скрипки.

- ЕРНСТ.** Trois morceaux de salon. Deux nocturnes. Oeuvre 8. Numéro 1. (86 cop.). — Thème allemand varié. Oeuvre 9, numéro 2 (86 cop.). — Élégie. Chant. Oeuvre 10. Numéro 3 (86 cop.). — Fantaisie brillante sur la marche et la romance d'Othello, de Rossini. Oeuvre 11, avec accompagnement d'orchestre (3 rb. 43 cop.). — La même avec pianoforte (2 rb.). — Concertino avec accompagnement de grand orchestre. Oeuvre 12 (6 rb. 86 cop.). — Le même avec pianoforte (3 rb.).

Для пѣнія.

- КРЕВЪ.** Die Heimath: für Sopran oder Tenor, mit Begleitung von Violoncell, oder Horn, oder Violine und Pianoforte (86 cop.).

Т. XLVII. — Отд. VII.

6 1/2

КЛЕВЕР. Adelheld; für Sopran oder Tenor, mit Begleitung von Violoncell, oder Horn, oder Violine und Pianoforte (57 cop.).

— Die süsse Bell; für Sopran oder Tenor, mit Begleitung von Cello, oder Horn, oder Violine und Pianoforte (56 cop.).

СНУВЕНТ. La Poste. Texte français et allemand. Edition de luxe, nouvelle (57 cop.).

— La Sérénade. Texte français et allemand. Edition de luxe, nouvelle (57 cop.).

(Всѣ эти сочиненія находятся въ музыкальных магазинахъ «Одеона», за угломъ Большой Морской въ Гербовомъ, въ домѣ Шварца, № 114, и на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ Витбергера, № 47.)

М О Д Ы.

Въ это время года, можно видѣть множество прелестныхъ нарядовъ, но весьма рѣдко попадаетъ что-нибудь новое. Щегольство нынѣшняго лѣта состоитъ преимущественно въ бурнусахъ, однако жъ все разнообразіе ихъ заключается, не въ фасонъ, а въ цвѣтъ и матерію. Вообще должно замѣтить, что самые красивые и самые благородные бурнусы бывають, не шелковые, но шерстяные, и бѣлой кашмиръ, съ богатыми арабскими кистями изъ некрученаго шелку, приличнѣе всѣхъ прочихъ для прекраснаго бурнуса.

— Мода на шарфы продолжается: мало видно бархатныхъ, а всё большею частью изъ гладкихъ шелковыхъ матерій, одноцвѣтныхъ или мелкополосатыхъ, съ очень широкою шелковою бахрамою.

— Въ юбкахъ, фасонахъ талій, реленготахъ, шляпкахъ, и прочая, не произошло ни какой перемены. Нѣкоторыя высокія таліи дѣлаются сплошь морщенныя, для чего тоненькія косточки располагаются въ нихъ на одинъ вершокъ разстоянія одна отъ другой; при такой таліи рукава должны быть также морщенные сверху до низу перехватами. На самыхъ щегольскихъ платьяхъ воланы пришиваются въ три ряда, по три воланчика въ каждомъ ряду, и каждый воланчикъ шириною въ полтора вершка; верхній рядъ помещается гораздо выше колѣна. На полосатыхъ платьяхъ это очень мило.

— Никогда еще, лѣтомъ, не носили столько шелковыхъ матерій какъ нынче, не смотря на жары; но богатые вышивки и волны прекрасныхъ кружевъ составляютъ предметъ особеннаго щегольства.

МОГИЛА.

=

Въ знойномъ краѣ, вдали,
Есть обломокъ земли :
Грудой скалъ онъ стоитъ въ океанѣ.
Роетъ берегъ волна ;
Но долина одна
Въ немъ цвѣтеть, освѣжаясь въ туманѣ.

Тамъ, подъ ивой густой,
Камень видѣнь простой,
Обнесенный желѣзной оградой.
То могильная сѣнь :
Часовой ночь и день
Ходить вокругъ, не сводя съ нея взгляда.

Одинокъ и далекъ
Брошенъ тотъ островокъ ;
Но пловецъ береговъ не обходитъ,
И тому, подъ плитой
Кто въ долину скрытъ той,
Поклониться невольно заходитъ.

Т. XLVII. — Отд. I.

Не въ вѣдѣ онъ зарыть :
 Весь въ свинцѣ онъ залитъ,
 Надъ могилой навѣса нѣтъ даже !....
 Но гробницей — скала,
 И пучина легла
 У покойника будто на стражъ.

Въ камень имени нѣтъ ;
 Но орловъ его слѣдъ.
 Не забыть въ волновавшемся мѣрѣ ;
 Его имя горитъ
 На верхахъ пирамидъ,
 Въ льдинахъ Альпъ, и въ Канрѣ !

Его славой живетъ
 Отдаленный народъ,
 И законъ его чтутъ миллионы ;
 И въ сердцахъ ихъ онъ живъ,
 Долу очи склонивъ
 Отъ вершины Вандомской Колонны !

На ткани, въ мраморъ, въ мѣди,
 Покрытый шляпой треугольной,
 Скрестивши руки на груди,
 Стоишь ты думы полнъ.....

.....
 Предъ грозной тѣнью океанъ
 Шумить волной своей широкой.
 Звѣзды твоей затмился лучъ ;
 Но на скалѣ ты одинокой,
 Еще и страшень и могучъ !

Какъ грустенъ ты, страдалецъ бѣдный !
 Какъ душу жжетъ твою печаль !....

Иль престоловъ вышнѣхъ жалъ ?
 Иль дорожъ отблескъ славы блыднѣй ?...
 Да ! вѣжъ орловъ твоихъ побѣднѣй
 И Югъ и Сѣверъ взумлять !

Топя печальный взоръ въ зѣвръ,
 Чего ты ищешь впередъ ?
 Не сына ль ? — Повитѣй въ порфиръ,
 Угасъ онъ, неизвѣстнѣй въ мѣрѣ,
 Не на родительской груди !
 Свою ль имперію ? — Обломки
 Ея развѣяны, какъ сонъ :
 Впадутъ въ сомнѣніе потомки,
 Не мнѣ ли былъ Наполеонъ !

Утѣшься, скорбная, развѣчанная твѣя !
 Межъ дальнихъ двухъ морей прошла твоя дорожка,
 Полна блистанія, чтобъ жизни у порога
 Извѣдалъ ты изгнанья тяжкій день !
 Твое величіе ты искунилъ страданьемъ,
 Отторженъ отъ всего что въ мѣрѣ ты любилъ !
 Пусть прахъ твой преданъ былъ землѣ съ нѣмымъ ры-
 даньемъ,
 Пусть отданъ былъ скаль презрѣнной, съ поруганьемъ :
 Всѣ оскорбленнѣй мѣрѣ врагамъ твоимъ отмстилъ !

Уже бѣгутъ къ тебѣ земли далской флаги :
 Ихъ шлетъ къ тебѣ народъ, любимый твой народъ.
 Твой гробъ прѣмъ фрегатъ, исполненнѣй отваги,

 Несутся въ даль плывцы, покинувъ островъ дикій,
 Навѣкъ православнѣй томяніемъ твоимъ....
 Вотъ берегъ Франціи ! Молвы стоуствой клики

Тебя привѣтствуютъ.... Какъ много ты любимъ!....
 И море, и земля, и воздухъ, все ликуетъ!
 Парижъ торжественно встрѣчаетъ твой приходъ;
 Громъ пушекъ трепетно грудь воиновъ волнуетъ,
 И мнится, въ ихъ рядахъ промчалось: «Онъ идетъ!»

Но ты не скажешь имъ своей привѣтной рѣчи,
 Ты, императоръ ихъ: глубоко твой мертвый сонъ!
 Тебя не тронетъ блескъ, восторгъ народной встрѣчи,
 Кликъ миллионовъ устъ: «Средь насъ Наполеонъ!»
 А двадцать лѣтъ назадъ, твое бы сердце билось

Такъ радостно, коснувшись той земли,
 Лицо твое любовью бѣ озарилось,

И слезы сладкія изъ глазъ бы потекли.

А двадцать лѣтъ назадъ, коленнопреклоненный
 Народъ свой славою ты увѣнчалъ бы вновь;
 Въ тебѣ, о битвы царь, судьбою побѣжденный,
 При видѣ воиновъ опять вскинула бѣ кровь;
 Въ восторгъ бѣ обнялъ ты орелъ свой одноглавый,
 Державный голосъ твой въ рядахъ бы пробуждалъ,
 И слыша тотъ призывъ, — знакомый лозунгъ славы, —
 Кичливый Альбионъ отъ страха бѣ задрожалъ,
 И поднялся бѣ весь міръ отъ Бельта до Евфрата,
 Отъ древней Индіи до стѣнъ святыхъ Кремля,
 Гдѣ дивный крестъ затмилъ побѣдный блескъ булата,
 Гдѣ грудью за Царя противу супостата
 Однѣмъ огнемъ вся Русская Земля!....

Нѣтъ, не проснешься ты, о полководецъ смѣлый!
 Не скличешь маршаловъ, сподвижниковъ нобѣдъ!
 Ты, взявшій въ тѣсный гробъ рядъ династїи цѣлой,
 Ты, Клинъ отданный чрезъ двадцать скудныхъ лѣтъ!
 Нѣтъ, не проснешься ты, пришлецъ изъ ссылки дальней.

Угасшій съ думою высокою на чель,
Внимавшій за-живо молитвъ погребальной,
Сожженный гениемъ, прикованный къ скаль !

Напрасны почести и позднiя хваленья :
Ты не увидишь ихъ въ торжественномъ пути !
Ты, хладный какъ судьба, пройдешь чрезъ поколѣнья,
Пройдешь въ безмолвiи, чтобъ въ пышный склепъ сойти.
Межь-тѣмъ какъ вокругъ тебя народовъ скорбь и клики
И барабановъ бой, звукъ трубъ и пушекъ громъ,
Червь точитъ черепъ твой, Наполеонъ Великiй,
И тлѣнье на лицѣ начертано твоёмъ !....

ИВАНЪ СКАЧКОВЪ.

КЪ НЕЙ.

=

Мнѣ грусть моя не тяжела :
Привыкъ сносить я жизни горе.
На легкой лодкѣ, безъ весла,
Меня судьба пустила въ море.
Рука Всевышняго сильна !
Надвюсь : на берегъ родимый,
Быть-можетъ, выброситъ волна
Мой чолнъ, грозой несокрушимый ;
Я отдохну когда-нибудь.
Но если у тебя невольно
Подниметъ вздохъ лебяжью грудь....
Ахъ! какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ больно !
И ежели твои глаза
Туманятся слезой печали,
Мнѣ сердце сжѣтъ твоя слеза !
Сознайся, милый другъ : едва ли
Другой умѣетъ такъ любить
Какъ я, отверженный тобою.
Ты улыбнешься, можетъ-быть,
Ты съ нимъ пошутишь надо мною,
Не вѣря искреннимъ словамъ
Моей любви чистосердечной,
Любви святой, какъ онѣмамъ,
До гроба и за гробомъ вѣчной.
Не смѣйся! Плачь за смѣхомъ вслѣдъ
И горе ходить за весельемъ :

Не многихъ, избранныхъ, отъ бѣды
Хранить святое Провидѣнье!
Мнѣ страшно за тебя. Но ты
На жизнь мою имѣешь право:
Возьми её!.... Мои мечты
Не сбудутся.....
И что мнѣ въ жизни? Если бъ я
Былъ призванъ, наравнѣ съ другими
Дѣтьми земнаго бытія,
Дѣлиться благами земными,
Мнѣ было бъ жаль покинуть міръ,
Мнѣ было бъ жаль лишиться доли;
Но я, незваный, по-неволѣ
Оставить долженъ шумный паръ.

М. Д.....И.

ИСТИННОЕ БЛАГО.

=

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробъ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждому удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ увидеть снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалить, и душа въ отчизну возвратится
И въ двери райскія, къ ночлегу, постучится.
Блаженъ тогда, надъ кѣмъ небесный серафимъ
Повѣтъ крылышкомъ приветливо своимъ,
И двери отпереть, и тотъ пришлецъ усталой
Блеснетъ въ вѣнецъ лучей зари отъ-вѣка алой!

АПОЛЛОНЪ МАЙКОВЪ.

=====

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬЕРОЛЬ.

=

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

=

VI.

МАРКИЗЪ ДЕ-КОКЪ.

Eh bien ! en une seule nuit, un vent du nord, excité par la force de la lune rousse, avec une grande quantité de neige, a repoussé le beau-temps qui s'était trop hâté, beaucoup plus loin certainement de nous qu'il ne l'était dans le mois de janvier.

NICOLAS FOUSSIN.

Laissez passer le Mazarin !
Il s'en va faire merveille
Avec son magnifique train.
Laissez passer le Mazarin !
Il dit qu'il va pour certain
Mettre à raison les rebelles.
Laissez passer le Mazarin !
Laissez passer le malin !

TRIOLET DE LA COUR.

=

ГЛАВА СОРОКЪ-ШЕСТАЯ.

Визиты.

- Герцогиня Эгильюнская была уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда, несмотря на всѣ вспомоgetельные союзы съ космогическими лавками, трудно одерживать побѣды. Но

въ женщинѣ есть неувѣдающая красота сердечной доброты, которая, если не умѣетъ дѣлать новыхъ, то, крайней-мѣрѣ, умѣетъ сохранять старыя завоеванія.

Огромные красныя занавѣсы изъ-подъ черныхъ ящиковъ струились по окнамъ; желѣзные вызолоченные прутья, къ которымъ были прикрѣплены концы занавѣсъ, катались по полу отъ сильнаго весенняго вѣтру; въ промежуткахъ синѣлъ горизонтъ, покрытый множествомъ башенъ и башенокъ. Изъ тѣхъ черныхъ ящиковъ зелень лѣпилась по всему потолку и падала, разнообразными фестонами, на золотыя обои, украшенныя ткаными изображеніями святыхъ; полъ былъ покрытъ пестрымъ ковромъ, вся мебель осыпана кудрявою рѣзбою и золотомъ; двѣ дамы, въ узкихъ платьяхъ съ короткой таліей, и съ гигантскими вѣрами, сидѣли на софѣ. Въ углу стоялъ Корнель въ своей черной, поношенной, короткой мантии, въ рыжихъ отъ времени чулкахъ, и въ башмакахъ со стальными пряжками: въ рукахъ его была шляпа съ черными перьями. Несмотря на глубокую задумчивость, Корнель берегъ свои перья, и дамы не-разъ тишкѣмъ смѣялись между собою надъ костюмомъ и посадкой Корнеля. Вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ: волоса его были тщательно завиты и уложены, красный кафтанъ покрытъ золотомъ и гербами; бѣлое атласное исподнее платье, бѣлый камзолъ съ фламандскимъ батистовымъ жабо, бѣлыя шелковые чулки, и башмаки съ золотыми пряжками. По сравненію съ Корнелемъ, новопришедшаго можно было принять за маркиза; но это былъ только Эдуардъ Ролѣ, главный слуга герцогини.

— Герцогиня проситъ извиненія, сказалъ онъ. Какъ скоро она кончитъ утреннія молитвы, тотчасъ поспѣшитъ принять мадамъ Рамбульдъ и мадамъ д'Орбиньи. — А вы пожалуйста, прибавилъ Ролѣ, обратясь къ Корнелю.

— Любимый Корнель, когда же я буду слушать Польовита? спросила надыгь Рамбульд.

— Въ среду, если позволите.

— Я васъ ожидаю. Я пришлою за вами карету.

Корнель пошелъ за Ролё въ молельню герцогини. Это была небольшая комната съ алтаремъ. На двухъ окнахъ стояли такъ-называемыя походныя часовни съ стеклянными расписанными дверцами, по-серединѣ низкое кресло съ огромною спинкой, безъ ручекъ: бархатная покрывка кресла доходила до самаго помоста и была украшена кругомъ золотой бахромой съ жемчужными шариками. Передъ кресломъ большая бархатная подушка, обшитая такою же бахромой, для коленно-преклоненій; за подушкой налой изъ драгоценнаго дерева, безъ рѣзьбы, со внутренними полочками: на нихъ стояло болѣе десятка книгъ въ переплетахъ, украшенныхъ расписанными стеклышками, финифтью, перлами и драгоценными камнями. На налоѣ лежалъ раскрытый молитвенникъ *in folio*: прелестныя миниатюры украшали текстъ, печатанный или рисованный разноцвѣтными красками; закладкой служила тонкая черепаховая досечка, прорѣзанная въ кружевной узоръ, съ ручкой изъ цѣльнаго лалла. Въ креслахъ сидѣла герцогиня. Она, какъ видно, перестала молиться и, въ тихомъ размышленіи, глядѣла на исповѣдный кивотъ, стоящій у боковой стѣны и украшенный герцогскими коронами, перьями, а по стѣнкамъ вѣшаннымъ перламутромъ. Только уборка головы герцогини принадлежала къ современному костюму; впрочемъ герцогиня была одѣта по-мѣщански: бархатный капотъ въ родѣ мужскихъ восточныхъ халатовъ; вмѣсто мѣховой опушки, шла уборка въ семь или осемь кружевъ, съ золотомъ; ноги въ остроконечныхъ восточныхъ туфляхъ съ дорогими пряжками. Въ углу стояли, на высокихъ четырехъ ножкахъ, большіе часы, осыпанные безчисленными стравами.

— Здравствуйте, любезный другъ! сказала герцогиня. — Ролё! оставь насъ. — Скажите : чѣмъ вы прогнѣвали кардинала?

— Клянусь, я и не думалъ ничѣмъ оскорблять вашего дяди!

— Я такъ и знала, что это ссора соперниковъ, ссора, которую обѣ стороны хотятъ скорѣе окончить, потому что связаны взаимнымъ уваженіемъ.

— Клянусь вамъ, герцогиня, мнѣ и въ умъ не приходило!.... А, можетъ-быть, исторія моего Альфреда.

— Какая исторія?

Корнель рассказалъ. Герцогиня плакала.

— Такъ вы хотите взять Эвелину въ свой домъ? сказала она. К чему эти издержки при вашемъ недостаткѣ, любезный другъ? Хорошо, что вы не потревожили своей жены. Не пишите : погодите! Я возьму Эвелину къ себѣ, я спасу невинную.... Но прежде намъ надо съѣздить въ Рюэль, и помириться съ кардиналомъ.

Корнель со слезами глядѣлъ на герцогиню. Она, протянувъ къ нему руку, тихо сказала:— Я понимаю васъ, добрый другъ! Безъ словъ я васъ понимаю!

Корнель съ жаромъ цѣловалъ руку герцогини.

— Вы какъ любовникъ пламенны, позѣ!.... Но, довольно! Меня ждутъ дамы. Кажется, скоро будетъ пол-часа какъ онѣ пріѣхали : пора! Инструкція исполнена.... Не смотрите на меня съ такимъ сомнѣніемъ! Я люблю этихъ женщинъ; но дядя, для приему знатныхъ людей Франціи, предписалъ мнѣ особый порядокъ, согласный съ его видами : а вы знаете, какъ я люблю дядю, и какъ дорого заплатила за эту привязанность! Клевета обратила долгъ въ предосудительную склонность.... Но вы знаете все это и по-прежнему меня любите : не правда ли?.... Не отвѣчайте! Сегодня забѣгалъ ко мнѣ Бриеннъ. Кардиналъ посылаетъ его въ Руанъ. Позвольте отдать ему маленькую посылочку для вашей жены.

— Герцогиня !....

— Пора, пора !..... Въ среду мы вдемъ въ Рюэль.

— Герцогиня ! я обѣщалъ въ среду читать Подіевкта въ рамбульетскихъ палатахъ.

— Такъ въ субботу.

Герцогиня вошла въ гостиную. Послѣ свѣтскихъ извиненій, мадамъ д'Орбиньи съ грустію сказала герцогинь : — Поздравьте меня : сынъ мой женится.

— На комъ ?

— Исполняя долгъ свой, отвѣчала старушка : я пришла повѣстить объ его свадьбѣ. Невѣста его, вдова одного флорентинскаго вельможи, Марія Пальфи.

— Отъ души поздравляю и васъ и вашего сына. Неужели въ послѣднюю поѣздку д'Орбиньи познакомился съ Маріей ?

— О нѣтъ ! Подивитесь моему сыну : прошло болѣе десяти лѣтъ....

— А любовь не прошла ? прервала герцогиня. Я всегда говорила, что достойный д'Орбиньи не похожъ на нашу вѣтренную молодежь.

Старушка схватила за руку герцогиню, и, крѣпко пожавъ ее, сказала съ одушевленіемъ : — Ахъ, герцогиня ! зачѣмъ вы племянница нашего тирана ?

Герцогиня смѣшалась, и не умѣла отвѣчать.

— Вы мстите племянницѣ за племянницу, сказала маркиза де-Рамбульдѣ. Но развѣ у Лафайетъ есть другъ, кромѣ герцогини ? Конечно, это тайна, и вы не измѣните доброй герцогинь ?....

— Какъ ? сказала мадамъ д'Орбиньи съ трепетомъ.

— Не она ли уговаривала вашу племянницу оставить свои монашескія привычки, и быть чистымъ источникомъ счастья для несчастнаго Людовика ?

— Какъ ? повторила д'Орбиньи.

Изумленіе ея возрастало.

— Вы чуждались двора, чуждались племянницы, продолжала маркиза де-Рамбульдѣ : сами даже, въ принад-

къ запальчивости, назвали ее недостойной любимицей; а дружба ихъ была и до-сихъ-поръ остается тайной : эта дружба невьстна мнѣ случайно, какъ невьстанъ одинъ глупый заговоръ....

И сожалѣніе и досада смѣнялись на лицѣ мадамъ д'Орбиньи. Она встала и сказала торжественно : — Я усивю все неправить !....

И, не простясь, ушла.

— Чтѣ съ нею? спросила герцогиня.

— И не спрашивайте! У нихъ какой-то заговоръ, и, не смѣнной сегодняшней выходящъ кажется, противъ кардинала.

— Дядя не будетъ защищаться; но я боюсь, что король не пощадитъ заговорщиковъ.

— Король самъ въ заговоръ.

Герцогиня улыбнулась, Рамбульё также, и оба поспѣшили переменить разговоръ, который имъ показался слишкомъ ничтожнымъ.... Странное явленіе! Заговоръ, довольно обширный, не былъ тайной. Кардиналъ считалъ его комнатной интригой, и старался только умножать дѣла и томить королевскую дѣятельность. Прочіе министры, или, какъ тогда назывались, государственные секретари и совѣтники, смѣялись надъ замыслами де-Ту и ребячествомъ Сенъ-Марса. Народъ ожидалъ съ любопытствомъ развязки : кардиналъ всеми мѣрами старался продлить ожиданіе. Въ гостинныхъ бесѣдахъ о заговорѣ вышла изъ моды. Многие изъ дѣлительнѣйшихъ противниковъ Рицциё утомились медленностью и тайной главнѣйшъ начальниковъ, и отстали отъ союза. Новъ чемъ состоялъ заговоръ? кадая былицы де-Ту и Сенъ-Марса? Все это оставалось тайной для всѣхъ заговорщиковъ : даже самъ Гастонъ Орлеанскій, котораго согласили поднимать испанскій трактатъ, не зналъ о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ своей необдуманной уступчивости, и охотился въ густыхъ лѣсахъ своего удыла. Этому равнодушію способствовала и при-

вышла къ заговорамъ противъ кардинала. Не помню, которымъ приходился этотъ по счету; но его должно причислить ко второму десятку неудачныхъ кровавыхъ шутокъ французскаго феодальнаго тщеславія.

— Пріѣжайте ко мнѣ въ среду, сказала мадамъ Рамбулье.

— А что у васъ ?

— Корнель будетъ читать Подіевкта.

— Я слышала эту піесу, но еще разъ готова прослушать ее, особенно въ вашемъ дорогомъ обществѣ. Что вы теперь сами дѣлаете ?

— Передъ вами нѣтъ у меня тайны. Пишу романъ изъ нашего времени.

— Какъ это можно ?

— А почему же нельзя ? Кардинала я выставляю съ хорошей стороны, и притомъ онъ въ тѣни.

— А кто же герой ?

— Эвелина.... я еще не придумала фамиліи; но имя съ натуры. У Депорта живетъ молодая дѣвушка высокаго происхожденія и весьма дурныхъ качествъ и склонностей.

— Помилуйте ! да это ангелъ чистоты !

— Какъ можно, герцогиня!.... Я имѣю объ ней всѣ подробности отъ самого Депорта. Мы не можемъ похвалиться нравственностью нашего времени, но эта дѣвушка превзошла героинь итальянскихъ новеллъ.

— Ахъ, моя милая ! вы невольно вмѣшались сами въ заговоръ другаго рода.

Вошелъ Ролѣ, и торжественно провозгласилъ : Мосье Воатюръ !

Дамы примѣтно обрадовались. Вошелъ человекъ небольшого росту и весьма нѣжнаго сложенія. Необыкновенная опрятность царствовала во всемъ его костюмѣ до послѣдней булабочки. Доброта и веселіе оживляли пріятное лицо его. Онъ не переставалъ улыбаться и, входя въ двери, началъ уже говорить.

— Наконецъ я опять увижу пріятный гротъ нимфы, которую умѣю чествовать и обожать. Только предметы обожанія и чествованія....

— Воатюръ!.... Воатюръ!..... Добрый день, Воатюръ!.... Съ прїездомъ! Садитесь, садитесь!.... Какая пріятная неожиданность! въ среду у меня будетъ весело!....

Такъ говорили дамы. Воатюръ ужъ сидѣлъ и продолжалъ свою повѣсть: — Наконецъ я могу пріятно отдохнуть въ ея тайномъ цвѣтникѣ, гдѣ она одна лучше всѣхъ цвѣтовъ міра! она, тихая, царственная нимфа, отъ кого вѣетъ благодѣяніемъ и покровительствомъ!....

— Полно, полно, Воатюръ!....

— Никакъ нельзя. Позвольте мнѣ окончить метаморфозу, которую я написалъ объ васъ, герцогиня, въ Испаніи, стихами.

— Метаморфоза въ стихахъ: да это противъ правилъ, любезный Воатюръ! сказала маркиза. Последній разъ и въ академіи рѣшили, что метаморфозы должно писать прозой.

— Вы совершенно правы, маркиза. По-французски такъ, но по-испански стихами: тамъ другія правила. Надо сообразоваться съ духомъ языка и народа....

— Это дѣло другое, отвѣчала маркиза, и осталась совершенно довольною объясненіемъ Воатюра.

— Вотъ, напримѣръ, для васъ, маркиза, я написалъ метаморфозу по-французски и прозою.

— Ахъ, прочтите, прочтите!

— Ваша снисходительность меня ободряетъ, и такъ.....

Воатюръ поднялъ глаза къ небу, и сталъ читать нараспѣвъ:

« Въ долинь, между семи горъ, которыя такъ долго заставляли трепетать землю, родилась Нимфа. Солнце въ нее влюбилось; боги и люди любили ее равновѣрно.

СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ 1840 ГОДУ. *Отчетъ господина министра.* Направленіе русскаго публичнаго воспитанія къ классическому и основательному ученію началось только при нынѣшнемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, то есть, съ того времени какъ начальство, дѣйствительно ученое, соединило въ управленіи учебною частью глубокое знаніе дѣла съ усердіемъ, отличавшемъ прежнихъ ея руководителей. Въ лѣтописяхъ русскаго народнаго образованія это министерство составило рѣшительную эпоху. Люди, имѣющіе случай ближе наблюдать нашу учебную часть, справедливо наумляются при видѣ нынѣшняго ея состоянія, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она была не давѣе какъ осемь лѣтъ : такъ быстро все двинулось къ лучшему, такъ сильно все оживилось любовью къ наукѣ и соревнованіемъ, все связалось одною систематическою мыслію и проникнулось важностью своего назначенія. Да! успѣхи немощны и вполне заслуживаютъ удивленія; но не все тутъ : надобно быть коротко знакомымъ съ учебною частью, чтобы имѣть понятіе, какъ трудно они пріобрѣтаются, съ какими препятствіями должна была бороться твердая мысль, которая ихъ осуществила, какихъ требовали они отъ нея усилій, искусства, усердія и терпѣнія, и какой, слѣдственно, заслуживаютъ отъ насъ признательности. Не легко пересоздать народное воспитаніе : что же сказать, когда это пересозданіе равняется почти полному созданію? Будущій историкъ учебной части въ Россіи скажетъ потомству, сколько умственное образованіе нашей эпохи обязано нынѣшнему управленію этою частью : и желательно, чтобы она скоро нашла себѣ искуснаго и безпристрастнаго историка. Предметъ удивительно любопытенъ, и даже величественъ : исторія просвѣщенія Россіи!... Намъ предоставлено слѣдовать только за годичнымъ его ходомъ,

и мы всегда слѣдуемъ за нимъ со вниманіемъ, полнымъ радости и надежды. Множество благодѣтельныхъ мѣръ, принятыхъ втеченіи прошедшаго года и изложенныхъ въ последнемъ отчетѣ, поднесенномъ Его Императорскому Величеству, торжественно свидѣлствуютъ вновь о необыкновенной дѣятельности ученаго и попечительнаго начальника этого чрезвычайно важнаго министерства. Подробное описаніе ихъ надобно читать въ самомъ отчетѣ : мы здѣсь можемъ заняться обзорніемъ однихъ лишь общихъ результатовъ.

Кругъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, распространенный въ 1840 году введеніемъ въ его составъ ученыхъ и учебныхъ заведеній Царства Польскаго, увеличился еще въ прошломъ году перечисленіемъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ московской и виленской медико-хирургической академій.

Въ тридцать-четвертомъ году, по вѣдомству министерства, всѣхъ учащихся считалось 78,096, въ тридцать-пятомъ 83,372, въ тридцать-шестомъ 91,800, въ тридцать-седьмомъ 95,566, въ тридцать-осьмомъ и девятомъ до 98,000, въ сороковомъ число учащихся возрасло до 163,450: въ этомъ числѣ варшавскій учебный округъ составляетъ 62,080 человекъ учащихся.

Вотъ пропорція годичнаго приращенія учащихся :

Въ 1835.....	7,611.
Въ 1836.....	8,428.
Въ 1837.....	3,766.
Въ 1838.....	2,434.
Въ 1839.....	— 99.
Въ 1840.....	55,491.

Всего въ шесть лѣтъ...77,685.

Учебныхъ заведеній по вѣдомству министерства въ тридцать-четвертомъ году было 1,590, въ тридцать-пятомъ 1,723, въ тридцать-шестомъ 1,866, въ тридцать-осьмомъ 1,870, въ тридцать-девятомъ 1,904, въ сороковомъ 3,230 : въ томъ числѣ 1235 училищъ варшавскаго учебнаго округа. Слѣдовательно, масса училищъ увеличивалась въ слѣдующемъ содержаніи :

Въ 1835.....	133.
Въ 1836.....	74.
Въ 1837.....	69.
Въ 1838.....	4.
Въ 1839.....	34.
Въ 1840.....	1,296.
Всего.....	1,610.

Изъ соображенія свѣдѣній, собранныхъ по учебнымъ округамъ, оказывается, что въ 1840 году преобразованъ одинъ лицей, открыты вновь одна гимназія, одинъ благородный гимназическій пансіонъ, и три уѣздныхъ училища, изъ которыхъ одно дворянское. Число всѣхъ приходскихъ и начальныхъ училищъ увеличилось девяносто-двумя, а частныхъ пансіоновъ и училищъ однимъ.

Число слушателей въ университетахъ и воспитанниковъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ значительно умножается :

	1836	1837	1838	1839	1840.
Въ шести университетахъ.....	2,003.	2,307.	2,446.	2,465.	2,740.
Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ	146.	141.	136.	163.	204.

Изъ этого видно, что въ 1837 университеты умножились тремястами четырьмя слушателями, въ 1838 ста тридцатью девятью, въ 1839 девятнадцатью, а въ 1840 двумястами семьдесятю пятью.

Учителей и должностныхъ лицъ считалось въ тридцать-шестомъ году 5,040, въ тридцать-седьмомъ 5,613, въ тридцать-осьмомъ, въ осьми учебныхъ округахъ, 6,405, въ тридцать-девятомъ 6,569, въ сороковомъ 6,640 : о числѣ учителей и чиновниковъ въ заведеніяхъ варшавскаго округа нѣтъ полныхъ свѣдѣній. Сверхъ-того, по домашнему воспитанію употреблено было до 1,775 лицъ обоюго пола, между-тѣмъ какъ въ 1839 году число ихъ не превосходило 1,240.

Въ университетахъ санктпетербургскомъ, харьковскомъ и московскомъ, особливо въ московскомъ, число слушателей замѣтно увеличилось втеченіи прошедшаго года. Университеты дерптскій, казанскій и кievскій Святаго Владимира, остались почти при прошлогоднихъ итогахъ. Принимательно, что дерптскій университетъ втеченіи шести

лѣтъ не показываетъ ни какого приращенія. Движеніе числа университетскихъ слушателей яснѣе видно изъ слѣдующей таблицы :

	1835	1836	1837	1838	1839	1840.
Свѣтпетербургскій.....	285.	299.	385.	389.	400.	433.
Московскій.	419.	241.	611.	677.	798.	932.
Харьковскій.....	342.	332.	315.	383.	391.	468.
Дрептскій.....	567.	536.	563.	530.	525.	530.
Казанскій.....	252.	192.	170.	208.	225.	237.
Святаго Владиміра.....	120.	203.	263.	259.	126.	140.
	1,985.	2,003.	2,307.	2,446.	2,465.	2,740.

Библіотека Императорской Академіи Наукъ увеличилась противъ прошлаго года 2,726 томами (въ тридцать-девяти томъ считалось въ ней до 96,938 томовъ). Изъ коллекцій, самое большое приращеніе произошло въ зоологическомъ и зоотомическомъ музеумахъ. Императорская Публичная Библіотека содержитъ въ себѣ 916,086 томовъ печатныхъ и 17,264 рукописи. Библіотека Румянцовскаго Музеума заключаетъ въ себѣ 31,145 томовъ, 867 рукописей, 638 ландкартъ и чертежей, и 43 эстампа. Въ минералогическомъ кабинетѣ находится 12,988 штукъ; въ милицъ-кабинетѣ монетъ и медалей 1,594.

Сравнимъ богатство главнѣйшихъ библіотекъ въѣдѣнства министерства народнаго просвѣщенія :

Въ университетахъ :	Московскомъ.....	67,413 томъ.
	Дерптскомъ	67,344
	Святаго Владиміра..	53,116
	Харьковскомъ.....	37,982
	Казанскомъ.....	35,353
	Свѣтпетербургскомъ	28,188
Въ Варшавской библіотекѣ.....		87,859
Въ Виленьской Медико-хирургической Академіи		21,094
Въ Московской Медико-хирургической Академіи		11,268
Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ		8,525
Въ лицейхъ :	Ришельевскомъ ...	8,288
	Князя Безбородко	6,612
	Демидовскомъ	5,456

Самое значительное приращеніе книгъ произошло въ Варшавской библіотекѣ : въ ней прибавилось четырнадцать тысячъ томовъ, по случаю сдѣланнаго ей по Высочай-

нему новозаване подарка изъ дублетовъ Императорской Публичной Библиотеки, изъ которой отослано туда тридцать тысячъ томовъ.

Вотъ число книгъ, ввезенныхъ въ Россію изъ-за границы съ тридцать четвертаго году :

Въ 1834 году привезено.....	300,000 томовъ.
Въ 1835	300,000.
Въ 1836	350,000.
Въ 1837	400,000.
Въ 1838	600,000.
Въ 1840	500,000.

Уменьшеніе 30,918 томами въ послѣднемъ году произошло оттого что, въ ценсурные комитеты, еще не были представлены всѣ привезенныя книги. Но приблизительному разсчету можно полагать, что всѣхъ книгъ, въ прошломъ, книгъ и въ тридцать-девятомъ, году, привезено не меньше 600,000 томовъ.

Число изданныхъ въ Россіи оригинальныхъ сочиненій простирается до 787. Въ тридцать-седьмомъ году ихъ считалось 740, въ тридцать-осьмомъ 777, въ тридцать-девятомъ 813. Переводныхъ сочиненій вышло 80. Въ тридцать-седьмомъ году ихъ было 126, въ тридцать-осьмомъ 116, въ тридцать-девятомъ 73. Всѣ эти 867 книгъ, взятые вмѣстѣ въ одномъ экземплярѣ, составляютъ 8,477 печатныхъ листовъ. Периодическихъ сочиненій, подъ ценсурой министерства народнаго просвѣщенія, выходило въ свѣтъ 54. Въ тридцать-седьмомъ году считалось ихъ 48, въ тридцать-осьмомъ 51, въ тридцать-девятомъ 53. Периодическія сочиненія, взятые вмѣстѣ, заключаютъ въ себѣ 5,050 печатныхъ листовъ. Общая сложность печатныхъ листовъ въ книгахъ и периодическихъ сочиненіяхъ простирается до 13,527.

Приведемъ теперь общее заключеніе «Отчета».

«Съ одной стороны, быстро продолжающееся развитіе началъ, поставленныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ руководство министерству народнаго просвѣщенія, съ другой, расширеніе предѣловъ оного и умноженіе предметовъ, вступившихъ въ ведомство. Высочайшее возрѣшеніе мнѣ управленія, требовали и безпрерывныхъ тру-

добръ и неутомимаго усердія отъ исполнителей высочайшихъ Вашихъ видовъ. Я лишь надеждою, что Ваше Величество, втеченіи всего времени, равно какъ и въ продолженіи осьмаго года отдѣльно, не изволили замѣтить замедленія въ занятіяхъ или охлажденія усердія въ лицахъ, коимъ соблаговолили поручить разныя вѣтви сего министерства. Въ отношеніи къ трудамъ, болѣе или менѣе сложнымъ, или къ предметамъ, на кои была устремлена постоянная дѣятельность министерства, осьмой годъ моего управленія, о коемъ подносится нынѣ всеподданнѣйшій отчетъ Вашему Императорскому Величеству, равняется съ предъидущими годами, но между-тѣмъ онъ различествуетъ отъ нихъ нѣкоторыми особыми чертами, на кои осмѣливаюсь еще разъ обратитъ милостивое вниманіе Ваше.

«Въ концѣ 1839 года Ваше Величество изволили определить началомъ непосредственное сліяніе училищной части въ Царствѣ Польскомъ съ учебною частію въ Имперіи. Высочайшій указъ отъ двадцатаго ноября того года, вмѣстѣ съ декретомъ того же числа, провозгласили это сліяніе подъ совокупнымъ наблюденіемъ намѣстника Царства Польскаго и министра народнаго просвѣщенія въ Имперіи. Въ 1840 году Высочайшая воля начала осуществляться: втеченіи онаго, независимо отъ административныхъ распоряженій, изданы, съ утвержденія Вашего Величества: 1) Положеніе о варшавскомъ учебномъ округѣ, 2) Положеніе о юридическихъ курсахъ, 3) Уставъ учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, 4) Положеніе объ институтѣ сельскаго хозяйства въ Маримонтѣ, 5) Положеніе о реальной гимназій въ Варшавѣ, а въ началѣ настоящаго года утверждено Вашимъ Величествомъ 6) Положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о домашнемъ воспитаніи въ Царствѣ. Если къ сему ряду постановленій присовокупить еще заготовляемый и въ скоромъ времени долженствующій поступить на Высочайшее усмотрѣніе уставъ ценсурный для Царства, то можно считать направленіе учебной части въ ономъ окончательно сосредоточеннымъ съ учебною частію въ Имперіи, въ отношеніи по-крайней-мѣрѣ къ общимъ законодательнымъ началамъ. Между-тѣмъ, какъ Ваше Величество изволите усмотрѣть изъ сего всеподданнѣйшаго отчета, и

ный уставъ для училищъ Царства, согласенный въ главныхъ чертахъ съ уставомъ русскихъ училищъ, приведенъ въ дѣйствіе и ежедневно распространяется по всему объему Царства.

«Сверхъ сего порученія, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, въ протекшемъ году, выслать въ ведомство министерства народнаго просвѣщенія академіи медицинскія, въ Москвѣ и въ Вильнѣ учрежденныя, съ тѣмъ, чтобъ сія послѣдняя была присоединена къ университету Святаго Владиміра. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ изложены съ некоторою подробностію все распоряженія къ точному исполненію Высочайшей воли. Общій выводъ заключается въ томъ, что, безъ всякихъ для юношества стѣснительныхъ мѣръ, втеченіи сего 1841 года, медицинскій факультетъ приметъ свое существованіе въ стѣнахъ кіевскаго университета, а между-тѣмъ благонадежныя и прилежныя изъ студентовъ виленской академіи, коимъ следовало довершать курсъ ученія, находясь, при помощи правительства, размѣщенными въ разныхъ русскихъ университетахъ, имѣютъ предъ собою обширное поприще для трудолюбиваго усердія и вѣрнѣйшее средство сродниться съ духомъ отечества. Вслѣдствіе сихъ мѣръ, черезъ несколько лѣтъ, постепенно образуются два большіе центра медицинскаго преподаванія, изъ коихъ одинъ въ Москвѣ будетъ имѣть дѣйствіе на сѣверную часть Имперіи, а другой въ Кіевѣ служить источникомъ врачебныхъ знаній для юга. Вмѣстѣ съ этимъ Ваше Величество, передавая дѣла вышесказанныя академіи въ мое управленіе, изволили указать необходимость дать этой части медицинскаго ученія въ Россіи стройное, однообразное движеніе, приведа раздробленныя силы къ одному знаменателю, къ знаменателю, согласному съ современнымъ положеніемъ наукъ въ Европѣ, и съ потребностью въ русскихъ врачахъ, могущихъ, въ полномъ смыслѣ слова, оправдать щедрое попеченіе правительства. Принявъ эту священную волю Вашего Величества къ обдуманному соображенію, я, съ Высочайшаго дозволенія, учредилъ при министерствѣ, подъ председательствомъ лейбъ-медика Маркуса, временной комитетъ, въ который стекаются нынѣ разные по сей части возникающіе

вопросы, и предварительному разсмотрѣнію и обсужденію этого будутъ подвергнуты и все дѣльнѣйшіе акты министерства, по предмету медицинскіихъ наукъ. Можно надѣяться, что известная благонамѣренность и долговременная опытность членовъ сего комитета во многихъ облегчатъ министерству разрѣшеніе подлежащихъ вопросовъ и знаніемъ доставитъ мнѣ *спеціальныя данныя*, безъ коихъ замедлялось бы исполненіе видовъ Вашего Величества и счастливый успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла.

«Ваше Величество изволите усмотрѣть изъ подносимаго отчета, что въ прочихъ составныхъ частяхъ министерства продолжалось незамедлительное движеніе къ устройству. Общій духъ юношества, несмотря на несколько, по числу и возрасту учащихъ, неизбежныхъ уклоненій отъ строгости правилъ, оказывается благонадежнымъ, тихимъ и прилежнымъ. Вообще не могу не упомянуть предъ Вашимъ Величествомъ о замѣчательныхъ успѣхахъ *среднихъ заведеній*, остававшихся долго безъ результатовъ, но теперь повсему прилежавшихъ, подлѣ бдительнымъ взглядомъ Вашимъ, особенно по учрежденіи благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ, новую жизнь, да будетъ мнѣ дозволено сказать, въ размѣрѣ, превышающемъ самую смѣлую надежду начальства. Во всѣхъ гимназіяхъ, осмотрѣнныхъ мною въ 1840 году, я нашелъ утѣшительный залогъ дальнейшихъ успѣховъ какъ въ юношахъ, такъ въ наставникахъ и въ участвующимъ лицамъ.

«Благодѣтельный опытъ, начатый по кievскому учебному округу учрежденіемъ квартиръ для вольныхъ, безпріютныхъ учениковъ, воспріялъ благополучное начало. Существо сего дѣла принадлежитъ, можетъ-быть, къ важнымъ предпріятіямъ министерства въ протекшемъ году.

«Осмѣливаюсь еще, между-прочимъ, новергнуть во вниманіе Вашего Величества продолжающееся развитіе восточныхъ языковъ по восточной чертѣ Имперіи, языка отечественнаго въ краяхъ, которые послѣдніе поступили въ составъ государства. Можно утвердительно сказать, что этотъ вопросъ, возбужденный сначала столь много недоумѣній, разрѣшенъ окончательно согласно съ видами и волею Вашего Величества.

«Обращая безпрерывно творческой силой на ходъ русскаго образованія въ имперіи, Ваше Величество распространяете милостивое покровительство и на тѣхъ, кои: и за границею, или прямо или косвенно, содѣлываютъ общіе успѣхи просвѣщенія и тѣмъ участвуютъ въ развитіи умственныхъ силъ въ отечествѣ нашихъ. Такими образомъ въ 1840 году. Въ повелѣніи неоднократно награждать иностранныхъ ученыхъ и поощрять ихъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Въ числѣ ихъ назову только одного изъ первыхъ филологовъ Германіи, профессора *Германа* въ Лейпцигѣ, астронома *Шумахера* въ Альтонѣ, профессоровъ *Бека* и *Лихтенштейна* въ Берлинѣ, профессора *Якоби* въ Кѣнигсбергѣ, профессора *Либиха* въ Гисенѣ, и некоторыхъ другихъ. Въ 1840 году я лично убѣдился въ глубокомъ уваженіи, съ коимъ оцѣниваются въ чужихъ краяхъ непрерывныя заботы и попеченія Вашего Величества о просвѣщеніи русскомъ.

«Взаключеніе остается мнѣ изъявить душевное желаніе, чтобы труды, въ подносимомъ отчетѣ изложенныя, удостоивались и на сей разъ лестнаго, живительнаго одобренія Вашего Величества, и наконецъ, чтобы непреложныя усилія министерства народнаго просвѣщенія, втеченіи многихъ лѣтъ, приблизиться къ цѣли ему назначенной, могли некогда въ совокупности занять хоть одну скромную страницу въ летописи Вашего славнаго царствованія.»

СОСТАВЪ АТМОСФЕРНАГО ВОЗДУХА, по опытамъ *господъ Дюма и Буссенго*. Эти два французскіе химика старались достигнуть до точнаго опредѣленія пропорцій азоту и кислороду въ воздухъ посредствомъ вѣсу, а не объема каждаго изъ двухъ газовъ, чтобы такимъ образомъ устранить всякія гипотезы и поправки. Они устроили особеннаго роду аппаратъ, разлагали и взвѣшивали весенній воздухъ, въ различныя погоды, и находятъ, что, среднимъ числомъ, составъ его можно выразить такъ:

Азотъ.....вѣсомъ 77 частей.

Кислородъ..... 23.

Это та же самая пропорція, которую, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, нашли госнода Гумбольдтъ и Гё-Люссагъ посредствомъ эдіаметрическихъ опытовъ. Госнода Dumas и Boussingault почитаютъ ее за неизмѣнную: ни высота мѣста, ни состояніе погоды, не оказываютъ на нее ни какого вѣроятнаго вліянія. По объемамъ двухъ газовъ, если принять въ основу поправки ихъ плотностей, получается другая пропорція :

Азотъ..... 79, 2 объемовъ.

Кислородъ..... 20, 8.

100.

Эти числа, какъ видно, мало разнятся съ принятыми во всѣхъ курсахъ физики, но въ измѣреніяхъ объему газовъ нельзя ожидать болѣе точности, потому что вычисленіе всегда опирается здѣсь на предположительныя данныя : гораздо надежнѣе руководствоваться въсомъ.

ИСПОЛЪАЕМАЯ МУКА УМЕЙСКАЯ, ВЪ ШВЕЦИИ. Докторъ Эйхвальдъ, въ своемъ изложеніи микроскопическихъ открытій госнодина Эренберга, объяснилъ уже читателямъ этого журнала мнѣніе знаменитаго берлинскаго натуралиста о вѣроятной причинѣ питательности этой бѣлой земли, которую, въ сѣверныхъ провинціяхъ Швеціи, простой народъ употребляетъ въ голодныя годы вмѣсто муки. По мнѣнію госнодина Эренберга, умейская горная мука состоитъ только изъ кремнистыхъ скорлупокъ чрезвычайно мелкихъ инфузорій, которыхъ нужно около двухъ тысячъ на одинъ дюймъ длины, и питательность ея должна зависеть отъ органическаго вещества, сохранившагося въ этихъ скорлупкахъ. Предположеніе госнодина Эренберга совершенно подтверждается химическими опытами доктора Traill въ Единбургѣ : въ 100 частяхъ горной муки онъ нашелъ —

органическаго вещества..... 22 части.

кремнезему..... 71.

глинозему..... 6.

100.

НАВРОЖДЕНІЯ ДОКТОРА ТРИВЕЛЛАНА НАДЪ УГРИНИ. Въ Крэгѣ, близъ Монтроза, въ Шотландіи, уже болѣе десяти лѣтъ угри содержатся въ красивомъ пруду, весьма удобномъ для наблюденій. Всю зиму они остаются омертвѣлыми, недвижимы; къ весну погладу, при солнечномъ свѣтѣ, однако жъ оживаютъ и ползаютъ по дну пруда, но не принимаютъ никакой пищи. Не ближе какъ въ половинѣ апрѣля они вновь возвращаются къ жизни, и тогда ужасно алчны: если нѣтъ другой пищи, то пожираютъ другъ друга. Впрочемъ, до наступленія совершенно теплой погоды, угри ѣдятъ мало. Обыкновенно остаются они на днѣ пруда, и всплываютъ на поверхность воды только для того чтобы принять пищу или чтобы играть. Въ августѣ мѣсяцъ они кажутся очень безпокойными, и если, послѣ дождей, вода въ прудѣ доходитъ до краевъ, то угри стараются воспользоваться этимъ чтобы ускользнуть изъ заключенія: когда ихъ потомъ ищутъ въ саду, въ травѣ, то всегда находятъ, что они уже отползли далеко и что все общество путешествуетъ къ востоку, то есть, къ морю, до котораго однако жъ болѣе шести верствъ отъ Крэгѣ: видно, у нихъ по преданію ведется молва, что въ той сторонѣ лежитъ разливное отечество, изъ котораго ихъ похитили. Не замѣчено во все десяти-лѣтнее время, чтобы они метали икру. Въ концѣ августа они уже начинаютъ прятаться подъ камнями чтобы уснуть на всю осень, зиму и часть весны, до половины апрѣля: такимъ образомъ угри проводятъ семь мѣсяцовъ въ омертвѣніи и живутъ только пять.

ГРИБЪ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ, ЗАМѢНЯЮЩІЙ КАРТОФЕЛЬ. Въ «Путешествіи вокругъ свѣта кораблей Adventure и Beagle» находится описаніе очень примѣчательнаго гриба, который жителямъ Огненной Земли служитъ вмѣсто картофеля. Онъ изобильно растетъ на корѣ ясеней и имѣетъ видъ желтыхъ шариковъ. Разрѣзавъ и положивъ его подъ микроскопъ, находятъ, что онъ похожъ на мяшочекъ, набитый безконечнымъ, очень тонкимъ макарони. Устарѣвъ, онъ лопается и выливаетъ изъ себя слизистый сокъ; послѣ чего, морщится, твердеетъ и снаружи представляетъ подобіе стараго сѣла съ пустыми ячейками. Въ этомъ видѣ онъ

Упомянутая въ книгу въ огромномъ количестве. Его вѣдать обязаны : они знаютъ языкъ словесный, истинно царский, съ легкимъ гримасомъ зависти.

Два фрески въ мюнхенской галерее живописи. Столица Баварии, съ нѣкотораго времени, сделалась и столицей художествъ. Въ одной изъ послѣднихъ книгъ Bibliothèque Universelle de Genève мы нашли статью объ этомъ предметѣ, и беремъ изъ нея описаніе двухъ большихъ фресокъ, которыя принадлежатъ къ числу лучшихъ украшеній мюнхенской галереи живописи.

Первое мѣсто между мюнхенскими художниками занимаетъ Петръ Корнеліусъ, основатель или, по крайней мѣрѣ, возобновитель дюссельдорфской школы, корифейъ всѣхъ германскихъ живописцевъ. Онъ раздѣляетъ до некоторой степени мнѣніе Гёте, что искусство тѣсно соединено съ благочестіемъ и только тогда становится истинно высокимъ, когда получаетъ вдохновеніе изъ религіи. Впрочемъ Корнеліусъ никогда не простираетъ этого убѣжденія до такой крайности какъ Шадовъ, Овербекъ и другіе. Стиль его прежде былъ простъ, спокоенъ, и отзывался старой немецкой школой; но въ послѣдствіи онъ усвоилъ себѣ манеру художниковъ, жившихъ въ средніе вѣки, и соединилъ германскую важность съ великолѣпнѣмъ италіанскимъ. Поэтому всѣ произведенія Корнеліуса носятъ на себѣ отпечатокъ оригинальности, принадлежащей только ему.

Теперь общее вниманіе знатоковъ и любителей обращено на послѣднюю картину Корнеліуса, представляющую Страшный Судъ. Эта гигантская фреска покрываетъ стѣну главнаго алтаря въ Ludwigskirche, новой церкви, пестроенной по рисункамъ Гертнера въ древнемъ италіанскомъ стилѣ. Картины фрески сдѣланы Корнеліусомъ въ 1834 и 1835 годахъ; живопись начата лѣтомъ 1836, когда художникъ только что оправился отъ тяжелой болѣзни, едва не повергшей его въ могилу. Идея картины — въра въ Бога какъ творца міра и судію чело­вѣковъ. Многое выполнено по античнымъ понятіямъ и преданіямъ : взявшись за предметъ, который занималъ кисть многихъ великихъ художниковъ, мюнхенской живописецъ необходимо долженъ былъ встрѣтиться съ ти-

ми въ некоторыхъ частяхъ. Главныя фигуры—Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, и ангелы, сгруппированныя по-сторонамъ. Но несмотря на это тяжелство въ общемъ планъ, некоторыя подробности совершенно оригинальны и обличаютъ въ художника высокое дарованіе. Особенно поразительна группа, изображенная внизу картины : дьяволъ ухватилъ женщину, и тащитъ ее въ преисподнюю ; но глубокое выраженіе отчаянія, приданное физиономіи несчастной грѣшницы, свидѣтельствуетъ, что сердце ея обратилось не совсемъ поздно, и рука добраго ангела, простертая для освобожденія погибающей, показываетъ, что молитвы ея услышаны. Подлѣ этой группы изображена фигура Людовика Баварскаго, погруженнаго въ благочестивое размышленіе. Борьба между злыми духами и осужденными грѣшниками исполнена сильной, оригинальной, но совершенно непринужденной экспрессіи : въ этомъ отношеніи Корнеліусъ нельзя сдѣлать упрека, справедливо заслуженнаго Рубенсомъ, который придалъ своимъ фигурамъ странныя и неестественныя положенія. Такъ же счастливо Корнеліусъ избѣжалъ его недостатковъ и въ изображеніи блаженныхъ душъ, которыхъ фигуры у голландскаго художника представляютъ просте куски краснаго и бѣлаго мяса. Зато едва ли кому понравится фигура Люцифера, который сидитъ спокойно и важно въ присутствіи самаго Бога и Искушителя : это большая несообразность.

Кромѣ фрески «Страшный Судъ», въ великолѣпной мюнхенской галерей путешественники не налюбуются на чудное изображеніе «Исторіи живописи въ среднія вѣка.» Оригинальный планъ этой фрески принадлежитъ самому королю, картоны сдѣлалъ Корнеліусъ, а выполнилъ профессоръ Циммерманъ съ своими учениками. Зала галереи раздѣлена на двадцать пять ложъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ : на восточной сторонѣ представлены нѣмецкіе, на западной итальянскіе художники. Выборъ сюжетовъ производитъ на зрителя самое поразительное дѣйствіе. Въ отдѣленіи нѣмецкой школы, прежде всего бросаются въ глаза фигуры Мавровъ, на картинѣ, представляющей побѣду Карла Мартелла въ 732 при Поатіе: эпоха, съ которой началось возрожденіе художествъ въ Германіи. Та же идея

изображена на окошкѣ, соответствующемъ этой картинѣ: ребенокъ дѣлаетъ *первые шаги* подъ руководствомъ матери. Слѣдующій сюжетъ—торжественное вшесеніе въ Кѣльнѣ мощей Трехъ Королей. По словамъ легенды, кѣльнскій соборъ нарочно построенъ для ихъ мощей, и первая школа живописи въ Германіи основана единственно для того чтобы украсить картинами это великолѣпное зданіе. На соответствующемъ окошкѣ *ребенокъ уже ходитъ свободно*, не качаясь изъ стороны въ сторону: эмблема быстрыхъ успѣховъ возникающаго искусства. Немного подалѣе, Губертъ ванъ-Эйкъ учитъ живописи сестру и брата, и подвигаетъ свои картины Филиппу Прекрасному, герцогу бургундскому. Въ шестомъ куполѣ представлены нѣкоторыя черты изъ жизни Ганса Гемлинга, который, сдѣлавшись живописцемъ, изобразилъ сцены изъ пророчества Святаго Іоанна и украсилъ ими бригскій госпиталь, гдѣ еще въ молодости приютили и вылечили его, убогаго, раненнаго солдата. Въ другой ложѣ видѣнъ Лука Лейденскій, бѣдный и изнуренный лихорадкою: лежа въ постели, онъ трудился надъ картономъ, который поставленъ передъ его глазами. Немного далѣе, Гансъ Голбейнъ, собираясь отплыть въ Англію, получаетъ отъ стараго Эразма рекомендательное письмо къ лондонскому мастеру Томасу Морусу; въ другой картинѣ Голбейнъ дѣлаетъ эскизъ своей «Пляски Мертвецовъ». Затѣмъ слѣдуетъ фигура Альбрехта Дюрера: художникъ пишетъ фрески, стоя на верху лѣстницы, которую, по свидѣтельству исторіи, поддерживалъ императоръ Максимилианъ своими царственными руками. Въ другой картинѣ тотъ же самый Альбрехтъ засѣдаетъ на праздникѣ, который дали въ честь ему антверпенскіе жители. Ложа семнадцатаго вѣка открывается фигурой Клавдія Лотарингскаго: онъ разсматриваетъ величественное захожденіе солнца; Амуръ и Психея, изображенные подлѣ, играютъ на лирѣ и двойной флейтѣ; Зефиръ прохлаждаетъ его своимъ дыханіемъ. Въ другомъ отдѣленіи этой ложи, является знаменитый Рембрандтъ. Передъ нимъ стоитъ Фантазъ, богъ видный, слабо освѣщенный бѣднымъ святомъ фонаря, между-тѣмъ какъ вдали виднѣется Ночь Съвера: аллегорія выражаетъ эффектные контрасты тѣни и свѣту, которые ча-

сто употреблялись Рембрандтомъ. Далѣе, вы останавливаетесь передъ мастерской фигурой Рубенса. При ногахъ этого живописца покоится Амуръ; позади стоитъ Вакханка; по бокамъ Изобиліе разсыпаетъ свои богатые дары. Во второй картинѣ Рубенсъ показываетъ Маріи Медичи рисунки, сдѣланные для Люксембургъ; въ третьей, художникъ является при лондонскомъ дворѣ какъ живописецъ и посланникъ. Этой группой оканчивается нѣмецкая школа живописи.

Западная сторона, посвященная италіанской школѣ, начинается такъ же какъ и восточная: Корнеліусъ изобразилъ Живопись, родившуюся въ объятіяхъ Архитектуры. Джованни Пизанскій получаетъ повелѣніе воздвигнуть въ Пизѣ Campo-Santo, великолѣпный памятникъ, украшенный впоследствии лучшими произведеніями знаменитыхъ художниковъ. Потомъ слѣдуетъ Чимабуэ, основатель флорентинской школы: молодой мальчикъ, Чимабуэ, любитъ на византійскихъ мастеровъ, работающихъ въ одной изъ флорентинскихъ церквей. Не въ далекомъ разстояніи, на окошкѣ, превосходно изображенъ анекдотъ о знаменитой картинѣ этого мастера, которую торжественно внесли въ церковь Santa-Maria-Novella. Постепенное уничтоженіе грубости, неизбежной спутницы младенчеству искусства, и усиленіи его въ слѣдующей эпохѣ, аллегорически представлены подъ фигурой исчезающей ночи, уступающей мѣсто разсвѣту.

Пропустимъ полтора столѣтія и остановимся на половинѣ пятнадцатаго столѣтія. Живопись дѣлаетъ быстрые усилья въ лицѣ фра Фіезоле, доминиканскаго монаха, прозваннаго Набожнымъ. Въ первой картинѣ Фіезоле расписываетъ монашескія кельи; далѣе онъ работаетъ въ одной изъ ватиканскихъ капеллъ въ присутствіи папы Мартина V, который даетъ ему свое благословеніе. Въ седьмой ложѣ является Піетро Вануччи, по прозванію Перуджино, имя, подъ которымъ онъ извѣстенъ какъ учитель Рафаэля. Фигуру Вануччи окружаютъ олицетворенія Любви, Цѣломудрія, Истины и Созерцанія, отличительныхъ свойствъ живописи этого художника. Въ слѣдующей ложѣ, Минерва и Граціи надѣляютъ Леонарда да-Винчи мудростію и кротостію; на другой картинѣ Леонардъ изображенъ умирающимъ въ объ-

тихъ Франциска I, короля французскаго. Въ окошкѣ написанъ спящій Корреджіо: во снѣ ему являетя гений лирическаго вдохновенія, но вслѣдъ за нимъ изъ-подъ комической маски выглядываетъ гений вдохновенія шутовскаго.

Въ венеціанской школѣ первое мѣсто занимаетъ Беллини, инициалы въ Константинополѣ портретъ султана. За нимъ фигура Тиціана, который рисуетъ портретъ Карла Пятаго: императоръ проникнутъ глубокимъ удивленіемъ къ гению художника, и къ изумленію придворныхъ, собственной рукой поднимаетъ кисть, которую тотъ уронилъ. Здѣсь сцена переносится. Вотъ Микель-Анджело, работающій въ Сикстинской Капеллѣ: папа Юлій II всходитъ на подмостки посмотреть на работу. Въ другой картинѣ Микель-Анджело, какъ ваятель, работаетъ ночью, при свѣтѣ лампы, надъ большой статуей Моисея. Тринадцатая ложа, занимающая середину галереи, вся посвящена Рафаэлю. Въ центрѣ, живописецъ, еще младенцемъ, стоитъ на колыскахъ передъ Мадонною, подъ крыломъ своего патрона, архангела Рафаэля; пониже видѣнъ онъ мальчикомъ въ лавкѣ отца своего; потомъ онъ уже юноша, работающій въ мастерской Перуджино, своего учителя; наконецъ, какъ великій художникъ, Рафаэль расписываетъ ложи ватиканскаго дворца. Въ послѣдней сценѣ изображена смерть этого гения. Папа Левъ X и кардиналъ Вембо, съ живѣйшимъ волненіемъ стоятъ при постелѣ умирающаго; вверху, надъ больнымъ, виситъ послѣднее его произведеніе, картина Преображенія; Форнарина не можетъ болѣе удержать печали, и въ отчаяніи бросаетъ на тѣло своего любезнаго. Выполненіе всѣхъ фресокъ совершенно соответствуетъ величію плана и красотѣ рисунковъ; въ некоторыхъ мѣстахъ легко угадать опытную кисть профессора Циммермана.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

Для скрипки, съ акомпаньементомъ.

(Цѣны на серебро.)

ВЕНЮТ. Mélodies italiennes sur des thèmes de Donizetti, Blangini, Winter, Vaccaÿ, Bertoni, Rossini, Mozart; avec accompagnement de piano. Numéros 1 à 12 à 29 cop.).

— Six études brillantes, avec accompagnement de piano. Oeuvre 17 (5 rb. 14 cop.).

HAUMANN. Premier air varié avec accompagnement de piano. Oeuvre 1 (1 rb. 14 cop.).

KALLIWODA. Quatrième concertino. Oeuvre 100; avec accompagnement d'orchestre (6 rb. 29 cop.).

— Le même avec piano (2 rb. 57 cop.).

LIPINSKY. Grande fantaisie sur des motifs de l'opéra : *I Puritani*, de Bellini. Oeuvre 28; avec accompagnement d'orchestre (5 rb. 14 cop.).

— La même avec piano (2 rb. 87 cop.).

LVOFF. Seconde fantaisie sur des airs nationaux russes, avec accompagnement d'orchestre. Oeuvre 5 (4 rb.).

— La même avec quatuor (2 rb. 57 cop.).

— La même avec piano (1 rb. 71 cop.).

PANOFKA. Reminiscences de *La Juive*. Divertissement brillant, avec accompagnement de piano. Oeuvre 28 (1 rb. 14 cop.).

— Air varié brillant et non difficile, avec accompagnement de piano, sur des motifs de l'opéra : *Le Sherif*, de Halévy. Oeuvre 29 (1 rb. 14 cop.).

SPONR. Sonst und Jetzt. Troisième concertino, avec accompagnement d'orchestre (6 rb. 85 cop.).

— Le même avec quatuor (3 rb. 43 cop.).

— Le même avec piano à quatre mains (3 rb.).

— Le même avec piano seul (2 rb. 29 cop.).

Для фортепiano.

ABRAMOWICZ. Masurque sur le *Poème d'amour*, de Henselt (57 cop.).

BURGMUELLER. Variations dans le style élégant sur l'air favori de l'opéra : *La Xacartilla*, de Marliani. Oeuvre 23 (1 rb. 14 cop.).

T. XLVII. — Отд. VII.

8½

- CERNY.** Souvenir théâtral. Collection périodique des fantaisies élégantes sur les motifs les plus favoris de nouveaux opéras à deux mains et à quatre mains, consistant en soixante cahiers. Oeuvre 247 (à 2 rb., à 2 rb. 50 cop.).
- DOENLER.** Nocturne. Oeuvre 24 (29 cop.).
- DUVERNOY.** Cavatine de Donizetti tirée de *Roberto Dévereux*, variée. Oeuvre 94 (86 cop.).
- Quatre petits rondeaux sur des motifs de Rossini, Meyerbeer, Weber et Bellini. Oeuvre 100. Liv. 1, 2 (à 86 cop.).
- HABERBIER.** Essais et études. 1. *Coeur insensé sois calme ou brise toi* (71 cop.). 2. *Terpsichore* (57 cop.). 3. *La Question* (57 cop.). 4. *Le Suisseau* (1 rb. 14 cop.). 5. *Romance sans paroles* (57 cop.). 6. *Capriccio passionato* (71 cop.).
- HERZ.** Grande fantaisie et variations brillantes sur des mélodies de Schubert. Oeuvre 185 (2 rb. 29 cop.).
- La Catalane-rondo-boléro. Oeuvre 116 (2 rb.).
- HUENTEN.** Quatre rondinos. Oeuvre 112. Cahiers 1, 2 (à 1 rb. 14 cop.).
- Trois airs variés Oeuvre 113. Mélodie de Donizetti (1 rb. 14 cop.). Mélodie de Vaccay (1 rb. 14 cop.). Mélodie de Proch (1 rb. 14 cop.).
- LASKOVSKY.** Valse à la Juive (57 cop.).
- Deux nocturnes (86 cop.).
- LEIST.** Chants sérieux de Beethoven, transcrits pour le piano (2 rb. 86 cop.).
- MENDELSSOHN-BARTHOLODY.** Andante cantabile et presto agitato (1 rb. 43 cop.).
- SCHUMANN.** Scherzo, toccata, gigue et romance. Oeuvre 32 (1 rb. 14 c.).
- THALBERG.** Souvenir de Beethoven, fantaisie. Oeuvre 39 (2 rb. 29 cop.).

(Въ эта описаніи предѣлены въ книжальницѣ магазинѣ «Одежда», на углу Большой Морской и Гороховой, въ домѣ Ширауха, № 114, и на Невскомъ Прозвонкѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ Вигельгарда, № 47.)

М О Д Ы.

— Въ июль мѣсяцѣ модѣ нѣтъ нѣ въ какой порядочной столицѣ. Въ июль мѣсяцѣ, Петербургъ и Парижъ — деревни: столица уѣхала за границу, уѣхала на воды или въ свои помѣстья, и увезла моды съ собою. Берегитесь подражать

не парадантъ вашихъ картиннакъ; и описаніе моды; и про-
ходившіе въ модѣ въ августѣ лѣтъ Парижскія: вы и подер-
гивосеи и паче всего дѣланы ио-новыи; во вѣчному обрѣзцу; и
новыи въ бриселлѣ и въ константѣ. Эти картинки, и описанія
составляютъ столько дѣла инокъ; юны тогда паче; и описанія
лица моды въ отсутствіе живаго крѣда; для лица (только
магерины и ребрѣнокъ; въ ризму, и не имья зинажкѣ, она
нигдѣ не появляются, но лица только Парижскія одусадель;
настанутъ лѣтніе жары, лица выйдутъ и; сѣлаю тогда
верисно проходимами, она описываютъ на берашинномъ,
гульбицами, театрами, и кубличными; обрѣзана и; за она
идеть сѣва, распоряжаются на земля тамъ сѣва, какъ буд-
то она дѣкъ принадлежала. Тогда-то являютъ вѣтривыи
негомонныя буфами, воланами, крѣвѣ, агранштанн, и тамъ
дѣать. Тогда-то возникають эти дивныя шланнн; съ новыи
рогныи ухищреніями. Тогда-то вырастають вѣт непон-
ятныя цвѣты, которые приводятъ въ изумленіе само солн-
ца. Старыя ткани, открытыя въ самомъ темномъ углу за-
печатаннаго втеченія пяти лѣтъ магазина, вдругъ дѣлаются
модными, безъ вѣдома моды: такъ древній *haïrin* воскресъ
въ прошломъ мѣсяцѣ въ Парижѣ. Смѣтливыя модистки
изобрѣтають для этой эпохи самыя экономныя изящества:
такъ образовались тамъ нынче канзу съ длинными концами
или полами, и размножились гроденаплевые и другіе спенсе-
ры; съ этимъ спенсеромъ всякое прошлогоднее изношенное
платье кажется новымъ; съ этими благодѣтельными хво-
стами у канезу, вся юбки, облитыя кофеемъ, приобрь-
тають видъ неукоризненной свѣжести. А модные жур-
налы выдають вамъ всё это за *nouveautés du meilleur*
goût, за *articles très-bien portés*!.... Не вѣрьте имъ, закли-
наю васъ именовъ вкусу. Это безстыдный обманъ. Я толь-
ко-что возвратилась изъ Парижа: я выѣхала оттуда двад-
цать-второго іюля и прибыла сюда тоже двадцать-второго.
Парижъ въ эту минуту — хуже всякой деревни. Какіе ко-
стюмы! какія сочетанія! какія изобрѣтенія! что за лица!
что за носы! что за уборы! что за шляпки! что за ноги!
что за перья! что за цвѣты!.... Воображеніе самой могу-
щественной паровой машины не выдумаетъ ничего болѣе
необычайнаго. Я видѣла тамъ нѣкоторыхъ петербургскихъ

медиство, истерический крикъ — *roule tambour* на раз-
tant vaît, — чтобы шипящею осыпавшеюся в Парижъ.
 О Боже! вели отецъ, осужденный въ этой тьмѣ бес-
 ную, перенесутъ на ваши головы и ваши платья вся эти
 адскія убранства: атеистовъ въ вѣлахъ настоящаго ноябр-
 снѣжа, Парижа! Я боюсь, что какъ-разъ увижу на васъ да-
 же шарфы-турбаны, убранный красными перьями, который,
 теперь, признается тамъ веркомъ шегольства, но который,
 весной, явственнѣе произведетъ бы восстаніе; *une émeute*.
 Истинными шеголихи, оставшіяся «во дѣлахъ» въ Парижѣ,
 ревнительно почитаютъ себя живущими гдѣ-то въ стѣнѣ, въ
 глуши, въ Саратовѣ. На одномъ модномъ гульбищѣ, улья-
 номъ всѣми этими шляпками, шляпо-турбанами, перьями,
 носами, воланами, крѣвѣ, буфѣ, ногами, цѣтлами, я встрѣ-
 тьла ввечеру прекрасную *madame de C****, знаменитую сво-
 имъ высокимъ вкусомъ и неподражаемымъ изяществомъ.
 Она прогуливалась съ своей сестрою. Обѣ онѣ были въ зе-
 леныхъ гроденанцевыхъ шляпкахъ дорожнаго фасону и въ
утреннихъ капотахъ. Когда я, смѣясь, замѣтила ей это,
 она пресерьіозно отвѣчала мнѣ: — *Mais il n'y a personne ici!*
*J'espère que nous sommes tout-à-fait seules!.... Н — а P****.

=

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-СЕДЬМАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Поединокъ. Изъ второй пѣсни Оссіанова «Фингала».	
<i>В. Дерикера</i>	5.
Элегія. <i>Н. Грекова</i>	8.
Стансы. <i>Н. Грекова</i>	9.
Могила. <i>Ивана Скачкова</i>	97.
Къ ней. <i>М. Д.....й</i>	102.
Истинное благо. <i>А. Майкова</i>	104.

ПРОЗА.

Эвелина де-Вальероль. Романъ <i>Н. В. Кукольника</i> .	
V. Приемы	11.
— VI. Маркизь де-Кокъ	105.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Старый холостякъ, или <i>Cousin Goeffrey</i> . Романъ Гука.	
Часть вторая и послѣдняя.....	1.

Олеиъ Камеронъ. Незданный романъ Вальтера Скотта	89.
--	-----

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Просвѣщеніе внутренней Африки	1.
Вазари. Біографія Микель-Анджело Буонароти. Часть первая.....	25.
— Часть вторая и послѣдняя.....	47.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Курсъ овцеводства. Барона <i>О. Б. Унгерн-Штернберга</i> . Чтеніе седьмое. — XI. Недостатки и пороки шерсти.....	1.
— Чтеніе осьмое. — XII. Мытье шерсти.....	29.
Новая машина для пряжи шелку, изобрѣтенная, на Петровскомъ Острову, А. О. Графомъ.....	15.

V.

КРИТИКА.

Объ Иппократѣ и его ученіи. Новое прагматическое сочиненіе.....	1.
Описаніе финляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ, по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ	71.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Июнь, 1841. Новые книги.....	1.
— — Разныя известія.....	12.
Июль, 1841. Новые книги.....	18.
— — Разныя известія.....	25.
Рекламація.....	30.

VII.

СМѢСЬ.

ІЮЛЬ.

Калотипъ, или Свѣтопечатная бумага господина Гальбота.....	1.
Превосходнѣйшій изъ всѣхъ телескоповъ. Открытіе сэръ Дэвида Брустера.....	3.
Открытіе сатурновыхъ колецъ около солнца и около земли.....	5.
Подземная дорога изъ Ломбардіи въ республику Семи Общинъ.....	9.
Фабрикація мозаическихъ картинъ и камеевъ въ Италіи.....	16.
Взятіе въ плѣнъ и умерщвленіе большаго каймана, или крокодила, близъ Маниль.....	19.
Пульке, кисляя щи Мексиканцевъ.....	20.
Приключенія англійскаго мичмана Мельфорда въ Китаѣ.....	21.
Нынѣшнія италіянскія пѣвицы. Шоберлехнеръ. Марини. Стрепони. Фрецдолини.....	62.
Новыя книги. Французскія и Нѣмецкія.....	65.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	73.
Моды.....	74.

АВГУСТЪ.

Состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи въ 1840 году. Отчетъ господина министра.....	75.
--	-----

Составъ атмосфернаго воздуха, по опытамъ господъ Дюма и Бусенго.....	83.
Ископаемая мука Умейская, въ Швеціи.....	84.
Наблюденія доктора Тревиліана надъ угрями.....	85.
Грибъ Огненной Земли, замѣняющій картофель.....	85.
Двѣ фрески въ мюнхенской галереѣ жемчужи.....	86.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	91.
Моды.....	92.

=

